

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ

Центр военно-политических исследований
МГИМО(У) МИД России

ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей»

А. И. Подберезкин, М. В. Александров, К. П. Боришполец,
Е. С. Зиновьева, В. В. Каберник, М. А. Мунтян,
О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, М. В. Харкевич

Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики

Том 1

**Теоретические основы системы анализа,
прогноза и планирования
внешней и оборонной политики**

Издательство
«МГИМО–Университет»

2015

УДК 327
ББК66.4
С83

Авторы:

А. И. Подберезкин, М. В. Александров, К. П. Боришполец,
Е. С. Зиновьева, В. В. Каберник, М. А. Мунтян, О. Е. Родионов,
Г. Р. Ручкин, М. В. Харкевич

С83 **Стратегическое прогнозирование и планирование
внешней и оборонной политики** : монография : в 2 т. / под
ред. А. И. Подберезкина. Моск. гос. ин-т междунар. отношений
(ун-т) МИД России, центр военно-полит. исследований. — М. :
МГИМО–Университет, 2015.

ISBN 978-5-9228-1238-2

Т. 1: Теоретические основы системы анализа, прогноза и плани-
рования внешней и оборонной политики — 2015. — 796 с. : ил.
ISBN 978-5-9228-1239-9

Данное двухтомное издание подготовлено коллективом Центра во-
енно-политических исследований МГИМО под общим руководством
профессора, д.и.н. А. И. Подберезкина. Данная книга представляет собой
первое в российской науке системное исследование по теории прогно-
зирования и планирования внешней и оборонной политики. Первый том
посвящен в основном теоретическим вопросам — методологии, различ-
ным приемам и методикам, применяемым в построении стратегических
прогнозов в области внешней и оборонной политики. В книге подроб-
но рассматриваются принципы и порядок формирования прогнозных
сценариев, их иерархия и взаимосвязь. Книга адресована специалистам,
занимающимся международной и военно-политической проблематикой,
научным работникам и студентам, экспертам и политологам, а также ши-
рокому кругу читателей, интересующихся вопросами внешней и оборо-
ной политики.

УДК 327

ББК66.4

ISBN 978-5-9228-1239-9 (т.1) © Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России, 2015

ISBN 978-5-9228-1238-2

Оглавление

Вступительное слово генерального директора	
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“» Я. В. Новикова	9
Предисловие	11
Список используемых сокращений	17
Понятийный аппарат	21
Глава I. Основы системы анализа, стратегического прогноза и планирования в области национальной безопасности	51
1.1. Политика и стратегический прогноз в области национальной безопасности	59
1.2. Взаимосвязь стратегического прогноза и стратегического планирования	63
1.3. Логическая схема анализа современной международной и военно-политической обстановки	66
1.4. Логическая схема стратегического прогноза международной и военно-политической обстановки	70
1.5. Влияние субъективных факторов на стратегический прогноз и планирование	74
Глава II. Стратегическое планирование в интересах национальной безопасности: отечественный и зарубежный опыт	77
2.1. Нивелирование роли субъективного фактора в стратегическом планировании	83
2.2. Проблема допущений в стратегическом планировании	93
2.3. Современное состояние стратегического прогнозирования и планирования в России	105
2.4. Новая роль военной силы в политике национальной безопасности государств	112
2.5. Отсутствие политико-идеологической базы для стратегического прогноза и планирования как фактор усиления субъективизма в политике	123
2.6. Опыт стратегического прогноза и планирования в России (на примере прогноза в области ИТ)	137

Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики

2.7. Практическая потребность в военном стратегическом прогнозе и планировании.....	150
2.8. Законодательно-нормативное обеспечение процесса стратегического планирования России.....	162

Глава III. Теоретические основы стратегического планирования в области национальной безопасности.....

3.1. Принципы стратегического планирования	182
3.2. Новые средства вооруженной борьбы.....	187
3.3. Основные тенденции развития традиционных средств вооруженной борьбы	195
3.4. Информационная война, сетецентрическая война и кибервойна: взаимосвязь с ВКО	201
3.5. Сетецентрическая война.....	209
3.6. Единое информационное пространство Евразии.....	229
3.7. Роль стратегических неядерных вооружений и ВТО.....	250
3.8. Морской сегмент ВТО: ПРО — защита или нападение?.....	264
3.9. Перспективы военного искусства и три ведущие тенденции развития ВиВТ в XXI веке.....	271
3.10. Новые основные цели войны в XXI веке	278
3.11. Эволюция военного искусства и стратегические неядерные вооружения.....	282
3.12. Стратегические неядерные вооружения как необходимый предмет переговоров	291
3.13. Евразийская интеграция и стратегические неядерные вооружения.....	297
3.14. Евразия и стратегические неядерные вооружения	304

Глава IV. Функциональная архитектура системы анализа, прогноза и стратегического планирования в интересах национальной безопасности.....

4.1. Основные модули функциональной архитектуры Центра системы анализа, оценки, прогноза и планирования	320
4.2. Необходимость разделения функций анализа, прогноза и стратегического планирования.....	331

4.3. Иерархичность архитектуры системы анализа и стратегического планирования.....	335
4.4. Опыт США в области стратегического прогнозирования и планирования внешней и оборонной политики.....	344
4.5. Стратегическое прогнозирование угроз в области национальной безопасности.....	347
Глава V. Системная архитектура и требования к технологической архитектуре системы анализа, прогноза и стратегического планирования в области национальной безопасности.....	357
5.1. Системная архитектура анализа и стратегического прогноза противодействия угрозам национальной безопасности России.....	364
5.2. Системная архитектура стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности.....	369
5.3. Требования к технологической архитектуре системы анализа, прогноза и стратегического планирования.....	371
Глава VI. Методический аппарат анализа, прогноза и стратегического планирования мер противодействия угрозам национальной безопасности.....	375
6.1. Требования к структуре и содержанию методик анализа, прогноза и стратегического планирования в области противодействия угрозам национальной безопасности.....	378
6.2. Логическая структура и основные общенаучные методы анализа, прогноза и стратегического планирования мер противодействия угрозам национальной безопасности.....	386
6.4. Системы и методы управления рисками при подготовке мер противодействия угрозам национальной безопасности.....	395
6.5. Анализ и стратегический прогноз международной и военно-политической обстановки в XXI веке: основные выводы.....	403

Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики

6.6. Военно-стратегические выводы: изменение значения отдельных видов и родов ВС	408
6.7. Кризис российской элиты и идентичности как ключевой элемент адекватности Военной доктрины России и стратегического планирования.....	413
6.8. Интеграция средств нападения и защиты в единый «наступательно-оборонительный» комплекс: новая роль ВКО.....	424

Глава VII. Предложения по порядку создания системы анализа, прогноза и стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности

	433
7.1. Общие принципы построения системы стратегического планирования	436
7.2. Новая Военная доктрина России как основа для адекватного стратегического прогноза и планирования	454
7.3. Понятия и термины, используемые в Военной доктрине.....	463
7.4. Военная доктрина: анализ и прогноз военных опасностей и военных угроз при стратегическом планировании	468
7.5. Военная политика, стратегический прогноз и стратегическое планирование в России.....	476
7.6. Стратегическое планирование и военная экономика	491

Глава VIII. Методология стратегического прогнозирования сценариев развития международной и военно-политической обстановки

	507
8.1. Состояние и перспектива стратегических прогнозов сценариев развития ЧЦ, МО, ВПО и СО.....	510
8.2. Теория цивилизаций как основа научной методологии прогнозирования сценариев развития ЧЦ, МО, ВПО и СО.....	528
8.3. Принципы стратегического прогнозирования развития сценариев ЧЦ, МО, ВПО и СО.....	539

Глава IX. Порядок формирования сценариев развития ЧЦ, МО, ВПО и СО	553
9.1. Некоторые вопросы методологии формирования сценариев развития ЧЦ, МО, ВПО и СО.....	557
9.2. Порядок формирования сценариев развития человеческой цивилизации.....	564
9.3. Порядок формирования сценариев развития международной обстановки	579
9.4. Порядок формирования сценариев развития военно-политической и стратегической обстановки.....	581
Глава X. Показатели совокупного и сетевого потенциала государств, конфликтности национальных интересов и их свертка в отношении к России	587
10.1. Совокупный и сетевой потенциал государств и коалиций: текущие и прогнозные значения показателей	591
10.2. Политика и конфликт национальных интересов в международной и военно-политической обстановке	597
10.3. Показатели конфликтности национальных интересов и их свертки в отношении России.....	601
10.4. Индикаторы экономического развития и другие показатели совокупного потенциала России до 2030 и 2050 годов	603
Глава XI. Характеристика сценариев развития человеческой цивилизации на период до 2050 года	611
11.1. Анализ сценариев и прогнозов развития человеческой цивилизации до 2050 года.....	615
11.2. Ключевое значение анализа и прогноза сценариев развития ЧЦ для военно-политического анализа и стратегического прогноза	624
Глава XII. Формирование сценариев развития международной обстановки	639
12.1. Основы анализа и стратегического прогноза международной обстановки	644

Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики

12.2. Анализ сценариев и прогнозов развития международной обстановки	648
12.3. Значение количественных и качественных показателей в долгосрочном прогнозе сценариев развития международной обстановки	661
12.4. Анализ соотношения объективных и субъективных интересов в прогнозе сценариев развития международной обстановки	687

Глава XIII. Методология стратегического прогнозирования военных угроз

13.1. Определение характера и типологии военных угроз на текущий и прогнозируемый период	704
13.2. Исходные данные для прогнозирования военных угроз	712
13.3. Методика прогнозирования военных угроз на основе модели баланса сил	717
13.4. Динамическая модель баланса сил как способ оперативного прогнозирования военных угроз.....	725

Глава XIV. Кооперационный и конфронтационный сценарии развития ЧЦ, МО, ВПО и СО как пример применения методологии стратегического прогнозирования.....

14.1. Современное состояние человеческой цивилизации.....	735
14.2. Сценарии развития человеческой цивилизации.....	748
14.3. Кооперационные сценарии развития международной обстановки	759
14.4. Конфронтационные сценарии развития международной обстановки	766
14.5. Вероятные сценарии развития военно-политической и стратегической обстановки вокруг РФ.....	777

**Вступительное слово
генерального директора
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»
Я. В. Новикова**

Предлагаемое Вашему вниманию двухтомное издание Центра военно-политических исследований МГИМО без преувеличения является уникальным научным трудом. Подготовленная коллективом авторов под руководством директора ЦВПИ профессора А.И. Подберезкина, данная работа представляет собой первое в российской науке системное исследование по теории прогнозирования и планирования внешней и оборонной политики.

Важнейшим научным достижением авторского коллектива является разработка своей оригинальной методологии стратегического прогнозирования, основанной на теории цивилизаций с экстраполяцией основных тенденций мирового развития.

В книге анализируются различные сценарии развития международной, военно-политической и стратегической обстановки вокруг РФ, произведена их систематизация и сделаны

выводы относительно вероятности их реализации. Кроме того, в работе подробно рассмотрены новые явления международной жизни, такие как применение «мягкой силы», средства и методы ведения информационной, сетевидной и гибридной войны.

Подборка и систематизация материала в рамках данной работы, сделанные там оценки и выводы, позволят читателю получить целостную картину современных подходов к теории стратегического прогнозирования и планирования в области внешней и оборонной политики. В книге содержится много новых идей, оценок, наблюдений и выводов, а также практических рекомендаций, актуальных для прогнозирования международных отношений, военно-политической и стратегической обстановки в мире.

Думается, что данная книга будет интересна специалистам-практикам, занимающимся международной и военно-политической проблематикой, научным работникам и студентам, экспертам и политологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами внешней и оборонной политики.

Генеральный директор
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»
Я. В. Новиков

Предисловие

Перспективы развития международной и военно-политической обстановки вокруг России стали в последнее время объектом бурной дискуссии в политических и экспертных кругах страны. Это явилось следствием событий на Украине, которые подвели черту под эволюционным и относительно мирным периодом развития человеческой истории. Мир вступает в тяжелые времена. Какими они будут, и к чему следует готовиться России, волнует не только политиков, но и самые широкие круги российской общественности.

Между тем, серьезных исследований в области стратегического прогнозирования развития международной и военно-политической обстановки в России пока не проводилось. До сих пор стратегические прогнозы в различных областях, как у нас, так и на Западе носили преимущественно интуитивный характер. Они, как правило, основывались на эмпирическом знании определенной группы экспертов и эклектическом подборе фактического материала. В принципе, такие прогнозы тоже полезны, но, как правило, они не носят системного характера и сильно подвержены субъективизму.

Что касается прогнозов, публикуемых на Западе, то абсолютное большинство из них создается в пропагандистских целях, в интересах информационного воздействия на другие государства и народы, а также на аудиторию собственной страны. Целью таких прогнозов является повлиять на общественное сознание, подтолкнуть умонастроения людей в определенном

желаемом направлении или дезориентировать потенциальных противников и конкурентов. В таких прогнозах фактура и аналитика носят эклектичный характер, а сами выводы подгоняются под уже заданный результат. Естественно, рассматривать подобные разработки как основу для реального внешнеполитического и оборонного планирования не целесообразно.

В этом контексте появление монографии «Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики» оказалось весьма своевременным. Она представляет собой, пожалуй, первую в российской науке попытку предложить целостную систему прогнозирования и планирования в области внешней и оборонной политики. Не будет большим преувеличением сказать, что проведенное исследование является уникальным продуктом. Подобных системных работ по военно-политической проблематике в России пока не выходило. Сложно найти столь основательные публикации на данную тему и в западных источниках, по крайней мере, тех, что открыты для публичного доступа.

Отсутствие подобных разработок в России в предшествующие годы, несмотря на их очевидную востребованность, объяснялось недостаточным вниманием к комплексному анализу военно-политической проблематики. Одновременно в обществе преобладали иллюзии о безмятежном, мирном будущем человечества. И лишь события последних нескольких лет, и в особенности, гражданская война на Украине, спровоцированная вмешательством Запада, привели к тому, что эти иллюзии стали изживаться. Как следствие, работы по проблематике военно-политического прогнозирования и планирования получили повышенный приоритет, а Центр военно-политических исследований (ЦВПИ), занимающийся в МГИМО разработками в этой области — зеленый свет на осуществление соответствующих исследований.

Как справедливо отметил Председатель Государственной Думы РФ С. Е. Нарышкин: «Сегодня крайне актуальны и вос-

требованы профессиональные и фактически обоснованные прогнозы геополитического характера. Заранее понимая, в каком направлении и в какой динамике будет меняться та или иная ситуация, можно упредить многие вызовы, а также избежать ошибок и упущений в стратегическом планировании, в том числе, в сфере законотворчества»¹.

Действительно, грамотный стратегический прогноз позволяет трезво оценивать ситуацию, видеть сегодняшние и будущие угрозы национальной безопасности, формулировать адекватное представление о балансе сил и реальном потенциале сдерживания, о существующих очагах напряжённости на планете и качестве международного сотрудничества в целом. Между тем, построение успешного стратегического прогноза, особенно на долгосрочную перспективу, дело не простое. И с этой точки зрения роль данной публикации трудно переоценить.

В книге предложена развернутая научная методология стратегического прогнозирования в области внешней и оборонной политики. Эта методология позволяет строить комплексные прогнозы, учитывающие динамику развития человеческой цивилизации, международной и военно-политической обстановки. Прогнозы, сделанные на базе этой методологии, создают хорошую основу для эффективного планирования внешней и оборонной политики. Такой комплексный подход к долгосрочному стратегическому планированию поможет российскому руководству, государственным структурам и оборонному комплексу должным образом подготовиться к нарастающей турбулентности в современных международных отношениях.

К публикации этой книги ЦВПИ пришел не сразу. Ее появлению на свет предшествовал выход нескольких докладов,

¹ Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития : аналитич. доклад / А. И. Подберезкин, Р. Ш. Султанов, М. В. Харкевич [и др.] ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. — М. : МГИМО-Университет, 2014. С. 3.

посвященных вопросам стратегического прогнозирования². В основу этих докладов легли, главным, образом идеи и разработки директора ЦВПИ, профессора МГИМО А. И. Подберезкина, который в течении многих лет углубленно занимался исследованиями военно-политических проблем. Именно благодаря его усилиям школа военно-политических исследований в МГИМО была сохранена и получила новые импульсы развития.

Книга «Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики» является логическим продолжением более общего проекта, связанного с прогнозом внешних опасностей и военных угроз Российской Федерации в будущем, а также, соответствующими мерами по их нейтрализации в тех или иных вариантах. Проект охватывает несколько тематических изданий, уже опубликованных в 2011–2014 гг. В частности, некоторые материалы были опубликованы в работе «Военные угрозы России»³. В ней акцент был сделан на анализе эволюции

² Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития : аналитич. доклад / А.И. Подберезкин, Р.Ш. Султанов, М.В. Харкевич [и др.] ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. — М. : МГИМО–Университет, 2014. — 167 с.; Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки: аналитич. доклад / А.И. Подберезкин, Р.Ш. Султанов, М.В. Харкевич [и др.]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 106 с.; Долгосрочное прогнозирование международной военно-политической обстановки : аналитич. доклад / А.И. Подберезкин, М.А. Мунтян, М.В. Харкевич [и др.], рук. авт. коллектива А.И. Подберезкин, Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. — М. : МГИМО–Университет, 2014. — 159 с.; Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналитич. доклад / А.И. Подберезкин, М.А. Мунтян, М.В. Харкевич [и др.]; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. — М.: МГИМО–Университет, 2014. — 198 с.

³ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У), 2014. — 268 с.

факторов внешнего воздействия на геополитическое положение России и прогнозе внешних и военных угроз до 2020–2030 годов. В том же 2014 году ЦВПИ издал объемный сборник статей экспертов центра, посвященный вопросам анализа и прогнозирования международной обстановки⁴.

В содержании книги также нашли продолжение идеи, первоначально изложенные в других авторских монографиях, посвященных вопросам российской стратегической безопасности, «Евразийская воздушно-космическая оборона»⁵ и «Евразия и Россия»⁶. Именно эти аспекты национальной безопасности нашей страны — евразийская военно-политическая интеграция и новые возможности воздушно-космической обороны России, — являются важнейшими факторами, которые необходимо учитывать при разработке стратегического прогноза и военно-политического планирования России до середины XXI века.

Структурно книга «Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики» состоит из двух томов. Первый том посвящен в основном теоретическим вопросам — методологии, различным методикам и приемам, применяемым в построении стратегических прогнозов в области внешней и оборонной политики. В книге подробно рассматриваются принципы и порядок формирования прогнозных сценариев, их иерархия и взаимосвязь, а также критически анализируются существующие сценарии, предложенные другими авторами. Там также содержатся рекомендации по созданию государственных и научных структур, необходимых для анализа, прогнозирования и планирования внешней и оборонной политики.

⁴ Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. МГИМО(У). М.: МГИМО, 2014. — 874 с.

⁵ Подберезкин А. И. Евразийская воздушно-космическая оборона. М.: МГИМО(У), 2013. — 473 с.

⁶ Подберезкин А. И. Боришполец К. П., Подберезкина О. А. Евразия и Россия. М.: МГИМО(У), 2014. — 515 с.

Второй том имеет более прикладной характер. По существу, в нем на практике применяются теоретические и методические положения, изложенные в первом томе. Главное внимание уделяется разработке конкретных сценариев развития человеческой цивилизации, международной, военно-политической и стратегической обстановки. На базе этих сценариев высказываются предположения о возможных военных угрозах Российской Федерации на отдельных стратегических этапах. Также рассматривается характер военных конфликтов будущего, в которые по различным причинам может быть вовлечена Россия.

Подводя общий итог, необходимо констатировать, что в книге содержится много новых идей, наблюдений и оценок, а также практических предложений, актуальных для прогнозирования международных отношений и военно-политической обстановки в мире. Подборка и систематизация материала в рамках данной работы, сделанные в ней выводы и рекомендации позволят читателю получить целостную картину современных подходов к методологии стратегического прогнозирования. При определенных корректировках изложенная в книге методология может быть применена и в других областях государственной политики, например, в экономике.

По этим причинам книга будет интересна специалистам, занимающимся международной и военно-политической проблематикой, а также государственным управлением в целом. Книга адресована как — политикам, политологам, журналистам, историкам, дипломатам, студентам — так и всем интересующимся вопросами военно-политического прогнозирования и планирования.

Список используемых сокращений

АСЕАН	Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
АСП	анализ стратегических прогнозов
АТР	Азиатско-Тихоокеанский регион
БЛА	беспилотный летательный аппарат
БРВЗ	баллистическая ракета «воздух–земля»
БРИКС	группа из пяти стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика
ВиВТ	вооружения и военная техника
ВКВ	Воздушно-космические войска
ВКО	воздушно-космическая оборона
ВПО	военно-политическая обстановка
ВПС	мировая военно-политическая система
ВТО	высокоточное оружие
ГЗЛА	гиперзвуковой летательный аппарат
ГНСР МО	группа негативных сценариев развития международной обстановки
ГНСЦР МО	группа нейтральных сценариев развития международной обстановки
ГПСР МО	группа позитивных сценариев развития международной обстановки
ГПУ	грунтовые пусковые установки
ЕврАзЭС	Евразийское экономическое сообщество
ЕС	Европейский союз
ЕТП	единое транспортное пространство

ИКАО	Международная организация гражданской авиации
КР	крылатая ракета
КСП ПРО	комплекс средств преодоления ПРО
ЛАГ	Лига арабских государств
МБР	межконтинентальные баллистические ракеты
МО	Международная обстановка
НАТО	Организация Североатлантического договора
НТП	научно-технический прогресс
НЧК	национальный человеческий капитал
ОАЭ	Объединенные Арабские Эмираты
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОВД	Организация Варшавского договора
ОДЭР	Организация за демократию и экономическое развитие
ООН	Организация Объединенных Наций
ОЭСР	Организации экономического сотрудничества и развития
ПРО	противоракетная оборона
РЛС	радиолокационная станция
СААРК	Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии
СВА	Северо-Восточная Азия
СЕ	Совет Европы
СЕАП	Совет евроатлантического партнерства
СЕНКООП	Сотрудничество центрально-европейских государств
СИПРИ	Стокгольмский институт исследования проблем мира
СКР	стратегические крылатые ракеты
СМП	Северный морской путь
СНБ	Совет национальной безопасности США
СНГ	Содружество Независимых Государств

Список используемых сокращений

СО	стратегическая обстановка
СПРН	система предупреждения о ракетном нападении
СЯС	Стратегические ядерные силы
ТАП	трансатлантическое партнерство
ТБ	тяжелый бомбардировщик
ТЛУ	транспортно-логистические услуги
ТТП	Транстихоокеанское партнерство
ЦИНК	Центр изучения национальных конфликтов
ЧЦ	человеческая цивилизация
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества
ЮНЕСКО	Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры
ЯБЗ	ядерный боезаряд

Понятийный аппарат

При анализе, стратегическом прогнозировании и стратегическом планировании важное методологическое значение имеет используемый научный аппарат. Тем более что и за рубежом, и в России существует немало принципиального непонимания и существенных разночтений в отношении важнейших военно-политических терминов и понятий. Ситуация осложняется еще и тем, что нет четкого представления и устоявшихся понятий в этой сфере и за рубежом, где идет бурный процесс интеллектуализации военной политики, что уже привело к появлению десятков тысяч новых терминов и понятий.

В настоящей работе понятийный аппарат, используемые в тексте научные понятия будут применяться в следующей их интерпретации:

алгоритм — последовательность четко определенных действий, выполнение которых ведет к решению задачи. Алгоритм, записанный на языке машины, есть программа решения задачи;

анализ — логический прием определения понятия, когда это понятие разлагают по признакам на составные части с целью ясного и полного познания. Анализ — «исследование» по частям, первый этап изучения (структуры, свойств, состава);

атрибутивный поиск — поиск информации по явно заданным значениям признаков (атрибутов);

база данных — система хранения данных, обеспечивающая оперативный доступ к информации по содержанию хранимых

данных; множество логически совместимых структурированных файлов данных;

банк данных — совокупность нескольких баз данных с программами управления ими и совместимыми аппаратными средствами;

безопасность информации — состояние защищенности информации, обрабатываемой средствами вычислительной техники или автоматизированной системы, от внутренних или внешних угроз;

бизнес данные — информация о людях, местах, вещах, правилах ведения бизнеса и событиях;

b2b (business-to-business) — в современном понимании это организация комплексного информационного и торгового взаимодействия между компаниями посредством электронных коммуникационных сетей (интернет, интранет, мобильные и другие сети связи);

веб (www)-сервер — программный продукт, обеспечивающий доступ ко всей информации во «Всемирной паутине».

видеоконференц-связь — информационная технология организации дистанционного визуального группового общения, проведения совещаний, обучения в виртуальной реальности, создающая атмосферу, близкую к реальности;

военная безопасность Российской Федерации (далее — военная безопасность) — состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующееся отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять;

военная доктрина Российской Федерации (далее — Военная доктрина) является одним из основных документов стратегического планирования в Российской Федерации и представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации;

военная опасность — состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующее совокупностью факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению военной угрозы;

военная организация государства (далее — военная организация) — совокупность органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, составляющих ее основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, а также тех частей производственного и научного комплексов страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооруженной защите и саму военную защиту России;

военная политика — деятельность государства по организации и осуществлению обороны и обеспечению безопасности Российской Федерации, а также интересов ее союзников;

военная угроза — состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующее реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооруженному насилию);

военное планирование — определение порядка и способов реализации целей и задач развития военной организации, строительства и развития Вооруженных Сил и других войск, их применения и всестороннего обеспечения;

военное планирование в Российской Федерации — составная часть военных мер организации обороны Российской Федерации, заключающаяся в определении порядка и способов реализации целей и задач развития военной организации, строительства и развития Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, их применения и всестороннего обеспечения. Посредством военного планирования

определяется последовательность действий по достижению целей планируемых процессов — ведения обороны, военного строительства, обеспечения обороны, информационного противоборства и управления обороной Российской Федерации;

военно-политическая обстановка (ВПО) — состояние мировой военно-политической системы в определенный период времени, характеризующее состав субъектов военной политики, их состоянием и особенностями военно-политических отношений между ними. ВПО оценивается совокупностью результатов действий одних субъектов военно-политических отношений в отношении других;

военно-политические отношения — процесс взаимодействия субъектов военной политики во внешнеполитической, военной, социально-политической, экономической, идеологической и других сферах, в ходе которого проявляются их национальные, государственные, коалиционные и иные интересы. Военно-политические отношения в каждой сфере взаимодействия представляют собой определенную совокупность акций, мероприятий, проводимых субъектами военной политики в целях реализации своих интересов, достижения определенного их баланса, соотношения. Процесс взаимодействия субъектов военной политики имеет определенные фазы (этапы) развития, различающиеся степенью напряженности военно-политических отношений;

военный конфликт — форма разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы (понятие охватывает все виды вооруженного противоборства, включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты);

вооруженный конфликт — вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт);

геоинформационная система — система фактографической и аналитической информации о состоянии географической среды (региона, города и т. д.) и показателях, относящихся к экономическому состоянию территориально распределенных объектов;

гипермедиа — компьютерная совокупность нелинейно связанных записей текстов, графики, речи, аудио, видео, музыки, мультимедиа и т. п., позволяющая их составлять, увязывать и читать в произвольном порядке;

гипертекст — объединение взаимосвязанных по тематике фрагментов множества текстов (документов), которое порождает новый текст на основе оригинальных фрагментов, заимствованных в исходных текстах.

глобальная информационная сеть — соединение нескольких региональных сетей компьютеров между собой каналами (линиями) связи для передачи информации между регионами и странами с целью совместной обработки.

государственная программа Российской Федерации — система мероприятий (взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления и ресурсам) и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и безопасности, определенных в концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации;

государственная программа субъекта Российской Федерации — увязанный по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления комплекс мероприятий, направленный на наиболее эффективное решение задач социально-экономического развития субъекта Российской Федерации;

государственное прогнозирование — регламентируемая законодательством Российской Федерации деятельность федеральных органов государственной власти, органов

государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления с участием общественных, научных и иных организаций по разработке научно-обоснованных представлений о возможных рисках социально-экономического развития и угрозах национальной безопасности Российской Федерации, направлениях и результатах социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, определению параметров социально-экономического развития Российской Федерации, достижение которых обеспечивает реализацию целей социально-экономического развития Российской Федерации и приоритетов социально-экономической политики с учетом задач национальной безопасности Российской Федерации;

государственное стратегическое планирование — регламентируемая законодательством Российской Федерации деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления с участием профессиональных союзов и объединений работодателей, общественных, научных и иных организаций по государственному прогнозированию, программно-целевому и территориальному планированию, а также мониторингу реализации документов государственного стратегического планирования, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации и укрепления национальной безопасности;

государственное стратегическое планирование (стратегическое планирование в Российской Федерации) — регламентируемая законодательством Российской Федерации деятельность федеральных органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, общественных, научных и иных организаций по государственному прогнозированию, программно-целевому планированию и стратегическому контролю

направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации и укрепления национальной безопасности;

данные — информация, записанная (закодированная) на «языке машины»;

делопроизводство — комплекс мероприятий по реализации документационного обеспечения управления (ДОУ) предприятия или организации, систематизация архивного хранения документов, обеспечение движения, поиска, хранения и использования документов.

Для целей настоящего Федерального закона применяются следующие термины и понятия¹:

документ — информационное сообщение в бумажной, звуковой или электронной форме, оформленное по определенным правилам (стандартам), заверенное в установленном порядке;

документ государственного стратегического планирования — документированная информация, разрабатываемая, рассматриваемая и утверждаемая органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и иными участниками государственного стратегического планирования в соответствии с требованиями, установленными нормативными правовыми актами, указанными в статье 2 настоящего Федерального закона, в целях обеспечения процесса государственного стратегического планирования;

документирование — процесс создания документов, то есть их составления, оформления и изготовления;

документооборот — система создания, интерпретации, передачи, приема и архивирования документов, а также контроля за их исполнением и защиты от несанкционированного доступа;

¹ Проект федерального закона № 143912-6 «О государственном стратегическом планировании» / URL: <http://sroportal.ru/laws/proekt-federalnogo-zakona-143912-6-o-gosudarstvennom-strategicheskom-planirovanii/>

долгосрочный период (перспектива) — период продолжительностью более 6 лет;

единое информационное пространство — наличие информационно-технологической инфраструктуры, в рамках которой обеспечиваются прозрачность и легкость непрерывного доступа к любой циркулирующей на предприятии информации;

задача социально-экономического развития — ограниченный по времени комплекс взаимосвязанных мероприятий в рамках направления достижения цели социально-экономического развития;

закономерность концентрации и рассеяния информации — закономерность, согласно которой основная часть информации концентрируется в сравнительно небольшом числе источников, а остальная информация рассеяна по значительно большему числу источников;

закономерность повышения стоимости информации по мере увеличений ее полноты — информация не есть бесплатное благо: стоимость ее сбора резко повышается по мере увеличения полноты информации, извлекаемой из информационной системы;

знание — проверенный практикой опыт познания окружающего мира, отражение действительности в мышлении человека;

идентификация — отождествление, признание тождественности по совокупности общих и частных признаков;

индексирование — описание содержания документов посредством формализованного информационного языка, принятого в системе описаний документов;

интеллект — способность человека рассуждать, делать умозаключения и выводы. Человек пытается повысить «интеллектуальные возможности» машины, передавая ей все более сложные функции по поиску и обработке информации;

интеллектуальная собственность — особый объект имущественных прав, возникающий в результате многих видов творческой деятельности, в том числе в предпринимательстве;

интеллектуальная экономика — способ производства, распределения и потребления товаров и услуг посредством компьютерных информационных систем, конструируемых клиентами по своим индивидуальным вкусам;

интерфейс — сопряжение средств объектов информатики (информации, данных, программ, аппаратуры, конечного пользователя), в котором все информационные, логические, физические и электрические параметры отвечают предварительно выработанным соглашениям (стандартизованным протоколам), для обеспечения программно-аппаратной и эргономической совместимости;

информатизация — насыщение производства и всех сфер жизни и деятельности всевозрастающими потоками информации. Термин информатизация образован, как сочетание терминов «информация» и «автоматизация»;

информатика — отрасль науки, изучающая структуру и общие свойства научной информации, а также вопросы, связанные с ее сбором, хранением, поиском, переработкой, преобразованием, распространением и использованием в различных сферах деятельности;

информационная грамотность — навыки общения конечного пользователя с компьютером, обеспечивающие получение знаний и информации с помощью ЭВМ;

информационная потребность — осознанное понимание различия индивидуального знания, определяемое разностью между субъективным восприятием предмета деятельности и уровнем знаний об этом предмете, накопленных обществом;

информационная система руководителя (ИСП, Executive Information System, EIS) — компьютерная система, позволяющая получать информацию, создавать ее и предоставлять в распоряжение старшего управляющего персонала с ограниченным опытом обращения с ЭВМ;

информационная технология — совокупность методов, производственных процессов и программно-технических

средств, объединенных в технологическую цепочку, обеспечивающих сбор, хранение, обработку, вывод и распространение информации для снижения трудоемкости процессов использования информационного ресурса, повышения их надежности и оперативности;

информационное общество — постиндустриальная цивилизация, в которой главным ресурсом являются информация и знания;

информационное хранилище — архивная активная электронная система для сбора, доставки, хранения, анализа и предоставления информации для подготовки управленческих решений;

информационно-технологическая инфраструктура — согласованно работающий аппаратно-программный комплекс вычислительных средств предприятия, включая локальные и глобальные вычислительные сети, а также ресурсы, работающие через удаленный доступ или сеть интернет;

информационный запрос — текст на естественном языке, выражающий определенную потребность в информации;

информационный поиск — процесс извлечения информации из информационной системы в соответствии с признаками этой информации;

информационный продукт — послание, информационное сообщение и/или носитель информации (экран компьютера, бумага, магнитная лента, магнитный диск, оптический диск и др.), предоставляемый в пользование потребителю;

«информационный рай» — возможность практически мгновенно и просто подключаться к любым электронным базам данных и использовать их для активного обучения, повышения квалификации, развлечения, творчества в интересах бизнеса или культуры;

информация (лат. informatio — разъяснение, изложение) — отчужденное знание, выраженное на определенном языке в виде знаков алфавита, записанное на материальный

носитель, доступное для воспроизведения без участия автора и переданное в каналы общественной коммуникации;

искусственный интеллект — имитация некоторых видов человеческой интеллектуальной деятельности в электронных системах;

исследование данных (data mining) — метод поиска информации в данных, подразумевающий использование статистических, оптимизационных и других математических алгоритмов, позволяющих находить взаимозависимости данных (корреляция, классификация и т. д.) и синтезировать дедуктивную информацию;

качественные показатели — субъективные показатели, не поддающиеся количественным измерениям, либо являющиеся производными от таких измерений;

качество информации — степень снижения состояния неопределенности экономического субъекта, степень продвижения к цели, приращение тезауруса;

киберкорпорация (гр. kybernetike — искусство управления и лат. corporatio — объединение, сообщество) — экономический субъект, инновационный участник рыночных отношений, постоянно изучающий изменения в деловой жизни и реагирующий введением инноваций в свою деятельность, чтобы завоевать, удержать и укрепить позиции на рынке;

киберпространство виртуальной реальности — возможность для пользователя информационной системы «вовлечься» в действия, разворачивающиеся в виртуальной реальности;

ключевое слово — слово естественного языка, выражающее в заданном контексте смысл существа излагаемого вопроса;

количественные показатели — физические, экономические, социологические, математические и иные показатели, предполагающие количественное измерение;

количество информации — числовая мера объема информации, например числа двоичных битов или байтов в тексте;

коммуникации (лат. communicatio — связь) — процесс передачи сообщений, когда изменение в одной системе (или части) вызывает вещественно-энергетическое изменение в другой;

компьютер (англ. computer — вычислитель) — автоматическое программно-управляемое устройство обработки цифровой информации;

компьютерный вирус — программа, обычно скрывающаяся внутри других программ, способная сама себя воспроизводить и приписывать себя к другим программам без ведома и согласия пользователя, а также выполняющая ряд нежелательных действий на компьютере;

контекстный поиск — возможность поиска информации и любых понятий в наборе документов, в отдельном документе или его фрагменте, а также в базе данных при контекстном индексировании последних;

контроллинг — функция управления бизнесом для анализа, подготовки и выполнения управленческих решений: планирования, мониторинга, подготовки отчетов, совещательной функции, информирования;

концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации — документ государственного стратегического планирования, определяющий систему научно обоснованных представлений о долгосрочных целях, внешних и внутренних условиях социально-экономического развития Российской Федерации и задачах, которые необходимо решить для достижения поставленных целей;

корпоративный информационный портал — средство коллективной работы сотрудников предприятия (организации) с корпоративными территориально распределенными информационными и внешними ресурсами на основе применения веб-технологий;

корректировка документа государственного стратегического планирования — частичное изменение текста документа

без изменения периода, на который разрабатывался документ государственного стратегического планирования;

критерий — признак, мерило, основание для принятия решения об оценке чего-либо на соответствие предъявляемым требованиям;

критическое (пороговое) значение показателя обеспечения национальной безопасности — количественная характеристика угрозы национальной безопасности, то есть прямой или косвенной возможности нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства;

крупномасштабная война — война между коалициями государств или крупнейшими государствами мирового сообщества, в которой стороны будут преследовать радикальные военно-политические цели. Крупномасштабная война может стать результатом эскалации вооруженного конфликта, локальной или региональной войны с вовлечением значительного количества государств разных регионов мира. Она потребует мобилизации всех имеющихся материальных ресурсов и духовных сил государств-участников;

линии связи — средства передачи информации между компьютерами, использующие различные физические среды, в том числе провода, кабели, стеклянное оптоволокно, электромагнитные и инфракрасные поля;

локальная война — война между двумя и более государствами, преследующая ограниченные военно-политические цели, в которой военные действия ведутся в границах противоборствующих государств и которая затрагивает преимущественно интересы только этих государств (территориальные, экономические, политические и другие);

локальная информационная сеть — соединение нескольких компьютеров между собой линиями связи для передачи

информации между подразделениями предприятия в целях совместной работы;

медиа (англ. media — средства) — интегральный универсальный носитель;

метаданные — данные, описывающие данные. Примеры метаданных включают описания элементов данных, типов данных, атрибутов/свойств, подчиненности/месторасположения, процессов/методов и др.;

метод — *здесь* алгоритм, процедура конкретных приемов целенаправленных действий, предназначенных для решения конкретных задач;

метод оценки критериев и показателей — психофизический метод оценки степени уверенности (5–7) эксперта в правильности того или иного критерия или показателя;

метод аналогии — прогноз на основе схожести условий прежних событий, предполагая их вероятность в будущем;

метод сценариев — описания событий в будущем;

методическое обеспечение государственного стратегического планирования — разработка и утверждение требований и рекомендаций по разработке документов государственного стратегического планирования;

методологическая база военного планирования в Российской Федерации — разработанная (уточненная) в ходе подготовки к очередному этапу военного планирования совокупность процедурных знаний, применяемых для обоснования (прогнозирования) на определенный временной период целей процессов ведения и обеспечения обороны, военного строительства, информационного противоборства и управления обороной Российской Федерации, системы обеспеченных ресурсами мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженной защите Российской Федерации. Методологическая база планирования военного строительства является составной частью методологической базы военного планирования в Российской Федерации;

мировая военно-политическая система (ВПС) — совокупность субъектов военной политики, взаимосвязь между которыми осуществляется посредством военно-политических отношений. В структуре мировой ВПС могут выделяться региональные ВПС и внутригосударственные ВПС;

моделирование (лат. *modulus* — мера, образец, норма) — метод исследования объектов различной природы на их аналогах (моделях) для определения или уточнения характеристик существующих или вновь конструируемых объектов. Модель может выступать гносеологическим заместителем оригинала на четырех уровнях: элементов, структур, поведения (или функций), результатов;

мониторинг реализации документов государственного стратегического планирования — деятельность по комплексной оценке основных финансовых и экономических показателей, а также бюджетных обязательств, содержащихся в документах государственного стратегического планирования, с целью установления способности достижения в запланированные сроки стратегических целей устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности с учетом эффективности использования государственных средств и рисков, связанных с достижением указанных целей;

нематериальные объекты гражданского права — информация, результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность); средства индивидуализации юридического лица, продукции, выполняемых работ или услуг;

неоклассический реализм — термин, который был использован Гидеоном Роузом в 1998 году для описания группы теоретических подходов в теории международных отношений, стремящихся синтезировать структурный реализм и теорию внешней политики с целью объяснения и прогнозирования изменений во внешней политике государства. Основные положения неоклассического реализма:

- Внешняя политика государства, ее изменения рассматриваются через призму деятельности государственных и негосударственных акторов на внутригосударственном уровне;
- Государство реагирует на международные угрозы, создавая общественную коалицию, позволяющую интегрировать необходимые для внешнеполитического ответа ресурсы;

облик военной организации государства — совокупность количественных и качественных параметров (показателей), характеризующих ее возможности, состав, структуру, численность, техническую оснащенность, а также системы управления и всестороннего обеспечения;

OPC (OLE for Process Control, связывание и встраивание объектов, для контроля процессов) — построенный на технологиях OLE и COM/DCOM стандарт интерфейсов между серверными и клиентскими приложениями, предназначенный в первую очередь для использования в АСУ ТП. Обладает набором стандартных объектов, методов и свойств, отвечающих требованиям промышленных приложений реального времени;

основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на среднесрочный период — документ государственного стратегического планирования, определяющий задачи социально-экономического развития Российской Федерации и укрепления национальной безопасности на среднесрочную перспективу в рамках реализации стратегии национальной безопасности Российской Федерации и концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации в среднесрочном периоде;

открытые интерфейсы и программные средства — программное обеспечение, легко поддающееся модификации за счет предоставления исходного кода программ и/или наличия средств модификации стандартных функциональных возможностей;

открытый образец цифровой подписи — число (значение), получаемое автором из своего секретного ключа подписи и сообщаемое всем, кто заинтересован в проверке подлинности авторства полученного сообщения (документа);

отраслевой документ государственного стратегического планирования — документ, в котором определены цели, приоритеты и задачи социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности, способы их эффективного достижения в соответствующей отрасли или сфере социально-экономического развития Российской Федерации;

отчетный год — год, предшествующий текущему году;

отчетный период — отчетный год и два года, предшествующие отчетному году;

офис — место, где совершаются деловые операции персоналом предприятия, облеченным доверием и властью принимать управленческие решения;

очередной год — год, следующий за текущим годом;

план обороны Российской Федерации — комплекс взаимосвязанных документов военного планирования в Российской Федерации, разрабатываемый в целях обоснования и нормативно-правового закрепления системы согласованных по срокам и обеспеченных ресурсами военных, правовых, политических, экономических и иных мер, реализация которых позволит обеспечить оборону и безопасность государства, гарантированно защитить его жизненно важные интересы от внешних и внутренних угроз;

планирование ведения обороны Российской Федерации — процесс определения военной организацией государства системы мер по стратегическому сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, вооруженной защите жизненно важных интересов государства от внешних и внутренних угроз;

планирование военного строительства в Российской Федерации — процесс определения системы мер по строительству и развитию военной организации государства, направленный на перевод органов государственного и военного управления,

Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов привлекаемых к выполнению задач в области обороны, частей производственного и научного комплексов страны, в определенные качественные состояния, позволяющие в условиях планового периода обеспечить оборону и безопасность государства, гарантированно защитить его жизненно важные интересы от внешних и внутренних угроз;

планирование информационного противоборства Российской Федерации — процесс определения комплекса мер, осуществляемых военной организацией государства в интересах обеспечения национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере и достижения политических, экономических, военных и иных целей;

планирование обеспечения обороны Российской Федерации — процесс выработки решений и разработки на их основе системы мер, определяющих цель, задачи, мероприятия обеспечения деятельности военной организации государства при выполнении ею задач по подготовке к вооруженной защите и вооруженной защите Российской Федерации;

планирование управления обороной Российской Федерации — процесс определения основ управления деятельностью военной организации государства при выполнении ею задач обороны в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время;

показатели — данные, по которым можно судить о состоянии и развитии какого-то объекта или процесса;

показатели внутригосударственной военно-политической обстановки — данные, позволяющие оценивать состояние и процессы, происходящие в военно-политической, военно-социальной, военно-экономической, научно-технической, технологической и иных областях жизни страны;

показатели межгосударственной обстановки — данные, по которым можно судить о состоянии и перспективах развития международной ситуации и положении России в мире;

правовое обеспечение информатизации — приведение законодательной базы в соответствие с особенностями информатизации как новой деловой среды;

приоритет социально-экономической политики — предпочтительные направления и способ действий по достижению целей социально-экономического развития, исходя из целесообразности, рациональности и эффективности;

прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и ожидаемых результатах научно-технологического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в долгосрочной перспективе;

прогноз социально-экономического развития Российской Федерации — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и ожидаемых результатах социально-экономического развития Российской Федерации, в том числе субъектов Российской Федерации, на долгосрочный или среднесрочный период;

прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации — документ государственного стратегического планирования, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и ожидаемых результатах социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный или среднесрочный период;

прогнозирование социально-экономического развития — деятельность по разработке научно обоснованных представлений о направлениях и результатах социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, определению параметров социально-экономического развития Российской Федерации, достижение которых обеспечивает реализацию целей социально-экономического развития Российской Федерации и приоритетов социально-экономической политики с учетом задач национальной безопасности;

программа социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный период — документ государственного стратегического планирования, определяющий цели деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации на среднесрочную перспективу и комплекс мероприятий по их достижению;

программно-целевое планирование — деятельность, направленная на определение целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, приоритетов социально-экономической политики и национальной безопасности, а также формирование комплексов направленных на достижение этих целей и приоритетов мероприятий с указанием источников их финансового обеспечения;

протокол — стандартизованное соглашение по порядку обмена информацией и данными в информационных системах;

процессинговый центр — организация, обеспечивающая информационное взаимодействие между участниками платежной системы и осуществляющая маршрутизацию транзакций, авторизацию доступа к счетам и ведение базы данных по банковским картам, счетам и остаткам;

региональная война — война с участием двух и более государств одного региона, ведущаяся национальными или коалиционными вооруженными силами с применением как обычных, так и ядерных средств поражения, на территории региона с прилегающими к нему акваториями и в воздушном (космическом) пространстве над ним, в ходе которой стороны будут преследовать важные военно-политические цели;

региональная информационная сеть — соединение локальных сетей компьютеров между собой линиями связи в пределах региона для передачи информации между предприятиями в целях ее совместной обработки;

результат социально-экономического развития — фактическое (достигнутое) состояние экономики, социальной сферы,

обороны и безопасности которое характеризуется количественными и (или) качественными показателями;

релевантность — степень соответствия результатов информационного поиска запросу потребителя информации;

репозиторий — база данных, где хранятся метаданные;

система государственного стратегического планирования — совокупность участников государственного стратегического планирования, взаимоувязанных документов государственного стратегического планирования, характеризующих приоритеты социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности, и нормативно-правового, информационного, научно-методического, финансового и иного ресурсного обеспечения государственного стратегического планирования;

система делопроизводства и документооборота электронных документов — комплексное применение ЭВМ в управленческой деятельности для обращения, хранения, поиска и отображения информации, позволяющее свести к минимуму или исключить полностью применение бумажных носителей информации;

система документов государственного стратегического планирования — совокупность взаимосвязанных по стратегическим целям, задачам, срокам и источникам ресурсного обеспечения документов государственного стратегического планирования;

система поддержки принятия решений (СППР, Decision Support System, DSS) — система, обеспечивающая на базе имеющихся данных получение средним управляющим звеном информации, необходимой для планирования деятельности организации;

системная архитектура — организация и структура основных элементов информационной системы, имеющих принципиальное значение для функционирования системы в целом;

сложная адаптивная система (САС) — сложная система, обладающая следующими свойствами: 1) состоит из подсистем,

которые также являются САС; 2) является открытой системой, обменивающейся с окружением веществом, энергией и информацией; 3) является сложной системой, свойства которой выводимы из свойств ее подсистемных уровней; 4) обладает самоподобием (фрактальное строение); 5) способна к адаптивной активности, за счет которой прирастают полезные способности и уменьшаются бесполезные способности; 6) способна поддерживать свое стационарное состояние; 7) способна наращивать упорядоченность (order) и сложность (complexity) за счет адаптивной активности; 8) примерами САС являются живые системы (living systems) и социоэкономические системы. Существует несколько разных способов описания САС, их можно разделить на два класса;

среднесрочный период (перспектива) — период, следующий за текущим годом, продолжительностью от 3 до 6 лет включительно;

стандартизированные спецификации обмена данными — протоколы обмена, предложенные одним или несколькими ведущими разработчиками программного обеспечения и широко признанные и применяемые на практике значительным количеством компаний по всему миру в целях создания совместимых между собой продуктов;

стратегическая обстановка — вид военно-политической обстановки, представляющий собой состояние мировой (региональной, внутригосударственной) ВПС в определенный период времени в ходе военного конфликта между субъектами военной политики (фаза развития военно-политических отношений — военный конфликт). Стратегическая обстановка характеризуется особенностями, масштабами и ходом военных действий, возможностями и условиями их прекращения или расширения факторами, влияющими на их ход и результаты;

стратегические национальные приоритеты — важнейшие направления обеспечения национальной безопасности, по которым реализуются конституционные права и свободы граждан

Российской Федерации, осуществляются устойчивое социально-экономическое развитие и охрана суверенитета страны, ее независимости и территориальной целостности;

стратегический прогноз рисков социально-экономического развития Российской Федерации и угроз обеспечения национальной безопасности (далее — **стратегический прогноз**) — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о возможных стратегических рисках социально-экономического развития и угрозах национальной безопасности Российской Федерации, которая включает поэтапные прогнозные оценки вероятного состояния социально-экономического потенциала и национальной безопасности, а также конкурентных позиций Российской Федерации в мировом сообществе;

стратегическое планирование — здесь определение основных направлений, способов и средств достижения стратегических целей в определенный период времени. На основе разработанной стратегии (концепции, доктрины);

стратегическое сдерживание — разработка и системная реализация комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства — агрессора (коалиции государств) в интересах обеспечения военной безопасности страны;

стратегия национальной безопасности Российской Федерации — документ государственного стратегического планирования, определяющий стратегические национальные приоритеты, цели и меры внутренней и внешней политики, характеризующий состояние национальной безопасности и уровень развития государства на долгосрочную перспективу;

стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период — документ государственного стратегического планирования, определяющий цели, приоритеты социально-экономической политики

и задачи социально-экономического развития субъекта Российской Федерации в долгосрочной перспективе;

структура сценариев развития ВПО — здесь последовательная совокупность действий элементов и субъектов ВПО и эволюция их устойчивых взаимосвязей как единой системы, обеспечивающих ее целостность и сохранение основных свойств при самых различных вариантах изменения внутреннего и внешнего характера;

структура сценария — здесь последовательная совокупность действий (актов, сцен, сюжетов);

структурный реализм — (неореализм) — течение в теории международных отношений (1979 г. К. Уолтц), где международная структура ограничивает поведение государств в мире, предполагая их «выживаемость» поведением в пределах ожидаемого диапазона действий;

субъекты военной политики — государства, коалиции государств (военно-политические союзы), вооруженные силы государств, вооруженные формирования, не имеющие международного правового статуса, способные вырабатывать свою политику и генерировать различные мероприятия и действия, с помощью которых должны решаться политические задачи и достигаться поставленные политические цели;

сценарий — здесь детальный план (проект), существующий в виде документа (пакета документов) или набора идей относительно долгосрочных политических и иных целей. См., например: Меморандум. № 20/1 СНБ США («Задачи в отношении России»), План Маршалла («Программа восстановления Европы») и т. д.;

сценарий ВПО — сценарий развития военно-политической обстановки — это описание изменения состояния мировой военно-политической системы в течение заданного периода времени при определенных (возможных, наиболее вероятных) уровнях действия влияющих факторов (политических, военных, экономических, идеологических и др.);

сценарий текущей и прогнозируемой ВПО — существующий и будущий детальный план с участием основных действующих субъектов развития ВПО;

тезаурус (греч. **thesaurus** — сокровище, запас) — нормативный обращенный словарь, в котором понятие определяется логически упорядоченным множеством синонимичных или близких по значению слов.

текст (лат. **textium** — связь, соединение) — последовательность символов, слов и предложений, построенная в соответствии с законами языка. Главная особенность текста: текст, всегда линейный, последовательно излагающий события и явления;

телематика — техническая система, состоящая из множества компьютеров и разнообразных линий связи между ними, предназначенная для ввода, хранения и распространения информации посредством информационно-коммуникационных сетей;

телетекст — информационная система, предназначенная для передачи актуальной для многих групп пользователей информации через телевизионную систему;

технические средства информатизации — программно-аппаратные средства информатики, вычислительной техники и связи в виде функционально законченных модулей со стандартными интерфейсами;

технологическая архитектура — частная архитектура системы, определяющая ее ИКТ-инфраструктуру: аппаратное и системное программное обеспечение узлов сети и каналов связи, в том числе операционные системы и программное обеспечение промежуточного слоя, конкретные стандарты ИКТ и правила, которые будут использоваться при технологической реализации системной архитектуры, а также архитектур данных и программного обеспечения;

транзакция (лат. **transaction** — дело, сделка) — входное сообщение, переводящее базу данных из одного непротиворечивого состояния в другое; запрос на изменение базы данных;

управление персоналом (управление человеческими ресурсами — Human Resource Management, HRM) — замкнутый бизнес-процесс, являющийся составной частью общего процесса управления деятельностью организации или предприятия;

файл данных — совокупность данных в информационной системе;

фактографические системы — информационные системы, содержащие цифровую информацию, факты, статьи, фрагменты, имеющие в определенном контексте законченный смысл;

функциональная архитектура системы — *здесь* набор взаимосвязанных модулей, образующих функционально полную систему;

характер внешних угроз — разновидность типов угроз, зависящих от сферы их возникновения: политических, экономических, военных;

характер войн и вооруженных конфликтов — структура относительно устойчивых связей, определяющих цели войн, средства достижения этих целей и масштабы военных действий;

цель социально-экономического развития — достижение состояния экономики, социальной сферы, обороны и безопасности, которое определяется участниками государственного стратегического планирования в качестве ориентира своей деятельности и характеризуется количественными и (или) качественными показателями;

шкалы количественных и качественных показателей — оценка того или иного показателя для измерения его значения. Различают: **номинальную шкалу**, предназначенную для описания того или иного объекта, его принадлежности к определенному типу или классу; **порядковую шкалу**, устанавливающую предпочтения между объектами, их упорядочения по одному или нескольким признакам; **шкалу интервалов**, предназначенную для отображения различий между свойствами объектов, насколько один объект превосходит или уступает другому;

экран информации — «порция» информации на экране, выражаемая системой дисплейных (плоскостных) изображений и обеспечивающая динамичный, меняющийся диалоговый характер взаимоотношений экранного текста с партнером-пользователем;

экранная культура — возможность обработки дисплейных (плоскостных) изображений на экране компьютера с динамичным, активным диалоговым характером взаимодействия экранного текста с партнером;

экспертные системы — искусственные интеллектуальные информационные системы, способные в сложных условиях дать квалифицированную консультацию (совет, подсказку, ориентацию) на основе логической переработки данных в целях получения новой информации, которая в явном виде в базу знаний не вводилась;

электронная книга — текст книги, представленный в памяти компьютера и отображаемый на экране дисплея страницами в произвольном, а не только в последовательном порядке;

электронная почта — система для подготовки, передачи, обработки и хранения деловых документов, графиков и таблиц, рисунков, картин и фотографий, газет и журналов, речевых сообщений в электронной форме между пользователями компьютерной сети;

электронные телеконференции — информационные услуги по проведению коллективных конференций на основе электронной почты;

электронный бизнес (e-Busiaess) — более широкое, чем электронная торговля, понятие, включающее автоматизацию не только торгово-закупочной деятельности, но и других форм взаимодействия. Обычно предусматривает наличие у компании своего сайта в интернете, виртуальной торговой площадки, системы управления компанией, использование электронной рекламы, маркетинга, Модели B2B или B2C;

электронный документ — документ в электронной форме: закодированное и переданное в информационную систему

электронное сообщение, все реквизиты которого заверены и оформлены в соответствии с нормативными требованиями;

электронный документооборот — система документооборота, в которой обращаются электронные документы в стандартизированной форме и на основе принятых в системе регламентов;

электронный офис — офис, в котором автоматизированы рабочие места сотрудников офиса, что позволяет совершать все деловые операции на основе безбумажной технологии;

API (Application Programming Interface, интерфейс прикладного программирования) — набор функций и методов для получения доступа из системы к внешним приложениям. Он позволяет реализовать модульную структуру и четко описать обмен данными и прочие виды взаимодействия между различными программными компонентами;

CORBA (Common Object Request Broker Architecture, архитектура посредника запросов к общим объектам) — набор спецификаций, многочисленные реализации которого делают разрабатываемые приложения независимыми от используемых языков программирования, устройств, сетей, операционных систем и аппаратных платформ;

COM (Component Object Model, модель компонентных объектов) — программная архитектура, определяющая стандарты для бинарных программных компонентов (объектов), являющихся базой, для создания программных компонентов более высокого уровня. Это дает возможность динамически открывать и уникальным образом идентифицировать интерфейсы между компонентами программного обеспечения;

DCOM (Distributed COM, распределенная модель, компонентная, объектная) — основанный на архитектуре COM протокол, обеспечивающий безопасное и эффективное взаимодействие приложений напрямую через различные виды сетей. DCOM является следующей ступенью развития технологии OLE;

DDE (Dynamic Data Exchange, динамический обмен данными) — встроенный во многие операционные системы ме-

ханизм, обеспечивающий совместное использование и обмен данными между приложениями. DDE поддерживает клиент-серверную модель, при которой запрашивающее данные приложение становится клиентом, а поставляющее их — сервером;

OLAP (On-line Analytical Processing, оперативная аналитическая обработка) — технология, построенная на использовании специализированных баз данных, в которых хранящая информация может представляться в виде многомерных кубов для обеспечения быстрой выборки информации по определенному ее срезу;

OLE (Object Linking and Embedding, связывание и встраивание объектов) — технология связывания и внедрения объектов в различные приложения с сохранением их первоначального формата и связи с породившим их программным компонентом. Существует конкурирующая технология, называемая OpenDoc;

Windows BNA (Windows Distributed interNet Applications Architecture, архитектура распределенных интернет-приложений в среде Windows) — основанная на технологии COM расширяемая платформа для разработки взаимодействующих между собой интернет-приложений. Она предлагает различные спецификации для отдельных отраслей промышленности и имеет функциональные возможности по интеграции с существующими прикладными системами, управлению данными, обмену сообщениями и данными посредством XML, поддержке различных пользовательских интерфейсов (веб, WAP и др.);

XML (extensible Markup Language, расширяемый язык разметки) — язык программирования с возможностями структурирования произвольных данных. Язык был разработан как замена HTML ввиду недостаточной гибкости последнего из-за фиксированных наборов элементов и атрибутов. XML широко используется при разработке решений для B2B и интеграции систем. Отход от используемого ранее обмена документами, в пользу обмена данными, потребовал введения в язык механизмов описания типов данных.

Глава I.
**Основы системы анализа,
стратегического прогноза
и планирования в области
национальной безопасности**

Глубина и масштабы процесса культурной деградации, снижения качества человека очевидны. Однако почему-то эта тема до сих пор не получила своего prime time¹

*С. Никольский,
заместитель директора
Института философии РАН*

... В сложившихся внутренних и геополитических временных ограничениях инвестиционный маневр должен быть осуществлен в кратчайшие сроки²

*Р. Гринберг,
член-корреспондент РАН,
Директор Института экономики*

Во втором десятилетии XXI века ситуация в мире и в России радикально изменилась. Причем в худшую сторону, если говорить о ВПО, что стало особенно заметно в связи с событиями на Украине. Стали стремительно и качественно меняться уже не только отдельные области военно-политической обстановки (ВПО) и положение отдельных субъектов, но и сами основополагающие парадигмы международного военно-политического развития. Так, конфликт на Украине фактически стал даже на ранних стадиях региональным конфликтом, который быстро перерос в глобальное противостояние России с Западом.

¹ Никольский С. А. Главной проблемой развития российского общества является качество человека // Независимая газета. 2014. 22 января. С. 5.

² Гринберг Р. Опасный пессимизм // Российская газета. 2014. 24 января. С. 17.

Такие радикальные изменения требуют принципиально новых научных подходов, приемов и знаний, которые пока что только обозначаются. К сожалению, далеко не всегда военно-политическая мысль, а тем более адекватные решения и их реализация в России успевают за этими изменениями. Системные, принципиальные ошибки в военно-политической и военно-технической области конца XX — начала XXI вв., казалось, ушли из российской военной политики, но от субъективных ошибок во многом так и не удалось избавиться до конца.

И дело тут не только в неудачных решениях конкретных лиц, прежде всего А. Э. Сердюкова, а в том, что ко второму десятилетию нового века в правящей элите России так и не сложилось четкой и соответствующей новым реалиям системы принятия решений, которая бы исходила не из субъективных данных и селективной информации, личных отношений и т. д., а основывалась бы на прочном, объективном и научном фундаменте, и в которой достойное место занимали бы стратегическое прогнозирование и планирование.

В начале XXI века ситуация в процессе принятия политических решений в России качественно меняется. Потребовались не только научно обоснованные аргументы по военному строительству на долгосрочную перспективу, но и детально разработанные методики долгосрочных прогнозов и стратегического планирования, способные максимально повысить эффективность затрат на нужды безопасности и обороны. Для России это имеет особое значение. Увеличивающаяся «вилка» между усилением внешних опасностей и военных угроз, в том числе угроз полномасштабного военного конфликта, с одной стороны, и относительная ограниченность возможностей для их нейтрализации (прежде всего с точки зрения достигнутой величины военных расходов в ВВП), с другой, делает ответственность за принятие военных программ, рассчитанных на 30–50 лет, особенной. Ошибка, допущенная в стратегическом

прогнозе и планировании сегодня, может привести к радикальным негативным последствиям в области безопасности и национальной экономике через 10, 20 и даже 30 лет. Естественно, такие последствия неизбежно скажутся и на социально-экономической ситуации в стране, и на уровне ее человеческого капитала.

Важно поэтому ясно понимать, что эффективность усилий в области военного строительства будет во многом производной от эффективности стратегического прогноза и стратегического планирования, а также способности правящей элиты страны реализовать разработанную и принятую стратегию. Таким образом, эффективность военно-политического управления непосредственно оказывает влияние не просто на положение нации в мире, но и на ее выживаемость, суверенитет и сохранение национальной идентичности. И, наоборот, ошибки в управлении ведут к огромным экономическим издержкам, даже возможным катастрофическим национальным последствиям.

Военная политика и военное строительство не существуют сами по себе, «автономно» от политики и экономики государства и нации. Они являются одновременно и частью общенациональной политики, и её следствием. То же самое в полной мере относится и к стратегическим прогнозам и планированию, которые являются важной, но только частью общенациональных прогнозов и планирования. Как и ВПО является частью МО (которая охватывает политические, экономические, информационные и др. аспекты), так и стратегический военный прогноз и стратегическое военное планирование являются частью национального стратегического прогноза, который, кстати, должен учитывать и воздействие внешних реалий.

Тем не менее, область безопасности и военная специфика требуют совершенно конкретных ответов на вопросы, относящиеся к исключительной компетенции органов обеспечения безопасности государств. Поэтому конкретный анализ,

стратегический прогноз и стратегическое планирование в области безопасности, включая военную безопасность государства, обладают собственными особенностями и спецификой. Эта специфика должна стать не просто предметом самого пристального научного анализа, но и превратиться в соответствующие

Рис. 1.1

механизмы, обеспечивающие точное и эффективное принятие решений в области военного строительства и долгосрочного военного планирования. Именно на стадии принятия таких решений требуется не субъективная оценка, а максимально точный объективный анализ и прогноз.

Долгосрочное прогнозирование и планирование внешне-политической и военно-политической деятельности являются, таким образом, важнейшей организационно-управленческой функцией, с одной стороны, и частью более широкого процесса анализа, прогноза и планирования, с другой. Что хорошо видно, например, из структуры национальной программы, которая охватывает широкий спектр деятельности — от анализа обстановки, научных исследований (фундаментальных и прикладных), опытно-конструкторских работ и инновационной деятельности до кадровой политики и различных форм международного сотрудничества.

Как видно из рисунка (рис. 1.1)³, процессы стратегического прогноза и планирования состоят из разных блоков, которые большинство исследователей и практиков не относят, строго говоря, к прогнозированию и планированию, отделяя искусственно от практической политической деятельности. Это означает, что стратегическое прогнозирование и планирование не являются исключительно умозрительными процессами, основанными на информационно-аналитической работе, но предполагают использование политических, организационных, административно-правовых мер. Иначе говоря, стратегический анализ, прогноз и планирование должны быть составной частью всей политической деятельности и стратегии государства и нации. В самом общем виде это можно представить следующей логической схемой политики государства.

³ Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее / <http://library.newparadigm.ru/files/b5r.pdf>. С. 126.

Рис. 1.2

Как видно из рисунка (рис. 1.2), будущие стратегический прогноз и планирование зависят как от групп объективных факторов (базовые ценности и интересы, внешние факторы, национальные ресурсы), так и от субъективных факторов — адекватности представлений правящей элиты о политике и стратегии. Причем роль субъективных факторов в политике очень значительна и во многом зависит от адекватности прогноза и планирования.

Каждый контур включает определенный набор подпрограмм, блоков и проектов и имеет свою систему управления. Другой разрез структуризации программы — временной: определение и сопряжение (взаимная увязка) сроков выполнения отдельных проектов, их блоков, подпрограмм и построение этапов, очередей выполнения программы⁴.

⁴ Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее / <http://library.newparadigm.ru/files/b5r.pdf>. С. 127.

1.1. Политика и стратегический прогноз в области национальной безопасности

Стратегическое планирование должно обеспечивать в структуре управления перевод данных прогнозов в алгоритмы действий по достижению необходимого результата. Но этот алгоритм — «чисто» логический, не учитывающий воздействия многих влиятельных факторов, которые в ряде случаев ведут к его искажению и даже замене, например, на «чисто волевое» субъективное решение. Так, в 80-е годы XX века объективным наблюдателям было ясно, что реализация «Стратегической оборонной инициативы» (СОИ), в конечном счете, приведет к созданию глобальной ПРО США, то есть стратегический прогноз был достаточно определен:

- США не откажутся от этой идеи;
- она, так или иначе, но будет реализовываться поэтапно;
- в результате ее реализации будут достигнуты серьезные научные и технологические результаты и т. д.

Но руководство СССР во главе с М. Горбачевым и частью научной элиты страны фактически игнорировали этот прогноз по политико-идеологическим мотивам (хотя в обосновании такого игнорирования, как правило, звучали экономические тезисы). В результате ответные действия, заключавшиеся в противодействии США, были фактически свернуты, что, в свою очередь, привело:

- к искажению позиции СССР и России по ограничению СНВ, необоснованной ликвидации и сокращению вооружений, фактическому отказу от взаимосвязи переговоров по СНВ и ПРО;
- свертыванию программ по ПРО;
- формированию искаженных представлений о военной доктрине СССР и России.

Таким образом, «проблема глобальной системы ПРО США, которая стала сверхактуальной во втором десятилетии XXI века, во многом была следствием того, что политическая и научная элиты СССР проигнорировали по разным ненаучным причинам объективный, но сугубо академический стратегический прогноз и не предприняли соответствующих мер в области его адаптации к практике стратегического планирования.

Проблема точного анализа международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО), а тем более долгосрочного прогноза и вытекающего из такого прогноза результата стратегического планирования — является архисложной, но, безусловно требующей своего научного и практического решения. В России все это осложнялось еще и тем, что до недавних пор правящая элита была убеждена, что прогноз и планирование в рыночных условиях «абсолютно не нужны». В лучшем случае она соглашалась на элементы макроэкономического прогноза, не учитывающего множества важных факторов, в результате чего такие прогнозы (появившиеся в огромном количестве уже в XXI веке) оказались отпиской или данью некоей моде. Достаточно сказать, что прогноз и концепция социально-экономического развития России 2008 года устарели еще до того, как они стали доступны читателям.

Ситуация несколько изменилась недавно, но отголоски прежнего подхода продолжают влиять на политику принятия решений. Особенно те, которые связаны с личностным фактором. Эта проблема во многом универсальна и она стоит не только перед Россией и США, но и перед всеми другими развитыми странами, где принимаются относительно самостоятельные решения по обеспечению национальной безопасности. Как правило, речь идет о прогнозах самых общих трендов и тенденций. Наверное, можно согласиться в принципе с общей оценкой значения стратегического прогнозирования, данного академиком А. Дынкиным: «... Для наук об обществе и международных отношениях предвидение будущего — одна из важ-

ных практических задач. Прогнозирование дает возможность увидеть мегатренды развития, позволяет продумать стратегии и определить приоритеты политики на различных горизонтах времени. Подлинная цель научного прогнозирования не в том, чтобы детально описать предстоящие события. Это бывает крайне затруднительно сделать даже для краткосрочной перспективы — из-за возникновения множества случайных, субъективных факторов. Его сверхзадача — предвидеть наиболее важные долгосрочные тенденции, выявлять ключевые детерминанты и возможные поворотные пункты мирового развития. Последнее — самое сложное»⁵.

Действительно, спрогнозировать долгосрочные тенденции и на основании такого прогноза совершить стратегическое планирование является важнейшим условием любой эффективной политики, включая, естественно, внешнюю и военную. При этом по-прежнему сильным остается влияние субъективного фактора — оценки и анализа правящей элитой и руководством страны и зарубежными деятелями — эффективности принимаемых решений. Нередко в политике одни и те же действия сталкиваются с, совершенно различными, порой полярными оценками, что требует объективного научного анализа и экспертизы. Так, политику России и лично В. Путина на Украине в 2014 году оценивали совершенно по-разному, в том числе давались прямо противоположные оценки. Все зависело, в конечном счете, от точки (угла) зрения. С. Уолт, например, таким образом, ответил на критику Фридманом политики В. Путина: «Итог следующий: маневры Путина кажутся неудачными лишь в том случае, если считать, что его целью было полное расчленение Украины или воссоздание Советского Союза. Но если вы считаете, что его главная цель заключалась в недопущении попадания Украины в сферу влияния Запада во главе с США,

⁵ Дынкин А. А. Предисловие Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина / ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2011. С. 15.

то его действия в кризисной обстановке выглядят искусными, умелыми, безжалостными и успешными»⁶.

Именно целеполагание в политике вообще и в военной политике в частности является главным условием эффективности. В этом смысле и стратегическое планирование успешно, в наибольшей степени, в зависимости от того, насколько точно и определенно выбрана политическая цель, направление движения. Особенно если эта цель долгосрочная, рассчитанная на 20–30–50 лет, тогда ошибка в выборе курса на несколько градусов неизбежно приведет к огромному отклонению в будущем. Так, решение о закупке за рубежом ВиВТ, комплектующих и технологий, обоснованное рыночной аргументацией, уже привело к внешней зависимости России, которое потребовало корректив в сторону импортозамещения. Не трудно предположить, что если бы такая политика закупки технологий за рубежом, включая ВиВТ, проводилась несколько десятков лет, то, как показывает пример с Украиной, в 2014 году России пришлось бы производить не 7–8 тыс. компонентов, закупавшихся на Украине, а 10–15–25 тысяч, причем переориентация на импортозамещение потребовала бы не 2–3 года, а десятки лет.

Для эффективного стратегического планирования в военной области огромную роль играет и такой субъективный момент как политическое искусство. Политическое искусство, в том числе дипломатия, позволяют, как минимум, вносить следующие коррективы в стратегическое планирование:

- сокращать численность потенциальных и реальных врагов и оппонентов в мире, противодействовать их консолидации, оформлению в союзы, блоки, коалиции, имеющие враждебную направленность;
- содействовать формированию выгодной военно-политической коалиции, блока, союза и влиять, таким образом, на общее соотношение сил в мире и в регионе;

⁶ Wolf St. N. No-Bluff Putin // Foreign Policy. 2014. 4 June.

- создавать благоприятные внешние условия для научного, социально-экономического развития государства;
- способствовать регулярному достижению положительных тактических результатов в политической деятельности, формирующих успешный стратегический курс и т. д.

В этом ключе можно рассматривать деятельность российского руководства в 2014 году, которое столкнулось с резким обострением не только международной обстановки (МО), но и военно-политической обстановки (ВПО) и даже стратегической обстановки (СО) в мире. В этих условиях поведение и политическое искусство В. Путина удержало Россию от прямой конфронтации с США. Как писал в то время один из западных аналитиков, «короче говоря, неявное признание Путиным результатов последних выборов на Украине и другие его шаги по деэскалации кризиса отнюдь не свидетельствуют о том, что он отступил перед лицом скоординированного давления Запада. Скорее, он просто понизил градус конфронтации, потому что, добился самого важного из того, чего хотел, и практически всего, на что мог обоснованно рассчитывать. Путин не «моргнул». Он просто знает, когда пора прикармливать трофеи и производить окончательный расчет»⁷.

При таком «расчете» Россия оказалась в итоге в выигрыше, а не в проигрыше.

1.2. Взаимосвязь стратегического прогноза и стратегического планирования

Эффективность стратегического планирования зависит от целого ряда факторов, включая субъективные факторы, которые отражаются на ключевых политических положениях. Применительно к взаимосвязи военно-политического

⁷ Walf St. N. No-Bluff Putin // Foreign Policy. 2014. 4 June.

стратегического прогноза и стратегического планирования, можно сформулировать эти положения следующим образом:

- *во-первых*, стратегическое военно-политическое прогнозирование позволяет увидеть основные тренды развития МО и ВПО, перспективы развития ВиВТ, эволюцию отдельных государств, союзов и коалиций, а, как следствие, вытекающие из этих тенденций внешние опасности и военные угрозы. Собственно стратегическое планирование должно основываться на объективном стратегическом прогнозе: а) развития МО и ВПО в мире и регионах; б) развитии субъектов и главных трендов МО и ВПО; в) интересах и целях национального развития и имеющихся ресурсах;
- *во-вторых*, стратегическое прогнозирование лежит в основе объективного анализа и оценки внешних опасностей и угроз, которые являются объективной и важнейшей точкой начала всего. Это означает, что главным, определяющим фактором при разработке мер противодействия (в т. ч. создании и модернизации ВиВТ) является точная оценка существующих и будущих угроз, а не другие факторы. Это означает, что процесса принятия решений о противодействии будущим внешним опасностям и военным угрозам в основе долгосрочного военно-политического и военнотехнического планирования, лежат политические и военнополитические оценки и прогнозы, а не иные (например, технологические и пр.) факторы;
- *в-третьих*, главная задача стратегического прогноза и планирования заключается в том, чтобы предвидеть складывание качественно новых ситуаций (качественного изменения ВПО, явлений в развитии ВиВТ), а в целом — в смене парадигм развития МО, ВПО и ВиВТ, а также формировать адекватную военную политику, направленную на своевременную нейтрализацию этих вызовов и угроз, требующую излишних затрат национальных ресурсов при том понимании, что интересы национальной безопасности

не ограничиваются интересами военной безопасности, но предполагают широкий круг интересов развития⁸;

- *в-четвертых*, стратегическое планирование во многом определяется не только политическими целями и мерами (способами) их достижения, но и имеющимися национальными ресурсами — природными, экономическими, активами, национальным человеческим капиталом (который в XXI веке играет решающую роль). И их планированием. При этом для понимания возможностей стратегического планирования, надо ясно осознавать, что национальные ресурсы:

1. ограничены как по своим абсолютным масштабам, так и их доле, выделяемой для обеспечения национальной безопасности;
2. далеко не всегда финансово-экономическая составляющая ресурсов оказывается решающей. Очень высока роль научного обеспечения стратегического прогноза и планирования. Она не только компенсирует финансовые и иные расходы национальных ресурсов, повышает эффективность расходов на оборону, но и в ряде случаев становится незаменимой, ее роль не может быть компенсирована никакими ресурсами.

Долгосрочное военное планирование, таким образом представляет собой крайне трудную задачу для военно-политического руководства страны, предполагающую прежде всего точную оценку существующих внешних и военных угроз, их долгосрочный прогноз и, как следствие, постановку в порядке приоритетности основной цели и задач противодействия, — с одной стороны, и принятия решений об использовании национальных ресурсов, с последующим контролем — с другой. И в первом, и во втором случае огромная роль принадлежит

⁸ См. подробнее: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал ТТ. I–IV. М. МГИМО(У). 2011–2013 гг.

таким субъективным качествам как профессионализм и нравственность правящей элиты. Не секрет, что в принятии решений о производстве ВиВТ нередко преобладают субъективные и даже корыстные факторы, которые могут прямо противоречить объективным национальным потребностям.

1.3. Логическая схема анализа современной международной и военно-политической обстановки

Принципы поведения КНР в мире, провозглашенные Дэн Сяопином, стали основой для успешной национальной стратегии Китая. В том числе в области национальной безопасности. Но сама эта стратегия была следствием сформулированных на основе системы национальных интересов и ценностей целей, учитывающих внешние и внутренние реалии. Изначально для стратегического прогноза и планирования важно выбрать правильную «точку отсчета» и описать тенденции, влияющие на движение основных трендов и субъектов МО и ВПО. В качестве упрощенной модели для анализа и определения такой «точки отсчета» избрана принципиальная (и самая общая) схема (рис. 1.3), которая не раз использовалась в книге «Военные угрозы России»⁹ для описания и анализа групп факторов «А» (Внешние факторы влияния) и их воздействия на соответствующие группы факторов «Б», «Г» и «Д».

Для стратегического прогноза развития ВиВТ, а также стратегического планирования (в том числе военного планирования), как уже говорилось, наибольшее значение имеет точное определение не только группы факторов «А», но и «Б», и «В», а также степень адекватности и влияния группы факторов «Д» в современный период. При этом особое внимание следует уделить учету

⁹ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.

Рис. 1.3

группы факторов «Г», которые объединяют наиболее фундаментальные и долгосрочные (и наименее динамичные) факторы: систему национальных ценностей и национальных интересов. Именно эти факторы, в конечном счете, лежат в основе, являются фундаментом любого долгосрочного прогноза и стратегического планирования. Их недооценка правящей элитой неизбежно ведет к тяжелым последствиям, которые выражаются в искажении и даже разрушении как целеполагания (группа факторов «Б»), так и эффективности использования и развития национальных ресурсов (группа факторов «В»). Именно эти две группы факторов лежат в основе формирования любой стратегии государства, в т. ч. его военной доктрины и военной политики.

Не секрет, что основная борьба в мире развернулась именно на этом фронте. Примеров — множество, — но наиболее яркий из них — события 2014 года на Украине, где именно русофобство и искажение системы ценностей легло в основу политического курса элиты, которая пришла к власти в феврале 2014 года.

Другой пример — совместное заявление КНР и РФ о «новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия», подписанное В. В. Путиным и Си Цзиньпином 20 мая 2014 года, где не только запланирован рост товарооборота до 200 млрд долл. (с 90 млрд в 2014 г.) к 2020 году, но и подчеркивалось:

- «уважение исторического наследия...»;
- «системы ценностей...»;
- «обеспокоенность использования ИКТ» и т. д.¹⁰

Как видно из рисунка, обе группы проблем (определение главной цели и приоритетов — группа «Б» и распределение ресурсов — группа «В»), которые предстоит решать правящей элите, достаточно серьезно подвержены субъективному влиянию, хотя и имеют вполне объективный характер: в их основе лежит система национальных ценностей и интересов (группа факторов «Г»). Иными словами стратегическое планирование и подготовка соответствующих документов к стратегическому планированию зависят как от существующих и будущих объективных реалий, так и от субъективных оценок военно-политической элиты страны.

Значение объективного научного анализа возрастает при подготовке стратегических прогнозов и перспективных мер по нейтрализации возможных будущих опасностей, вызовов и угроз. В этом случае резко возрастает значение точной информации и прогноза факторов группы «А» — внешние факторы влияния, которые делятся, как минимум, на три подгруппы: во-первых, объективные факторы влияния и глобальные тенденции (А-1); во-вторых, внешние опасности (А-2); в-третьих, внешние военные угрозы (А-3). При этом с точки зрения временной перспективы их можно разделить на: ближнесрочную, среднесрочную и долгосрочную. В целом эти внешние факторы,

¹⁰ Цит. по: Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2014. 20 мая / <http://eurasian-defence.ru/>

относящиеся к группе «А», могут быть сгруппированы в следующую матрицу¹¹.

Факторы внешнего влияния (Группа «А»)

	Основная характеристика	Ближне-срочные	Средне-срочные	Долгосрочные
Временный порядок				
A-1	Внешние факторы влияния и глобальные тенденции			
A-2	Внешние опасности, (вытекающие из внешних факторов)			
A-3	Военные угрозы, (вытекающие из внешних опасностей)			

Эта матрица представляет собой лишь самое общее представление о группе факторов «А», которые делятся на более конкретные и подробные подгруппы. Так, очень влиятельную подгруппу представляют внешние объективные факторы влияния (подгруппа «А-1») которые тоже делятся, например, на

¹¹ См. подробнее: Подберезкин А.И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.

политические, которые в свою очередь, также делятся на более конкретные, например:

- регионализация;
- усиление многополярности и пр.;
- экономические;
- финансовые;
- научно-технические;
- технологические;
- социо-культурные и т. д.

1.4. Логическая схема стратегического прогноза международной и военно-политической обстановки

Для того чтобы заниматься стратегическим прогнозом необходимо создать самую общую модель, которая позволяла бы учитывать основные группы факторов, влияющих на прогноз, при том понимании, что в случае с прогнозом МО и ВПО таких факторов будут сотни тысяч¹².

Важно отметить также, что в интересах анализа ВПО, а тем более прогноза и планирования, требуется постоянно анализировать временную эволюцию этих факторов и тенденций, то есть рассматривать обстановку в динамике. Более того эти факторы могут иметь разную направленность в разные периоды времени. Так, в ближнесрочной перспективе некоторые факторы и тенденции могут даже противоречить своим проявлениям в долгосрочной перспективе, что имеет огромное значение для стратегического прогноза и планирования.

В целом принципиальная логическая схема, описывающая политический процесс и принятие решений, изложенная выше,

¹² См. подробнее: Подберезкин А.И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.

Рис. 1.4

применительно к стратегическому прогнозу и планированию в упрощенном виде будет иметь несколько измененный вид, который можно отразить в следующей модели.

Как видно из предлагаемой принципиальной логической схемы (рис. 1.4), будущая Международная и Военно-политическая обстановка (МО и ВПО), а также будущие основные цели и задачи государства будут зависеть, прежде всего:

- от группы факторов «А», причем, чем длительнее временной прогноз, тем больше будет эта зависимость («высота» группы факторов «Б» определяется прежде всего «высотой» времени (t);
- в определенной степени формулирование будущих главных целей и задач будет зависеть и от представлений правящей

элиты, которые могут иметь разную степень адекватности. Вместе с тем, изменение этих представлений (для нормальной, адекватной элиты) в течение 20–30 и даже 40 лет, как правило, не носят революционного характера. Так, представления правящей элиты США во втором десятилетии XXI века мало отличаются от времен А. Даллеса, хотя и прошло более 50 лет.

- относительно незначительное влияние в ближнесрочной и среднесрочной перспективе на группу факторов Б-1 оказывает и группа факторов «В» («Национальные ресурсы и возможности»), которые существенно меняются только в долгосрочной перспективе 15–20–30 лет. Так, группа факторов «В» оказывала в 90-е годы XX века мало влияния на прогноз основных целей и задач внешней политики ведущих государств. Даже такой динамично развивающейся страны, как КНР. Однако в перспективе более 15 лет, и особенно 30–40 лет эти факторы начинают оказывать все более сильное влияние, в зависимости от динамики экономического, социального и научного развития той или иной страны.
- в наименьшей степени, как показывает история, на долгосрочную перспективу формулирования будущих главных целей и приоритетов оказывает группа факторов «Г» — система национальных ценностей и интересов, — в силу того, что эта группа наименее динамично меняющихся факторов. Периоды, когда она «взрывообразно» влияет на всю систему МО, между тем имеют глобальное значение. Так, революционные изменения в России в 1917–1920 годах, революция Мэйдзи в Японии, промышленная революция в Англии, либо Великая французская революция 1789–1793 гг. привели к самым радикальным переменам. Поэтому исключать такое влияние группы факторов «Г» нельзя, ибо они меняют все представления о МО и ВПО.

Стратегическое планирование, таким образом, во многом предопределяется и зависит от влияния объективных процессов

и факторов. Причем в разной степени и нередко по-разному в различные временные периоды. Поэтому принципиально важно не только вычлнить эти важнейшие факторы, но и попытаться определить их приоритетное значение. Так, в развитии отдельных регионов и бизнеса, например, решающую роль играют следующие факторы:

- человеческие ресурсы;
- внешние инвестиции;
- новые партнеры;
- новые технологии.

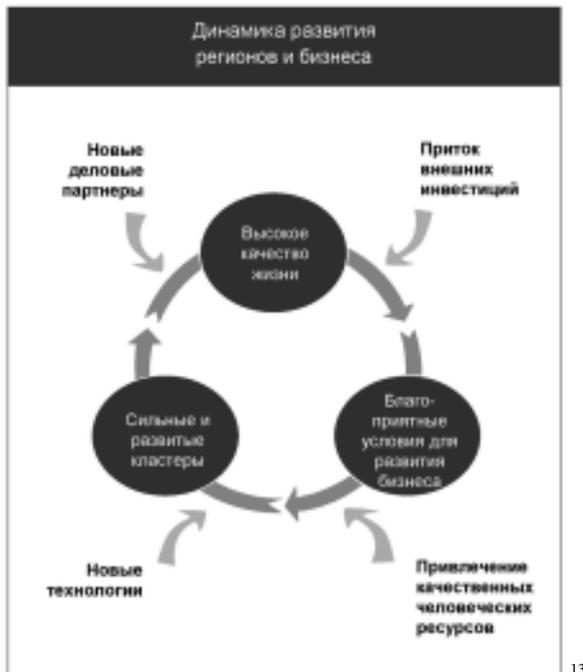

Рис. 1.5

13

¹³ Конкурентоспособность российских регионов / Strategy Partners Group. 2013. 11 октября / narod.president-fond.ru/media/files/ldrsov_presentation-XIVchteniya.pdf

Эта явно упрощенная модель, однако она вполне применима уже не только для отдельного региона, но и отдельного современного государства, где успех достигается за счет создания тех же условий:

- благоприятных МО и ВПО (условия для «развития бизнеса»);
- высокого качества жизни граждан, то есть уровня социально-экономического развития;
- сильных и развитых регионов («кластеров»).

Можно утверждать, что национальное стратегическое планирование в упрощенном виде должно быть нацелено на:

- создание благоприятны внешних условий (МО и ВПО);
- достижения высокого качества НЧК;
- развитых регионов страны, а не отдельных ее частей, где, как в сегодняшней России, региональный ВВП Москвы в 15–20 раз выше, чем, например, в Туве.

1.5. Влияние субъективных факторов на стратегический прогноз и планирование

На подготовку стратегического прогноза с самого начала оказывают влияние субъективные факторы, которые необходимо не просто принимать во внимание, но и учитывать, и по возможности избегать. Речь, прежде всего, идет о существующей в этот период доминирующей идеологии и ее отдельных проявлениях, в том числе в военной политике и социуме. Но не только. Значительное влияние оказывают социальные, групповые и личные интересы правящей элиты и экспертного сообщества.

Нередко на процесс стратегического планирования оказывает влияние и группа субъективных факторов — представлений правящей элиты страны (группа «Д») — о всех важнейших составляющих политического процесса (группах «А», «Б», «В» и «Г»), но прежде всего, конечно же, об основных целях политики

и национальных ресурсах, которые и составляют в своей совокупности основу государственной, в том числе и военной стратегии.

При этом нельзя всю группу факторов «Д» рассматривать как гомогенную. Правящая элита, разделена, во-первых, по своим политико-идеологическим взглядам, во-вторых, по интересам и в-третьих, по профессиональным, социальным и иным признакам. С определенной степенью условности эту группу в России в XXI веке можно разделить по следующим признакам (см. табл.).

Степень влияния	Политико-идеологическая ориентация	Отношение к вопросам национальной безопасности	Примечание
Очень сильное	Государственники	Приоритетное	
Сильное	Либералы — государственники	Внимательное	
Существенное	Либералы	Игнорирование	
Слабое	Националисты	Преувеличенное	

Это важно сделать потому, что решения в области стратегического планирования по вопросам внешней и военной политики в СССР и России в последние 25–30 лет во многом определялись не объективными реалиями, результатами анализа и стратегических прогнозов, а личными и идеологическими мотивами и предпочтениями руководителей государства.

Из истории мы знаем немало примеров ошибочного определения приоритетов внешней и военной политики, в результате чего государство понесло огромные издержки. Так, политические ошибки М. Горбачева и Б. Ельцина чрезвычайно негативно отразились на военных возможностях России, привели к потерям того, что было с таким трудом накоплено целыми поколениями русских людей.

Субъективные особенности советско-российской правящей элиты безусловно сказываются на устойчивости политической системы страны, политической стабильности общества, что имеет прямое отношение к стратегическому планированию.

Шкала оценки политического строя¹⁴

Степень неустойчивости (по возрастанию)	Политический строй
1	Консолидированные демократии / Абсолютные монархии
2	Неконсолидированные демократии / Переходные формы правления (от абсолютной монархии к конституционной)
3	Конституционные монархии
4	Автократии или авторитарные правления
5	Имитационные демократии

Нынешняя субъективность превращает стратегическое планирование в условность, когда не только стратегии и концепции меняются уже в краткосрочной перспективе одного-двух лет, но и важнейшие цели и приоритеты. Вся современная политическая история России — это история политической нестабильности и постоянной смены политических приоритетов, что, естественно, выбивает почву из-под всего процесса стратегического планирования. При этом существует ясная зависимость устойчивости политической системы и степени устойчивости или неустойчивости общественно-политической ситуации от общественных перемен, что наглядно видно, в том числе и на примерах других стран, где такие изменения по времени совпали с российскими переменами.

¹⁴ Исаев Л. М. Политический кризис в арабских странах: опыт оценки и типологизации / http://www.inafran.ru/sites/default/files/news_file/dis-sertaciya_isaev_final.pdf

Глава II.
Стратегическое планирование
в интересах национальной
безопасности: отечественный
и зарубежный опыт

Российские силовые структуры стоят перед похожими вызовами — экстенсивное развитие остатков ПГУ, копирование отдельных направлений западных спецслужб, попытка копировать аналитическую работу по программам подготовки спецназа и академии МИД и СВР.

*Авторы работы
«Венчурные фонды»*

Военная доктрина нации отличается от военной доктрины государства, в том числе в ценностном и нормативном плане¹

*А. Подберезкин,
профессор МГИМО*

За рубежом и в меньшей степени в России в последние десятилетия появилось немало теоретических работ, посвященных стратегическому прогнозу и стратегическому планированию в различных областях человеческой деятельности, включая военное дело. Суть этих работ, в конечном счете, сводится к минимизации субъективных ошибок, свойственных при принятии важнейших военно-политических решений, прежде всего за счет увеличения объемов и скорости обработки информации, поиска «интеллектуальных» механизмов ее систематизации и даже вычленения качественно значимых данных. Причем такие прогнозы и, как следствие, попытки стратегического планирования охватывают все более широкие сферы человеческой деятельности.

¹ Подберезкин А. И. Ответственность элиты // Вестник МГИМО(У). 2014. № 2. С. 224.

В частности, если речь идет о России, то кроме прогнозов социально-экономического, инновационного, научно-технического и иных видов развития, в XXI веке появились отраслевые, региональные и даже местные долгосрочные прогнозы.

За рубежом футуристические и стратегические прогнозы получили большое распространение, в особенности, когда речь идет о прогнозах национальной безопасности. Практически регулярными стали прогнозы Национального комитета разведки США, Всемирного банка, ООН, других международных институтов. Например, особое значение имеют глобальные демографические долгосрочные прогнозы (рис. 2.1)².

Большое внимание также уделяется созданию новых алгоритмов подготовки и принятия решений, анализу ситуации, мониторингу, прогнозу и планированию. Можно сказать, что в последние 10–15 лет на Западе была проделана огромная работа по «интеллектуализации» военной политики, прежде всего стратегического военного планирования, что позволило значительно оптимизировать военные расходы. Представляется, что

Рис. 2.1

² Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее / <http://library.newparadigm.ru/files/b7r.pdf>

сохранение стабильно низких военных расходов в Европе (на уровне 2% и даже 1% ВВП), а также сокращение военных расходов США в последние годы во многом было вызвано именно «интеллектуализацией» военной политики.

В этом смысле можно согласиться со справедливым утверждением ученых МФТИ, которые написали в своей работе 2013 года: «Наша уникальная возможность состоит в том, что мы можем изучить 14-летнюю историю реформ в национальной разведке США и, проанализировав удачные решения, избежать основных ошибок. Но для правильного понимания изменений, прежде всего, необходимо понять образ мысли тех людей, усилиями которых были проведены эти реформы»³. Особенно важно это иметь в виду, когда речь идет о долгосрочных последствиях таких решений. Так, например, командование ВМС США весной 2014 года заключило контракты на строительство десяти атомных подводных лодок типа «Вирджиния» стоимостью 17,6 млрд долл., которые будут находиться на вооружении, по меньшей мере, до 2060 года⁴.

	«Сивулф»	«Вирджиния»
Внешний вид		
Годы постройки	1989–2004	1999 — н. в.
Годы службы	1997 — н. в.	2004 — н. в.
Построено	3	10 (30 план)
Водоизмещение надводное (т)	7460	7080
Водоизмещение подводное (т)	9130	7925
Число ТА / ПУ ракет	8 / —	4 / 12

³ Венчурные фонды. М.: МФТИ. 2012. С. 5.

⁴ ВМС США купили подлодок на 18 миллиардов долларов / Эл. ресурс: «ЦВПИ» и «Лента.RU». 2014. 29 апреля / <http://eurasian-defence.ru/>

Эти лодки составят основу морской мощи США в XXI веке, но не только. Развертывание этих лодок внесет существенные изменения в баланс сил, формируемый ВТО, прежде всего КРМБ, а также увеличению способности США наносить удары с помощью КРМБ с разных стратегических направлений. Учитывая, что таких лодок будет развернуто, как минимум, 30, а КРМБ, — соответственно, — 360, это может означать появление нового фактора в стратегическом уравнении Россия — США.

Также, впрочем, как в 1964 году в ВВС США (Корпорация «РЭНД») оценивались возможности советских перехватчиков.

Размещение советских истребителей в целях перехвата самолетов, размещенных на базах ВВС США

Рис. 2.2⁵

⁵ Analysis for Military Decisions, Edited by E. S. Quade. November 1964. http://scholar.google.ru/scholar_url?hl=en&q=http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc%3FAD%3DAD0453887&sa=... <http://dtic.mil/dtic/AD0453887.pdf>. С. 39.

2.1. Нивелирование роли субъективного фактора в стратегическом планировании

Субъективный фактор присутствует в большей или меньшей степени во всех политических решениях. Однако в стратегическом планировании «цена ошибки», обусловленная этим фактором может быть особенно высока. Поэтому в США, например, публично и в закрытом режиме ведется бурная интеллектуальная работа в области военного искусства. Так, принятый 5 января 2012 года МО США документ «Поддержка глобального лидерства США: приоритеты в XXI веке», конкретизирует с точки зрения МО ранее принятые общие документы, касающиеся, прежде всего военно-политической обстановки, вызовов и угроз и будущего развития Вооруженных Сил США. Что принципиально важно, так это то, что новый документ, с одной стороны, готовит ВС США к адекватному ответу на новые вызовы и угрозы, а с другой — приводит в соответствие эти меры с ресурсной базой страны. С точки зрения главной военно-политической цели — способности ВС США одновременно вести «две большие войны» (а при Р. Рейгане даже «две с половиной войны») — при Б. Обаме ставится цель более скромная — «ведение одной большой войны» и «предотвращение второй потенциальной войны». Другими словами, при Б. Обаме произошел определенный пересмотр военных возможностей США, которые были приведены в соответствие с новыми задачами и приоритетами.

При этом в документе говорится, что акцент будет сделан на обеспечение бесперебойного доступа США и их союзников к жизненно важным природным ресурсам, а также безопасности путей доставки товаров и услуг морскими и воздушными путями (так называемые «зоны глобальной значимости» — ЗГЗ, иначе *global commons*). Любой госу-

дарственный или негосударственный актор, который создает помехи в этих ЗГЗ, автоматически становится источником угрозы национальной безопасности США и попадает в разряд их противников, против которых дозволено использование военной силы⁶.

Новый документ может быть расценен и следующим образом: современная военная доктрина США усиливает акцент не на контроле отдельных территорий, а пространств, где расположены значимые природные ресурсы и транспортные коридоры. Контроль над территориями, неизбежно связанный с оккупацией и ролью сухопутных сил, уступает место контролю над ресурсами и транспортными коридорами. Для России этот вывод имеет особое значение, ибо азиатская часть нашей страны является, как местом концентрации природных ресурсов, так и пространством для транспортных коридоров, как с запада на восток, так и с севера на юг.

В соответствии со сменой этих военно-политических приоритетов в США происходят и изменения в распределении национальных ресурсов, выделяемых на оборону. Учитывая возросшую роль ВКО и в целом НИОК, эти расходы увеличиваются. В других областях, которые являются менее приоритетными, они сокращаются. Так, в новой доктрине предполагается существенное сокращение военного потенциала США в некоторых родах и видах ВС. К 2020 году планируется существенное сокращение личного состава сухопутных сил США (по самому скромному варианту — с 570 тыс. до 482 тыс. чел., по более радикальному — до 360 тыс. чел.) и корпуса морской пехоты (с 220 до 175 тыс. чел. (или даже до 154 тыс. чел.)). Численность гражданских служащих Министерства обороны должна уменьшиться на 20% (до 630 тыс. чел.) или на 30% (до 550 тыс.). Сокращаются «силы передового базирования» США

⁶ Кобышев В., Сергунин А. Что означает новая военная доктрина США для России? / Эл. ресурс: «Экспорт вооружений». 2012. 16 февраля / <http://www.arms-expo.ru/055057052124050054055054055.html>

в Европе и Азии (со 150 до 100 тыс. чел.). Во многом эти сокращения компенсируются усилением роли ВТО и ВКО, а также ростом мобильности ВС, роботизацией и автоматизацией ведения военных операций.

Общий объем «экономии» военного бюджета составит за ближайшие десять лет 450 млрд долл. (реалистичный вариант) или 1 трлн долл. (наиболее радикальный вариант, против которого возражают сами военные и нынешний министр обороны Л. Панетта). Планируется также введение системы строгого аудита минобороны, известного своей расточительностью и коррупционными связями с ВПК⁷. Таким образом, в 2010 году в США были приняты принципиальные решения, уточняющие на долгосрочную перспективу обе группы проблем, лежащих в основе военной политики США: цели и задачи политики и ресурсы, выделяемые для их решения.

Есть все основания для того, чтобы в Военной доктрине России также были осуществлены корректировки и сделана существенная переоценка ситуации, прежде всего в двух ведущих группах факторов: целей и задач внешней и военной политики, прежде всего с точки зрения определения их четкой приоритетности, имея в виду национальную безопасность. Причем как внешних, так и внутренних опасностей и угроз с выделением впоследствии из них «чисто» военных. Представление о приоритетах таких угроз национальной безопасности дают многие данные: их перечень — в официальных документах и заявлениях, бюджетных приоритетах, кадровых и иных административных решениях, деятельности отдельных федеральных органов власти. Так, например, в деятельности Росфинмониторинга такая приоритетность просматривается отчетливо (рис. 2.3).

⁷ Кобышев В., Сергунин А. Что означает новая военная доктрина США для России? / Эл. ресурс: «Экспорт вооружений». 2012. 16 февраля / <http://www.arms-expo.ru/055057052124050054055054055.html>

Работа Росфинмониторинга по приоритетным направлениям деятельности

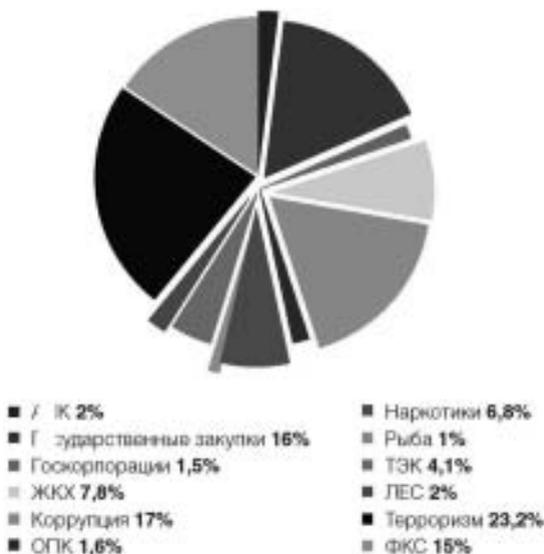

Рис. 2.3⁸

Аспекты в работе Росфинмониторинга отчетливо показывают приоритеты в деятельности Правительства РФ и обеспечение руководства страны внутренними опасностями и угрозами, которые распределяются следующим образом:

1. Борьба с терроризмом (23,2%);
2. Коррупция (17%);
3. Государственные закупки (16%);
4. ЖКХ (7,8%);
5. Наркотики (6,8%).

⁸ Публичный отчет о работе Федеральной службы по финансовому мониторингу в 2013 году / http://fedsfm.ru/content/files/activity/annualreports/%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82_2013.pdf. С. 13.

Очевидно, что на первом месте (борьба с терроризмом) оказались внутренние военные опасности, которые, во-первых, связаны с внешними факторами (поддержкой из-за рубежа), и, во-вторых, скоррелированы с другими приоритетами, которые в наибольшей степени влияют на дестабилизацию и развитие внутренних опасностей, превращения их во внутреннюю военную угрозу, прежде всего сепаратизма. При этом такие уточнения и корректировки должны быть сделаны в соответствии с целями и задачами национальной стратегии, а не исходя из интересов отдельных родов и видов ВС России, финансово-промышленных групп и других лоббистских объединений. Поэтому определение этих параметров должно быть сделано не на уровне МО и ГШ, а на уровне высшего политического руководства с участием МИД, СВР, руководства ФС РФ и представителей структур всей военной организации страны.

К решению таких задач необходимо привлечь также экспертное сообщество, общественные институты и региональные органы власти. Только при таком «соборном» общем понимании целей и задач развития нации определение приоритетов и угроз может стать реальным обоснованием для решения, какими средствами и в каком объеме (откровенно говоря, — какой «долей ВВП») должна жертвовать нация. Особое значение в этой связи приобретает увеличение эффективности использования выделяемых на военные цели ресурсов. Надо понимать, что, не имея союзников, Россия может рассчитывать в основном только на собственные силы. Видимо, объективный предел, на который мы можем ориентироваться, расходов на оборону, составляет не более 5% своего ВВП. Собственно масштаб, объем национальных ресурсов в целях обороны определяется такого рода показателями. Другое дело, что политические цели и средства лежат за пределами экономических критериев, потенциально существенно расширяя национальные возможности обеспечения безопасности.

Наконец, очень важный вопрос заключается в том, насколько эффективно тратятся эти ресурсы, если цели и приоритеты правильно сформулированы. Именно такая задача представляется самой трудной для решения потому, что в России не существует ни «реальных денег», ни процесса конкуренции при выборе того или иного решения, ни тем более процесса оценки по критерию «стоимость — эффективность». Основные решения по распределению ресурсов принимаются субъективно, как правило, игнорируя как поставленные цели и задачи, так и механизм распределения ресурсов. Поэтому нам изначально важно решить три принципиально управленческие задачи:

1. Определить военно-политические цели и задачи, оформить их законодательно и нормативно;
2. Уточнить распределение ресурсов, прежде всего бюджетных, для решения этих целей и задач;
3. Создать эффективный механизм распределения выделенных национальных ресурсов и контроля над их использованием.

Эти задачи являются ключевыми для военной политики современного государства и им должно быть уделено самое пристальное внимание. К сожалению, в прежние десятилетия именно эти задачи «выпадали» из поля зрения высшего руководства страны, более того, нередко сознательно им игнорировались.

На протяжении последних 50 лет специалисты американской исследовательской корпорации РЭНД старались решить проблему неопределенности в долгосрочном стратегическом планировании. Успехи РЭНД в этом направлении связаны с исследованиями, которые выполнялись на пересечении четырех областей знания: компьютерные технологии, теория и практика стратегического планирования, теория сложных адаптивных систем, аналитическая теория (см. рис.). Исследования РЭНД подчеркивают следующий тезис. Неопределенность при стратегическом планировании необходимо преобразовать в пространство возможностей или пространство сценариев.

Рис. 2.4

Разрабатываемая стратегия для пространства возможностей должна максимизировать пространство успеха и минимизировать пространство провала (см. рис. 2.4). Выделение отдельных областей данного пространства позволяет выявить риски и возможности, связанные с той или иной областью. Это, в свою очередь, позволяет найти опции, позволяющие улучшить возможности или выбрать наиболее оптимальные из множества пространства сценариев. Анализ возможных сценариев позволяет лучше понять и провести сравнение опций, создавая условия для формирования экономически приемлемого ответа на стратегические вызовы.

Чтобы продемонстрировать суть данной философии на рис. 2.5 приводится схематический пример двумерного пространства возможностей, сформированного двумя факторами неопределенности. В зависимости от того, какая будет выбрана стратегия, А или Б, и как хорошо она будет реализована, ситуация оказывается в той или иной точке данного пространства. Вероятнее всего обе стратегии окажутся успешными в стандартном случае, однако стратегия Б, обеспечивает большую вероятность успеха или, по крайней мере, обеспечивает больше возможностей для успеха в зависимости от других факторов на большей части пространства возможностей. В этом смысле

стратегия Б является более устойчивой по отношению к возможной неопределенности.

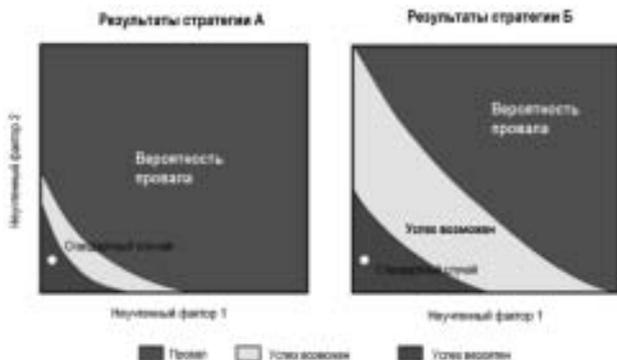

Рис. 2.5. Сравнения стратегий А и Б на диапазоне условий 1 и 2

Исследователи РЭНД дают следующие рекомендации по долгосрочному стратегическому планированию в условиях неопределенности. Работа с неопределенностью требует как креативного, многоаспектного анализа всего диапазона возможностей, так и сведения всего многообразия возможностей в четкие рекомендации, которые позволят лицам, принимающим решение, лучше понимать и осуществлять выбор из множества предлагаемых стратегий. На обоих этапах процесса необходимо привлекать человеческий потенциал (для организации мозгового штурма, игры, и т. д.), так и использование аналитических методов с применением вычислительной техники.

Работа должна быть основана как на теоретическом анализе, так и на обработке большого массива данных. Для уменьшения неопределенности важным является неоднократное повторение сценариев для различных условий. Хотя предполагается, что разрабатываемые стратегии не должны меняться в течение долгого периода времени, в реальности они постоянно пересматриваются. По мере возможности процесс планирования должен предусматривать возможность и необходимость неко-

торой адаптации и идентифицировать сигналы и индикаторы, запускающие процесс адаптации.

Поскольку в любом случае будет иметь место неожиданное развитие событий, планирование должно также обеспечить общие средства и возможности, а также организационную гибкость, делающие возможной быструю адаптацию к непредвиденным обстоятельствам. Таким образом, гибкость является частью хорошего планирования и позволяет «справиться» с неожиданностью, как неотъемлемым свойством реальности.

Общая концепция хорошей аналитической практики, работающей с неопределенностью, сводится к тому, чтобы показать ответственному лицу ключевые предположения, убедиться, что он их понимает и затем представить результаты. Однако даже если политики принимают предположения, в дальнейшем необходимо будет их дополнять. Необходимо быть уверенным, что: исключенные вследствие неопределенности из анализа соображения и аспекты не оказывают критического воздействия на сделанные заключения и выводы; сделанные выводы и заключения позволяют выявить разумные способы хеджирования (выстраивания преград, методов борьбы) последствий неопределенности и включают подготовку к адаптации. Причем привлечение внимания политика к важности такого хеджирования, оказывается гораздо более ценным, чем шлифовка и доведение базового варианта стратегии, разрабатываемого в рамках аналитического исследования.

Важным направлением исследований проблемы неопределенности в корпорации РЭНД является анализ аксиоматических допущений при долгосрочном планировании. Естественно, что долгосрочное планирование на 30–50 лет сильно зависит от таких допущений. Ограничение любого долгосрочного плана заключается в том, что он принципиально не может противоречить картине мира авторов плана, или тех, кому этот план адресован. Картина мира — система интуитивных представлений о реальности. Следует подчеркнуть системность картины

мира, из чего следует, что она должна быть внутренне непротиворечивой. Картина мира может быть, довольно сказочной, но в любом случае она должна быть внутренне непротиворечивой. Различают философскую картину мира, которая состоит из системной совокупности различных объяснений мироздания и связей в нем. Также существует религиозная картина мира, которая основана на вере в божественный замысел о мире и божественное творение, и мира, и человека.

Выделяют также научную картину мира, которая складывается из доминирующей научной парадигмы и системы сопутствующих теорий. В рамках научной картины мира проводятся исследования, строятся научные прогнозы, создаются экспериментальные и промышленные образцы. В отличие от религиозной картины мира, философская и религиозная картины мира способны к эволюции. При этом научная картина мира наиболее динамичная. Основное ее отличие заключается в средневековой максиме, согласно которой естественные явления следует объяснять только через естественные явления. Философская и религиозная картины мира кроме естественной, наличной действительности включают в себя также трансцендентную реальность.

В создании отдельно взятого человека все эти картины мира, как ни странно, могут сосуществовать. При этом знание, полученное в рамках одной картины мира, принципиально не совместимо со знанием, полученным в рамках другой картины мира. Научное знание несовместимо с религиозным опытом, метафизические объяснительные схемы целенаправленно отвергаются наукой, которая основана на позитивизме. Тем не менее, на фундаментальном уровне, опыт человека может объединять все картины мира. В философии существует направление, которое непосредственно изучает априорные основания научного знания — философия науки. Огромное влияние на философию науки и на саму науку оказала и религия. П. Гайденко убедительно показывает, что такие абстрактные понятия

как бесконечно малая величина или ноль пришли в математику из религиозной философии средних веков⁹.

В сфере стратегического долгосрочного планирования исследователи пользуются той картиной мира, которая доминирует в их сознании. Так как сфера планирования включает в себя не только технологический и экономический компоненты, но и политический, на процесс долгосрочного планирования влияние могут оказывать и философская, и религиозная картины мира. Политика, в конце концов, — это практическое выражение морали, того, что человек, общество и государство желают иметь или того, чем они желают быть. Трудно не согласиться со словами директора института философии РАН, академика А. А. Гусейнова, который размышляя о связи политики и морали, пришел к выводу, что «адекватно понятая политика не может не быть продолжением морали, точно так же как адекватно понятая мораль не может не развернуться в политику, что они, словно два лица единого Бога входов и выходов Януса, не могут отделаться друг от друга без того, чтобы это не погубило каждую из них в отдельности»¹⁰.

2.2. Проблема допущений в стратегическом планировании

Отправной точкой построения реалистичного стратегического прогноза должна быть его непротиворечивость, хотя бы в рамках той картины мира, которая имеется у создателя прогноза или его адресата. Однако проблема заключается в том, что состояние мира через 30 или 50 лет может противоречить любой существующей сегодня картине мира. Можем ли мы представить

⁹ Гайденко П. П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М., 2009.

¹⁰ Гусейнов А. А. Мораль и политика: уроки Аристотеля // Философия. Политика. Культура. М.: Прогресс-Традиция, 2011. С. 4–25.

мир, основным источником энергии в котором служит Солнце, а не углеводороды; мир без традиционных ценностей семьи и брака; мир без четкой гендерной дифференциации; мир без ядерного оружия; мир, в котором солдатами будут роботы и т. д. Как представить то, опыта чего у нас просто нет сейчас? Как построить план для реальности, которой мы не знаем?

Поэтому долгосрочное прогнозирование должно предполагать постоянную проблематизацию априорных допущений плана с тем, чтобы эти допущения можно было менять вслед за меняющейся реальностью. Если допущения останутся константой в постоянно меняющемся мире, то любое планирование на их основе обречено на провал. Планировать без допущений невозможно.

Дж. Девор приводит в своей книге такой эпизод¹¹. «Группа американских военных офицеров собирается в 1940 году, чтобы обсудить возможное будущее, чтобы определить события, которые могут с высокой вероятностью привести к конфликту. Один из них предполагает воздушную атаку Японии на базу ВМС США на Гавайях. Это предположение сразу отвергается всеми остальными». Отвергается, потому, что оно разрушало картину мира этих офицеров. Для них противник — рациональный актер, не способен на самоубийство. Атака Японии на базу ВМС США с точки зрения военного планирования расценивалась в американских военных кругах того времени как акт безумия и самоубийства.

Анализ допущений при планировании как направление исследований сформировался в РЭНД в конце 1980-х гг. В 1987 г. Дж. Девору и М. Х. Левину, специалистам из РЭНД, было предложено оказать помощь армии США со стратегическим планированием, которое на тот момент было представлено двумя проектами: 15 летний план «AirLandBattle Future», и 30 летний план «Army 21». Они занялись работой над 30-тилетним планом.

¹¹ Dewar J.A. Assumption-based planning: A tool for reducing avoidable surprises. — Cambridge University Press, 2002.

Даже для довольно стабильного с геополитической точки зрения мира 1987 года поставленная задача — разработать наиболее вероятный сценарий развития военно-политической обстановки на 30 лет — была довольно сложной. Поэтому авторам исследования было предложено кроме «наиболее вероятного» сценария разработать альтернативный сценарий. В работе над альтернативным подходом как раз и сформировалась методология планирования, основанного на допущениях.

В то время в США доминировали два подхода к стратегическому планированию и к преодолению неопределенности, общим для которых было сценарное планирование. Первый подход предусматривал разработку группой футурологов множества сценариев мирового развития на 30–50 лет, из которых аналитики затем выделяли наиболее репрезентативную группу сценариев. Второй подход заключался в анализе существующей военно-политической конфигурации мира, выделении нескольких параметров или измерений этой конфигурации и определения точек экстремума для них. Затем создавались три сценария: наиболее оптимистичный, наиболее пессимистичный и средний, консервативный сценарий.

Основная проблема первого подхода заключается в том, что футуристы, как правило, не учитывают в своих сценариях целей и интересов заказчика стратегического плана. Их сценарии всегда носят довольно абстрактный характер. Поэтому такие планы довольно сложно связать с целями и задачами, стоящими перед конкретной организацией или государством. Проблема второго подхода состоит в условности выделения тех или иных параметров мирового развития, определения наиболее важных параметров, а также в трудностях определения точек экстремумов. Довольно сложно определить, где следует остановиться, чтобы не утратить связь с планируемой реальностью.

Эти проблемы заставили исследователей обратиться к допущениям или предположениям, из которых исходили ВС США относительно мирового развития в целом и трансформации

военно-политической обстановки в частности. Затем они постарались определить, какие из этих допущений, скорее всего, изменятся через 30 лет и каковы будут последствия этих изменений. Узнать картину миру ВС США можно было из документов проекта «AirLandBattleFuture» (стратегическое планирование на 15 лет). Проанализировав документы данного проекта, исследователи выделили 4 таких допущения и предложили по одному сценарию для мира, в котором одно из 4 допущений оказалось ложным. Один из этих сценариев назывался «Горбачев сработал». Основывался этот сценарий на предположении, что допущение ВС США, согласно которому СССР является врагом США, при чем вечным врагом, не будет соответствовать действительности через 30 лет. Исследователи предположили, что политика гласности и перестройка, проводимые в то время Горбачевым, будут доведены до конца, что должно было привести к фундаментальным изменениям в СССР, сама природа советского режима должна была трансформироваться и СССР перестанет быть врагом США при этом произойдет сближение двух Германий. Конечно, они тогда не предполагали, что СССР в ходе перестройки просто перестанет существовать как геополитическая реальность, а Берлинская стена будет разрушена.

Такой сценарий принципиально не вписывался в картину мира военного командования США, поэтому работа была положена в стол. Кроме того, ВС США решили сконцентрировать внимание на 15-летнем плане. Но два года спустя, когда рухнула Берлинская стена, а СССР доживал свои последние месяцы, о плане вспомнили. Дж. Девора и М. Х. Левина вновь привлекли к работе по стратегическому планированию и попросили, используя методологию, которую они разработали в 1987 г., попробовать построить стратегический прогноз на следующие 30 лет уже в радикально изменившейся геополитической ситуации.

Разработанная исследователями методология получила известность как «планирование на основе допущений» (assumption-based planning или АВР). Она стала успешно применяться

не только для военно-политического планирования, но и в корпоративной сфере. За прошедшие 20 лет она доказала свою эффективность. Остановимся подробнее на этой методологии.

Планирование на основе допущений (ПОД) является инструментом направленным на повышение надежности и адаптивности долгосрочных планов, для уменьшения количества предотвратимых неожиданностей, которые неизбежны в любом плане или планировании. Это в первую очередь инструмент «пост-планирования» (признание того факта, что планирование является циклическим процессом), который направлен на анализ допущений, сделанных в уже разработанном плане, которые наиболее важны для успеха этого плана, и при этом являются наиболее неопределенными. В частности, ПОД направлен на уменьшение рисков, с которыми связаны допущения. Пять основных шагов в ПОД показаны на следующем рисунке (рис. 2.6).

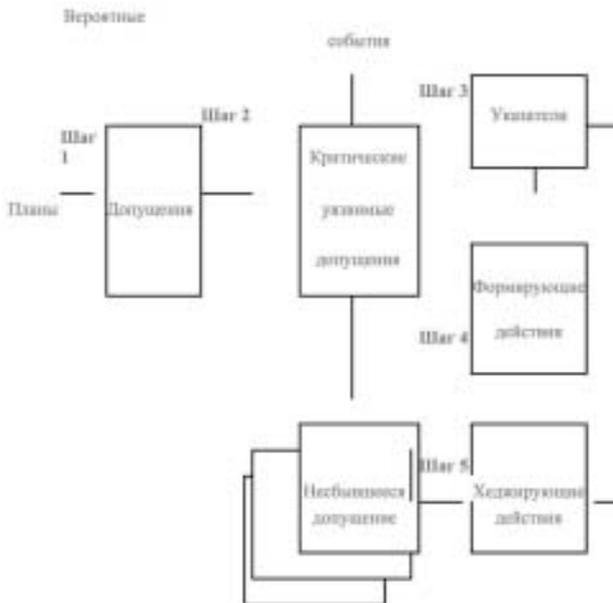

Рис. 2.6

Первым шагом в ПОД является выявление допущения в плане. План на тихий ужин в пятницу на двоих на патио содержит несколько допущений: согласие двух участников в пятницу, наличие свободных столов в ресторане в это время, хорошая погода, наличие средств и т. д.

Вторым шагом в ПОД является выявление допущений, от которых успех плана зависит в наибольшей степени, а также допущений, которые являются наиболее уязвимыми от внезапных поворотов будущих событий. Допущения, которые одновременно являются и критическими для успеха плана, и наиболее чувствительными к изменениям контекста, могут преподнести самые неприятные сюрпризы.

Для предупреждения возможных неприятных сюрпризов ПОД предлагает три инструмента: указатели, формирующие действия и хеджирующие действия. Указателями служат некоторые показатели состояния критических и уязвимых допущений, которые необходимо постоянно мониторить. Указатели являются событиями или пороговыми значениями состояний, которые в случае определения при мониторинге будут указывать на то, что уязвимое допущение провалилось и требуется изменение или исправление первоначального плана.

Формирующие действия необходимы для поддержки допущений, для обеспечения контроля над будущим настолько это возможно. Формирующие действия призваны обеспечить реализацию допущений в интересах планировщика.

Хеджирующие действия позволяют подготовиться к ситуации, когда критически важные, но уязвимые допущения все же провалились, несмотря на все формирующие действия, направленные на их поддержку. Хеджирующие действия определяются путем проигрывания сценария, в котором критические допущения провалились. Такой гипотетический сценарий позволит увидеть, что можно будет сделать в этом случае.

Нельзя надеяться, что удастся выявить все причины, почему план может провалиться или подготовить план, который

будет способен выдержать любые изменения контекста. Существует бесчисленное количество событий, которые могут нарушить даже самый лучший план. Основная задача ПОД состоит в том, чтобы отслеживать возможные нарушения допущений, сделанных в плане и быть готовым к реагированию на них.

Многие из допущений, на которых основан план, имеют исключительно субъективную природу и связаны с личностью планировщиков. Такие допущения необходимо выявлять и избавляться от них. Провалы планов, связанные с такими не вынужденными допущениями, довольно просто избежать.

Таким образом, ПОД является инструментом не планирования, а тестирования существующих планов, прогнозов и стратегий на их устойчивость, уязвимость в контексте изменчивой реальности, а также для определения формирующих и хеджирующих действия, с помощью которых можно обеспечить цели и интересы заказчиков.

Интересным представляется использовать методологию ПОД для определения критических допущений, присутствующих во внешнеполитическом планировании России, на основе анализа Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. (принята в 2009 г.) и Концепции внешней политики РФ от февраля 2013 г. Возьмем, к примеру, допущения относительно мирового развития. Они содержатся в разделах, посвященных описанию состояния и тенденциям развития современного мира.

В Концепции внешней политики РФ можно выделить следующие допущения:

- *Формирование полицентричной международной системы.* В Концепции указывается, что катализатором «глубинных сдвигов в геополитическом ландшафте» стал глобальный финансово-экономический кризис. Предполагается, что трансформация архитектуры мировой политики будет сопровождаться «повышением турбулентности экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях».

- *Сокращение возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике.* В Концепции указывается, что «мировой потенциал силы и развития» смещается на Восток в Азиатско-Тихоокеанский регион.
- *Размывание структуры глобальной безопасности.* Исходя из того, что крупномасштабные войны между государствами маловероятны, государства развивают новые виды вооружений для отражения новых, нетрадиционных угроз. Эти новые виды вооружений не вписываются в систему договоров и институтов существующей глобальной безопасности, размывая ее.
- *В глобальном мире невозможно построить отдельные «оазисы спокойствия и безопасности».* Предполагается, что с глобальными угрозами и вызовами можно справиться только при условии «соблюдения универсальных принципов равной и неделимой безопасности применительно к евроатлантическому, евразийскому и азиатско-тихоокеанскому пространствам».
- *На смену блоковым подходам к решению международных проблем приходит сетевая дипломатия.* Указывается, что «традиционные военно-политические союзы не могут обеспечить противодействие всему спектру современных вызовов и угроз», поэтому необходимо развивать новые более гибкие инструменты, которыми является сетевая дипломатия.
- *Горизонтальное рассредоточение ресурсов влияния по различным сферам мировой политики.* В концепции отмечается, что «наряду с военной мощью, на первый план выдвигаются такие важные факторы влияния государств на международную политику, как экономические, правовые, научно-технические, экологические, демографические и информационные».
- *Эрозия западноцентричной Бреттон-Вудской системы глобального экономического управления.* В Концепции от-

мечается, что глобальный экономический кризис, а также «нерешенность структурных проблем и затяжная депрессия в ведущих странах Запада» указывают на необходимость «создания новых, более сбалансированных и отвечающих реалиям глобализации мировых торговой и валютно-финансовой систем».

- *Усиление конкуренции вокруг распределения стратегических ресурсов.* Особенно острая конкуренция наблюдается за энергетические ресурсы. Предполагается, что эта конкуренция будет только усиливаться.
- *Обострение соперничества различных ценностных ориентиров и моделей развития в рамках универсальных принципов демократии и рыночной экономики.* Указывается, что такое соперничество происходит на цивилизационном уровне. При этом понятия демократии и рыночной экономики являются универсальными для всех.
- *Преобладание новых вызовов и угроз, имеющих трансграничную природу.* Традиционные угрозы, связанные с межгосударственными конфликтами, будут продолжать отходить в прошлое, а новые угрозы усиливаться. Под новыми угрозами понимаются, «распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки, международный терроризм, неконтролируемый трафик оружия и боевиков, радикализация общественных настроений, провоцирующая религиозный экстремизм и этноконфессиональные антагонизмы, нелегальная миграция, морское пиратство, незаконный оборот наркотиков, коррупция, региональные и внутренние конфликты, дефицит жизненно важных ресурсов, демографические проблемы, глобальная бедность, экологические и санитарно-эпидемиологические вызовы, изменение климата, угрозы информационной и продовольственной безопасности».
- *Укрепление регионального уровня глобальной системы управления.* Под этим понимается децентрализация глобального

управления, превалирование регионального уровня над глобальным.

- *Ценностной основой совместных действий должен стать общий духовно-нравственный знаменатель у основных мировых религий.* Предполагается наличие такого знаменателя и возможность его использования в качестве основы для совместных действий.
- *ООН как центр регулирования международных отношений и координации мировой политики в XXI веке.* Предполагается, что на глобальном уровне центральным институтом управления будет оставаться ООН.

В Стратегии национальной безопасности РФ можно выделить схожие допущения:

- *Продолжение нарастания глобализации.* Утверждается, что развитие мира идет по пути глобализации всех сфер международной жизни.
- *Формирование полицентричной архитектуры мира за счет регионализации.* Отмечается, что «в результате укрепления новых центров экономического роста и политического влияния складывается качественно новая геополитическая ситуация. Формируется тенденция к поиску решения имеющихся проблем и урегулированию кризисных ситуаций на региональной основе без участия нерегиональных сил».
- *Кризис Евро-Атлантического центра глобального управления.* Подчеркивается «несостоятельность существующей глобальной и региональной архитектуры, ориентированной только на Организацию Североатлантического договора».
- *Сохранение роли углеводородов в качестве основного источника энергии.* Предполагается, что «внимание международной политики, на долгосрочную перспективу, будет сосредоточено на обладании источниками энергоресурсов, в том числе на Ближнем Востоке, на шельфе Баренцева моря и в других районах Арктики, в бассейне Каспийского моря и в Центральной Азии».

- Организация Объединенных Наций и Совет Безопасности Организации Объединенных Наций сохраняют свою роль, т. к. они остаются центральным элементом стабильной системы международных отношений.

Перечисленные допущения, можно обобщить в следующую картину мира. В современной системе международных отношений происходит перемещение центра тяжести от Евро-Атлантики к АТР, ускоренное глобальным экономическим кризисом, при этом уровень глобального управления смещается на региональный уровень, при сохранении координирующей роли за ООН. В результате мир становится полицентричным. Смещение центров власти сопровождается обострением конкуренции между ценностно-цивилизационными основаниями моделей развития, повышением опасности от нетрадиционных вызовов и угроз, усилением борьбы за углеводороды, а также рассредоточением властных ресурсов влияния между различными сферами мировой политики.

Какие из перечисленных допущений, могут не существовать через 30 лет? Одним из них является «сокращение возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике». Действительно, смещение центра тяжести в мировой политике от Атлантики к Тихому океану очевидно. Возможности США постепенно сокращаются. Это отмечают многие исследователи даже в самих США. Однако это не первый раз, когда на повестку дня выходит тезис о закате исторического Запада. Всякий раз Запад изыскивал возможности сохранить свои лидирующие позиции, смещение центра тяжести происходило внутри самого Запада.

Возможность перемещения этого центра от Запада к Востоку сегодня, возможно, как никогда высока. Однако не следует ожидать, что Запад позволит этому сценарию реализоваться без всякого сопротивления. США скорее всего постараются консолидировать Запад для мобилизации экономики Евро-Атлантики и сохранения доминирующего положения в мире.

Такие действия уже предпринимаются. В 2013 г. Б. Обама инициировал проект Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (Т-ТИР) между США и ЕС. По замыслу этот проект, в случае своей реализации, должен стать крупнейшей зоной свободной торговли и скорее всего, позволит остановить процесс смещения геополитического центра тяжести.

Консолидация Запада ставит Россию в сложную ситуацию выбора. Очевидно, что российский проект Евразийского экономического союза — попытка выбрать третью из двух опций: ни Запад, ни Восток, а Евразию. Однако в условиях геополитической поляризации мира реализовать такой проект для России будет крайне сложно. Нашей стране все же придется сделать выбор между Западом и Востоком.

Гражданская война на Украине — во многом побочный результат попытки США консолидировать Запад. Сегодня эта братоубийственная бойня служит катализатором объединения Запада. Этим же можно объяснить и череду цветных революций на постсоветском пространстве.

Скорее всего, США удастся продать Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, так как оно представляет не меньшую выгоду для ЕС, чем для США, и сохранить, таким образом, доминирующие позиции в мире. Поэтому России целесообразно было бы сделать, сегодня, прозападный выбор. Однако гражданская война на Украине делает его практически невозможным. Поэтому весьма вероятно, что России придется переориентироваться на Восток, который еще неопределенно долгое время будет играть «вторую скрипку» в мировом политическом оркестре.

Геополитическая поляризация мира может привести к разделу сфер влияния, к раздвоению мира на две части: два интернета, две системы глобального управления, два цивилизационных кода. Объединять мир будет только глобальная капиталистическая экономика и глобальные проблемы.

Уязвимым допущением является также предположение, что основным источником энергии через 30 лет будут оставаться

нефть и газ. Прорывы в исследованиях, связанных с преобразованием солнечной энергии в электрическую, дают основу предполагать, что основным источником энергии для экономики в 2050 г. будет Солнце. Поэтому вполне вероятно, что, например, пустыня Сахара будет иметь продуктивное значение для мировой экономики. Важными материалами для трансформации солнечной энергии в электрическую являются нано структуры из оксида кобальта и оксида титана. Распределение этих элементов по планете приобретет политическое значение. Кроме того, государства-производители нефти и газа утратят в 2050 г. свою сырьевую ренту. Для сохранения устойчивого развития в таких странах критически важно проводить структурные реформы по диверсификации экономики. К числу таких стран относится и Россия.

Можно также предположить, что и роль ООН к 2050 году по-прежнему не будет высока. Вероятно, что для России, ООН в 2050 году даже не будет играть той статусной роли, которую эта организация играет сегодня. Большее значение будут иметь неформальные клубы государств с гибкой повесткой дня и гибким составом. России следует готовиться к мировой политике без ООН. В условиях геополитической поляризации универсальные международные организации утратят свое былое значение. Запад уже давно не живет по Уставу ООН, его скорее придерживается Восток.

2.3. Современное состояние стратегического прогнозирования и планирования в России

Объективно существующие трудности в долгосрочном прогнозировании усугубляются, если речь идет о прогнозе динамично изменяющихся систем, которые и являются предметом собственно стратегического прогноза МО и ВПО, а именно:

- прогноз развития субъектов МО и ВПО (государств, других акторов, международных организаций, коалиций, союзов и т. д.);
- прогноз глобальных, региональных и страновых тенденций развития;
- прогноз отношений между субъектами МО и ВПО, влияние глобальных и иных тенденций и других факторов.

Эти общие суждения уточняются применительно к конкретным упомянутым объектам прогноза. В качестве примера можно взять третий пункт — прогноз отношений между субъектами МО и ВПО, в частности, между Россией и ЕС и только в одной, внешнеэкономической области. Взаимоотношения России — ЕС в целом определяются как политическими, военными и культурными, так и экономическими факторами. Если говорить об экономике, то структура экспорта и импорта России характеризует эти отношения достаточно ясно. Более того, эти показатели позволяют делать обоснованные выводы относительно стратегического прогноза в развитии отношений между Россией и ЕС в долгосрочной перспективе, суть которых может быть сведена к выводу о сырьевой экономике России и ее зависимости от европейского рынка покупателей сырья с одной стороны, и поставщиков готовой продукции, — с другой. Причем, как показывает динамика этих отношений, они сохраняются достаточно долго.

Товарная структура экспорта России в ЕС¹²

Товарная группа	экспорт, млрд долл.	импортные тарифы в ЕС, %
Нефть, газ и др. минералы	207	0,4
Железо, сталь	7,68	0,3
Натуральный/обработанный жемчуг	5,09	0,6

¹² Пошлины на торговлю с ЕС лишают доходов россиян // Независимая газета. 2014. 21 марта. С. 4

окончание табл.

Товарная группа	экспорт, млрд долл.	импортные тарифы в ЕС, %
Продукты неорганической химии	4,06	4,7
Алюминий и изделия из него	2,95	6,4
Никель и изделия из него	2,61	0,7
Медь и изделия из нее	2,43	3,3
Древесина и изделия из нее	2,13	2,3
Каучук и резиновые изделия	2,04	2,8
Органические химические вещества	1,87	4,5
Удобрения	1,71	4,7

Источник: расчеты на основе данных ВТО за 2011 год.

Структура импорта России из ЕС

Товарная группа	импорт, млрд долл.	ввозные тарифы в РФ, %
Реакторы, котлы	32,3	2,6
Средства наземного транспорта, кроме ж/д или трамвайного подвижного состава	22,1	7,4
Электрические машины и оборудование	14,9	7
Фармацевтическая продукция	9,69	9,4
Пластмассы и изделия из них	5,27	10,9
Оптика, фото- и киноприборы	5,08	4,8
Изделия из черных металлов	3,45	13,7
Эфирные масла и резиноиды	3,3	13,1
Бумага и картон	2,94	12,3
Мебель, постельные принадлежности	2,67	5,1
Одежда	2,52	18,9

Источник: расчеты на основе данных ВТО за 2011 год.

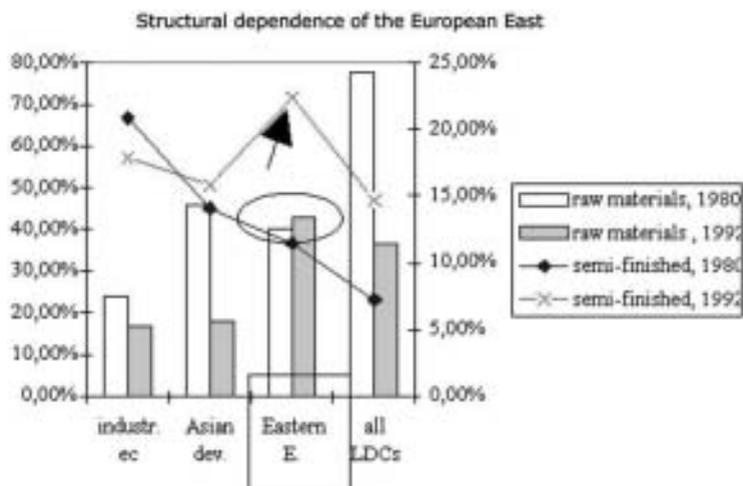

Рис. 2.7¹³

Стратегическое прогнозирование и планирование вообще и военное в частности предполагают:

- во-первых, учет российского и зарубежного опыта и накопленных знаний, с одной стороны, предполагает признание апробированных методов исследования, подходов и последствий применения стратегического прогнозирования и планирования в экономике, политике, социальной области и военной сфере;
- во-вторых, понимания того, что современный мир находится на этапе «фазового» качественного перехода. Это означает что, современная МО и ВПО, их характеристики и парадигмы стремительно меняются и должны пересматриваться в интересах стратегического прогноза и стратегического планирования. Мы не можем сегодня положиться целиком на опыт и методики прошлого хотя бы потому, что «фазовый» переход предполагает качественную смену

¹³ The European Union at 50. What Europe can learn from Latin American social science after 5 decades of European integration / <http://www1.iadb.org/intal/intalcdi/PE/2008/01291.pdf>

парадигм в течение ближайших 10–20 лет, тем более что развитие технологий через 20–30 лет неизбежно приведет к смене основных производственных процессов, качества ВиВТ, личного состава и другим принципиальным изменениям. Именно поэтому, отталкиваясь от имеющихся знаний и опыта, мы должны сосредоточить основное внимание при подготовке стратегического прогноза и стратегического планирования на поиске и обосновании новых парадигм. Одной из таких парадигм является новая роль военной силы в политике государств. Поэтому изначально важно:

- *во-первых*, определить место военной силы в системе международных и военно-политических отношений;
- *во-вторых*, обозначить роль стратегического прогноза и стратегического планирования в использовании и развитии военной силы;
- *в-третьих*, выявить основные тенденции в развитии МО и ВПО и отдельных субъектов, а также ответить на ряд других, менее системных и принципиальных вопросов.

Если говорить конкретно, то место и роль военной силы в политике государств зависит от двух групп факторов объективного и субъективного характера, которые взаимодействуют между собой в очень сложной системе международных отношений, включающей бесконечное число факторов. С целью упрощения этой системы предлагается простая логическая модель (рис. 2.8), включающая в себя, пять основных групп факторов, а именно:

- базовые системы ценностей и национальных интересов. Так, например, академик Е. Примаков считает: «Прогноз внешнеполитического курса России во многом зависит от взаимопонимания с ее партнерами, в первую очередь с США, соотношения двух категорий: ценностей и интересов. Такое взаимопонимание имеет прямое отношение к преодолению существующего ныне недоверия между Россией и Соединенными Штатами. Речь идет даже не

**Логическая модель политического процесса
в текущий период**

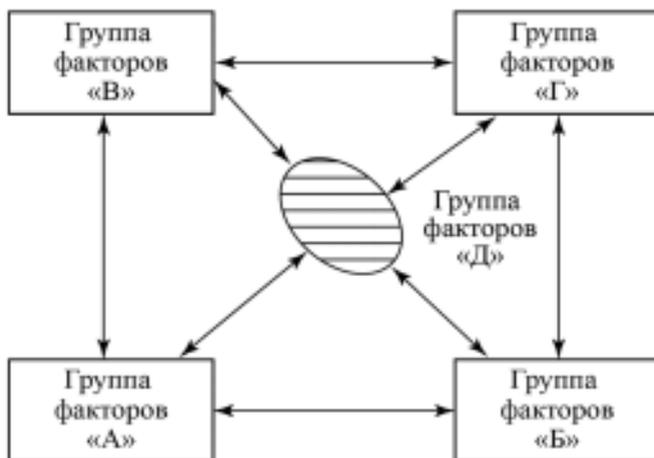

Рис. 2.8

об идентичном понимании общечеловеческих ценностей, — это существует, — а о способах их достижения. США, можно считать, склоняются к навязыванию демократических ценностей другим странам; Россия считает, что демократизация общественной жизни и государственного устройства различных стран — внутренний эволюционный процесс, учитывающий и исторические, и цивилизационные, и социально-экономические особенности. Жизнь показывает, что сближение позиций России и США по этому вопросу, к сожалению, дело сложное. Оно требует значительного времени. Вместе с тем уже сегодня необходимо взаимодействие двух стран в деле укрепления международной стабильности и безопасности, и в этой области проявляется совпадение их интересов»¹⁴;

¹⁴ Примаков Е. М. Предисловие. Внешняя политика России: 2000–2020 М.: Аспект Пресс, 2012. С. 13.

- группа, включающая все национальные ресурсы и возможности, в том числе государственные, а также возможности союзников и партнеров;
- группа внешних факторов влияния — политических, экономических, военных и иных;
- основные цели и задачи, сформулированные на основе базовых систем ценностей и интересов, но под влиянием групп международных факторов, в том числе военно-политические;
- наконец, влиятельная группа субъективных факторов — отношение, восприятие и воля основных социальных групп, прежде всего правящей элиты, к перечисленным выше группам факторов. Именно это отношение правящей элиты представляет собой искусство и науку в политике. Именно это отношение проявляется в стратегическом прогнозе и стратегическом планировании.

В этом смысле суть стратегического прогноза заключается в том, чтобы сформулировать наиболее точно желаемые цели и задачи, стоящие перед нацией, основываясь на адекватном понимании системы национальных ценностей и интересов

**Логическая модель политического процесса в будущем
как результат стратегического прогноза и планирования**

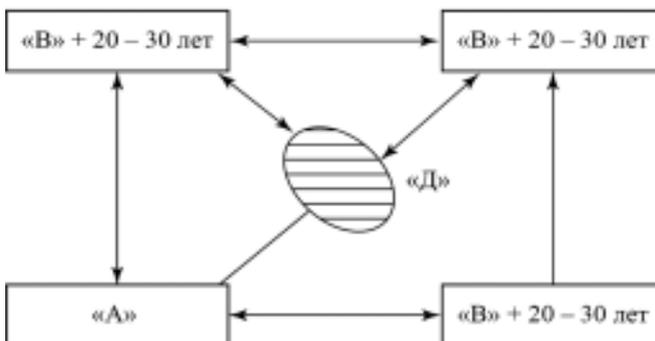

Рис. 2.9

и учитывая внешние факторы влияния (в том числе опасности и угрозы) и национальные ресурсы и возможности. Соответственно, суть стратегического планирования заключается в подготовке и реализации такого плана, который обеспечит достижение поставленных целей и задач. Очевидно и то, что для адекватного стратегического прогноза и вытекающего из него стратегического планирования необходимо, чтобы развитие групп факторов («А», «Б», «В», «Г», «Д») было спрогнозировано на 20–30 лет.

При этом использование методов экстраполяции ограничено. В особенности, если речь идет о периоде «фазового» перехода и нового, 6-го технологического уклада, формирующих принципиально новые парадигмы развития всего человечества и международных отношений.

2.4. Новая роль военной силы в политике национальной безопасности государств

Говоря о стратегическом прогнозе и стратегическом планировании, необходимо прежде всего определиться с тем, какое сегодня состояние того или иного объекта и каковы основные тенденции его развития. В данном случае речь идет, прежде всего, об эволюции значения представлений о формах и способах использования новой силы и развития МО и ВПО. Невозможно и неправильно «просто» экстраполировать традиционные представления к военной силе, ее роли и значению, а также о МО и ВПО в будущем. Даже не на 20–30, а на 5–10 лет вперед.

Современное состояние международной и военно-политической обстановки характеризуется качественно новыми параметрами, которые не проявлялись прежде. В частности, как справедливо заметил министр обороны РФ С. Шойгу, «цветные революции», например, «разрабатываются по правилам военного искусства». Другими словами, в области, характеризую-

щей военную безопасность, появился новый этап, который не относится собственно к вооруженному насилию, не является составной и очень важной фазой развития военно-силового давления на оппонента. Соответственно, это обстоятельство должно учитываться как в стратегическом прогнозе развития ВПО, так и при стратегическом планировании. В упрощенном виде этапы силового давления и использования военной силы представлены в следующей таблице (см. стр. 108).

Как видно из этих этапов, собственно военной силе, тем более ее использованию в прямой форме, то есть вооруженной борьбе, уделяется немного значения. Тем не менее, ее роль остается чрезвычайно важной по двум причинам:

- *во-первых*, создание «силового фона», без которого эскалация невоенных методов была бы невозможной. На любом из этапов этой эскалации требуется, чтобы военная сила гарантировала выживаемость и развитие созданной оппозиции и «облачного» противника;
- *во-вторых*, на более поздних этапах развития оппозиции требуется наличие специальных средств вооруженной борьбы и специальных формирований, способных повлиять на эффективность силового поведения оппозиции.
- *в-третьих*, наконец, не исключается, но прямо допускается продолжение эскалации на этапе — участия специальных сил на стороне оппозиции, а также (при необходимости) эскалации масштабов военного конфликта, включая прямое участие ВС в этом конфликте и возможную оккупацию территории. Этот этап отчетливо был продемонстрирован в Ливии, а в своей полной фазе — в Югославии, Афганистане и Ираке.

Стратегическое прогнозирование и планирование в интересах национальной безопасности в России и за рубежом вместе с тем опирается на опыт и теоретические основы российской и национальных школ прогнозирования и планирования, теории и методологии, которые являлись, как правило, общими

Основные этапы силовой политики, характеризующие современную международную и военно-политическую обстановку (МО и ВПО)

1. Характеристика	2. Методы и средства	3. Примеры
Целеприцельное воздействие с целью повлиять на национальную консолидацию, систему ценностей и представлений о национальных интересах	1 этап Постоянное информационное и культурно-образовательное взаимодействие с помощью СМИ и институтов обмена мнениями	1 этап Информационно-психологическая война против СССР, главные объекты: – коммунизм, – русская культура (1945–1990 гг.)
Выявление основных оппонентов (групп и личностей), способных влиять на национальную систему ценностей и политическую ориентацию	2 этап Поддержка этих группам и личностям (дереволюция, диссидентство, пропаганда и т.д.)	2 этап Поддержка эмиграции 1-ой, 2-ой и 3-й волны
Организовано формирование этих групп в институты гражданского общества международного и неправительственные организации	3 этап Создание эмигрантских групп в СМИ	3 этап «Железные трутун», эмигрантские организации
Формирование междоусобно-примиренной политической среды, создание элитных ячеек для таких групп	4 этап Хельсинкский Акт, ОБСЕ, Публикации Хельсинкского Акта, поддержка инициатив «5-ей корзины» СРСР	4 этап Конференция СБСЕ и ОБСЕ, востановление обсуждения этих тем на высшем и рабочих уровнях
Активизация протестного движения, формирование ячеек оппозиции, распространение ее власти. Создание «облачного» движения	5 этап Информационно-политическая и организационная поддержка. Функционирование антиправительственной деятельности	5 этап А. Солженицын, А. Сахаров, М. Ростропович, Е. Бондар и т.д.
Формирование политической оппозиции	6 этап Политическая, информационная, материальная поддержка выступлений	6 этап СССР, РСФСР, УССР и др. республикан в Прибалтике
Создание организационных структур, в т.ч. полулегальных политических оппозиции	7 этап Демонстрации жестокостей оппозиционных формирований, включая прямые антиправительственные выступления, дезорганизацию государственного управления жителями и политическими элитами	7 этап 1989–1991 гг. в СССР были созданы тысячи негосударственных вооруженных формирований
Дереализация государственного управления, передача рычагов власти	8 этап Политическая, экономическая и военная угроза правящей элите. Могилы, сапаны и т.д.	8 этап 1990–1991 гг. в СССР 2013 – февраль 2014 г. Украина
Заполн политический власти, проведение политического курса	9 этап Выборы, приращение из рубасов, помощь и т.д.	9 этап Украина после 21 февраля 2014 г.
Легитимация власти: выборы, дипломатическое признание	10 этап Выборы, приращение из рубасов, помощь и т.д.	10 этап Поддержка США и Евросоюза в ООН, санкции и т.д.

для всех областей человеческой деятельности. Вместе с тем ясно, что невозможно создать абсолютно «автономную» школу стратегического военного прогноза и планирования без опоры на фундаментальные методологические основы прогнозирования, разработанные мировой наукой. При этом общие, политико-экономические, философско-социологические и иные (особенно научно-технические) оценки и прогнозы авторитетных ученых имеют огромное значение для собственно военно-политических и военно-экономических прогнозов, которые, напомним, всегда являются частью более широкого прогнозирования в области международных отношений.

Так, в подготовленном учеными РАН «Стратегическом глобальном прогнозе 2030» даются следующие характеристики ВПО и роли военной силы в мировой политике: «В прогнозный период будет устойчиво снижаться вероятность вооруженных конфликтов и войн между ведущими ядерными державами (США, Китай, Россия) и их союзами. Это не исключает развития экономических и политических противоречий между ними. Они также могут стать косвенными участниками конфликтов третьих стран»¹⁵. С этим прогнозом академика А. Дынкина можно согласиться только с тем условием, что его прогноз имеет в виду вероятность вооруженного ядерного конфликта между ведущими ядерными державами, которая действительно может снижаться из-за угрозы масштабного применения ядерного оружия.

Вместе с тем — и мы это отчетливо наблюдаем в самые последние годы, — угроза конфликта между ведущими ядерными державами отнюдь не снижается, а иногда и возрастает. Более того, если допустить, что в политике «ведущих ядерных держав» получат еще более масштабное развитие две наиболее дестабилизирующие тенденции — создание глобальной системы ПРО

¹⁵ Дынкин А. А. Предисловие Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина / ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2011. С. 15.

и массовое производство ВТО повышенной дальности, — то стратегический прогноз относительной вероятности ядерного конфликта может быть более пессимистическим.

Не убеждает и прогноз уважаемых авторов относительно вероятности конфликта «между ядерными державами „второго плана“». Как пишет А. Дынкин, «относительно более высока вероятность конфликтов между некоторыми ядерными державами второго плана, а также ведущими региональными державами»¹⁶. «Относительно более высока» — это вероятность, которая, согласно Дынкину, остается все-таки незначительной, «относительной». Между тем развитие ВПО в мире говорит о другом: региональные державы стремятся к переделу мира и своего влияния. Бразилия, Индонезия, Мексика, другие страны вряд ли согласятся с той ролью, которая была им отведена прежде в мире и в регионах. «Расширится участие негосударственных субъектов в вооруженных конфликтах — друг с другом и против государств. Число конфликтов с участием негосударственных акторов превысит число конфликтов между государствами. Ареной для таких действий будут Африка, Центральная и Южная Азия, Юго-Восточная Азия, Южная Америка»¹⁷.

Отдельного внимания заслуживает оценка и стратегический прогноз значения военной мощи в политике государств. От этой оценки и прогноза во многом зависит целеполагание и масштабы стратегического планирования военной мощи на долгосрочную перспективу. С 70-х годов прошлого века в политике стало «общепризнанным» мнение о том, что военная мощь теряет свое значение, чему было посвящено немало политических заявлений и научных работ. И в долгосрочном стратегическом прогнозе, подготовленном под руководством А. Дынкина, утверждается, что «военная мощь останется инс-

¹⁶ Дынкин А. А. Предисловие Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина / ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2011. С. 15.

¹⁷ Там же.

трументом политики, но ее роль в прогнозный период будет относительно уменьшаться. Многократно возрастет значение невоенных факторов силы:

- экономических и финансовых;
- инвестиционной привлекательности;
- инновационной динамики;
- идеологической, образовательной и культурной привлекательности;
- информационных технологий;
- наличия статуса и веса в международных институтах;
- активности в сфере миротворческих и гуманитарных операций;
- в эффективности в дипломатии урегулирования конфликтов»¹⁸.

Важно, однако, уточнить, что не вообще военная мощь и ее роль относительно уменьшаются, как считает А. Дынкин и возглавляемый им коллектив ИМЭМО РАН, а вполне определенная, прямая форма использования военной мощи, что, согласитесь, не одно и то же. Действительно, прямое использование военной мощи дорого и далеко не всегда эффективно. Гораздо эффективнее, когда военная мощь используется в своей политической, косвенной форме — угрозы применения. Но проблема заключается в том, что для того, чтобы эта угроза была убедительной, она должна быть абсолютно реальной. То есть военная мощь в своем абсолютном значении отнюдь не становится меньше — и это как раз подтверждает то обстоятельство, что не происходит ни сокращения военных расходов, ни сокращения ВВТ, ни прекращения военных НИОКР, ни сокращения ВС, ни сокращения военной организации государства, ни роспуск коалиций, — ничего такого, что свидетельствовало бы о реальном уменьшении военной мощи.

¹⁸ Дынкин А. А. Предисловие Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина / ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2011. С. 15.

Происходит как раз обратное — рост военных расходов, увеличение эффективности ВивТ и вооруженных сил и тому подобные процессы, которые свидетельствуют о **росте военной мощи**. Все это нужно для того, чтобы другие силовые инструменты — экономические, информационные, гуманитарные и др. — могли использоваться более активно и эффективно. Таким образом, в стратегическом прогнозе А. Дынкина присутствует принципиальная ошибка. В долгосрочной перспективе военная мощь не будет сокращаться, а ее значение будет определяться не масштабами и частотой использования, а тем, насколько она позволит использовать эффективно другие силовые инструменты политики.

Ошибки в определении роли военной силы неизбежно влекут за собой и имеющую принципиальное значение ошибку в определении спектра внешних опасностей и военных угроз. Так, в стратегическом прогнозе коллектива ученых ИМЭМО РАН в очередной раз повторяется старый тезис о «приоритетности невоенных угроз»: «В сфере безопасности на первый план выходят угрозы невоенного характера. Наиболее значимые из них: международный терроризм, в том числе, так называемый супертерроризм, нацеленный на устрашение и массовые жертвы и стремящийся к обретению оружия массового уничтожения; религиозный экстремизм; транснациональная преступность; деятельность теневого международного финансовых структур; незаконный оборот наркотиков; кибертерроризм; пиратство; продовольственная и водная проблемы; природные и техногенные катастрофы; пандемии»¹⁹.

В формулировке ученых ИМЭМО РАН угрозы, достаточно искусственно, делятся на «военные» и «невоенные», к которым относят терроризм, экстремизм и т. д. Между тем еще в XX веке стало ясно, а в XXI веке — уже совершенно очевидно, что эти «невоенные» угрозы являются на самом деле продолжением

¹⁹ Там же.

внешней и военной политики неких государств и организаций, то есть частью военной политики. Международные, региональные и национальные военные конфликты становятся следствием «силовой, но зачастую невооруженной агрессии, а терроризм», «экстремизм» и другие проявления насилия — частью такой силовой политики. Подобная логическая взаимосвязь может быть обозначена следующим образом.

Как видно, международный терроризм, экстремизм и прочие проявления силовой политики не являются самостоятельными явлениями (либо это бывает крайне редко, недолго и в ограниченных масштабах). Они не существуют самостоятельно, а поэтому не могут быть главными угрозами безопасности. Это — ложные цели. И те, которые создают эти угрозы и в них заинтересованы, стремятся к тому, чтобы они воспринимались в качестве главных. И, наоборот, главные угрозы остаются в тени. Так, политика силовой дестабилизации в Сирии в 2012–2014 годы развивалась по классическому сценарию через все основные этапы, однако к этому следует добавить очень важное обстоятельство, на которое в мае 2014 года указал начальник Генерального Штаба ВС РФ В. Герасимов: «Сирия стала полигоном для подготовки неофициальных вооруженных формирований»²⁰. Причем и это очень важно не только арабских, но и европейских, африканских, азиатских, которые могут быть использованы в любых регионах

²⁰ Герасимов В. М. Выступление на III Международной конференции по безопасности. Москва. 2014. 23 мая.

мира. Таким образом, экстремистов и террористов сознательно готовят для будущих операций.

Из подобного неверного стратегического прогноза неизбежно будут следовать и неверные выводы в отношении стратегического планирования, то есть результаты во многом будут предопределены. Так, вывод о том, что «вероятность вооруженных конфликтов и войн между ведущими ядерными державами... будет снижаться», говорит о том, что целесообразность сохранения мощных ВС сомнительна²¹. Соответственно, и стратегическое военное планирование должно быть ориентировано на то, что вероятность военного конфликта между великими державами уменьшается, соответственно становится незначительной вероятность глобального конфликта. Это означает, что массовые армии, флот и авиационные соединения становятся ненужными, серийность ВиВТ и численность личного состава должны быть уменьшены и т. п.

Наиболее яркий пример влияния подобных политических оценок и «прогнозов» относится к 90-м годам XX века, когда в общественно-политическом обиходе либералами навязывался вопрос «Кто Вам конкретно угрожает?», ответ на который предполагал: если такой конкретной угрозы сегодня нет, то, её нет вообще, не будет и в будущем. В России такого рода мыслители договорились до того, что уже в нормативном документе, первом варианте Концепции национальной безопасности было зафиксировано, что у России нет «врагов», то есть, следуя такой логике, можно было предполагать, что военная организация стране вообще не нужна.

Существует, впрочем, немало логических и иных моделей анализа и прогноза внешних опасностей и военных угроз, которые стали популярными еще во второй половине XX века. Суть их одна — деполитизировать, абстрагировать анализ и прогноз до умозрительной схемы, лишенной главного стимула — инте-

²¹ Дынкин А. А. Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина / ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2011. С. 15.

реса. Такой пример можно продемонстрировать на следующем рисунке «Дилеммы безопасности».

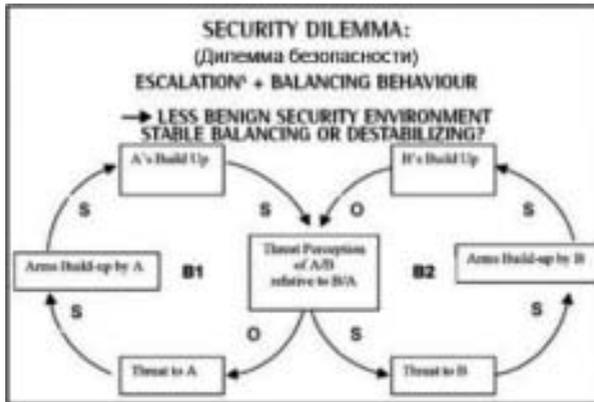

Рис. 2.10²²

Стратегическое военное планирование, основанное на традиционном стратегическом прогнозе, не отражает вполне ни нынешних, ни тем более будущих реалий. Такой анализ и прогноз фактически не просто бесполезны, они — вредны для стратегического планирования, ибо исходят из уже устаревших, даже отживших свое время реалий и парадигм. Так, вероятность конфликта между ядерными державами может возрасти уже не только из-за создания, например, потенциала глобальной ПРО, дополненного возможностями стратегических неядерных вооружений, она может возрасти и из-за потенциала киберопераций или, — что еще вероятнее, — создания на территории противника очередного «облачного» противника, который, как в Ливии, Сирии, на Украине сможет сменить политический режим.

²² America — The Arsenal of Sovereignty. By Prof Mike Marra and Dr James Gordon Department of Military Strategy, Planning and Operations, US Army War College / http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2014/marra-gordon_arsenal-of-sovereignty.pdf. P. 18.

Применительно к великим ядерным державам действует указанный выше шаблон, который конкретизируется в национальных, географических, этнических, культурных и прочих условиях. Так, применительно к России, очевидно, что формирование антиправительственных групп будет происходить по следующим направлениям:

- национальному («Великая Татария», «Сибирская империя», «Финско-угорский» этнос и т. д.;
- социальному («богатая Москва», «нищая провинция» и т. п.);
- региональному («Наш Дальний Восток», «Наш Урал», «Наша Сибирь» и т. д.).

Очевидно, что внутривнутриполитическая дестабилизация может привести к гражданскому конфликту. Как показали события на Украине, — даже вооруженному, где остро встает вопрос о контроле над ОМУ. Опыт ликвидации химического оружия в Сирии, кстати, может оказаться в этой связи не таким уж положительным. При таких опасных тенденциях вероятность крупномасштабного конфликта отнюдь не уменьшается, а увеличивается. Поэтому и в этой части стратегический прогноз ИМЭМО РАН сомнителен.

Представляется, что в этой связи и выводы для стратегического военного планирования должны быть другими: например, увеличение потенциала ПРО и стратегического ВТО резко дестабилизирует обстановку и увеличивает риск крупномасштабных войн, а это значит, что при стратегическом планировании следует учитывать необходимость нейтрализации такого рода угроз. Будут ли это переговоры или иные политические средства либо военно-технические мероприятия, но они обязательно должны нести в себе потенциал противодействия подобной эвентуальной перспективе. Стратегический прогноз и стратегическое военное планирование, таким образом, решительно зависят, как минимум, от двух принципиальных обстоятельств:

- *во-первых*, качества общего стратегического прогноза, развития ситуации в мире, то есть стратегического прогноза

международной обстановки, где собственно военный стратегический прогноз является лишь частью общего прогноза, его прикладным аспектом, включая прогноз развития ВПО, ВиВТ и других факторов. Эта «часть» подчиняется общим закономерностям и тенденциям и не может им противоречить;

- *во-вторых*, стратегический военный прогноз и военное планирование зависит от собственно качества анализа и возможностей — методик, приемов, баз данных и т. д.

Частный военный стратегический прогноз и стратегическое планирование не могут ни противоречить общему прогнозу и национальному планированию, ни абстрагироваться от них, ни нарушать приоритетности целеполагания и распределения ресурсов. Сказанное означает, что последовательность в решении задач стратегического планирования должна быть следующей:

- формирование стратегического прогноза развития МО, ВПО и государства;
- формулирование основных целей и задач (политико-идеологических, экономических, социальных и пр.) нации и государства;
- формулирование основных целей и задач стратегического планирования;
- распределение национальных ресурсов.

2.5. Отсутствие политико-идеологической базы для стратегического прогноза и планирования как фактор усиления субъективизма в политике

Стратегический прогноз и планирование во многом зависят от таких факторов, как идеология правящей элиты и ее политическая практика, с одной стороны, и идеология и политика субъектов МО и ВПО, — с другой. Так, идеологические установки

пролетарского интернационализма во многом доминировали при стратегическом планировании в СССР. В еще большей степени в 1980-е годы идеологемы М. Горбачева — А. Яковлева предопределяли военное планирование (точнее — его уничтожение) в последние годы советской эпохи. В 90-е годы XX века идеология западничества и внешних заимствований предопределяла внешнюю и военную политику России, делала её еще более нестабильной, непоследовательной и непредсказуемой.

Надо сказать, что идеологические мотивы могут оказывать очень динамичное воздействие на взгляды общества и правящей элиты. Так, в начале 2014 года отмечалось, что отношения россиян с украинцами стремительно ухудшаются. Об этом свидетельствуют данные соцопроса, проведенного одновременно в двух странах. Более трети (38%) украинцев описали свое отношение к соседней стране как «очень плохое». В феврале таких было

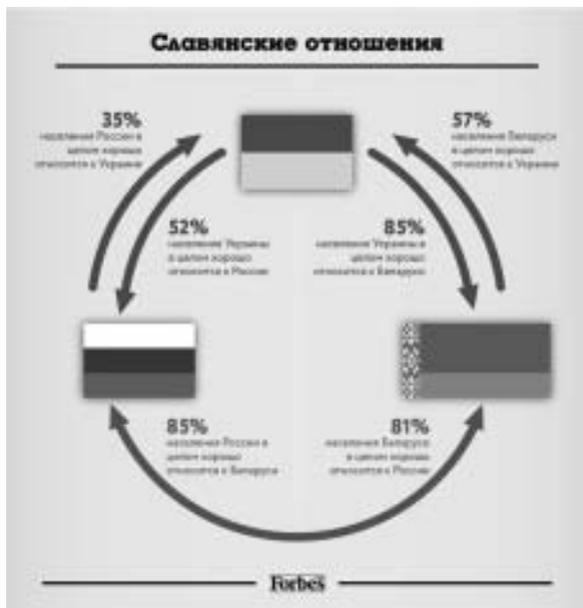

Рис. 2.11

всего 13%. Среди россиян, которым предложили ответить на вопрос «Как вы в целом относитесь к Украине?», «в основном плохо» и «скорее плохо» ответили 49%. В феврале негативное отношение высказывали 26% опрошенных²³.

Принято считать, что в России накоплен огромный опыт и существует значительный научный задел для стратегического прогнозирования и планирования. Это является одновременно и справедливым, и ложным утверждением. Справедливым потому, что позитивный и реальный практический опыт стратегического прогноза и планирования относится к советскому периоду — времени существования ГОЭЛРО и ГОСПЛАНа; ложным потому, что многочисленные попытки стратегического прогнозирования и планирования, основанные на рыночных установках и методиках, оказывались несостоятельными, провальными и даже скандальными.

Для того чтобы понять, почему опыт стратегического прогнозирования и планирования в СССР был положительным, а нынешний — отрицательным, придется признать, что в основе любого стратегического прогноза и планирования должна находиться политическая идеология как система устойчивых взглядов, а не некие абстрактные псевдообъективные макроэкономические модели. В этом смысле «ненаучная идеология» становится значительно более научной и методологически необходимой, чем «объективные» модели.

Применительно к стратегическому прогнозу и планированию в современной России это означает: мы должны, прежде всего, понимать основные политические и иные мотивы политики субъектов МО и ВПО, познать главные мировые тенденции развития, а затем уже пытаться понять и формулировать парадигмы постиндустриального общества и выстраивать

²³ Братские народы: как украинцы и россияне относятся друг к другу. И как изменились взаимоотношения с начала конфликта между странами / <http://viperson.ru/wind.php?ID=672590>

соответствующие стратегии²⁴. Так, невозможно прогнозировать развитие ВПО в мире в долгосрочной перспективе, если не учитывать главный мотив основных субъектов и акторов ВПО — США и их союзников — по отношению к России.

В этом смысле в 2014 году полностью оправдался стратегический прогноз, высказанный в мае 2006 года А. Солженицыным: «...Соединённые Штаты размещают свои оккупационные войска в одной стране следом за другой. Таково фактическое положение в Боснии уже девять лет, в Косово и в Афганистане — по пять лет, в Ираке пока три, но там затянется надолго. Действия НАТО и отдельные действия США различаются малосущественно. Отчётливо же видя, что нынешняя Россия не представляет им никакой угрозы, НАТО методически и настойчиво развивает свой военный аппарат — на Восток Европы и в континентальный охват России с Юга. Тут и открытая материальная и идеологическая поддержка «цветных» революций, парадоксальное внедрение Северо-Атлантических интересов — в Центральную Азию. Всё это не оставляет сомнений, что готовится полное окружение России, а затем потеря ею суверенитета. Нет, присоединение России к такому евроатлантическому альянсу, который ведёт пропаганду и насильственное внедрение в разные части планеты идеологии и форм сегодняшней западной демократии — привело бы не к расширению, а к упадку христианской цивилизации»²⁵.

И, наоборот, совершенно не оправдался анализ и «стратегический прогноз» В. Третьякова, который брал это интервью у А. Солженицына о «союзе христианских цивилизаций»: «В. Т.: Лично я считаю, что если три главных субъекта евроатлантической (христианской) цивилизации, а именно Североамериканский союз, (Западно) Европейский союз и Восточноев-

²⁴ См. подробнее: Подберезкин А.И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.

²⁵ Третьяков В. Т. Интервью с А. И. Солженицыным для еженедельника «Московские новости» от 28 апр./4 мая 2006 г.

ропейский (Российский) союз (или США, СШЕ и Соединённые Штаты России) не заключат стратегический союз между собой (с надгосударственными органами), то наша цивилизация рано или поздно исчезнет»²⁶.

Итак, стратегический прогноз и соответствующее стратегическое планирование в России может исходить из двух принципиально разных оценок и перспектив, которые имели под собой политико-идеологическую, а не научную основу. Первый подход, который условно можно обозначить как либерально-западнический (но имеющий множество оттенков — от либерально-государственного до откровенно русофобско-либерального), исходит из необходимости и неизбежности «европеизации» России, что на практике означает отказ ее от национальной системы ценностей и национальных интересов. В различные годы этого подхода придерживались как «западники» в Российской империи, так и троцкисты в СССР, горбачевцы и ельцинисты в СССР/России. Сохранился этот подход и в сегодняшней российской элите, преимущественно среди финансово-экономической ее части.

В соответствии с таким подходом стратегический прогноз будет также идеологизирован, но основываться на либеральной идеологии, отрицающей влияние множества факторов на эволюцию ВПО и преувеличивающий влияние макроэкономических тенденций. Собственно говоря, большинство попыток социально-экономического и иного прогнозирования в России носят именно такой характер. Они прошли с конца 1990-х годов эволюцию от полного отрицания возможности и необходимости такого прогноза до вынужденного признания и попыток его формальной подготовки, опираясь исключительно на прогноз макроэкономических тенденций.

Другой подход в стратегическом прогнозировании до сих пор оказывался мало востребованным с советских времен. Этот

²⁶ Третьяков В. Т. Интервью с А. И. Солженицыным для еженедельника «Московские новости» от 28 апр./4 мая 2006 г.

подход признавал, прежде всего, возможность и необходимость стратегического прогноза и планирования (а, значит, и «возврат» ГОСПЛАНа, чего больше всего боятся либералы), а также необходимость системного анализа и прогноза, где макроэкономические факторы являются лишь частью общего анализа и прогноза действий субъектов МО и ВПО.

На практике это означает, такой анализ и прогноз сделал, например, Пётр Искандеров, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН в отношении перспектив ВПО: «Речь идёт о реализации стратегии, которая была взята на вооружение ещё в конце 1980-х и начале 1990-х. Сначала — выстраивание кордона вокруг России посредством государств и регионов Центральной и Восточной Европы, и тогда же их начали активно вовлекать в орбиту НАТО. Это был такой внешний пояс окружения России, предусматривая их отрыв от экономических связей с Россией и переориентировании политической стороны. А внутри этого пояса действительно начал формироваться пояс нестабильности. Цель его — предотвратить отставание Россией своих интересов в регионах Восточной и Юго-Восточной Европы, а также посредством этого пояса влиять на ситуацию в самой России, вынуждать её держать в боевой готовности боевые силы и т. д. Здесь целый ряд направлений. Данный пояс должен отрезать те регионы, которые представляют сферу жизненных интересов. Это регион Балкан, Причерноморье, Закавказье. То есть те регионы, где проводятся трансконтинентальные коридоры и маршруты по поставке энергоресурсов»²⁷.

Действительно, политико-идеологическая основа двух подходов различна. Но речь идет отнюдь не только и даже не столько об идеологии, сколько о методологии. Первый подход в действительности не имеет вообще никакой научной основы

²⁷ Искандеров П. Россию затягивают «поясом хаоса» / Эл. ресурс: Правда.ру. 2014. 24 мая / <http://www.pravda.ru/video/news/14558.html>

и методологии, хотя примеров и попыток «обосновать» его, в том числе методологически, немало. Этот подход исключает фактически главную основу для социально-политического анализа — систему ценностей и национальных интересов, заменяя ее формально «универсальной» системой ценностей и «общими», «гуманистическими интересами».

И, наоборот, второй подход опирается в разработке стратегического прогноза и стратегического планирования на фундаментальные ценностные национальные основы — систему национальных ценностей и национальных интересов. Современные российские реалии во многом зависят от того, каков национальный стратегический прогноз для России или какая существует стратегическая (долгосрочная и общенациональная) идея? Ее фактическое отсутствие, в последние 25 лет, во многом сказывалось на реальном положении дел в стране. И не только в нравственно-культурном или внутривнутриполитическом ключе, но и в социально-экономическом плане. Если у нации нет великой цели, способной объединить и мобилизовать ее ресурсы, то нация обречена, как минимум, топтаться на месте в своем развитии. В качестве примера можно привести 2013 год, который, к сожалению, был отмечен целой серией решений, в результате которых постоянно «снижалась планка» стратегических прогнозов и планирования темпов социально-экономического развития, в том числе роста ВВП страны.

Это свидетельствует как о состоянии мировой экономики, так и экономики страны. Но не только. Это и демонстрация уровня стратегического прогноза и стратегического планирования, ведь тенденции развития мировой экономики в 2011–2013 годы были хорошо известны. Впрочем, как известны были и проблемы экономики и социальной жизни в России. Если в январе 2013 года ставилась задача «обеспечить устойчивый рост не менее 5%», то уже через 2 месяца прогноз снизился до 3,6%, а в конце года — до 2,9% в базовом сценарии развития

на 2012–2030 годы²⁸. В начале 2014 года этот прогноз был понижен до нуля, а во втором квартале появилась «осторожная надежда».

Таким образом, результаты краткосрочного прогнозирования в России крайне неутешительны. Мы не можем прогнозировать даже в пределах нескольких месяцев. Снижение темпов роста означает, что резко снижаются бюджетные возможности, а, главное, возможности инвестирования в НЧК, прежде всего в науку, образование и технологии. Причем не только в относительных, но и в абсолютных величинах, что неизбежно отражается на военных возможностях России и ее месте в мире. В частности, прогнозируется, что если тенденции сохранятся, то доля ее ВВП в мире снизится с 4% в 2012 г. до 3,4% (и даже 2,5%) в 2030 г.

Естественно, что подобная динамика отражается и на военной мощи страны в будущем. Конечно, неправильно просто экстраполировать в этом случае сокращение военной мощи России относительно других стран в такой его пропорции, то есть почти в 2 раза, однако очевидно, что эта тенденция не просто важна в долгосрочной перспективе, но и крайне опасна. Особенно на фоне быстрого роста военной мощи новых центров силы и США, темпы которых в последние годы не могут не вызывать опасений. Фактически в последние 15–20 лет произошло изменение в соотношении не только экономических, но и военных сил в мире.

Важно отметить в этой связи, по меньшей мере, два обстоятельства. Во-первых, как видно из долгосрочного прогноза роста ВВП России, в лучшем случае эти темпы роста не будут превышать 3,9–5,3%, что совершенно недостаточно и не соответствует реальному потенциалу роста экономики страны. Во-вторых, с точки зрения обеспечения безопасности

²⁸ Гринберг Р. Опасный пессимизм // Российская газета. 2014. 24 января. С. 17.

такие темпы роста неизбежно приведут к серьезному относительному отставанию России уже не только от нынешних мировых лидеров — США, стран Евросоюза и КНР, — но и от будущих — Индии, Бразилии, Индонезии, Мексики и других государств.

Рис. 2.12

Наконец, существует немало и других факторов, свидетельствующих о снижении темпов национального развития. Прежде всего, в области развития национального человеческого капитала (НЧК)²⁹, что способно непосредственно отражаться на военной мощи России³⁰. Так, по оценкам германских ученых и иным, в том числе ООНовским источникам, численность населения России к 2030 году может сократиться на 15 млн человек, а по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) Россия, по-прежнему, остается в пятом десятке государств.

²⁹ См. подробнее: Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал ТТ. I–IV. М. МГИМО(У). 2011–2013 гг.

³⁰ См. подробнее: Подберезкин А.И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014. С. 187–224.

В самом общем, агрегированном виде, проблема российской экономики представляется следующим образом: «... Уже можно говорить и о некоторой четко складывающейся структуре, формирующей общепризнанный макропоказатель — внутренний валовой продукт (ВВП). Современная структура формирования этого макропоказателя представляется тремя секторами экономики: сельским хозяйством; индустрией; услугами»³¹. Согласно этой модели ВВП каждой страны разделяется на три сектора:

- *первичный сектор* (аграрный) включающий сельское и лесное хозяйство, рыболовство, охоту;
- *вторичный сектор* (индустриальный) включающий добывающую и обрабатывающую промышленность, строительство, коммунальное хозяйство, в том числе электро-, газо- и водоснабжение;
- *третичный сектор* (сектор услуг) включающий торговлю, финансы, недвижимость, связь, транспорт и складское хозяйство. А также информационные услуги, науку и образование, здравоохранение и бытовые услуги, культуру, туризм, управление, оборону.

Ситуация на данный момент сложилась так, что сектор услуг вдруг стал измерителем соответствия национальной экономики современным тенденциям развития. Поэтому этот сектор сейчас объективно можно ставить на первое место. Для анализа соотношения трех секторов экономики различных стран в табл. 1 приведены данные (на конец XX в.), по которым можно судить, какие страны жили преимущественно за счет сектора услуг, какие за счет секторов индустрии и сельского хозяйства.

³¹ Касаев Б. С., Разаков А. А. Маркетинговые аспекты регулирования развития экономических систем на основе трехсекторной модели формирования структуры ВВП. Научные труды Вольного экономического общества России. 2013. Т. 179. С. 40 / <http://www.iuecon.org/2013/179-veor.pdf>

Расчет критериев оценки соответствия современным тенденциям и эффективности национальной экономики некоторых стран³²

№ п/п	Страна	Услуги	Индустрия	Сельское хозяйство	ВВП на душу населения	$K_{\text{с}}$	$K_{\text{э}}$
1.	Гонконг	72,8	26,7	0,5	21 173	2,68	56,7
2.	США	72,3	25,6	2,1	27 840	2,61	72,7
3.	Бельгия	67,3	30,7	2	22 211	2,06	45,7
4.	Дания	66,9	28,5	4,6	23 147	2,02	46,8
5.	Норвегия	65	31,5	3,5	25 481	1,86	47,3
6.	Австралия	64,8	31,2	4	21 992	1,84	40,5
7.	Франция	64,3	32,1	3,6	20 396	1,80	36,7
8.	Новая Зеландия	63,6	28	8,4	17 578	1,75	30,7
9.	Велико-британия	62,9	35,7	1,4	19 533	1,70	33,1
10.	Нидерланды	62,1	33,6	4,3	21 041	1,64	34,5
11.	Канада	62	35	3	22 743	1,63	37,1
12.	Швейцария	62	34,5	3,5	24 943	1,63	40,7
13.	Италия	61,7	34,5	3,8	20 254	1,61	32,6
14.	Венесуэла	58,8	35,6	5,9	5 071	1,42	7,2
15.	Испания	57,5	37,4	5,1	15 257	1,35	20,6

³² Касаев Б. С., Разаков А. А. Маркетинговые аспекты регулирования развития экономических систем на основе трехсекторной модели формирования структуры ВВП. Научные труды Вольного экономического общества России. 2013. Т. 179. С. 42 / <http://www.iuecon.org/2013/179-veor.pdf>

окончание табл.

№ п/п	Страна	Услуги	Индустрия	Сельское хозяйство	ВВП на душу населения	К _{сз}	К _{зз}
16.	Япония	56,8	40,4	2,8	23 987	1,31	31,5
17.	Австрия	55,4	39,9	4,7	22 135	1,24	27,5
18.	Германия	55,3	40,2	4,5	21 336	1,24	26,4
19.	Марокко	54,4	29,1	16,5	3500	1,19	4,2
20.	Швеция	53,4	42,1	4,5	19 942	1,15	22,9
21.	Пакистан	52	22	26	1397	1,08	1,5
22.	Португалия	51,3	39,6	9,1	13 819	1,05	14,6
23.	Кения	49,7	9,6	30,7	350	1,23	0,4
24.	Зимбабве	49,6	34,9	15,5	2450	0,98	2,4
25.	Турция	47	35,9	17,1	6001	0,89	5,3
26.	Корея	46	43,2	10,8	11 563	0,85	9,8
27.	Колумбия	45,9	37	17,1	1942	0,85	1,6
28.	Алжир	43,8	42,3	13,9	4000	0,78	3,1
29.	Венгрия	42,1	47,5	10,4	9326	0,73	6,8
30.	Малайзия	41,2	37,6	21,2	3015	0,70	2,1
31.	Индонезия	40,8	35,1	24,1	3021	0,69	2,1
32.	Индия	39,5	27,2	33,3	1400	0,65	0,9
33.	Израиль	31,9	58,3	9,8	17 288	0,47	8,1
34.	Польша	26,3	60,7	13	6887	0,36	2,5
35.	Россия (СНГ)	33,2	56	21	5613	0,43	2,4
36.	Китай	13,8	52,3	33,9	2920	0,16	0,5

Соответственно, можно определить какая из национальных экономик мира является наиболее отвечающей современным тенденциям. Классическим примером соотношения этих трех секторов представляется экономика США (рис. 2.13).

Рис. 2.13

Для определения уровня соответствия экономической системы современным тенденциям развития национальной экономики предлагается вычисление критерия $K_{сэ}$ по формуле 1:

$$K_{сэ} = \frac{\text{Объем сектора услуги (\% ВВП)}}{\text{Объем индустриального сектора (\% ВВП)} + \text{Объем с/х сектора (\% ВВП)}} \quad (1)$$

На наш взгляд, необходимо также определять и эффективность сложившейся структуры экономики, а для этого предлагается вычислять другой критерий $K_{эж}$ по соответствующей формуле 2:

$$K_{эж} = K_{сж} \cdot K_{сэ} \cdot \text{Объем ВВП на душу населения} \quad (2)$$

где $K_{сж}$ коэффициент сжатия, $K_{сэ}$ показатель уровня современности экономики, вычисленный по формуле (1), объем ВВП на душу населения за определенный календарный год задается в долл. США.

При вычислении интегрального индекса учитывается также и значение коэффициента $K_{\text{зн}}$ занятости населения.

$$K_{\text{зн}} = \frac{\text{Число занятых в экономике}}{\text{Численность населения}} \quad (3)$$

В соответствии с полученными результатами расчета критериев можно предложить три уровня градации критерия соответствия экономической системы современным тенденциям:

- Первый уровень страны со значением $K_{\text{сэ}}$ большим или равным 2 отнесем к классу высокого уровня соответствия экономики современным тенденциям;
- Второй уровень страны со значением $K_{\text{сэ}}$ меньшим 2, но большим или равным 1 отнесем к классу относительного соответствия экономики современным тенденциям;
- Третий уровень страны со значением $K_{\text{сэ}}$ меньшим 1 отнесем к классу недостаточного соответствия экономики современным тенденциям³³.

Следует отметить, что подобное отставание в темпах роста ВВП и качестве экономики и НЧК сказывается не только на уровне технологического развития страны, но и, в конечном счете, на качестве личного состава ВС и ВиВТ. При этом мы пока что не можем ни делать достоверные стратегические прогнозы, ни концепции долгосрочного развития. Это означает, что наши возможности в области стратегического планирования также очень условны. Это хорошо видно на примере состояния стратегического прогноза и планирования в ключевых отраслях, определяющих уровень современного этапа технологического развития — информационных технологий. По оценке экспертов, проанализировавших Стратегию развития ИТ до 2020 года, например, «Долгосрочное планирование в ИТ — сравнительно

³³ Касаев Б. С., Разаков А. А. Маркетинговые аспекты регулирования развития экономических систем на основе трехсекторной модели формирования структуры ВВП. Научные труды Вольного экономического общества России. 2013. Т. 179. С. 42 / <http://www.iuecon.org/2013/179-veor.pdf>

новое для России явление. «Дорожная карта» развития ИТ-отрасли, во многом послужившая основой для программного документа Минкомсвязи, была принята лишь в июле 2013 года. До этого развитием информационных технологий чаще занимались непрофильные ведомства: Минобрнауки, Минфин и Минэкономразвития.

Чтобы перечислить официальные документы, целиком и полностью посвященные именно информационным технологиям, хватит пальцев одной руки. Все они — и утвержденная Владимиром Путиным в 2008 году концепция развития информационного общества, и получившая одобрение Дмитрия Медведева в 2011 году стратегия инновационного развития — имели скорее социальную, нежели технологическую направленность. В основном они предлагали с помощью ИТ повысить качество образования, медицинского обслуживания и общей правовой грамотности населения»³⁴.

2.6. Опыт стратегического прогноза и планирования в России (на примере прогноза в области ИТ)

К настоящему времени в области стратегического прогнозирования и планирования угроз национальной безопасности сложился определенный дуализм, когда оценка, анализ и прогноз внешних опасностей и военных угроз происходит в структурах Совета Безопасности, администрации Президента РФ и Министерства обороны (МО), отвечающего за военное планирование, а также Министерства экономики (МЭР) и Министерства промышленности (МП). В процессе координации работ этих ведомств и с учетом нормативных

³⁴ Дмитриев Д. Степанов В. Чиновник цифрами играл / Эл. ресурс Лента.ru. 2013. 11 ноября / <http://lenta.ru/articles/2013/11/15/strategy>

стратегических документов (Стратегии национальной безопасности, Концепции долгосрочного развития РФ до 2020 г. и др.) формируется «основной документ, который определяет цели, стратегию, задачи, этапы развития ОПК»: «Основы политики Российской Федерации в области развития оборонно-промышленного комплекса на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». Принципиальная схема взаимодействия и выработка решений показана на следующем рисунке (рис 2.14)³⁵.

Именно на основе этого документа и с учетом возможностей страны разрабатывается национальная программа ОПК на среднесрочную перспективу, в виде Государственной программы вооружений (ГПВ). Российские исследователи следующим образом характеризуют эти документы: «ГПВ и Федеральные целевые программы выступают основным инструментом реализации стратегического планирования в среднесрочном, а Государственный оборонный заказ — в краткосрочном периодах. Функцию финансового планирования, в среднесрочном и краткосрочном периодах, выполняет блок «Бюджет», где, как было отмечено выше, ведущую роль играет Министерство финансов. Основная проблема финансового планирования в современной российской метасистеме управления ОПК заключается в чрезмерной автономности этого блока, абсолютном приоритете финансово-бюджетных планов над промышленными и даже стратегическими планами страны»³⁶.

«Абсолютный приоритет финансово-бюджетных планов над промышленными и даже стратегическими планами страны», отмеченный российскими исследователями, остается главной проблемой не только для ГПВ и ГОЗ, но и для

³⁵ Кузык Б.Н. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономика, 2011. С. 341.

³⁶ Там же. С. 343.

Процесс выработки стратегических решений
в метасистеме управления ОПК
(основные институты и программные документы)

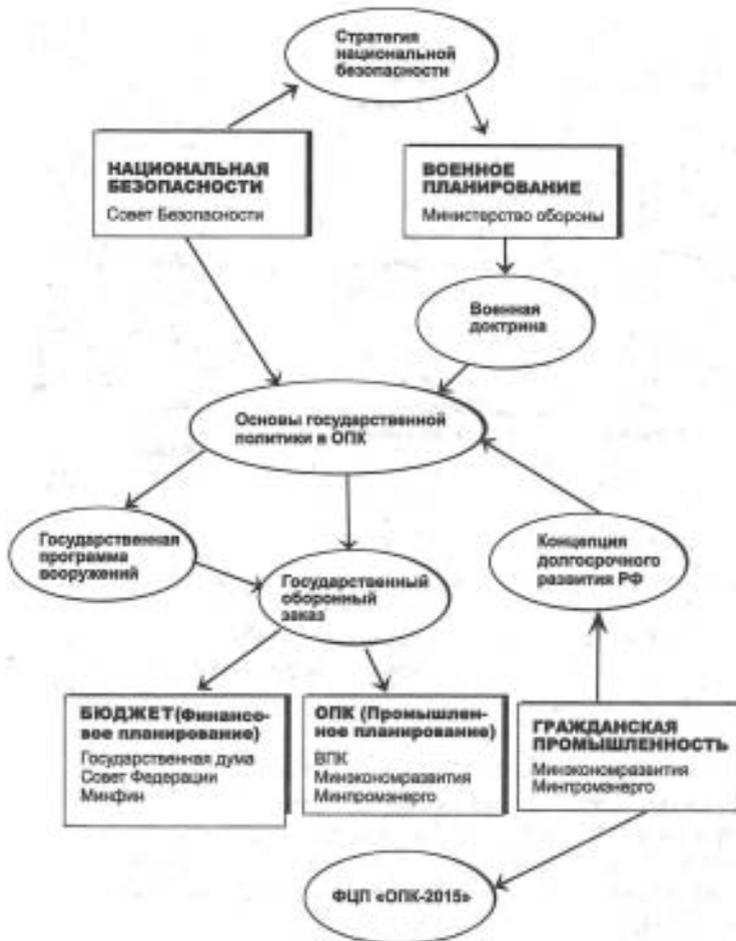

Рис. 2.14

стратегического прогноза и планирования. И, соответственно, главной слабостью такого прогноза и планирования. По сути дела показанная выше схема выработки стратегических решений, не отражает реалий. Блок „Бюджет“ (прежде всего Минфин) не обосновывает и выделяет необходимые ресурсы, как показано на рисунке, а непосредственно участвует в стратегическом планировании.

Как видно на рисунке, деятельность Федерального Собрания РФ (ФС РФ) и Минфина в области стратегического планирования относится к этому утверждению ГОЗ. На самом деле, если это справедливо для ФС РФ, то Минфин оказывает решительное влияние на самом первом этапе стратегического планирования, а его позиция все ещё выглядит нередко более сильной, чем Совбеза и МО (рис. 2.15).

Происходит то, что особенно явно было отмечено в 90-е годы и в первом десятилетии XXI века, — Минфин фактически формулировал стратегию национального развития, готовил стратегический прогноз и формировал стратегическое планирование. Соответственно искажалось целеполагание и собственно результаты стратегического прогноза уже на самом начальном этапе — утверждении национальных приоритетов, включая бюджетных, не только в стратегическом, но и в среднесрочном планировании. Это утверждение справедливо не только в функционально-аппаратном плане, но и с точки зрения самой философии и идеологии политического и бюджетного процесса, где роль Минфина даже на самых первых стадиях — разработок внутри самих министерств и аппарата Правительства РФ — была решающей.

Данная схема в целом соответствует модели стратегического регулирования социально-экономического развития национальной экономики, представленной в указанной выше работе Б. Кузика и др., которую мы воспроизводим ниже (рис.) в упрощенном виде.

Процесс выработки стратегических решений
в метасистеме управления ОПК
(основные институты и программные документы)

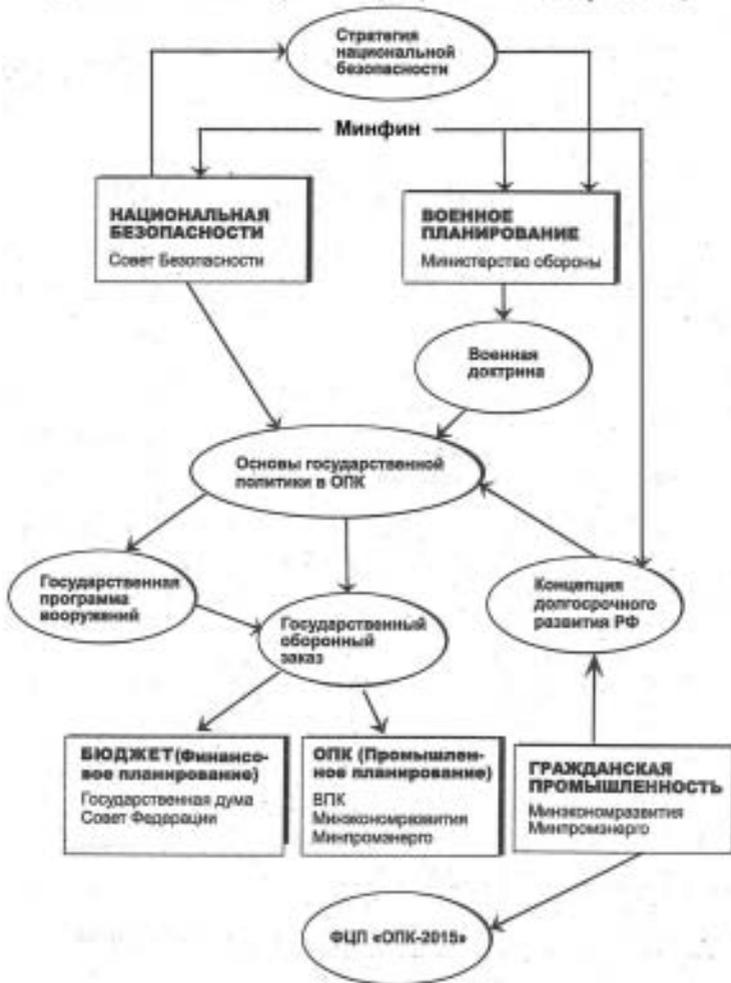

Рис. 2.15

Рис. 2.16³⁷

При этом важно изначально определить основные индикаторы (критерии) развития ВС и ВиВТ. Пока что не существует общепринятых и достоверных критериев оценки военной мощи государств, что вызывает сомнения в реалистичности стратегических прогнозов и адекватности военного планирования. Происходит то же, что и в других отраслях. На примере Стратегии развития ИТ это выглядит следующим образом: формально предлагаемые показатели совершенно не отражают реалий, а тем более стратегических приоритетов.

Прогноз и конечные абсолютные цифры и процентный прирост вызывают сомнения. Прежде всего, с точки зрения их обоснованности, когда они являются результатом экстраполяции (не всегда аргументированной), а не следствием постановки задачи. Так, «Столь рекордные показатели, как отмечают в Минкомсвязи,

³⁷ Кузык Б.Н. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономика, 2011. С. 342.

Основные индикаторы развития отрасли информационных технологий для базового сценария

	Факт 2012 г. (млрд руб.)	Прогноз 2015 г. (млрд руб.)	Прогноз 2018 г. (млрд руб.)	Прогноз 2020 г. (млрд руб.)	Прирост: прогноз 2020 г. к факту 2012 г. (%)
Размер отрасли	270	320	370	410	51
Объем тиражного программного обеспечения	78	120	125	150	92
Объем услуг заказной разработки программного обеспечения	72	80	92	100	39
Объем услуг системной интеграции	120	140	153	160	33
Объем внутреннего рынка	620	690	770	860	39
Объем продаж тиражного программного обеспечения	120	135	152	170	42
Объем продаж услуг	150	170	190	210	40
Объем продаж оборудования и аппаратно-программного комплекса	350	385	428	480	37

вполне достижимы. Все, что для этого нужно, — обеспечить ведомство „системной государственной поддержкой“ и провести „масштабную информатизацию предприятий экономики“.

Однако стоит проанализировать установленные министерством показатели повнимательнее, и окажется, что в выкладках

по каждому из описанных сценариев содержатся многочисленные неточности. Все они в совокупности заставляют усомниться в том, что в ведомстве на самом деле детально продумали оба предложенных варианта»³⁸. Похоже, что, как и в других, к сожалению, многочисленных случаях, прогнозы и оценки делаются «с потолка», являясь фактически отписками, данью моде высшего руководства.

Сказанное имеет отношение непосредственно к военному планированию. Думается, что для ГОЗ-2030 ситуация может быть названа как схожая. Поэтому и приемы одни и те же. Так, в Стратегии ИТ «к примеру, прогноз объемов тиражного ПО в базовом варианте растет в документе слишком уж неравномерно. Так, за первую „трехлетку“ прирост составляет 54% (с 78 до 120 млрд руб.), за вторую — лишь 4% (со 120 до 125 млрд), после чего снова следует взрывной рост (около 20% за два года). Что является причиной таких скачков, в документе не поясняется»³⁹.

Прогнозы по объемам тиражного программного обеспечения в базовом и форсированном сценариях Минкомсвязи

³⁸ Дмитриев Д. Степанов В. Чиновник цифрами играл / Эл. ресурс Лента.ru. 2013. 11 ноября / <http://lenta.ru/articles/2013/11/15/strategy>

³⁹ Там же.

выглядят довольно странно — базовый сценарий здесь по какой-то причине «опережает» форсированный.

Кроме того, многие показатели в обоих сценариях, скорее всего, получены путем «округления» с точностью до десятков миллиардов рублей. Так, судя по всему, произошло с цифрами по размеру отрасли и объему внутреннего рынка — в черновике стратегии их составляющие вообще не были прописаны, так что, возможно, итоговый план по ним определялся ведомством «на глазок».

Оценивая потенциал российской IT-отрасли, авторы стратегии пишут: «Средний темп роста российского рынка за последние 10 лет превосходит среднемировой, при этом российская отрасль информационных технологий в ближайшие 5–7 лет имеет потенциал значительно более быстрого роста — на 10 процентов и более в год». Однако если посмотреть на целевые показатели министерства, то даже в разработанном ими форсированном сценарии развития до 2018 года заложены более низкие темпы роста.

Анализ сохранившейся в Сети рабочей версии документа позволяет выявить и куда более значительные нестыковки, содержащиеся в итоговом тексте. Часть из них касается оценок

рыночного объема отрасли (а также количества пользователей интернета и устройств, подключенных к Сети); часть — человеческого капитала в ИТ и вопросов международного экспорта и инвестиций. Особенно интересными эти неточности выглядят на фоне отраслевого доклада о мерах по развитию ИТ, подготовленного Ассоциацией предприятий компьютерных и информационных технологий (АПКИТ) и компанией McKinsey & Company в 2012 году. Но обо всем по порядку.

Странный рост объемов российского рынка в базовом и форсированном сценариях за последнюю «двухлетку» (2019–2020 годы), «выравнивается», если отодвинуть целевые показатели до 2021 года⁴⁰.

Не менее важно рассматривать показатели и критерии относительно других стран-участниц ВПО. Как минимум, — ведущих государств. В рассматриваемой Стратегии ИТ берется более 140 государств. Это крайне необходимо потому, что сами по себе количественные показатели военной мощи мало о чем говорят. Например, в популярных аналитических презентациях

⁴⁰ Дмитриев Д. Степанов В. Чиновник цифрами играл / Эл. ресурс Лента.ru. 2013. 11 ноября / <http://lenta.ru/articles/2013/11/15/strategy>

критерии определяющие военную мощь Ирана выбираются произвольно.

Как видно из этих критериев, они не только очень условны (данные, «округлены»), но и выбраны произвольно, а главное, не дают подлинного представления о реальной военной мощи Ирана, а тем более в сравнении с потенциальными противниками — Саудовской Аравией, Катаром, наконец, Соединенными Штатами. Определение критериев военной мощи для стратегического прогноза и планирования имеет крайне важное значение. Прежде не только количественных, но и качественных. Так, расширение аппаратов военных атташе Японии в Европе и Африке, заложенное в бюджете на 2014 год, свидетельствует о том, что военное планирование Японии отнюдь не ограничено задачами «Сил самообороны» и регионом Ю.-В. Азии и АТР.

Рис. 2.17⁴¹

⁴¹ Defense Programs and Budget of Japan / http://www.mod.go.jp/e/d_budget/pdf/260130.pdf. P. 21.

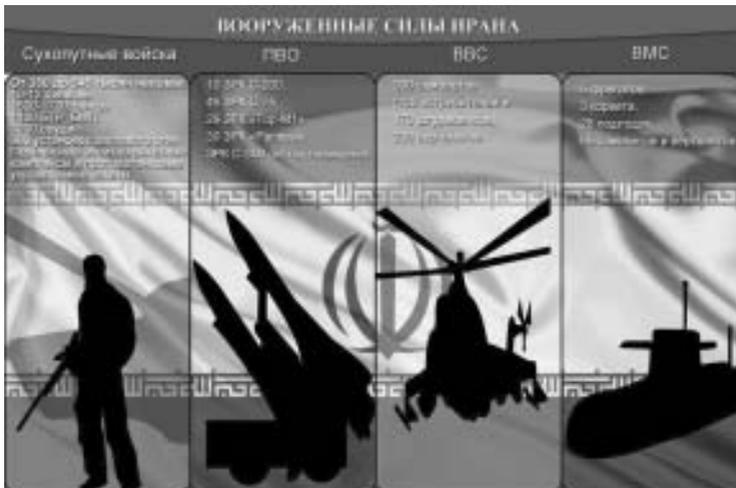
В этом смысле данные стратегического анализа и тем более стратегического прогноза должны быть максимально информативны, во-первых, и даваться в сравнении с данными других государств, во-вторых. Наиболее достоверными из них можно считать данные международных институтов, а также выбор ими критериев и показателей, которых в последние десятилетия разработаны и апробированы тысячи, даже десятки тысяч.

Так, например, если говорить о стратегическом прогнозе и планировании в той же IT группе отраслей, то можно согласиться с выбором укрупненных показателей, хотя для целей стратегического планирования и прогноза в военной области такого набора критериев было бы недостаточно.

Стратегия развития IT-отрасли дважды упоминает о положении России «среди 142 стран», фактически ссылаясь на один и тот же рейтинг конкурентоспособности. Один раз он представлен как данные АПКИТ, другой — как рейтинг Все-

мирного экономического форума. Очевидно, что во втором случае чиновники Минкомсвязи догадались прочитать сноску в подготовленном АПКИТ докладе — «Источник: World Economic Forum Global Competitiveness Report 2012»⁴².

⁴² Defense Programs and Budget of Japan / http://www.mod.go.jp/e/d_budget/pdf/260130.pdf. P. 21.

Низкие темпы роста ВВП и национального развития, таким образом, становятся прямой угрозой безопасности, в том числе военной безопасности нашей страны и всей нации. Особенно если речь идет об отставании в развитии НЧК и технологий будущего, шестого технологического уклада. Очевидно, что нынешние финансово-экономические власти страны смирились с этой тенденцией, но для нации, её ОПК и Вооруженных Сил России она совершенно неприемлема, так как приведет к дальнейшему увеличению разрыва в политических и экономических возможностях и объективному росту внешних и военных угроз. Таким образом, военно-политическому руководству страны предстоит принимать решения о противодействии этим внешним опасностям и военным угрозам в постоянно ухудшающейся политико-экономической и военной обстановке.

2.7. Практическая потребность в военном стратегическом прогнозе и планировании

Появление новых и обострение существующих угроз требует разработки политики противодействия, и соответствующего планирования, которую можно условно разделить на два основных направления:

- *первое направление* — разработка мер политического и иного (невоенного) противодействия, предназначенных для нейтрализации существующих и будущих внешних опасностей и военных угроз. Главное содержание таких мер, заложенное в политическое планирование, — недопущение войн, конфликтов и ухудшения внешних условий развития, которые формируются на ранних стадиях развития взаимоотношений между государствами и не обнаруживают «латентную» (скрытую) напряженность. Как видно из рисунка, «сверхзадача» такой политики и стратегического планирования — не допустить войны;

Рис. 2.18⁴³

- *второе направление* — военно-политическое планирование мер противодействия, включающее широкий набор мер военно-технического характера по созданию средств (ВиВТ) и способов противодействовать новым внешним опасностям и военным угрозам. Таким образом, стратегический прогноз отвечает вполне конкретным практическим потребностям не только в области военного строительства, но и в более широкой политической области.

Будущая международная обстановка (МО) и военно-политическая обстановка (ВПО) в мире будет в долгосрочной перспективе становиться все менее благоприятной для России. Известно, что изменение соотношения сил в мире произойдет

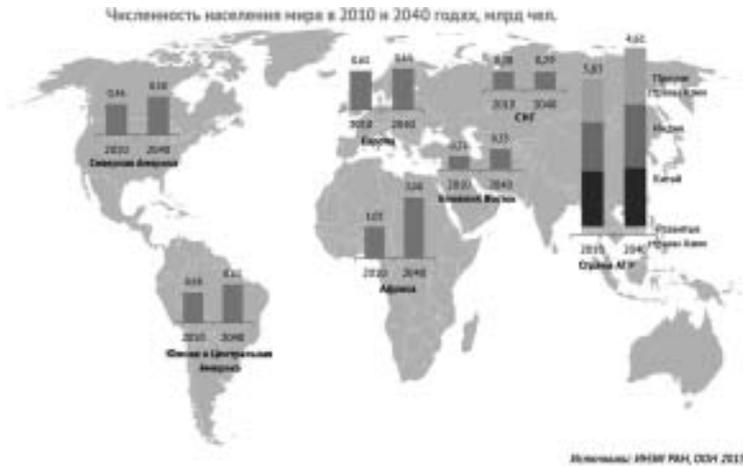
⁴³ Process Work and the Facilitation of Conflict by Stanford Siver Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy with a concentration in Psychology and specialization in the Psychology of Conflict. June 6, 2006 / Core Faculty Advisor: Robert McAndrews, Ph.D. Union Institute & University Cincinnati, Ohio / http://www.processwork.org/files/Finalprojects/Process_Work-Siver-2006.pdf. C. 109.

практически во всех областях — от экономики и демографии до качества человеческого капитала, что неизбежно отразится на соотношении собственно военных сил и доли военной мощи России в региональном и мировом балансах. Эта тенденция объективно дестабилизирует всю ситуацию в мире, так как войны возникают не тогда, когда есть очевидное превосходство одной стороны над другой, а когда возникают сомнения в таком превосходстве.

Это хорошо видно на примере изменения демографической ситуации в мире к 2040 годам, оценки и критерии которой, как правило, становятся отправкой точкой стратегического прогноза. Как справедливо заметили авторы работы по стратегическому прогнозированию: «процесс прогнозирования начинается с исследования тенденций движения населения, темпов его роста, объема и структуры конечных потребностей, оценки природных, трудовых, материальных ресурсов, необходимых для удовлетворения конечных и промежуточных потребностей, для оценки требований к НТП, своего рода «социального заказа», выявления наиболее перспективных направлений (приоритетов) научно-технического и инновационно-инвестиционного развития, реализации избранных приоритетов с помощью стратегических планов, национальных и целевых программ и проектов»⁴⁴.

При этом к сожалению, не учитываются качественные показатели национального человеческого капитала (НЧК), прежде всего уровень образования, культуры, науки и душевой доход тех государств, которые смогут капитализировать «свои демографические» преимущества в экономическую и военную мощь. Действительно, если качество НЧК за 30 лет вырастет в 2–2,5 раза, то простое умножение на численность населения будет говорить о реальной военной мощи, просто потому, что качество личного состава и качество ВиВТ, также вырастут на эту величину.

⁴⁴ Кузык Б.Н. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономика, 2011. С. 89.

Рис. 2.19⁴⁵Рис. 2.20⁴⁶

⁴⁵ Институт энергетических исследований Российской академии наук. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года / <http://ac.gov.ru/files/publication/a/2194.pdf>. С. 8.

⁴⁶ Там же.

Рис. 2.21⁴⁷

⁴⁷ Кузык Б.Н. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономика, 2011. С. 3.

Другая сторона вопроса заключается в том, что изменение в соотношении сил в мире неизбежно будет сопровождаться борьбой за доступ к ресурсам и транспортным коридорам. Очевиден не только быстрый рост потребностей в ресурсах быстро развивающихся стран, но и быстрый рост внешней торговли, опережающий рост ВВП.

И первое, и второе направления в процессе принятия решений будут во многом зависеть от точного стратегического прогноза и стратегического планирования в целом ряде тенденций, определяющих будущее состояние МО и ВПО. В частности, от того, какие направления науки и технологий смогут стать решающими в определении военной мощи государств. А этот прогноз будет во многом предопределен результатами прогноза развития НТП.

Если эти тенденции сохранятся до 2030–2050 годов, то неизбежно предстоит принимать решения об ограничении расходов на национальную оборону, либо об увеличении доли военных расходов в федеральном бюджете страны, которая уже сегодня превышает долю большинства государств. В этой ситуации особое значение приобретает максимально точный выбор приоритетов военного строительства, неизбежного сокращения и даже возможного отказа от некоторых программ. И, наоборот, переоценка будущих последствий потребует увеличения, причем в ряде случаев радикального, усилий по отдельным направлениям военного строительства.

Среди таких будущих основных направлений военной политики и военного строительства выделяются, прежде всего, следующие:

1. Усиление «информвооруженности» ВС РФ, причем не только в военной области, но и в смежных гражданских областях по следующим основным научно-техническим направлениям:
 - сбор, обработка и систематизация информации и баз данных;

- создание программного обеспечения, способность систематизировать, анализировать и предлагать варианты обработанной информации;
- развитие элементной базы информации;
- развитие средств непосредственной передачи и использования информации;
- «интеллектуализация» и сопряжение информатики с биологическими объектами.

Эти задачи вытекают из стремительно нарастающего объема поступающей информации.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ВЗРЫВ - ГЕНЕРАЦИЯ КОНТЕНТА В МИРЕ:

- Классические СМИ - **1 МЛН** документов в сутки;
- Пользовательский контент (твиты, блоги, форумы, соцсети, отзывы, комментарии) –
свыше **1 млрд** в сутки;
- Ежегодный прирост - 25%.

РОССИЯ*:

- **30 млн** сообщений в сутки (350 сообщений в секунду);
- Активная аудитория (хотя бы 1 публичное сообщение в месяц) - **35 млн** человек.

Рис. 2.22⁴⁸

2. Острая необходимость оперативного создания объединенной системы воздушно-космической обороны в Евразии как средства нейтрализации:
 - *во-первых*, внешних опасностей и факторов влияния, существующих и новых центров силы на континенте,

⁴⁸ Крылова Светлана. Social Media Analytics: технологии исследования будущего / sma_technology_of_the_future_research_13974630971293_file.pptx. P. 4.

прежде всего государственному суверенитету и политическим системам государств Евразии. Необходимо признать, что в XXI веке способность государства обеспечить эффективную воздушно-космическую оборону становится синонимом сохранения суверенитета и независимости политических элит. Примеры Югославии, Афганистана, Ирака, Ливии и Сирии демонстрируют эту взаимосвязь очень отчетливо;

- *во-вторых*, создание евразийской ВКО гарантирует защиту от широкого спектра внешних угроз: политических, технологических, военных и иных в Евразии. Фактически ВКО становится гарантом независимой политики и экономического развития, способности того или иного государства сопротивляться шантажу и внешнему давлению, проводить самостоятельную внутреннюю политику.

Это свойство ВКО объясняется тем, что в XXI веке использование традиционных военно-силовых средств, стало слишком рискованным, проблематичным. К ним прибегают в исключительных обстоятельствах, как, например, в случае с Афганистаном и Ираком, когда потребовалось массированное применение сухопутных сил и длительная оккупация. И первое, и второе — очень дорого и, как показывает практика, далеко не всегда эффективно. Военное поражение может быть нанесено с помощью воздушно-космических высокоточных ударов по политико-административным, инфраструктурным и военным объектам, где риски значительно ниже;

- *в-третьих*, развертывание евразийской ВКО гарантирует защиту от перспективных и долгосрочных военных угроз России и ее союзникам;
3. Создание объединенной ВКО в Евразии обеспечивает формирование региональной системы безопасности, которая

сегодня отсутствует. Следующее ведущее направление — объединение средств воздушно-космического нападения и защиты в единый глобальный комплекс и род войск, предназначенный для обороны России со всех стратегических направлений — запада, юга, востока и севера. Пока что единого вида стратегических сил нет. Существуют отдельно РВСН, ВВКО, ПВО, Космические войска, киберкомандование и т. д. Управление этими видами и родами Вооруженных Сил, а тем более другими частями военной организации страны, пока что вряд ли можно назвать эффективным: нет ни долгосрочного общенационального прогноза, ни планирования, ни тем более эффективных механизмов реализации поставленных задач.

4. Своевременная нейтрализация военных угроз, вытекающих из ускоряющейся эволюции способов вооруженной борьбы, которые характеризуются:

- *во-первых*, разработкой новых концепций и способов вооруженной борьбы, т. е. фактически революцией в области военного искусства. В отличие от предыдущих десятилетий развитие всех областей военного искусства — стратегии, оперативного искусства, тактики — происходит стремительно, иногда меняя фундаментальные представления в течение нескольких лет. Активно ведется поиск все более совершенных и эффективных способов применения военной силы, включая комбинированные, межвидовые ВС и ВиВТ. Это ведет к тому, что те же самые виды и системы оружия и техники могут использоваться по-разному, нередко вопреки существующим нормативным документам и предыдущему опыту. Особенно быстро изменения в военном искусстве происходят в связи с революцией в системах боевого управления, связи и разведки. Так, в ходе операции сухопутных сил США в Ираке решающую роль сыграло широкое распространение

среди наступающих бронетанковых сил GPS и новых систем связи;

- *во-вторых*, созданием принципиально новых видов и систем ВиВТ, качественно меняющих весь характер вооруженной борьбы. Надо сказать, что новые виды и системы ВиВТ в ряде случаев в десятки раз (на порядки) становятся более эффективными, чем предыдущие поколения ВиВТ. Причем эта тенденция сопровождается как их серьезным удорожанием, так и увеличением сроков службы.
5. Создание и стремительное распространение силовых средств, не являющихся средствами вооруженной борьбы. В настоящее время электронные СМИ, прежде всего телевидение и интернет, превратились в реальное средство силовой борьбы, не являясь ни оружием, ни даже военной техникой. Особенное значение приобретает нарастающее влияние социальных сетей, которые уже превратились в эффективные способы силового воздействия. События на Украине 2013–2014 годов показали, что своевременная подготовка сторонников оппозиции для работы в сети смогла не только помочь захватить инициативу и добиться решающего преимущества в интернете, но и добиться продвижения своих сетевых журналистов на ключевые места в электронных и печатных СМИ.

Как видно из диаграммы (рис. 2.23)⁴⁹, подготовленной АПН, распределение сетей — крайне неравномерно. Возникает естественный вопрос и о собственнике сетей, их «редакционной политике» и др. вопросы. Причем некоторые из них возникают, только после того, как становятся известны их негативные последствия, как это было с национальной банковской системой и ограничениями, наложенными системами «Visa» и «Mastercard».

⁴⁹ <http://visualrian.ru/ru/site/gallery/#1420822>

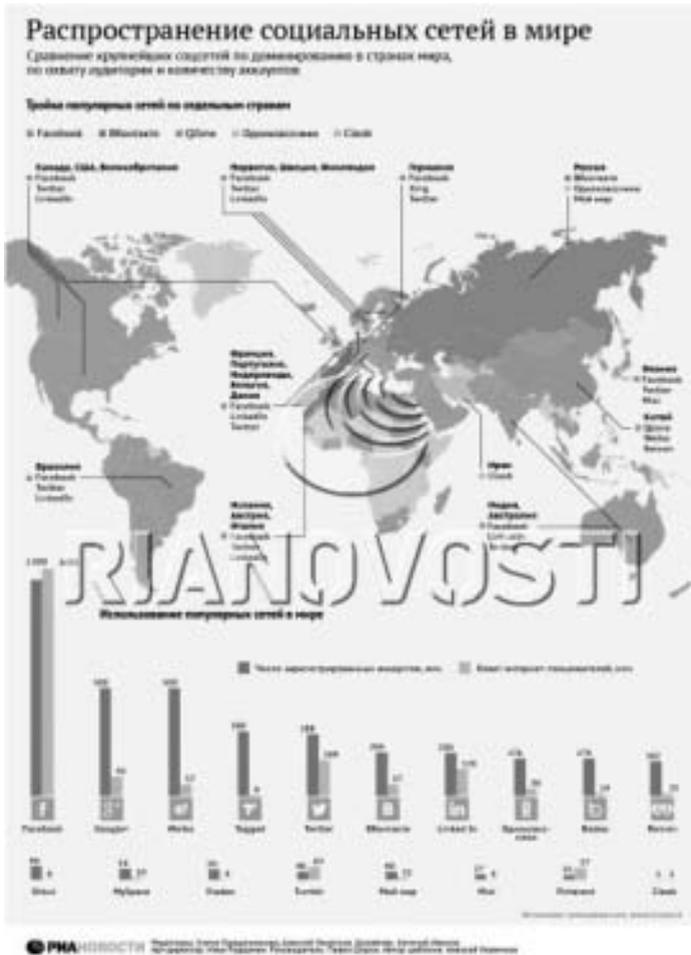

Рис. 2.23

При этом стремительно увеличивается количество публичных сообщений и членов сообществ, а также их активность. Речь идет о том, что в ближайшей перспективе объем таких сообщений, численность пользователей, «тиражность» и другие показатели будут удваиваться каждые два-три года.

КОЛИЧЕСТВО ПУБЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЙ ЗА МЕСЯЦ (ТЫС. СООБЩЕНИЙ)
Россия, февраль 2014

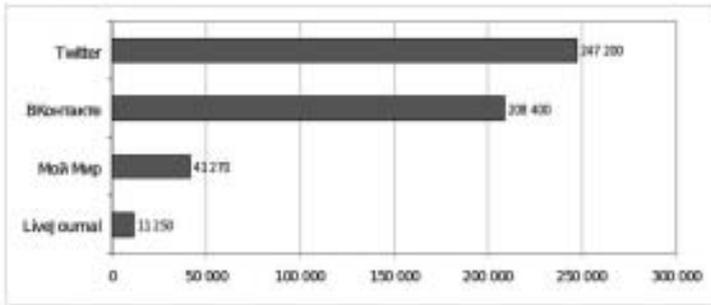

Рис. 2.24⁵⁰

6. Перспектива создания военно-политической коалиции (и союза) евразийских государств как военно-политической основы для существования нового центра силы в Евразии и альтернатива существующим военно-политическим союзам на континенте. По сути дела в Евразии существуют следующие варианты развития военно-бионовой политики государств:

Вариант № 1. Продолжение расширения НАТО за счет включения в него новых членов и расширения сферы его ответственности на ЦА и Ю.-В. Азию.

Вариант № 2. Расширение сотрудничества и эволюция в военно-политическом направлении ШОС и ОДКБ.

Вариант № 3. Создание системы евразийской безопасности на безблоковой основе.

Необходимо понимать, что эффективность мер противодействия новым военным угрозам зависит, прежде всего, от точного прогноза и правильного выбора основных направлений развития внешней и военной политики России в XXI веке, а также вытекающего из этого выбора точного распределения

⁵⁰ Крылова Светлана. Social Media Analytics: технологии исследования будущего / sma_technology_of_the_future_research_13974630971293_file.pptx. P. 5.

национальных ресурсов. Очевидно, что на все направления военной политики ресурсов не хватит. Поэтому важно определиться с приоритетами.

Кроме того, для российской элиты принципиально важно научиться эффективно тратить уже выделенные национальные ресурсы, то есть процесс оправданного, обоснованного распределения должен начинаться с качественного долгосрочного прогноза развития ВПО и качественного стратегического планирования и не заканчиваться выделением средств, а продолжаться на стадии их использования, оценки их освоения с точки зрения принципа «стоимость — эффективность». И первая, и вторая часть процесса использования национальных ресурсов представляют пока что для России большую проблему. Не секрет, например, что БРПЛ «Булава» в конечном счете, стоила в несколько раз дороже, чем планировалось на нее потратить, а сроки ее ввода в строй затягивались. Известно немало примеров и того как разрабатывалось и серийно производилось, в массовом порядке, ненужное ВиВТ.

2.8. Законодательно-нормативное обеспечение процесса стратегического планирования России

По мнению директора Института экономических стратегий Б. Кузика, «Стратегическое планирование является фазой, на которой происходит формирование совокупности предпосылок по обеспечению движения... системы в стратегически нужном направлении»⁵¹. Если согласиться с данным определением, то это означает, что в стратегическом военном планировании:

— *во-первых*, необходимо «формировать совокупность предпосылок по обеспечению движения...»;

⁵¹ Кузык Б.Н. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономика, 2011. С. 93.

— *во-вторых*- это движение должно быть «системным и в стратегически нужного направления»⁵².

Как первое, так и второе условие подготовки стратегического планирования в значительной степени являются политическими условиями потому, что определение «стратегического направления» (то есть цели) и создание «совокупности условий» являются атрибутами политических решений.

Современный анализ политической ситуации, включая ВПО, к сожалению, нередко носит очень субъективный и ситуативный характер. Участвуя в заседаниях, круглых столах и ситуативных анализах, в том числе и очень высокого уровня (не говоря уже о публичных высказываниях в СМИ), приходится встречать частные, субъективные, бессистемные оценки, которые свидетельствовали о том, что как минимум, часть правящей элиты не готова и не может глубоко заниматься даже текущим политическим анализом, не говоря уже о стратегическом прогнозе и планировании.

«США не могут решить кризис в Евразии (Афганистан, Ирак, Иран, Сирия), а теперь ещё и Украина»⁵³, — эта мысль звучит сегодня нередко и явно упрощает ситуацию. Ведь, скорее всего, США просто не хотят разрешать эти кризисы. Более того, может быть, они их сами не только создавали, но и развивали? Во всяком случае, кризис на Украине возник не только в результате тотального разворовывания страны и деградации правящей элиты, но и во многом в результате политики США которую, ни в коем случае, нельзя недооценивать. Речь идет именно:

1. о долгосрочном планировании такой политики Вашингтоном, которая отчетливо прослеживается с конца 80-х годов

⁵² Кузык Б.Н. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономика, 2011. С. 93.

⁵³ Подберезкин А.И. КНР, Россия, США в мире / Эл. ресурс Viperson. 2014. 29 мая / <http://viperson.ru/>

- XX века, в том числе и в подготовке кадров, трансформации в нужном русле правящей элиты;
2. о последовательности, которая сохранилась при смене всех администраций и чиновников в Госдепе, ЦРУ, МО и других ведомствах;
 3. об устойчивом и масштабном финансировании, которое было стабильным, целенаправленным и обильным на протяжении, как минимум 25 лет;
 4. о четко просчитанной долгосрочной стратегии, организованной на длительный период и не зависимой от конъюнктуры внутренней политики и отношений с СССР, а потом и Россией. Никакие «перезагрузки» не влияли на этот курс США;
 5. о едином общем знаменателе — последовательной политике русофобства, насаждаемом в политике (в том числе кадровой), культуре, образовании, искусстве и науке.

Таким образом, мы имеем дело с долгосрочной стратегией США по дестабилизации ситуации на Украине конечной целью которой является, как минимум, не допустить военно-политической интеграции с Россией в той или иной форме, а в идеале — создать очаг напряженности вдоль 2000-километровой границы с Россией, нарушить ее коммуникации с Центральной и Юго-Восточной Европой.

К сожалению, того же нельзя сказать о последовательности и продуманности российской политики по отношению к Украине, в которой просматривается, как минимум, несколько по сути антироссийских стратегий:

- выращивание антироссийской партийной и советской элиты в рядах КПСС и советского руководства Украины еще до 1991 года;
- выделение «самостийного» государства в 1991 году, то есть искусственное создание государства, которого не было в истории, и последовательная помощь в формировании его институтов;

- отказ от создания и поддержки пророссийских сил на территории Украины и в России.

В этой связи важно посмотреть, как в КНР расценивают международную и военно-политическую обстановку в мире, позицию той или иной страны. Так, директор института международных отношений МИД КНР Ци Хуан пишет: «Китай не рассматривает ту или иную страну только под одним углом зрения и только в определенный период времени. Необходим системный подход, под разными углами зрения, в разные временные отрезки»⁵⁴. Другими словами, исследователи и политики КНР стремятся избежать линейного восприятия ВПО и строят анализ, в том числе на прогнозе развития ситуации.

Взгляд на мир из КНР и перспективу его развития на известный момент (май 2014 г.) вице-президент Института международных отношений МИД КНР Го Сяньган представляет таким образом: «Три основных мировых тенденции, которые явно обозначены во втором десятилетии XXI века, доминируют в международной обстановке:

- падение роли США и их геостратегического присутствия в мире после «пика» 1999 года (война в Югославии). Война в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и т. д., а также кризис 2008–2012 годов показывают падение этой роли. И эта тенденция будет продолжена в XXI веке;
- растущая роль России в мире: экономическая, политическая, военная и др., в том числе и большая роль субъективного фактора — сильного лидера (В. Путина), против которого направлены основные усилия Запада;
- усиление роли и влияния КНР не только в АТР, но и в мире, а также значения сотрудничества КНР — РФ. Причем, ситуация на Украине только положительно повлияла на динамику сближения РФ и КНР.

⁵⁴ Международная научная конференция. Встреча в МГИМО(У) МИД РФ. М., 29.05.2014 г.

Если согласиться с китайским экспертом, то приходится признать, что уже в этой среднесрочной перспективе ВПО неизбежно будет радикально переформатирована. С военно-политической точки зрения через 20–30 лет ВПО будет характеризоваться:

- *во-первых*, существованием нескольких военно-политических коалиций, определяющих всю международную ситуацию и ВПО, и конкурирующих между собой. Их количество может быть разным, но очевидно, что одного центра силы больше не будет. Возможная структура будущей ВПО может состоять из:
 - США, Евросоюза и ряда других стран («Запад», «Большая коалиция»);
 - Китай и (возможно) другие страны. Существует вероятность даже превращения в такую коалицию ШОС (включая членов-кандидатов);
 - Россия (ОДКБ) и возможные союзники по ТС, ЕврАзЭС;
 - Бразилия и некоторые страны Латинской Америки;
 - исламские государства;
- *во-вторых*, потенциалом России и ее возможностью создать военно-политическую коалицию и экономический союз вокруг «российского ядра»;
- *в-третьих*, возможностями КНР и их способностью создать (или участвовать) в коалиции в Евразии.

События на Украине показали, что за внешним хаосом и неуправляемостью, бессистемностью наблюдаются отчетливые долгосрочные тенденции, позволяющие делать долгосрочные прогнозы и заниматься долгосрочным стратегическим планированием. Это объясняет ту трудность, с которой неизбежно предстоит столкнуться правящей элите при законодательно-нормативном оформлении политических (и во многом идеологических) решений.

Если во времена Советского государства не существовало принципиальных противоречий между политико-идео-

логическим выбором и его законодательно-нормативным обеспечением, то в современной России такое противоречие существует: мы до сих пор не определились с основными политико-идеологическими целями национального и государственного развития и, соответственно, нет полной ясности в определении военно-политических целей и, как следствие, в «создании предпосылок» и «обеспечении движения в нужном направлении».

Для стратегического планирования требуется достаточно жесткая законодательная и нормативная основа, без которой любые долгосрочные планы превращаются в лучшем случае в пожелания. Опыт СССР в этой области — весьма показателен. С одной стороны, «пятилетние планы», утверждаемые съездами КПСС и Верховным Советом СССР, становились законами, и руководители несли партийную, административную, а в ряде случаев и уголовную ответственность за их выполнение. С этой точки зрения положение в области стратегического планирования в СССР было качественно иным, чем в современной России, где нет никакой ответственности не только за реализацию долгосрочных программ, но даже за исполнение годового бюджета. Во многом эта ситуация характерна и для стратегического планирования в военной области, где основным критерием выступает процент выполненного ГОЗ (при том, что непонятно, как он высчитывается и нужно ли его «стопроцентное» выполнение вообще).

С другой стороны, существует объективное противоречие между двумя процессами — стратегического планирования и его законодательно-нормативного обеспечения. Суть противоречия заключается в том, что процесс стратегического планирования основывается во многом на стратегическом прогнозе ВПО и собственно военной политике страны, причем достаточно абстрактно, определяя основные тенденции, пробуя «забегать вперед», оценивать вероятность смены парадигм и т. д. Правовое и нормативное обеспечение этого процесса, наоборот,

консервативно. Как и все правовые и нормативные акты, этот процесс фиксирует, да и то с опозданием (иногда очень существенным) уже сложившиеся реалии.

Получается, что правовые и нормативные акты, в области стратегического планирования, принимаемые сегодня (но отражающие прошлые реалии), должны одновременно обеспечивать «движение системы» в будущее. Сказанное означает только одно: стратегическое прогнозирование и планирование требует принципиально нового подхода к его правовому и нормативному обеспечению и сопровождению. Такой правовой подход, если говорить о его практической целесообразности, может основываться только на политико-идеологической основе, принципиальном выборе вектора движения и долгосрочной цели.

В свою очередь, чтобы быть обоснованной, такая стратегическая цель и вытекающие из нее задачи должны базироваться на системе национальных ценностей и интересах, с одной стороны, учете глобальных тенденций мирового развития, с другой стороны, и существующих и потенциальных национальных ресурсах, — с третьей.

Рис. 2.25

Как видно из этого рисунка правовая и нормативная области стратегического планирования являются производным продуктом от:

1. Представлений о национальной стратегии (Военной доктрины, Концепции внешней политики, Морской доктрины и т. д.), сформулированных в соответствующих законах, указах и постановлениях.
2. От представлений правящей элиты о: национальных ценностях и интересах; международных реалиях, внешних опасностях и военных угрозах; долгосрочных национальных и государственных целях и задачах; национальных ресурсах и возможностях.

При этом собственно стратегическое планирование всегда будет опаздывать от положений военной доктрины и военной стратегии, так как его правовые и нормативные документы будут по времени и приоритетности следовать после нормативных политических, экономических и военных документов, во-первых, и, во-вторых, носить еще более искаженный характер, чем эти нормативные документы.

Действительно, если допустить, что представления правящей элиты на 75–80% отражают реалии международной жизни, реальные национальные интересы, стратегические цели и имеющиеся ресурсы, то сформулированные в национальной и отраслевых стратегиях, военной доктрине и других важнейших документах эти представления в еще меньших пропорциях будут соответствовать указанным показателям. Когда же речь заходит о стратегическом планировании, то есть о том, как добиться поставленных целей, с каким объемом ресурсов, в какие сроки, кто будет исполнителем и т. д., то эти частные, но очень важные вопросы ведут к фактически полному искажению даже пресловутого процесса движения «системы в нужном направлении».

Выход, как представляется, может быть только один — максимально идеологизировать и политизировать процесс стратегического планирования, выделив из него по возможности

все личностные, субъективные и даже «макроэкономические» и иные аспекты, минимизировав влияние частных факторов. Опыт СССР, кстати, показывает что, только, таким образом, можно добиться стратегически важной цели — будь-то ГОЭЛРО или строительство Волжского автозавода в Тольятти, когда, чтобы добиться нужного решения, А. Косыгин, как говорят, умышленно занизил стоимость строительства в два раза.

«Начиная с 1992 г. вместе с появлением и развитием институтов новой российской государственности, государственное управление предприятиями ОПК испытало длинную череду организационных преобразований, подробное описание которых просто невозможно в рамках данной главы. Существовало даже отдельное Министерство оборонной промышленности (1996–1998 гг.), но большей частью управление предприятиями ОПК осуществлялось через управления и департаменты, входившие, то в Министерство промышленности, то в Федеральное агентство промышленности. Краткого анализа заслуживает только нашумевшая административная реформа, результаты которой в настоящее время полностью отвергнуты, и не только в сфере ОПК»⁵⁵.

«Организационная структура и система управления оборонной промышленностью претерпела тогда уже седьмую реформу, в результате чего вся оборонка в виде структурных управлений была объединена в Федеральное агентство по промышленности (ФАП), или Роспром. Но в, это же, ФАП вошли и гражданская промышленность, и военно-техническое сотрудничество, и государственные закупки, и международное сотрудничество, и пр. В свою очередь, все это раздутое ФАП вошло в состав Минпромэнерго РФ»⁵⁶.

⁵⁵ Кузык Б.Н. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономика, 2011. С. 325.

⁵⁶ Плетнев В. Нужен не контроль, а управление ОПК//НВО. 2006. 14 апреля.

«В результате административной реформы такие органы государственного управления, как Минпромэнерго и Роспром, не отвечали непосредственно за сроки создания, организацию, производство и качество вооружения и военной техники и были лишены четких полномочий для реализации задач по выпуску продукции в интересах обеспечения обороноспособности государства. При этом Роспром, обеспечивающий, в соответствии с распределением функций выполнение Государственной программы вооружений и Государственного оборонного заказа, не распоряжался федеральным имуществом предприятий и не оказывал решающего влияния на решение вопросов по их банкротству»⁵⁷.

Уровень загрузки производственных мощностей в военной промышленности более важен для устойчивости ОПК, нежели этот же показатель в других отраслях промышленности. Связано это с тем что редко, какие-либо еще, промышленные отрасли вовлечены столь интенсивно в отвечающие за общее социально-экономическое равновесие в стране крупные общественные метасистемы. Подавляющее большинство иных промышленных структур более эластично к воздействиям дестабилизирующих факторов экзо- и эндогенного характера. Ослабление военной промышленности не может быть сбалансировано продвижением иных отраслей в силу особой стратегической значимости этой отрасли, ее вовлеченности в сложные жизнеобеспечивающие метасистемы. В экономике России, пожалуй, только комплекс топливно-энергетических отраслей может сравниться с ОПК с точки зрения геостратегического равновесия, включения в жизнеобеспечивающие метасистемы.

Подытоживая изложенное, сделаем следующие выводы:

- для создания теоретической концепции стратегического управления оборонно-промышленным комплексом следует

⁵⁷ Кузык Б.Н. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономика, 2011. С. 325.

Структура функциональных связей в ОПК и его взаимодействие со смежными системами

Примечание: Направление логической стрелки на рисунке указывает воздействие независимого параметра на зависимый. Знак «+» или «-» означает положительное или отрицательное каузальное воздействие. Знак «+++» означает, что изменение обоих параметров одинаково: увеличение независимого параметра означает увеличение зависимого. Знак «-» означает противоположное изменение параметров: увеличение независимого параметра приводит к снижению зависимого.

Рис. 2.26⁵⁸

принципиально определиться с методологической оценкой феномена военно-промышленной базы: является ли данная структура гомогенной или гетерогенной и каков структурообразующий или ключевой параметр данной системы. В предлагаемой работе концепция гомогенной военно-промышленной базы и показатель уровня загрузки производственных мощностей предлагаются на роль ключевого параметра;

⁵⁸ Кузык Б.Н. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономика, 2011. С. 308.

Функциональные взаимосвязи в метасистеме
управления военными закупками

Рис. 2.27⁵⁹

- главная методологическая значимость предлагаемого подхода заключается в его системности, что позволяет представить ОПК как часть мегаорганизационной системы управления и установить его наиболее существенные связи с другими системами.

⁵⁹ Кузык Б.Н. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономика, 2011. С. 315.

Глава III.
Теоретические основы
стратегического планирования
в области национальной
безопасности

Всегда полезно поразмыслить над ошибками, сделанными великими умами, поскольку они часто имели серьезные основания для того, чтобы их сделать, и поскольку эти великие умы всегда обладают проникновенной интуицией, возможно, что их утверждения, сегодня рассматриваемые как ошибочные, завтра окажутся истинными¹

*Луи де Бройль,
великий физик*

... Война начинается не тогда, когда начинаются бомбардировки, а гораздо раньше²

*А. Подберезкин,
профессор МГИМО*

Стратегическое планирование — его теоретические и методологические основы — выступают фундаментом для стратегического планирования в области национальной безопасности, включая, естественно, военную область. При этом важно понимать ограниченную точность стратегического прогноза и планирования, например, на 30–40 лет, из-за того, что через такой промежуток времени неизбежно произойдут смены парадигм в политике, экономике, науке, технике и, естественно, военной области. Исходя из такой посылки, неизбежно следуют два вывода:

¹ Галимов Э. Ноосфера Вернадского — это нравственный подход // Независимая газета. НГ-наука. 2014. 14 мая. С. 111.

² Подберезкин А. И. Ответственность элиты // Вестник МГИМО(У). 2014. № 2. С. 225.

- *во-первых*, необходимость футуристических оценок, прогнозов и подходов, которые выходят за пределы существующих парадигм, представляют собой «взгляд за горизонт», умозрительные предположения, в т. ч. считающиеся в настоящее время ошибочными. Так, первые работы по атомной энергии В. И. Вернадский написал еще в 1910 году, а представления о роли живого вещества в 20-е годы, то есть за 30–40 лет до того, как эти темы стали ведущими в науке. Для стратегического планирования в военной области принципиально важен стратегический прогноз глобальных тенденций, прежде всего в области науки, техники и технологии, в результате развития которых могут произойти качественные изменения в ВиВТ, а также военном искусстве. Так, согласно данным прогноза Национального разведывательного совета США, к 2020 г. мировая экономика вырастет на 80% по сравнению с 2000 г., а средний доход на душу населения увеличится приблизительно на 50%, что мало вероятно в условиях, развернувшихся в начале XXI века, глобальных кризисов. Следует учесть, что это продвижение вплотную подводит мир к критической точке выбора своей судьбы.

Тенденции экономического роста, как фактические — до начала XXI в., так и прогнозируемые — на последующие 20–30 лет рассматриваются авторами прогноза по группам стран мира в привязке к ограничительной линии ресурсопотребления. Они сведены в емкую графическую схему, которая воспроизведена на следующем рисунке (рис. 3.1)³.

Как видно из этой схемы, «проблема ресурсов» неизбежно встанет преградой для роста ВВП и развития разных стран, которая (как предполагается) может быть решена на пути нового этапа технологического развития. Есть основания полагать, что этот этап не будет просто очередным этапом научно-техничес-

³ Кузык Б.Н. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономика, 2011. С. 90.

Рис. 3.1

кой революции и даже очередной сменой технологического уклада, а станет качественно новым этапом в развитии человечества, своего рода «фазовым переходом». Естественно, что такие радикальные изменения не могут не затронуть материальную область военной политики, прежде всего ее технологическую основу, на базе которой через несколько десятилетий будут создаваться новые виды и системы ВВТ.

По аналогии с прошлыми технологическими укладами необходимо уже сегодня анализировать и прогнозировать возможные технологические последствия. В частности, в результате четвертого технологического этапа произошли радикальные изменения в трех ключевых областях военного дела:

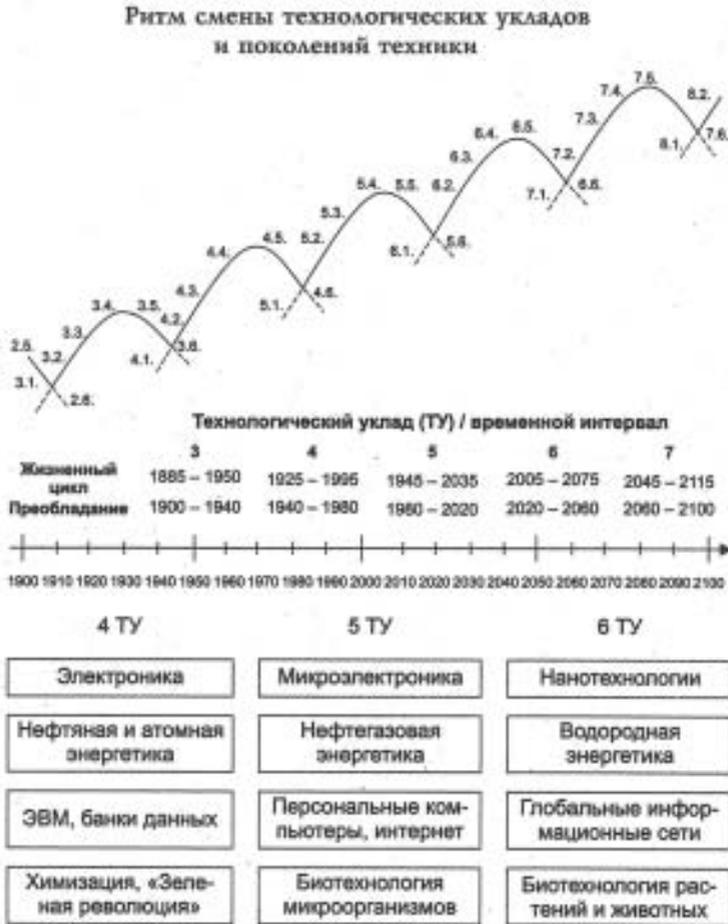
- двигателях для вооруженных сил на земле, море, в воздухе и космосе;

- боеприпасах (появились ядерные и термоядерные);
- системах боевого управления, связи, наведения, разведки и т. п.

Пятый этап ведет к революционным изменениям в области сбора, обработки и передачи информации, позволяющим качественно (в разы и даже на порядки) повысить боевую эффективность ВВТ.

- *во-вторых*, нужен очень точно организованный масштабный мониторинг огромных массивов информации не только по военным направлениям, но и в других областях деятельности человечества, позволяющий регулярно выстраивать новые, скорректированные стратегические прогнозы. Естественно, что такие корректировки должны регулярно вноситься и в документы стратегического планирования. Теоретические основы стратегического военного планирования вытекают из установок военной доктрины страны, отдельных ее частей, прежде всего, стратегического прогноза и военной политики. Вместе с тем следует иметь в виду, что сами положения военной доктрины и отдельных ее частей (стратегического прогноза, планирования, военного строительства) являются — как уже говорилось — следствием стратегии национальной безопасности.

Прежде всего, в определении главных целей и приоритетов собственно военной доктрины. Так, потенциальный противник определяется приоритетами национальной безопасности, которые формируются, в свою очередь, национальной системой ценностей и интересами. По отношению к этому противнику формируется, в том числе и набор средств влияния и воздействия, частью которых являются военные средства, то есть средства, определяемые военной доктриной. Важно отметить, что в последние десятилетия значение собственно военных средств влияния уступает место силовым, но не военным средствам. Военные средства вообще, и вооруженное насилие в частности, становятся все чаще «силовым фоном» для использования других силовых средств. Это очень хорошо было видно

Рис. 3.2⁴

в марте–апреле 2014 года на Украине, где собственно армия и бронетехника обеспечивали силовое прикрытие действиям Национальной гвардии и Правого сектора.

⁴ Кузык Б.Н. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономика, 2011. С. 90.

3.1. Принципы стратегического планирования

Стратегическое военное планирование — набор решений руководства, ведущих к разработке специальных стратегий, предназначенных для достижения конечных целей. Стратегическое планирование, как определение основных направлений достижения наиболее приоритетных целей, выбор максимально эффективных способов и средств в назначенный отрезок времени является, таким образом, выбором руководством одной из конкретных стратегий (концепций, доктрин) если речь идет о национальной безопасности. Таким образом, теоретические основы стратегического планирования должны включать в себя, как минимум:

- теоретические основы целеполагания;
- теоретические основы выбора основных направлений достижения избранных целей;
- теоретические основы выбора наиболее эффективных способов и средств их достижения;
- теоретические основы минимизации рисков;
- теоретические основы выбора конкретных стратегий.

В частности, если говорить о целеполагании и целях стратегического планирования, то необходимо определить их наиболее характерные черты, а именно:

- *цель* — это осознанный (руководством страны, корпорации, министерства и т. д.) интерес или группа интересов, имеющих объективный характер. Такое осознание объективных реалий, однако, является весьма субъективным процессом и не может быть, поэтому идеальным. На него влияет множество факторов, прежде всего внешняя среда и наличие ресурсов;
- *цели* могут быть по времени долгосрочными, среднесрочными и ближнесрочными, то есть соответственно стратегическими, оперативными и тактическими. При страте-

гическом планировании, приоритетное значение имеют стратегические цели, которые в деталях могут и не совпадать со среднесрочными и ближнесрочными;

- цели должны быть конкретными и измеримыми;
- должны быть достижимыми и учитывать существующие риски.

На Западе, в частности в Евросоюзе, принято определять и тщательно исследовать риски — политические, экономические и социальные. Например, при принятии программы «Восточное партнерство» были тщательно изучены и возможные, в том числе самые маловероятные технологические риски.

Другой важнейший компонент стратегического планирования — имеющиеся в распоряжении ресурсы. В интересах реализации национальной стратегии и обеспечения национальной безопасности это означает:

- во-первых, все имеющиеся национальные ресурсы;
- во-вторых, та часть национальных ресурсов, которая выделяется руководством страны в интересах обеспечения национальной безопасности. Если речь идет о широком понимании термина «национальная безопасность», то это, соответственно, значительная часть национальных ресурсов. Если же речь идет об узком, военном понимании термина, то о расходах на обеспечение военной безопасности, т. е. части национальных ресурсов, которая в мирное время не превышает, как правило, 5% ВВП, а в военное — может достигать 40–50% ВВП страны. В целом для понимания самых общих теоретических основ функционирования стратегического планирования необходимо посмотреть на общую логическую схему политического процесса, выделив из нее ту часть, которая собственно и относится к стратегическому планированию.

Как видно из рисунка 3.3, «область стратегического планирования» совпадает с областью стратегии. Это и понятно, ведь стратегическое планирование является частью (пусть

Пример матрицы рисков с разбивкой по видам негативных воздействий

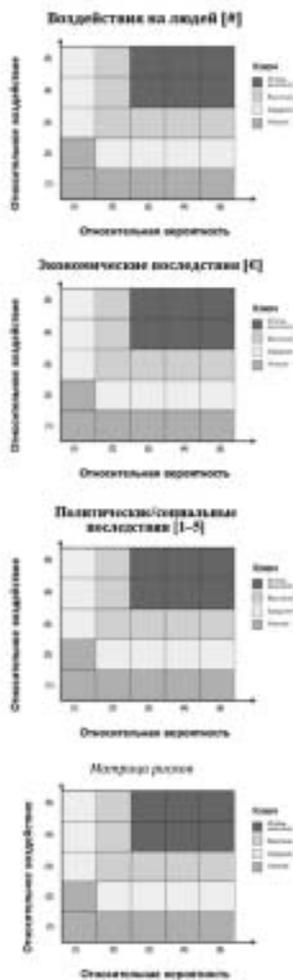

Рис. 3.3⁵

⁵ Civil Protection and Disaster Management. Политика оценки рисков/ угроз в Восточном регионе ENPI / http://www.rec-caucasus.org/files/publications/pub_1395965495.pdf. С. 29, 31.

Рис. 3.4

важнейшей, но частью) национальной стратегии, ее конкретным планом реализации, но не включает в себя, в свою компетенцию общие политические приоритеты. В частности, если речь идет о приоритетах в целях или национальных ресурсах. Так, в качестве первого примера стратегического планирования, как правило, приводят план ГОЭЛРО, который достаточно конкретно определял сроки и способы достижения поставленных целей, но не претендовал на трактовку политических целей («Советская власть плюс электрификация страны, то есть являлся «плюсом») и распределение национальных ресурсов. И здесь мы видим, что выделение приоритетов имеет важнейшее значение.

В. Парето открыл эффект концентрированного напряжения. В данном случае имеется в виду, что концентрация на жизненно важной деятельности больше всего влияет на достижение желаемых результатов. Отсюда вытекает правило 20/80: концентрация 20 % времени на наиболее важных проблемах может привести к получению 80% результатов. Остальные 80% времени обеспечивают лишь оставшиеся 20% результатов (рис. 3.5).

Рис. 3.5

Итальянский ученый, занимавшийся социологией и экономикой, Вильфредо Парето (1848–1923) в 1897 г. сформулировал универсальный закон, который основывался на большом количестве статистических измерений, проведенных автором во многих областях деятельности, в том числе в финансах, продажах, экономике, социологии, производстве. Основной постулат этого закона гласит: 20% прилагаемых усилий дают 80% результата, а оставшиеся 80% усилий добавляют лишь 20% в результат. Такое же соотношение Парето применял относительно затраченного времени на проведение определенных работ.

Основные положения закона Парето можно свести к следующим:

- в любом процессе существует очень большое количество влияющих на него факторов или причин, из которых только несколько оказывают определяющее воздействие. Это правило «работает» во многих других областях. Например, наиболее часто оно проявляется в производственных процессах при проведении анализа качества и выявлении причин производственных дефектов. Применимо ли правило Парето в геополитике? Скорее, можно дать положительный ответ, так как из почти 200 стран мира наиболее влиятельными являются всего 20–30. А в спорте? Из 400 рейтингуемых профессиональных теннисистов мира лишь первые

несколько десятков в основном делят призовые фонды, соперничают в матчах;

- большая часть прикладываемых к делу усилий тратится неэффективно, без нужной отдачи, и только небольшая их часть приводит к положительному результату;
- трудно разобраться в большом количестве отдельных событий и принять правильное решение на основе их анализа, так как эти события могут быть очень разными по своей природе и сути.

С точки зрения применения в маркетинге это правило относится к анализу потребителей и поставщиков, которых у отдельных предприятий насчитываются сотни и тысячи. В практическом применении правила Парето соотношение 20:80 точно не выдерживается. Это условно обобщенное соотношение. Реально соотношение может находиться в пределах от 5:95 до 30:70, в зависимости от множества факторов.

Типичная форма распределения количества покупателей в зависимости от доли приносимого дохода представлена на рис. 3.6.

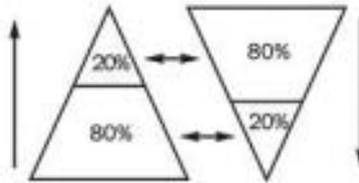

Рис. 3.6

3.2. Новые средства вооруженной борьбы

Изначально важно определиться с диалектикой развития новых видов вооружения и военной техники (ВиВТ), процессами, в результате которых, например, появляются принципиально новые виды и системы и возможностями развития (модернизации) уже существующих. И в решении этой задачи

отнодь не все просто: одновременно создаются и поступают на вооружение качественно новые системы и виды ВиВТ с модернизацией, продолжением сроков службы (иногда на десятилетия) — прежних. Получается, что в этой области один процесс в области развития ВиВТ отнодь не исключает другой. Это означает, что и процесс эволюции военного искусства не отрицает полностью предыдущий.

Очевидно, что напрашивается аналогия с биологическими и социальными процессами. Как образно заметил академик Э. Галимов, «развитие вообще идет не таким путем. Не совсем по Дарвину. Не путем вытеснения предшественников, а путем расширения возможностей»⁶. Логически процесс развития ВиВТ и военного искусства выглядит следующим образом: рис. 3.7.

Рис. 3.7

Новые средства вооруженной борьбы — вооружения и военная техника (ВиВТ) — возникают как результат развития двух основных процессов:

- *во-первых*, эволюции военно-политических целей и задач, формулируемых правящими элитами государств, которые делают «социальный заказ» и ТЗ для будущих ВиВТ. Так, известно, например, что в свое время И. Сталин потребовал

⁶ Ваганов А. Ноосфера Вернадского — это нравственный подход // Независимая газета. НГ-наука. 2014. 14 мая. С. 8.

- от советского ВПК, чтобы был создан носитель боеприпаса, способного доставлять полученный груз весом в 5 т. на расстояние до 7 тыс. км. Это политическое ТЗ требовало решения, в короткие сроки, множества научно-технических, экономических и организационных задач, что, в свою очередь, повлекло не только развитие отдельных отраслей и подотраслей экономики, но и создания новых отраслей;
- *во-вторых*, дальнейшего развития научно-технической революции, которое в XXI веке перешло на очередной новый этап, иногда описываемый как шестой технологический уклад. Этот процесс во многом достаточно автоматичен: существующие КБ, развернутые НИОКР и производства неизбежно ведут к совершенствованию ВиВТ. Тем более что модернизация существующих систем и видов ВиВТ изначально закладывается при их разработке. Так, вертолет Ми-8, например, модернизируется более 40 лет и (по оценке экспертов) еще имеет запас для модернизации на 10–15 лет. Другой пример — стратегический бомбардировщик Б-52, модернизация которого ведется уже более 50 лет.

С конца XX века научно-технологическое лидерство США являлось бесспорным приоритетом № 1 в американской политике. В военно-технической области этот приоритет, как правило, формулировался в качестве цели обеспечения военно-технического превосходства. Однако по мере приближения нового технологического уклада все яснее становилось, что без лидерства в фундаментальной, университетской науке и новейших технологиях обеспечить политическое и военно-техническое лидерство невозможно. Это означает, что как «жесткая», так и «мягкая» сила становятся производными от уровня развития фундаментальной науки и наиболее передовых технологий. Это можно просто изобразить на следующем логическом рисунке: рис. 3.8.

История человечества сопровождалась появлением все новых средств ведения войны — луков, пищалей, пушек и т. д., что, естественно, отражалось на тактике ведения боевых дейс-

Рис. 3.8

твий. Так, появление арбалетов сделало во многом бесполезными рыцарские латы, а ружья — рыцарские «клинья». В современную эпоху, когда танковые корпуса взламывали оборону, особое значение придавалось танковым соединениям. В 1950–1960-е годы их возможности даже абсолютизировались. В 1980-е годы, когда системы боевого управления, связи и разведка стали решающими роль бронетанковых соединений фактически сошла на нет, хотя по инерции «танковые колонны» еще рассматривались как основное средство прорыва обороны противника. Во время войны в Ираке и Афганистане танковые соединения доказали свою бесполезность: во всяком случае тогда, когда они не могли быть поддержаны средствами связи и наведения. Соотношение потерь было 30:1 или даже 100:1.

Это говорит о том, что наступили иные времена, когда управление и связь стали решающими средствами военной политики. Новый период — это век информационного оружия, которое требует новых форм вооруженной борьбы и противоборства. Ко второму десятилетию XXI века уже просматривается новый этап развития НТП, который выражается в синтезе информационных технологий и связи с биологическими и иными технологиями XXI века, например, нанотехнологиями

и др. Вопрос о том, какие ВиВТ создавать, производить, модернизировать и внедрять в ВС (а также продавать, обслуживать и т. д.) — один из наиболее важных с точки зрения стратегического прогноза и планирования. Особенно в условиях, когда выделяемые на эти цели ресурсы не просто ограничены масштабами национальной экономики, но и непосредственно отражаются на темпах ее роста и развития нации.

Так, абсолютные цифры военных расходов малоинформативны. Гораздо важнее знать, например, как они соотносятся с военными расходами других стран, коалиций и в отдельных регионах. Или какую долю, от национального ВВП, они занимают и какую долю в мире. Так, если рассмотреть эти показатели, то оказывается, что по доле военных расходов в ВВП страны Россия уступает только Саудовской Аравии среди 10 стран-лидеров и находится примерно на одном уровне с США, заметно уступая Японии, Германии, Франции и Великобритании. Ее доля военных расходов в мире равняется порядка 5% мировой и существенно выше ее доли в мировом ВВП (2,5%).

Если учитывать, что выделенные в 2011 году 23 триллиона рублей до 2020 года в основном направлены на закупку ВиВТ, предполагая замену от 75% до 100% (в РСН) ВиВТ, то очевидно, что современные военные расходы России находятся на уровне своего максимума. Они существенно превышают расходы не только развитых стран, но и Китая, и Индии.

Топ-10 по объему военных расходов⁷

Страна	Расходы (млрд долл.)	Доля расходов в ВВП (%)	Доля в мировом объеме (%)
США	640	3,8	37
Китай	188	2	11

⁷ Сычев Е. Пример не для подражания / Эл. ресурс: Лента.ру. 2014. 16 апреля / <http://lenta.ru/articles/2014/04/16/decline>

Страна	Расходы (млрд долл.)	Доля расходов в ВВП (%)	Доля в мировом объеме (%)
Россия	87,8	4,1	5
Саудовская Аравия	67	9,3	3,8
Франция	61,2	2,2	3,5
Великобритания	57,9	2,3	3,3
Германия	48,8	1,4	2,8
Япония	48,6	1	2,8
Индия	47,4	2,5	2,7
Южная Корея	33,9	2,8	1,9

По данным SIPRI

Сказанное означает, что масштабы закупок ВиВТ Россией на ближайшее десятилетие достигли своего максимума. Их дальнейший рост неизбежно отразится на темпах социально-экономического развития и будет сказываться, прежде всего, на таких ключевых областях, как развитие НЧК и наукоемких технологий. В конечном счете, именно эти области в долгосрочной перспективе будут определять военную мощь государства, включая качество и эффективность ВиВТ.

Поэтому вопрос о долгосрочном прогнозе и планировании ВиВТ не может рассматриваться только с точки зрения увеличения масштабов финансирования. Дальнейшие экстенсивные меры не приведут ни к улучшению качества ВиВТ, ни к повышению эффективности ВС страны. Нужны новые решения и новые подходы к научно-технической и промышленной политике как в целом в стране, так и в ВС, и в ОПК. Так, в частности, совершенно очевидно, что изменение в соотношении сил в мире в пользу стран АТР стремительно ведет и к изменению в соотношении военных сил. Это выражается,

в частности, в том, что военная мощь США и НАТО, которая продолжает оставаться подавляющей, постепенно сокращается, а военная мощь государств АТР постепенно, но достаточно быстро увеличивается. Это уже сегодня отчетливо просматривается на примере изменений в финансировании военных расходов отдельных регионов планеты.

Изменения в военных расходах в отдельных регионах планеты

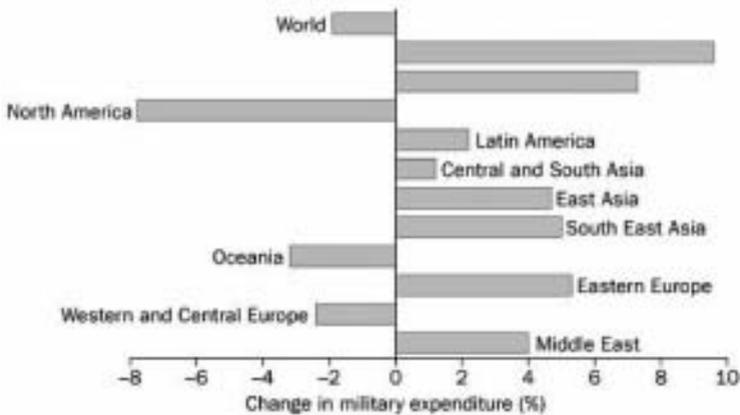

Рис. 3.9⁸

Азиатско-Тихоокеанский регион увеличил военные траты на 3,6% — до 407 млрд долл. Наибольший рост военных трат показали Афганистан, Филиппины, Шри-Ланка и Казахстан: 77, 17, 12 и 10 процентов соответственно. При этом общую статистику региона улучшило увеличение оборонных расходов Китая. Если не учитывать китайские военные траты, объем военных расходов Азиатско-Тихоокеанского региона в 2013 году увеличился, лишь на 0,9%. Рост расходов на военные нужды был обусловлен обострением локальной гонки вооружений и территориальных споров, в центре которых оказался Пекин,

⁸ Изменение военных расходов по регионам в 2012–2013 годах / SIIRI

претендующий на ряд островов в Южно-Китайском море⁹, отмечает Е. Сычев.

В перспективе 15–25 лет эти тенденции приведут к тому, что военная мощь КНР и Индии, например (пока что уступающая в разы США и НАТО) станет сопоставимой, а уровень конфликтности в АТР существенно превысит уровень конфликтности в Европе. Другими словами, к 2025–2030 годам наверняка сложится принципиально новая военно-политическая обстановка (ВПО) в мире¹⁰.

Важны долгосрочные тенденции в развитии экономики отдельных стран и регионов, позволяющие в конечном итоге судить о научно-технических и экономических возможностях этих стран. Причем здесь важны уже не столько абсолютные показатели, сколько устойчивость тех или иных тенденций в долгосрочной перспективе. Так, быстрый рост ВВП КНР в последние десятилетия позволяет не только делать вывод о резко возросшем военном потенциале страны (превышающем официальные оценки на 30–40%), но и о потенциале его роста. Достаточно сказать, что 2% военных расходов от ВВП могут быть увеличены легко до 4% (уровня США и России), что в абсолютных величинах будет означать рост военных расходов с 200 млрд долл. до 400 млрд долл. буквально в течение одного года. Учитывая же темпы роста (динамику и стабильность, прежде всего) китайской экономики, регулярно подтверждаемой ежеквартальной статистикой последних 30 лет, можно сделать вывод: при увеличении доли военных расходов КНР до 4% ВВП и при нынешних темпах роста экономики КНР сможет фактически сравняться с США по этому показателю уже в 2025–2030 гг. То есть в КНР уже сегодня могут планироваться ВиВТ, по качеству и масштабам сравнимые с ВиВТ США.

⁹ Сычев Е. Пример не для подражания / Эл. ресурс: Лента.ру. 2014. 16 апреля / <http://lenta.ru/articles/2014/04/16/decline>

¹⁰ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У), 2014.

Квартальный прирост ВВП КНР¹¹

	Growth Rate (%)
2011-Q1	2.3
Q2	2.5
Q3	2.2
Q4	1.8
2012-Q1	1.4
Q2	2.1
Q3	2.0
Q4	1.9
2013-Q1	1.5
Q2	1.8
Q3	2.3
Q4	1.7
2014-Q1	1.4

Note: Seasonally adjusted.

Эмпирически подтверждением этому становится, например, тот факт, что в 2013–2014 годах КНР построил столько же судов (по их общему тоннажу), сколько их построили в США.

3.3. Основные тенденции развития традиционных средств вооруженной борьбы

При долгосрочном планировании создания и производства уже известных ВиВТ совершенно недопустима инерция мышления и простая экстраполяция существующих программ. Даже

¹¹ National Bureau of Statistics of China. The Q/Q Growth Rate on GDP/ http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201404/t20140417_540773.html

учитывая тот факт, что современные виды и системы оружия и техники создаются десятилетиями, а затем находятся постоянно в процессе модернизации еще десятки лет. Военная доктрина, которая является «основным документом стратегического планирования»¹² и представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к войне, должна своевременно отражать не только исторический военный опыт и современные реалии ВПО в мире, но и наиболее важные перспективные тенденции как развития МО, так и научно-технического прогресса, технологий, а в более широком контексте — закономерностей развития человечества.

К сожалению, не всегда учитываются многочисленные факторы, влияющие на возможные программы создания ВиВТ. Иногда возникает ситуация, когда программы развития ВиВТ детерминированы одной группой факторов (как, например, в 90-е годы XX века в России «макроэкономической целесообразностью») или даже примитивными политико-идеологическими установками. Так, при М. Горбачеве, в особенности после его встречи с Дж. Бушем-старшим в декабре 1989 года на Мальте, политико-идеологическая установка на односторонние компромиссы привела к фактической капитуляции внешней политики и развалу политики военной, включая, естественно, все программы военного строительства.

В первой половине 1990-х годов в российской правящей элите доминировала установка либеральных демократов, которая была зафиксирована, в том числе и в ряде документов об «абсолютном отсутствии внешних угроз». Естественно, что когда такие угрозы отсутствуют, то и развивать потенциал для их нейтрализации нет смысла, что, в конечном счете, и привело к развалу российского ОПК в 1990-е годы. Позже, во второй половине 1990-х годов, тезис о «полном отсутствии внешних

¹² Военная доктрина Российской Федерации. Указ Президента России от 5 февраля 2010 г. // Российская газета. 2010. 10 февраля.

угроз» эволюционировал сначала в тезис об «отсутствии непосредственных угроз», а затем в тезис о «благоприятной внешнеполитической обстановке», чтобы во втором десятилетии XXI века превратиться уже в заключение о том, что «...на ряде направлений военные опасности Российской Федерации усиливаются»¹³.

За последние 25 лет оценки внешних опасностей и угроз правящими элитами СССР и России, таким образом, претерпели кардинальные изменения — от полного их отрицания до признания их реально нарастающими и даже возможности глобального конфликта. Естественно, что подобные колебания не могли не отразиться негативно на военной политике страны, которой были нанесены серьезные политические, экономические и нравственные удары. По существу, к началу второго десятилетия XXI века Россия оказалась с разрушенной военной организацией, сегментированными ВС, развалившимся и приватизированным ОПК. К 2010 году предстояло не только адекватно осознать эти реалии, но и наметить долгосрочный план выхода из этого катастрофического положения.

В эти же годы США демонстрировали активную и все более агрессивную внешнюю и военную политику, которая проявлялась в синтезе, единстве всех элементов политики национальной безопасности. С внешнеполитической точки зрения, ими активно продвигалась концепция одного глобального лидера, способного влиять на все процессы, проходящие во всех регионах мира. С военно-технической точки зрения в США резко выросло финансирование всех основных военных программ. По сути дела, за 2000–2010 годы военный бюджет США был увеличен в 2 раза и превысил 700 млрд долл., составив практически половину мировых военных расходов. И только в 2012–2014 годы этот бюджет подвергся некоторому сокращению, что объясняется не столько растущим внешним долгом США и свертыванием

¹³ Военная доктрина Российской Федерации. Указ Президента России от 5 февраля 2010 г. // Российская газета. 2010. 10 февраля.

присутствия в Афганистане и Иране, сколько «перенакачкой» военного бюджета в первом десятилетии XXI века.

С экспертной точки зрения, военная организация США претерпела существенные изменения, связанные с сознательным ростом усилий по повышению эффективности ее управления, информатизации и взаимодействия с другими государственными органами, структурами и общественными институтами. В качестве примера можно привести одно исследование, посвященное анализу рисков и требований военных программ, подготовленное в рамках программ НАТО. В частности обращает внимание система военных приоритетов, вытекающая из приоритетов национальной безопасности, когда собственно военные программы являются следствием задач, сформулированных на политическом уровне в интересах безопасности.

Рис. 3.10¹⁴

¹⁴ Arrangements and procedures to assess security risks and national defence requirements, COL Dr Catalin-Marius Tarnacop, NATO Studies Centre http://www.dcaf.ch/content/download/33805/522827/version/1/file/02_tarnacop.ppt

Как видно из рисунка, существует тесная взаимосвязь между «военными программами» — «сектором безопасности» и проблемами безопасности государства. Причем более широкая проблематика — безопасность государства — формирует контекст проблем «сектора безопасности».

На следующем рисунке эта взаимосвязь и приоритетность формализованы уже последовательно — от проблем национальной безопасности (1-й уровень) до собственно военно-доктринальных проблем и отдельных программ, относящихся к «операционному» и «тактическому» уровням.

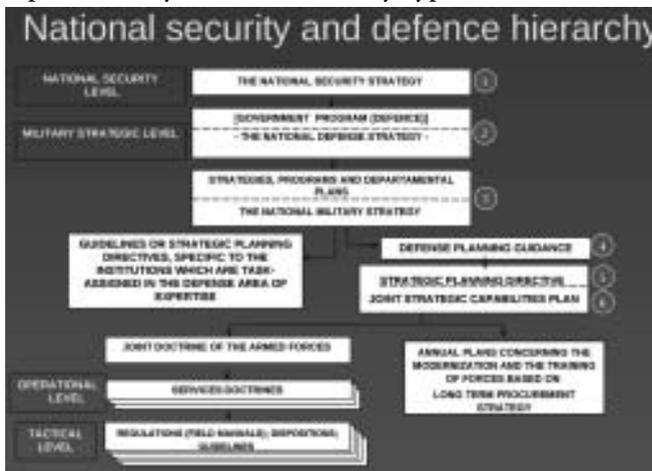

Рис. 3.11¹⁵

Взяты вместе, эти процедуры включают сложный механизм подготовки и принятия решений, относительно развития тех или иных программ, в котором участвует широкий круг организаций и структур, что, в конечном счете, позволяет учесть большинство мнений. В принципе, аналогичная система существ-

¹⁵ Arrangements and procedures to assess security risks and national defence requirements, COL Dr Catalin-Marius Tarnacop, NATO Studies Centre http://www.dcaf.ch/content/download/33805/522827/version/1/file/02_tarnacop.ppt

3.4. Информационная война, сетевая война и кибервойна: взаимосвязь с ВКО

На обеспечение безопасности и развитие военных возможностей все большее влияние оказывает развитие комплекса информационных и коммуникационных систем, которые в последние годы превратились не только в важный элемент обеспечения функционирования ВВТ, но и стремительно превращаются в самостоятельный род вооруженных сил, интегрирующийся, в том числе и в другие рода и виды войск. Стремительно растет и уязвимость всех информационных систем, причем не только обычных, но и хорошо защищенных. Складывается противоречивая ситуация: с одной стороны, эффективность принимаемых решений в области безопасности и обороны, в стремительно возрастающей степени, зависит от объема информации (по некоторым оценкам, в 2014 году АНБ США ежедневно обрабатывалось до 2 млрд файлов) и способности внедрить различные методы интеллектуальной обработки информации (Data Mining, например, — термин, введенный только в 1989 году), но, с другой стороны, также стремительно росли угрозы кибербезопасности. И первую, и вторую тенденцию эксперты демонстрируют следующим образом: рис. 3.13.

Как видно из этой иллюстрации, этап Data Mining непосредственно предшествует этапу превращения информации (точнее, ее огромных объектов) в аналитическое описание (интерпретацию) и, в конечном счете, в знания. Получается, что ежегодно растущие объемы информации могут аналитически обрабатываться и превращаться в элементы качественно нового продукта — научных знаний. Понятно, что те страны, которые в небольшой степени смогут овладеть этими процессами, получат безусловное научное и технологическое лидерство, которое в XXI веке означает лидерство экономическое и военное.

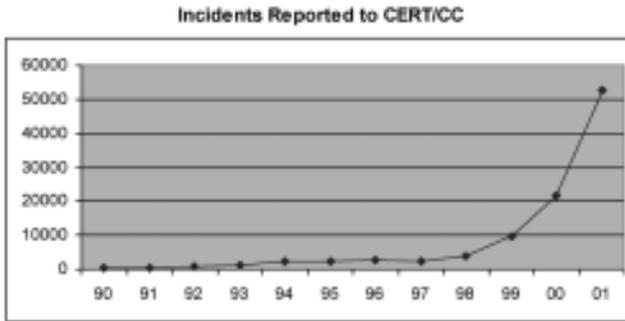
Рис. 3.13¹⁷

Вместе с тем, по мере роста объема и сложности информационных систем также стремительно растет и их уязвимость от внешнего воздействия, в том числе и от враждебных кибератак. Причем по мере удешевления информационных систем и их распространения растет их уязвимость от внешнего воздействия. Это справедливо не только по отношению к массовым системам, но и хорошо защищенным государственным и военным информационным системам¹⁸.

Надо сказать, что предпосылки к этому появились давно, но именно с новым, информационно-коммуникационным этапом НТР, были созданы материальные условия и возможности для превращения информационно-коммуникационных средств из вспомогательных средств ведения войны в самостоятельный род войск. Этот новый род войск, хотя и не существует самостоятельно даже как вид войск, оформленный организационно соответствующими решениями, играет все

¹⁷ Data Mining for Cyber Threat Analysis. Vipin Kumar, Army High Performance Computing Research Center Department of Computer Science, University of Minnesota / www-user.cs.umn.edu/~kumar/Presentation/famu.ppt

¹⁸ Там же.

Рис. 3.14¹⁹

более важную политическую и военную роль в последние десятилетия.

Предпосылки к этому появились тогда, когда поняли значение массовой обработки населения противника, вербовки отдельных представителей элит и создания благоприятного психологического фона внутри страны. Так, российский исследователь К. Кадырова отмечает, что еще с конца XIX века американский план «Анаконда» включал следующие принципы:

- «1. Военные действия начинаются тогда, когда сформируется экономический интерес; процесс сопровождается массовой идеологической обработкой соперника (подкуп высокопоставленных чиновников; вбрасывание валюты, что приводит к падению государственной валюты и т. д.);
2. Уход от вооруженных столкновений, из-за нецелесообразности тратить свои силы Америка ищет союзников, которыми можно легко управлять и использовать чужую армию для ведения войны;
3. Победа достигается за счет развала экономики страны-жертвы».

¹⁹ Data Mining for Cyber Threat Analysis. Vipin Kumar, Army High Performance Computing Research Center Department of Computer Science, University of Minnesota / www-user.cs.umn.edu/~kumar/Presentation/famu.ppt

Данная стратегия была успешно применена Соединенными Штатами в противоборстве с СССР, локально используется по отношению к тем государствам, которые мешают США осуществлять их гегемонистскую политику. Мощным инструментом реализации стратегии «Анаконда» является НАТО, что позволяет США иметь ряд военных баз, окружающих не только Россию, но и другие страны. В «петле анаконды» находятся Прибалтика, Украина, Молдавия — страны, которые отрезают Россию от Европы. На юге «петля» представлена внешним окружением Кавказа, и предпринимаются различные попытки его вовлечения в ресурс для удушающего маневра Грузии, Азербайджана и других стран, ранее входивших в состав Советского Союза.

Как считает в этой связи известный эксперт в области международных отношений Г. Киссинджер, нужно «...объединить разрозненные береговые зоны в одно целое, что позволит взять полный контроль над Евразией». Эти идеи связываются с действующей доктриной США по ядерному сдерживанию США и НАТО. Надо учесть тот фактор, что расположения ядерного оружия баз НАТО учитывало географические и геополитические особенности регионов»²⁰. С появлением интернета и сетевых сообществ возможности для ведения информационных войн существенно, принципиально увеличились. Они росли параллельно и не случайно чрезвычайно быстро с возможностями НПО, превратившись в итоге в единый инструмент информационной войны. Сеть НПО является идеальной с точки зрения осуществления главного принципа ведения сетевой войны, то есть одновременного ведения войны в четырех сферах: физической, информационной, когнитивной и социальной, что было отмечено вице-адмиралом А. Сибровски.

Для достижения задач по организации информационно-управленческого превосходства через возможности НПО

²⁰ Кадырова К. А. «Желтый Лис» против «Анаконды»: военно-стратегический прогноз развития мира / ЦСОП. 2013. 15 ноября / <http://www.csef.ru/>

осуществляется формирование так называемых механизмов гражданского соучастия и сети раннего предупреждения, этнических и конфессиональных конфликтов, в рамках которых осуществляются:

- создание фокус-групп из местного населения для организации постоянного мониторинга и сбора информации;
- специальная работа с лидерами местных этнических сообществ;
- создание сети экспертов проекта, регистрация СМИ проекта, издание специальных брошюр;
- отбор молодежных лидеров из различных этнических групп;
- оценка потребностей местных сообществ;
- организация специальных школ;
- общественные кампании;
- информационные кампании социальных проектов;
- организация эффективных коммуникаций²¹.

Важно отметить, что важнейшую роль среди других институтов реализации НЧП играют научные организации и их конкретные носители — ученые. Об этой политической роли научных организаций говорят нечасто, хотя авторитет страны и ее идентичность во многом определяются именно учеными. Это, кстати, очень хорошо понимают в США, где сознательно создаются наиболее благоприятные условия для научной деятельности, а переманиванию ученых отдается высший политический приоритет. При этом существует и другая опасность. Развитие ВиВТ будущего будет происходить на основе неизвестных пока результатов фундаментальной науки и НИОКР. Именно они во многом и формируют будущую парадигму развития человечества.

Другими словами, те, кто сегодня обладают лучшими научными школами и учеными, и будут формировать будущее

²¹ НПО в системе информационно-управленческого превосходства и современных манипулятивных технологий США / Эл. ресурс: ЦСОП. 2013. 17 декабря / <http://www.csef.ru/>

и представление о нем. Наибольшая степень политического влияния будет через 20–30 лет у той элиты и у той нации, которая сегодня, сейчас создает и поддерживает научные коллективы и научные школы. Именно эти институты развития НЧП, формируя парадигмы развития человечества, будут определять политическую повестку дня будущего. В этом смысле научные школы и другие институты развития НЧП являются очень эффективным информационным оружием.

В этой связи возникает справедливый вопрос о политике России в отношении собственных научных школ и других институтов развития НЧК. В частности, в связи с реформами в области образования и науки. Конкретно, например, в отношении РАН. Академик А. Некипелов следующим образом охарактеризовал эту ситуацию: «...Нанесен ущерб науке, причем долговременный. А, следовательно, и стране. Мне говорили, что на Дальнем Востоке наши друзья из Южной Кореи и Китая активизировались и предлагают переезжать к ним целыми лабораториями, не меняя направления наших исследований. Последнее хочу особо подчеркнуть. Это еще один аргумент против оппонентов, которые утверждали, что Академия неизвестно чем занималась. А тут «покупают» целый коллектив с тематикой его работы. Понятно, потому что в Академии наук огромное количество уникальных исследований и работ. Не видеть и не знать об этом могут только слепые и глухие... На том же Дальнем Востоке были созданы удивительные исследовательские центры, которые эффективно работают. То же самое могу сказать и о других Отделениях РАН и научных центрах, которые разбросаны по всей России»²².

Сетецентрическая война (СЦВ) и кибервойна (КВ) — концепции, ставшие реальностью в XXI веке, хотя по этому поводу до сих пор нет общего понимания и согласия среди зарубежных

²² Некипелов А. «Растерянность и паралич охватили всю Академию наук» / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2014. 17 января / <http://topwar.ru/>

и российских экспертов. По мнению некоторых из них, США уже адаптировали свои вооруженные силы к ведению сетевых войн, что требует безусловного доминирования в киберпространстве. Как качественного, так и количественно. По некоторым оценкам, МО США использует более семи миллионов компьютеров, соединенных через 15 тысяч военных сетей, а также через 20 тыс. коммерческих сетей. Отсюда же следует, что военные возможности, прежде всего в области управления, определяются в решающей степени общим состоянием технологической базы и информатики в обществе и государстве.

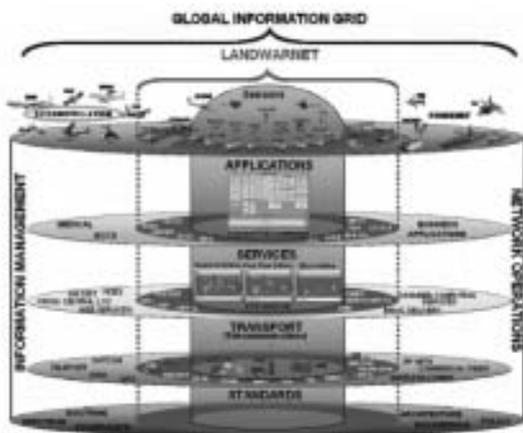
США создали Киберкомандование (СС — Cyber Command) еще в 2010 году, а в 2013 году приняли план его развития, предусматривающий увеличение численного состава с 900 до 4900 человек и возможное преобразование его в самостоятельное (11-е по счету) командование. Пока что Киберкомандование входит в единое Стратегическое командование наравне со стратегическими ядерными силами, ПРО и космическими войсками. Такая реорганизация исходит из того, что киберпространство было признано таким же полем военных действий, как и сухопутное, морское и воздушное. Кроме того, реорганизация предполагает, что Киберкомандование в еще большей степени будет ориентировано на ведение наступательных операций.

Эти изменения еще раз свидетельствуют о том, что США фактически создали единый наступательно-оборонительно-информационный комплекс, объединяющий — концептуально, административно, оперативно, — стратегические силы и средства, планируемые использовать комплексно. При этом специальное подразделение Киберкомандования США — Combat Mission Forces — будет проводить наступательные операции²³. Но не только. По мере усложнения систем управления растет как вероятность возможной ошибки или технического сбоя, так

²³ Черненко Е. Пентагон прописал компьютерам усиленное питание // Коммерсант. 2013. 29 января. С. 6.

и их уязвимость от внешнего воздействия. Круг замыкается: эффективность использования военной силы становится во многом производной от военных и гражданских систем обработки и передачи информации, но они, же становятся главным объектом вероятного враждебного воздействия. Причем еще до открытой фазы военного конфликта.

Последнее обстоятельство имеет решающее значение для систем ВКО, прежде всего средств раннего оповещения о воздушно-космическом нападении противника. Конечно, СЦВ может вестись на любом уровне — тактическом, оперативном и стратегическом, но очевидно, что именно на стратегическом уровне решаются главные задачи войны. Проблема формирования и реализации такого рода концепции российскими вооруженными силами представляется чрезвычайно актуальной, причем не только в отношении ВКО, а системы вооружения ВС РФ в целом. От решения этой проблемы зависит, насколько современными будут отечественные вооруженные силы уже в самом ближайшем будущем»²⁴.

²⁴ Буренок В. М., Кравченко А. Ю., Смирнов С. С. Будущее за сетцентрической системой вооружений / Эл. ресурс «Послезавтра». 2009. 21 ноября / <http://poslezavtra.com.ua>

Оставляя «за скобками» рассуждения о технологических особенностях СЦВ и КВ (о которых подробнее можно прочитать в материалах Центра военно-политических исследований на сайте <http://eurasian-defence.ru>), представляется важным рассмотреть взаимосвязь между ВКО Евразии и новыми концепциями информационной борьбы.

3.5. Сетецентрическая война

Сетецентрическая война (СЦВ) — концепция, ориентированная на повышение боевых возможностей перспективных вооружений за счет достижения информационного превосходства и интегрирования участников военных действий в единую сеть посредством создания единого информационно-коммуникационного пространства. Она предполагает, что практически в реальном масштабе времени будет собираться и перерабатываться максимально быстро полная информация, приниматься решения, которые будут доводиться до отдельных участников военных действий. Понятно, что такое развитие военных возможностей непосредственно сказывается на возможностях стратегического использования ВВТ как в наступательных, так и в оборонительных операциях. Так, «ядерное сдерживание» в самой своей основе предполагает адекватную, очень точную и быструю оценку эффективности применения СНВ. Тем более в их неядерном варианте, когда, например, важно точно знать, уничтожена ШПУ или нет.

Концепция СЦВ США предполагает четыре основные фазы ведения боевых действий:

1. Достижение информационного превосходства посредством опережающего уничтожения системы разведывательно-информационного обеспечения;
2. Завоевание превосходства в воздушно-космическом пространстве за счет уничтожения систем ВКО противника;

3. Уничтожение средств вооруженной борьбы противника, оставшихся без управления;
4. Окончательное уничтожение оставшихся очагов сопротивления.

Как видно, на всех четырех фазах реализации Концепции СЦВ особый акцент уделяется средствам ВКО потенциального противника. Даже если речь идет о четвертой фазе (уцелевших средствах наступательных и оборонительных ВВТ), Концепция СЦВ предполагает основными мишенями уцелевшие системы СНВ и ВКО.

В этой связи изначально важно сказать, что евразийская интеграция в военно-политической области вообще и в ВКО в частности, становится во втором десятилетии объективной потребностью государств Евразии в силу радикальных изменений происходящих в военных доктринах и военном искусстве государств. Прежде всего, речь идет, конечно, о главной области военного искусства — военной стратегии. Но не только. В оперативном искусстве и тактике за последние десятилетия произошли принципиальные перемены, которые требуют от государств радикального пересмотра прежних военных доктрин и критической переоценки всего спектра областей военного искусства.

По сути дела, сегодня речь идет уже о появлении нового военного искусства, когда прежние оценки, опыт и знания требуют радикального пересмотра, либо даже отказа от прежних взглядов. В первую очередь в области военно-политического управления вооружениями и управления стратегическими наступательными и оборонительными войсками. Достаточно сказать, что в последние годы фактически отпала необходимость в массированном использовании сухопутных войск, когда армии воевавших сторон насчитывали миллионы человек, а численность танков и самолетов измерялась десятками тысяч.

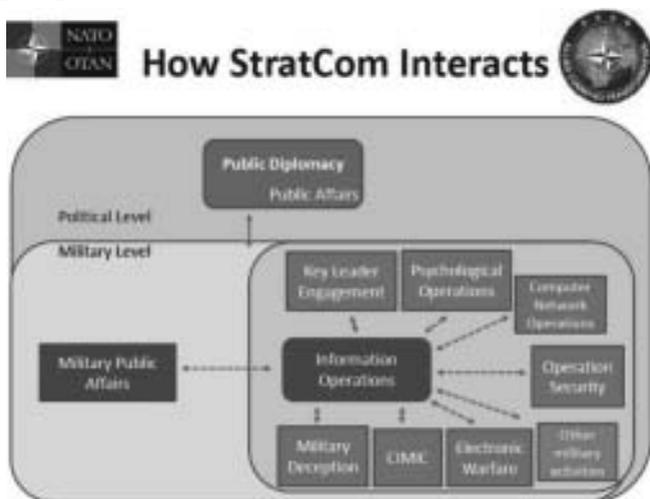
В силу разного рода причин все труднее становится отделить военную безопасность одного государства региона от других государств, что неизбежно ведет к региональной воен-

но-политической интеграции. Примером тому являются блоки и военно-политические союзы, прежде всего Североатлантический блок, который стал ярким примером не только военно-политической интеграции, но и фактически стимулировал интеграцию в рамках Евросоюза. В этом смысле ОВД также являлся закономерным примером региональной военно-политической интеграции.

До информационно-коммуникационного этапа военно-технической революции речь шла об объединении усилий государств одного региона (например, Северной Атлантики или Центральной и Восточной Европы). В 90-е годы XX века обозначилась тенденция перехода от объединения управления к единству управления. Кроме того, отчетливо стала просматриваться тенденция выхода за пределы региона зоны ответственности и функций единого управления в блоке, то есть расширения его пространственного охвата. Так, блок НАТО в короткие сроки превратился из региональной в глобальную организацию, управляемую из единого центра с фактической передачей полномочий.

Эти изменения затронули, прежде всего, те виды вооруженных сил, которые зависели от этих двух факторов — стремительного развития информатики и связи, и расширения пространственного охвата до космоса и киберпространства. Речь идет о системах ПВО и ПРО которые по сути носят глобальный характер. Даже если районы дислокации противоракет ограничены, пространство (воздушно-космическое и информационное) выходит далеко за пределы национальных территорий.

С геополитической точки зрения формирование в Евразии двух центров военной силы — США и Китая — также требует серьезной переоценки военных доктрин и основных положений военного искусства. И не только России и других постсоветских государств, но и западноевропейских стран, чьи военные доктрины интегрированы в военную доктрину НАТО, а по сути США и не оставляют странам Евросоюза возможности для самостоятельного принятия военно-политических решений. Новая геополитическая расстановка военных сил формирует недвусмысленную альтернативу возможному доминированию

США и Китая — создание евразийского военного центра силы. Прежде всего, в области ВКО региона.

Во втором десятилетии XXI века, таким образом, мы оказались на пороге не только нового этапа военно-технической революции, но и нового этапа в развитии военной науки и военного искусства, а также нового этапа евразийской интеграции, потенциально способного привести к созданию нового центра силы и обеспечить региональную безопасность континента. В этом смысле понятие «безопасность» становится такой же ценностью для всей Евразии, как и для стран Евросоюза. Простой пример. Создание региональных систем ПРО США (с перспективой глобальной ПРО) неизбежно ставят по-новому проблему ВКО не только стран ОДКБ, но и других евразийских государств. Не случайно поэтому, на Ашхабадском саммите глав государств, в декабре 2012 года, речь шла уже не столько об экономических проектах, сколько о создании Объединенной системы противовоздушной обороны (ОС ПВО) государств СНГ, для чего был создан специальный координационный комитет, и назначен его руководитель — бывший командующий ВКО России (а затем заместитель министра обороны) О. Остапенко²⁵. Это означает, что уникальные свойства суверенитета — возможности ПВО — некоторые государства в Евразии уже готовы делегировать национальному органу. В целом же, как уже говорилось, эти решения соответствуют объективным тенденциям развития региональной безопасности, которые отчетливо просматриваются на примере эволюции НАТО.

Очевидно, что на этом государства не остановятся. Неизбежно не только расширение ОС ПВО до ОС ПВО–ПРО, но и создание единой системы управления (а значит и делегирование полномочий), разработки общей концепции ВКО, планов военного строительства и т. д. И это тоже будет продолжением

²⁵ Мухин В. Противоракетное содружество // Независимая газета. 2012. 7 декабря. С. 1.

объективных тенденций. За всеми этими проявлениями стоят объективные тенденции, практическая реализация которых приведет:

1. либо к созданию единой системы ВКО (и, соответственно, единой военной концепции ВКО, военной доктрины, координации планов военного строительства и т. д.) большинства стран Евразии;
2. либо к появлению не только двух полюсов силы — США и Китая, — но и двух доминирующих военных доктрин, групп интересов и стратегии, которые оставят евразийским (в том числе европейским) государствам второстепенную роль исполнителей чужой воли, если страны Евросоюза будут продолжать одностороннюю ориентацию на США.

Кроме традиционных (политических и военных) факторов, влияющих на позицию этих двух доминирующих центров силы, решающее значение будут иметь возможности в информационно-коммуникационной области, реализуемые, прежде всего в системах ВКО. Очевидно, что в случае, если удастся объединить ресурсы России, ведущих европейских стран, ряда стран Азии, региональная евразийская система ВКО, учитывающая современные и будущие концепции СЦВ, может быть создана. Это, безусловно, не только обеспечит безопасность этих стран, но и сохранит их суверенитет, в том числе и по отношению к использованию против них инструментов «мягкой силы» и угроз воздушно-космического нападения.

Вот почему анализ современных информационно-управленческих концепций имеет не только военное, но и военно-политическое значение. Их измерение выходит далеко за пределы собственно военной политики. Изменения в военных доктринах, всех областях военного искусства проявились, прежде всего, в появлении таких новых концепций использования военной силы, как «сетевых», «информационных», «кибернетических» и других видов войн. Эти концепции связаны, как уже говорилось, с проявлением двух основных тенденций, ко-

торые стали иметь определенное значение еще в конце 90-х годов XX века:

- *во-первых*, с повышением роли систем обнаружения, боевого управления, связи и разведки, компьютерных и космических систем. Это, в частности, привело к качественному повышению эффективности ВВТ. Не только ядерных, но и обычных, прежде всего за счет резкого повышения точности, сокращения подлетного времени, возросших возможностей обнаружения и сопровождения целей, а в целом — «информвооруженности» ВВТ;
- *во-вторых*, с растущей уязвимостью этих сложных информационных систем к внешнему, в том числе враждебному воздействию и (как всяких сложных систем) к ошибкам в программном обеспечении, техническим сбоям и «человеческому фактору». Особенно, если речь идет о сознательных военных операциях против информационных систем.

Таким образом, с одной стороны, быстрыми темпами росла боевая эффективность вооружений, прежде всего за счет качества информационной вооруженности, а, с другой, увеличивалась уязвимость этих систем к внешнему воздействию и быстро совершенствовались способы такого воздействия. Сфера традиционного противоборства между наступательными и оборонительными системами была перенесена в киберпространство, то есть превратилась в глобальную сферу противоборства. В том числе и прежде всего в области ВКО.

В этой связи важно отметить ряд принципиально новых особенностей такого «информационно-сетевое» противоборства.

Первая особенность. Область информационного противоборства изначально глобальна и не может быть ограничена ни отдельным ТВД, ни временем, ни системой оружия или военной техники. В этом смысле ВКО уже стало глобальной системой, интегрирующей информационные, наступательные и оборонительные ВВТ и вооруженные силы.

Вторая особенность. Эта область не поддается контролю или ограничению, за исключением крайне редких случаев (например, ограничений по развертыванию РЛС), то есть не может стать предметом договоренностей. Более того, даже при достижении каких-либо договоренностей, их невозможно контролировать.

Третья особенность. Область информационного противоборства не имеет четких границ ни между формами использования («мягкой» или «жесткой») силы, ни между соответствующими средствами. СНН, например, выполнял в Ираке важную функцию управления.

Четвертая особенность. Информационные средства фактически являются как частью СЯС, так и средств собственно ВКО. Не только военные, но и гражданские технологии становятся критически важными для ВКО, что фактически привело к их интегрированию в единый информационный комплекс.

Как видно на рисунке 3.15, возможности СЦВ определяются сложением многих факторов и производным от них.

Эти особенности и изменения, в конечном счете привели к пересмотру многих основополагающих взглядов на военное искусство и военное строительство в начале XXI века, «...воплотившись, — как отмечают эксперты, — в концепцию сетевидной войны (в англоязычной транскрипции — Network Centric

Рис. 3.15

Warfare). На официальном уровне эта концепция впервые была признана в Национальной военной стратегии США в 2004 г., а затем положена в основу программы строительства американских вооруженных сил „Единая перспектива–2010“²⁶. В долгосрочной перспективе эта система взглядов составит ядро военно-технической политики США и НАТО на период до 2020 года»²⁶.

Важно, что такая особенность информационных войн затрагивает все аспекты военной деятельности и все виды ВВТ, то есть она по своей сути универсальна. Более того, успех или поражение в информационной войне рассматривается сегодня равнозначным успеху или поражению во всех боевых операциях и на всех ТВД. Ветеран спецслужб Франции Ж.-Б. Пинатель следующим образом описывает специфику информационной войны: «...Извечное соревнование между щитом и мечом сегодня стимулирует соперничество между возможностями

²⁶ Сиников А. Управлять — значит предвидеть // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 5(66). С. 39.

координации и по передаче данных, с одной стороны, и дезинформации, постановки помех и кражи информации — с другой. „Кибервойна“, „информационное противоборство“, „сетевая война“ — эти концепции развиваются и начинают затрагивать все аспекты военной деятельности:

- война командования и управления состоит в нанесении точечных ударов по центрам управления операциями противника. Применялась американцами, в частности, в Ираке, когда были нанесены удары ракетами „Томагавк“ перед началом наземных боевых действий с войсками Саддама Хусейна;
- разведывательная война основана на способности накапливать и анализировать практически в реальном времени информацию на разных языках, собираемую при помощи людских ресурсов или перехватываемую электронными средствами;
- электронная война представляет собой потенциал доминирования в электронной сфере, постановки помех, перехвата и прослушивания связи противника при одновременной защите аналогичных собственных средств;
- компьютерные сетевые атаки (Computer Network Attacks), или „война хакеров“. В ней используется внедрение вредоносного программного обеспечения в информационные системы противника;
- психологическая борьба или Psyops (Psychological Operations), или „психологическая война“, состоит в использовании социальных информационных средств, для дестабилизации положения населения и политических властей»²⁷.

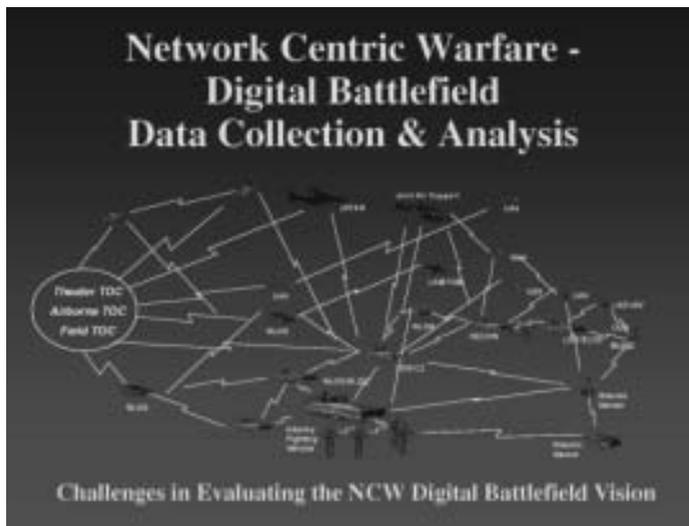
Как видно из перечня, приведенного Ж.-Б. Пинателем, информационная война распространяется на все вероятные уровни военного конфликта — от политического и военно-уп-

²⁷ Пинатель Ж.-Б. Россия — Европа: жизненно важный союз. Пер. с франц. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С. 102–103.

равленческого до элементной базы, которая составляет основу современной ВКО. И эта особенность важна для всего процесса евразийской интеграции не только потому, что объединенной (а тем более единой) ВКО потребуется единая система киберзащиты. В более широком контексте потребуется единая информационная, даже идеологическая политика и высокая степень координации политических и общественных институтов, формирование единой системы ценностей, что, собственно говоря, и наблюдается сегодня в НАТО. «Многовекторность» в политике будет объективно противоречить этой усиливающейся тенденции. Эти «гражданские» аспекты СЦВ и КВ приобретают все большее значение потому, что войны в XXI веке выигрываются в информационном пространстве еще до начала собственно огневого соприкосновения. Использование ВТО и ядерного оружия становится, по сути, завершающим этапом военной операции, а не ее началом.

Впервые это отчетливо проявилось еще в ходе подготовки войны в Югославии, когда в НАТО (за 6 месяцев до операции) был создан специальный комитет, координирующий информационную политику. Отнюдь не случайно и то, что первыми целями при налете на Белград стали национальные

СМИ и системы управления и связи. Позже, в ходе конфликтов в Ираке и в Ливии, и особенно в Сирии, эта информационная составляющая военной силы приобрела еще большее значение.

Провести грань между политическими (гражданскими) и военными системами управления современным государством и обществом невозможно. Сегодня уже нельзя выделить в связи с этим и какой-то отдельный вид или род вооруженных сил, тип вооружений или военной техники, который мог бы функционировать без учета возможного воздействия «киберопераций». Даже средства РЭБ не могут оказаться универсальными средствами противодействия, хотя бы потому, что они изначально не предназначались, например, для ведения пропагандистской, психологической или хакерской войны. Тем более они непригодны для влияния на общество и его институты.

Это следует иметь в виду при реализации концепции ВКО, поскольку средства информационного нападения не ограничены ядерными вооружениями и высокоточными неядерными средствами, а зачастую представляют собой вполне «безобидные» информационные ресурсы или общественные организа-

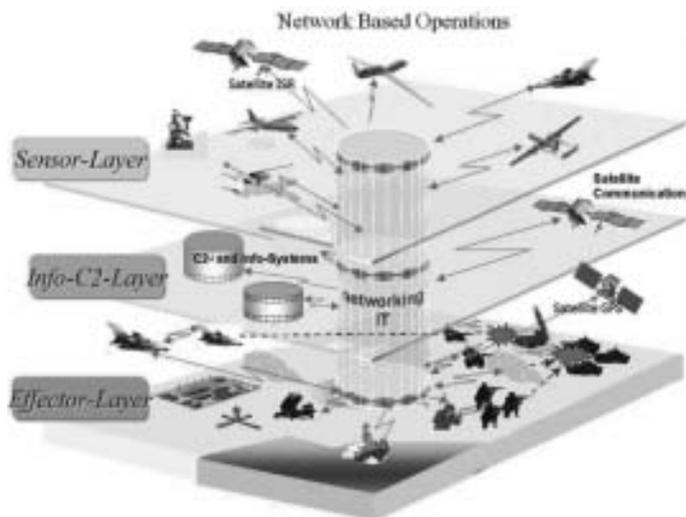
ции. В XXI веке СМИ и НКО могут быть использованы для ведения враждебных действий еще до начала формально военных операций. Представления о СЦВ сегодня достаточно размыты, хотя существуют и ее прикладные военно-технические аспекты. Так, сетецентрическая концепция нашла свое отражение в новой Национальной военной стратегии США, принятой в 2011 году²⁸, — отмечает профессор А. Сиников. — С технологической точки зрения, как известно, основой концепции сетецентрических войн является представление пространства военных действий в виде связанной сети, состоящей из компонентов трех видов:

- сенсоры (силы и средства вскрытия и отслеживания состояния объектов противника);
- акторы (силы и средства огневого, радиоэлектронного и иного воздействия на вскрытые объекты);
- интеллектуальные информационно-управляющие элементы (силы и средства, реализующие функции управления сенсорами и акторами)²⁹.

Как видно из этого перечня, все три компонента, составляющие потенциал СЦВ, относятся как к военным, так и гражданским компонентам. Кроме того, все эти компоненты являются решающими и для ВКО, что неизбежно приводит к выводу о том, что интеграция ВКО невозможна без интеграции всех этих компонентов сетецентрической войны. Причем в ближайшей перспективе это будет справедливо уже для всех уровней политического и военного управления. Так, в ходе войны в Ираке сетецентрическое управление достигало уже батальонного звена. Думается, что в ближайшие годы это управление будет достигать уровня даже отдельного солдата, который превратится в самостоятельную боевую и управляемую единицу.

²⁸ Сиников А. Управлять — значит предвидеть // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 5(66). С. 39.

²⁹ Там же.

Важной особенностью СЦВ является ее сетевой, многократно дублированный характер. «...Все указанные компоненты, — подчеркивает А. Сиников, — распределены (рассредоточены) в информационном и физическом пространстве так, что выход из строя какого-то сенсора, актора или информационно-управляющего элемента не нарушает работоспособности всей системы. Модель сетецентрической системы иногда представляют в виде информационной решетки, на которую накладываются взаимно пересекающиеся сенсорная и боевая решетки»³⁰.

Концепция сетецентрической войны предоставляет бесспорное преимущество такому государству (или коалиции государств), которое:

- *во-первых*, имеет технологическое превосходство в области информационных технологий самого широкого спектра. В этом смысле сегодня и в среднесрочной перспективе единственным государством, имеющим такое превос-

³⁰ Сиников А. Управлять — значит предвидеть // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 5(66). С. 39.

ходство, являются Соединенные Штаты Америки. Китаю потребуется, как минимум, десятилетие, чтобы приблизиться к США. Остальным государствам, включая Россию, потребуются титанические усилия, чтобы даже в будущем стать сопоставимыми с США в этой сфере. Это означает, что Вашингтон обладает уникальным конкурентным преимуществом перед другими государствами, которое будет им использовано в военно-политических целях. Отставание России в этой области является критическим и до сих пор по достоинству недооценивается. Это отставание не может быть ликвидировано технологическими заимствованиями. Хотим мы того или нет, но России нужна сверхпрограмма развития собственных информационных технологий на базе собственных достижений в фундаментальной науке. Только такая программа позволит избежать «догоняющей» модели развития информатики и предусмотреть «перескакивание» через этапы информационно-технологического развития. В ее основу может быть положена концепция создания ВКО, которая может «вытянуть» в том числе и смежные гражданские секторы экономики;

- *во-вторых*, политическое, экономическое и финансовое положение США, в том числе и позиции американского доллара, предопределяются, прежде всего, технологическим превосходством США. В агрегированном виде оно заключается в том, что не только более 30% мировой наукоемкой продукции производится в США, но они являются сегодня и бесспорным технологическим лидером. Более того, этот приоритет не случайно является главным политическим приоритетом США. Именно такое технологическое превосходство позволяет обеспечить превосходство в ВВТ и в создании самых современных концепций и их использования. Таких, как «Кибероперации», «информационная» или «сетевая война». Иными словами, финансовое и политическое превосходство США обеспечивается

технологическим превосходством. Полагать, что контрмеры в области финансов или политики по отношению к США окажутся эффективными, без ликвидации такого технологического превосходства, было бы неправильным. Вот почему эта задача должна быть сформулирована как важнейшая политическая задача, стоящая перед нацией;

— *в-третьих*, концепции информационных войн позволяют создать потенциал и предоставить возможность ведения любых войн в глобальном масштабе на любом театре ТВД, на любом пространстве — земле, воде, воздухе или в космосе. Для информационных систем нет границ или права государства на суверенитет, ликвидация которого и является одной из глобальных внешнеполитических целей США. Поэтому сохранение суверенитета тождественно достижению технологической сопоставимости с потенциалом США, что возможно в настоящее время только при широкой евразийской кооперации. В частности, в области ВКО.

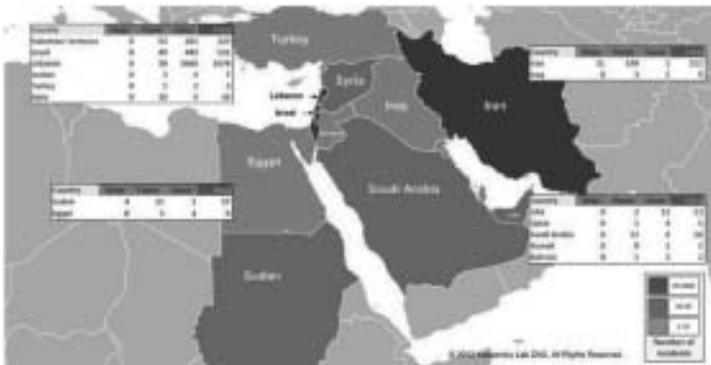
Во многом эти тенденции прослеживались еще в 80-е годы XX века. Уже тогда было ясно, что растущая роль информационных систем, в частности, боевого управления, связи и разведки, с одной стороны, и принципиально новое качество высокоточного неядерного оружия, с другой, радикально изменяет представления не только о характере будущих войн и программ военного строительства, но и имеют далеко идущие военно-политические последствия. Этому, в частности, была посвящена докторская диссертация директора ЦВПИ МГИМО А. И. Подберезкина «Роль и значение систем боевого управления, связи и разведки в военной доктрине США», защищенная в Дипломатической академии МИД РФ в 1989 году³¹.

К сожалению, в последние десятилетия СССР и Россия не только не ликвидировали отставание от США, но и оказались

³¹ Подберезкин А.И. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук «Роль и значение систем боевого управления, связи и разведки в военной доктрине США». Д.А. 1990 г.

в окончательном разрыве с современными реалиями. Технологическое соревнование с США должно было стать сутью политической доктрины СССР и России, но так и не стало. Сегодня оно кажется уже бесперспективным, но необходимо, чтобы правящая элита страны смогла сформулировать такую политическую цель, сконцентрировать ресурсы, провести мобилизацию нации для ее решения.

Применительно к ВКО это имеет непосредственное значение. До недавнего времени с пространственной точки зрения выделялись четыре сферы — наземные операции, воздушное и морское пространство, а также космос. Сегодня к ним добавилось «пятое пространство» — информационное или киберпространство. Первым прецедентом использования киберпространства в военных целях «в чистом виде» следует, возможно, признать использование Армией обороны Израиля в 2007 г. специально разработанного компьютерного червя (аналогичного секретной американской разработке «Suter» для прорыва системы ПВО Сирии в ходе операции «Фруктовый сад». Хотя и до этого операции США в Югославии и Ираке демонстрировали качественно новые военные возможности информационных систем оружия и техники). Использование специализированного программного обеспечения позволило израильским ВВС, в частности, незамеченными преодолеть

сравнительно современную и развитую систему ПВО Сирии и уничтожить объект, который эксперты связали с тайной ядерной программой. Многим более известно использование в 2010 г. червя «Stuxnet» для нарушения функционирования иранских ядерных исследовательских центров.

Первые два десятилетия XXI в., таким образом, отмечены постоянно растущей интенсивностью кибератак, планомерным повышением уровня исходящей от них угрозы со смещением фокуса от информационных воздействий и хищения секретной информации в направлении прямого нарушения функционирования инфраструктуры противника. Причем не только военной, но и политической, общественной, экономической. Эту ситуацию российские исследователи описывают следующим образом: Всё это меняет характер будущих войн, главной особенностью которых является отсутствие необходимости в массовом применении войск на поле боя. Их призваны заменить аэромобильные части и силы специальных операций, обеспечивающие достижение и закрепление политических целей войны после нанесения ущерба критически важным объектам военной, экономической и политической инфраструктур государства обычными высокоточными средствами поражения или кибернетическим оружием. К таким выводам пришли как военные теоретики США и НАТО, так и специалисты армий южного пояса Евразии, в первую очередь Китая и Индии.

Развитие информационных средств превратило их со временем из средств обеспечения в самостоятельные виды и системы оружия, то есть средства ведения войны, что, естественно, не могло не повлиять на способы ведения военных операций и войн. Сказанное означает, что в классических военных доктринах ведущих государств произошла «тихая» информационная революция, осознать масштабы и последствия которой в полной мере еще только предстоит. Так, возможности ПВО-ПРО сегодня определяются, прежде всего, способностью обнаруживать и сопровождать цели, точностью наведения антиракет

и т. д. Но в решающей степени эффективность ВВКО зависит от системы управления и передачи информации на всех уровнях.

Именно эти качества сегодня стали решающими не только для ВКО, но всех Вооруженных Сил, а, главное, военно-политического руководства. Более того, можно, наверное, говорить о том, что собственно использование ВС для оккупации территории теряет военный смысл. Уничтожение политического и военного руководства, инфраструктуры и нарушение управления ведет неизбежно к тому, что для закрепления результатов нападения с помощью высокоточных средств и информационных средств войны достаточно полицейских соединений. Если организованное сопротивление будет сломлено, а потенциал уничтожен, то организовать противодействие можно только ответными действиями и мерами информационной войны, в которых нападающая сторона имеет безусловное превосходство.

Кроме того, информационное превосходство позволяет дезинформировать противника (особенно, если до начала военных действий будет дезориентировано общественное мнение и уничтожена национальная система ценностей), сломить отдельные очаги сопротивления, в конечном счете, подчинить общество агрессору. Партизанские действия и личная инициатива в этом случае будут затруднены, если вообще возможны, именно в силу дезориентации общественного мнения и отсутствия четкой системы национальных ценностей.

Разрушение национальной системы ценностей является главной целью первого, скрытого этапа информационной войны. Если этого удастся добиться с помощью «мягкой силы», то разрушаются не только нормы морали в обществе, но и управление обществом и государством. Наступает неконтролируемый хаос, который обязательно ведет к ослаблению и уничтожению государственных и общественных институтов, а в конечном счете всей системы управления государством, обществом, его институтами (включая ВС и конкретно систему управления войсками).

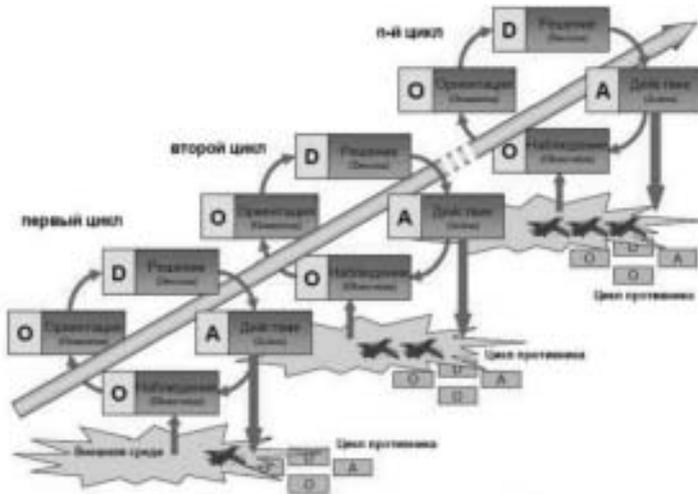
Соглашаясь с этим тезисом, становится понятно, почему, например, внешние оппоненты и внутренняя оппозиция так раздражены активностью РПЦ или патриотических партий и организаций. Как заметил А. Ципко, «речь... идет не столько о раздражении от политических инициатив нынешних иерархов РПЦ, сколько о раздражении от самого факта существования РПЦ как чуждого многим либералам мира, как облика другой... России»³².

По большому счету, речь идет о сломе национальной системы ценностей, разрушении национальных институтов управления и фактически управленческому хаосу, в котором легко, используя информационное превосходство, одержать политическую победу без привлечения в массовом порядке вооруженных сил. Эти тенденции просматриваются уже сегодня. В частности, российские эксперты подчеркивают, что «... в ходе войн в Югославии и Ираке американское военное командование уже опробовало новую доктрину ведения боевых действий с воздействием по центрам, контролирующим его экономику, промышленное производство и транспорт. В этой доктрине использовалась теория Дж. Бойда о действиях на опережение противника в области принятия и проведения им в жизнь решений на применение вооружённых сил (так называемый цикл НОРД — «наблюдение–ориентация–решение–действие»). Согласно этой теории, одним из необходимых условий достижения успеха являются действия по разрушению командных пунктов противника всех уровней управления и линий связи с одновременной деморализацией войск и населения противника за счёт проведения психологических операций»³³.

Сегодня трудно отделаться от мысли, что первый скрытый этап информационно-психологической войны против России

³² Ципко А. Исповедь ретрограда // Независимая газета. 2012. 11 декабря. С. 3.

³³ О военных угрозах Евразийскому союзу / Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2012. 28 августа / <http://eurasian-defence.ru>

прекратился с окончанием «холодной войны». Скорее наоборот: произошла концентрация усилий на уничтожении национальной системы ценностей, дискредитации государственных институтов и политической системы.

3.6. Единое информационное пространство Евразии

Очевидно, что создать неуязвимое информационное пространство в отдельности странам ОДКБ, а в целом Евразии, — невозможно. Собственно сегодняшняя реальность свидетельствует, что, контролируя информационное пространство (как в случае с Югославией, Ираком или осетино-грузинским конфликтом), США способны не только к массовой дезинформации мирового общественного мнения и навязыванию соответствующих политических решений, но и к подготовке эффективных военных операций. Очевидна и взаимосвязь между информационной войной и возможностями для нанесения высокоточных

операций. Эта взаимосвязь по существу означает, что концепции информационного воздействия являются прелюдией, частью концепции «сетевых» войн, а затем использования ВТО и последующей оккупации основных центров.

Другим следствием этой взаимосвязи является зависимость возможностей ВКО от информационных потенциалов, которыми обладает агрессор, причем, не только, военных, но и гражданских. Эта взаимосвязь превращается в зависимость, которую условно можно обозначить следующим образом:

Из этого рисунка следует важный вывод: без создания конкурентоспособных национальных информационных ресурсов (в том числе элементной базы, ПО, ВВТ, СМИ и т. д.) обеспечить эффективную оборону и суверенитет страны невозможно, как и эффективную ВКО страны, региона или континента. Кроме того, необходимы специальные — сетевые, многократно дублированные и защищенные от кибератак — органы государственного, военного и общественного управления, интегрированные с системой управления ВС России. Прежде всего, СНВ и ВКО. Некоторые действия США наводят на эти размышления. Так, США оперативно среагировали на новые возможности, создав в 2009 г. на базе АНБ и подразделений ВВС специализированное киберкомандование (USCyberCommand). Практически сразу аналогичные структуры стали появляться и в других государствах³⁴. Но это лишь частное проявление общей закономерности.

Формальной миссией киберкомандования США является планирование и координация действий по защите информа-

³⁴ Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего / Эл. ресурс «Евразийской обороны». 2012. 3 октября / <http://eurasian-defence.ru>

ционных сетей Министерства обороны. А также проведение в особых случаях полномасштабных военных операций в киберпространстве³⁵. Отметим, что обязанности по защите гражданской инфраструктуры в США возложены на Министерство внутренней безопасности и Агентство национальной безопасности. Это создает некоторую путаницу³⁶. Киберкомандование США не выполняет задач по обороне сравнительно уязвимой информационной инфраструктуры страны (ее компоненты — системы управления сетями энергоснабжения, транспортом, информационные сети финансовых организаций и т. п.), концентрируясь на обороне только и исключительно элементов военной инфраструктуры³⁷.

³⁵ Cyber Command Fact Sheet / U.S. Department of Defense. 2010. 21 мая.

³⁶ Military's Cyber Commander Swears: «No Role» in Civilian Networks // The Brookings Institution. 2010. 23 сентября.

³⁷ Cyberwar Commander Survives Senate Hearing, Threat Level // Wired. 2010. 15 апреля.

Частично раскрытая в июле 2011 г., стратегия операций в киберпространстве, кроме подтверждения заявлений о намерении охранять информационные сети Министерства обороны, содержала также программное заявление о признании киберпространства доступным для ведения боевых действий наравне с землей, морем, воздухом и космосом³⁸.

Наряду с этим в описываемом программном документе содержится тревожащее заявление о допустимости ответа на кибератаки всеми необходимыми национальными средствами, включая прямые силовые воздействия вплоть до проведения военных операций³⁹. Сегодня наблюдается очевидная параллель в развитии трех важнейших технологических направлений военного строительства в США:

- совершенствование ВТО и развертывание неядерного стратегического потенциала;
- создание глобальной системы ПВО–ПРО;
- создание информационных ресурсов для ведения СЦВ и КВ.

С точки зрения создания объединенной, а тем более единой ВКО это означает, что классическая схема военной интеграции уже устарела. Необходима такая система управления, которая (по аналогии с задачами СЦ) могла бы обеспечить:

- текущий мониторинг военно-политической ситуации, обработку информации;
- ориентацию политического руководства;
- подготовку решений, а также их реализацию.

Эти направления, очевидно, синхронизируются и составляют вместе единый «наступательно-оборонительный информационный» комплекс. Соответственно, рассматривать те или

³⁸ Department of Defense Strategy for Operating in Cyberspace. July 2011 / US Department of Defense / <http://www.defense.gov/news/d20110714cyber.pdf>

³⁹ David E. Sanger and Elisabeth Bumiller. Pentagon to Consider Cyberattacks Acts of War // The New York Times. 31 мая 2011 г. / http://www.nytimes.com/2011/06/01/us/politics/01cyber.html?_r=1; White House Cyber Czar: ‘There Is No Cyberwar’ // Wired magazine. 4 марта 2010 г.

иные действия необходимо в этом контексте. Вот как охарактеризовал эти угрозы Генеральный конструктор Системы ПРН Сергей Федотович Боев в одном из своих интервью: «Нельзя не учитывать, что состав военных угроз безопасности нашей страны в настоящее время существенно изменился. В первую очередь это связано с тем, что у вероятного противника появились или находятся на завершающей стадии разработки стратегические системы высокоточного оружия — БР с управляемыми боевыми блоками, стратегические крылатые ракеты (СКР), гиперзвуковые летательные аппараты (ГЗЛА), которые по уровню прогнозируемого ущерба и влиянию на стратегическую стабильность становятся сопоставимыми с ракетно-ядерным оружием. В этих условиях информационная составляющая системы ВКО должна приобрести новое качество — кроме задач предупреждения о ракетном нападении, она должна быть способной решать задачу предупреждения высшего руководства страны о массированном применении СКР и ГЗЛА, в том числе в условиях усложнения целевой и помеховой обстановки в зонах действия информационных средств РКО»⁴⁰.

На эту новую особенность американской стратегии хотелось бы обратить особое внимание: «победа» в кибервойне, безусловно, считается основным условием реальной военной победы. Понятно, что если выведены из строя информационно-коммуникационные системы, то любой вид оружия, вплоть до стрелкового, становится малоэффективным, даже бесполезным. Когда потеряно управление, то это равносильно военному и политическому поражению.

Сегодня угроза потери управления рассматривается, прежде всего, как угроза возможного уничтожения центров управления и связи в результате первого удара, что уже не совсем соответствует реалиям. Соответственно, и основные усилия

⁴⁰ Новости воздушно-космической обороны. 18 мая 2012 г. / <http://gunm.ru/news/>

направлены на предупреждение о таком нападении. Вот почему особое внимание уделяется средствам предупреждения о ракетном нападении (СПРН). Когда «удельный вес» каждой ракеты резко возрастает в связи с повышением ее возможностей уничтожения средств управления, значение СПРН становится критически важным. Считается, что «главным козырем обновленной СПРН России стали «Воронежи» — быстровозводимые радары высокой заводской готовности. Прогресс радиоэлектроники, позволивший на порядок уменьшить количество, массу и габариты комплектующих, обеспечил удешевление новых радаров и ускорение их строительства. Если приводить бытовые, всем понятные сравнения, то с РЛС произошло то же самое, что с телевизорами или компьютерами за последние три десятка лет.

За последние несколько лет в России построены и находятся в завершенной стадии четыре «Воронежа»: на северо-западе страны — в Лехтуси под Санкт-Петербургом, на крайнем западе России — в Калининграде, на юго-западе — в Армавире и на юго-востоке — в Усолье-Сибирском под Новосибирском. В строй вступает второй радар в Армавире, который будет контролировать южное юго-восточное направление. В 2013 году должно начаться строительство сразу трех новых РЛС — в Печоре, Барнауле и Енисейске. Завершение их строительства возможно уже к 2016–2017 годам, что позволит России полностью обеспечить работу СПРН за счет радаров, расположенных на национальной территории, отказавшись от устаревающих станций на территориях бывших советских республик»⁴¹.

Насколько это эффективно? А, главное, гарантируют ли эти меры защиту от информационных (сетевых) войн? Думается, что нет. Как уже говорилось, разрабатываются и другие концепции первого удара, но, главное, классические средства противодействия бесполезны в условиях СЦВ.

⁴¹ Крамник Н. Радары СПРН: глаза воздушно-космической обороны / Голос России. 5 декабря 2012 г. / http://rus.ruvr.ru/_print/97006949.html

Но это только одна часть проблемы. Другая часть находится в плоскости политического и психологического использования военной силы и силы вообще, включая «мягкую силу» государствам. Превосходство в информационно-коммуникационной области становится политическим превосходством и справедливо рассматривается, например, в Китае как важнейшая

угроза национальной безопасности. Facebook и Twitter там не функционируют, а есть китайские аналоги указанных систем, которые находятся, разумеется, под контролем китайского правительства.

Заместитель начальника Генштаба Ма Сяо Тянь отметил, что необходимо принять документы, которые определяли бы интернет как один из видов современной человеческой деятельности в том плане, что необходимо регулирование правил поведения государств в системе интернет. За такими осторожными формулировками, конечно же, скрывается стремление Китая дать отпор попыткам США, в частности, влиять на информационную политику Китая и использовать ресурсы китайского интернета для стимулирования различного рода диссидентской деятельности. То есть, Китай очень четко видит эти угрозы и их парирует».

Пытаются парировать эти угрозы и в России, однако это встречает жесткое сопротивление со стороны «демократической» оппозиции, которая, видимо, не понимает роли интернета как возможного средства для осуществления концепций СЦВ и КВ против России. Но вероятнее всего либеральная часть российской элиты просто не рассматривает борьбу за национальную идентичность и систему ценностей как жесткую обязательную необходимость, заранее согласившись, что атрибуты суверенитета уже устарели. Это означает, что первая фаза информационной войны за систему ценностей ей представляется заранее проигранной.

Таким образом, единое информационное пространство Евразии находится на начальной стадии формирования, и его развитие на период до 2030 г. и на этапе 2030–2050 гг. предполагает решение, во-первых, технологических, а во-вторых, политических задач обеспечения безопасности. При этом обе модальные группы требующих осмысления и оценки вопросов тесно взаимосвязаны, поскольку логика концентрации усилий на конкретном сегменте технологических новаций самым

существенным образом зависит от адекватных представлений о типологии будущей конфронтации с учетом «жестких» и «мягких» способов воздействия на противника, а логика совершенствования общей стратегии (включающей политический компонент) каждой из сторон в не меньшей степени зависит от технологических ресурсов ведения наступательных или оборонительных действий.

Обычно «окно возможностей» для опережающего стратегического планирования только на технологическом или только на политическом направлении формирования системы информационной безопасности достаточно ограничено. Оно определяется во взаимосвязи и скорее параметрами из области военного и политического искусства, а не традиционными способами оценки развития ситуации. Другими словами, система тактических шагов ожидаемым образом будет преобладать в процессе принятия решений всеми основными конкурентами, участвующими в борьбе за кибер-доминирование на международной арене в ее различных пространственных измерениях.

Что касается определения стратегических характеристик, регулирующих процессы снижения фронтальных угроз включения информационного компонента в систему полномасштабного силового противостояния, то они в период до 2030 года будут детерминироваться конкуренцией между «евроатлантическим» и «евроазиатскими» направлениями борьбы за принципиально различные варианты управления мировым информационным пространством. Попытки нахождения компромиссных позиций пока не увенчались большими успехами, хотя сам факт развития переговорного процесса позволяет снижать неопределенность относительно потенциальных возможностей противоположной стороны и, следовательно, смягчать риски спонтанного появления непреодолимой угрозы. Однако реальная «подушка безопасности» не существует и маловероятно, что она будет создана в ближайшие десять–пятнадцать лет (т. е. до 2030 г.). Этот вывод обусловлен состоянием международного переговорного

процесса под эгидой ООН, который рассматривают факультативные угрозы информационной безопасности и пока не отражает систему вызовов государственному суверенитету, основных угроз, связанных с применением информационных ресурсов «жесткой» военной силы против конкретного государства или группы государств.

Тем не менее, широкое и постоянное использование ИКТ превратилось в важную и неотъемлемую часть мировой повестки дня. В рамках ООН учреждена Группа правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности, которая в 2010 году пришла к заключению, что «Существующие и потенциальные угрозы в сфере информационной безопасности являются наиболее серьезными вызовами в XXI веке». В дальнейшем, на саммитах «G8» в Довиле в мае 2011 года и в Лох-Эрн в 2013 году будущее глобального информационного пространства стало предметом самого широкого рассмотрения ведущих индустриальных стран мира. В декабре 2012 года Генассамблея ООН единогласно приняла резолюцию, призывающую все страны–члены организации гарантировать защиту прав на частную информацию для пользователей интернета и других форм электронных коммуникаций. Однако характерно, что осенью 2013 года, когда в свете «дела Сноудена», на рассмотрение Генассамблеи ООН Германией и Бразилией была внесена резолюция, нацеленная на «запрет электронного шпионажа» и достижение «всемирного соглашения о защите персональных данных», она не получила достаточной поддержки⁴².

Особенности «евроатлантической» и «евроазиатской» моделей информационной безопасности, по мнению А. Ю. Чеботарева, заместителя директора информационно-аналитического департамента, Исполнительного комитета СНГ, в общем виде

⁴² Сборник информационно-аналитических материалов, выпуск № 2), Минск, 2014// URL: <http://e-cis.info/foto/pages/24207.pdf>

можно описать следующим образом. «В основе сторонников евроатлантической системы информационной безопасности (ОИБ) к которой относятся США, страны-члены ЕС, страны Британского содружества и другие, находится парадигма киберпространства как особой среды, не имеющей традиционных границ, обеспеченных государственным суверенитетом». Считается, что киберпространство и интернет, как его составная часть, должны рассматриваться как место тотальной свободы, защищенной от излишнего вмешательства государств, как двигатель «демократических преобразований», как «платформа развития инноваций» и глобальная коммуникативная площадка. При этом абсолютизируются права человека в киберпространстве на доступ к информации и свободу слова, мнений и убеждений, «свобода интернета» объявлена догматом и высшей ценностью, отвергается суверенное право государств на какое-либо регулирование общественных отношений в национальных сегментах интернета.

Но такие подходы направлены, прежде всего, на реализацию собственных внешнеполитических целей, внутренняя «интернет-жизнь» граждан тех же, США, как показали разоблачения Э. Сноудена, находится под плотным контролем государства. Правовой основой евроатлантической модели является Конвенция Совета Европы о киберпреступности, так называемая Будапештская конвенция 2011 года, хотя она является морально и политически устаревшим документом, не учитывающим наличие более 30 видов киберпреступлений, известных на сегодняшний день. Имеется в этом документе и еще один принципиальный сомнительный момент – положение о том, что иностранные службы могут проникать в компьютерные сети других стран, проводить там операции без ведома национальных властей, что, как считает ряд государств, означает явное нарушение принципов государственного суверенитета. Под юрисдикцию данной конвенции предпринимаются попытки подвести и кибертерроризм, отрицая его политическую, рели-

гиозную, социальную и иную мотивацию. Кроме того, данная Конвенция Совета Европы позиционируется как альтернативный и универсальный механизм взаимодействия для стран во всех регионах мира.

Военно-политические (использование информационных технологий в военных целях, разработка и применение информационного оружия, запрет в отношении создания его особо опасных форм, принятие правил ведения информационных войн и т. п.) и социально-политические (применение ИКТ во внутри- и внешнеполитической борьбе, обеспечении общественной безопасности и т. п.) аспекты ИБ сторонники евроатлантической модели предпочитают не афишировать и рассматривать исключительно через призму собственных национальных, либо геополитических интересов. США и их союзниками не признается необходимость универсального регулирования военно-политических аспектов ИБ в рамках ООН, в том числе в виде юридически обязывающих международно-правовых актов.

Вопросы влияния информационных потоков на социальные, политические и иные процессы в глобальном или национальном масштабах, евроатлантистами в проблематику кибербезопасности в принципе не включаются, что является одним из ключевых концептуальных, политических и идейных противоречий со сторонниками альтернативного подхода.

Евразийская модель исходит из более широкой трактовки. В ней вопросы «чистой» кибербезопасности рассматриваются в тесной взаимосвязи с общими проблемами всей сферы массовых коммуникаций, в том числе с распространением контента посредством современных ИКТ. При этом подход о необходимости учета в ОИБ вопросов содержания распространяемой через интернет и другие современные средства информации, ее влияния на общественную жизнь и практику носит принципиальный характер. Признается, что, безусловно, глобальное киберпространство должно способствовать общему развитию

и соблюдению прав человека, но, так же, должны быть осуществлены мероприятия, направленные на недопущение его использования против национальных интересов других стран, ведения посредством киберпространства информационных войн, осуществления деструктивного влияния на политическую, экономическую и духовную составляющую наций.

В основе евразийской модели системы ОИБ лежит рассмотрение в комплексе триады угроз информационной безопасности: криминальные, террористические, использование информационных технологий во враждебных целях, например, в военно-политических интересах того или иного государства. Сторонниками данного подхода выступает, прежде всего, Россия и страны — ШОС, государства-члены ОДКБ, ряд других стран мира. В качестве важнейшей задачи заявлена выработка универсального международно-правового документа под эгидой ООН, констатирующего наличие угроз ИБ военно-политического, преступного, в том числе террористического, характера. При этом военно-политическая составляющая в общем контексте проблематики ИБ рассматривается как приоритетная. Такая модель, носит, более комплексный и более перспективный характер.

Именно из разности евроатлантической и евразийской моделей ИБ вытекает столь часто встречающаяся разница в основных терминах, понятиях этой сферы и их практической трактовки. Прежде всего, «кибербезопасность» в понимании сторонников первого подхода охватывает лишь области деятельности, непосредственно связанные с использованием компьютерной техники (интернет, новые «гаджеты», компьютерные сети связи, управления и т. д.). В этом случае «киберугрозы», «кибератаки» рассматриваются как преимущественно информационно-технические, программно-аппаратные действия и инструменты. В евразийской модели принят и закрепился, в том числе, на концептуальном и законодательном уровнях, термин (понятие) «информационная безопасность», а не безопасность

информации или безопасность компьютерных систем и сетей. Важно отметить, что понятие «информационная безопасность» в обязательном порядке включает в себя ряд аспектов содержания распространяемой информации (т. н. деструктивное информационное воздействие, нежелательный, противоправный контент).

Существенный интерес представляют, исходя из изложенного, основные практические направления обеспечения кибербезопасности и, соответственно, ИБ в государствах евроатлантического и евразийского пространств. Для стран и организаций, придерживающихся евроатлантических подходов, самой характерной чертой выступает последовательное и неуклонное наращивание собственных потенциалов в киберпространстве. Примечательным, при этом выступает появление структур/подразделений, предназначенных для ведения т. н. наступательных, активных действий в киберпространстве, по сути — для проникновения в компьютерные сети иных государств, компаний и персональные устройства частных лиц⁴³.

⁴³ В качестве дополнительной иллюстрации к американским подходам можно также упомянуть учреждение Пентагоном в 2013 году новой «Медали за боевые отличия», которая будет вручаться военнослужащим, способствующим военным кампаниям посредством проведения киберопераций. По словам министра обороны Л. Панетты, «эта награда признает реальность технологической войны, которую мы ведем в XXI веке». Во многих других странах евроатлантического пространства за последние годы также сформированы схожие структуры. В Великобритании с июня 2010 года в составе одной из секретных служб — Центре правительственной связи и коммуникаций (GCHQ) — функционирует центр операций кибербезопасности. Национальные центры (агентства) кибербезопасности действуют в Германии (с июня 2011 года), в Нидерландах (январь 2012 года), Дании (с начала 2013 года). В Латвии существует центр по противодействию киберугрозам, в Литве — национальный центр по предотвращению инцидентов в сфере информационных технологий. Во Франции подобное подразделение входит в состав главного управления внешней безопасности, в ФРГ в составе Федеральной разведывательной службы (BND) функционирует специальный отдел

За пропагандистскими утверждениями о защите прав личности и ее свобод, мы наблюдаем гонку информационных вооружений, когда с одной стороны такая держава как США ежегодно увеличивает расходы на разработку и приобретение новых средств информационного оружия, а с другой, особенно после Балканских войн 90-х и агрессии Грузии против Южной Осетии в августе 2008 года, намечается тенденция по более активному противодействию — разрабатываются способы обороны в информационной войне, появляются сторонники идеи ограничения распространения информационного оружия на международном уровне.

В контексте ответной реакции на гонку информационных вооружений, инициированной сторонниками евроатлантического доминирования в глобальном кибер-пространстве, следует рассматривать, прежде всего, постоянное повышение внимания России к проблематике информационной безопасности на пространстве СНГ. Решением Совета глав правительств Содружества Независимых Государств от 18 октября 1996 года была принята Концепция формирования информационного пространства Содружества Независимых Государств⁴⁴. Она носит рекомендательный характер, основана на констатации имеющегося информационного сближения государств Содружества и представляет собой систему согласованных взглядов на цели и приоритеты в сферах сотрудничества государств — участников СНГ в развитии межгосударственных информационных обменов.

по противодействию хакерским атакам и кибершпионажу. Достаточно известным в профессиональных кругах является Центр киберобороны НАТО в Эстонии (Cooperative Cyber Defense Center of Excellence), в работе которого участвуют 12 стран (Венгрия, Великобритания, Германия, Испания, Италия, Латвия, Литва, Нидерланды, Польша, Словакия, США и Эстония). Кроме того, общей координацией деятельности в сфере кибербезопасности в НАТО занимается специальный отдел управления по новым вызовам и угрозам Международного секретариата. См:URL: <http://e-cis.info/foto/pages/24207.pdf>

⁴⁴ <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=7548>

В разделе 7. Концепции «Обеспечение информационной безопасности в информационном пространстве СНГ», говорится, в частности, что «Одной из важнейших проблем формирования информационного пространства государств — участников СНГ является обеспечение каждым из них собственной информационной безопасности и защиты своего информационного суверенитета. Для своевременного решения этих вопросов каждое государство — участник СНГ осуществляет своевременный мониторинг „противоречий“ в информационной политике и угроз своему информационному суверенитету.

Практическое решение проблем обеспечения национальной информационной безопасности, привлечения к ответственности за угрозу или нарушение информационной безопасности в каждом из государств Содружества осуществляется в порядке, предусмотренном их национальным законодательством, нормами международного права, а также соответствующими межгосударственными договорами»⁴⁵.

В октябре 2008 года Решением Совета глав государств Содружества был утвержден еще один важный документ — Концепция сотрудничества государств-участников СНГ в сфере обеспечения информационной безопасности. В практическом плане многие вопросы затрагивались в ходе минского (октябрь 2013 года) саммита глав государств СНГ, где была одобрена Концепция сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий. В Концепции, в частности, отмечается, что преступления, совершаемые с использованием информационных технологий, приобретают транснациональный характер и создают угрозу национальной безопасности государств-участников СНГ.

Среди направлений сотрудничества: сближение нормативных правовых актов и нормативно-методических документов;

⁴⁵ <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=7548>

разработка межгосударственных стандартов в области информационной безопасности; создание защищенных информационных систем различного прикладного назначения; организация трансграничной передачи информации; совершенствование технологии защиты информационных систем и ресурсов от потенциальных и реальных угроз; анализ и оценка угроз информационной безопасности; совершенствование деятельности в области выявления и нейтрализации устройств и программ, представляющих опасность для функционирования информационных систем, и др. Обращает на себя внимание, что уже после этого документа Белоруссия и Россия 25 декабря 2013 года подписали двустороннее межправительственное соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, которое носит более продвинутый и предметный характер.

Кроме указанных нормативно-правовых документов, имеющих важное практическое значение, одним из отраслевых органов СНГ — Региональным содружеством в области связи — прорабатывается вопрос о создании Единого центра по обеспечению безопасности в киберпространстве государств-участников СНГ. Характерно, что в дальнейшем (2014 г.) проблематика информационной безопасности пространства СНГ как существенного сегмента макрорегиона Евразии неоднократно становилась предметом экспертных совещаний и научных обсуждений, результаты которых позволяют расширить спектр конкретных вопросов, требующих практических решений. Однако глубина предлагавшихся прогнозных предположений обычно не выходила за рамки среднесрочной перспективы и как правило, основное внимание уделялось возможностям реактивного ответа (материально-технического, кадрового, реже — интеллектуального) на разработки проводимые сегодня в зарубежных странах.

Таким образом, в целом представляется, что вопросы информационной безопасности еще длительное время будут входить в число приоритетных направлений обеспечения

глобальной безопасности и мировой стабильности. Как считают специалисты, «в силу неделимости глобального информационного пространства, масштабности вызовов и угроз в этой сфере проблематика международной информационной безопасности, безусловно, требует надлежащего международно-правового регулирования под эгидой ООН и системы мер обязательного характера»⁴⁶. Однако перспективы создания международного режима информационной безопасности не должны внушать излишний оптимизм, тем более что как показывает практика, правовые нормы неизменно отражают не абстрактные общественные интересы, а консенсус ведущих акторов взаимодействия, т. е., фиксируют реальные преимущества, достигнутые на предшествующих консенсусу этапах «нерегулируемой» и «дикий» конкуренции. Для определения вероятности достижения подобного консенсуса на этапе 2030–2050 гг. необходимо учитывать следующие моменты:

1. Вариативность характеристик современных информационных войн. Термин «информационная война» впервые оказался в фокусе внимания в связи с войной в Персидском заливе в 1991 г. После нее, по мере распространения глобальных сетей, у информационной войны стали появляться свои теоретики. Однако пока не существует единого, всеми признанного определения этого явления.

Но в целом можно говорить о двух основных направлениях осмысления военно-информационной проблематики. Во-первых, о тенденции секьюризации всей сферы информационной деятельности в современном обществе, а, во-вторых, о стремлении к выделению комплекса специальных действий, «встроенных» в конкретный стратегический план конкретной силовой (военной) операции. Помимо концептуальных различий эти тенденции имеют и важную прагматическую проекцию. Сторонники каждой из них по-разному отвечают на вопрос об

⁴⁶ <http://e-cis.info/foto/pages/24207.pdf>

организации системы информационной безопасности в эпоху распространения информационных войн и соответственно о распределении общественных ресурсов. Образно говоря, часть экспертов и практиков выступает за ведение регулярных войсковых операций, а другие за партизанские действия силами сравнительно небольшого контингента.

2. Соотношение реактивных и инициативных моментов в деятельности участников информационных войн.

Информационное поле вооруженных конфликтов сегодня прорабатывается не менее тщательно, чем другие аспекты военных операций, причем главный поражающий фактор информационного «оружия» это манипуляция человеческим сознанием. И если в представлениях лиц, принимающих решения, основное внимание уделяется балансу/дисбалансу технологических возможностей сторон, то на массовом уровне эти соображения практически не имеют значения и «поражение» сознания происходит за счет не верифицируемых пропагандистских образов.

Учитывая развитие международной информационной ситуации после августовских событий 2008 года, можно отметить признаки частичного и скорее «пилотного» ослабления инициатив стран НАТО по развертыванию фронтального наступления вплоть до очередного кризиса, связанного с обстановкой в Сирии, а чуть позже на Украине. Ситуация 2008 г. продемонстрировала, что первоначальный проект виртуального воссоздания Берлинской стены потерпел фиаско, но он трансформировался в систему позиционных операций, в которых на передний план выдвинут режим М. Саакашвили, пользовавшийся разносторонней поддержкой, причем, не только, пропагандистской, но и чисто силовой. Фактически повторение опыта событий 2008 года можно наблюдать и на современном этапе в контексте украинского кризиса, тотального искажения и замалчивания объективной информации ведущими западными СМИ о событиях на юго-востоке Украины и политики российского

руководства. Разумеется, эта ситуация, формально относимая к действиям с применением «невоенной» силы, не исчерпывает глобальной информационной конкуренции, но она остается ее главной конфликтной доминантой, причем позиции здесь глубоко эшелонированы и вряд ли их конфигурация изменится в среднесрочной перспективе. Тем самым возможности перехода к международному режиму информационной безопасности объективно затягиваются.

В этой связи, для консолидации евразийского информационного пространства и снижения конфронтационной составляющей информационного взаимодействия на международной арене российской стороне и ее партнерам целесообразно активизировать реактивные, ответные шаги, блокирующие попытки распространения односторонних мифических интерпретаций прошлых, текущих и ожидаемых событий. К сожалению, как показывает практика, результативность российских действий в данном направлении остается невысокой, причем по причинам, не имеющим прямого отношения к сфере техники военного планирования и связанным в большей степени с политической составляющей этого процесса.

Активное продвижение альтернативной информационной инициативы традиционными средствами информационной работы, которое является, безусловно, желательным, нуждается, тем не менее, в определенной подготовке, во-первых, путем консолидации отечественной стратегии в сфере информационной безопасности в целом, а во-вторых, в публикации авторитетных аналитических исследований конкретных издержек эскалации информационных войн для стабильности не только сопредельных с Россией регионов, но и для ряда других районов мирового пространства.

Разумеется, отдельного внимания заслуживают и еще несколько моментов, например, определения стиля подачи информационного продукта: предпочтение аналогий с крупнейшими сетевыми СМИ или акцент на разработку оригинального лица,

укрепления профессиональных связей с представителями зарубежной журналистики, организация подготовки молодых специалистов, способных значительно повысить конкурентоспособность отечественных информационных служб, уточнения состава потенциальной аудитории.

Разрабатывая эту линию целесообразно учитывать переходное состояние современного мира, и те противоречия, с которыми сталкивается мировое сообщество. Сегодня оказались разрушены многие традиционные перегородки между странами, народами и конфессиями. Информационная составляющая национальных институтов управления сейчас расшатана, однако ее универсальное глобальное замещение не состоялось. Экстенсивный рост глобализации в ее однополярном формате сейчас исчерпан. Демонстрация этой реальности и включение соответствующих сюжетов в состав модельных информационных блоков могли бы стать эффективным инструментом противодействия попыткам эскалации информационной войны, откуда бы они ни исходили.

3. Технологическое обеспечение в разработке активных информационных действий.

Важную роль в изучении современных информационных войн, разработки реактивных и инициативных действий играет технологическое обеспечение «черновой» работы по сбору фактов, данных, сведений и т. д., а также их систематизации. Не идеализируя зарубежный опыт, хотелось бы напомнить несколько типичных примеров, а скорее возможностей, которыми располагают, более десяти лет американские специалисты профильных ведомств, это системы регулярной автоматической сортировки больших объемов неупорядоченной информации, отражающих состояние глобальной международной и внутриполитической среды в соответствии с вводимыми параметрами. Создание евразийского информационного пространства пока подкреплено аналогичными технологическими ресурсами лишь фрагментарно.

Единое информационное пространство Евразии является комплексным проектом, реализация которого будет проходить поэтапно с учетом технологической и политической конкуренции «евроатлантического» и собственно «евразийского» подходов отражающих общую логику борьбы между концептом тотального кибер-доминирования и защитой информационного суверенитета членов мирового сообщества. Хотя, оба подхода будут стремиться завоевать максимальную поддержку со стороны международной среды (ООН), установление реального режима информационной безопасности ни в глобальном, ни в региональном масштабе в период до 2030 года маловероятно. Поэтому, становление информационного пространства Евразии, во-первых, является неотъемлемой частью процесса формирования региональной безопасности и одновременно национальной безопасности России, а, во-вторых, нуждается в дополнительных импульсах для перехода на этапе 2030–2050 гг. от преимущественно реактивного и оборонительного состояния к активным инициативным действиям наступательного характера.

3.7. Роль стратегических неядерных вооружений и ВТО

В XXI веке появился и стал стремительно усиливать свое влияние в военном деле новый фактор — высокоточное оружие (ВТО). Эволюция ВТО и систем управления им с 90-х годов прошлого века развивалась по следующим основным функциональным направлениям:

- *во-первых*, превращению ВТО в главное средство поражения, постепенно вытесняющего остальные средства поражения вооруженных сил на суше, море и в воздухе;
- *во-вторых*, авиационный и морской компоненты ВТО стали преобладающим на ТВД, по сути, вытеснив сухопутные

в силу резкого увеличения дальности поражения и способности уничтожать объекты не входя непосредственно в зону активных боевых действий. Так, КР авиационного и морского базирования, ракеты класса «воздух-земля» и бомбы могут использоваться с расстояния в тысячи километров;

- *в-третьих*, ВТО стало превращаться в стратегическое по своему характеру оружие, способное решать непосредственно задачи СЯС, без высокой степени риска ответного ядерного удара. Поражение стратегически важных целей, прежде всего объектов политического, административного и военного управления, центров связи с помощью ВТО позволяет непосредственно решать стратегические задачи в интересах политики без масштабных и затратных военных операций, исключая, в определенных случаях, даже непосредственное участие сухопутных сил.

Таким образом, массовое производство ВТО стало принципиально новым явлением последних двух десятилетий. Это явление — массовое производство и быстрая модернизация ВТО, которое стремительно приобретает функции стратегического наступательного потенциала — до сих пор пока еще до конца не оценено. Причем стратегический неядерный потенциал становится, как, частью стратегического наступательного, так и оборонительного потенциала. Между тем, эта взаимосвязь — стратегического наступательного и оборонительного потенциалов, — не привлекает пока ни должного политического, ни общественного внимания. Прежде всего, из-за отсутствия в этих потенциалах ядерных боеприпасов. Этим новая взаимосвязь стратегических наступательных и оборонительных вооружений отличается от той, когда и в наступательных и в оборонительных системах присутствовал ядерный компонент.

Так, в фундаментальной работе А.И. Антонова, безусловно, ведущего российского эксперта — «Контроль над

вооружениями: история, состояние, перспективы»⁴⁷ — самым подробным образом рассматриваются все аспекты переговоров по ограничению вооружений, однако и в ней нет специального раздела, посвященного этой проблеме. И не случайно, хотя сам А. И. Антонов не раз публично обращал на это внимание, многие годы США сознательно и категорически уходят от ее обсуждения. Мотив ясен: чем скорее удастся ликвидировать военно-стратегическое равновесие в области ядерных вооружений с помощью стратегических неядерных средств воздушно-космического нападения (СВКН), тем быстрее США вернут себе статус неуязвимости, а также реальную возможность использования уже по всему миру военной силы без опасения ответных мер, которым они обладали до появления стратегического равновесия с СССР.

Высокоточное оружие позволяет не только заменить ОМУ в целом ряде случаев, но и решить серьезные политические и международно-правовые проблемы, связанные с использованием военной силы вообще. Так, очевидно, что массовое применение ВТО позволяет достигать политических целей войны без участия сухопутных сил, формального объявления войны и значительных людских потерь, как это было, например, в Югославии и Ливии.

Другое преимущество использования ВТО — международно-правовое, ведь ВТО широко применяется без объявления войны и даже без прямых военных столкновений с участием специальных сил. Так, за период президентства Б. Обамы (с 2009 по 2014 год) США в 10 раз чаще использовали ударные беспилотные ЛА против целей в Пакистане, Йемене и Сомали, совершив 400 авианалетов, в которых погибло более 2400 человек⁴⁸. Налеты беспилотников по своим масштабам и резуль-

⁴⁷ Антонов А. И. Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы. М.: РСПЭН, ПИР-Центр, 2012.

⁴⁸ 330 атак беспилотников за период президентства Обамы / «Jamejam online». 2014. May. 1 / <http://eurasian-defence.ru/>

татам вполне сопоставимы с масштабами локальных войн. Но формально, ни с политической, ни с военной точек зрения США участия в таких войнах не принимают и, соответственно, не несут за них никакой ответственности.

В этой связи можно предположить и другой возможный будущий сценарий военного конфликта: допустим, что при определенных условиях используется огромное число (тысячи, десятки тысяч) ударных беспилотников, новые типы которых уже испытываются, способных координировано нанести удары одновременно по сотням и тысячам целей на территории противника. В результате могут быть уничтожены полностью или частично важнейшие стратегические объекты. И все это — без формального участия ВС, международных, политических и иных решений и соответствующей ответственности.

Можно предположить, что войны будущего будут во многом автоматизированы до такой степени, когда массированное применение, ударных беспилотников и других систем ВТО может стать первым этапом «обезглавливающего» и «разрушающего» удара без применения ядерного оружия, баллистических ракет и пилотируемой авиации — бомбардировщиков, штурмовиков, истребителей и т. д. В этом случае политическая ответственность и военные риски резко снижаются, а достигнутый военно-политический результат может быть аналогичен результату с применением СЯС или массированного использования сил авиации и флота.

Концепция «ядерного сдерживания» в соответствии с этими планами неизбежно должна уступить место реалистичной угрозе использования стратегических неядерных вооружений. В очередной раз А. И. Антонов обратил внимание на эту проблему в 2013 году на Мюнхенской конференции, посвященной вопросам безопасности. «В настоящее время имеются неядерные средства, способные решать многочисленные военные задачи с эффективностью, сравнимой со стратегическими

вооружениями в ядерном оснащении»⁴⁹, — заявил он. С ним фактически солидаризировались западные эксперты:

Причем спектр применения стратегического ВТО достаточно широк и охватывает как операции тактического, так и оперативного, а, в конечном счете, в будущем — и стратегического масштаба. А. И. Антонов приводит, следующий пример: «Для нанесения ударов с воздуха активно используются беспилотные летательные аппараты. В качестве цели без труда может быть выбрана не база террористов, а ракетная база. Подразделения сил специального назначения также могут быть использованы для приведения в неисправное состояние объектов СНВ»⁵⁰.

Исследования показывают, что современное ВТО может наносить эффективные удары, в том числе и по хорошо защищенным целям, например, ПУ МБР, когда поражение внешней защиты двумя-тремя боеприпасами делает невозможным запуск МБР. Стратегическое неядерное ВТО может быть весьма эффективным против мобильных МБР или пунктов управления и связи. Особенно важную роль стратегическое ВТО может играть для уничтожения политических, административных центров управления и связи, которые в современной войне становятся самыми приоритетными целями. Как показали авиаудары по Югославии и Ливии, прежде всего, ставилась задача нарушить управление государством и его институтами, а также электронными СМИ. Это должно внести хаос в действия правящей элиты, подорвать ее возможности и волю к сопротивлению.

Надо сказать, что подобные расчеты оказались эффективными: как в случае с Югославией, так и Ираном, Афганистаном и Ливией ВТО сыграло свою главную роль. Оно оказалось «используемым» и высокоэффективным политическим инструментом в отличие от ядерного оружия, которое было бы бесполезно. Но применение стратегического потенциала ВТО

⁴⁹ Тезисы выступления А. И. Антонова на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности. 2013. 6 февраля. / <http://eurasian-defence.ru>

⁵⁰ Там же.

отнюдь не ограничивается только уже известными способами. Как подчеркивает А. И. Антонов, «кроме СНВ в неядерном оснащении, необходимо учитывать возможность размещения оружия в космическом пространстве, а также соотношение сил общего назначения. Нельзя забывать ситуацию с ракетами средней и меньшей дальности, когда лишь Россия и США имеют жесткие юридически обязывающие ограничения. Ну и, разумеется, еще предстоит много сделать, чтобы разобраться с „кибероружием“»⁵¹.

Таким образом, во втором десятилетии XXI века стали складываться условия для возникновения нового неравенства в стратегической области, способного девальвировать идею ядерного сдерживания и роль ядерных вооружений. Соответственно классические системы ПРО–ПВО в новых условиях должны быть модернизированы таким образом, чтобы нейтрализовать эти новые угрозы, то есть решить по сути дела принципиально новые, не свойственные им прежде, задачи защиты не только ВС и отдельных объектов, но и огромных территорий (включая территории союзников) от воздушно-космического нападения. Причем это нападение, как становится все очевиднее, совмещается с воздушно-космической обороной в единый наступательно-оборонительный комплекс. Его основы, о которых писал А. И. Подберезкин еще в конце 80-х годов XX века⁵², закладывались более четверти века назад, когда Р. Рейган провозгласил программу «Стратегической оборонной инициативы».

Вот почему следует особенно внимательно рассмотреть эволюцию развития ВТО в последние десятилетия, прежде всего, возрастание роли крылатых ракет в развитии форм и способов

⁵¹ Тезисы выступления А.И. Антонова на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности. 2013. 6 февраля. / <http://eurasian-defence.ru>

⁵² Подберезкин А.И. Военная доктрина США и развитие систем, боевого управления связи и разведки // докторская диссертация / Дипломатическая академия МИД СССР. 1989.

боевого применения средств воздушно-космического нападения. Практика массированного применения средств воздушного нападения (СВН) ведущими мировыми державами берет свое начало в годы второй мировой войны. В те годы для выполнения типовых задач по поражению крупных целей (объектов инфраструктуры и промышленности) требовались значительные группировки авиации — до 1 тыс. и более самолетов. Так, ВВС США в конце войны для поражения одной крупной неподвижной цели требовалось до 1500 самолето-вылетов бомбардировщиков типа В-17 и около 9000 авиабомб (рис. 3.16).

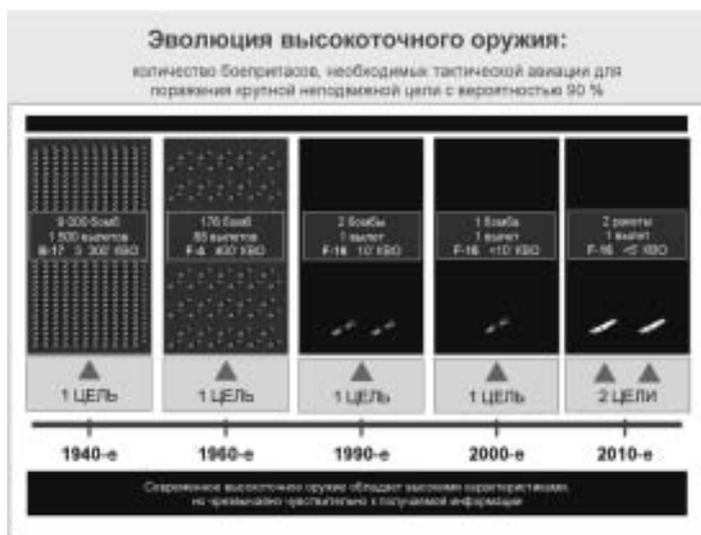

Рис. 3.16

Первый качественный скачок в развитии теории и практики применения СВН произошел в ходе войны во Вьетнаме. Появилась реактивная авиация, совершенствовались системы разведки, навигации и прицеливания, появился новый вид оружия — высокоточное. Требуемые затраты на поражение типового объекта снизились — до 88 вылетов F-4 с расходом до 176 авиабомб.

В этот период ярко проявилось противоборство между авиацией и бурно развивающимися средствами борьбы с ней — зенитными ракетными комплексами. В результате противоборства рождались новые способы применения авиации и способы противоборства со средствами ПВО:

- применение приемников предупреждения о радиолокационном облучении, активных и пассивных помехах индивидуальной, а затем и групповой защиты;
- разработка противозенитных и противоракетных маневров, появление радиолокационных ловушек и ложных целей.

Появился новый вид авиации — беспилотная авиация, которая хоть и сыграла весомую роль в военных действиях, однако на тот момент не привела к качественному изменению форм и способов боевого применения СВН. Основной ударной силой группировок СВН продолжали оставаться самолеты тактической и палубной авиации. Эта борьба с переменным успехом продолжалась в ходе всей войны во Вьетнаме, а также арабо-израильских войн. Новый качественный скачок в противоборстве авиации и ПВО произошел в 1990-е годы. Началом нового этапа в развитии СВН послужило применение ракетно-авиационных группировок антииракской коалиции в ходе операции «Буря в пустыне» (Ирак, 1991 г.).

Главная особенность — появление оружия «первого дня». Таким оружием стали крылатые ракеты морского (КРМБ) и воздушного (КРВБ) базирования, а также специализированные «малозаметные» самолеты F-117A. Именно они во многом обеспечивали завоевание превосходства в воздухе. В 1991 г. в Ираке было применено около 370 крылатых ракет, в том числе около 100 ракет в первом ударе. Крылатые ракеты показали высокую эффективность — из 297 пусков КРМБ Tomahawk и 72 пусков КРВБ CALCM, из которых 282 КРМБ (95%) и 65 КРВБ (90%) эффективно поразили назначенные цели. После этого крылатые ракеты стали применяться во всех последующих конфликтах

при нанесении ударов по Ираку (1993, 1996, 1998 гг.), Боснии (1995 г.), Судану и Афганистану (1998 г.).

Однако выводы, сделанные специалистами по результатам применения КРМБ и КРВБ в период с 1991 по 1998 гг., заставили руководство США пересмотреть некоторые подходы к реализации программ создания перспективных крылатых ракет. Одним из основных направлений модернизации стало внедрение в новые модификации крылатых ракет приемника GPS, что обеспечивало полет КР к цели с любого направления. Модернизированные КР массированно были применены в операции «Союзническая сила» (Сербия, апрель–май 1999 г.). Всего в Югославии было применено около 800 КР (в том числе более 220 в первом ударе). Эффективность их применения оказалась несколько ниже ожидаемой, что во многом было обусловлено достаточно низкой оперативностью их применения. В начале и середине 90-х годов для подготовки нанесения удара КР требовалось более трех суток (загрузка и отладка полетного задания, доставка КР на носители).

Новый этап модернизации крылатых ракет, проведенный в конце 1990-х годов, сократил время их подготовки к пуску до 25 часов, что позволило эффективно применять КР не только на начальном этапе боевых действий. В результате этого в операции «Свобода Ирака» (Ирак, 2003 г.) США смогли применить более 1200 крылатых ракет большой дальности (Tomahawk и CALCM) и до 300 тактических КР SLAM, SLAM-ER, JASSM и «Storm Shadow». При этом только в первые сутки было применено более 400 крылатых ракет, что больше, чем за всю первую войну в Заливе (Ирак, 1991 г.). Влияние эволюции развития крылатых ракет на интенсивность их применения представлена на рис. 3.17.

Начиная с 1991 года, крылатые ракеты морского и воздушного базирования традиционно используются как основное «оружие первого дня». Современные крылатые ракеты предназначены для вывода из строя важнейших объектов экономи-

Рис. 3.17

ки, транспортной и топливно-энергетической системы страны, важнейших объектов вооружённых сил — военно-морских баз, аэродромов базирования истребительной и ударной авиации, районов дислокации шахтных и мобильных пусковых установок МБР, ключевых пунктов управления экономикой и ВС, а также основных элементов системы ПВО/ПРО. Их основная задача — нарушение функционирования важнейших объектов, снижение оборонительного и наступательного потенциала ВС, дезорганизация системы управления, нарушение общей экологической обстановки в городах и районах страны, создание обстановки паники и деморализации среди армии и населения.

В настоящее время основными КР в обычном снаряжении являются:

- КРМБ Tomahawk различных модификаций с дальностью пуска до 2400–3200 км;
- КРВБ CALCM различных модификаций с дальностью пуска до 1500–1900 км;

- малозаметные КРВБ AGM-129 ACM с дальностью стрельбы до 3300 км;
- авиационные крылатые ракеты-«невидимки» JASSM и JASSM-ER (с дальностью пуска до 600 и 1300 км соответственно);
- тактические авиационные крылатые ракеты SLAM-ER, KEPD-350, SCALP-EG и Storm Shadow с дальностью пуска от 240 до 650 км.

Военно-политическое руководство США считает приоритетными задачами совершенствование систем высокоточного оружия, прежде всего крылатых ракет, а также интеграцию систем их управления в объединенную многоуровневую инфраструктуру управления ударными силами и средствами. В связи с этим ведутся работы по дальнейшему повышению боевой эффективности существующих и разработке принципиально новых крылатых ракет. Основные направления совершенствования технических характеристик крылатых ракет:

- разработка и принятие на вооружение гиперзвуковых (Huy Fly, SED-WR, RATTLRS) и сверхзвуковых (Tactical Tomahawk-2, FLAM и mini-JASSM) крылатых ракет морского и воздушного базирования;
- увеличение дальности полета КР до 3500–4000 м с одновременным повышением точности стрельбы (КВО — 3 метра и менее). При этом дальность стрельбы более 3000 км ни для одной страны, кроме России, не требуется;
- оснащение КР системой управления курсовыми девиациями, позволяющей регулировать время подлета к цели, что, по мнению разработчиков, приблизит ударные возможности крылатых ракет к возможностям пилотируемых аппаратов;
- создание линейки специализированных боевых частей, в том числе СВЧ, тандемных проникающих с повышенным могуществом, а также применение в качестве боевого снаряжения КБЧ ракеты самонаводящихся боевых элементов точного наведения (Skit, TGSM, Bat и др.);
- снижение заметности ракет во всех диапазонах.

каждой), чем вся группировка ВМС США и Великобритании в ходе первого массированного удара операции «Буря в пустыне» в 1991 г.

В 2011 г. в Ливии это и было продемонстрировано — ПЛАРК Florida (SSGN-728) произвела пуск 93 ракет Tactical Tomahawk. Необходимо также отметить, что в результате завершения очередного этапа модернизации самолетов ВВС и ВМС, не только все типы бомбардировщиков способны нести крылатые ракеты (до 12–24 ед.), но и основные самолеты тактической и палубной авиации стали носителями крылатых ракет. При этом каждый самолет одновременно может нести до 2–4 КР с различными боевыми частями.

Возможности по применению крылатых ракет морского и воздушного базирования основными носителями представлены на рис. 3.19.

Рис. 3.19

Таким образом, в перспективе до 2020 года:

1. Более чем в три раза увеличится запас крылатых ракет морского и воздушного базирования в обычном оснащении.

В 2–3 раза увеличится количество ПУ КРМБ на надводных кораблях и подводных лодках. Возможность применять крылатые ракеты самолетами тактической и палубной авиации, несмотря на снижение общего количества пилотируемой авиации в составе ВВС и ВМС, приведет к росту потенциальных носителей в 1,5–2 раза. Массовое применение крылатых ракет самолетами тактической и палубной авиации, согласованное по времени и месту с действиями стратегических бомбардировщиков и кораблей-носителей КРМБ может значительно (не менее чем в два-три раза) увеличить количество ракет в первом ударе.

2. Возрастут возможности крылатых ракет по преодолению существующей системы ПВО, в первую очередь за счет снижения радиолокационной и инфракрасной заметности, повышения маршевой скорости и возможности применения целого ряда сложных маневров в районе цели. Станет практически невозможным поражение гипер- и сверхзву-

ковых крылатых ракет зенитной артиллерией и существующими ПЗРК.

3. Следует ожидать значительного повышения эффективности нанесения ударов крылатыми ракетами за счет совершенствования систем наведения и целевой нагрузки. При этом ударные возможности крылатых ракет вплотную приблизятся к возможностям пилотируемой авиации и КР останутся основным оружием «первого дня».

3.8. Морской сегмент ВТО: ПРО — защита или нападение?

В 2011 г. Соединенные Штаты реализовали первую фазу «Европейского поэтапного адаптивного подхода» (ЕПАП) к развертыванию системы ПРО в Европе, главной особенностью которого стало размещение боевых кораблей ВМС США, оснащенных многофункциональной боевой информационно-управляющей системой (МБИУС) Aegis BMD (система Aegis, адаптированная для решения задач ПРО) в морях вокруг европейского континента. Так, в марте 2011 г. в Средиземном море появился крейсер ВМС США Monterey (CG-61) с ракетами-перехватчиками типа SM-2 и SM-3, который находился там на шестимесячной вахте. В ходе выполнения поставленных перед ним задач Monterey в течение 15 суток курсировал в акватории Черного моря, попутно заходил с визитом в Батуми и Севастополь.

Хотя корабли ВМС США с системой Aegis BMD (эсминец Stout, DDG- 55) появились впервые в Средиземном море в 2009 г., Monterey (CG-61) стал «первооткрывателем программы постоянного присутствия кораблей с компонентами ПРО» для поддержки ЕПАП. Впоследствии его сменил эсминец The Sullivans (DDG-68) со средствами ПРО. Ротационный период их пребывания в европейских водах составил в среднем 6–7 меся-

цев. В сентябре 2011 г. на боевое патрулирование в зону Средиземного моря вышел эсминец Donald Cook (DDG-75), а затем, в начале 2012 г., крейсер УРО Vella Gulf (CG-72).

В ходе реализации второго этапа ЕПАП США (2012–2015 гг.) постепенно наращивают группировку кораблей ПРО на южном фланге — в Средиземном море. Так, во второй половине 2013 г. в акватории Средиземного моря находились уже три корабля, оснащенных системой ПРО, в частности, крейсер Monterey (CG-61), эсминцы Stout (DDG-55) и Ramage (DDG-61). В декабре 2013 г. в Вашингтоне было принято окончательное решение о размещении в 2014–2015 гг. на постоянной основе четырех эсминцев противоракетной обороны ВМС США, оснащенных боевой информационно-управляющей системой Aegis BMD. В качестве пункта постоянного базирования выбрана военно-морская база в испанском городе Рота.

Как свидетельствуют представители ВМС США, целью размещения кораблей является защита европейских союзников, стран-партнеров, находящихся в Европе американских войск, а также США от нынешних и перспективных ракетных угроз. Предполагается, что эти корабли будут осуществлять боевое патрулирование в восточной части акватории Средиземного моря, а случае необходимости — и в Черном море. Уже 11 февраля 2014 г. первый из четырех эсминцев, Donald Cook (DDG-75) прибыл в испанский военно-морской порт Рота. В течение 2014 г. для постоянного базирования прибудет эсминец Ross (DDG-71), а в 2015 году — эсминцы Carney (DDG-64) и Porter (DDG-78).

Резкий рост возможностей системы ЕвроПРО ожидается в ходе реализации третьей фазы ЕПАП, в период с 2015 по 2018 гг. К этому времени группировка кораблей системы Aegis BMD, на постоянной основе находящихся в омывающих Европу морях, возрастет до 20 единиц. При этом США предполагают возможность временной, как они говорят, дислокации флота в северных морях — Северном, Балтийском, Норвежском, возможно Баренцевом.

Корабли будут базироваться в Испании и Великобритании и могут быть оперативно переброшены в Балтийское, Северное, Баренцево и Норвежское моря. Дополнительно надо указать на то, что появление на постоянной основе кораблей Aegis BMD в Баренцевом море будет направлено на ограничение арктических амбиций России, поскольку они представляют серьезную угрозу как надводным кораблям нашего ВМФ, так и атомным подводным лодкам. Причем освоение акваторий северных морей кораблями Aegis уже ведется, зачастую под вполне миролюбивыми предложениями. Так, в ходе международных учений «Фрукус-2012», проводимых в Балтийском море, США представлял крейсер Normandy (CG-60), оснащенный системой Aegis.

Одновременно с увеличением группировки кораблей ПРО, планируется развертывание ракет SM-3 Block IIА морского и наземного базирования, а также появление наземного комплекса с ракетами SM-3 и радаром SPY-1 в Польше вблизи побережья Балтийского моря. Потенциальное развертывание ракетных комплексов и РЛС системы Aegis на севере Европы, а особенно — кораблей с этой системой в северных морях может угрожать уже потенциалу российских стратегических ядерных сил. Размещенные на севере корабли Aegis BMD и наземные комплексы системы Aegis Ashore смогут при определенных условиях перехватывать ракеты, запущенные с баз РВСН в европейской части России и с подлодок Северного флота по территории США. Эти возможности еще более возрастут в ходе реализации четвертой фазы ЕПАП (до 2020 г.), после развертывания ракет SM-3 Block IIВ и дальнейшего наращивания группировки кораблей ПРО.

В то же время следует иметь в виду, что и в своем «полном» виде, с базой в Польше и кораблями в северных морях, система Евро ПРО будет обладать крайне ограниченными возможностями по перехвату российских ракет. Все возможные сценарии такого перехвата говорят о том, что он возможен в узком диапазоне условий и будет обладать достаточной эффективностью

только против ограниченных ударов российских ракет. Единственным реальным средством облегчить задачу системе ПРО в этой гипотетической обстановке становится превентивный «разоружающий» удар со стороны США и НАТО по территории России с использованием высокоточных средств поражения.

В настоящее время многие эксперты считают, что для подготовки такого «разоружающий» удара необходимо предварительное развертывание морских и авиационных группировок. Но так ли это? Официально заявив всему миру о размещении «исключительно оборонительных» противоракет SM-3, США сразу поставило вне инспекционных проверок все элементы создаваемой Евро ПРО. Даже по Венскому документу 1999 г. данные системы не попадают под инспекторские проверки. Но дело в том, что Aegis BMD является многофункциональной боевой информационно-управляющей системой, предназначенной не только для перехвата баллистических ракет. Современный Aegis обеспечивает одновременное слежение за сотнями надводных, наземных, подводных и воздушных целей, их селекцию и автоматическое наведение оружия корабля на самые опасные объекты.

Основными носителями противоракетного комплекса Aegis BMD являются ракетные крейсера класса Ticonderoga и эсминцы класса Arleigh Burke. Эти корабли являются универсальными, и по заявлениям американских специалистов, первыми в мире кораблями, способными вести трехмерный бой — с одновременным нанесением ударов по надводным (подводным), воздушным и наземным объектам. Ракетное вооружение кораблей Aegis располагается в модульных установках вертикального пуска (УВП) типа Mk41. Все типы оборонительных и наступательных ракет загружаются в УВП в стандартных контейнерах. Как раз в использовании стандартных контейнеров и заключается вся загвоздка. При загрузке этих контейнеров даже обслуживающий персонал может и не знать, какие именно ракеты в нем находятся. Типовая загрузка

УВП на крейсерах типа Ticonderoga: 26 крылатых ракет «Томагавк», 16 противолодочных ракет ASROC и 80 зенитных ракет SM-2 и противоракет SM-3, всего 122 ракеты. На эсминцах типа Arleigh Burke до 96 ракет, из которых в штатной загрузке 32 «Томагавка».

Корабли Aegis неоднократно привлекались к ударам крылатыми ракетами по наземным целям во всех войнах и военных конфликтах с участием США, начиная с операции «Буря в пустыне» в 1991 г. За это время корабли с МБИУС Aegis суммарно провели 1250 лет в боевых походах по всему миру. В ходе тестовых и боевых запусков с кораблей было выпущено более 3800 ракет различных типов. Анализ опыта их боевого применения показывает, что для выполнения ударных задач может быть отдан приоритет крылатым ракетам. В ходе операции «Шок и Трепет» (Ирак, 2003 г.) один из эсминцев ВМС США произвел пуск 60 крылатых ракет «Томагавк». Именно модульность системы вооружений кораблей с МБИУС Aegis позволяет создавать компактно размещенную ударную систему с элементами противоракетной обороны. Крылатые ракеты морского базирования, обладающие стратегической дальностью до 2500 км, мощной боевой частью (в неядерном оснащении) и высокой точностью (3–5 м) представляют угрозу для российского ядерного потенциала не меньшую, чем ядерные МБР США.

Получившийся «ракетный букет» (SM-3 плюс «Томагавк») у границ России позволяет не только перехватывать российские баллистические ракеты, но и поражать их стартовые позиции крылатыми ракетами морского базирования и тем самым действительно создавать реальную угрозу для российских стратегических ядерных сил. Степень этой угрозы значительно возрастет с принятием на вооружение после 2017–2019 гг. модернизированных ракет «Томагавк» с увеличенной до 3200–4000 км дальностью стрельбы. Намеченная к развертыванию в морях вокруг европейского континента группировка в 20 кораблей Aegis BMD даже в штатном варианте загрузки может нести не

менее 640, а в ударном варианте загрузки — 1200 и более крылатых ракет. И это при том, что отсутствует какой-либо механизм контроля за размещением этих ракет на кораблях. Таким образом, значительная часть территории нашей страны, включая Москву и большинство объектов стратегических ядерных сил, оказывается под угрозой внезапного удара.

К этому следует добавить то, что военно-политическое руководство США намерено организовать постоянное базирование подобных кораблей не только в Средиземном и Балтийском, но и в Баренцевом и Черном морях. Аналогичную активность США развивают и в другом важном для России регионе — Азиатско-Тихоокеанском. Вашингтон добился создания в этом регионе двух профильных структур в сфере ПРО: «трехсторонних форумов» с участием Австралии, США и Японии, а также США, Южной Кореи и Японии. В марте 2012 г., выступая на политологическом форуме в Вашингтоне, заместитель министра обороны США Мадлен Кридон заявила о готовности Вашингтона создать в АТР широкую региональную инфраструктуру ПРО — по аналогии с ЕвроПРО.

Собственными средствами ПРО морского базирования располагает Япония. Под систему Aegis BMD здесь будут переоборудованы шесть эсминцев класса Kongo, хотя ранее планировалось модернизировать только четыре корабля. К этому процессу уже подключились противоракетные средства морского базирования Южной Кореи — эсминцы класса KDX-III. Кроме того, американцы на постоянной основе в этом регионе содержат несколько кораблей — крейсеров и эсминцев Aegis BMD (ВМБ Йокосука). Эти корабли неоднократно принимали участие в двусторонних и трехсторонних учениях в территориальных водах Японии и Южной Кореи. Корабли ПРО, как и в европейском регионе, могут помимо противоракет нести значительное количество ударного вооружения — более 360 крылатых ракет. С учетом морских средств ПРО США, развернутых в районе Аляски, уже сейчас создана значительная ударная

группировка, способная угрожать всему дальневосточному региону. Вне досягаемости останется только незначительная часть территории — Алтайский край и Сибирь.

Для завершения подготовки ударной группировки американцам останется только скрытно развернуть в северных морях России несколько групп подводных лодок — носителей крылатых ракет. Причем такой опыт у ВМС США уже есть: для нанесения ударов по Ливии в Средиземном море были развернуты три ПЛ США и одна ПЛ Великобритании, включая ПЛАРК Florida (SSGN-728). Одна такая лодка (всего в ВМС США четыре ПЛАРК с запасом до 154 КРМБ на каждой) сопоставима по возможностям со всей группировкой ВМС США и Великобритании, принимавшей участие в ходе первого массированного удара операции «Буря в пустыне» в 1991 г. В Ливии это и было продемонстрировано: четыре подводные лодки применили более 220 крылатых ракет, из которых ПЛАРК Florida (SSGN-728) произвела пуск 93 КРМБ.

Не подлежит сомнению, что корабельные соединения противоракетных сил и средств будут представлять повышенную угрозу для СЯС России. Сочетание же ударных средств передового базирования США, размещенных на кораблях Aegis BMD в виде крылатых ракет, с наземными и морскими противоракетными средствами, выдвигающимися к континенту, несут в себе комбинированную угрозу безопасности Российской Федерации. Причем эта угроза станет вполне реальной не после завершения четвертого этапа осуществления плана ЕПАП (2020 г.), а раньше. Фактически она реальна уже в настоящее время. Кроме того, складывается впечатление, что четвертым этапом процесс развертывания эшелонированной системы ПРО США в Европе и вокруг нее отнюдь не закончится, и эта программа будет продолжена. По сути, американцы, наращивая военную угрозу на наших границах, начинают очередной этап подготовки к агрессии против России, которая не обязательно будет включать в себя применение ядерного оружия.

Для создания максимально полной картины развертывания морского сегмента ВТО США вблизи российской территории следует упомянуть и усилия американской стороны по обеспечению тотального контроля за изменением соотношения сил в АТР, в частности ее реакцию на подъем военной мощи КНР. Китай недавно вошел в круг держав, способных нанести ядерный удар с суши, воздуха и моря. Мощность китайских ВМС растет, хотя в технологическом аспекте они пока отстают от мировых лидеров. Сейчас у Китая есть три стратегические атомные подлодки второго поколения (проект 094). На них стоят МБР «Цзюйлан-2» с дальностью до 8 тыс. км. Но на оперативной службе они пока не состоят, поскольку ракеты этого проекта находятся на стадии доработки. По оценкам экспертов большая часть китайского подводного ресурса приходится на дизель-электрические субмарины и постепенно происходит переориентация на более современные варианты ходовой части. Успехи Китая в строительстве подводного флота меняют баланс сил в АТР. Не случайно США перебросили на Окинаву (Япония) шесть самолетов-шпионов для слежки за китайскими подлодками. Это решение ориентировано на долгосрочную перспективу и присутствие ВМС США вблизи российских границ будет становиться все более массивным.

3.9. Перспективы военного искусства и три ведущие тенденции развития ВВТ в XXI веке

Военное искусство (применительно ко всем его областям — военной стратегии, оперативному искусству и тактике) — продолжает оставаться «умением изобретать и применять самые целесообразные средства и приемы» (наиболее эффективные средства и способы) для «скорейшего достижения общей и окончательной цели войны». И если в определении

военного искусства мало что изменилось со времен А. Македонского и А. Свечина — даже определение военного искусства сохранилось в том же виде⁵³, — то содержание этого понятия в XXI веке стремительно меняется. Это касается, прежде всего, двух важнейших составляющих понятия «военное искусство» — «общих и окончательных целей войны» и «средств и приемов» их достижения.

Хронологически эти революционные изменения относятся к концу XX века, то есть не вполне совпадают с формальным отсчетом новейшей истории в XXI веке, точнее — войнами СССР в Афганистане, НАТО — в Югославии, а также большим числом локальных конфликтов, проходивших в 80-е и 90-е годы XX века. В отличие от «классических» войн и военных конфликтов, охватывавших всю военную историю человечества на протяжении, по меньшей мере, четырех тысячелетий, в конце XX века произошли принципиальные изменения, прежде всего в отношении «общих и окончательных целей войны». Если прежде речь шла о военном поражении, разгроме вооруженных сил противника, оккупации его территории и множества менее значимых моментов, то в конце XX века разговор идет уже о победе не над государством, а над системой ценностей противника, о смене политической системы, защищающей эту систему ценностей. Это, кстати, уже хорошо осознают в генеральных и главных штабах. Так, В. Герасимов говорил об этом на конференции, посвященной безопасности 23 мая 2014 года. Собственно территория, армии и даже экономика потеряли прежнее значение, уступив приоритет в качестве политической цели войны — утверждению новой системы ценностей, либо недопущению закрепления неприемлемой системы ценностей. Ради этого шла длительная война в Афганистане, но ради этого же, уничтожалась Югославия, где отдельные ее части смогли «интегрироваться» в западную систему ценностей.

⁵³ Краткая российская энциклопедия. Т. 1. М. 2003.

Ярким примером ценностной мотивации в контексте тенденций совершенствования военного искусства последних лет стало воссоединение Крыма с Россией, которое было опосредовано свободным и ясным волеизъявлением подавляющего большинства крымского населения, действиями сил местной самообороны и позицией РФ по предотвращению военной агрессии радикальных украинских националистов против народа Крыма.

Аналогичные революционные трансформации происходили и в изменении «средств и приемов», то есть способах применения военной силы, что непосредственно было связано с изменениями политических целей войны. Здесь следует выделить три существующие в настоящее время господствующие тенденции. Это позволяет сделать определенные выводы в стратегическом прогнозе и внести поправки в стратегическое планирование.

В данном случае речь идет не столько об эволюции ВиВТ, их модернизации и усовершенствовании, сколько о появлении качественно новых систем и видов ВиВТ и, соответственно, принципиально новых способов использования военной силы и противодействия этим способам. Первая, «классическая» тенденция, вытекает из известной закономерности эволюции военного искусства вслед за изменениями в ВиВТ.

Научно-техническая революция XX века в области систем боевого управления, связи и разведки привела к радикальным последствиям в способах применения новых ВиВТ. Причем не только на тактическом или оперативном, но и на стратегическом уровнях. Достаточно сказать, что создание потенциалов средств доставки и самого ядерного оружия сделало возможным решения собственно военно-стратегических задач без последовательного решения военных задач на тактическом и оперативном уровне.

Еще большее значение имела вторая тенденция — изменения «средств и способов» использования военной силы, о чем говорят значительно меньше и реже: что изменения

в политических целях войн привели к радикальному (фактически, но пока еще не всегда нормативному) пересмотру способов применения военной силы. Это видно из сравнения логических матриц, иллюстрирующих возможное военное противостояние (средства и способы) двух государств «А» и «Б».

Классическое военное искусство (до конца XX в.) и зарождение нетрадиционных боевых операций

		Государство «А»	
		Классические ВиВТ и способы их применения ВС	Нетрадиционные ВиВТ и невоенные вооруженные формирования
Государство «Б»	Нетрадиционные ВиВТ и военные вооруженные формирования	«Нетрадиционные» боевые действия, в т. ч. «партизанские», гражданское сопротивление, кибератаки, диверсии	«Бандитская» война на уничтожение без ограничений и правил
	Классические ВиВТ и способы их применения ВС	«Классическая» война на стратегическом, оперативном и тактическом уровне	«Нетрадиционные» боевые действия, в т. ч. «партизанские», гражданское сопротивление, кибератака и диверсии

Как видно из этой матрицы, классическое военное искусство и применение ВС и ВиВТ становится только частью вооруженного противостояния государств. И если в «классической» войне «нетрадиционные» боевые действия, в частности, партизанские, были лишь частью, дополнением основных военных действий (партизанское движение в ВОВ в СССР, Югославии и других странах), то в конце XX века нетрадиционные боевые действия становятся зачастую основными способами вооруженного противостояния. Так, в Афганистане, Иране, Ливии и Сирии в результате вооруженной борьбы оппозиции с регулярными вооруженными силами погибло и продолжает гибнуть больше людей, чем в ходе «классических» военных операций.

Наконец, существует и третья ведущая тенденция: появление принципиально новых технологий ведет к созданию не только принципиально новых видов и систем ВиВТ, но и способов их использования. Это означает, что государство, способное производить опережающими темпами качественно новые технологии, гарантирует себе качественное превосходство не только в ВиВТ, но и в способах управления ими. Это хорошо видно на примере развития гражданских наукоемких технологий, результаты которых в той или иной мере уже используются в военном деле. Так, стремительное сокращение расхода топлива во всех типах двигателей приведет в середине XXI века к пересмотру экономических, научно-технических и военно-технических параметров двигателей, используемых в ВВС, сухопутных армиях и ВМФ.

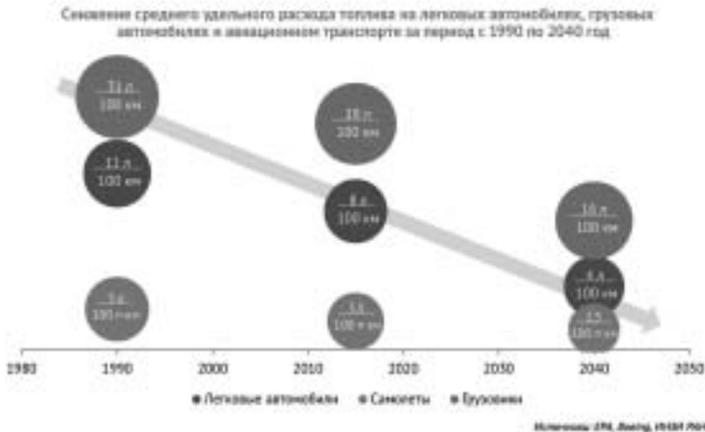

Рис. 3.20⁵⁴

Более того, когда со стороны противоборствующих сил выступают «нетрадиционные» вооруженные формирования,

⁵⁴ Институт энергетических исследований российской академии наук. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года / <http://ac.gov.ru/files/publication/a/2194.pdf>. С. 32.

то характер войны приобретает откровенно неуправляемое и непредсказуемое направление. Это характерно не только для вооруженной борьбы в Судане или Ливии, но и, например, на Украине, где фактически роль регулярной армии в 2013–2014 годы сведена к минимуму. Изменения в военном искусстве следует воспринимать особенно серьезно для России в связи с тем, что эти изменения непосредственно влияют на распределение национальных ресурсов в интересах обороны.

Россия не может «зеркально» (симметрично) финансировать свои оборонные расходы, механически перенеся все процессы, которые идут в ВС зарубежных стран, в силу того простого обстоятельства, что экономические и финансовые потенциалы страны несопоставимы с потенциалами ведущих государств мира. Особенно если их брать в совокупности, учитывая вероятный коалиционный характер возможных действий. Так, если сравнить военный бюджет России с военными расходами 9 других ведущих стран мира, то мы увидим, что суммарные военные расходы США, Евросоюза, Японии и Саудовской Аравии в 15–17 раз превышают российские (только американские — почти в 10 раз).

10 ведущих мировых держав по военным расходам⁵⁵

Место	Государство	Военные затраты (в долларах США)	Информация по состоянию на год
—	В целом по всем странам	1 200 000 000 000	200
—	В целом НАТО	49 875 309 000	
1	США	526 800 000 000	2014

⁵⁵ Список стран по военным расходам / http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EF%E8%F1%EE%EA_%F1%F2%F0%E0%ED_%EF%EE_%E2%EE%E5%ED%ED%FB%EC_%F0%E0%F1%F5%EE%E4%E0%EC

Место	Государство	Военные затраты (в долларах США)	Информация по состоянию на год
—	В целом по Европейскому союзу	300 745 000 000	
2	Китай	114 200 000 000	2013
3	Россия	71 200 780 000	2013
4	Великобритания	58 985 000 000	2013
5	Франция	58 244 330 000	2011
6	Япония	56 907 569 000	2012
7	Германия	45 200 000 000	2010
8	Саудовская Аравия	45 050 000 000	2010
9	Индия	36 000 000 000	2013
10	Италия	34 730 000 000	2012

Сказанное выше означает, что в XXI веке неизбежно предстоит полностью пересмотреть основные положения военного искусства, которые отражают прежний характер классических войн, способов их ведения и средств вооруженной борьбы. Новые цели войны и вытекающие из них способы их ведения неизбежно потребуют значительного расширения представлений:

- об участниках вооруженной борьбы (включения, например, представителей гражданского населения, частных армий, охранных структур и т. д.);
- средствах их ведения (например, «коктейлях Молотова», щитах, защитных шлемах, дубинках и т. д.);
- структуре и эффективности военной организации государства и многом другом.

3.10. Новые основные цели войны в XXI веке

Уже не раз говорилось о том, что цели и задачи политики вообще и военной политики в частности являются субъективными категориями — представлениями тех или иных слоев правящих элит о реализации важнейших интересов и ценностей. Если таким важнейшим интересом является геополитический контроль в мире (прикрываемый защитой либеральной системы ценностей), то военно-политические цели и задачи прямо вытекают из необходимости обеспечения такого геополитического интереса. В этом смысле идеологическая обработка, доведение людей, по-Сакурову, «до абсолютно дремучего состояния» является важнейшей и первой целью. Опыт Украины, того, как огромные массы общества были доведены до «дремучего состояния» русофобства наглядно показывает, как конкретно работают эти механизмы.

Но само по себе общество и общественное мнение не являются главной целью таких войн. Во многом, даже в главном, его поведение зависит от политической элиты, по отношению к которой, прежде всего и планируются важнейшие силовые мероприятия современных войн. Известно, что главная часть военного искусства — эффективное достижение военно-политических целей войны. Именно от нее в первую очередь зависит то, какие силы и средства вооруженной борьбы, когда и каким образом будут использованы. Так, для достижения локальных целей бессмысленно использовать глобальные средства. Например, для сохранения возможности транспортировки грузов совсем не обязательно наносить военное поражение государству.

Особенно отчетливо эта зависимость проявилась с появлением ядерного оружия и средств его доставки. Трудно предположить, какими могут быть рациональные политические цели, которые могут быть достигаемы с применением даже ограниченных СЯС. Подобная ситуация привела к пересмотру

политических и военных приоритетов в целях вооруженной борьбы. Если прежде важнейшим приоритетом являлись вооруженные силы, крепости, морской флот и другие составляющие военной мощи, то в XXI веке таким приоритетом стала политическая элита, прежде всего ее взгляды и система ценностей, от которых зависит государственное управление и способность контролировать политику, ресурсы, население и территорию государства. Собственно элита, ее интересы, центра политического, административного и военного управления стали новой очередней военной целью в вооруженной (или невооруженной, но силовой) борьбе.

Это отчетливо проявилось в период распада СССР, когда именно на элите, ее деградации и потере управления были сосредоточены все усилия желавших развала советского государства. Собственно силовые структуры — КГБ, МВД и ВС СССР — интересовали их лишь в той степени, в какой они могли быть нейтрализованы, чтобы не допустить выполнения ими функций по защите элиты и госуправления. Не случайно, например, что в 1993–1995 годы были развернуты массовые репрессии против МВД, затем — против ВС, а затем — и КГБ. Эта закономерность полностью подтвердилась и в ходе кризиса на Украине в 2013–2014 годах, когда дискредитация элиты и политический кризис позволили изменить полностью ситуацию в стране, исключив из участия в этом процессе не только МО, но и МВД, Прокуратуру и структуры государственной безопасности страны.

С точки зрения военного искусства необходимо отчетливо понимать, что смена военно-политических приоритетов в целях и задачах неизбежно влечет за собой смену в средствах (ВиВТ) и способах их применения. Против правящей элиты малоэффективны «большие батальоны» сухопутных сил или ВМС, однако вполне эффективны угрозы применения ВТО по центрам политического, административного и военного управления. Соответственно, и средства обороны, их приоритетность

меняется. На первый план выходят средства ВКО, которые фактически превращаются в синоним суверенитета и независимости, а массовые армии отходят на второй план.

Особое значение в XXI веке будут приобретать те социальные институты общества, которые смогут активно выступать в силовой борьбе. Речь идет, прежде всего, об институтах гражданского общества, способных самостоятельно участвовать в политической и общественной жизни. Примеры революции в Египте и переворота на Украине весьма характерны. Именно они иллюстрируют, что огромная военная мощь и силы безопасности государства оказываются бессильными перед незначительными, но организованными и социально активными группами отдельных граждан. Другими словами, военно-политические цели могут решаться в XXI веке без массированного применения профессиональных армий с помощью подготовленных невоенных вооруженных формирований и нетрадиционных средств насилия, заменяющих современные ВиВТ.

Этот вывод имеет принципиальное значение для такого жизненно важного процесса, как распределение национальных ресурсов, в том числе для нужд обороны. Представляется, что для стратегического планирования в военном строительстве необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства:

- во-первых, изменение военно-политических приоритетов существенно расширяет спектр государственных и общественных органов и организаций, составляющих военную организацию всего государства и влияющих на его военную мощь. Очевидно, что качественно новое значение приобретают не только внутренние войска и МЧС, но и институты гражданского общества. Прежде всего, такие, которые могут обеспечить существенную силовую поддержку — общественные, ветеранские, спортивные, патриотические и пр. организации, движения союзы и клубы. Так, не только ДОСААФ, но и Военно-историческое общество, спортивные организации и клубы могут рассматриваться в качестве

активной части новой военной организации государства. События 2013–2014 годов на Украине свидетельствуют, что спортивные клубы, организации болельщиков и даже женские организации сыграли важную роль не только в создании структур «Правого сектора» и «Обороны Майдана», но и стали прообразом организаций самообороны восточных и юго-восточных регионов страны;

- во-вторых, изменения в военном искусстве в XXI веке привели к тому, что роль «классических» родов и видов вооруженных сил, прежде всего сухопутных и военноморских, стала значительно уменьшаться. «Большие батальоны», игравшие ключевую роль в военной истории человечества, стали уступать эту роль средствам воздушно-космического нападения и обороны, с одной стороны, и невоенным вооруженным (иногда даже «полувооруженным») формированиям. Это было заметно, еще в конце 80-х годов XX века даже на примере такой централизованной страны, как СССР, где по оценкам и подсчетам существовали к 1991 году сотни вооруженных организаций, насчитывающих десятки тысяч человек;
- в-третьих, изменения в военном искусстве по-новому поставили проблему финансирования военного строительства. Эта проблема в начале XXI века потребовала не просто изменения некоторых подходов и корректировок, но принципиального пересмотра. Особенно, если учитывать долгосрочный характер стратегического планирования рассчитанный, как минимум, на несколько десятилетий. Так, ключевой вопрос военного планирования для России во втором десятилетии XXI века заключался в том, каким образом обеспечить военную безопасность при абсолютно несопоставимых военных возможностях России и ее потенциальных противников. Особенно на перспективу. Если оборонные расходы России в 2–3 раза будут меньше китайских к 2020 году, то разница с американскими сохранится,

как минимум, в соотношении 1:10, а с объединенными расходами на оборону США и их союзников (не только стран Евросоюза, Японии, но и других государств) — как 1:20.

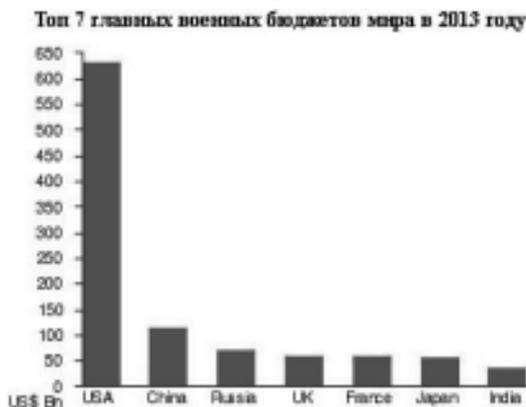

Рис. 3.21⁵⁶

Как видно из этого сравнения, в условиях ограниченности ресурсов выбор долгосрочных приоритетов военного строительства приобретает принципиальное, жизненно важное, значение, ибо ошибка в их определении неизбежно приведет в перспективе к потере обороноспособности и суверенитета страны.

3.11. Эволюция военного искусства и стратегические неядерные вооружения

Искусство войны развивалось одновременно с вооружениями. Но нередко случалось так, что устаревший опыт и знания вели к тому, что новые вооружения не могли использоваться в полной мере и эффективно. Представляется, что сегодня по-

⁵⁶ SIPRI Yearbook 2013, а также Список стран по военным расходам / http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EF%E8%F1%EE%EA_%F1%F2%F0%E0%ED_%EF%EE_%E2%EE%E5%ED%ED%FB%EC_%F0%E0%F1%F5%EE%E4%E0%EC

явление в массовом порядке стратегических неядерных вооружений создает совершенно новую реальность, которую (во всяком случае, политики) еще до конца не осознали.

Известно, что эволюция военного искусства происходит под влиянием двух основных групп факторов:

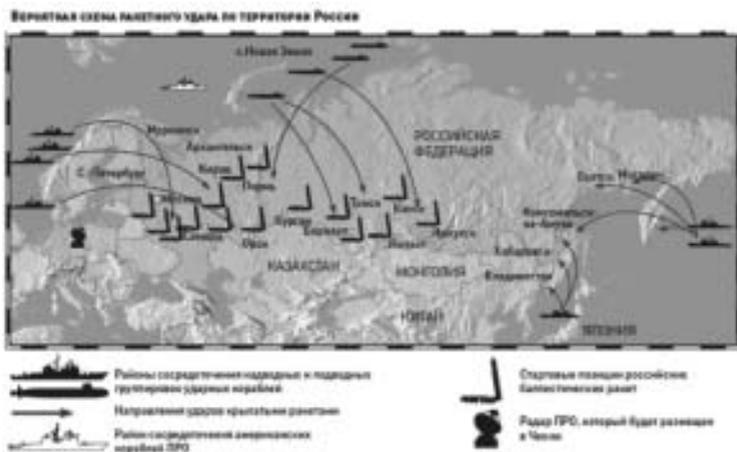
- *во-первых*, развитие ВВТ объективно дает новые возможности и способы их применения. Так, появление ядерной бомбы очень быстро привело к появлению различных концепций использования ядерного оружия. Причем, по мере совершенствования средств его доставки не только на тактическом или оперативном, но и на стратегическом уровнях, когда перед военной силой ставилась принципиально новая политическая задача;
- *во-вторых*, новые политические установки и требования формулируют «социальный заказ», под который создаются новые ВВТ. Эта целенаправленная и сознательная деятельность правящей элиты не только ставит политические, но и стратегические, и технические задачи.

Именно это мы наблюдаем в современной действительности. Соединенным Штатам необходимо вернуть «используемость» военной силы не только по отношению к развивающимся государствам, но и к странам, обладающим ядерным оружием. Для этого необходимо радикально сократить все ядерные вооружения, либо (что еще лучше) добиться их уничтожения. Так, как это произошло с химическим и бактериологическим оружием. На замену предлагаются высокотехнологичные ВВТ (лидерство которых у США). Это и есть политический заказ.

С другой стороны, развитие технологий предоставляет странам-лидерам колоссальные преимущества, когда технологическое лидерство обеспечивает военно-техническое превосходство, конвертируемое в политическое влияние. Так, создание КРМБ повышенной дальности и точности позволяет США создать потенциальную угрозу России со всех стратегических направлений.

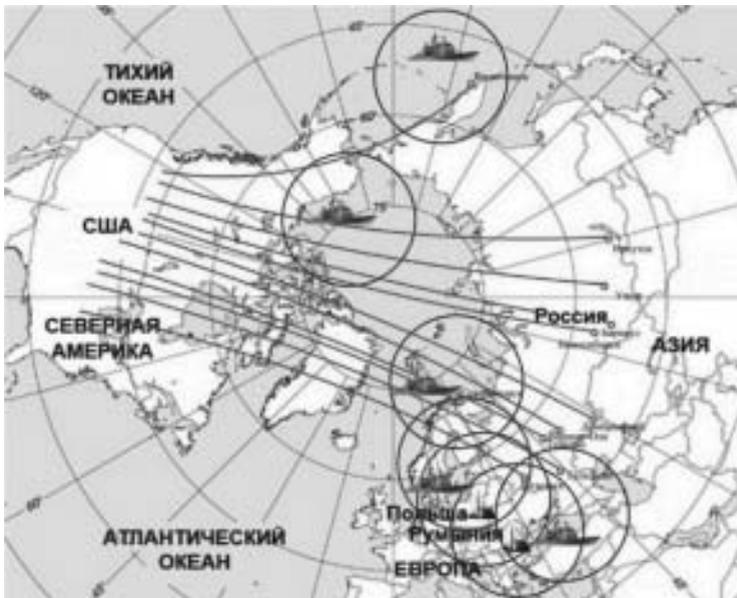
В этой связи обращает на себя внимание отнюдь не случайное совпадение: переоборудование американских ПЛАРБ на носители КРМБ идет параллельно с развертыванием региональных систем ПРО. При этом вместо 16–20 БРПЛ на одной ПЛАРБ развертывается более 150 КРМБ. Под их потенциальным ударом

могут оказаться практически все цели на территории России, которые рассматриваются в качестве объектов для нанесения первого («разоружающего») удара.

И не стоит заблуждаться, что эти удары могут быть нанесены только с западного или восточного стратегических направлений. Мы пока не знаем действительной дальности КРМБ, но можно предположить с уверенностью, что она значительно увеличилась по сравнению с последними официальными данными, и ещё больше возрастет в ближайшие годы. Таким образом, под угрозой оказываются практически все (если не все) цели на территории России, не обладающие соответствующими средствами ПРО от КРМБ.

Это позволяет ряду аналитиков полагать, что такое развертывание КРМБ к 2020 году вместе с развертыванием региональных ПРО создаст новую уникальную угрозу для России и Китая. Тем более что в последние годы дальность КРМБ и их

точность существенно увеличились. Насколько — мы не знаем, но можем предполагать.

Появление и стремительное наращивание стратегических неядерных вооружений — как наступательных, так и оборонительных — стало одним из главных новых факторов, влияющих на расстановку военно-политических сил в мире, что пока, к сожалению, не всегда учитывается. Между тем именно такие вооружения количественно и качественно определяют сегодня как уровень вооружений и военной техники, так и области военного искусства. Прежде всего, в стратегической области, где происходит радикальный пересмотр существовавшей в последние десятилетия стратегии ядерного сдерживания (*deterrence*). В основе этих перемен лежит новый этап военно-технической революции.

В том числе и на переговорах по ограничению и сокращению вооружений. В этой связи обращает на себя внимание замечание известного французского эксперта Ж.-Б. Пинателя: «...Для США стратегическое превосходство более не ограничивается классическим военным могуществом. Новые информационно-коммуникационные технологии произвели переворот в военных делах. И это не стало неожиданностью. Успех боевых операций всегда напрямую зависел от способности координировать действия подразделений, занимающихся рекогносцировкой, и предположения относительно сил противника. Но новые информационно-коммуникационные технологии открывают для этих способностей поистине революционные перспективы»⁵⁷.

Каковы же те революционные перспективы, прежде всего в военно-политической области, что следует ожидать с появлением феномена стратегических неядерных вооружений и военной техники? Прежде всего, речь идет об изменении

⁵⁷ Пинатель Ж.-Б. Россия — Европа: жизненно важный союз. Пер. с франц. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С. 102.

самого отношения к военной силе как внешнеполитическому инструменту. Новая роль неядерных вооружений очевидно ведет к тому, что военная сила вновь становится обычным, «используемым» внешнеполитическим инструментом. Прежде всего, в региональных, даже внутрисударственных конфликтах.

Кроме того, уже радикально изменились представления о военном искусстве даже на тактическом уровне. Фактически война «больших батальонов» ушла в прошлое. Массированное использование сухопутных сил стало анахронизмом, уступив место нанесению «воздушно-космических — информационных» ударов и последующей оперативной «зачистке» территорий. При этом речь идет о четком определении приоритетности важнейших мишеней, которыми становятся центры политического и военного руководства. Именно об этом свидетельствуют результаты войны Израиля в ноябре 2012 года, когда в течение одного дня была уничтожена половина политического и военного руководства ХАМАС и ПУ ракет (включая защищенные), а оставшиеся были перехвачены системой ПРО «Железный купол».

С начала нового века стали происходить принципиальные изменения в роли неядерного оружия и военной техники, которое в ряде случаев стало приобретать качество стратегических наступательных и оборонительных вооружений. Речь идет о высокоточном (ВТО) оружии — КР, ЛА, ударных беспилотниках, ракетах класса «воздух–земля». Отмечаются как минимум три выдающиеся их новые черты:

- *во-первых*, массовость производства ВТО и его использования в военных конфликтах. Достаточно сказать, что если в ходе операции «Буря в пустыне» применение ВТО составляло менее 10%, то против Югославии — уже около 100%, а в Ливии использовалось только ВТО. Есть все основания полагать, что именно неядерное ВТО станет основным средством ведения военных действий и главным внешнеполитическим инструментом влияния;

- *во-вторых*, массовое производство неядерных вооружений сопровождалось резким удешевлением ВТО, превращением его из экзотического средства войны в обычное, «повседневное», массовое. Это, естественно, сказалось и на масштабах производства и разработок неядерных вооружений. Ожидается, что в среднесрочной перспективе, например, общая численность КР в США достигнет десятков и даже сотен тысяч. Ожидается также массовое производство ударных беспилотников и гиперзвуковых ЛА, а также различных типов авиабомб и ракет. Подобное массовое производство ВТО неизбежно приведет к автоматизации, роботизации и в целом передаче функций управления автоматизированным алгоритмам, не зависящим целиком от принятия политических решений.
- *в-третьих*, ВТО стало стремительно «расползаться» за рубеж, перестало быть привилегией только США и России. Более того, ряд стран, таких, например, как Франция и Израиль, стали лидерами в его производстве. Соответственно, все дестабилизирующие последствия появления ВТО переносятся не только на отношения между великими державами, но и на региональный уровень.

Все эти новации оказывают негативное влияние на политическую стабильность и использование военной силы в международных отношениях, особенно на стратегическом уровне. Появляются все более совершенные концепции использования ВТО в сочетании с информационными и ядерными средствами. Важно вместе с тем отметить очень важное обстоятельство: развитие ВТО идет параллельно с созданием эффективных систем ПВО и ПРО, превращая их в единый комплекс. Так, опыт войны Израиля против ХАМАС в ноябре 2012 года показал, что с помощью ВТО можно уничтожить политико-военное руководство и наступательные вооружения (ПУ) даже в защищенных объектах, а с помощью ПРО — перехватить (по оптимистическим оценкам) до 90% средств нападения, достигнув в итоге главной

военной цели — «разоружить» противника. Это, конечно, не всегда означает политическую победу, которая определяется не только военными результатами (как и в случае палестино-израильской войны 2012 года), но очевидно предопределяет такую политическую победу.

Эти и другие изменения в военно-техническом и экономическом аспектах развития неядерных вооружений неизбежно сказались на способах его использования, более того, на всей военной стратегии государств. Так, если с помощью стратегических неядерных вооружений, по некоторым оценкам, уже сегодня можно уничтожить до 30% СЯС России и 100% Китая, то в среднесрочной перспективе эти возможности только увеличатся, даже, несмотря на все меры противодействия. По сути дела, у той стороны, которая обладает подавляющим потенциалом ВТО, появляется возможность «разоружающего» (стратегического по последствиям) удара. Сказанное имеет прямое отношение к военной политике США и их союзников по НАТО, которые в последнее десятилетие резко усилили масштабы военного строительства ВТО.

ВТО в последнее время фактически не только интегрировало космическое и воздушное пространство в единое пространство — воздушно-космическое, — но и «размыло» его границы от районов обороны отдельных территорий до национальных и даже целых регионов. Сегодня уже нельзя обойтись оборонной одной территорией, будь то район дислокации БР или место нахождения военного или политического руководства. Видимо, необходимо изначально планировать либо ВКО страны, либо (что реалистичнее) ВКО многих регионов, причем как на разных высотах, так и по дальности перехвата.

Есть еще одна важная особенность массового производства стратегического ВТО: в последнее десятилетие мы являемся свидетелями бурного роста объема поставок продукции военного назначения (ПВН) США за рубеж вообще и ВТО, в частности. По официальным данным только в рамках правительственных программ эти объемы выражались в следующих цифрах⁵⁸:

2002 — 10 млрд долл.

2007 — 18 млрд долл.

2008 — 28,5 млрд долл.

2009 — 29,9 млрд долл.

2010 — 24,4 млрд долл. (мировой экономический кризис)

2011 — 32,9 млрд долл.

2012 — 51,6 млрд долл.

Таким образом, только по официальным каналам поставки США за рубеж выросли более чем в пять раз всего лишь за 10 лет. Этот фантастический рост объясняется многими причинами, но прежде всего ростом значения высокоточного оружия, а также систем ПВО и ПРО в обеспечении безопасности государств. Поэтому следует прогнозировать, что в ближайшие годы, по мере появления нового поколения ВТО и систем ПРО–ПВО, их удельный вес в объемах продаж за рубеж будет нарастать в еще большей степени, чем сегодня.

⁵⁸ Новости за рубежом // ВКО. 2012. № 5 (66). С. 86.

Вслед за этим с неизбежностью следует и другой вывод: превращение воздушно-космического и информационного пространств в единый ТВД делает искусственным прежнее деление вооружений на стратегические, оперативно-тактические и тактические, ядерные и обычные, наземные и морские. Они становятся единым комплексом. Наконец, «расползание» ВТО за пределы национальных границ, в том числе в нейтральные воды Мирового океана, означает качественное изменение стратегической ситуации в мире, причем в пользу тех государств, которые продвигают такое оружие за пределы своих национальных границ и территориальных вод.

3.12. Стратегические неядерные вооружения как необходимый предмет переговоров

Быстрый рост численности и качества ВТО создает принципиально новую стратегическую ситуацию в мире, которая не находится под чьим то или каким-либо контролем. Чем выше качество беспилотных летательных аппаратов самых различных типов и КР, тем больше у стран, обладающих ими, военных преимуществ. Сегодня существуют десятки типов ЛА и КР, насчитывающие уже, по некоторым оценкам, более 40 тыс. экземпляров. Естественно, что в общем балансе мировых сил, где присутствуют не только США и Россия, но и новые ядерные державы, этот фактор имеет возрастающее значение. Причем по мере совершенствования и удешевления этого оружия, его роль будет возрастать очевидно.

Ключевыми характеристиками этих систем становятся точность, а значит и способность уничтожать хорошо защищенные, в том числе ПУ МБР, цели, дальность полета, низкая вероятность обнаружения радарам и дешевизна. Стремительное развитие ВТО и концепций его использования неизбежно ведет к тому, что их развитие и распространение должно стать предметом

переговоров. Прежде всего, между теми странами, которые способны создавать и производить эти системы оружия и военной техники. Но не только, ибо в ближайшем будущем неизбежно превращение таких переговоров в многосторонние. В этой связи возникает много проблем, среди которых в приоритетном порядке можно выделить:

- проблему морского компонента ВТО и ПРО США, который разрастается непропорционально быстрыми темпами;
- проблему союзников и территорий, на которых размещено ВТО. Очевидно, что этот потенциал ВТО также должен учитываться при анализе соотношения сил;
- проблему переговоров или сознательного ограничения распространения ВТО и систем ВКО за пределы национальных территорий;
- проблему ограничения военной деятельности в космосе или отдельных регионах мира (например, нейтральных водах).

Развитие неядерных высокоточных вооружений достигло такого уровня, что всерьез обсуждается вопрос на военном уровне о постепенной замене функции ядерного сдерживания неядерным. Но эта дискуссия ещё не переносится в политическую область, хотя существует объективная потребность в этом. Эта точка зрения отражается российскими экспертами, в частности, следующим образом: «Казалось бы, неядерное высокоточное вооружение играет позитивную роль, способствуя снижению роли ядерных вооружений, а, следовательно, и их сокращениям. Однако просматривается и противоположная тенденция. Подавляющее преимущество в обычных вооружениях одних государств побуждает стремление других государств к обладанию ядерным оружием с целью сохранить свой суверенитет и проводить независимую политику, и, таким образом, подрываются основы режима ядерного нераспространения»⁵⁹.

⁵⁹ Мясников Е. В. Сменщики «Сатаны» и «Минитмена» заступают на боевой пост // Независимая газета. 2012. 28 сентября / http://nvo.ng.ru/armament/2012-09-28/11_satan.html

Складывается устойчивое впечатление, что США не только сознательно используют свое военно-техническое превосходство, изменив ставку с ядерных на обычные вооружения, но и игнорируют объективную потребность в переговорах по ограничению или сокращению ВТО. Более того, история всех переговоров СССР — США и России — США демонстрирует, что США всегда уходили от ограничения качественной гонки вооружений, где они рассчитывали на сохранение своего военно-технологического превосходства. Эти аргументы российских экспертов известны (хотя на политическом уровне и не часто звучат). В частности, Е. В. Мясников пишет по этому поводу: «Качественный скачок в развитии высокоточных неядерных вооружений начинает вызывать обеспокоенность в отношении выживаемости сокращающихся стратегических ядерных сил. В открытых публикациях рассматриваются сценарии превентивного обезоруживающего удара по российским СЯС, в частности, с использованием неядерных крылатых ракет морского базирования. Поскольку неядерное высокоточное оружие начинает приобретать контрсиловые возможности, представляется резонным ставить вопрос о необходимости учета этого фактора при дальнейших сокращениях СНВ»⁶⁰.

Переговоры об ограничении и сокращении вооружений, способных выполнять стратегические функции, безусловно, необходимы, но не они являются определяющими. Прежде всего, опыт показывает, что ограничение обычных вооружений и военной техники вне какого-то конкретного ограниченного региона (например, Центральной Европы) труднодостижимы. Действительно, если количество МБР, ТБ или ПЛАРБ, исчисляемое, как максимум, тысячами, можно подсчитать, то численность обычных вооружений, исчисляемых десятками и сотнями тысяч — мало реально. Тем более, ввести какие-то качественные

⁶⁰ Мясников Е. В. Сменщики «Сатаны» и «Минитмена» заступают на боевой пост // Независимая газета. 2012. 28 сентября / http://nvo.ng.ru/armament/2012-09-28/11_satan.html

ограничения, например, на танки, фронтовую авиацию, либо вертолеты, которые могут оснащаться эффективным ВТО.

Особенно, это трудно сделать, когда процесс ограничения противоречит двум другим тенденциям — повышению качества ВВТ и его расплозанию по всему миру. Одновременно делать и первое, и второе невозможно. Тем бо-

лее, когда этого не хочется. И это находится вне долгосрочной стратегии. Видимо, следует исходить из того, что в среднесрочной перспективе придется смириться с тем, что неядерные вооружения будут все более приобретать контрсилловой потенциал, точнее — потенциал упреждающего первого удара.

Вместе с тем, необходимо сформулировать перспективную повестку дня, когда после очередного витка гонки вооружений все равно придется вернуться к переговорам по их ограничению. Тем более что некоторый позитивный опыт есть. «Некоторые типы неядерных вооружений ранее являлись предметом договоренностей между Россией и США по сокращению СНВ, и на них распространялись ограничения и меры транспарентности — полагают эксперты. И приводят пример: «В настоящее время наметилась тенденция вывода таких вооружений из-под ограничений».

Наиболее яркий тому пример — тяжелый бомбардировщик В-1В. Этот тип вооружений более не является предметом Договора о СНВ. Перестали также действовать ограничения на районы базирования В-1В вне национальной территории, и США более не обязаны уведомлять о перемещениях бомбардировщиков этого типа»⁶¹.

⁶¹ Мясников Е. В. Сменщики «Сатаны» и «Минитмена» заступают на боевой пост // Независимая газета. 2012. 28 сентября / http://nvo.ng.ru/armament/2012-09-28/11_satan.html

Можно привести множество других примеров, иллюстрирующих эту тенденцию — от создания ГЗЛА и СКР до ударных беспилотников. Причем не только в США, но и в России. Остановимся на одном, может быть, не самом известном. Как отмечают эксперты, в 2013 году Минобороны России начало оснащать многоцелевые лодки проектов 971 «Щука-Б» и 877 «Варшавянка» крылатыми ракетами «Калибр», способными поражать наземные цели с расстояния свыше 300 км. Причем залпы производятся из обычных 533-миллиметровых торпедных аппаратов, которыми оснащена любая современная лодка. «Калибр» практически невозможно сбить даже самым современными системами ПВО, включая наши отечественные С-300 и С-400. А залп из внезапно всплывшей подлодки может уничтожить сразу несколько ключевых объектов противника. Все это делает многоцелевые лодки, которые сейчас предназначены только для морских боев, универсальным оружием (то есть способным поражать цели, расположенные вдали от побережья), — считают в главкомате ВМФ⁶².

В этом смысле возможности американской системы ПРО достаточно ограничены и вряд ли смогут быть увеличены в короткие сроки даже после создания новых типов ракет-перехватчиков. Но это и не очень беспокоит США, поскольку они не предполагают защищаться от российских подводных лодок потому, что планируют уничтожить их в первом ударе. Другого объяснения просто не существует. Не беспокоят США и другие возможности новой подводной лодки, а именно: «Поражает и точность „Калибра“ — подлодка сможет попасть в наземную цель размером в 1–2 м. Кроме того, 400-килограммовая

⁶² Михайлов А. «Калибр» позволит российским подлодкам выбраться на сушу // Известия. 2012. 16 ноября. С. 3.

боевая часть ракеты уничтожит любой защищенный объект, а в противокорабельном варианте — потопит любой корабль размером с крейсер⁶³.

Но морскими или наземными компонентами Вооруженных Сил России эта тенденция не ограничивается. «В авиации она проявляется в развертывании (с определенными трудностями) нового фронтового бомбардировщика СУ-34, способного применять высокоточное оружие в любых условиях, не входя в зону поражения ПВО противника (до 50 км)⁶⁴, что, однако, меньше, чем зона поражения РАС-3 (150 км).

Список военных систем США и России, которые можно рассматривать в качестве стратегических неядерных, не ограничивается только вооружениями. Высказываются справедливые мнения, что к ним нужно также относить обеспечивающие системы, включающие космические средства разведки и целеуказания, противоспутниковое оружие, ударные беспилотные аппараты и кибероружие. Действительно, информационные и управляющие системы сегодня играют решающую роль. Их важность отмечалась еще в те времена, когда разрабатывались меры по ограничению РЛС и военных действий в космосе. В будущем роль управления, в особенности управления ВКО, неизбежно должна стать предметом политических переговоров и договоренностей. Создание объединенной, а тем более единой системы ПВО, например, СНГ уже стало проблемой, которую не смогли решить за 20 лет в рамках Содружества.

Но, с точки зрения переговоров с США, видимо, придется ограничиться какими-то отдельными системами ВВТ, имеющими наиболее дестабилизирующий характер. И совсем не обязательно, чтобы этот список рассматривался в контексте логики ограничения СНВ. «Очевидно, если российская сторона желает добиться прогресса в дальнейшем сокращении ядерных

⁶³ Михайлов А. «Калибр» позволит российским подлодкам выбраться на сушу // Известия. 2012. 16 ноября. С. 3.

⁶⁴ Там же.

вооружений, то придется ограничить этот список, определив приоритеты. На данный момент создается впечатление, что в списке приоритетов только МБР и БРПЛ в неядерном оснащении, а также типы вооружений, которые разрабатываются в США в рамках программы «Быстрый глобальный удар»⁶⁵, — справедливо отмечают эксперты. Что, конечно же, не может являться долгосрочной перспективой. Нужно думать о неизбежности расширения предмета переговоров.

Но пока таких переговоров нет, необходимо понимать важность происходящих процессов в ВВТ и военном искусстве, полагая, что процесс ограничения вооружений зависит преимущественно от того, насколько потенциальный противник может угрожать с помощью этих вооружений или передавать такие вооружения своим партнерам по военно-политической коалиции. В этой связи одно из наиболее перспективных направлений — развитие евразийской интеграции в области ВКО, — которое может в реальности оказаться единственным средством давления в целях ограничения производства и размещения ВТО в Евразии.

3.13. Евразийская интеграция и стратегические неядерные вооружения

Развитие стратегических неядерных вооружений уже превратилось в политическую проблему. Как показал опыт войны в Ливии и Ираке, страны, обладающие таким оружием, способны решать свои внешнеполитические задачи, не прибегая к помощи мощных сухопутных армий или ядерному оружию. Для государств Евразии, чья относительная неуязвимость характеризовалась, в том числе удаленностью от побережья, массовое

⁶⁵ Мясников Е. В. Сменщики «Сатаны» и «Минитмена» заступают на боевой пост // Независимая газета. 2012. 28 сентября / http://nvo.ng.ru/armament/2012-09-28/11_satan.html

производство ВТО и средств управления привело к тому, что политический диктат стал вновь возможен. Если, конечно, эти страны не будут обладать современными средствами ПРО–ПВО.

Процесс евразийской интеграции встречает откровенно негативную реакцию со стороны США и ряда их союзников, что совершенно понятно. Но этот процесс, особенно в области создания объединенной ВКО, — единственное средство для евразийских государств защититься от воздушно-космического нападения. Так, например, система С-300 способна эффективно уничтожать все существующие ЛА на любых высотах и на расстоянии более 200 км. Она сегодня является единственной системой в мире, превосходящей по своим характеристикам комплекс «Пэтриот».

Другая система — С-400 «Триумф», которая разворачивается в настоящее время в ряде регионов России, обладает еще лучшими характеристиками. На подходе новая система — С-500, которая будет способна уничтожать межконтинентальные баллистические ракеты. Иными словами, для того, чтобы «перекрыть» весь спектр возможных угроз — от ЛА, летящих на высотах в несколько метров до баллистических ракет — необходима система, объединяющая разные по своему назначению

комплексы и, конечно, система обнаружения, сопровождения и наведения. Одному государству создать такой комплекс не под силу, в связи, с чем евразийские государства оказываются перед выбором. Либо признать свою уязвимость от угрозы массированного воздушно-космического удара средствами ВТО и так или иначе подчиниться политическому давлению, либо создавать собственную или общую систему ВКО, гарантирующую от такой угрозы.

Перед таким выбором, так или иначе, будут стоять все страны, включая те, которые покупают системы ПРО–ПВО как у США, так и у России. Обслуживание этих систем, подготовка кадров — та же самая зависимость. Но в случае с Россией эта зависимость превращается в сотрудничество, а в случае с США — переходит из зависимости во внешнюю управляемость. Как заметил заместитель руководителя «Рособоронэкспорта» В. Комардин, «мы предлагаем индийским вооруженным

силам нашу ЗРС большой дальности С-300ВМ („Антей-2500“), добавив при этом, что система ПВО в Индии построена на американских и израильских технологиях, поэтому России будет непросто получить контракт на их поставку.

Мобильная многоканальная зенитная ракетная система С-300ВМ («Антей-2500») предназначена для поражения современных и перспективных самолетов тактической и стратегической авиации, в том числе выполненных с применением «стелс»-технологий, баллистических ракет средней дальности, оперативно-тактических и тактических ракет, аэробаллистических и крылатых ракет, а также самолетов радиолокационного дозора и наведения, разведывательно-ударных комплексов и барражирующих постановщиков помех⁶⁶.

Развитие интеграционных процессов в военно-политической области, в частности, создание евразийской ВКО как главного элемента обеспечения региональной безопасности, зависит от готовности государств — участниц к тесному военно-политическому и военно-техническому сотрудничеству. Понятно, что степень такой готовности будет разной. И она во многом сегодня определяется интеграционными процессами в других областях. Что, конечно, совершенно неправильно. Так, в июле 2006 г. на неформальном саммите президент Казахстана выдвинул идею «разноскоростной интеграции», в соответствии с которой в СНГ может быть выделено ядро государств, готовых перейти от переговоров об условиях объединения непосредственно к самому объединению. Такого рода идея впервые была озвучена еще в 80-е годы XX века применительно к интеграции в рамках ЕЭС, но разница заключается в том, что в то время в ЕЭС уже были достигнуты серьезные результаты в военно-политической интеграции. Н. А. Назарбаев предложил план реформирования Содружества, включающий пять направлений: миграционная

⁶⁶ Россия планирует участвовать в тендере на поставку в Индию систем ПВО / Цит. по: Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2013. 7 февраля / <http://eurasian-defence.ru>

политика, транспорт, образовательная система, вопросы борьбы с вызовами сегодняшнего дня и гуманитарная проблема. Лидеры стран СНГ предложили расширить этот список, добавив в него вопрос о формировании единого подхода в международных вопросах и общего пространства в части оборонной политики.

Формирование Евразийского экономического союза Беларуси, Казахстана и России было объявлено в качестве главной цели дальнейшего развития интеграции в Декларации о евразийской экономической интеграции, подписанной главами государств-членов Таможенного союза (ТС) 18 ноября 2011 года. Одновременно был подписан Договор о Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), которая призвана выполнять функции наднационального регулирующего органа ТС и Единого экономического пространства (ЕЭП). Таким образом, на постсоветском пространстве сформировалось ядро интеграционных процессов, направленное на формирование Таможенного союза и Единого экономического пространства трех стран — Беларуси, Казахстана и России.

Углубление экономической интеграции на евразийском пространстве является стратегической целью на ближайшие годы. Стоит задача добиться полномасштабной реализации четырех свобод — движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Сегодня экономическая интеграция переходит от Таможенного союза/Единого экономического пространства к более высокому уровню интеграции — Евразийскому экономическому союзу, договор о создании которого вступил в силу 01.01.2015 года.

При всех особенностях евразийской интеграции на современном этапе она идет в экономических рамках, которые заданы правилами ВТО. Для дальнейшего направления и углубления этого процесса необходима разработка и принятие единой стратегии развития, только в рамках которой возможно достижение синергетического эффекта интеграции, в том числе и в сфере безопасности, в ее «мягком» и «жестком» измерениях.

В декабре 2012 года было принято решение о создании объединенного командования ВКО. Пока что это важное решение скорее декларация о намерениях. Нужны весьма срочные, даже радикальные меры по военно-политической и военной интеграции. Причем во многом они будут зависеть от возможностей российского ОПК обеспечить новейшими ВВТ своих союзников. Между тем ставка на заимствование зарубежных технологий приводит к закономерным провалам. Так, как это случилось, например, с ГЛОНАСС, от которой «вежливо» отказываются союзники по СНГ. Причина — ненадежность тайваньских микросхем и сомнительные кадровые решения⁶⁷.

Теоретически, сложившаяся в ОДКБ к концу 2012 г. стратегия «кризисного реагирования» предусматривает коллективные действия для защиты безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитета государств-членов, а также совместные усилия по противодействию вызовам и угрозам и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Реализовать эту стратегию призваны Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР), решение о создании которых принято в феврале 2009 г. Но это только теоретически. Пока что дело ограничивается заявлениями, а КСОР остаются малоэффективным и неиспользуемым военным инструментом.

Процесс возрождения единого оборонного пространства ОДКБ при лидирующей роли России, как представляется, должен идти параллельно по трем направлениям: собственно военному, военно-политическому и военно-техническому. При этом необходимо учитывать, что основное преимущество РФ перед США и их союзниками в Евразии состоит в том, что только у России существует реальная возможность в сжатые сроки наращивать группировки войск в западном и южном регионах, а также в регионе Центральной Азии. Это хорошо понимают, например, в Китае,

⁶⁷ Мясников В. Надежды Минобороны на ГЛОНАСС не оправдались // Независимая газета. 2012. 21 декабря. С. 1, 4.

который рассматривает в последние годы Россию в качестве главной стабилизирующей силы в Евразии, способной сдерживать американскую политику «управляемого хаоса».

Стратегия «управляемого хаоса» в Евразии — реальная политика США в Евразии, которая абсолютно не приемлет евразийскую интеграцию в любой ее форме, о чем недвусмысленно заявила Х. Клинтон в конце 2012 года. Эта стратегия дестабилизации политических режимов требует военно-силового обеспечения, которое (как показал опыт Афганистана и Ирака) отнюдь не ведет к окончательной победе или формированию недееспособных государств. Цель в другом — с помощью новейших систем ВТО угрожать политическому руководству этих стран, требуя от него соответствующих действий, а в случае неудачи — использовать оружие непосредственно. Поэтому, когда говорят о «провале» политики США в Афганистане и Ираке, имея в виду стабилизацию обстановки, то надо полагать, что это и не являлось главной целью США. Целью была дестабилизация и хаос. При этих условиях США, инвестируя не в инфраструктурные проекты, а в дестабилизацию, получают искомый результат. Публично, конечно, об этом говорится мало. В официальных документах такие цели замаскированы и носят скрытый характер.

Военное направление возрождения единого оборонного пространства ОДКБ в силу объективных причин распадается на три относительно автономные региональные направления: восточноевропейское (Россия — Белоруссия), кавказское (Россия — Армения) и центрально-азиатское (Россия — страны бывшей Средней Азии и Казахстан). При этом возрождение единого оборонного пространства возможно в несколько этапов⁶⁸, каждый из которых не только дополняет предыдущий, но и обладает определенной степенью самодостаточности.

⁶⁸ Захаров В. Евразийский проект // Национальная оборона. 2012. Август. № 8.

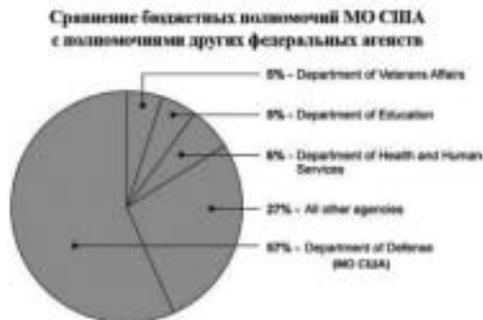
3.14. Евразия и стратегические неядерные вооружения

Геополитически Евразия всю свою новейшую историю находилась вне угрозы массированного использования неядерных вооружений. После многочисленных войн, в ядерную эпоху она оказалась относительно неуязвимой: вооруженные конфликты второй половины XX века показали (Корея, Вьетнам, Афганистан), что великие державы далеко не всегда могут использовать свое могущество в Евразии.

Ситуация стала радикально меняться в XXI веке, когда в массовом порядке стало распространяться неядерное ВТО, способное решать стратегические задачи. Политически — как это было в Югославии, Ираке, Ливии — это означало, что у великих держав появилась эффективная возможность использования военной силы. Что немедленно отразилось на структуре государственного бюджета США. Отдельно существует проблема организации совместного противодействия государствам Евразии стратегическим неядерным вооружениям, развертываемым США вблизи континента и на его территории.

В концепции военного строительства США формально декларируется отказ от многолетней позиции, в соответствии с которой американская армия должна была быть способна вести две крупные войны одновременно. В настоящее время ставится другая цель — борьбы и сдерживания, т. е. участие в одном крупном конфликте при одновременном сдерживании на другом стратегическом направлении как максимум. Согласно новой стратегии, США планируют как можно дольше кооперировать с союзническими и коалиционными силами. При этом необходимо значительно сократить наземные войска и больше полагаться на потенциал авиации и флота, чтобы сдерживать Китай или таких противников, как Иран или Северная Корея. Сокращение армии требует и менее интенсивного военного присутствия в Европе. В то же время США перенесут центр тяжести военной силы в АТР, а их присутствие на Ближнем Востоке сохранится столь же значительным. Военно-силовой приоритет государства хорошо иллюстрирует распределение федерального бюджета США по основным направлениям, среди которых на МО США приходится более 57% расходов.

Рис. 3.22⁶⁹

⁶⁹ Statement of Asif A. Khan, Director Financial Management and Assurance. Challenges in Attaining Audit Readiness and Improving Business Processes and Systems. GAO-12-642T, April 18, 2012. DOD Financial Management / <http://www.gao.gov/assets/600/590203.pdf>

В стратегии дестабилизации Евразии огромная роль принадлежит неядерным стратегическим вооружениям. С точки зрения воздушно-космических средств нападения и обороны следует отметить появление двух новых принципиальных моментов:

- *во-первых*, воздушно-космическое пространство фактически уже превратилось в единую область для ведения боевых действий от высот в несколько десятков метров до сотен километров. Сегодня крайне трудно, если вообще возможно, выделить зоны ответственности ПРО и ПВО как по высоте обнаружения и сопровождения целей, так и по возможностям их поражения. Это неизбежно ведет к появлению новых видов и систем оружия, «расширению» военного соперничества на новые области, а также к разработке новых способов ведения боевых действий. Так, в США много внимания уделялось развитию беспилотников, тогда, как в России эти программы оказались в забвении. Теперь и в нашей стране создан специальный центр беспилотных программ, который должен определить перспективы этих систем оружия на ближайшие три года⁷⁰. Применительно к государствам Евразии это означает, что прежний «войсковой» подход развития ВВТ стал малоэффективным. Для защиты требуется комплекс средств, которыми большинство государств Евразии в принципе обладать не могут, — от космических систем до систем ПВО–ПРО ближней, средней и большой дальности. Причем интегрированных в единую систему. И не только территории страны, но ряда стран. Это возможно только при тесной кооперации нескольких государств Евразии, причем не только военно-политической, но и военно-технической.
- *во-вторых*, удешевление и совершенствование ВТО и ЛА создало качественно новую ситуацию, когда КР, ГЗЛА, бес-

⁷⁰ Центр беспилотных программ Генштаба РФ определит повестку на три года / 26 декабря 2012 г. / <http://eurasian-defence.ru>

пилотники и другие неядерные вооружения фактически превратились в часть стратегического наступательного потенциала, которому невозможно пока что противопоставить эффективные средства ВКО. Ответ на нападение с помощью этих средств, используя встречно-ответный удар СЯС, становится неизбежным, что требует ясного оформления в Военной доктрине России, Концепции национальной безопасности и Концепции внешней политики страны.

Но, это же, справедливо и для других евразийских государств, включая те, у кого есть ядерные силы сдерживания. Непонятно, например, как будет вести себя Китай, если оценки некоторых экспертов свидетельствуют, что с помощью ВТО в неядерном оснащении может быть уничтожено 100% стратегических целей страны.

Тем более ситуация становится практически безвыходной для других государств. Опыт Ливии показал, что достаточно нескольких дней, чтобы дезорганизовать сопротивление и уничтожить потенциал обороны.

Перспективы развития средств поражения и информационных средств воздействия таковы, что следует ожидать уже в самом ближайшем будущем радикальных изменений во всем балансе стратегических (ядерных) сил и средств, а также роли РВСН страны. Между тем в России сохраняется убеждение, что модернизация СЯС приведет к сохранению ракетно-ядерного паритета. Создание новых и модернизация комплексов МБР, БРПЛ и ТБ вряд ли сможет гарантировать эффективную защиту от сотен тысяч единиц ВТО, используемых с разных, практически всех, стратегических направлений. Тем более что полетное время таких средств все время сокращается, точность увеличивается, а координация между ними совершенствуется. Можно представить себе авианалет, в котором участвуют десятки (сотни) тысяч ударных беспилотников, гиперзвуковых и крылатых ракет, уничтожающий все стратегические цели на

нашей территории. Некоторые расчеты экспертов показывают, что даже защищенные ШПУ МБР уже не являются неуязвимыми.

Кроме того, следует очень внимательно отслеживать эволюцию НИОКР, создания и развития неядерных высокоточных вооружений, концепций их использования и распространения в другие регионы планеты. Во многом это вносит и существенные коррективы в планы развертывания систем ВКО России и концепции их использования. Но не только. Похоже, что постсоветские государства слишком увлеклись своей многовекторной политикой и балансированием между различными центрами силы, не осознавая, что, в конечном счете, им придется все-таки определяться с приоритетами. В том числе и в военной области, прежде всего в области новейших обычных вооружений. Это политический выбор, который должны сделать все страны Евразии. В том числе, как справедливо считают эксперты, и по формированию консенсуса относительно политики в отношении США, Китая и Евросоюза⁷¹.

Объективно возникает и вопрос о переговорах по ограничению неядерных вооружений не только в Европе, но и в Евразии, несмотря на всю трудность этой проблемы. Следует напомнить, что еще при подписании Договора ДОВСЕ⁷² в его мандате подчеркивалась важность сохранения стабильности, ликвидации потенциала для внезапного нападения⁷³. Во втором десятилетии XXI века именно опасность внезапного и массированного нападения с помощью ВТО становится политической реальностью, которую необходимо перестать игнорировать.

⁷¹ Ястремский А. М. Интеграция на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы // Мир и политика. 2012. № 10 (73). С. 103.

⁷² Договор об ограничении обычных в вооруженных силах и вооружений в Европе был подписан 19 ноября 1990 года в Париже 6 участниками / Варшавского Договора и 16 государствами НАТО. Вступил в силу 9 ноября 1992 г.

⁷³ Антонов А. И., Аюмов Р. Контроль над обычными вооружениями в Европе — конец режима или история с продолжением? / Научные записки ПИР-центр. 2012. № 1(27). С. 9.

Во всяком случае, эта проблема должна быть сформулирована и поставлена в повестку дня.

Потенциальная опасность непосредственного использования военной силы с помощью новейшего ВТО растет и со стороны быстро развивающихся государств. Это хорошо видно из данных, иллюстрирующих закупки вооружений. Причем КНР, например, всего лишь за 10 лет превратилась из крупнейшего импортера ВиВТ в производителя и экспортера, что хорошо видно из данных СИПРИ. Кроме того, стремительно растет импорт ВиВТ Индии, Южной Кореи, Пакистана, Турции и ряда других государств⁷⁴. В целом военные расходы этих стран за 10 лет удвоились, а новые технологии стали фактически общедоступными.

ВТО стремительно распространяется по всему миру, делая потенциальные конфликты более реальными и быстротекущими. От ВТО и систем ПРО–ПВО сегодня зависит уже не только ход военных действий, но и, в конечном счете, суверенитет государств. Это имеет глубокие политические последствия:

- *во-первых*, государства попадают в серьезную политическую и военно-техническую зависимость от поставщиков новейших ВТО и систем ВКО, которые могут диктовать уже в мирное время им свою волю. Эти системы стали одним из главных предметов политических переговоров, по-своему формируя повестку для них даже на высшем уровне;
- *во-вторых*, поставки этих систем становятся средством политического давления или условием развития двусторонних отношений. Так, давление США привело к отказу от поставок Сирии С-300, а размещение ЗРК «Пэтриот» в Турции — означало политическую поддержку «повстанцам»;
- *в-третьих*, наличие или отсутствие систем ВТО и ВКО решающим образом влияет на соотношение военных сил

⁷⁴ Ежегодник СИПРИ. 2010. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 345.

в любом регионе планеты, заведомо предопределяя способность той или иной страны сохранить свой суверенитет.

Сказанное имеет непосредственное отношение к евразийской интеграции и ЕвразВКО: интеграция в области ВКО становится гарантией суверенитета и независимости государства, освобождая его от внешнего враждебного влияния. Именно это обстоятельство делает проблему ЕвразВКО одной из наиболее важных политических проблем евразийской интеграции.

Поставщики основных видов обычных вооружений в 2005–2009 гг.

Ранг, 2005– 2009	Ранг, 2004– 2008	Получатель	Объем экспорта (значение показателя тренда)					Доля в %, 2005– 2009	
			2005	2006	2007	2008	2009		
1	1	США	6600	7394	7658	6093	6795	34 539	30
2	2	Россия	5321	6156	5243	6026	4469	27 216	23
3	3	Германия	1875	2510	3002	2499	2473	12 359	11
4	4	Франция	1633	1577	2342	1831	1851	9 234	8
5	5	Великобритания	915	808	987	1027	1024	4 762	4
6	6	Нидерланды	583	1221	1322	554	608	4 288	4
7	7	Италия	743	525	706	424	588	2 986	3

Как видно из таблицы, экспортеры вооружений (кроме России) — США, Франция, Германия, Великобритания, Нидерланды, Италия, Испания и др. контролируют более 60% мирового экспорта ВВТ. Фактически они устанавливают на этом рынке свои правила игры и определяют условия безопасности⁷⁵. При

⁷⁵ Ежегодник СИПРИ. 2010. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 349.

этом на рынке ВТО, безусловно, доминируют США, а также их союзники — Германия, Франция и Великобритания, чья доля в экспорте вооружений к 2013 году увеличилась по некоторым оценкам до 80%. Россия, как один из крупнейших экспортеров, мало присутствует на рынке ВТО.

Получатели основных видов обычных вооружений в 2005–2009 гг.

Ранг, 2005– 2009	Ранг, 2004– 2008	Получатель	Объем импорта (значение показателя тренда)					Доля в %, 2005– 2009	
			2005	2006	2007	2008	2009		
1	1	Китай	3511	3831	1474	1481	595	10 892	9
2	2	Индия	1036	1257	2179	1810	2116	8398	7
3	4	Южная Корея	686	1650	1758	1821	1172	7087	6
4	3	ОАЭ	2198	2026	938	748	604	6514	6
5	5	Греция	389	598	1796	563	1269	4615	4
6	6	Израиль	1113	1117	859	665	158	3912	3
7	14	Сингапур	543	52	368	1123	1729	3816	3
8	7	США	501	581	731	808	831	3453	3
9	11	Алжир	156	308	471	1518	942	3394	3
10	13	Пакистан	332	262	613	939	1146	3292	3
11	10	Турция	1005	422	585	578	675	3264	3
12	23	Малайзия	51	410	546	541	1494	3041	3

Говоря сегодня о евразийской интеграции, следует иметь в виду, что наиболее важная и перспективная ее область — сотрудничество в создании и совместном производстве неядерных (прежде всего стратегических) вооружений и систем ВКО — остается в тени. Точнее, явно недооценивается. И политически, и военно-технически. Совместная деятельность в этой области неизбежно будет иметь следующие последствия для евразийских государств:

- укрепление их суверенитета;
- развитие фундаментальной науки и НИОКР, включая гражданские области;
- освобождение от технологической зависимости;
- создание общей научно-образовательной и производственной базы.

Поэтому будущее место ВТО и ВКО в евразийской интеграции будет зависеть во многом от адекватности в понимании правящими элитами государств значения этих систем ВВТ для их безопасности, суверенитета и социально-экономического развития. Полномасштабное военно-политическое и военно-техническое сотрудничество имеет огромные перспективы и позитивные последствия, но для этого надо выйти за рамки только экономических и правовых аспектов интеграции, которые сегодня по сути дела сконцентрировали на себе внимание всего дискурса.

На мой взгляд, необходимо решительнее выходить на обсуждение этой темы в самых разных аудиториях и на разных уровнях, не боясь критики определенной части элит в «империализме», «возврату к СССР» и т. д. Эта критика — и в России, и в СНГ, и в других странах Евразии — будет неизбежной как следствие эгоизма национальных элит, так и как результат давления извне.

Глава IV.

Функциональная архитектура системы анализа, прогноза и стратегического планирования в интересах национальной безопасности

Система анализа ВПО —
совокупность взаимосвязанных приемов
и способов оценки состояния и перспектив
развития ВПО¹
*А. И. Подберезкин,
профессор МГИМО*

Функциональная архитектура системы анализа и стратегического планирования в интересах противодействия угрозам национальной безопасности предполагает, что эта архитектура, состоящая из ряда известных модулей, будет охватывать весь круг известных государственных и общественных институтов и соответствующие информационно-технические ресурсы. В упрощенном виде эту систему российские авторы представляют следующим образом: рис. 4.1².

Вместе с тем система стратегического прогноза и стратегического планирования, основанная на такой системе информационно-аналитического обеспечения выглядит значительно

¹ Подберезкин А. И. Система анализа ВПО и национальной безопасности / Эл. ресурс: Виперсон. 2014. Мая / <http://viperson.ru/>

² Общество, власть и аналитика (по материалам общественных слушаний Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по проблемам национальной безопасности и социально-экономическим условиям жизни военнослужащих, членов их семей и ветеранов) / Под ред. д.ф.н. А. Н. Каньшина. М.: МГТУ им. Н. Э. Баумана. 2013 / http://www.oprf.ru/files/2013dok/Sbornik_dokladov03102013.pdf. С. 24.

Рис. 4.1

сложнее. Даже в самом простом виде российские эксперты представляют себе следующим образом: рис. 4.2³.

На самом деле рисунок, использованный выше, дает только самое общее представление о возможностях и процессах, связанных со стратегическим прогнозом, планированием, выделяя в этих целях только такие структуры как «центры прогноза», занимающиеся долгосрочным прогнозированием. В действительности о самом существовании таких центров мало что известно. И в России, и за рубежом это, скорее, временные творческие коллективы, работающие «под заказ», а не постоянные профессиональные институты, способные системно (а не только для отрасли или региона) проанализировать и спрогнозировать ситуацию.

³ Общество, власть и аналитика (по материалам общественных слушаний Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по проблемам национальной безопасности и социально-экономическим условиям жизни военнослужащих, членов их семей и ветеранов) / Под ред. д.ф.н. А. Н. Каньшина. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2013 / http://www.oprf.ru/files/2013dok/Sbornik_dokladov03102013.pdf. С. 26.

Рис. 4.2

Между тем представляется, что работа таких центров будет выстраиваться в соответствии со следующими принципами:

- спектр современных и будущих угроз национальной безопасности существенно шире, чем внешние и внутренние военные угрозы и включает в себя перечень политических, экономических, социальных, информационных и иных угроз, а также внешних и внутренних опасностей, формирующих не только военно-политическую и международную обстановку, но и ситуацию собственно внутри страны;
- собственно внешние и внутренние угрозы сегодня и в долгосрочной перспективе не ограничены только угрозами, предполагающими применение вооруженного насилия. Более того, современные и будущие военные угрозы становятся все более и более далекими от собственно прямого использования военной силы;
- стратегическое планирование, как функция управления, вытекает из объективного анализа и прогноза развития международной, военно-политической и внутривласти-

ческой обстановки и является последующим естественным этапом развития такого анализа и прогноза.

Таким образом, система анализа и стратегического планирования не может быть ведомственной, так как круг вопросов, который рассматривается такой системой, шире любой ведомственной принадлежности и даже шире круга вопросов, относящихся к компетенции Военной организации государства. Причем некоторые наиболее приоритетные вызовы и угрозы (например, технологические, киберпротиводействия, информационного воздействия, деятельности политических и общественных организаций и др.) нужно отнести, только к компетенции Президента РФ и Совбеза, как высшего консультативного органа государства. Таким образом, иерархия архитектуры стратегического планирования начинается с Президента РФ и Совбеза.

Логическая структура архитектуры системы стратегического планирования

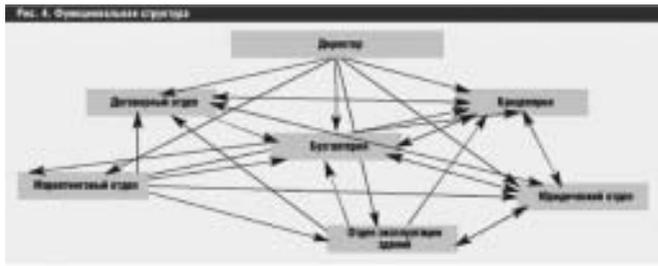

В целом, ключевым модулем всей функциональной архитектуры системы анализа и стратегического планирования становится Центр анализа, прогноза и планирования угроз национальной безопасности, являющийся подразделением Совета Безопасности РФ. Решение о создании такого Центра — важнейшее политическое и организационное решение, которое предопределяет будущую эффективность его работы, прежде всего независимость первому лицу государства. Общая иерархическая структура может быть представлена следующим образом: рис. 4.3.

Рис. 4.3

Относительно простое управление Центра должно обеспечивать ему независимость от противоречий аппаратного влияния и минимизацию функций внутри аппарата Совбеза.

4.1. Основные модули функциональной архитектуры Центра системы анализа, оценки, прогноза и планирования

Центр анализа, оценки, прогноза и планирования выполняет две основные функции, которые отнесены к компетенции двух блоков — Блок I (Центр системы анализа, оценки и прогноза ВПО и угроз национальной безопасности) и Блок II (Центр стратегического планирования противодействия угрозам и опасностям национальной безопасности). При этом Центр организационно придерживается двух важных функциональных характеристик:

- *во-первых*, централизованного сбора, хранения, обработки, систематизации и анализа информации во всех функциональных звеньях;
- *во-вторых*, использования многозвенной архитектуры, когда каждый модуль отвечает за свой сектор деятельности.

Анализ, оценка, прогноз и стратегическое планирование в целях противодействия угрозам национальной безопасности функционально вытекают из анализа, оценки и прогноза трех групп сложных факторов, формирующих международную обстановку (МО), военно-политическую обстановку (ВПО) и собственно угрозы национальной безопасности:

- анализа и прогноза развития субъектов МО и ВПО;
- анализа и прогноза развития взаимоотношений между субъектами ВПО;
- анализа и прогноза формирования системы национальной безопасности.

В целом функция такого центра заключается в максимально объективной оценке внешних и внутренних угроз национальной безопасности и долгосрочном прогнозе их эволюции, либо предупреждении о возможности появления качественно новых внешних и внутренних опасностей и угроз.

Функциональная архитектура системы анализа, оценки, прогноза ВПО и стратегического планирования угроз национальной безопасности

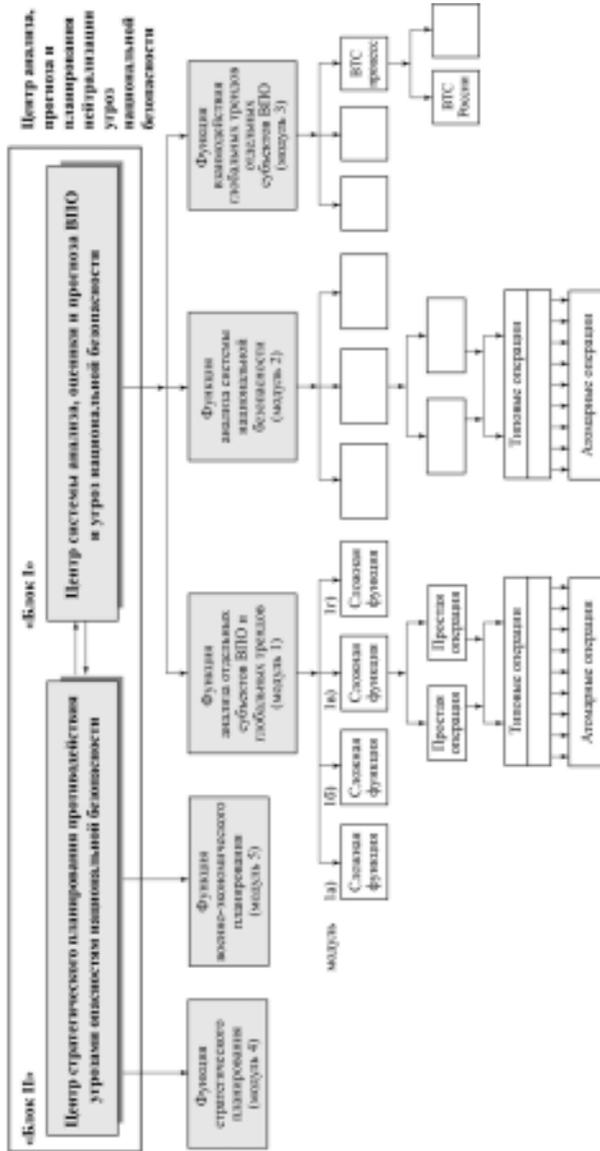

Рис. 4.3

Важно понимать, что каждая из указанных трех групп важнейших факторов делится на несколько менее крупных, но связанных между собой групп (модулей более низкого уровня) в соответствии с многозвенной иерархией всей архитектуры (рис. 4.3).

Так, группа факторов, определяющих развитие отдельных субъектов МО и ВПО и глобальных трендов (модуль 1) делится, как минимум, на четыре самостоятельные группы:

- государственные субъекты ВПО (конкретные страны), — модуль 1а;
- межгосударственные и негосударственные субъекты ВПО (коалиции, союзы, неправительственные международные и негосударственные акторы и т. д.), — модуль 1б;
- ведущие тенденции мирового развития (тренды) и другие процессы глобального, регионального и национального масштабов, — модуль 1в;
- взаимоотношения между отдельными акторами МО и ВПО и тенденциями — модуль 1 г.

В свою очередь эти модули предполагают деление на более простые сложные функции. Так, например, модуль 1а — «анализ развития субъектов ВПО» — предполагает анализ относительно простых функций, которые, однако, тесно связаны между собой относительно отдельного субъекта МО и ВПО. Так, рассматривая, например, один из субъектов МО и ВПО — государство Великобританию, мы должны сделать:

- анализ политического развития и прогноза, субъекта ВПО;
- анализ экономического развития и прогноза субъекта ВПО;
- анализ военного развития субъекта ВПО.

Взаимосвязь между отдельными сферами анализа предполагает, что этот модуль (в данном случае 1а) будет обладать сложной функцией, хотя сам по себе отдельный анализ и прогноз относятся к категории «простых функций».

Кроме того, такие анализы и прогнозы (отраслевые, по родам и видам ВС и т. д.), в свою очередь, состоят из операций

по сбору, обработке, систематизации и анализу информации, а также последующим прогнозам:

- текущим;
- среднесрочным;
- долгосрочным.

Они, в свою очередь, состоят из типовых операций по сбору, обработке, систематизации и анализу информации.

Такой типовой операцией в модуле № 3 («Взаимодействие глобальных трендов и субъектов ВПО») является, например, процесс военно-технического сотрудничества (ВТС) (торговля оружием и услугами) в мире. Отдельной его частью является ВТС России, то есть отдельный модуль, требующий специального анализа (сбора и систематизации информации) и прогноза (ближнесрочного, среднесрочного и долгосрочного). Этот модуль в укрупненном виде выглядит следующим образом: рис. 4.4.

Рис. 4.4

Как видно из рисунка, анализ ВТС России относится к уровню «простых» функций, а прогноз (ближнесрочный, среднесрочный и долгосрочный) — к «типовым» операциям. Отдельные детали такого анализа и прогноза рассматриваются в качестве «атомарных функций», в частности, если речь идет, например, о ВТС с Украиной или ведущими странами Запада. Приведем пример такого «атомарного» анализа и прогноза.

Доля Украины на рынке вооружений по данным СИПРИ — 3% (это 8 место). Доля России в экспорте вооружений — 27% (3 место).

10 крупнейших мировых экспортеров ПВН в 2009–2013 годах

Экспортер	Доля в мировом экспорте ПВН (%)		Основные заказчики ПВН в 2009–2013 гг., их доля в общем объеме поставок стран-экспортеров		
	2009–2013	2004–2008	1-е место	2-е место	3-е место
США	29	30	Австралия (10%)	Республика Корея (10%)	ОАЭ (9%)
Россия	27	24	Индия (38%)	Китай (12%)	Алжир (11%)
Германия	7	10	США (10%)	Греция (8%)	Израиль (8%)
Китай	6	2	Пакистан (47%)	Бангладеш (13%)	Мьянма (12%)
Франция	5	9	Китай (13%)	Марокко (11%)	Сингапур (11%)
Велико-британия	4	4	Саудовская Аравия (42%)	США (18%)	Индия (11%)
Испания	3	2	Норвегия (21%)	Австралия (12%)	Венесуэла (8%)
Украина	3	2	Китай (21%)	Пакистан (8%)	Россия (7%)

Доля в мировом экспорте ПВН (%)			Основные заказчики ПВН в 2009–2013 гг., их доля в общем объеме поставок стран-экспортеров		
Экспортер	2009–2013	2004–2008	1-е место	2-е место	3-е место
Италия	3	2	Индия (10%)	ОАЭ (8%)	США (8%)
Израиль	2	2	Индия (33%)	Турция (13%)	Колумбия (9%)

Если брать Украину, то взаимный товаропоток насчитывает 7–8 тысяч наименований, а к сотрудничеству привлечены 1330 предприятий Российской Федерации и Украины. Причем, из предприятий поставляющих комплектующие:

- «Мотор Сич» — двигатели для вертолетов
- ГК «Антонов» — производитель военно-транспортной авиации, которая используется в России. Обслуживание парка самолетов АН также остается в ведении ГК «Антонов»

В целом это сотни и тысячи предприятий, которые сотрудничают с российскими предприятиями в различных сферах от приборов связи (радио, опто-волокно), до ракет класса воздух–воздух для российских самолетов. И речь идет не только о готовой продукции, но и о комплектующих для продукции, выпускаемой в России. Помимо прочего украинские предприятия производят значительную долю двигателей для российских военных и гражданских судов.

Сегодня из общего объема продукции «Мотор Сич» около 40% приходится на заказы из России. Завод производит 1000 двигателей в год, из которых 400 поставляется в Россию.

По примерным оценкам, если не будет достигнуто прогресса в военно-техническом сотрудничестве с Украиной, российские предприятия смогут самостоятельно производить большинство украинских комплектующих через два–три года, а самые сложные — через 8–10 лет.

В общей сложности, импорт военной техники и комплектующих для ее производства в 2011 году оценивался в 200 млн долл. ежегодно (не считая «Мистралей», за которые Россия еще не расплатилась). С тех пор импорт удерживается примерно на этом же уровне.

Основные экспортеры в Россию (кроме Украины и Беларуси):

1. Франция — Мистрали, тепловизоры «Tales» для систем ПВО, танков и БМП (по данным на 2011 г.), радиоэлектронное оборудование для истребителей Су-30МКИ, Су-30МКМ и МиГ-29СМТ, оборудование из экипировки «солдата будущего» FELINA.
2. Израиль — беспилотники (порядка 400 млн долл.)
3. Италия — сборка итальянских бронемашин Iveco LMV M65 по лицензии.
4. Швеция — группа Volvo AB и «Уралвагонзавод» создание колесной боевой машины «Атом». Volvo AB на сегодняшний момент — единственный иностранный партнер России, заявивший о том, что события на Украине могут помешать дальнейшей совместной работе. Однако пока работа продолжается. В небольших количествах Россия также покупает вооружение и военную технику в:

- Германии («Немецкие предприятия на данный момент больше не могут экспортировать в Россию продукцию военного назначения, сообщает *Süddeutsche Zeitung*. По данным издания, заморожено 69 экспортных заявок на сумму 5,18 млн евро»),
- Великобритании,
- Испании,
- США и других странах.

В целом в общей структуре поставок доля иностранных образцов не превышает 1,5–2%.

Другой пример отдельного модуля и иерархии подчиненных ему модулей можно привести на примере Модуля № 1 (анализ отдельных субъектов ВПО и глобальных трендов), когда

выделяется отдельный модуль (модуль 1а), в котором анализируется ситуация в мире с точки зрения развития отдельных союзов и коалиций.

Этот модуль (1а) представляет собой сложную функцию, которая относится ко всем союзам и коалициям и процессам, проходящим внутри и между ними. На самом деле необходимо дальнейшее деление этой сложной функции на более простые («простые» функции), а те, в свою очередь на «типичные операции» и «атомарные операции». Логическая схема Модуля № 1 в этом случае выглядит следующим образом: рис. 4.5.

Рис. 4.5

Примером анализа на уровне «простой операции» может стать анализ ситуации в АТР, данный академиком М. Титаренко: «В 2010 году КНР по объему ВВП (по официальным данным, 6,48 трлн долл.) вышла на второе место в мире, опередив Японию. По подсчетам Статистического управления КНР, доля Китая в мировом ВВП выросла с 5% в 2005 году до 9,5%

в 2010 году. Теперь КНР — мировой лидер по объему экспорта (1 трлн 578 млрд долл. в 2010 г.) и величине золотовалютных запасов (около 3,3 трлн долл.), — делает оценку М. Титаренко⁴.

«Китай потеснил США в качестве одного из главных игроков в АТР, укрепив свои позиции и в ключевых региональных организациях — АТЭС, АСЕАН, АРФ, ВАС. Образовались мини-группировки с сильным влиянием КНР и без участия США: АСЕАН 4 – 1 (Китай), АСЕАН + 3 (Китай, Япония, Южная Корея), трехсторонний саммит в Северо-Восточной Азии (Китай, Япония, Южная Корея). Кроме того, Китай занял место США в качестве главного торгового партнера Японии, Южной Кореи, многих стран АСЕАН, Тайваня, Индии. С 1 января 2010 года начала действовать зона свободной торговли КНР — АСЕАН, совокупные параметры которой составляют 1,9 млрд человек, 6 трлн долл. ВВП и 4,5 трлн долл. внешнеторгового оборота. Особое беспокойство США и Японии вызывают быстрые темпы усиления вооруженных сил КНР, планы выхода китайских ВМС в Мировой океан, активная реализация программы создания авианосцев и модернизации военно-морских сил. Все это побудило Вашингтон поменять свою стратегию и взять курс на противодействие усилению Китая»⁵.

В целом представление о регионах планеты может дать следующая таблица (табл. 4.1).

Таким образом, система стратегического планирования занимает подчиненное место системе анализа и прогноза в единой функциональной архитектуре системы противодействия угрозам национальной безопасности. Такая подчиненность и обособленность позволяет на стадии стратегического планирования исходить из объективного анализа существующих и прогноза будущих угроз.

⁴ Титаренко М. Л. Эволюция политической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе и интересы России / В кн.: Внешняя политика России. 2000–2020 / РСМД. М.: Аспект Пресс, 2012, С. 183.

⁵ Там же..

Таблица 4.1.
Основные регионы мира
(сетка ООН с дополнением Ю. П. Грицака)⁶

Регион	Страны, территории
Северная Европа (1)	Великобритания, Ирландия, Дания с Гренландией и Фарерскими островами, Норвегия, Швеция, Исландия, Финляндия, Эстония, Латвия
Западная Европа (2)	Германия (ФРГ), Франция, Австрия, Швейцария, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Лихтенштейн, Монако
Южная Европа (3)	Португалия, Испания, Андорра, Мальта, Италия, Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Сербия и Черногория, Македония, Албания, Греция, Кипр, Сан-Марино, Ватикан, Гибралтар
Восточная Европа (4)	Чехия, Словакия, Польша, Литва, Беларусь, Украина, Венгрия, Молдова, Румыния, Болгария
Северная Евразия (5)	Россия
Западная Азия (6)	Турция, Грузия, Армения, Азербайджан, Сирия, Ливан, Израиль, Палестина, Ирак, Саудовская Аравия, Йемен, Оман, ОАЭ, Катар, Кувейт, Бахрейн, Иордания
Центральная Азия (7)	Иран, Афганистан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Казахстан
Южная Азия (8)	Индия, Пакистан, Непал, Бутан, Шри-Ланка, Мальдивские о-ва, Бангладеш
Юго-Восточная Азия (9)	Мьянма, Таиланд, Камбоджа, Лаос, Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Бруней, Филиппины
Восточная Азия (10)	Япония, Северная Корея, Республика Корея, Китай, Монголия, Тайвань

⁶ Довгань Г. Д. Экономическая и социальная география мира / http://geographer.ucoz.net/_ld/0/21_Geografia_10_kl.pdf. С. 7.

Регион	Страны, территории
Северная Африка (11)	Марокко, Алжир, Тунис, Ливия, Египет, Судан, Западная Сахара
Западная Африка (12)	Кабо-Верде, Гамбия, Сенегал, Гвинея-Бисау, Гвинея, Сьерра-Леоне, Либерия, Кот-д'Ивуар, Гана, Того, Бенин, Нигерия, Нигер, Буркина-Фасо, Мали, Мавритания
Центральная Африка (13)	Чад, ЦАР, Камерун, Экваториальная Гвинея, Сан-Томе и Принсипи, Габон, Конго, Заир (ДРК), Ангола
Восточная Африка (14)	Эритрея, Эфиопия, Джибути, Сомали, Кения, Уганда, Руанда, Бурунди, Танзания, Коморские Острова, Сейшельские Острова
Южная Африка (15)	Южная Африка, Намибия, Ботсвана, Свазиленд, Лесото, Зимбабве, Замбия, Малави, Мозамбик, Мадагаскар, Маврикий, Реюньон
Северная Америка (Англо-Америка) (16)	Канада, США
Центральная Америка (17)	Мексика, Гватемала, Гондурас, Сальвадор, Коста-Рика, Панама, Белиз, Никарагуа
Карибская Америка (18)	Острова в Карибском море
Андская Америка (19)	Венесуэла, Колумбия, Эквадор, Перу, Боливия
Тропическая Южная Америка (20)	Бразилия, Парагвай, Гвиана, Суринам, Гайана
Умеренная Южная Америка (21)	Аргентина, Чили, Уругвай, Фолклендские о-ва
Австралия (22)	Австралийский Союз, Новая Зеландия
Океания (23)	Острова в Тихом океане

4.2. Необходимость разделения функций анализа, прогноза и стратегического планирования

Необходимость разделения функций анализа, оценки, прогноза МО и ВПО, а также угроз национальной безопасности, с одной стороны и стратегического планирования, с другой, объясняется, прежде всего, объективными различиями в этих двух процессах. В первом случае субъективный фактор исследования и анализа необходимо учитывать, но он не является решающим: научные методы, огромные объемы информации, новые методики позволяют в целом сделать такой анализ достаточно объективным.

Другое дело — стратегическое планирование, когда доминируют субъективные представления, а нередко и личные и групповые интересы (идеологические, политические, экономические, коррупционные и пр.), которые искажают объективную реальность и ведут к крупным ошибкам в планировании.

Процесс принятия решений, особенно в СССР и России в военно-политической области, нередко не опирался на объективный анализ и прогноз развития ВПО. И в настоящее время решения, принимаемые в «Блоке II» нередко несут на себе отпечаток субъективных представлений и ценностей. Что зависит не только от экспертов и качества анализа, но и от качества военно-политического руководства.

Далеко не всегда стоит соглашаться даже с мнением признанных авторитетов, чей анализ объективно противоречит существующим реалиям и не может лечь в основу стратегического прогноза, а тем более стратегического планирования. Приведу яркий пример с мнением безусловного авторитета — академика Е. Примакова (прослужившего директором СВР, Министром иностранных дел и Председателем Совета министров России):

«После окончания холодной войны у России больше нет „главного противника“. В прошлое ушла реальная угроза вооруженного столкновения двух супердержав. В то же время, особенно после распада Советского Союза и прекращения существования Варшавского договора, стало контрастно вырисовываться стремление руководства Соединенных Штатов, несомненно, усилившихся в экономическом и военном плане, перейти от биполярной системы к однополярному мироустройству. Такая тенденция особенно остро проявилась в двух случаях применения вооруженных сил США без санкции Совета Безопасности ООН — во время бомбардировок Югославии в 1998 году и военной операции в Ираке в 2003 году. Стало ясно, что уже после холодной войны Вашингтон не намерен отказываться от инициативного применения военной силы»⁷.

Как видно из оценки Е. Примакова, «у России больше нет „главного противника“, с чем, конечно же, нельзя согласиться хотя бы потому, что сам „главный противник“ так не считает». Нельзя также согласиться и с утверждением о том, что «В прошлое ушла реальная угроза вооруженного столкновения двух супердержав»⁸, хотя бы потому, что именно эта вероятность лежит в основе американской военной политики. Характерно, что и первая мысль, и вторая противоречат главному выводу Е. Примакова относительно роли военной силы в XXI веке: «...Вашингтон не намерен отказываться от инициативного применения военной силы»⁹. Таким образом анализ и краткосрочный прогноз Е. Примакова, неверен, что и было доказано уже в начале 2014 года, когда резко изменилась ситуация и ВПО в мире и в Евразии в связи с событиями на Украине.

⁷ Примаков Е. М. Предисловие /Внешняя политика России: 2000–2020: Научное издание в 3 томах / РСМД [под общ. ред. И. С. Иванова]. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 9.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

В этом смысле гораздо более убедительным выглядит опыт Института комплексного военного образования, который в своем прогнозе очень точно изложил развитие МО и ВПО в 2014 году: «2014 — перестроечный год во всех смыслах. Ожидается чрезвычайно высокий темп перемен и интенсивность событий, радикальные смены курса у целых государств. Весьма вероятно разрушение союзов, существовавших десятилетиями, и стремительное создание новых. Символом 2014 года, как и предыдущих пары лет, является революционность, обновление, реформирование, новые технологии жизни. Но теперь появляется канал для прохода энергий на уровень явно ощутимой, осознаваемой реальности. Важные эволюционные программы, связанные с коллективными, но сложно осознаваемыми энергиями, могут выйти на уровень реально понимаемых обществом идей, целей и задач.

Повышается вероятность серьезных масштабных кризисных ситуаций социально-политического, экономического, техногенного плана. К концу февраля 2014 года заканчивается период, длившийся с сентября 2012 года. Этот период связан с возможностью использовать приоритет силы. Основная тема социальных процессов этого периода связана с необходимостью решать экономические вопросы путем консолидации, объединения интересов. Это период возможностей для укрупнения финансовых структур, использования силовых методов в решении вопросов в материальной сфере и сфере договорных двухсторонних интересов. Достаточно масштабные возможности этого периода в отдельных случаях могут приводить к злоупотреблению принципом силы и материальными интересами.

В 2014 году начинается период, когда силовые методы решения двухсторонних вопросов в договорных отношениях не будут иметь столь высоких результатов как прежде. В этот период будут набирать силу инициативы, связанные с развитием и проявлением компромиссов, решения вопросов с соблюдением ответственности сторон в противовес силе предыдущего

периода. Нарушение договоренностей, правил, законов в этот период не будет приносить успеха, как это было ранее. В мире могут возобладать мирные инициативы. Задача всех стран, коллективов будет связана с преодолением конфликтов и налаживанием сотрудничества. Активизируются дипломатические службы. Заключенные в этот период двухсторонние, деловые договора будут иметь долговременный характер»¹⁰.

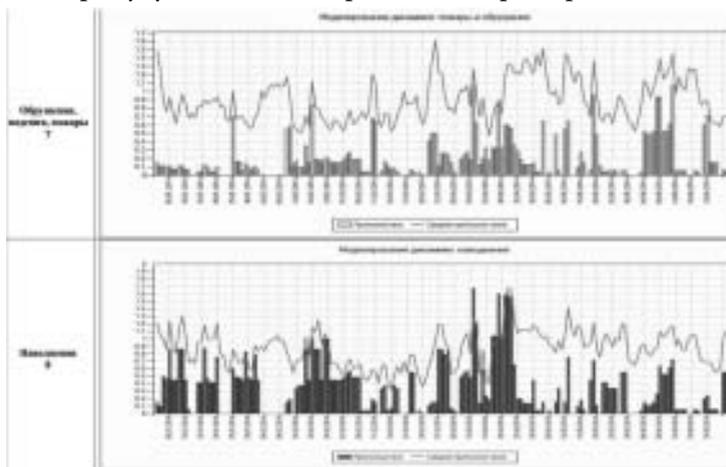

Рис. 4.6¹¹

«Однако, само время перехода от одного периода к другому, будет связано с сопротивлением старых силовых методов новым правовым. Также в марте 2014 года заканчивается период, длившийся с июня 2013 года. Возможно появление новых общественных движений и организаций.

¹⁰ Прогноз кафедры МИПИУ основных рисков катастроф и аварий на 2014 год / «Санкт-Петербургский Национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики». СПб, 2013. С. 1–2.

¹¹ Институт комплексного военного образования / Прогноз кафедры МИПИУ основных рисков катастроф и аварий на 2014 год <http://faculty.ifmo.ru/ikvo/MPES/downloads/MPES/prediction/prediction2014.pdf>. С. 7.

Многие люди почувствуют ограничение своей независимости, участится вторжение в личную жизнь. Свобода глобальной сети интернет будет закрепощаться, и контролироваться правительствами стран. Возможно увеличение перебоев в подаче электроэнергии.

Наиболее сложный период 2014 года — с 30 марта и до конца апреля. Возможен самый широкий спектр негативных событий — землетрясения и извержение вулкана, атомный взрыв, начало военных действий, разрушительные события в мировой экономике, массовые протесты по всему миру. Возрастет уровень экстремизма и национализма.

Ожидается разворот в мировой политике, какого не было столетия. Фактически, через несколько лет о 2014–2015 годах будут говорить как о начале новой эры в мировой политике. Мы в полной мере будем свидетелями исторических событий»¹².

Примечательно, что этот прогноз подтвердился, как для общественно-политических событий («революций» на Украине, в Таиланде, выборах в Сирии и др.), так и на природных явлениях (наводнении в Сербии, на Алтае, пожарах в центральных районах России и т. д.)

4.3. Иерархичность архитектуры системы анализа и стратегического планирования

Анализ, прогноз и стратегическое планирование предполагают обязательное существование приоритетов национальной безопасности и, как следствие, строгой иерархии целей и последовательности действий. При этом такая приоритетность непосредственно вытекает из иерархии в системе националь-

¹² Прогноз кафедры МИПИУ основных рисков катастроф и аварий на 2014 год / «Санкт-Петербургский Национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики». С-Пб, 2013. С. 1–2.

ных ценностей и национальных интересов, которые являются базовыми не только для формулирования политических целей и задач, но и для распределения национальных ресурсов и отношения к внешним реалиям (опасностям и угрозам). Возвращаясь к рисунку, данному в Предисловии, мы можем выстроить систему национальных интересов по приоритетам в следующей матрице (рис. 4.7).

Рис. 4.7

Национальные интересы	Кратко-срочные	Средне-срочные	Долго-срочные
1. Глобальные, биологические, связанные с выживанием человечества как вида			
— экономические;			
— цивилизационные			
2. Национальные:			
— политические;			

Национальные интересы	Кратко-срочные	Средне-срочные	Долго-срочные
— экономические;			
— военные и др.			
3. Государственные:			
— сохранение политической системы;			
— власти правящей элиты;			
—			
4. Социальные:			
—			
—			
—			
5. Групповые:			
—			
—			
—			
6. Личные:			
—			
—			
—			

Как видно из матрицы, существуют определенные противоречия между этими интересами. И далеко не всегда те из них, которые стоят выше по своей иерархии, определяет поведение государств. Например, борьба с сокращением выделения CO₂ в атмосферу (глобальный, экономический интерес) противоречит интересам развития крупной промышленности (национальному, экономическому интересу).

Соответственно и стратегическое планирование, в основе которого лежит выбор программы, в конечном счете, определяется конфликтом интересов¹³.

Принципиальная блок-схема технологии разработки и реализации национальных и целевых программ

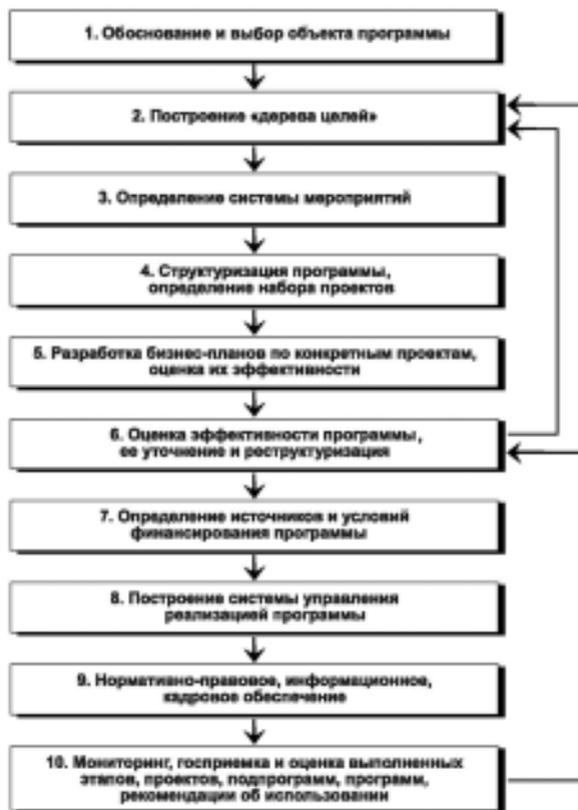

Рис. 4.8¹⁴

¹³ Кузык Б. Н., Кушлин В. И., Яковец Ю. В. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономика, 2011. С. 124, 126.

¹⁴ Там же. С. 124.

Рис. 4.9¹⁵

Очень важно понимание того, что анализ и стратегический прогноз ВПО бессмысленен без анализа развития глобальных тенденций и мировых трендов, которые формируют внешние условия для ВПО. В предлагаемом рисунке они обозначаются как «модуль 1в» — глобальные тенденции мирового развития. Так, в частности, проблема нехватки пресной воды должна стать в ближайшие годы важнейшей политической и экономической проблемой, превышаемой по своей значимости проблему контроля над энергоресурсами. В частности, как считают некоторые эксперты, именно подход к ее решению будет формировать во многом международную безопасность в будущем. Более того, проблема обеспеченностью простой

¹⁵ Кузык Б.Н., Кушлин В.И., Яковец Ю.В. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономика, 2011. С. 126.

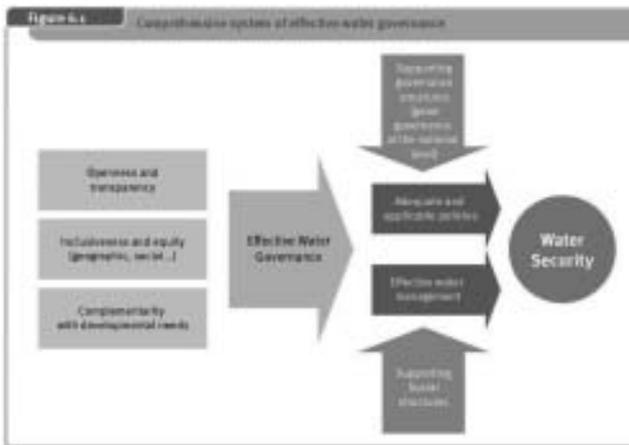
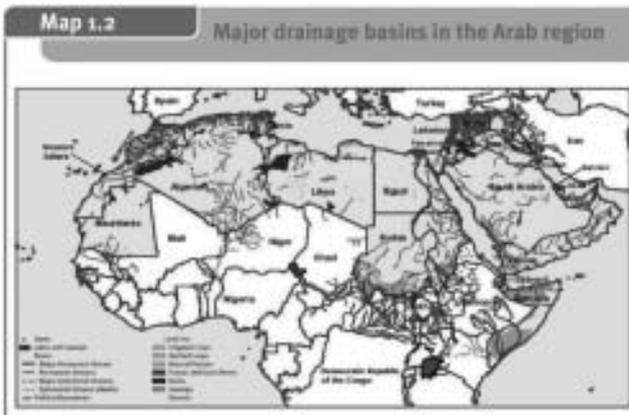
водой сама станет важнейшим вызовом и угрозой не только для десятков стран и нескольких крупных регионов. Но отразится и на глобальной безопасности, в т. ч. великих государств, которые непосредственно не стоят перед угрозой недостатка пресной воды. Что очень хорошо видно на рисунке, на котором отчетливо видна взаимосвязь политического регулирования этой проблемы.

Острота этой проблемы для России — не очевидна. В отличие от большого числа азиатских и африканских стран, Россия обладает огромными запасами пресной воды. Но именно это и может стать проблемой для безопасности нашего государства, когда ценность ресурса воды, как прогнозируют, станет выше ценности углеводородов.

Уже сегодня имеется печальный опыт неспособности государств эффективно управлять водными ресурсами в Средней и Центральной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, и в Африке. Более того, эта проблема существует по поводу канала из Днепра в Крым, политическая составляющая такого конфликта может быть очень серьезна.

Пока что основные регионы — потенциально конфликтные по вопросу использования пресной воды, — находятся на Ближнем Востоке и в Северной Африке, однако и Россия неизбежно столкнется с этой проблемой уже в среднесрочной перспективе.

Таким образом, для анализа силовой и военной составляющей ВПО требуется многофакторный системный анализ, который должен учитывать множество переменных, прямо не относящихся к ВПО и даже МО. Причем некоторые из них являются решающими при формировании системы военного планирования. Образно говоря, последовательность анализа должна быть выдержана строго иерархично, «от печки», а именно от описания глобально-цивилизационной обстановки до уровня конкретного анализа отдельного вида и системы ВиВТ. Эту последовательность анализа можно описать по следующим этапам: табл. 4.2.

Рис. 4.10¹⁶Рис. 4.11¹⁷

¹⁶ Water Governance in the Arab Region Managing Scarcity and Securing the Future Ahmed Khater, Emad Al-Karablieh, Mohamed Abdrabo, Redouane Choukr-Allah, and Waleed Zubari / [http://www.pk.undp.org/content/dam/rbas/doc/Energy%20and%20Environment/ Arab_Water_Gov_Report/Arab_Water_Gov_Report_Full_Final_Nov_27.pdf](http://www.pk.undp.org/content/dam/rbas/doc/Energy%20and%20Environment/Arab_Water_Gov_Report/Arab_Water_Gov_Report_Full_Final_Nov_27.pdf). C. 120.

¹⁷ Там же. С. 13.

Таблица 4.2.

1 этап	Анализ и прогноз развития человеческой цивилизации в XXI веке и основных трендов: — экономических; — научно-технических и др.
2 этап	Анализ и прогноз развития Международной обстановки (МО): — политические тенденции; — технологические; — экономические; — военно-политические и др.
3 этап	Анализ и прогноз развития военно-политической обстановки (ВПО) в мире: — политические; — военные; — технологические
4 этап	Анализ и прогноз развития основных трендов и тенденций субъектов ВПО: — государств; — коалиций; — союзов и международных организаций; — неформальных объединений
5 этап	Анализ и прогноз развития: — ВиВТ; — военного искусства — военных технологий

Система стратегического планирования как уже говорилось, строится из двух крупных блоков: блока анализа и прогноза и блока планирования. В основе системы планирования лежит система анализа состояния и перспектив ВПО и национальной безопасности, которые обладают своими функциональными архитектурами. В наиболее упрощенном виде функциональная архитектура управления отдельным блоком может быть представлена в следующем виде: рис. 4.12.

Функциональная архитектура системы анализа, оценки, прогноза ВПО и стратегического планирования угроз национальной безопасности

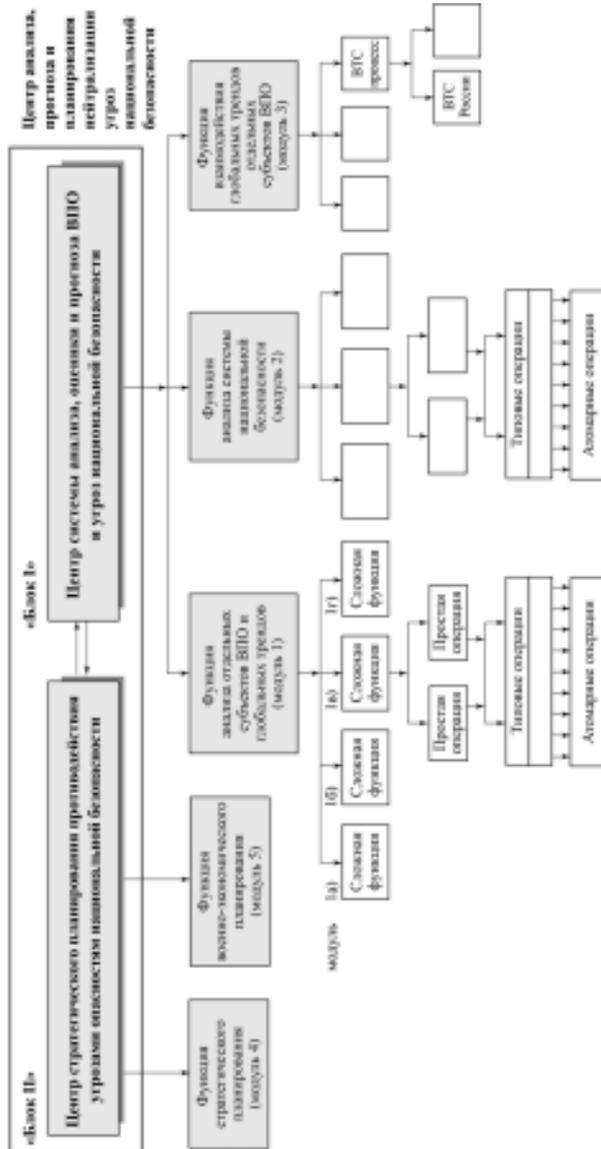
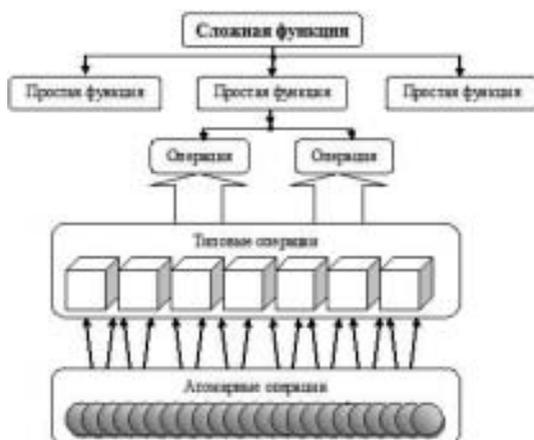

Рис. 4.12

Такая система анализа и прогноза должна учитывать объективные научно-технические и технологические тенденции, которые будут влиять на ВиВТ. Особенно, если речь идет о смене парадигм — технологических, научных, экономических. Такая система существует, например, о США в ДАРПА, где анализируются наиболее важные технологические направления, требующие не только пристального мониторинга, но и опережающего развития.

4.4. Опыт США в области стратегического прогнозирования и планирования внешней и оборонной политики

Опыт стратегического планирования в США имеет большое значение по целому ряду причин. Будучи далеко не идеальным, он, однако, свидетельствует о практичности и целесообразности стратегического программирования в военной области, а также в определенной эффективности.

Программы направления оборонных исследований обеспечивают техническую основу долгосрочного укрепления на-

циональной безопасности за счет открытия новых явлений, и изучения потенциала использования этих явлений для приложений национальной обороны. Программы направления поддерживают научные изыскания и эксперименты, открывающие новые горизонты в информатике, электронике, математике, вычислениях, биологии и науках о материалах¹⁸.

Затраты, млн USD	FY 2013	FY 2014	FY 2015
Сумма по элементам программы	273–750	315.033	312.146
BLS-01: BIO/INFO/MICRO SCIENCES	31.068	24.871	21.148
CCS-02: MATH AND COMPUTER SCIENCES	67.762	91.022	114.290
CYS-01: CYBER SCIENCES	17.095	26.333	28.627
ES-01: ELECTRONIC SCIENCES	43–349	44–354	30.327
MS-01: MATERIALS SCIENCES	80.326	85.819	85.527
TRS-01: TRANSFORMATIVE SCIENCES	34.150	42.634	32.227

Технологии человека – создание передовых биомедицинских технологий, способных предотвратить смерть человека в результате ранений, заболеваний или инфекций – диагностика до восстановления или даже полного воссоздания тканей и органов тела.

Технологии робототехники – создание техники, способной к выполнению широкого спектра механических операций, наблюдению и доставке полезной нагрузки в любую точку на Земле, включая неконтролируемые маневры и подорожные операции.

Системные технологии – оперирование совокупностью объектов, средств и систем, как единым управляемым пространством, в частности с помощью информации (технологии C4ISR+), развитием технических средств связи, разведки и обработки информации, в том числе на новых физических принципах.

Рис. 4.13¹⁹

¹⁸ Darpa. Программа 2015. Перевод на русский: Москва, 2014. Коллектив авторов «Defense Network» / http://government.fizteh.ru/darpa/Program_darpa2015_rus. С. 31.

¹⁹ Там же. С. 16.

Распределение затрат по новым программам, которые будут объявлены DARPA в 2015 году. Программы разделены по трем базовым направлениям и проведено сравнение по объемам финансирования, тыс. долл.²⁰

№	Направление	Количество программ	Расходы, тыс. долл.
1	Технологии робототехники	8	60 210
2	Технологии человека	9	82 000
3	Сетевые технологии	21	196 220

Представляется, что архитектура системы анализа ВПО и национальной безопасности выглядит следующим образом.

Только после решения основных задач, связанных с анализом, оценкой и стратегическим прогнозом проблем, относящихся к функциям Блока I, можно переходить к функционалу Блока II — стратегическому планированию, — суть которого заключается в разработке наиболее эффективных мер нейтра-

²⁰ Darpa. Программа 2015. Перевод на русский: Москва, 2014. Коллектив авторов «Defense Network» / http://government.fizteh.ru/darpa/Program_darpa2015_rus. С. 17.

лизации угроз национальной безопасности. В данном случае под термином «эффективность» понимается:

- во-первых, быстрое и надежное устранение внешней опасности или военной (внутренней или внешней) угрозы;
- во-вторых, наименьшие политические, военные, дипломатические и иные издержки;
- в-третьих, наиболее дешевые средства и способы наиболее эффективного устранения внешних опасностей и военных угроз.

В частности, эта логическая, указанная выше, схема может быть детализирована следующим образом:

4.5. Стратегическое прогнозирование угроз в области национальной безопасности

Стратегическое внешнеполитическое планирование КНР — один из самых ярких и удачных примеров эффективного внешнеполитического и военного планирования. Не увеличивая критические издержки на оборону (сохраняя их в пределах 2% ВВП) КНР за 25 лет смогла резко увеличить свою военную мощь за счет последовательного увеличения военного потенциала, став вторым государством в мире по расходам на оборону, первым — по строительству судов ВМФ и т. д.

При этом за все 25 лет КНР не поступились, ни своей системой — «конфуцианско-социалистической» — ценностей, ни национальными интересами. Более того, — укрепили и первое, и второе. В качестве примера можно привести новые средства противодействия в условиях кибервойны.

Тенденция «абсолютной интернетизации общества». Среда, способная замкнуть все информационные аспекты экономики, политики, частной жизни в единое киберпространство. Соответственно и военная область не может остаться вне этого процесса.

Логическая схема киберпространства

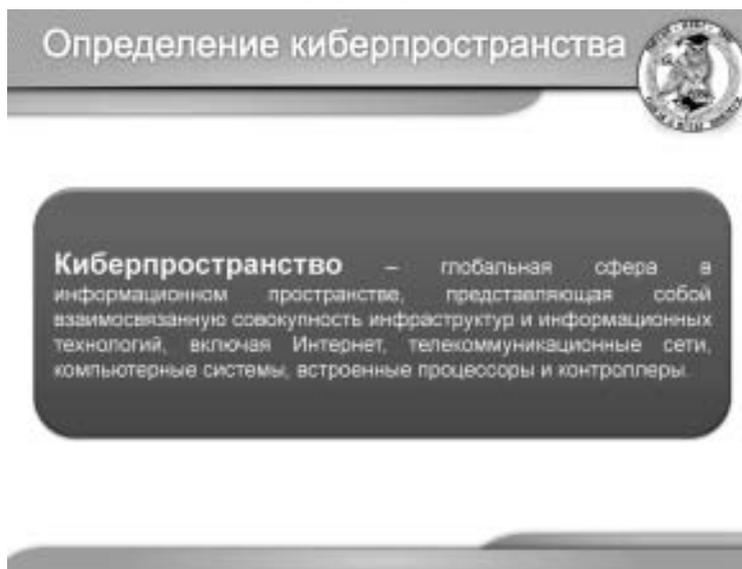
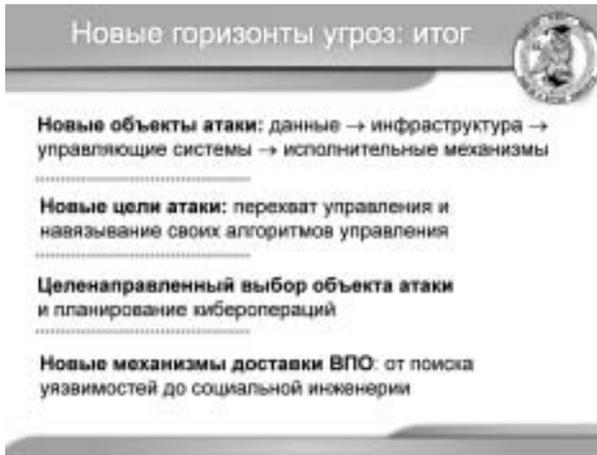
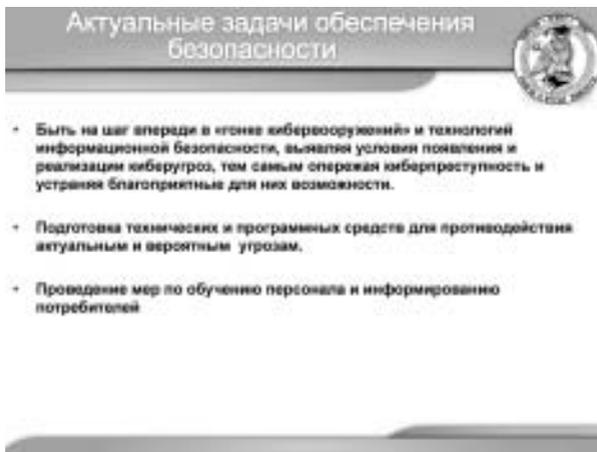

Рис. 4.14²¹

²¹ Зегжда П. Д., Зегжда Д. П. Расширяющееся киберпространство: новые горизонты возможностей и угроз // Санкт-Петербургский государственный политический университет. 2013. С. 6.

Рис. 4.15²²Рис. 4.16²³

²² Зегжда П. Д., Зегжда Д. П. Расширяющееся киберпространство: новые горизонты возможностей и угроз // Санкт-Петербургский государственный политический университет. 2013. С. 11.

²³ Там же. С. 13.

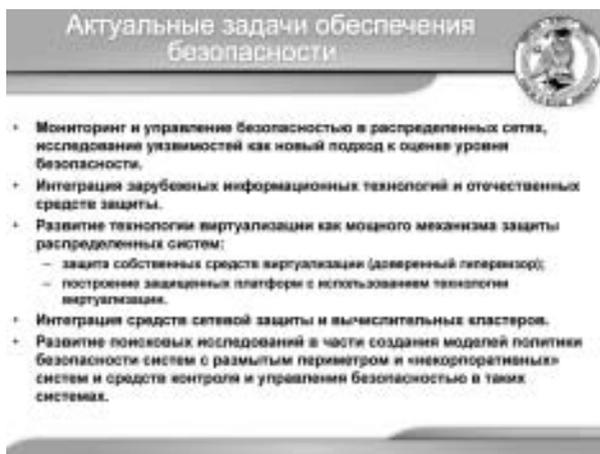

Рис. 4.17²⁴

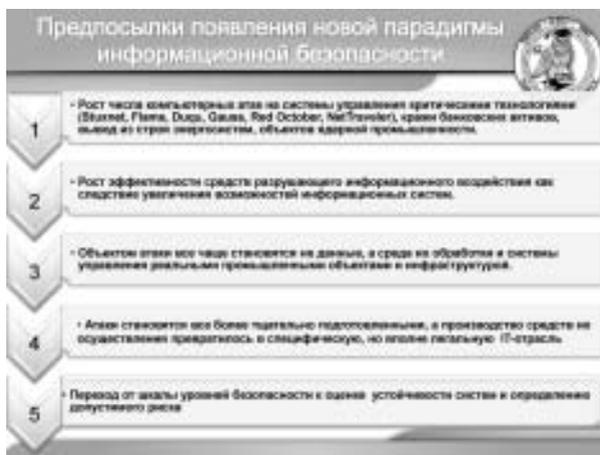

Рис. 4.18²⁵

²⁴ Зегжда П. Д., Зегжда Д. П. Расширяющееся киберпространство: новые горизонты возможностей и угроз // Санкт-Петербургский государственный политический университет. 2013. С. 14.

²⁵ Там же. С. 15.

Рис. 4.19²⁶Рис. 4.20²⁷

²⁶ Зегжда П. Д., Зегжда Д. П. Расширяющееся киберпространство: новые горизонты возможностей и угроз // Санкт-Петербургский государственный политический университет. 2013. С. 16.

²⁷ Там же. С. 18.

Рис. 4.21²⁸

Рис. 4.22²⁹

²⁸ Зегжда П. Д., Зегжда Д. П. Расширяющееся киберпространство: новые горизонты возможностей и угроз // Санкт-Петербургский государственный политический университет. 2013. С. 19.

²⁹ Там же. С. 20.

Рис. 4.23³⁰Рис. 4.24³¹

³⁰ Зегжда П. Д., Зегжда Д. П. Расширяющееся киберпространство: новые горизонты возможностей и угроз // Санкт-Петербургский государственный политический университет. 2013. С. 22.

³¹ Там же. С. 23.

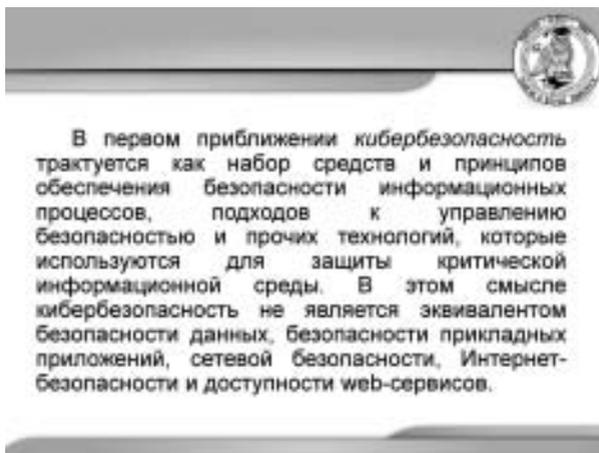

Рис. 4.25³²

Рис. 4.26³³

³² Зегжда П. Д., Зегжда Д. П. Расширяющееся киберпространство: новые горизонты возможностей и угроз // Санкт-Петербургский государственный политический университет. 2013. С. 24.

³³ Там же. С. 25.

Глава V.

Системная архитектура¹ и требования к технологической архитектуре² системы анализа, прогноза и стратегического планирования в области национальной безопасности

¹ **Системная архитектура** — организация и структура основных элементов информационной системы, имеющих принципиальное значение для функционирования системы в целом.

² **Технологическая архитектура** — зд. архитектура инфраструктуры — фундамент, основа всего набора информационных технологий. (Иногда называется «системная архитектура», «IT-архитектура»), предназначенная для обеспечения основных ИТ-сервисов, представленных в рамках всей системы.

Не существует общепринятого способа представления архитектуры³
К. Филипп

Спецслужбы ежегодно публикуют около 50 000 докладов. За сутки они обрабатывают 1,7 млрд единиц перехваченной информации...⁴

Системная архитектура стратегического планирования является логическим продолжением системной архитектуры анализа и прогноза, которые в самом общем виде представляют собой логическую схему, представленную, например, следующим образом⁵. На рисунке 5.1 показано, как происходит преобразование данных в информацию и информации обратно в данные, а затем снова в информацию в информационно-справочных системах.

А. М. Карминский и Б. В. Черников справедливо полагают, что «при поверхностном взгляде может показаться, что выполняется двойная напрасная работа, когда из уже обработанной информации «вытаскиваются» первичные данные, которые затем снова обрабатываются и превращаются в информацию. Однако только такой подход к работе с информацией, полученной

³ Кратчен Филипп / Введение в RUP. 2-е изд.: Пер. с англ. М.: Изд. дом «Вильямс». 2002.

⁴ Венчурные фонды. М.: МФТИ. 2014. С. 11.

⁵ Карминский А. М., Черников Б. В. Методология создания информационных систем: учебное пособие / А. М. Карминский, Б. В. Черников. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИД «ФОРУМ»; ИНФРА-М, 2012. С. 19.

Рис. 5.1

из внешних источников через информационно-справочные системы, позволяет выделять действительно существующие и влияющие на деятельность предприятий, органов и организаций факты, анализировать их, строить прогнозы и принимать на их основе важные решения.

До момента стратегического планирования существует несколько обязательных стадий по сбору, систематизации, анализу информации, на основании которых делаются основные рекомендации по стратегическому прогнозу. Именно эти рекомендации являются конечным продуктом процесса сбора и обработки информации, относящимся к соответствующему Блоку I Центра стратегического планирования. При этом функционально, напомним, эти выводы и прогнозы относятся к трем подгруппам Блока I, обеспечивающим анализ и прогноз:

- МО и ВПО;
- развития отдельных субъектов ВПО и основных трендов;
- взаимодействия развития национальных ресурсов и возможностей и основных трендов и субъектов ВПО.

Соответственно, эти три подгруппы информационной системы, охватывающей Блок II, носят достаточно автономный характер, а их выводы и рекомендации должны объединяться, проверяться на противоречивость и подвергаться мониторингу в рамках отдельной информационной структуры, находящейся на иерархической лестнице выше, чем указанные три подгруппы Блока II. Условно ее можно назвать как «Синтезатор» анализа и прогноза.

Известное деление прогнозов на ближнесрочные, среднесрочные и долгосрочные не предполагает специального выделения отдельных структур в качестве основных элементов информационной структуры. Все прогнозы рассматриваются в рамках единой структуры «Синтезатора» анализов и прогнозов,

в которой и аккумулируется вся информация о стратегическом прогнозе по всем направлениям. Только после ее обработки во взаимосвязи между временными рамками прогнозов и тремя основными направлениями стратегических прогнозов выдается окончательный стратегический прогноз, его обоснование и различные варианты и сценарии для передачи в Блок II.

Подобное «разделение ответственности» между отдельными информационными структурами Блока I позволяет:

- повысить ответственность за конкретно обозначенный участок анализа и прогноза группы исполнителей;
- сконцентрировать внимание на выделенных функционально участках анализа и прогноза.

Вместе с тем существование иерархической надстройки «Синтезатора» позволяет добиться лучшего взаимодействия между отдельными подгруппами, занимающимися сбором информации, анализом и прогнозом. Стоит помнить, кроме того, замечание К. Филиппа о том, что «создание архитектуры — это создание неподдерживаемого документа, состоящего из нескольких диаграмм, на которых прямоугольниками и стрелочками грубо отражена семантика процесса, понять которую могут только создатели архитектуры»⁶. (На сайте только одной из организаций собрано более 150 определений архитектуры программных систем). Сказанное означает, что системная архитектура информационной системы анализа, прогноза и стратегического планирования на начальной стадии носит только самый общий, условный характер. Учитывая, что предстоит анализ огромного количества (тысяч, десятков тысяч) факторов, сотен тысяч критериев и показателей, большинство из которых являются переменными величинами, Центр анализа, прогноза и стратегического планирования должен представлять собой мощную организационную и информа-

⁶ Кратчен Филипп / Введение в RUP. 2-е изд.: Пер. с англ. М.: Изд. дом «Вильямс». 2002.

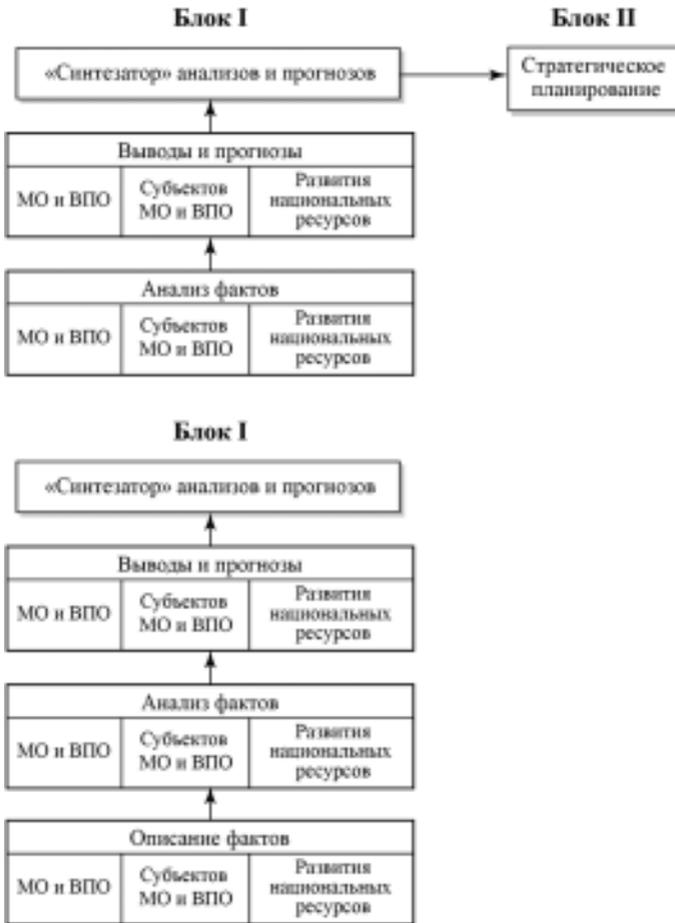

Рис. 5.2

ционную структуру, в которой концентрируются огромные массивы информации.

Учитывая, что конечный продукт Центра — стратегический прогноз, — необходимо иметь в виду, что аналитические службы центра, включая службы аналитической обработки информации, должны обладать огромными возможностями. Более

того, большинство национальных информационных ресурсов должно быть замкнуто на базы данных единого Центра. Причем не только тех, которые относятся непосредственно к компетенции национальной безопасности, но и те, которые традиционно не считаются таковыми.

Общая логическая схема системной архитектуры основных элементов информационной системы достаточно проста и в классическом виде, как уже говорилось, выглядит следующим образом: рис. 5.2.

Таким образом, информация, анализ и прогноз, объединены в Блоке I, а стратегическое планирование — в Блоке II. Системная архитектура анализа и стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности предполагает, прежде всего, выделение основных трех имеющих принципиальное значение групп элементов системы, без которых система в целом функционировать не может и которые трудно поддаются изменениям в дальнейшем. Поэтому этот этап разделения системы является наиболее важным, принципиальным.

5.1. Системная архитектура анализа и стратегического прогноза противодействия угрозам национальной безопасности России

Основные элементы структуры и организации информационной системы, имеющие принципиальное значение для анализа угроз национальной безопасности, являются следствием общей функциональной архитектуры системы анализа и планирования. Прежде всего, стратегических решений принятых высшим руководством страны, а именно: сбор, обработка, систематизация, «интеллектуализация» информации, ее анализ и стратегический прогноз. В эти функции не входят традиционные функции, свя-

Рис. 5.3

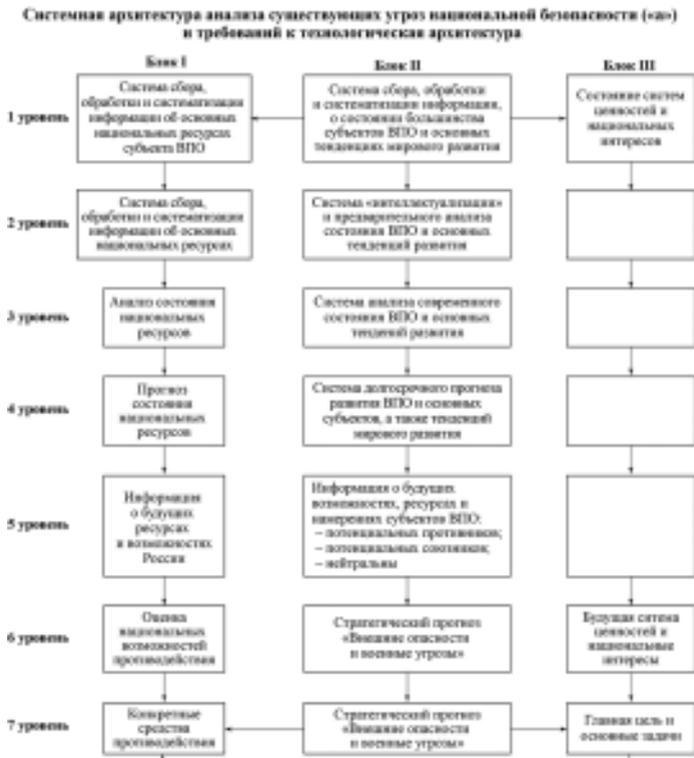

Рис. 5.4

занные с управлением, либо функции контроля существенно изменены. Что, естественно, существенно сказывается на организации работ в отличие от классического распределения функций информационной системы как показано на рисунке 5.3.

В самом общем виде он выглядит следующим образом: рис. 5.4.

Наиболее крупным и важным блоком в этой системной архитектуре является блок № 2, который делится в свою очередь по направлениям сбора и обработки информации на три группы, а те — на дополнительные функции требующие сбора, обработки и анализа информации, вплоть до третьего уровня типовых операций. Применительно к Блоку II самого первого уровня этот «переход» на уровень № 2 («интеллектуализации») выглядит следующим образом.

В свою очередь, пункт 2.1 (Основные мировые тенденции), например, делится на глобальные, региональные и национальные тенденции

Так, к глобальным тенденциям мирового развития, кроме известных политических, экономических и иных тенденций,

можно отнести, например, растущее информационное влияние английского и китайского языков, которые становятся основными языками для коммуникаций.

Наиболее распространенные языки мира

Название	Китайский	Английский	Хинди в урду	Испанский	Русский	Бенгальский	Индонезийский	Арабский	Португальский	Японский	Немецкий	Французский
Численность людей, говорящих на нем, млн чел.	1200	450	350	300	240	180	180	180	150	128	100	100

Рис. 5.5⁷

Рис. 5.6⁸

⁷ Довгань Г.Д. Экономическая и социальная география мира / http://geographer.ucoz.net/_ld/0/21_Geografia_10_kl.pdf. С. 30.

⁸ Там же. С. 6.

Основные регионы мира (сетка ООН с дополнением Ю. П. Гривака)

Регион	Страны, территории
Северная Европа (1)	Великобритания, Ирландия, Дания с Фарерскими островами, Норвегия, Швеция, Исландия, Финляндия, Эстония, Латвия
Западная Европа (2)	Германия (ФРГ), Франция, Австрия, Швейцария, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Лихтенштейн, Монако
Южная Европа (3)	Португалия, Испания, Андорра, Мальта, Италия, Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Сербия и Черногория, Македония, Албания, Греция, Кипр, Сан-Марино, Ватикан, Гибралтар
Восточная Европа (4)	Чехия, Словакия, Польша, Литва, Беларусь, Украина, Венгрия, Молдова, Румыния, Болгария
Северная Европа (5)	Россия
Западная Азия (6)	Турция, Грузия, Армения, Азербайджан, Сирия, Ливан, Иордания, Палестина, Иран, Саудовская Аравия, Йемен, Оман, ОАЭ, Катар, Кувейт, Бахрейн, Нордрия
Центральная Азия (7)	Иран, Афганистан, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизстан, Казахстан
Южная Азия (8)	Индия, Пакистан, Непал, Бутан, Шри-Ланка, Мальдивские о-ва, Бангладеш
Юго-Восточная Азия (9)	Мьянма, Таиланд, Камбоджа, Лаос, Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Бруней, Филиппины
Восточная Азия (10)	Япония, Северная Корея, Республика Корея, Китай, Монголия, Тайвань
Северная Африка (11)	Марокко, Алжир, Тунис, Ливия, Египет, Судан, Западная Сахара
Западная Африка (12)	Кот-д'Ивуар, Гамбия, Сенегал, Гвинея-Бисау, Гвинея, Сьерра-Леоне, Либерия, Кот-д'Ивуар, Гана, Того, Бенин, Нигерия, Нигер, Буркина-Фасо, Мали, Мавритания
Центральная Африка (13)	Чад, ЦАР, Камерун, Экваториальная Гвинея, Сан-Томе и Принсипи, Габон, Конго, Заир (ДРК), Ангола
Восточная Африка (14)	Эритрея, Эфиопия, Джибути, Сомали, Кения, Уганда, Руанда, Бурунди, Танзания, Коморские Острова, Сейшельские Острова
Южная Африка (15)	Южная Африка, Намибия, Ботсвана, Свазиленд, Лесото, Замбия, Замбия, Малави, Мозамбик, Мадagascar, Мадагаскар, Реюньон
Северная Америка (Англо-Американ) (16)	Канада, США
Центральная Америка (17)	Мексика, Гватемала, Гондурас, Сальвадор, Коста-Рика, Панама, Белиз, Никарагуа
Карибская Америка (18)	Острова в Карибском море
Английская Америка (19)	Венесуэла, Колумбия, Эквадор, Перу, Боливия
Тропическая Южная Америка (20)	Бразилия, Парагвай, Гвиана, Суринам, Гайана
Умеренная Южная Америка (21)	Аргентина, Чили, Уругвай, Фолклендские о-ва
Австралия (22)	Австралийский Союз, Новая Зеландия
Океания (23)	Острова в Тихом океане

Рис. 5.7⁹

Для региональных тенденций характерна, прежде всего, тенденция увеличения количества двусторонних и многосто-

⁹ Довгань Г. Д. Экономическая и социальная география мира / http://geographer.ucoz.net/_ld/0/21_Geografia_10_kl.pdf. С. 7.

ронних связей между странами, принадлежащих к одному и тому же региону. Авторы одной из авторитетных публикаций, выделяют следующие регионы, которые составляют пространственную конфигурацию современных процессов регионализации (рис. 5.6, 5.7).

При этом архитектура анализа системы противодействия угрозам национальной безопасности является лишь основой для стратегического прогноза, то есть другого типа архитектуры и главной исходной составляющей для третьего типа архитектуры — стратегического планирования. Поэтому для удобства разделим их на следующие основные сервисы:

- сервис «системная архитектура анализа» («а»);
- сервис «системная архитектура прогноза» («п»);
- сервис «системная архитектура планирование» («пл»).

5.2. Системная архитектура стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности

Системная архитектура стратегического планирования строится на основе «Блока II» Центра, то есть на той информации, которая получена, систематизирована и проанализирована в «Блоке I». Предполагается, что технологическая архитектура «Блока I» — стратегическое планирование — не будет содержать традиционных для всех технологических структур публичных инфраструктур (интернет, телекоммуникационные сети, электронный обмен и т. д.), то есть они будут «выключены» из общественной сферы и публичного влияния. Они будут опираться только на обработанную информацию (анализ и прогноз), полученную от «Блока I». Такая архитектура может выглядеть следующим образом: рис. 5.8.

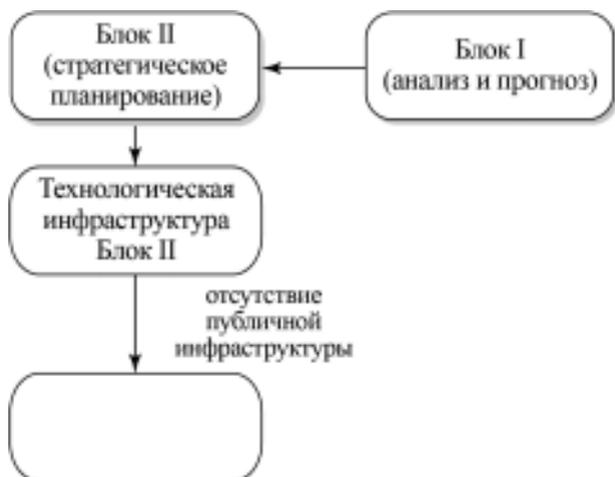

Рис. 5.8

Такая архитектура — стратегическое решение, принимаемое высшим руководством, которое может влиять на процесс и результаты стратегического планирования непосредственно через формулирование основных целей и задач для долгосрочного стратегического планирования. В этом случае стратегическое планирование исходит не из результатов экстраполяции и приспособления к стратегическому прогнозу, а от постановки задач высшим военно-политическим руководством страны, которое будет исходить из:

- полученных результатов стратегического прогноза;
- формулирования национальных целей, основанных на системе национальных ценностей и интересов;
- национальных ресурсов.

Другими словами, главная задача стратегического планирования заключается в замене экстраполяции (или отсутствия планирования) политическим и идеологическим планированием, в основе которого лежит четкий анализ и достоверный стратегический прогноз.

5.3. Требования к технологической архитектуре системы анализа, прогноза и стратегического планирования

Технологическая архитектура — частная архитектура системы, определяющая ее ИКТ-инфраструктуру, аппаратное и системное программное обеспечение узлов сети и каналов связи, в том числе операционные системы и программное обеспечение промежуточного слоя, конкретные стандарты ИКТ и правила, которые будут использоваться при технологической реализации системной архитектуры. Требования к технологической архитектуре системы анализа, прогноза и стратегического планирования существенно отличаются от традиционных требований государственных и корпоративных структур по следующим параметрам:

- *во-первых*, прежде всего уровнем принимаемых политических решений и их последствиям для государства, нации, общества и вооруженных сил, то есть качеством информационно-аналитического обеспечения;
- *во-вторых*, конфиденциальностью, степенью закрытости принимаемых решений и даже отдельных, промежуточных этапов их подготовки;
- *в-третьих*, оперативности подготовки информации, требуемой для внесения корректив в существующие планы;
- *в-четвертых*, независимостью, защищенностью от влияния не только внешнего, но и внутреннего, информации и результатов анализа, прогнозов и особенно стратегического планирования.

Технологическая архитектура — частная архитектура системы, определяющая ее ИКТ-инфраструктуру: аппаратное и системное программное обеспечение узлов сети и каналов

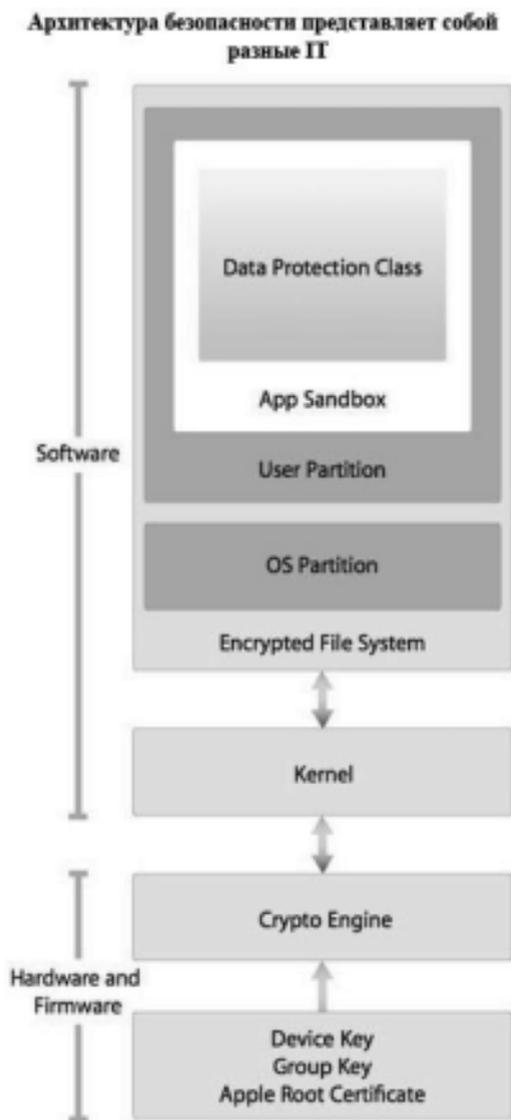

Рис. 5.9

связи, в том числе операционные системы и программное обеспечение промежуточного слоя, конкретные стандарты ИКТ и правила, которые будут использоваться при технологической реализации системной архитектуры, а также архитектур данных и программного обеспечения. При этом надо учитывать, что обрабатываются ежедневно не просто огромные массивы информации, насчитывающие миллиарды единиц, но и главной задачей становится интеграция всех источников информации в едином центре. В США, например, в разведывательное сообщество (Intelligence Community — IC) входят не только 16 национальных разведок, но и 1271 государственные организации, 1931 коммерческие компании и более 850 тыс. граждан США¹⁰ (не говоря уже об информации союзников США и их служб). Специально для решения этой задачи в США было создано Управление перспективных исследовательских проектов Национальной разведки США (Intelligence Advanced Research Projects Activity — IARPA).

Методологии и технологии и системного проектирования информационных систем посвящено достаточно работ, опубликованных в России в последние десятилетия¹¹. Учитывая особые требования к информационной безопасности, технологическая архитектура системы анализа и стратегического планирования представляет собой отдельную задачу, которая может быть представлена следующим образом: рис. 5.9¹².

¹⁰ Венчурные фонды. М.: МФТИ. 2013. С. 10.

¹¹ См., например: Ипатова Э.Р. Методологии и технологии системного проектирования информационных систем. Учебник. М.: Флинта, 2008. 256 с.; Бойченко А. В. Основы открытых информационных систем. 2-е изд. М.: МГУЭС, 2004. 160 с.

¹² <http://cdn.macworld.co.uk/cmsdata/news/3362110/iOS-security.jpg>

**Глава VI.
Методический
аппарат¹ анализа,
прогноза и стратегического
планирования мер
противодействия угрозам
национальной безопасности**

¹ **Методический аппарат** — зд. набор алгоритмов и процедур, предназначенных для решения конкретных задач.

Если методология — это стратегия научных исследований, то метод — тактика, показывающая как лучше всего идти этим путем

Будущее не предопределено.
Нет судьбы, кроме той, что мы творим²
*редакторы русского перевода книги
Венчурные фонды*

Аппарат — как специальная система процедур и функций — имеет особенно важное значение, для военно-политического анализа, прогноза и планирования. Методический аппарат анализа и стратегического планирования противодействию угрозам национальной безопасности представляет собой широкий набор алгоритмов и процедур, предназначенных для постановки и решения конкретных теоретических и прикладных задач. Этот методический аппарат можно определить как методы направленные на исследование следующих областей:

- методы анализа военно-политической обстановки (ВПО) и более общего контекста — международной обстановки (МО);
- методы прогноза развития МО и ВПО;
- методы стратегического планирования МО и ВПО.

Каждый из методов предполагает в свою очередь, ответы на многочисленные вопросы, которые, учитывая специфику области исследования, динамично меняются. Научно обоснованные

² Венчурные фонды. М.: МФТИ. 2013. С. 20.

методы анализа, прогноза и стратегического планирования в целях противодействия угрозам национальной безопасности имеют огромное значение, прежде всего, потому, что уменьшают значение и вероятность субъективных фактов в процессе подготовки и принятия решений, имеющих колоссальные военно-политические и социально-экономические значения. Обоснованность и аргументированность тех или иных решений прямо зависит от качества научной проработки вопроса и адекватности избранного научного метода решения того или иного вопроса.

6.1. Требования к структуре и содержанию методик анализа, прогноза и стратегического планирования в области противодействия угрозам национальной безопасности

Структура и содержание методик стратегического планирования в области противодействия угрозам национальной безопасности состоят в следующем:

1. Используемый методический аппарат оценки военной безопасности базируется на экспертно-аналитических методах определения уровней конфликтности военно-политических отношений и соотношения потенциала Российской Федерации с потенциалами других субъектов военной политики. На этой основе оценивается уровень военных угроз и производится учет возможности парирования этих угроз мерами стратегического сдерживания и невоенными мерами.

По остаточному потенциалу военной угрозы делается заключение об уровне военной безопасности Российской Федерации. Использование разрабатываемой методологической базы в интересах планирования военного строительства в Российс-

кой Федерации будет осуществляться следующим образом. На плановый период задается требуемый уровень военной безопасности. С использованием соответствующей частной методики осуществляется прогнозирование:

- сценариев развития военно-политической и стратегической обстановки;
- возможного характера военных конфликтов.

Это позволит определить уровни конфликтности и прогнозные варианты потенциала субъектов военной политики. На этой основе для каждого рассматриваемого сценария определяются задачи и требования к силовым компонентам военной организации государства, варианты требуемого боевого состава мирного и военного времени для Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, а также требования к их системе вооружения и мобилизационным ресурсам.

2. Далее осуществляется расчет потребности в ресурсах для придания силовым компонентам военной организации государства требуемого облика и прогнозируются ресурсно-экономические возможности государства. При их соответствии оцениваемый вариант развития военной организации государства включается в систему исходных данных планирования военного строительства. В случае несоответствия потребностей ресурсного обеспечения имеющимся возможностям уточняются задачи и требования к силовым компонентам военной организации государства (за счет корректировки мер стратегического сдерживания, применения невоенных мер для снижения конфликтного потенциала военно-политических отношений) или требования к уровню военной безопасности государства. Затем рассмотренные процедуры повторяются. Методический аппарат оценки военной безопасности Российской Федерации устанавливает входную информацию и результаты использования частных методик, составляющих основу методологической базы планирования военного строительства.

3. Методический аппарат прогнозирования сценариев развития военно-политической, стратегической обстановки и возможного характера войн и вооруженных конфликтов с участием Российской Федерации предназначен для обоснования значений основных показателей состояния и развития военно-политической, стратегической обстановки на текущий и прогнозный период, оценивания военно-политического и стратегического характера военных угроз и возможных военных конфликтов. Прогнозирование и оценка сценариев развития военно-политической обстановки в мире и отдельных его регионах осуществляются в интересах выявления угроз военной безопасности государства и составляют первый этап управленческого процесса, связанного с принятием важнейших решений в области обороны Российской Федерации. Сложность военно-политической обстановки как объекта исследования, недостаточность и неопределенность исходных данных для анализа ее составных частей требуют использования методов морфологического и корреляционного анализа располагаемой информации, последовательных приближений, квалиметрии, теории вероятности и математической статистики, теории нечетких множеств и др.

Результатами прогнозирования сценариев развития военно-политической обстановки будут являться источники и угрозы военной безопасности Российской Федерации, конкретизированные для каждого из указанных сценариев и обобщенные по всем сценариям с учетом вероятности их возникновения.

Методика прогнозирования сценариев развития стратегической обстановки должна позволять оценивать совокупность факторов и условий, складывающихся в войне, на театре военных действий (ТВД) или стратегическом направлении в определенное время и влияющих на подготовку и выполнение вооруженными силами стратегических задач. Такая информация дает возможность высшему политическому и военному руководству государства принимать обоснованные решения на

ведение стратегических операций, строительство группировок войск (сил) на стратегических направлениях и развитие компонентов военной организации Российской Федерации.

В качестве исходных данных для расчетов указанная методика будет использовать данные об имеющихся и прогнозируемых источниках и угрозах военной безопасности Российской Федерации, наиболее вероятных сценариях развития военно-политической обстановки в мире и другую информацию.

Результатами прогнозирования сценариев развития стратегической обстановки с использованием разрабатываемого методического аппарата будут являться прогнозы возможных военных конфликтов с участием Российской Федерации, прогнозы возможных сценариев военных действий, а также возможный боевой состав группировок вооруженных сил потенциальных противников и союзников Российской Федерации.

Методика прогнозирования возможного характера войн и вооруженных конфликтов с участием Российской Федерации будет позволять на основе прогнозируемых сценариев военных действий, возможного боевого состава группировок вооруженных сил потенциальных противников и союзников Российской Федерации и другой информации определять основные существенные характеристики военных конфликтов с участием Российской Федерации, включая такие параметры, как масштаб военного конфликта, степень участия военно-политических блоков и использования коалиционных группировок, основная сфера вооруженного противоборства, уровень использования оружия на новых физических принципах, роботизированных комплексов, глобальных сетевых автоматизированных систем управления войсками (силами) и оружием, разнообразных способов не прямых действий, основные объекты поражения и др.

Получаемые результаты являются исходными данными для методик определения задач и требований к Вооруженным Силам Российской Федерации, другим войскам, воинским формированиям, органам, другим компонентам военной организации

государства. От обоснованности и достоверности результатов оценивания показателей состояния и развития военно-политической, стратегической обстановки на текущий и прогнозный период, оценивания военно-политического и стратегического характера военных угроз и возможных военных конфликтов существенным образом зависит объективность и целесообразность рекомендаций по строительству военной организации Российской Федерации, формированию её перспективного облика.

4. Методический аппарат определения содержания задач и требований к военной организации Российской Федерации и ее компонентам должен включать инструментарий для проведения анализа существующей нормативной правовой базы, устанавливающей перечень задач в сфере обороны для ВС РФ, других войск, воинских формирований и органов, а также порядок привлечения для решения этих задач специализированных структур научного и производственного комплексов Российской Федерации. Другие задачи и требования к компонентам ВОГ, актуальные для рассматриваемого планового периода, целесообразно определять на основе прогнозируемых сценариев военных действий, возможного боевого состава группировок вооруженных сил потенциальных противников и союзников Российской Федерации, выявленного характера будущих войн (вооруженных конфликтов).

5. Методический аппарат военно-стратегического обоснования требуемого состава и численности ВС РФ, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований должен представлять собой формализованное описание процесса определения рационального варианта состава и численности силовых компонентов военной организации государства. Рациональный вариант предлагается выбирать по сформированному в ходе проведения исследований критерию из множества возможных вариантов состава и численности ВС РФ, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований, удовлетворяющих требованиям

по успешному выполнению этими компонентами ВОГ задач по предназначению. Для каждого рассматриваемого варианта должна осуществляться военно-стратегическая оценка прогнозируемых результатов выполнения военной организацией государства в целом и ее компонентами задач по предназначению с использованием методического аппарата оценивания военной безопасности Российской Федерации.

6. Методический аппарат тактико-технического обоснования облика системы вооружения ВС РФ, других войск, воинских формирований и органов должен включать методы и методики:

- обоснования требований к подсистемам вооружения силовых компонентов военной организации государства на основе результатов военно-стратегического обоснования требуемого состава ВС РФ, других войск, воинских формирований и органов, требований к ним и задач по предназначению;
- обоснования рациональных направлений развития вооружения, военной и специальной техники на основе прогнозируемых достижений в отечественной и зарубежной науке, технике и технологиях;
- прогнозной оценки сроков, стоимости создания и достигаемых значений основных характеристик перспективных образцов вооружения, военной и специальной техники;
- обоснования предложения по направлениям решения важнейших научно-технических проблем в области развития вооружения, военной и специальной техники.

7. Методический аппарат ресурсно-экономического обоснования облика военной организации Российской Федерации имеет тесную взаимосвязь с методическим аппаратом военно-стратегического обоснования требуемого состава и численности ВС РФ, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований и должен представлять собой формализованное описание процесса определения варианта облика военной организации государства, удовлетворяющего

требованиям ресурсно-экономической реализуемости. При этом для варианта облика военной организации государства, сформированного в результате военно-стратегического обоснования, определяется объем ресурсов, необходимый для его реализации, и производится сравнение требуемого и имеющегося в течение планового периода объемов ресурсов. По результатам сравнения делается суждение о возможности реализации рассматриваемого варианта облика военной организации государства и при необходимости повторения процедур военно-стратегического и ресурсно-экономического обоснования облика военной организации государства, определяются рациональные варианты ограничения на используемые ресурсы.

Методический аппарат определения потребностей мобилизационной подготовки и мобилизации в Российской Федерации должен объединять методы и методики обоснования мобилизационных потребностей в людских ресурсах, транспортных ресурсах, вооружении, военной технике и других материальных средствах, потребностей мобилизационной подготовки экономики Российской Федерации, федеральных органов государственной власти, непосредственной подготовки к переводу и перевода Российской Федерации на условия военного времени. Критерии и показатели оценки потребностей мобилизационной подготовки и мобилизации в Российской Федерации должны являться составной частью методического аппарата оценивания военной безопасности Российской Федерации.

8. Методический аппарат определения возможностей научно-производственной базы Российской Федерации по выпуску продукции военного назначения в мирное и военное время предполагается построить применительно к основным видам продукции военного назначения, существенно влияющим на успешность выполнения ВС РФ, другими войсками, воинскими формированиями и органами задач по предназначению, разграничивая возможности научно-производственной базы Российской Федерации по ее выпуску применительно к условиям

мирного и военного времени. При этом полагаем целесообразным оценить негативное влияние на указанные возможности различных факторов, включая несовершенство нормативной правовой базы в сфере обороны, использование комплектующих и технологической оснастки зарубежного производства, ограниченность квалифицированного персонала и др.

9. В интересах единства замысла разработки методик и формата представления к их структуре и содержанию предъявляются следующие основные требования:

- 9.1. Для обеспечения глубины проработки и простоты восприятия конечными пользователями структура методики в обязательном порядке должна включать следующие основные элементы:
 - описание решаемой задачи и замысел ее решения с организационным порядком проведения необходимых работ;
 - вербальная и математическая постановки решаемой задачи, с описанием алгоритма ее решения;
 - описание входных и выходных параметров.
- 9.2. Требования по содержанию структурных элементов методики должны быть определены соответствующим шаблоном. При этом с учетом необходимости единства формата представления к каждой из методик предъявляются общие требования по стилистике оформления основных ее элементов.
- 9.3. Для получения требуемых выходных параметров методика должна в своей основе содержать общепризнанные научные методы и основания, которые в существующих условиях развития военной организации государства являются актуальными и применимыми, а также по возможности позволяющими обеспечить оперативность проведения необходимых расчетов, простоту их освоения и проведения конечным пользователем.
- 9.4. В части информационных массивов исходных данных, используемых методикой для получения требуемой

выходной информации, необходимо дать характеристику источника получения информации, в описании которого в зависимости от его характера (нормативный правовой документ, субъект процесса планирования военного строительства, методика, статистические данные) указать:

- нормативный правовой документ — реквизиты документа (когда и кем утвержден);
- методика — наименование и реквизиты методики (когда и кем утверждена, а также разработчик методики);
- субъект процесса планирования военного строительства — наименование органа (организации) с указанием реквизитов официального получения данных (когда, исходящий);
- статистические данные — реквизиты используемых материалов.

9.5. В интересах интегрирования в существующую информационно-аналитическую среду поддержки принятия управленческих решений в рассматриваемой предметной области, при разработке методики необходимо предусмотреть возможность ее программной реализации.

6.2. Логическая структура и основные общенаучные методы анализа, прогноза и стратегического планирования мер противодействия угрозам национальной безопасности

Отсутствие у М. Горбачева и Б. Ельцина знания научных методов управления, включая анализ, прогноз и планирование, изначально привело к трагическим последствиям для безопасности СССР и других стран, развалу ОПК СССР и России. В их

основе лежали неверные политико-идеологические предпосылки, в частности, о милитаризации экономики СССР и России, ее «перенапряжении» и пр., некоторые из которых сохранились до настоящего времени. С научной точки зрения они абсолютно не соответствовали действительности. Следующая таблица дает представление о месте ОПК СССР в структуре народного хозяйства в 1990 году³.

Удельный вес ОПК в основных макроэкономических показателях СССР, 1990 г., %

Наименование показателя	Значение показателя
Общие расходы на оборону от ВВП	7,55
Для сравнения, аналогичный показатель для США	5,9
Общие расходы на оборону от национального дохода	11,1
Для сравнения, то же для США	5,8
Основные производственные фонды (ОПФ) ОПК от стоимости ОПФ в целом по народному хозяйству	6,4
ОПФ ОПК от стоимости ОПФ в промышленности	12,6

Как мы видим, ОПК предстает отнюдь не как некий «всепожирающий монстр», высасывающий все соки из экономики. К тому же следует учитывать, что в границах ОПК была сосредоточена подавляющая доля производства некоторых товаров народного потребления, таких, как телевизоры, фотоаппараты, велосипеды, пылесосы и т. д. По мнению серьезных зарубежных исследователей, размеры милитаризации советской экономики были не столь чудовищными, как это

³ Составлено автором по: Фадеев В. В. Конверсия как она есть // Вопросы экономики и конверсии. 1993. Вып. 3. С. 32–33.

могло показаться с первого взгляда. 12% продукции ОПК во внутреннем валовом продукте и 12% от общего количества занятых в обрабатывающей промышленности — это совсем неплохой показатель для такой страны, как СССР⁴. Наконец, следует помнить, что некоторые страны с более милитаризованной экономикой, например, Израиль, демонстрируют немалые экономические успехи⁵.

Существующий методический аппарат анализа и стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности стремительно развивается и совершенствуется. В целом он отражает сложившиеся теоретические и методологические положения в российской военной науке, и его логическая структура выглядит следующим образом:

⁴ См. подробнее: Толкачев С. Л. Взгляд на отечественный ВПК в свете западного опыта // Конверсия. 1993. № 2.

⁵ Кузык Б. Н., Кушлин В. И., Яковец Ю. В. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономика, 2011. С. 319.

В интересах анализа, прогноза и стратегического планирования необходимо использовать самый широкий круг методик и методов⁶ научного исследования. Применительно к анализу, прогнозу и планированию мер противодействия угрозам национальной безопасности можно отнести следующие общенаучные методы⁷ исследования военно-политической проблематики:

наблюдение — как способ познания, основанный на непосредственном восприятии предметов и явлений при помощи органов чувств без вмешательства в процесс со стороны исследователя. Этот метод имеет важное значение как при сборе и оценке военно-политической информации, так поведения и действий лиц, принимающих важнейшие политические, военные и экономические решения. Этот метод широко используется дипломатами, разведчиками и учеными;

сравнение — это установление различия между объектами материального мира или нахождение в них общего; осуществляется как при помощи органов чувств, так и при помощи специальных устройств;

счет — это нахождение числа, определяющего количественное соотношение однотипных объектов или их параметров, характеризующих те или иные свойства;

измерение — это физический процесс определения численного значения некоторой величины путем сравнения ее с эталоном;

эксперимент — одна из сфер человеческого практики, в которой подвергается проверке истинность выдвигаемых гипотез или выявляются закономерности объективного мира;

⁶ **Метод** — зд. путь исследования, способ достижения какой-либо цели, решение конкретной задачи.

⁷ **Научные методы** — зд. система правил и предписаний по анализу, прогнозу и планированию создания и развития мер противодействия угрозам национальной безопасности.

обобщение — определение общего понятия, в котором находит отражение главное, основное, характеризующее объекты данного класса;

абстрагирование — это мысленное отвлечение от несущественных свойств, связей, отношений предметов и выделение нескольких сторон, интересующих исследователя;

формализация — отображение объекта или явления в знаковой форме какого-либо искусственного языка (математики, химии и т. д.);

аксиоматический метод — способ построения научной теории, при котором некоторые утверждения принимаются без доказательств;

анализ — метод познания при помощи расчленения или разложения предметов исследования на составные части;

синтез — соединение отдельных сторон предмета в единое целое;

индукция — умозаключение от фактов к некоторой гипотезе (общему утверждению);

дедукция — умозаключение, в котором вывод о некотором элементе множества делается на основании знания общих свойств всего множества;

аналогия — метод, посредством которого достигается знание о предметах и явлениях на основании того, что они имеют сходство с другими;

гипотетический метод познания предполагает разработку научной гипотезы на основе изучения физической, химической и т. п., сущности исследуемого явления, формулирование гипотезы, составление расчетной схемы алгоритма (модели), ее изучение, анализ, разработка теоретических положений.

исторический метод познания предполагает исследование возникновения, формирования и развития объектов в хронологической последовательности;

идеализация — это мысленное конструирование объектов, которые практически неосуществимы;

системные методы: исследование операций, теория массового обслуживания, теория управления, теория множеств и др.

Кроме того, при анализе, прогнозе и стратегическом планировании важно использовать методы частных наук — специфические способы познания и преобразования отдельных областей реального мира, присущие той или иной конкретной системе знаний (социология — социометрия; психология — психодиагностика). Методы как прием, способ и образ действий (методы практической деятельности) включают в себя способы воздействия, совокупность приемов, операций и процедур подготовки и принятия решения, организации его выполнения.

Для выбора методов на каждом этапе необходимо знать общие и конкретные возможности каждого метода, его место в системе исследовательских процедур. Задача исследователя состоит в том, чтобы для каждого этапа исследования определить оптимальный комплекс методов.

Все методы, используемые в научном познании, можно разделить на **общенаучные** и **специальные** методы.

К **общенаучным методам** относятся методы, используемые во всех областях науки — обобщение, дедукция, абстрагирование, эксперимент и др.

Специальные методы применяются в конкретной области науки, так, например, в юриспруденции применяется метод правового моделирования, в экономике — методы экономико-математического моделирования и т. д.

Общенаучные методы подразделяются на две основные группы: теоретические методы и экспериментальные методы. Группой методов, объединяющих признаки обеих групп, являются теоретико-эмпирические методы. Существует ряд других классификаций методов исследования.

К **теоретическим методам** исследования относятся: метод восхождения от абстрактного к конкретному, метод идеализации, метод формализации и другие.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному заключается в условном расчленении объекта исследования, описании его свойств при помощи множества понятий и характеристик, превращая в совокупность зафиксированных мышлением абстракций, односторонних определений. Затем восстанавливается сам объект, он воспроизводится во всей своей многогранности, но уже в процессе мышления.

Метод идеализации. Данный метод используется для упрощения сложных систем и процессов, что позволяет исключить из рассмотрения те свойства и отношения объектов, которые мешают понять сущность изучаемого процесса. Для этого мысленно конструируются идеальные объекты, не существующие в реальности.

Метод формализации заключается в отображении содержания и структуры исследуемого объекта в знаковой форме: математических символах, химических и физических формулах и т. д.

К **экспериментальным методам** исследования относятся методы: наблюдения, моделирования, сравнения и др.

Метод наблюдения опирается на работу органов чувств человека и позволяет получить объективную информацию о поведении объекта исследования в естественных условиях.

Эксперимент как метод подразумевает изучение того или иного явления в чистом виде и позволяет исследовать свойства объектов исследования как в естественных, так и в экстремальных условиях. Эксперимент с целью проверки его результатов может повторяться.

Метод сравнения позволяет выявить сходства и различия предметов и явлений действительности.

Метод моделирования заключается в построении модели исследуемого объекта и исследовании его свойств на базе построенной модели.

К **эмпирическо-теоретическим методам** исследований относятся методы аналогии, абстрагирования, дедукции и др. Метод аналогии предполагает на основе установления сходства

между несколькими предметами по ряду существенных признаков наличие у одного из предметов исследования конкретного признака.

Метод абстрагирования позволяет исключить из рассмотрения при выполнении исследований несущественные характеристики объекта и сосредоточиться на наиболее значимых характеристиках объекта.

Метод индукции позволяет на основе эмпирических данных сформировать теоретические знания и основан на опытах и экспериментах.

Метод дедукции позволяет теоретически обосновать полученные индуктивным путем выводы, снимает их гипотетический характер и превращает в достоверные знания.

В самые последние годы на Западе и в России появилось много разработок, которые вносят существенные, даже принципиальные коррективы в методические инструменты исследований. Это связано, прежде всего, с резко усиливающимися возможностями в их использовании. Речь идет о появлении огромных массивов информации (миллиарды сообщений ежедневно) и баз данных, в том числе и в социальных сетях. В частности, даже в России «информационный взрыв» свидетельствует о том, что объем информации будет продолжать увеличиваться в будущем.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ВЗРЫВ - ГЕНЕРАЦИЯ КОНТЕНТА В МИРЕ:

- Классические СМИ - **1 млн** документов в сутки;
- Пользовательский контент (твиты, блоги, форумы, соцсети, отзывы, комментарии) – свыше **1 млрд** в сутки;
- Ежегодный прирост - 25%.

РОССИЯ:

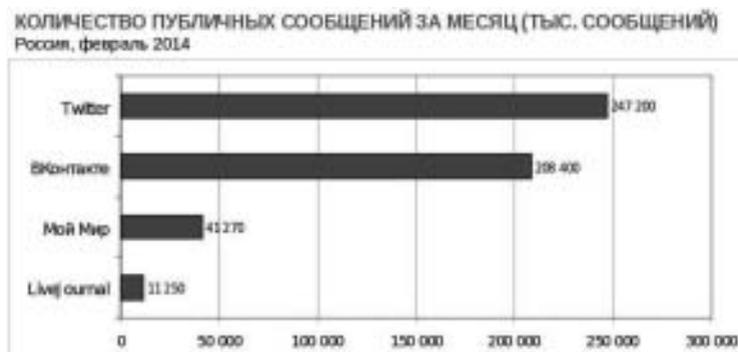
- **30 млн** сообщений в сутки (350 сообщений в секунду);
- Активная аудитория (хотя бы 1 публичное сообщение в месяц) - **35 млн** человек.

В индустрии информатизации наблюдаются интересные и важные закономерности:

- производительность вычислительных средств удваивается каждые 18 мес.;
- пропускная способность линий связи удваивается каждые 18 мес.;
- число пользователей информационных сетей удваивается в течение 12 мес.

За первые 35 лет развития информатики производительность оборудования для обработки информации увеличилась в 1 млн раз, а стоимость обработки снизилась в 100 млн раз по отношению к ручному счету. Специалисты прогнозируют дальнейшее снижение стоимости вычислений и снижение стоимости передачи сигналов по линиям связи при увеличении скорости передачи⁸.

Эти же данные позволяют аналитикам по-новому взглянуть на возможности стратегического прогноза и планирования.

⁸ Карминский А. М., Черников Б. В. Методология создания информационных систем: учебное пособие / А. М. Карминский, Б. В. Черников. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИД «Форум»; ИНФРА-М, 2012. С. 47.

6.4. Системы и методы управления рисками при подготовке мер противодействия угрозам национальной безопасности

Основа эффективного обеспечения безопасности любого объекта — создание достоверной модели угроз безопасности, содержащей ранжированные по выбранным показателям угрозы безопасности и их источники, а также определяющей возможные последствия от реализации этих угроз — вред, ущерб. В общем случае модель угроз безопасности — информационная модель, содержащая совокупность сведений, характеризующих состояние безопасности объекта при возникновении определённых опасных событий, процессов, явлений, а также отношений объекта с внешним миром.

По способу представления эти модели относятся, как правило, к вербальным информационным моделям, формирующимся в описательном виде в результате логических умозаключений и сопоставительного анализа при структуризации и определении взаимосвязи основных компонентов — в нашем случае источников угроз безопасности и объектов в части обеспечения их безопасности. Эти факторы требуют специфического подхода к методологии построения модели угроз безопасности, к выработке логики проведения сопоставительного анализа и формирования последующих утверждений⁹.

Важное значение, при анализе и стратегическом планировании имеет разработка теоретического и методического аппарата управления рисками как в случае с анализом ВПО, так и применительно к анализу ситуации в области национальной безопасности внутри собственной страны. В послед-

⁹ Королев В.И. Новиков А.А., Кузьмин А.П., Шориков А.Н. Методология построения модели угроз безопасности территориально-распределённых объектов // Технология техносферной безопасности. 2013. № 2 (48) / <http://ipb.mos.ru/ttb/2013-2/2013-2.html>

нем случае может быть использован опыт, например, оценки рисков МЧС.

Частоты опасных событий в России

Опасное событие	Частота, год
Техногенные чрезвычайные ситуации, в том числе:	(0,9 ... 1,2) 10
пожары и взрывы	350 ... 450
аварии на трубопроводах	60 ... 80
авиационные катастрофы	20 ... 40
крупные автомобильные катастрофы	120 ... 150
крупные крушения на железных дорогах	15 ... 20
гидродинамические аварии	4 ... 8
Природные чрезвычайные ситуации, в том числе:	200 ... 500
лесные пожары (площадь более 100 га)	100 ... 200
бури, ураганы смерчи, шквалы	80 ... 120
Биолого-социальные чрезвычайные ситуации	100 ... 150

Подход на основе анализа риска, как некоторой количественной оценки, особенно важен на региональном уровне, в первую очередь для регионов, где сосредоточен значительный потенциал опасных производств и объектов в сочетании со сложной социально-политической обстановкой и недостаточным финансированием.

Следует подчеркнуть, что в рамках технократической концепции, природный и техногенный риски измеряются вероятной величиной потерь за определенный промежуток времени. Заблаговременное предвидение (прогноз) риска, выявление влияющих факторов, принятие мер по его снижению путем целенаправленного изменения этих факторов с учетом

эффективности принимаемых мер и составляет суть управления риском.

В общем случае **управление риском** — это разработка и обоснование оптимальных программ деятельности, призванных эффективно реализовать решения в области обеспечения безопасности. Главный элемент такой деятельности — процесс обеспечения безопасности. Главный элемент такой деятельности — процесс оптимального распределения ограниченных ресурсов на снижение различных видов риска с целью достижения такого уровня безопасности населения и окружающей среды, какой только возможен с точки зрения экономических и социальных факторов. Этот процесс основан на мониторинге окружающей среды и анализе риска.

Согласно другому определению управление риском — это основанная на оценке риска целенаправленная деятельность по реализации наилучшего из возможных способов уменьшения рисков до уровня, который общество считает приемлемым, исходя из существующих ограничений на ресурсы и время. Для управления риском обычно используется подход, основанный на субъективных суждениях и игнорирующий социально-экономические аспекты, которые в значительной степени определяют уровень безопасности личности и общества. Научный подход к принятию решений в целях устойчивого развития общества, т. е. обеспечения безопасности человека и окружающей его среды в условиях повышения качества жизни каждого индивидуума, требует взвешенного и непредвзятого мышления, основанного на количественном анализе риска и последствий от принимаемых решений. Эти решения принимаются в рамках системы управления риском.

Важной составной частью этого управления является система управления рисками чрезвычайных ситуаций (или управления природной, техногенной и социальной безопасностью населения). Для управления рисками чрезвычайных ситуаций следует развивать:

- систему мониторинга, анализа риска и прогнозирования чрезвычайных ситуаций как основы деятельности по снижению рисков чрезвычайных ситуаций;
- систему предупреждения чрезвычайных ситуаций и механизмы государственного регулирования рисков;
- систему ликвидации чрезвычайных ситуаций, включая оперативное реагирование на чрезвычайные ситуации, технические средства и технологии проведения аварийно-спасательных работ, первоочередного жизнеобеспечения и реабилитации пострадавшего населения;
- систему подготовки руководящего состава органов управления, специалистов и населения в области снижения рисков и уменьшения масштабов чрезвычайных ситуаций.

Структура системы управления природными и техногенными рисками в масштабе страны или на конкретной территории имеет вид, изображенный на рисунке 6.1.

Структура системы включает следующие основные элементы:

- становление уровней приемлемого риска, исходя из экономических и социальных факторов, построение механизмов государственного регулирования безопасности;
- мониторинг окружающей среды, анализ риска для жизнедеятельности населения и прогнозирования чрезвычайных ситуаций;
- принятие решений о целесообразности проведения мероприятий защиты;
- рациональное распределение средств на превентивные меры по снижению риска и меры по уменьшению масштабов чрезвычайных ситуаций;
- осуществление превентивных мер по снижению риска чрезвычайных ситуаций и уменьшению их последствий;
- проведение аварийно-спасательных и восстановительных работ при чрезвычайных ситуациях.

Анализ риска для населения и территорий от чрезвычайных ситуаций основан на использовании различных концепций, методов и методик см. рис. 6.2.

Методический аппарат анализа риска

Рис. 6.2

В настоящее время используются следующие концепции анализа риска:

- техническая (технократическая) концепция, основанная на анализе относительных частот возникновения ЧС как способе задания их вероятностей. При ее использовании имеющиеся статистические данные усредняются по масштабу, группам населения и времени;
- экономическая концепция, в рамках которой анализ риска рассматривается как часть более общего затратно-прибыльного исследования. В последнем риски, есть ожидаемые потери полезности, возникающие вследствие некоторых событий или действий. Конечная цель состоит в распределении ресурсов, таким образом, чтобы, максимизировать их полезность для общества;
- психологическая концепция концентрируется вокруг исследований межличностных предпочтений относи-

тельно вероятностей с целью объяснить, почему индивидуумы не вырабатывают свое мнение о риске на основе средних значений; почему люди реагируют согласно их восприятию риска, а не объективному уровню рисков или научной оценке риска;

- социальная (культурологическая) концепция основана на социальной интерпретации нежелательных последствий с учетом групповых ценностей и интересов. Социологический анализ риска связывает суждения в обществе относительно риска с личными или общественными интересами и ценностями. Культурологический подход предполагает, что существующие культурные прототипы определяют образ мыслей отдельных личностей и общественных организаций, заставляя их принимать одни ценности и отвергать другие.

В рамках технократической концепции после идентификации опасностей (выявления принципиально возможных рисков) оценивается их уровень и последствия, к которым они могут привести, то есть вероятность соответствующих событий и связанный с ними потенциальный ущерб. Для этого используют методы оценки риска, которые в общем случае делятся, на феноменологические, детерминистские и вероятностные. Феноменологический метод базируется на определении возможности протекания аварийных процессов, исходя из результатов анализа необходимых и достаточных условий, связанных с реализацией тех или иных законов природы.

Детерминистский метод предусматривает анализ последовательности этапов развития аварий, начиная от исходного события через последовательность предполагаемых стадий отказов, деформаций и разрушений компонентов до установившегося конечного состояния системы. Вероятностный метод анализа риска предполагает как оценку вероятности возникновения аварии, так и расчет относительных вероятностей того или иного пути развития процессов. В настоящее время этот метод считается одним из наиболее перспективных для применения.

Методический аппарат прогноза риска чрезвычайных ситуаций

Рис. 6.3

Исследование риска для населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на основе вероятностного метода позволяет построить различные методики оценки риска. В зависимости от имеющейся (используемой) исходной информации это могут быть методики следующих видов:

- статистическая, когда вероятности определяются по имеющимся статистическим данным (при их наличии);
- теоретико-вероятностная, используемая для оценки рисков от редких событий, когда статистика практически отсутствует;
- эвристическая, основанная на использовании субъективных вероятностей, получаемых с помощью экспертного

оценивания (используется при оценке комплексных рисков от различных опасностей, когда отсутствуют не только статистические данные, но и математические модели либо модели слишком грубы, т. е. их точность низка).

Методический аппарат прогноза риска чрезвычайных ситуаций представлен на рисунке 6.3.

6.5. Анализ и стратегический прогноз международной и военно-политической обстановки в XXI веке: основные выводы

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы относительно перспектив развития ВПО в мире и эволюции военной доктрины России до 2030–2050 годов. В качестве главного вывода работы, в заключении, предлагается вариант «Военной доктрины России до 2050 года» как базовый документ военной политики страны, стратегического строительства, утверждаемый в качестве Федерального Закона РФ и являющийся обязательным для исполнения всеми ветвями власти.

К основным выводам, сделанным в результате анализа современной ВПО и перспектив развития стратегического планирования до 2050 годов, можно отнести следующие:

1. Долгосрочное военное стратегическое планирование является производной частью существующей военной доктрины как системы представлений правящей элиты об эффективных способах и средствах силового обеспечения национальной безопасности. При этом к силовым способам и средствам обеспечения национальной безопасности военная доктрина относит как собственно военные средства и способы вооруженной борьбы, так и иные силовые средства и способы — информационные, кибернетические, организационные и иные.

2. Военная доктрина России второго десятилетия XXI века должна исходить не только из анализа современных

международных, военно-политических и внутривнутриполитических реалий МО и ВПО, но и из долгосрочного прогноза, который в свою очередь состоит из долгосрочных прогнозов трех основных тенденций:

- *во-первых*, развития международной и военно-политической обстановки, эволюции существующих и появления новых угроз и опасностей, оценки вероятного сценария развития ВПО в мире, Евразии и России, а также и ее потенциальных партнеров до 2030–2050 годов. Такой долгосрочный прогноз предполагает прогноз развития как ВПО, так и отдельных акторов — государств, международных, общественных и иных организаций;
- *во-вторых*, долгосрочного прогноза развития существующих и потенциальных средств ведения войны (ВиВТ), а также форм использования военной силы (военного искусства) в качестве внешнеполитического инструмента. Особенно важное значение имеет прогноз перспектив развития новейших технологий и других наиболее перспективных военно-научных и военно-технологических достижений, способных качественно изменить ВиВТ и способы их использования;
- *в-третьих*, способность правящей элиты к стратегическому прогнозу и выбору наиболее адекватных средств — политических, экономических, технологических, военных — нейтрализации внешних и военных угроз. Эта способность к стратегическому прогнозу и стратегическому планированию правящей элиты страны во многом обусловлена:
 - а) профессионализмом, опытом и способностью правящей элиты страны адекватно и своевременно оценить масштабы и характер угроз, четко сформулировать цели и задачи военной доктрины страны;
 - б) способностью правящей элиты точно определить требуемые в настоящее время и спрогнозировать на

будущее потребности в национальных ресурсах, возможностью если потребуется провести мобилизацию всех национальных ресурсов для обеспечения интересов национальной безопасности;

- в) способностью военно-политического руководства страны не только осознавать, но и разработать и реализовать необходимые решения и стратегию, обеспечивающие устойчивую защиту национальной системы ценностей и интересов.

3. Ключевое стратегическое направление в военно-политической деятельности — формирование военно-политической коалиции государств в Евразии во главе с «российским ядром» или центром силы.

Необходимо отчетливо понимать, что у России нет иного выбора, кроме как взять на себя инициативу формирования международной коалиции и центра силы в Евразии. Россия, обладающая исключительными природными ресурсами, территорией, геополитическим положением, включая контроль над важнейшими транспортными коридорами, а также уникальным историческим и культурным наследием, политическим статусом и иными атрибутами государства — цивилизации, не может быть ни частью «европейского», ни «американского», ни иного мира.

Она будет вынуждена либо сама стать мировым центром силы, либо будет дезинтегрирована территориально и культурно, исчезнет как суверенное государство, нация и цивилизация. Сохраниться, как нация она сможет только как великое государство и центр силы в Евразии, что неизбежно предполагает конкуренцию с другими мировыми центрами силы и невозможность её «интеграции» в иные системы ценностей.

Сказанное неизбежно означает, что эти положения должны лечь в основу Стратегии национальной безопасности и ее части — новой военной доктрины страны, — которая должна исходить из необходимости гарантии возможности силовой

(вооруженной и не вооруженной) защиты этой системы национальных ценностей и интересов.

4. Учитывая вышесказанное, ключевое значение приобретает стратегия евразийской интеграции. Принято считать в странах СНГ, что успех или неудача в процессе региональной (в том числе евразийской) интеграции зависит, прежде всего, от экономического сотрудничества. На самом деле в основе успешных интеграционных процессов лежат интересы более высокого — политического и военного — уровня, прежде всего в области национальной безопасности. Именно эти интересы объясняют наиболее успешный пример интеграции — создание Евросоюза. Можно напомнить и другой пример — интеграция в рамках Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) социалистических стран, в основе которой также лежала идея военно-политической интеграции стран Организации Варшавского Договора (ОВД).

Поэтому Стратегия национальной безопасности и Военная доктрина Российской Федерации должны исходить из того, что процесс реинтеграции на постсоветском пространстве и во всей Евразии может и должен стимулироваться процессами военно-политического и военно-технического сотрудничества, имеющих стратегическое значение. Наиболее актуальной областью практического продвижения военно-политической интеграции становится интеграция систем ПВО и ПРО, и в целом ВКО большинства евразийских государств, создания, в конечном счете объединенной, а затем и единой Евразийской ВКО.

5. Подписание в декабре 2012 года в Ашхабаде на саммите глав государств-членов СНГ ряда документов, прежде всего, решения по перспективным направлениям развития Объединенной системы противовоздушной обороны (ОС ПВО) СНГ — не случайно. Это тенденция, отражающая обеспокоенность евразийских государств стремительным развитием стратегического потенциала наступательных неядерных вооружений и ВТО и создания региональных компонентов глобальной ПРО США

и их союзников в Евразии. Более того, речь идет уже о создании не только объединенной, но и в перспективе единой (с единой системой управления) системы ВКО ОДКБ¹⁰ или СНГ.

6. С военно-политической точки зрения необходимо признать, что создание эффективной обороны территории России и ее союзников в Евразии и в мире неизбежно и не может быть компенсировано никакими политическими (односторонними инициативами «а-ля Э. Шеварднадзе»), дипломатическими (переговорами с США) или военно-техническими («асимметричными» мерами по развитию СНВ) мерами. Необходимо также признать, что такие попытки, сделанные с конца 1980-х годов советским и российским руководством, не привели ни к каким практическим результатам: США не только продолжали НИОКР в области ПРО, но и стали развертывать элементы глобальной ПРО и стратегический потенциал ядерных и неядерных вооружений, предназначенных для первого удара.

Переговоры по ограничению и сокращению вооружений являются для США, их союзников и других стран одним из средств повышения эффективности использования своей военной силы. Прежде всего, за счет ограничения возможностей потенциальных противников. В настоящее время этот вывод в полной мере относится к стремлению США ограничить и запретить ЯО и другие виды ОМУ, а также передачу критически важных технологий. Таким образом, переговоры по ограничению, сокращению и уничтожению вооружений являются частью военной доктрины и военной политики, предназначенные для получения односторонних преимуществ.

7. Политическая история СССР-России и история переговоров по ограничению и сокращению вооружений демонстрирует, что к их ведению необходимо подходить крайне осторожно. Подписание в 1975 году Заключительного акта ОБСЕ

¹⁰ Мухин В. Противоракетное содружество // Независимая газета. 2012. 7 декабря. С. 1–2.

в Хельсинки, например, дало толчок диссидентскому движению в Восточной Европе и России, а Договор по ПРО 1972 года лишь на время (необходимое для начала НИОКР) отсрочил идею создания глобальной системы ПРО, которая реализуется сегодня США.

Вместе с тем такие договоры и соглашения вызывали у советско-российской элиты иллюзии, которые, в конечном счете, повредили национальной безопасности. Так, дальнейшее сдерживание развития ВКО в России (как это было в 90-е гг. XX века) неизбежно приведет к тому, что в США в среднесрочной перспективе будет создан не только потенциал для нанесения «разрушающего» удара, но и потенциал, нейтрализующий уцелевшие силы ответного удара. Как минимум, это дестабилизирует ситуацию в мире, сделает военную силу вновь глобальным инструментом внешней политики США и НАТО.

России предстоит в короткие сроки наверстать потерянное время, не только восстановить НИОКР и кадровый потенциал ВКО, но и убедить потенциальных союзников в необходимости сотрудничества в области производства и развертывания систем ВКО и создании единой системы военно-политического управления ВКО континента. Это — реальная плата за иллюзии по отношению к ПРО.

6.6. Военно-стратегические выводы: изменение значения отдельных видов и родов ВС

Революционные политические, экономические и технологические изменения, произошедшие с конца 80-х годов XX века, радикально воздействовали на все области военного дела. Прежде всего, конечно, речь идет о военном искусстве, которое во втором десятилетии XXI века совершенно изменило свой характер. Прежде всего, свою взаимосвязь с политикой и эко-

номикой. Ни одна из войн и ни один из конфликтов XXI века не были похожи на войны и конфликты первой половины XX века. Не менее радикальные изменения произошли и в военно-технической области, прежде всего в качестве и боевой эффективности ВиВТ, которые в массовом порядке использовали новейшие достижения информационно-коммуникационного этапа НТР. Эти изменения начались еще в 1980-е годы, однако, в СССР не получили должного внимания¹¹.

Эти изменения охватили все области военного искусства и военного строительства, но, прежде всего, такие относительно самостоятельные рода войск, как ПВО, ПРО и ВКО. Стратегическая суть этих изменений заключается в том, что войны и конфликты XXI века непосредственно зависели от эффективности систем ПВО и ПРО. Первые «сигналы» этого появились еще в Афганистане в 1980-е годы, когда решение о поставке ЗРК «Стингер» моджахедам имело стратегическое значение¹².

Значение систем воздушно-космической обороны (ПРО–ПВО) вышло далеко за пределы развития одного вида и даже рода войск, превратившись в важнейший военно-политический и стратегический фактор МО и ВПО. Между тем недооценка этого фактора в российской военной политике продолжает сохраняться и во втором десятилетии XXI века, неизбежно ведя к стратегическим последствиям¹³. Вот почему необходимо особенно подчеркивать актуальность этого явления в современной ВПО и МО:

1. Создание структуры ВКО и ее оснащение новыми ВиВТ в России происходит медленно и не соответствует масштабам

¹¹ Об этом я не раз писал во второй половине 80-х годов. В частности в своей докторской диссертации «Значение систем боевого управления, связи и разведки в военной доктрине США. М.: Дипломатическая академия. 1989.

¹² См. подробнее: Подберезкин А.И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014. С. 13–63.

¹³ См. подробнее: Подберезкин А.И. Евразийская воздушно-космическая оборона. М.: МГИМО(У), 2013.

возможной угрозы для страны. Это связано, как с интересами ряда родов и видов вооруженных сил, так и с нерешенностью принципиальных доктринальных вопросов относительно оценки будущих военных угроз, отсутствием качественного стратегического прогноза и системы стратегического планирования, как в общенациональном масштабе (о чем свидетельствует, в том числе и соответствующее поручение В. Путина МО и Генштабу), так и в военно-политической и военно-промышленной областях. Как следствие, требуется и корректировка Концепции ВКО, которая в 2013 году уже не отражает существующие реалии.

Значительно обострилась ситуация и с качеством человеческого потенциала не только в России, но и в ОПК и ВКО. Подготовка личного состава ВВКО требует ежегодно более 1200 офицеров¹⁴. Иначе просто некому будет служить в тех 28 полках, где планируется развернуть С-400 к 2020 году.

Последние решения нового НГШ ВС России В. Герасимова о создании специальной рабочей группы, которая должна проанализировать силы и средства, входящие в ВКО, свидетельствуют о возможном пересмотре прежних решений¹⁵, которые необходимы практически во всех областях — от концептуальной проработки военной стратегии и корректив в Военную доктрину и Концепцию ВКО, до программ создания ВиВТ, которые должны исходить как из задач стратегического планирования, так и расширения возможностей российского ОПК.

2. Принципиальное значение имеет создание системы управления ВКО и четкое определение задач, стоящих перед силами и средствами ВКО России и ее союзников, чего до сих пор нет. Как отмечают эксперты, «...главные проблемы новых войск — не в их оснащении и не в недостаточной мощи огневой составляющей ПРО — ПВО. Дело в том, что уже в январе 2012 г. из публичного доклада самого генерала О. Остапенко не ожи-

¹⁴ Военно-космическая оборона? Продано! / <http://news.rambler.ru/16268534>

¹⁵ Сафронов И. Войскам воздушно-космической обороны подбирают командование / Коммерсант. 2012. 15 ноября.

данно выяснилось, что у России „в действующих на сегодня доктринальных документах нет четкого понятия системы ВКО“¹⁶.

И в этом — главная проблема, „теоретическая“ и „доктринальная“ пустота в определении:

- политического значения ВКО;
- его стратегического значения для безопасности страны;
- его интеграционно-внешнеполитического значения;
- его внутривнутриполитического значения как фактора, гарантирующего суверенитет страны;
- его научно-технического значения, как комплекса „прерывных“ технологий, составляющих главный стержень ОПК России;
- его внешнеэкономическое значение как главного продукта ВТС;
- его экономического значения как средства для „модернизационного рывка“ и т. д.

3. Сегодня в России существует пока что узкое понимание ВКО как одного из вида ВС, чье значение в военной области (судя по статусу командования, структуре, выделяемым ресурсам и т. д.) находится на уровне отдельных видов ВС, политическое и стратегическое значение не анализируется. Что, естественно, вполне определенно находит отражение в оценках военно-политического руководства страны. Так, бывший командующий О. Остапенко следующим образом давал характеристику ВВКО в 2012 году: „...под системой ВКО следует понимать развернутые на земле и на море, в воздушном и околоземном пространстве объединенные функциональными связями силы и средства, обеспечивающие защиту РФ и ее союзников от нападения с воздуха, из космоса и через космос“. Из такой собственной трактовки он же сам сформулировал и „совокупность задач“ нынешней и будущей ВКО, куда были включены:

¹⁶ Стукалин А. Войска воздушно-космической обороны России // Экспорт вооружения. 2012. № 3. С. 46.

- предупреждение о ракетном и космическом нападении, разведка космической обстановки и оповещение о ней войск;
- уничтожение боевых блоков межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок, уничтожение или функциональное подавление военных КА противника;
- предупреждение о воздушном нападении, разведка воздушной обстановки и контроль использования воздушного пространства, оборона важнейших объектов государственного и военного управления от ударов СВКН экономики и инфраструктуры, основных группировок войск и объектов Вооруженных сил;
- вскрытие радиоэлектронной обстановки, обеспечение радиоэлектронной защиты объектов ВКО.

Бывшему командующему ВКО, однако, придется признать, что между таким пониманием системы и такой совокупностью задач уже есть противоречия: перечисленная совокупность, вероятно, действительно сможет помочь защитить отдельные важнейшие объекты (как в ней прямо и сказано), но никогда не обеспечит защиту территории всей РФ и уж тем более ее союзников. По сути обнаружившаяся „вдруг“ в 2012 г. „доктринальная пустота“ в области ВКО России не может не вызвать, как считают эксперты, резонный и очень важный вопрос: неужели Концепция ВКО на период до 2016 г. и дальнейшую перспективу, не содержит в себе и намека на основные понятия и задачи системы? Тогда кто и для чего писал эту концепцию целых три года? Или положения документа, подписанного президентом В. Путиным в 2006 г., спустя шесть лет признаны устаревшими и неверными?»¹⁷.

4. Подобные характеристики войск ВКО не учитывают их важнейшие особенности — политические, стратегические, вне-

¹⁷ Стукалин А. Войска воздушно-космической обороны России // Экспорт вооружений. 2012. № 3. С. 47.

шнеполитические. Так, например, важно, чтобы при доработке стратегических документов и принятии организационных решений по ВВКО учитывались политические потребности интеграции в Евразии и перехода ВТС России с ее союзниками на новый уровень сотрудничества. Изначально необходимо проводить параллельно консультации с союзниками и партнерами, которые бы уже сейчас (как в случае с соглашением о размещении военной инфраструктуры на территориях стран ОДКБ) формировали единое пространство безопасности и сферу деятельности будущей объединенной ВКО.

Следует отдавать отчет в том, что процесс евразийской интеграции и ЕвразВКО зависит, во-первых, от адекватной оценки элитами этих государств ситуации в мире и развитии основных политических тенденций, а, во-вторых, от выбора ими вектора развития. Этот вопрос становится на постсоветском пространстве, в Евразии и в современной России центральным политическим вопросом, от решения которого будет зависеть, в том числе интеграция стран Евразии и развитие ЕвразВКО.

6.7. Кризис российской элиты и идентичности как ключевой элемент адекватности Военной доктрины России и стратегического планирования

Эта мысль, зафиксированная в Военной доктрине России в редакции 2010 года, — абсолютно неверная, ибо является прямо противоположной оценкой существующим реалиям в мире, а именно: каждый из центров силы (США, Евросоюз, Китай, Бразилия, Иран и т. д.), способный для ведения даже относительно самостоятельной политики опирается и продвигает свою систему ценностей, формирующую национальные интересы. Это сугубо идеологическая позиция,

которая вызывает неизбежный идеологический конфликт. Эти идеологические противоречия неизбежно трансформируются в политические, экономические и в конечном счете — военные. Естественно, что на этой политической основе невозможно заниматься стратегией ОПК до 2025 года, о которой в июне 2014 года сообщил журналистам первый замминистра Минпрома Г. Никитин¹⁸.

Очень яркий пример этому — конфронтация России с Украиной, основы которой десятилетиями создавали на Украине русофобские и антироссийские настроения. Очень любопытны в этом смысле идеологические приемы, которые использовались на Украине, в том числе уже и в 2014 году, в частности «план и карта Коломойского». На карте отмечены территории России, которые ранее в разное время принадлежали Украине. И вот Коломойский хочет вернуть их назад. Схема простая — референдум. Проверят схему на референдуме по присоединению Донбасса к Днепропетровской области. Это будет тест того, как такого рода референдум может пройти в России.

Логика плана Коломойского незатейлива: после Крыма у российского руководства нет юридических оснований запрещать референдум где-то в Ростове или Белгороде. Кроме того, в России уже сейчас миллион экономических проблем, народ сильно недоволен. Плюс Запад будет санкциями добивать. Так что шансы провести референдум есть — и очень большие. А стоит создать прецедент, как там все рассыплется. Калининград с удовольствием проголосует за присоединение к Германии. Кавказ, само собой, свалит. Дальше — Дальний Восток. Если не сами, то Китай поможет. Карелия стопроцентно проголосует за возврат в Финляндию... Вот такая картина маслом!

На «территории Коломойского» расположены части Ростовской, Орловской, Брянской областей и Краснодарского края,

¹⁸ Россия обзаведется стратегией развития «оборонки» до 2025 / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2014. 6 июня / <http://eurasian-defence.ru/>

а также в полном объеме Белгородская и Курская области Российской Федерации¹⁹. И это — отнюдь не шутка и не глупость, как может показаться на первый взгляд. Именно на таких глупостях воспитывалось более 25 лет украинское общество — последовательно, сознательно, системно и целеустремленно. Рождаемая ими политика нацелена на то, чтобы сконструировать идеологию и культурную основу для формирования враждебных протоэтносов как по периметру России — в Казахстане, на Кавказе, на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, Финляндии, — так и внутри РФ — на Юге, в Поволжье, на Урале и в Сибири, в Карелии и т. д.

Вот почему важно видеть ошибочность и практическую вредность подобных идеологических диверсий, планов и инициатив и сделать соответствующие выводы:

1. Современная российская элита разделена в подходах к решению этого вопроса на две основные группы. Первая из них, как и прежде, ориентирована на «европейскую систему ценностей», исходя из чего сама по себе евразийская интеграция (а тем более ее военно-политическая составляющая) не находит места в системе её политических приоритетов. В конечном счете, они отказывают России в собственной системе ценностей (идентичности) и национальных интересов. Политически это означает отказ от любых попыток формирования «российского ядра» в Евразии и контроля над национальными ресурсами территорий и транспортными коридорами.

Подобный выбор изначально означает готовность пойти на серьезные уступки, как в области национального суверенитета, так и национальных интересов. Эта группа со времен М. Горбачева настойчиво проводит политику, которая привела не только к развалу ОВД и СССР, но и неизбежно приведет

¹⁹ В Фейсбуке опубликовали «карту Коломойского» по аннексии российских территорий / Эл. ресурс: Обозреватель. 2014. 9 мая / <http://obozrevatel.com/politics/78462-v-fejsbuke-opublikovali-kartu-kolomojskogo-anneksii-rossijskih-territorij.htm>

к распаду России. Именно эта группа элиты является той социальной базой и той политической основой, которая готова идти на необоснованные компромиссы в переговорах с Западом и политические уступки. Это надо иметь в виду при реализации решений стратегического планирования и даже на стадии их подготовки.

«Совпадение» интересов этой части элиты с Западом не случайное явление. Оно отражает мировоззренческую и политическую позицию, которая активизируется в зависимости от степени влияния этой группы на процесс подготовки и принятия решений. Надо понимать, что уже на этой стадии дис-

Рис. 6.4²⁰

²⁰ Building a Framework for Assurance, Accountability, and Action. The 2014 nti nuclear materials security index, стр. 13 <http://ntiindex.org/wp-content/uploads/2014/01/2014-NTI-Index-Report.pdf>

куссии о военной доктрине и военном строительстве нередко появляются и отстаиваются «аргументы», фактически совпадающие с аргументами Запада. В частности, в последние годы активно обсуждается вопрос, регулярно поднимаемый США, о необходимости отказа от ядерного оружия и некоторых, прежде всего, ракетных технологий. И, надо сказать, достаточно успешно. В том числе и потому, что США используют все методы влияния и давления — от переговоров до санкций, — для того, чтобы добиться желаемых результатов. О том, что объективно процесс продвигается в желаемом для США направлении, свидетельствуют следующие данные: рис. 6.4.

Вторая группа элиты ориентирована на сохранение национальной идентичности, защиту национальных интересов и суверенитета, хотя из-за отсутствия четкой политической идеологии и других издержек эффективность ее влияния на политику страны, в том числе военную, справедливо ставится под сомнение. Запоздавшая смена руководства Минобороны продемонстрировала не только неэффективность государственного управления и запредельный уровень коррупции, но и фактический провал военной реформы. Этой группе национальной правящей элиты предстоит серьезная коррекция военной политики страны и исправления допущенных ошибок.

Противоречие между этими двумя группами элит отчетливо проявляются в вопросах создания и развертывания ВКО. Представители первой группы, как и во времена М. Горбачева и Б. Ельцина, продолжают настаивать фактически на отказе от создания национальной ВКО и, соответственно, на необходимости поиска союзников в Евразии. Они по-прежнему продолжают продвигать идеи «асимметричных» мер, под которыми, в конечном счете, предполагается свертывание НИОКР в области ВКО и отказ от массового производства соответствующих видов и систем ВиВТ. Они же настойчиво продолжают продвигать идею «компромисса» с США и НАТО, переговоров по ограничению и сокращению СНВ без учета

неядерного стратегического потенциала США и СЯС их союзников.

Представители второй группы правящей элиты с опозданием пришли к выводам относительно опасности такой политики СССР и России, но в последние годы пытаются перехватить инициативу. На их стороне — адекватность оценки существующих реалий и прежде всего характера возможной военной угрозы. Как и на общенациональном уровне, где происходит прямое противоборство этих групп в экономике, финансах, образовании, культуре и т. д., подобное противоборство существует и в области военной политики. В центре его находится вопрос о ВКО и евразийской интеграции.

2. Вслед за изменением соотношения сил в мире (процесс которого резко ускорился в XXI веке) происходит и резкое усиление борьбы за продвижение и силовое навязывание одними государствами своей системы ценностей другим государствам. Эта тенденция характерна для большинства государств: страны Евросоюза эволюционируют от защиты интересов к «защите ценностей», Китай после ноябрьского съезда 2012 г. КПК также делает акцент на такую политику. Но наиболее эффективно это делают США, которые смогли обеспечить свою политику не только «мягкой силой» (soft power), но и мощным военнокосмическим ресурсом — интегрированными наступательными и оборонительными вооруженными силами, способными фактически безнаказанно уничтожать политические, административные центры управления и инфраструктуры государств, сопротивляющихся такой политике. Гарантией от ответного удара служат современные системы ПРО и ПВО.

Примеры последних лет — Югославия, Ирак, Афганистан, Ливия, Сирия могут служить наглядной иллюстрацией этой стратегии. Очень показательна в этой связи стратегия нанесения Израилем ударов по ХАМАС в секторе Газа в ноябре 2012 года, когда точно уничтожались конкретные лидеры этой организации и ПУ ракет (операция «Облачный столп»), а созданная

система ПРО «Железный купол» обеспечила уничтожение большинства запущенных в сторону Израиля ракет²¹.

Поэтому любые, даже, казалось бы, частные аспекты военной политики, включая переговоры об ограничении и сокращении вооружений и военной техники, являются, в конечном счете, следствием этих новых реалий, т. е. ставки на силовое продвижение западной системы ценностей, обеспеченной мощным гуманитарным воздействием, который «подкреплен» интегрированным военным потенциалом в воздушно-космической области.

3. Новой геополитической реальностью становится формирование двух военно-политических центров силы — Китая и США, — которые будут не только соперничать, но и сотрудничать в ближайшие десятилетия. Масштабы сотрудничества и соперничества и их последствия трудно прогнозировать, но очевидно, что и первое, и второе может осуществляться за счет других стран, которые могут стать, в том числе и «разменной монетой» такого «соперничества–сотрудничества».

При этом надо иметь в виду, что стратегическое планирование в России, измеряемое десятилетиями, не должно ставиться в зависимость от китайских (или американских) политических деклараций. Политическая позиция может смениться быстро, иногда мгновенно. Достаточно привести пример того, как Великобритания в 1939 году (уже воюя с Германией) стала формировать экспедиционный корпус для вторжения на советский Кавказ. Или пример китайско-вьетнамской войны 1977 года, когда велись ожесточенные боевые действия между недавними союзниками.

Поэтому необходимо внимательно анализировать долгосрочные военно-политические, экономические и военно-технические тенденции, развивающиеся в государствах-лидерах реформирующих мировые центры силы. Так, в КНР, например,

²¹ Воробьев В. Столпометатели // Российская газета. 2012. 16 ноября. С. 8.

военные расходы остаются стабильными относительно ВВП (2%) и даже падают относительно госрасходов. Вместе с тем абсолютный рост очевиден потому, что он зависит, во-первых, от темпов роста ВВП, а, во-вторых, от роста доли всех госрасходов.

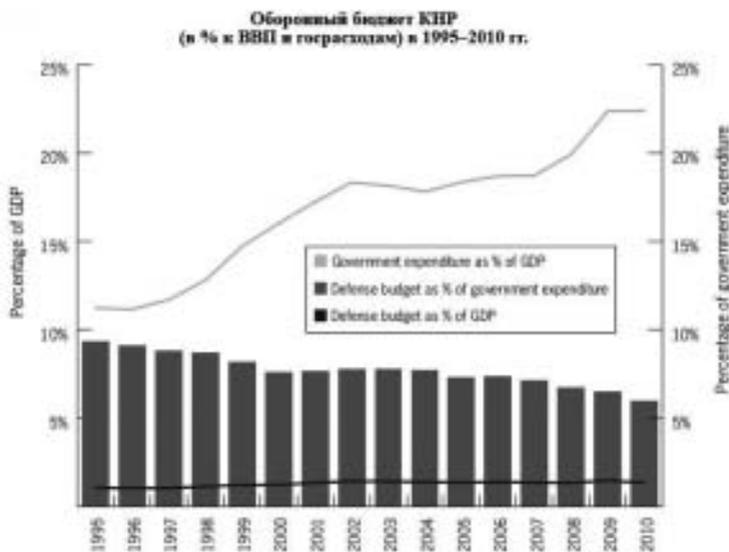

Рис. 6.5²²

В этой связи можно согласиться с некоторыми выводами авторитетного французского эксперта Ж.-Б. Пинателя, который полагает, что:

- «— Россия и Европа должны объединиться, чтобы контролировать евразийский хартленд;
- США делали и делают все возможное и невозможное, чтобы помешать этому;

²² China's Military & the U.S.-Japan Alliance in 2030 a strategic net assessment / National Bureau of Statistics, www.stats.gov.cn/english/statisticaldata/Yearlydata // Michael D. Swaine, Mike M. Mochizuki, Michael L. Brown, etc. / [http://carneqieendowment.org/files/net assessment full.pdf](http://carneqieendowment.org/files/net%20assessment%20full.pdf)

- и Китай, и США уже работают негласно совместно, чтобы поделить мир и не допустить появления третьего игрока;
- НАТО необходима в первую очередь для того, чтобы „раздражать“ Россию и предотвращать объединение Европы;
- внешняя политика США по-прежнему, как и предостерегал президент Д. Эйзенхауэр, во многом определяется интересами военно-промышленного комплекса»²³.

4. Силовое продвижение западной системы ценностей в отношении России предполагает не только изменение российской национальной системы ценностей, но и отказ, в конечном счете, от суверенитета и территориальной целостности. Это важно подчеркнуть для тех российских политиков и экспертов, которые, как и в горбачевские времена, наивно полагают (или делают вид?), что «России никто не угрожает». Подобная наивность, казалось бы, уже дорого обошлась СССР и России, но она продолжает оставаться «аргументом», иногда даже претендующим на научность.

5. Военная сила как политический инструмент Запада может быть по-прежнему использована в двух формах. Во-первых, для обеспечения политики с позиции силы что, безусловно, является доминирующим фактором в политике США, который становится особенно актуальным по отношению к современной ситуации в Евразии.

Использование военной силы приобретает все более сложный, не только военно-политический и военно-технический, но и гуманитарный характер. Как показали политические кризисы в Югославии, Египте, Сирии и на Украине, военная сила стала силовым фоном обеспечения эффективности применения других инструментов внешнего и внутреннего давления на руководство различных государств.

²³ Пинатель Ж.-Б. Россия — Европа: жизненно важный союз. Пер. с франц. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С. 10–11.

В этой связи особое значение приобретают информационные средства влияния и средства связи, которые превратились в реальные силовые инструменты политики. Причем, особое значение приобретают возможность собирать и обрабатывать огромные объемы информации в интересах силового воздействия, поиск новых вариантов решений, основанный на новых алгоритмах и программном обеспечении.

Data mining – “non-trivial extraction of implicit, previously unknown and potentially useful information from data”

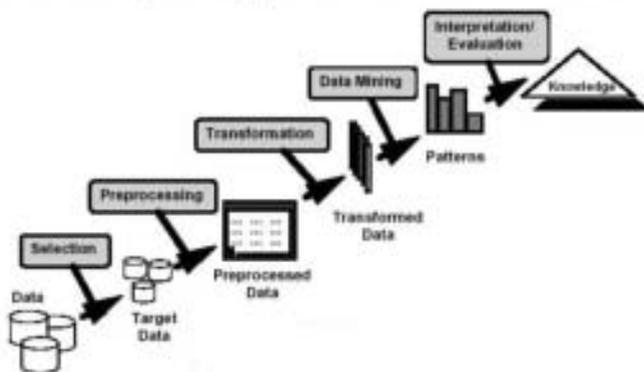

Рис. 6.6²⁴

Во-вторых, военная сила в ее прямой форме по-прежнему рассматривается как средство нанесения военного поражения и получения «традиционного» военного и политического результата. Хотя именно это и пытаются отрицать не только на Западе, но и в России. И там, и здесь некоторые продолжают утверждать, что «в новом мире захват прямого контроля над территорией и находящимися на ней ресурсами... действительно

²⁴ Data Mining for Cyber Threat Analysis Vipin Kumar, Army High Performance Computing Research Center Department of Computer Science, University of Minnesota / <http://www-users.cs.umn.edu/~kumar/Presentation/famu.ppt>

больше не работает»²⁵. Хотелось бы возразить им: если это действительно так, то зачем нужно было оккупировать Афганистан, а до этого Ирак и Югославию? Зачем нужны многочисленные базы за рубежом и широкая инфраструктура, содержание которых стоит десятки миллиардов долларов ежегодно? Наконец, практика США свидетельствует как раз об обратном. Сеть баз расширяется и модернизируется, а их дислокация приближается к районам потенциальных конфликтов. Даже сокращение войск США в Ираке и Афганистане отнюдь не означает, что они готовы уйти из этих стран.

И в первом, и во втором случаях использования военной силы речь идет, в конечном счете, не только о государстве — его территории, суверенитете, ресурсах, транспортных коридорах, — но и о существовании самой нации, ее самоидентификации, борьбе этносов в Евразии. «Размывание» национальной идентичности и суверенитета уже в действительности происходит во многих областях, что, естественно не может не беспокоить. Так, арест В. Бута, российских граждан в Ливии, «список Магнитского», явная поддержка из-за рубежа политической оппозиции и другие примеры свидетельствуют о том, что стратегия «демократизации» России осуществляется жестко и последовательно.

На этом фоне усилия российской власти обеспечить военно-техническое равновесие пока что выглядят не вполне убедительными. И не только в силу объективных причин — огромной разницы в военно-экономических потенциалах России и США, которая (учитывая потенциалы союзников) составляет десятки раз, — но и в силу субъективных причин. Прежде всего, ошибок военно-политического характера, которые стремительно нарастают с конца 80-х годов XX века.

Лишь во второй половине первого десятилетия нынешнего столетия ситуация стала медленно изменяться: некоторые

²⁵ Караганов С. А. Зачем оружие? // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 5. С. 11.

разрушительные тенденции были остановлены, а некоторые даже удалось исправить. Но, во-первых, эти исправления происходили медленно и нередко непоследовательно (что, кстати, характерно для систем ВКО), а, во-вторых, некоторые тенденции так и не удалось исправить до сих пор. В частности, если речь идет о реализации государственного оборонного заказа, приватизации военных активов, развитии кадрового потенциала (чего стоят одни реформы бывшего руководства МО в области военной науки), развитии НИОКР и т. д. В итоге, по свидетельству бывшего начальника ГОУ ГШ ВС РФ, «оснащенность современными вооружениями, военной и специальной техникой — три–пять процентов»²⁶.

6.8. Интеграция средств нападения и защиты в единый «наступательно-оборонительный» комплекс: новая роль ВКО

1. Во втором десятилетии XXI века продолжается стремительное превращение воздушного, космического и информационного пространства в единое поле боя, где не будет ни четких границ «по высоте», ни «по пространству», ни по информационному воздействию. Этот новый глобальный театр военных действий становится решающим, оттесняя на второй план традиционные пространства использования военной силы — сухопутные и морские. Соответственно, средства ведения военных действий в таком едином воздушно-космическо-информационном пространстве становятся ключевыми, решающими для победы. Такая интеграция неизбежно приведет

²⁶ Рукшин А. Некоторые итоги реформы Вооруженных Сил // ВПК. 2012. № 45(462) / <http://www.vpk-news.ru>

к интеграции государственного и военного управления стратегическими наступательными (ядерными и обычными) и оборонительными вооружениями (СНВ и ВКО), а также средствами информационного воздействия. Она должна учитываться не только в стратегических прогнозах и планировании, но и уже сегодня приниматься во внимание при бесконечных реорганизациях органов политического и военного управления страны.

Учитывая геополитическое положение большинства стран Евразии, этот процесс в наибольшей степени и быстрее всего затронет именно этот континент. Разрабатываются новые виды и системы ВВТ, концепции их использования именно с учетом переноса основного акцента в использовании — политическом и военном — военной силы в эту сферу, что превращает проблему защиты в наиболее актуальную проблему для евразийских государств. Они уже не могут гарантировать свою безопасность национальными средствами (кроме России, Китая и Индии в определенных масштабах). Поэтому будут вынуждены идти не просто на закупку ВВТ, но и на военно-политическую интеграцию, смену политики «разновекторности» на более определенно ориентированную политику по отношению к тем или иным странам.

Интеграция воздушно-космического и информационного пространства, с одной стороны, и наступательных, информационных и оборонительных систем, с другой, позволяет говорить уже сегодня, что традиционное деление на наступательные и оборонительные системы и военную технику устарело. Речь идет о формировании единого комплекса, в который входят как СЯС, так и системы ПРО, ПВО и обычные вооружения, способные решать стратегические задачи, а также средства РЭБ, СЦВ и другие информационные возможности. Признание этой тенденции означает, что происходит революционная ломка стратегии и концепции, традиционной организации вооруженных сил, систем управления, подготовки кадров, ВВТ, а главное — ментальности высшего политического и военного руководства.

По своим политико-психологическим последствиям этот процесс не менее радикален, чем появление в конце 1940-х годов ядерного оружия и стратегических средств его доставки. Это — революция не только в военном деле, но и в политике, и в дипломатии, включая переговоры по ограничению и сокращению вооружений. Так, сегодня уже нельзя игнорировать при переговорах об ограничении СНВ, как минимум, четыре фактора:

- стратегические неядерные вооружения;
- системы ВКО;
- стратегические потенциалы третьих стран;
- ВВТ, размещенные в космическом пространстве.

2. Пока что процесс интеграции в России проявляется на интеграции отдельных средств защиты. Это нашло свое отражение в создании в декабре 2011 года войск воздушно-космической обороны (ВКО) — принципиально нового рода войск, который предназначен для обеспечения безопасности России в воздушно-космической сфере. Причем нельзя сказать, что за прошедший год удалось сделать многое, исходя из тех задач, которые были поставлены перед ВВКО к декабрю 2011 года. Так, предполагалось, что Войска воздушно-космической обороны решают широкий спектр задач, основными из которых являются:

- обеспечение высших звеньев управления достоверной информацией об обнаружении стартов баллистических ракет и предупреждение о ракетном нападении;
- поражение головных частей баллистических ракет вероятного противника, атакующих важные государственные объекты;
- защита пунктов управления (ПУ) высших звеньев государственного и военного управления, группировок войск (сил), важнейших промышленных и экономических центров и других объектов от ударов средств воздушно-космического нападения (СВКН) противника в пределах зон поражения;

- наблюдение за космическими объектами и выявление угроз России в космосе и из космоса, а при необходимости — парирование таких угроз;
- осуществление запусков космических аппаратов на орбиты, управление спутниковыми системами военного и двойного (военного и гражданского) назначения в полете и применение отдельных из них в интересах обеспечения войск (сил) Российской Федерации необходимой информацией;
- поддержание в установленном составе и готовности к применению спутниковых систем военного и двойного назначения, средств их запуска и управления и ряд других задач²⁷.

Решение этих задач частично или полностью требует времени (которое ограничено для России 2020–2030 гг.) и средств (которые ограничены ГОЗ-2020 примерно в 3 трлн рублей). Но, главное, решение этих задач ограничено качеством национального человеческого потенциала (НЧП) страны, который требуется как для ОПК и ВВКО, так и для военно-политического руководства страны (пример смены руководства МО и ГШ очень примечателен).

3. Обеспечение надежной безопасности России, суверенитета и безопасности ее союзников в Евразии предполагает принятие решений для ускорения развития следующих тенденций:

- создание в России единой системы сдерживания потенциальных агрессоров, в которую входили бы как СНВ, так и системы ВКО, а также те неядерные ВиВТ и информационно-коммуникационные средства, которые будут способны обеспечить надежную защиту от угрозы воздушно-космического нападения как с помощью обычных, так и ядерных и информационных ВиВТ;

²⁷ Министерство обороны Российской Федерации: Войска воздушно-космической обороны / structure.mil.ru/structure/forces/cosmic.htm?fid=null&_print=true

- поэтапное развертывание системы ВКО (а не только ПВО) на территории России, Белоруссии и Казахстана и других государств Евразии, включая создание объединенной системы ВКО Евразии и (внутри ее) единой системы ВКО, управляемой из одного центра.

Объединенная ЕвразВКО должна обеспечивать не только гарантированную защиту традиционных стратегических объектов от воздушно-космического нападения, но и защиту евразийской инфраструктуры, прежде всего транспортных коридоров, коммуникаций, трубопроводов и политико-административных центров евразийских государств, а также приграничных акваторий морского пространства.

В определенном смысле эта идея аналогична тому, что делают сегодня в Персидском заливе США, где, по информации «The New York Times», «...США вместе с рядом арабских стран активизировали усилия по созданию в регионе укрепленного района системы противоракетной обороны для защиты месторождений углеводородов и перерабатывающей инфраструктуры от ракетной угрозы, исходящей от Ирана»²⁸.

В определенном смысле США показывают России конкретную цель и план действий по созданию евразийской ВКО. Конечно, можно игнорировать эти реалии. Для этого, как всегда, можно найти множество аргументов. Но следует понимать, что реальность такова: стратегические средства нападения и защиты неуклонно продвигаются Соединенными Штатами вглубь Евразии и, соответственно, приближаются к районам центральной России. «В регионе (Ближнего Востока) будут размещены американские радары раннего обнаружения, ракеты-перехватчики, а также единый командный и информационный центр, — пишут эксперты. В общую систему ПРО будут, также включены расквартированные на американских базах корабли

²⁸ Госдеп: США разместят ПРО в Персидском заливе // Взгляд. 2012. 10 августа / <http://vz.ru>

ВМС США, оснащенные зенитно-ракетными комплексами Aegis. Как отмечает New York Times, Пентагон уже поставил странам Персидского залива вооружений, оборудования и материалов на несколько миллиардов долларов»²⁹.

Объединенная ЕвразВКО должна стать частью более широкого политического соглашения, аналогичного Хельсинкскому Акту СБСЕ 1975 года, в котором она бы гарантировала суверенное право обеспечения военной безопасности национальных территорий. Тем более что ряд евразийских государств, прежде всего Китай и Индия, быстро продвигаются в этом направлении самостоятельно. Расширяется и двухстороннее сотрудничество. Так, США разрабатывают совместно с Японией противоракету SM-3ПА, которая будет состыкована с боевой информационно-управляющей системой «Иджис».

Индия уже добилась прогресса в разработке национальной двухуровневой системы ПРО, компонентами которой являются противоракеты AAD для перехвата баллистических ракетных носителей ядерного оружия в пределах земной атмосферы. Кроме этого, они создают заатмосферную ракету-перехватчик, базой для которой служит модифицированная баллистическая ракета «Prithvi». Уже сейчас, как считается, их система ПРО способна перехватывать ракеты противника с дальностью стрельбы до двух тысяч километров, а к 2016 году ей будет по силам сбивать ракеты с радиусом действия в пять тысяч километров.

Руководитель индийской Организации оборонных исследований и разработок /DRDO/ Виджай Кумар Сарасват признал, что создаваемая его подчиненными ПРО по возможностям уже вполне сопоставима с первыми вариантами американского комплекса «Patriot». На очереди новые модификации индийских противоракет и завершение работы над планом размещения

²⁹ Госдеп: США разместят ПРО в Персидском заливе // Взгляд. 2012. 10 августа / <http://vz.ru>

системы ПРО, который будет передан на утверждение правительству страны. Найдется ли в этих планах DRDO место сотрудничеству с американцами — это вопрос открытый. Во всяком случае, как следует из слов заместителя главы Пентагона Э. Картера, этого за океаном весьма хотели бы. Тем более, что индийцы в принципе не отвергают взаимодействие с иностранцами в сфере создания ПРО — участие в их программе принимает Израиль, оказывающий помощь в разработке РЛС раннего предупреждения о ракетном нападении³⁰.

4. Будущие переговоры об ограничении и сокращении СНВ, но и переговоры ДОВСЕ, переговоры о неразмещении оружия в космосе ставятся сегодня Россией в зависимость от темпов и эффективности развития будущих систем ВКО США и НАТО, с одной стороны, и самой России и государств Евразии, с другой. В случае отказа США от ограничений ВиВТ в области ВКО под реальной угрозой оказывается вся существующая практика переговоров по ограничению вооружений и военной деятельности.

Это может привести к бесконтрольному распространению ОМУ и современных военных технологий в мире, прежде всего, в Евразии, на которую приходится в XXI веке более 80% всех военных конфликтов. Стремительный рост военных расходов в АТР, а он более чем удвоился за последние 10 лет, наводит на мысль о том, что этот процесс уже не просто запущен, но он приобретает (уже приобрел?) необратимый характер. Фактически речь идет о том, что великие державы, прежде всего США, Япония и их союзники в АТР, переносят главный акцент в планах военного строительства на Евразию.

5. Требуется программа мобилизации национальных ресурсов в интересах быстрого развития возможностей ВКО России. Эта программа должна состоять из двух уровней:

³⁰ Котов Л. Индия и США: Возможно партнерство по ПРО? // ИТАР-ТАСС. 2012. 17 августа / <http://www.itar-tass.com>

- первого, отражающего развитие современной системы ПВО и ПРО и промышленности, где необходимы скорейшие меры по ее модернизации. Причем, не только отраслей ОПК, но и смежных гражданских отраслей, без которых отдельные отрасли ОПК развиваться не в состоянии;
- второго, интегрирующего все мощности и активы ОПК, предприятий изготавливающих ВВСТ к ВКО, в одной вертикально-интегрированной структуре с целью избежать дублирования, а также обеспечивающего форсирование НИОКР, в целом НЧП, рост необходимых финансовых и материальных ресурсов.

Глава VII.

**Предложения по порядку
создания системы анализа,
прогноза и стратегического
планирования
противодействия угрозам
национальной безопасности**

Планирование — одна из функций управления, которая представляет собой процесс обоснования приоритетных целей и рациональных путей их достижения. Оно обеспечивает основу для всех управленческих решений¹
*Аналитический доклад
Центр стратегических
оценок и прогнозов*

... значение качества подготовки личного состава — от рядового до генерала — стало решающим²
*А. И. Подберезкин,
профессор МГИМО*

Планирование — одна из функций управления, которая представляет собой процесс обоснования приоритетных целей и рациональных путей их достижения. Оно обеспечивает основу для всех управленческих решений³. С точки зрения национальной безопасности стратегическое планирование является:

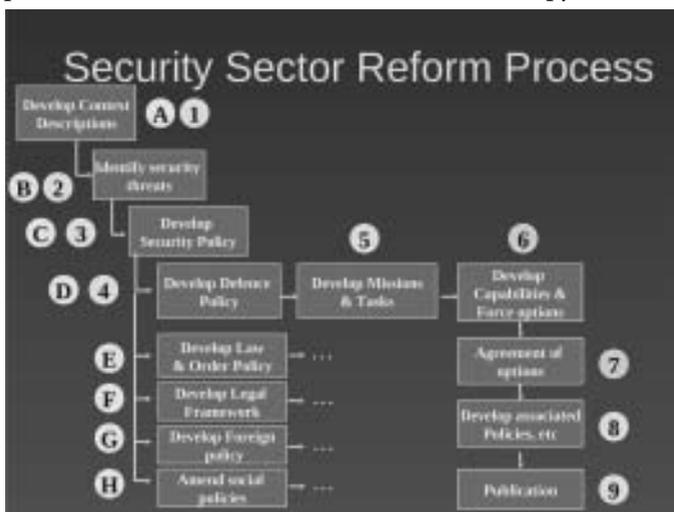
¹ Фомин А. Н., Крюкова С. А., Макаренко Г. А. Методический аппарат стратегического планирования комплекса мероприятий по созданию финансового центра / Аналитический доклад. Центр стратегических оценок и прогнозов. М. 2010. С. 75–77.

² Подберезкин А. И. Ответственность элиты // Вестник МГИМО(У). 2014. № 2. С. 226.

³ Фомин А. Н., Крюкова С. А., Макаренко Г. А. Методический аппарат стратегического планирования комплекса мероприятий по созданию финансового центра / Аналитический доклад. Центр стратегических оценок и прогнозов. М. 2010. С. 74–78.

- следствием формирующейся и будущей ВПО и соответствующих угроз, как внешних, так и внутренних;
- логическим продолжением общей национальной стратегии развития;
- собственное военное планирование становится следствием более широкого представления о стратегическом планировании в области национальной безопасности.

Это — общепринятая логика, которая позволяет минимизировать субъективные факторы и влияние отдельных групп давления при разработке долгосрочных программ. Это хорошо видно на примере соответствующей схемы долгосрочного планирования, описанной в докладе специальной группы НАТО.

7.1. Общие принципы построения системы стратегического планирования

Наиболее общим методом организации управленческой деятельности является стратегическое планирование. В первую очередь это обусловлено тем, что стратегическое планирование

предполагает формирование управленческих решений при более широком комплексе внешних условий, чем традиционное программно-целевое планирование — наличии большого объема важной неформализуемой информации, значительно более высокой степени неопределенности по целевым установкам и располагаемым ресурсам: административному, временному, силовому, информационному, финансовому, внешнеполитическому и т. д. Результатом стратегического планирования является не жесткое директивное планирование и управление, характерные для предшествующих десятилетий развития нашей страны, а более тонкое индикативное планирование, предполагающее изменение основных условий развития объекта управления без непосредственного вмешательства в его внутреннюю деятельность. Оно основано на выработке способов управления ситуацией не только директивными методами, но и посредством изменения законов деятельности объектов управления, перераспределения ресурсов в интересах изменения тенденций развития⁴.

Стратегическое планирование, также как программно-целевое, может пониматься не только в долгосрочном, но и в краткосрочном смысле — все зависит от динамики внешней системной среды: чем она выше, тем меньше горизонт планирования. При больших темпах изменения внешних условий стратегическое планирование может оказаться и краткосрочным, как это не кажется парадоксальным на первый взгляд. В этом случае все управляющие воздействия будут планироваться на небольшом промежутке времени, как правило, в начале очередного цикла планирования. Такое планирование сохраняет все главные атрибуты стратегического планирования: ориентация на конечную цель, преодоление неопределенностей за

⁴ Фомин А. Н., Крюкова С. А., Макаренко Г. А. Методический аппарат стратегического планирования комплекса мероприятий по созданию финансового центра / Аналитический доклад. Центр стратегических оценок и прогнозов. М. 2010. С. 74–78.

счет использования всех доступных видов информации (формальной и экспертной), привязка основной и промежуточных целей к ресурсам, выбор рационального варианта плана или программы действий.

Общей особенностью стратегического и программно-целевого планирования является четкое понимание конечной цели и подчинение всех имеющихся в распоряжении ресурсов ее достижению. Отличие методов стратегического планирования от обычно применяемых на практике методов формирования перечней взаимоувязанных мероприятий заключается в наличии дополнительных трех условий:

- формирование вариантов плановых решений осуществляется с помощью современных информационных технологий и средств вычислительной техники, это позволяет генерировать и анализировать значительно большее количество исходных вариантов будущих управленческих решений;
- из данного набора вариантов деятельности выбираются только те, которые могут быть реализуемы, таким образом, гарантируется, что затраченные усилия и ресурсы не будут израсходованы напрасно;
- из набора реализуемых вариантов далее выбирается рациональный по некоторому обобщенному показателю качества вариант, который обеспечивает достижение требуемого результата при минимальных усилиях и который будет в максимальной степени устойчив к отрицательным последствиям управленческих действий.

Бюджетное планирование — один из видов стратегического планирования, направленный на создание целевой программы деятельности организации в случае, когда определяющим развитием основным ресурсом является финансовый ресурс. В общем случае условиями, обуславливающими необходимость разработки бюджетного плана или целевой программы деятельности некоторой организации (министерства, ведомства, службы, фирмы и т. д.) являются:

Организация — Заказчик — должна решить большое количество задач, причем количественно определить важности (значимости) этих задач только формальными методами ввиду их сложности не представляется возможным. На решение задач выделяются ресурсы, общего количества которых недостаточно для полноценного решения всех задач. Для решения частных задач (достижения промежуточных целей) подключаются сторонние организации — Исполнители, в деятельность которых Заказчик вмешиваться не вправе или не в состоянии. Он может регулировать результаты деятельности Исполнителей (глубину и ширину проработки проблемных вопросов), только изменяя уровни их ресурсного обеспечения или нормативно-правую базу.

В этих условиях основная проблема Заказчика — рационально распределить общий выделенный ресурс (или ресурсы различных типов или поступающие из различных источников) на проработку частных вопросов в интересах получения максимально положительного эффекта по всему комплексу целевых

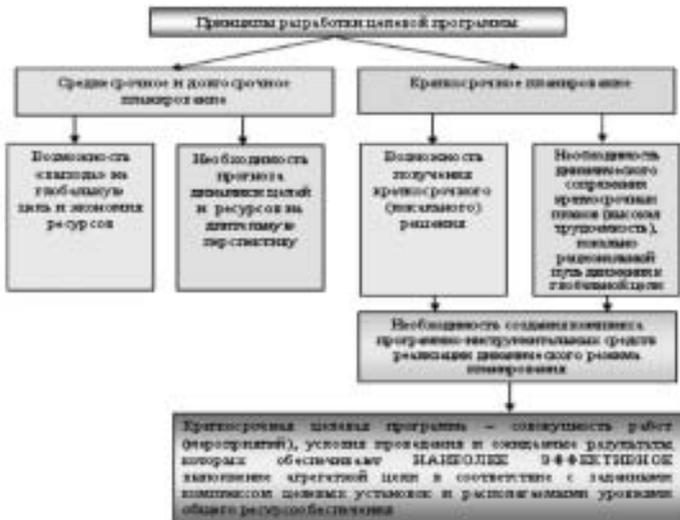

Рис. 7.1

установок с учетом их значимости. Иначе говоря, требуется увязать цели с ресурсами при помощи специальных инструментов — целевых программ. Поэтому с точки зрения системного анализа, любая целевая программа или бюджетный план — это звенья, связывающие цели и выделенные на их достижение ресурсы, способы рационального распределения общих ресурсов в соответствии с заданным комплексом целевых установок.

Первое, с чего следует начинать разработку целевых программ и бюджетных планов — определиться с принципом их формирования. Анализ показал, что в настоящее время существуют два принципиально различных подхода к формированию целевых программ и бюджетных планов (рис. 7.1).

В соответствие с первым подходом разрабатываются среднесрочные и долгосрочные программы и планы. Для разработки среднесрочных и долгосрочных целевых программ и бюджетных планов необходимо выполнение следующих дополнительных условий.

4а). Прогнозирование общих величин ресурсов, выделяемых на реализацию предусматриваемых целевой программой мероприятий, на длительный срок (обычно, не менее — 5–10 лет).

5а). Прогнозирование на этот же временной интервал параметров внешней системной среды (например, при разработке комплекса мероприятий по созданию МФЦ — прогнозирование динамики спроса на мировых рынках российской продукции, прогнозирование времен наступления следующих финансово-экономических кризисов, прогнозирование общих величин всех ресурсов, выделяемых на реализацию целевой программы).

6а). Формирование интегрального по времени, агрегатного показателя качества системы, для развития которой разрабатывается целевая программа (поскольку в одном показателе должны быть учтены особенности).

Как правило, такие процедуры прогнозирования очень сложно реализовать методически и практически, если внешняя

системная среда обладает большой динамикой. Поэтому разработка среднесрочных и долгосрочных целевых программ возможна только при условии получения результатов указанных прогнозов с приемлемой точностью в случаях наличия достаточно стабильных параметров внешней системной среды. Несомненное достоинство среднесрочных и долгосрочных целевых программ и бюджетных планов состоит в возможности сопряжения результатов различных мероприятий в длительной перспективе, оптимизации всего процесса развития системы, а не его отдельных этапов.

Альтернативный подход предполагает формирование совокупности краткосрочных целевых программ, общий срок действия которых перекрывает заданный горизонт планирования. В этом случае отпадает необходимость длительного прогнозирования ресурсного обеспечения и динамики целевых установок, неактуальной становится и проблема формирования интегрального по времени агрегатного показателя качества развития организации. Процесс планирования приобретает динамический характер: происходят периодические (в идеале — непрерывные) корректировки целевых установок и величин общих располагаемых ресурсов. Поэтому данный подход наиболее приспособлен при планировании в таких условиях, когда внешняя системная среда имеет высокую динамику или неопределенность (хаотичность).

При формировании краткосрочных целевых программ и бюджетных планов к первым трем указанным выше условиям необходимо учитывать следующие дополнительные условия:

4б). Исполнители работают практически независимо друг от друга. Результаты их деятельности реализуются Заказчиком на следующем этапе деятельности.

5б). По истечению характерного промежутка времени — срока действия краткосрочной целевой программы или плана (обычно — это промежуток времени между поступлением очередных порций общего финансового ресурса, то есть

примерно год) производится переоценка важности целей и формируется новая целевая программа деятельности Заказчика и соответствующий бюджетный план. При этом не исключается корректировка перечня выполняемых мероприятий (некоторые, проводимые ранее мероприятия, могут утратить свою актуальность и поэтому будут исключены на следующем этапе планирования; другие мероприятия, для проведения которых подготовлены все условия, напротив, могут включаться в новый перечень активных мероприятий).

6б). Необходимо формирование локального по времени агрегатного показателя качества системы, для развития которой разрабатывается целевая программа.

Основной недостаток данного подхода заключается в невозможности одновременного планирования всего объема работ (мероприятий). «Движение» к цели осуществляется не по глобально рациональному пути, а по локально рациональным отрезкам этого пути. Поэтому данный подход связан, вообще говоря, с большим общим расходом ресурсов на достижение конечной цели, чем первый. Вместе с тем, при высокой хаотичности внешней системной среды принцип краткосрочного динамического планирования остается практически единственным реализуемым принципом формирования целевых программ деятельности Заказчика.

Следует специально отметить, что такая схема динамического планирования оказывается наиболее пригодной в условиях системных кризисов, когда сложно прогнозировать изменения значимостей промежуточных целей и величин ресурсов, выделяемых на реализацию всей программы. В этом случае система краткосрочных целевых программ и планов развития остается практически единственным способом организации антикризисной деятельности Заказчика.

Принципиальным отличием краткосрочных целевой программы и бюджетного плана от обычного перечня работ (даже, если в этом перечне соблюдено требование соответствия всех

ресурсов их заданным общим величинам) является условие рациональности распределения ресурсов в интересах максимального соответствия предполагаемого результата поставленной обобщенной цели.

Таким образом, первый и самый важный этап в порядке создания системы анализа и стратегического планирования, заключается: во-первых, в подчинении этой системы непосредственно высшему военно-политическому руководству страны — Государственному Комитету Обороны во главе с его председателем, Президентом РФ. Во-вторых, в формализации процедуры сбора, обработки информации и подготовки рекомендаций с целью минимизации субъективных факторов. В-третьих, в глубокой проработке Стратегии национальной безопасности до 2050 г., которая должна стать основой для других документов — Стратегии внешней политики, Военной доктрины и др.

Ключевые показатели эффективности (*Key Performance Indicators, KPI*) — показатели деятельности подразделения (предприятия), которые помогают организации в достижении стратегических и тактических (операционных) целей. Использование ключевых показателей эффективности даёт организации возможность оценить своё состояние и помочь в оценке реализации стратегии. С переводом по смыслу слов *key* (ключевой, характеризующий степень достижения какой-либо цели, существенный для работы одной из областей деятельности компании) и *indicator* (индикатор, показатель) проблем не возникает, но слово *performance* невозможно однозначно трактовать, хотя технически, это «производительность, КПД».

Правильную формулировку можно найти в стандарте ISO 9000:2008. Он разделяет слово *performance* на два термина: результативность и эффективность. По стандарту, результативность — это степень достижения запланированных результатов (способность компании ориентироваться на результат),

а эффективность — соотношение между достигнутыми результатами и затраченными ресурсами (способность компании к реализации своих целей и планов с заданным качественным уровнем, выраженным определёнными требованиями — временем, затратами, степенью достижения цели). Слово *performance* объединяет в себе и результативность, и эффективность. Таким образом, правильным переводом термина КРІ будет «ключевой показатель результата деятельности», так как результат деятельности содержит в себе и степень достижения, и затраты на получение результата.

КПЗ — это инструмент измерения поставленных целей. Если показатель, который вы придумали, не связан с целью, то есть не образуется исходя из её содержания, тогда нельзя использовать данный КРІ. Технологии постановки, пересмотра и контроля целей и задач легли в основу концепции, которая стала основой современного управления и называется «Управлением по целям». Это — метод управленческой деятельности, предусматривающий:

- предвидение возможных результатов деятельности;
- планирование путей их достижения.

КРІ и мотивация персонала стали неразрывными понятиями, так как с помощью данных показателей (КРІ) можно создать совершенную и эффективную систему мотивации и стимулирования сотрудников компании. В зависимости от стратегии, компании различают разные КРІ. В основном их применяют для определения результативности работы административно- управленческого персонала. Например, в стратегической цели «увеличить средний доход на клиента с 10 рублей до 15 рублей на 2008 год» ключевым показателем эффективности является «средний доход на клиента». КРІ — это не ключевые факторы успеха. В приведенном выше примере ключевыми факторами успеха будет что-либо, что необходимо, чтобы достичь указанной цели, например, организация производства нового продукта.

- Ключевые показатели эффективности можно разделить на:
- *запаздывающие* — отражают результаты деятельности по истечении периода
 - *опережающие* — дают возможность управлять ситуацией в пределах отчётного периода с целью достижения заданных результатов по его истечении

К запаздывающим относятся финансовые показатели. Они демонстрируют связь с желаниями собственника и возможностями компании генерировать денежные потоки, однако в силу своего запаздывающего характера не могут описывать текущую эффективность подразделений и компании в целом. Оперативные (опережающие) показатели, рассказывают о текущей деятельности подразделений и компании в целом, параллельно и косвенно отвечая на вопросы о том, какие денежные потоки могут быть в будущем, а также каково качество процессов и продукции, степень удовлетворённости заказчиков.

Разработку КПЭ рекомендуется провести в несколько этапов

1. Предпроектные работы:
 - Получение одобрения и поддержки высших руководителей.
 - Инициация и планирование проекта.
 - Создание проектной группы.
 - Проведение предпроектного исследования.
2. Разработка методологии системы КРІ:
 - Оптимизация организационной структуры.
 - Разработка методической модели.
 - Разработка процесса управления компанией на основе КРІ
 - Разработка системы нормативно-методической документации (регламентация).
3. Разработка информационной системы КРІ:
 - Разработка ТЗ для настройки (программирования) информационной системы.

- Настройка (программирование) информационной системы.
 - Обучение пользователей.
 - Проведение опытной эксплуатации.
4. Завершение проекта. Ввод системы КРІ (методологии и информационной системы) в промышленную эксплуатацию. При разработке методологии КРІ важно акцентировать внимание на:
- Изменения корпоративной культуры и организация процессов;
 - Разработке целостной стратегии развития КРІ;
 - Разъяснении персоналу достоинств КРІ;
 - Идентификации общекорпоративных КФУ;
 - Выборе решающих КРІ для всей организации;
 - Разработке структуры отчетности для всех уровней;
 - Координации применения решающих КРІ;
 - Уточнении КРІ для поддержания их актуальности.

Принципы использования КПЭ состоят в следующем

1. Правило «10/80/10» — Каплан и Нортон рекомендовали использовать не более 20 КРІ. Хоуп и Фрейзер предлагают использовать не более 10. Самой лучшей рекомендацией из существующей практики является правило «10/80/10». Это означает, что организация должна иметь около 10 ключевых показателей результативности, до 80 производственных показателей и 10 ключевых показателей эффективности. Для подразделений Панов рекомендует использовать не более 10–15 КРІ, в противном случае менеджеры будут перегружены планированием, а руководство компании — «разбором полётов» по исполнению КРІ, которые не сильно влияют на результативность, как подразделения, так и компании.
2. Принцип управляемости и контролируемости. Подразделению, ответственному за определённый показатель, должны быть выделены ресурсы на его управление, а результат может быть проконтролирован.

3. Принцип партнерства. Успешное решение задачи повышения производительности требует установления эффективного партнерства между всеми заинтересованными лицами: совместная разработка стратегии внедрения системы, необходимость добиться понимания того факта, что требуются перемены.
4. Принцип перенесения усилий на главные направления. Повышение производительности требует расширения полномочий сотрудников организации, особенно тех, кто работает непосредственно на «передовой линии»: помощь сотрудникам, нуждающимся в повышении квалификации, обеспечение проведения тренингов, передачу ответственности на разработку собственных КПЭ, эффективное действие коммуникаций (горизонтальной и вертикальной)
5. Принцип интеграции процессов оценки показателей, отчетности и повышения производительности. Очень важно, чтобы менеджеры создали такую интегрированную схему оценки показателей и отчетности, которая стимулировала бы конкретные ответственные действия. Необходимо регулярно проводить отчетные совещания, по срокам, в зависимости от сложности решаемого вопроса.
6. Принцип согласования производственных показателей со стратегией. Показатели производственной деятельности лишены всякого смысла до тех пор, пока они остаются не привязанными к текущим критическим факторам успеха (КФУ), составляющим сбалансированную систему показателей (ССП), и стратегическим целям организации.

SMART-концепция

Буква	Значение	Пояснение
S	Specific (Конкретный)	Объясняется, что именно необходимо достигнуть. Например, «увеличить чистую прибыль собственного предприятия».

Буква	Значение	Пояснение
M	Measurable (Измеримый)	Объясняется в чем будет измеряться результат. «Сколько вешать в граммах?»(С). Если показатель количественный, то необходимо выявить единицы измерения, если качественный, то необходимо выявить эталон отношения. Например, «увеличить прибыль собственного предприятия на 25 %, относительно чистой прибыли текущего года».
A	Attainable, Achievable (Достижимый)	Объясняется за счёт чего планируется достигнуть цели. И возможно ли её достигнуть вообще? Например, «увеличить прибыль собственного предприятия на 25 %, относительно чистой прибыли текущего года, за счет снижения себестоимости продукции, автоматизации ресурсоемких операций и сокращения штата занятых на исполнении автоматизируемых операций сотрудников на 80 % от текущего количества». А вот совершить кругосветный круиз на резиновой уточке вряд ли удастся.
R	Relevant (Актуальный)	Определение истинности цели. Действительно ли выполнение данной задачи позволит достичь желаемой цели? Необходимо удостовериться, что выполнение данной задачи действительно необходимо. Например, если брать «сокращение штата занятых на исполнении автоматизируемых операций сотрудников на 80 %» в качестве отдельной подзадачи, которая также ставится по SMART, то сотрудников можно не увольнять, а перевести на иные должности, на которых эти сотрудники смогут принести компании доход, а не просто экономию. Если брать страховую компанию, то вместо увольнения, сотрудникам можно предложить продолжить работу в качестве агента, либо не расходовать средства на автоматизацию, а просто увеличить норму выработки.

Буква	Значение	Пояснение
T	Time-bound (Ограниченный во времени)	Определение временного триггера/промежутка по наступлению/окончанию которого должна быть достигнута цель (выполнена задача). Например, «К окончанию второго квартала следующего года увеличить прибыль собственного предприятия на 25 %, относительно чистой прибыли текущего года, за счет снижения себестоимости продукции, автоматизации ресурсоемких операций и сокращения штата занятых на исполнении автоматизируемых операций сотрудников на 80 % от текущего количества».

Достижение цели зависит от её формулировки, и первый шаг к успеху дела — правильно сформулированные цели. SMART-цели — умные цели.

Что такое цель? Цель — это то, к чему стремятся, чего хотят достигнуть; назначение, смысл предпринимаемых действий; желаемое на данный момент состояние какого-либо проекта в результате выполненной работы. Как необходимо ставить цели, чтобы они были достигнуты и с тем результатом, который вам необходим? Цели должны быть умными. Что это означает? В практике управления существуют так называемые SMART-критерии, которым должны соответствовать цели. SMART — это аббревиатура, образованная первыми буквами английских слов:

- конкретный (specific);
- измеримый (measurable);
- достижимый (attainable);
- значимый (relevant);
- соотносимый с конкретным сроком (time-bounded).

Само слово smart в переводе на русский и означает «умный». Таким образом, правильная постановка цели означает, что цель является конкретной, измеримой, достижимой, значимой и соотносится с конкретным сроком.

Конкретность

Ставя сотруднику задачу, прежде всего, нужно задать себе вопрос: что вы хотите получить в результате ее выполнения? Почему важен этот критерий? У вас в голове формируется свое видение результата выполнения задачи (идея один — И1). По ходу изложения цели у сотрудника формируется свое представление результата (идея два — И2). В итоге может получиться, что вы и сотрудник по-разному представляете себе одну и ту же цель (то есть И1 и И2). Чтобы этого не произошло, необходима обратная связь: нужно убедиться, правильно ли сотрудник понял поставленную перед ним задачу. То есть достичь однозначного понимания ответа на вопрос, что нужно получить в результате выполнения цели. При этом необходимо стремиться к тому, чтобы было как можно меньше понятий по умолчанию. Иначе возрастает риск не достичь того, что задумано, особенно в новых и нестандартных ситуациях.

Измеримость

Измеримость цели предполагает наличие критериев (измерителей), которые позволили бы определить, достигнута ли поставленная цель и в какой степени. Если нет измерителей, очень сложно оценить результаты проделанной работы и объективно контролировать процесс. В качестве критериев достижения цели можно использовать:

- проценты, соотношения (этот критерий применим к ситуациям, в которых есть возможность планировать и анализировать повторяющиеся события, например, при постановке цели увеличить объём продаж измерителем может выступить увеличение объёма продаж на 30 процентов);
- внешние стандарты (применимы в случаях, когда необходимо получить оценку со стороны, например, при выполнении задачи повысить уровень сервиса критерием ее выполнения явится позитивный отзыв клиента);

- частота происходящего (допустим, работа менеджера по продажам будет являться успешной, если каждый второй (третий, пятый) клиент повторно обратится к нему за услугой);
- средние показатели (этот измеритель можно использовать, когда нет необходимости прорыва в результатах деятельности, а нужно лишь обеспечить стабильность и поддерживать качество работы, например, три (пять, десять) посещения магазинов торговым представителем в месяц);
- время (за такой-то срок необходимо достичь таких-то результатов, например, увеличить объём продаж на 30 % за 6 месяцев);
- запреты (нельзя делать то-то и то-то, иначе последует наказание; это специфический критерий, но его иногда можно успешно использовать, например цель — снизить опоздания, критерий: за каждое опоздание — штраф);
- соответствие корпоративным стандартам (в организации разрабатываются свои стандарты, критерий соответствия: выполнять работу так, как принято у нас);
- утверждение у руководства (то есть «мне, руководителю, должно понравиться»; это может быть и субъективное мнение, однако, если сотрудник на момент постановки задачи знает, что используется именно такой критерий оценки, то он будет стремиться получить обратную связь в процессе выполнения работы, например, задача — разработать проект маркетинговых мероприятий не позднее 20 января, критерий — «утвердить у меня»).

Достижимость

При постановке задач необходимо учитывать профессиональные возможности и личностные качества своих сотрудников, то есть ответить на вопрос: как удержать баланс между напряженностью работы и достижимостью результата. В этом может механизм установки планки целей. Суть его заключается

в том, чтобы ставить цели сотрудникам соответствующие их опыту и индивидуальным особенностям. При этом не должна занижаться планка и сохраняться достаточно интенсивный ритм работы. В ситуации, когда необходимо повысить общие показатели работы коллектива, к сотруднику, имеющему и без того высокие результаты, и к сотруднику, который едва поспевает выполнять имеющиеся нормы, нужен разный подход. То же можно сказать и в отношении новых сотрудников и сотрудников, которые уже давно работают в компании. Более точная трактовка слова «достижимость» применительно к контексту цели, позволяет говорить о параметре «индивидуально-достижимая», то есть цель всегда должна вбрасывать риск и вызов, выводить человека (сотрудника) из зоны комфорта и погружать его в зону роста, при этом сохраняя способность реализоваться при приложении усилий со стороны человека (сотрудника).

Выделим несколько типов сотрудников в коллективе:

- опытный сотрудник, амбициозная «звезда»;
- опытный сотрудник, инициативный, в меру амбициозный;
- опытный сотрудник, приверженец стабильности, рутины;
- давно работающий сотрудник, безынициативный, неуверенный в себе;
- новый сотрудник, только что пришедший в компанию.

Второй вариант — постановка цели, при которой нужно увеличить результативность деятельности, на половину приблизившись к пределу возможностей. Такая задача подойдет тем членам коллектива, которые имеют длительный опыт работы в компании, успешно справляются со своими задачами, однако не ищут новизны и не стремятся выделиться. Прямая установка на повышение продуктивности труда хотя и может вызвать некоторое сопротивление со стороны сотрудника, но вполне выполнима в силу его компетентности.

При третьем варианте установки планки целей ставится задача значительно повысить показатели работы и приблизиться к предельным показателям. Опытные и инициативные

сотрудники, которые стремятся к карьерному росту, уже в силу желания добиться большего готовы к тому, чтобы работать более напряженно и достигать более высоких результатов.

И наконец, четвёртый вариант — постановка цели выше предела возможностей. Как уже можно сделать вывод, такая цель подойдет наиболее амбициозным и многого добившимся членам коллектива. Эти сотрудники имеют высокие результаты работы, но для того, чтобы оставаться первыми, им также необходимо повышать планку, ставить более трудные задачи по отношению к тем, что они уже решили.

Таким образом, учитывая опыт и индивидуальные особенности личности подчиненных, можно ставить им такие цели, чтобы при довольно напряженном ритме работы они могли достигать поставленных перед ними целей.

Значимость

Это следующий критерий постановки умных целей. Размышляя над тем, обладает ли задача значимостью, нужно ответить на вопрос, зачем сотруднику необходимо выполнить эту задачу, то есть, почему она важна с точки зрения целей более высокого уровня (вплоть до стратегических).

При формулировке цели необходимо заранее определять, для чего необходимо её выполнение. В банальном выражении необходимо самой цели задать один единственный вопрос: «Зачем?». Другим словом для проверки корректности и правильности формулировки цели необходимо проверить это бесконечным вопросом «Зачем?». Вот Вам пример: Вы ставите себе цель — Хочу зарабатывать X денег. При этом следует сразу же задать вопрос — Зачем? Ответ: Потом что-то себе куплю! Зачем? Чтобы что-то... ПОЧЕМУ? ... и так далее. В самом конце этой цепочки должен быть примерно следующий ответ: «Потому, что именно это сделает меня счастливым». Если именно это и сделает Вас счастливым, то Вы на правильном пути. Но в противном случае, если в конце этой цепочки Вы окунулись в неопределенность

и возникает вопрос, а действительно ли мне это надо, то нужно срочно что-то менять в формулировке поставленной цели, так как сходит на нет результат установленной цели. Проверку также можно сделать с помощью «проверки второй целью».

В целом стратегическое планирование противодействия угрозам национальной безопасности развивается в соответствии с логикой решения масштабных управленческих задач, содержание которых определяется результатами осмысления руководством страны военно-политической картины мира и ее динамики.

7.2. Новая Военная доктрина России как основа для адекватного стратегического прогноза и планирования

Можно согласиться с профессором И. Даниленко в том, что военная борьба в XX–XXI веке требует: интеллектуальной мощи; духовного одобрения; активной общественной поддержки. Именно эти фундаментальные требования к военной (вооруженной борьбе) в XXI веке должны быть заложены в Военную доктрину России. Пока же эта доктрина не является:

- ни отражением интеллектуальной мощи, повторяя определения и положения военной науки прошлого века;
- ни отражает национальной системы ценностей (даже не упоминая о них);
- ни учитывает решающую роль общественной поддержки и значения как всей военной организации страны, так и ее общественных институтов.

Учитывая эти выводы и результаты работы необходимо пересмотреть существующую Военную доктрину Российской Федерации, утвержденную Указом Президента РФ от 5 февраля 2010 года № 16.

Более того, представляется, что новая Военная доктрина России должна быть утверждена Федеральным Законом, имеющим, безусловно, обязательный характер для всех ветвей и органов власти, а также учитываться при разработке законодательной и нормативной базы страны не только на ближнесрочную, но и долгосрочную перспективу. Так, Федеральный бюджет на три года и текущий год должен учитывать основные положения ФЗ «О Военной доктрине России».

Новый вариант Военной доктрины должен иметь долгосрочный характер до 2050–2060 годов, учитывая, что принимаемые решения в области военного строительства, ВиВТ рассчитаны именно на этот период, а также то, что ни смена руководства страны, ни субъективные изменения не должны радикально изменять стратегические направления военной политики России.

Как важнейший идеологический документ власти, Военная доктрина неизбежно вызывает и будет вызывать дискуссии. И не только в отношении финансирования военных программ, о чем все хорошо знают, но и, главное, в отношении политических целей, задач и их приоритетности, от чего зависит по сути дела не только благополучие всех граждан и безопасность государства, но и выживаемость и будущее всей нации.

Государство и его институты могут быть «плохими», «хорошими», как, впрочем, и его руководство. Но их деятельность не должна ставить под вопрос коренные интересы и ценности нации, что, к сожалению, регулярно случалось в России: после гениальных достижений И. Грозного — «Смутное время». После реформ Петра I — господство фаворитов и иностранцев. После выдающихся результатов правления Александра II — безликость Николая II и кровавый террор большевиков. После гения И. Сталина бездарность Н. Хрущева и предательство М. Горбачева.

Целесообразно, предлагая новый вариант Военной доктрины России, напомнить о существующем, утвержденном Указом

Президента РФ 5 февраля 2010 года документе. Так, первый раздел — «Общие положения» — излагается следующим образом:

1. Военная доктрина Российской Федерации (далее — Военная доктрина) является одним из основных документов стратегического планирования в Российской Федерации и представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации⁵.
2. В Военной доктрине учитываются основные положения Военной доктрины Российской Федерации 2000 года, Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, а также соответствующие положения Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 года и Морской доктрины Российской Федерации на период до 2020 года.

Военная доктрина основана на положениях военной теории и направлена на ее дальнейшее развитие»⁶.

I. Общие положения

1. Военная доктрина российской федерации (далее — военная доктрина), является основным документом стратегического планирования обеспечения национальной безопасности и представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку и защиту национальной безопасности, национальной системы ценностей и интересов силовыми (вооруженными и невооруженными) способами и средствами.

2. Военная доктрина представляет собой законодательную, политическую и нормативно-правовую основу для деятельности всей военной организации государства, его инс-

⁵ Указ Президента России от 5 февраля 2010 г. № 146 «Военная доктрина Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 5 февраля.

⁶ Там же.

титуты, а также институтов российского общества, включая как собственно силовые (государственные и общественные), так и не силовые институты, которые в своей деятельности должны руководствоваться ее положениями и нормами. Так, например, эти нормы являются обязательными как для всей системы образования в стране, так и для религиозных институтов (например, РПЦ).

Далее. Военная доктрина 2010 года обращает внимание на теоретические и нормативные документы, которые она «учитывает»:

«3. Правовую основу Военной доктрины составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в области обороны, контроля над вооружениями и разоружения, федеральные конституционные законы, федеральные законы, а также нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации»⁷.

Это сказано, видимо, для того, чтобы Военная доктрина «образца 2010 года» выглядела преемницей того политического курса и военно-теоретических наработок, которые проводились с 2000 г. (в т. ч. Военной доктрины в редакции 2000 года).

Такая «преемственность», безусловно, необходима. Другое дело, что упоминавшиеся документы к 2010 году уже устарели, в частности, Концепция долгосрочного социально-экономического развития. Но, представляется, что не это является самым главным, а то, что:

- *во-первых*, Военная доктрина должна быть ориентирована на более длительный временной отрезок. Создаваемые уже сегодня ВиВТ изначально ориентированы на срок службы до 2050–2060 годов и даже дольше, а концепции их

⁷ Указ Президента России от 5 февраля 2010 г. № 146 «Военная доктрина Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 5 февраля.

использования — будут модернизироваться все эти годы. Другими словами, уже сегодня, планируя новые виды и системы ВиВТ, мы закладываем в их ТТД (даже, может быть, не желая этого) концепции их использования. Так, программы создания АПЛ США ориентированы до 2070 годов.

Все это имеет непосредственное отношение к распределению национальных ресурсов. Так, планируя создание авианосных ударных группировок (АУГ), мы должны понимать, что стоимость одной такой АУГ (вместе с портовой инфраструктурой, кораблями охранения, палубной авиацией и т. д.) будет не менее 10 млрд долл. или 350–400 млрд рублей. Кроме расходов, в стратегическом планировании необходимо ясно понимать, зачем нужны эти программы и вооружения, для решения каких конкретных военно-политических задач;

- *во-вторых*, Военная доктрина должна быть следствием более широкой Национальной стратегии и ее естественной силовой (и не только военной) частью. В Национальной стратегии должны быть даны ясные ответы на вопросы о том, какое общество и государство мы создаем, какую систему ценностей принимаем, продвигаем и защищаем, каковы наши национальные интересы и т. д. Военная доктрина, таким образом, может быть только следствием основных положений Национальной стратегии и ее прикладной части — государственной стратегии, — чью роль сегодня пытается выполнять Стратегия социально-экономического развития. Эта последовательность выражается на следующем логическом рисунке (рис. 7.2).

Таким образом, для того, чтобы стратегическое планирование было последовательным и отражало интересы национальной безопасности, оно должно быть системным и долгосрочным, вытекать из более широких и принципиальных положений Национальной стратегии и государственной стратегии, которые сегодня излагаются в той или иной форме в Стратегии национальной безопасности до 2020 года и Концепции социально-

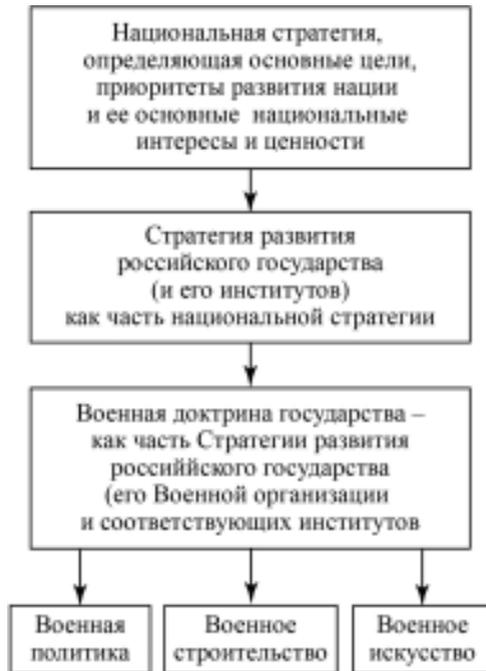

Рис. 7.2

экономического развития до 2020 года. Оба этих документа не соответствуют указанным выше требованиям и не могут удовлетворить потребности стратегического планирования в области ВиВТ, а, соответственно, и качественному ГОЗ: ни по своим срокам (которые, скорее, можно отнести к среднесрочным программам), ни по масштабам, целям и задачам. Ни в Стратегии национальной безопасности, ни, тем более, в Стратегии социально-экономического развития не указаны долгосрочные общенациональные цели и вытекающие из них задачи развития.

Следующий третий раздел «Общих положений» Военной доктрины России в редакции 2010 года также требует корректировки. Он сформирован следующим образом: «3. Правовую

основу Военной доктрины составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в области обороны, контроля над вооружениями и разоружения, федеральные конституционные законы, федеральные законы, а также нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации»⁸.

Если с тем, что правовую основу Военной доктрины «составляет Конституция» России, еще и можно согласиться с определенными оговорками (известно, как она принималась, в каких условиях, кем отстаивалась и насколько легитимна), то с тем, что ее правовой основой являются нормативные правовые акты Президента и Правительства, — согласиться нельзя. Военная доктрина — документ, имеющий долгосрочное значение, когда могут смениться многие президенты, а тем более правительства. Эти субъективные политические эпизоды не должны радикально влиять на долгосрочные программы, рассчитанные на десятилетия.

Эта практика в действительности существует за рубежом. Например, в КНР нынешнее руководство страны оперирует понятиями десятилетий, а кадровые назначения готовит по принципу «через поколение», то есть сегодня формируется «команда внуков», а не непосредственных преемников. Это позволяет сохранить преемственность курса, как минимум, на четыре срока.

Фактически та же ситуация наблюдается в США, где новая администрация, внося коррективы, не меняет радикально стратегию и стратегическое планирование. Два конкретных примера долгосрочного стратегического планирования, которое, *во-первых*, не зависело от партийной принадлежности президента и его администрации, а, *во-вторых*, — от преемственности стра-

⁸ Указ Президента России от 5 февраля 2010 г. № 146 «Военная доктрина Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 5 февраля.

тегического курса. Речь идет о таких крупных и долгосрочных программах, как Стратегическая оборонная инициатива (СОИ), существующая в том или ином виде с 1983 года, и программа недопущения реинтеграции Украины с Россией, существующая на практике более 25 лет. И в первом, и во втором случае мы наблюдаем общие характерные черты:

- последовательность политики на протяжении нескольких десятков лет;
- целеустремленность, независимо ни от каких политических и иных конъюнктурных моментов;
- устойчивость финансирования, независимо от структуры федеральных расходов и бюджетной политики;
- преемственность кадровой политики и «воспитания кадров», формирования институтов и медийной политики.

Следующий, четвертый, пункт «Общих положений» Военной доктрины 2010 года звучит очень размыто: «4. Военная доктрина отражает приверженность Российской Федерации к использованию политических, дипломатических, правовых, экономических, экологических, информационных, военных и других инструментов защиты национальных интересов Российской Федерации и интересов ее союзников»⁹.

В действительности требуется подчеркнуть мысль о том, что для защиты национальных интересов России и ее союзников в Военной доктрине страны предусматривается, что военная организация России аккумулирует все инструменты защиты и разрабатывает наиболее эффективные силовые способы и средства — «политические, дипломатические, информационные, военные и другие»¹⁰ — для защиты национальных интересов. Эта мысль важна потому, что в XXI веке деление средств защиты на вооруженные и невооруженные очевидно устарело. Не только вся военная организация государства, но

⁹ Указ Президента России от 5 февраля 2010 г. № 146 «Военная доктрина Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 5 февраля.

¹⁰ Там же.

и силовые ведомства могут и должны использовать как вооруженные средства борьбы, так и невооруженные в зависимости от обстановки. Так, в ходе военных конфликтов в Югославии, Ливии и на Украине было особенно заметно, что наиболее приоритетными целями становились вышки трансляции теле- и радиопередач, а главными инструментами политики становились СМИ.

Очень важное значение для стратегического планирования имеет пятый пункт «Общих положений» Военной доктрины в редакции 2010 г.: «5. Положения Военной доктрины конкретизируются в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации и могут корректироваться в рамках стратегического планирования в военной сфере (военного планирования). Реализация Военной доктрины достигается путем централизации государственного управления в военной области и осуществляется в соответствии с федеральным законодательством, нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти»¹¹.

В этом разделе справедливо указывается о необходимости конкретизации Военной доктрины, которая, напомним, является «системой официально принятых взглядов». Причем такая конкретизация предполагает в посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации вносить коррективы «в рамках стратегического планирования в военной сфере военного планирования». Подобный субъективный подход, когда целые направления стратегического планирования менялись в зависимости от воли Президента, — недопустим. Можно привести массу негативных примеров таких корректив в годы правления М. Горбачева и Б. Ельцина —

¹¹ Указ Президента России от 5 февраля 2010 г. № 146 «Военная доктрина Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 5 февраля.

от закрытия программы многоразовых космических полетов «Буран» до ликвидации целого класса уникальных ракет малой дальности «Ока» и т. д.

Думается, что если Военная доктрина и долгосрочная программа вооружений утверждается ФЗ и Президентом, то и коррективы в нее, включая финансовые, должны вноситься на уровне коррективов в Федеральный Закон, утверждаемый Президентом РФ.

7.3. Понятия и термины, используемые в Военной доктрине

Деградация советской и российской политической элиты в 1990-е годы привела к развалу военной науки и политологии. В конце 80-х годов главный идеолог «перестройки» А. Яковлев стал сознательно внедрять идеологию «отказа от игры в дефиниции», то есть точных оценок и анализа понятий. В результате в политической, общественной и научной литературе появилось множество новых, часто неточных, даже ошибочных понятий и определений, за которыми стояли искаженные представления о реальной действительности.

Поэтому понятийный аппарат, предлагаемый в Военной доктрине 2010 года, требуется не просто дополнить, уточнить, обновить, но и сделать общественно значимым и употребляемым в общественно-политических дискуссиях. Надо понимать, что идеи, понятия, «смыслы» и определения в XXI веке стали таким же оружием, как и вооружения и военная техника. И это оружие должно быть эффективно освоено и внедрено в общественное сознание, СМИ, политический публичный дискурс. Так, один и тот же человек в Славянске в 2014 году называется «террористом», «сепаратистом», «федералистом», «сторонником федерализации», «патриотом», «сторонником России» и т. д. Но дело в том, что в зависимости от его определения,

формировалось и отношение к нему как его противников — ВС Украины, национальной гвардии и др., так и его сторонников.

Поэтому и разделу в Военной доктрине (Раздел I. Общие положения. Пункт 6. Основные понятия) следует относиться не только как к аппарату Указа (или Федерального Закона), а как к понятиям, характеризующим МО и ВПО и Военную доктрину страны, которые — это важно подчеркнуть — необходимо внедрить в общественное сознание, предусмотрев для этого механизмы военной организации государства и государственные СМИ. Необходимы с этой точки зрения и определенные уточнения. Так в качестве примеров можно рассмотреть следующие:

«6. В Военной доктрине используются следующие основные понятия:

а) военная безопасность Российской Федерации (далее — военная безопасность) — состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующее отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять»¹².

В этом определении есть, как минимум, три существенных недостатка:

- *во-первых*, говорится о военной безопасности «личности, общества и государства», но не говорится о главном объекте безопасности — нации. Именно приоритет военной безопасности нации является главным: государство может быть уничтожено, общество — разрушено, личность — деградирована, но если сохранилась нация, то сохранилась сама возможность восстановления не только государства и его институтов, но и общества и его институтов;

¹² Указ Президента России от 5 февраля 2010 г. № 146 «Военная доктрина Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 5 февраля.

- *во-вторых*, в определении вообще ничего не говорится о защите системы национальных ценностей, что является высшим приоритетом политики безопасности государств. И это не случайно. В России в последние десятилетия «не замечали» или даже демонстративно игнорировали этот приоритет;
- *в-третьих*, военная безопасность в современный период отнюдь не ограничена только «внешними и внутренними военными угрозами», как указывается в Доктрине. Существует целый спектр «околовоенных» и «полувоенных» угроз, которые необходимо включить в этот перечень: от киберугроз до угроз СМИ. Не случайно, например, телевышки в ходе конфликта на Украине стали главными объектами для нападения.

«б) военная опасность — состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующее совокупностью факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению военной угрозы»¹³.

«Отношения» военной опасности и военной угрозы — очень зыбкая, размытая и неопределенная тема, которая, будучи недостаточно конкретной, рассматривается совершенно по-разному правящей элитой с точки зрения стратегического планирования, а поэтому — бессмысленна. Так, в одно и то же время отношения с США рассматривались как «союзнические», «партнерские» и — это существовало на практике — как «противника».

«в) военная угроза — состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующее реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооруженному насилию)»¹⁴.

¹³ Указ Президента России от 5 февраля 2010 г. № 146 «Военная доктрина Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 5 февраля.

¹⁴ Там же.

Требуется, безусловно, раскрыть содержание термина «реальная возможность возникновения военного конфликта», без чего понятие «военная угроза» становится просто бессодержательным. Военный конфликт, в условиях конфронтации, может возникнуть:

- случайно;
- в следствии технической ошибки, сбоя;
- провокации;
- террористических операций;
- внутривполитических противоречий;
- личностных конфликтов и т. д.

Таким образом, «реальная возможность» существует всегда. Даже в условиях, когда отсутствуют острые политические противоречия.

г) военный конфликт — форма разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы (понятие охватывает все виды вооруженного противоборства, включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты);

д) вооруженный конфликт — вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт);

е) локальная война — война между двумя и более государствами, преследующая ограниченные военно-политические цели, в которой военные действия ведутся в границах противоборствующих государств и которая затрагивает преимущественно интересы только этих государств (территориальные, экономические, политические и другие);

ж) региональная война — война с участием двух и более государств одного региона, ведущаяся национальными или коалиционными вооруженными силами с применением как обычных, так и ядерных средств поражения, на территории

региона с прилегающими к нему акваториями и в воздушном (космическом) пространстве над ним, в ходе которой стороны будут преследовать важные военно-политические цели;

з) крупномасштабная война — война между коалициями государств или крупнейшими государствами мирового сообщества, в которой стороны будут преследовать радикальные военно-политические цели. Крупномасштабная война может стать результатом эскалации вооруженного конфликта, локальной или региональной войны с вовлечением значительного количества государств разных регионов мира. Она потребует мобилизации всех имеющихся материальных ресурсов и духовных сил государств-участников;

и) военная политика — деятельность государства по организации и осуществлению обороны и обеспечению безопасности Российской Федерации, а также интересов ее союзников;

к) военная организация государства (далее — военная организация) — совокупность органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов (далее — Вооруженные Силы и другие войска), составляющих ее основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, а также части производственного и научного комплексов страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации;

л) военное планирование — определение порядка и способов реализации целей и задач развития военной организации, строительства и развития Вооруженных Сил и других войск, их применения и всестороннего обеспечения»¹⁵.

Важное значение имеют основные понятия, изложенные в Военной доктрине России в части «Общих положений» в шестом разделе. При этом важно изначально оговориться, что абсолютно

¹⁵ Указ Президента России от 5 февраля 2010 г. № 146 «Военная доктрина Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 5 февраля.

точных понятий нигде в современном мире не существует, поэтому все они носят в определенной мере условный характер. Вместе с тем важно, чтобы эти понятия были формализованы. И не только в тексте Военной доктрины страны, но и в общественном сознании, публичном обороте, политической практике, ибо адекватное восприятие большинством элиты этих понятий ведет не только к общему взаимопониманию, но и достижению компромиссов и договоренностей по принципиальным вопросам.

И, наоборот, если сознательно использовать неправильные и неточные понятия, то это ведет к дезинформации и дезориентации общества и элиты, а затем и к искажению политического курса, неверным военно-политическим решениям, в том числе и в области стратегического планирования.

7.4. Военная доктрина: анализ и прогноз военных опасностей и военных угроз при стратегическом планировании

Этой проблеме посвящено в зарубежной и российской литературе немного работ, хотя она крайне популярна в публицистике¹⁶. Разница между двумя понятиями — «военная опасность» и «военная угроза» — несущественная. Она, по сути, заключается в степени реалистичности использования военной силы или вооруженного насилия, то есть достаточно субъективна изначально, ведь кто-то сознательно, например, хочет, чтобы угроза выглядела реальной, а опасность — максимально приближена к угрозе. Кто-то в военно-политическом руководстве хочет обратного: накануне 22 июня 1941 года ни СССР, ни Германия не хотели, чтобы их действия попадали под категорию военной опасности, а тем более — военной угрозы.

¹⁶ Конкретная работа, посвященная этой проблеме, была опубликована недавно. См.: Подберезкин А. И. Евразийская воздушно-космическая оборона. М.: МГИМО(У), 2013.

Такая субъективность, прежде всего с точки зрения военно-политического руководства страны (коалиции), предопределяет динамизм, быстрый пересмотр оценок как «военных опасностей», так и «военных угроз» и является достаточно ценной и важной информацией, необходимой для стратегического планирования. Ярким примером иллюстрации разных подходов в оценке военных опасностей и военных конфликтов может послужить аргументация известного политолога Н. Рубини в пользу нарастания напряженности.

«Почему такая напряженность среди великих держав в Азии становится все более серьезной и почему именно сейчас? Для начала, державы Азии недавно избрали или готовы избрать лидеров, которые более националистически настроены, чем их предшественники. Премьер-министр Японии Синдзо Абэ, президент Китая Си Цзиньпин, президент Южной Кореи Парк Гын Хе, и Нарендра Моди, который вероятно будет следующим премьер-министром Индии, все попадают в эту категорию.

Во-вторых, все эти лидеры теперь сталкиваются с массовой проблемой, всплывающих от необходимости обеспечения структурных реформ для поддержания удовлетворительных темпов роста в условиях противостояния глобальным экономическим силам, которые нарушают старые модели. Различные типы структурных реформ имеют решающее значение в Китае, Японии, Индии, Корее и Индонезии.

В-третьих, многие союзники США в Азии (и в других местах) интересуются вопросом того, насколько достоверен стратегический поворот Америки в сторону своей «точки опоры» в Азии. Учитывая слабую реакцию США на кризисы в Сирии, Украине и других геополитических горячих точках, американская безопасность в Азии выглядит все более оборванной. Китай в настоящее время тестирует достоверность американских гарантий, в результате повышая перспективу того, что друзьям Америки и союзникам, начиная с Японии, возможно, придется взять потребности в области безопасности в свои руки.

Наконец, в отличие от Европы, где Германия приняла на себя вину за ужасы Второй мировой войны и помогла вести многолетние усилия в постройке сегодняшнего Европейского союза, ни одно такое историческое соглашение не существует среди азиатских стран. В результате, шовинистические настроения существуют уже в поколениях, которые далеки от ужасов прошлых войн, в то время как учреждения, способные содействовать экономическому и политическому сотрудничеству, остаются в зачаточном состоянии. Это смертельная комбинация факторов, которая, в конечном счете, рискует привести к началу военного конфликта в ключевом регионе мировой экономики»¹⁷.

В Военной доктрине России от 2010 года описанию военных опасностей и военных угроз посвящен целый раздел:

II. Военные опасности и военные угрозы Российской Федерации

«7. Мировое развитие на современном этапе характеризуется ослаблением идеологической конфронтации, снижением уровня экономического, политического и военного влияния одних государств (групп государств) и союзов и ростом влияния других государств, претендующих на всеобъемлющее доминирование, многополярностью и глобализацией разнообразных процессов.

Неурегулированными остаются многие региональные конфликты. Сохраняются тенденции к их силовому разрешению, в том числе в регионах, граничащих с Российской Федерацией. Существующая архитектура (система) международной безопасности, включая ее международно-правовые механизмы, не обеспечивает равной безопасности всех государств.

При этом, несмотря на снижение вероятности развязывания против Российской Федерации крупномасштабной войны с применением обычных средств поражения и ядерного оружия,

¹⁷ Рубини Н. Глобальный эпицентр в Азии (“Project Syndicate”, США) / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2014. 7 мая / <http://eurasian-defence.ru/node/30522>

на ряде направлений военные опасности Российской Федерации усиливаются»¹⁸.

Подобная характеристика военных опасностей России мало что дает практически. Это — оценка частью правящей элиты МО и ВПО, причем достаточно лапидарная, политизированная и мало-конкретная. Вряд ли можно назвать такую оценку и реалистичной. Во всяком случае, если речь идет об «ослаблении идеологической конфронтации» или «снижении вероятности развязывания против РФ крупномасштабных войн». Требуется, на мой взгляд, объективная система, позволяющая с помощью количественных и качественных методов обрабатывать в постоянном режиме огромный объем информации (речь идет о миллиардах сообщений в день), систематизировать их и подвергать интеллектуальной обработке.

Существует немало методик того, каким образом добиться необходимого результата. Например, одна из них предполагает анализ киберугроз, численность которых сегодня достигает сотни тысяч в день.

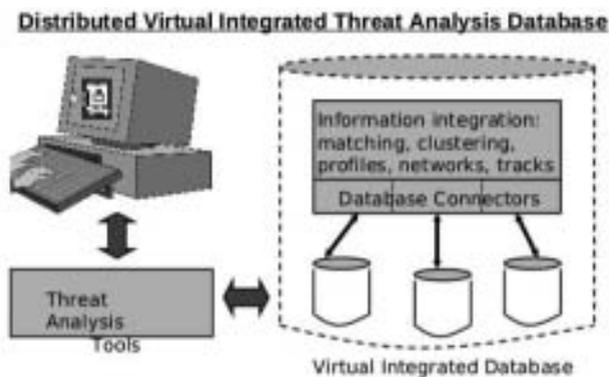

Рис. 7.3¹⁹

¹⁸ Указ Президента России от 5 февраля 2010 г. № 146 «Военная доктрина Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 5 февраля.

¹⁹ Data Mining for Cyber Threat Analysis Vipin Kumar, Army High Performance Computing Research Center Department of Computer Science, University of Minnesota / <http://www-users.cs.umn.edu/~kumar/Presentation/famu.ppt>

«8. Основные внешние военные опасности:

а) стремление наделить силовой потенциал Организации Североатлантического договора (НАТО) глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приблизить военную инфраструктуру стран — членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока;

б) попытки дестабилизировать обстановку в отдельных государствах и регионах и подорвать стратегическую стабильность;

в) развертывание (наращивание) воинских контингентов иностранных государств (групп государств) на территориях сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками государств, а также в прилегающих акваториях;

г) создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, а также милитаризация космического пространства, развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия;

д) территориальные претензии к Российской Федерации и ее союзникам, вмешательство в их внутренние дела;

е) распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий, увеличение количества государств, обладающих ядерным оружием;

ж) нарушение отдельными государствами международных договоренностей, а также несоблюдение ранее заключенных международных договоров в области ограничения и сокращения вооружений;

з) применение военной силы на территориях сопредельных с Российской Федерацией государств в нарушение Устава ООН и других норм международного права;

и) наличие (возникновение) очагов и эскалация вооруженных конфликтов на территориях сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками государств»²⁰.

²⁰ Указ Президента России от 5 февраля 2010 г. № 146 «Военная доктрина Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 5 февраля.

Необходимо сразу же отметить, что перечень «Основных внешних опасностей» далеко не полон, а, главное, не выстроен в приоритетном порядке. Так, 7 апреля 2014 года В. Путин обратил внимание на необходимость защиты национальных информационных ресурсов, которые в 2013 году 9 млн раз подвергались кибератакам²¹.

«к) распространение международного терроризма;

л) возникновение очагов межнациональной (межконфессиональной) напряженности, деятельность международных вооруженных радикальных группировок в районах, прилегающих к государственной границе Российской Федерации и границам ее союзников, а также наличие территориальных противоречий, рост сепаратизма и насильственного (религиозного) экстремизма в отдельных регионах мира.

9. Основные внутренние военные опасности:

а) попытки насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации;

б) подрыв суверенитета, нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации;

в) дезорганизация функционирования органов государственной власти, важных государственных, военных объектов и информационной инфраструктуры Российской Федерации.

10. Основные военные угрозы:

а) резкое обострение военно-политической обстановки (межгосударственных отношений) и создание условий для применения военной силы;

б) воспрепятствование работе систем государственного и военного управления Российской Федерации, нарушение функционирования ее стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, объектов хранения ядерных боеприпасов,

²¹ Алексей Соколов займется информационной безопасностью России / Эл. ресурс: «РИА-новости. 2014. 6 мая / www.ria.ru

атомной энергетики, атомной, химической промышленности и других потенциально опасных объектов;

в) создание и подготовка незаконных вооруженных формирований, их деятельность на территории Российской Федерации или на территориях ее союзников;

г) демонстрация военной силы в ходе проведения учений на территориях сопредельных с Российской Федерацией или ее союзниками государств, с провокационными целями;

д) активизация деятельности вооруженных сил отдельных государств (групп государств) с проведением частичной или полной мобилизации, переводом органов государственного и военного управления этих государств на работу в условиях военного времени.

11. Военные конфликты характеризуются целями, способами и средствами достижения этих целей, масштабами и сроками военных действий, формами и способами вооруженной борьбы и применяемыми вооружением и военной техникой.

12. Характерные черты современных военных конфликтов:

а) комплексное применение военной силы и сил и средств невоенного характера;

б) массированное применение систем вооружения и военной техники, основанных на новых физических принципах и сопоставимых по эффективности с ядерным оружием;

в) расширение масштабов применения войск (сил) и средств, действующих в воздушно-космическом пространстве;

г) усиление роли информационного противоборства;

д) сокращение временных параметров подготовки к ведению военных действий;

е) повышение оперативности управления в результате перехода от строго вертикальной системы управления к глобальным сетевым автоматизированным системам управления войсками (силами) и оружием;

ж) создание на территориях противоборствующих сторон постоянно действующей зоны военных действий.

13. Особенности современных военных конфликтов:

- а) непредсказуемость их возникновения;
- б) наличие широкого спектра военно-политических, экономических, стратегических и иных целей;
- в) возрастание роли современных высокоэффективных систем оружия, а также перераспределение роли различных сфер вооруженной борьбы;
- г) заблаговременное проведение мероприятий информационного противоборства для достижения политических целей без применения военной силы, а в последующем — в интересах формирования благоприятной реакции мирового сообщества на применение военной силы.

14. Военные конфликты будут отличаться скоротечностью, избирательностью и высокой степенью поражения объектов, быстротой маневра войсками (силами) и огнем, применением различных мобильных группировок войск (сил). Овладение стратегической инициативой, сохранение устойчивого государственного и военного управления, обеспечение превосходства на земле, море и в воздушно-космическом пространстве станут решающими факторами достижения поставленных целей.

15. Для военных действий будет характерно возрастающее значение высокоточного, электромагнитного, лазерного, инфразвукового оружия, информационно-управляющих систем, беспилотных летательных и автономных морских аппаратов, управляемых роботизированных образцов вооружений и военной техники.

16. Ядерное оружие будет оставаться важным фактором предотвращения возникновения ядерных военных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения (крупномасштабной войны, региональной войны).

В случае возникновения военного конфликта с применением обычных средств поражения (крупномасштабной войны, региональной войны), ставящего под угрозу само существова-

ние государства, обладание ядерным оружием может привести к перерастанию такого военного конфликта в ядерный военный конфликт»²².

7.5. Военная политика, стратегический прогноз и стратегическое планирование в России

Военная политика, как область деятельности правящей элиты страны, более всех других областей нуждается в ясных принципах и правилах. Это объясняется двумя основными обстоятельствами:

- *во-первых*, долгосрочностью и системностью последствий принимаемых (или не принимаемых) решений, которые трудно исправить, скорректировать и компенсировать;
- *во-вторых*, исключительной важностью таких решений для всей системы безопасности государства, включая военную безопасность. Это хорошо видно на одном из примеров, описанных в группе по военному планированию НАТО. Рис. 7.4²³.

Стратегический прогноз и стратегическое планирование являются не только частью военной политики государства, но и лежат в ее основе, являются ее фундаментом, а также влияют на принципы ее формирования. Даже разработка простых формальных критериев и норм военной политики требует времени. Причем, если в других областях военной деятельности можно нередко обойтись без нормативных документов, то в военной политике государства эти документы приобретают принципиальный политический характер. Причем даже разработка

²² Указ Президента России от 5 февраля 2010 г. № 146 «Военная доктрина Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 5 февраля.

²³ Arrangements and procedures to assess security risks and national defence requirements, COL Dr Catalin-Marius Tarnacop, NATO Studies Centre / http://www.dcaf.ch/content/download/33805/522827/version/1/file/02_tarnacop.ppt

Отдельно требуется прокомментировать третий раздел Военной доктрины РФ, посвященный военной политике:

«III. Военная политика Российской Федерации»

17. Основные задачи военной политики Российской Федерации определяются Президентом Российской Федерации в соответствии с федеральным законодательством, Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года и настоящей Военной доктриной.

Военная политика Российской Федерации направлена на недопущение гонки вооружений, сдерживание и предотвращение военных конфликтов, совершенствование военной организации, форм и способов применения Вооруженных Сил и других войск, а также средств поражения в целях обороны и обеспечения безопасности Российской Федерации, а также интересов ее союзников (под. — А. П.).

Деятельность Российской Федерации по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов»²⁵

Сразу же вызывает вопрос приоритетность задач, поставленных перед военной политикой страны в Военной доктрине. Если исходить из определения военной политики как «составной части политики классов, государств и других институтов, непосредственно связанной с созданием военной организации, подготовкой и применением средств вооруженного насилия для достижения политических целей», то, очевидно, что самой приоритетной задачей является не сдерживание гонки вооружений», а вторая часть — «...совершенствование военной организации, форм и способов применения Вооруженных Сил и других войск, а также средств поражения в целях обороны и обеспечения безопасности Российской Федерации...»²⁶.

Вместе с тем совершенствование военной организации государства — как главная задача — предполагает более широкий

²⁵ Указ Президента России от 5 февраля 2010 г. № 146 «Военная доктрина Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 5 февраля.

²⁶ Там же.

взгляд на военную политику, которая является лишь частью общей политики. Так, например, одна из областей военной политики является политика в области военно-технического сотрудничества (ВТС), которая одновременно является и частью внешней и внешнеэкономической и внутренней политики. Это один из зарубежных авторов изобразил следующим образом:

Рис. 7.6²⁷

18. Российская Федерация обеспечивает постоянную готовность Вооруженных Сил и других войск, к сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, к вооруженной защите Российской Федерации и ее союзников в соответствии с нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

Недопущение ядерного военного конфликта, как и любого другого военного конфликта, — важнейшая задача Российской Федерации.

²⁷ America — The Arsenal of Sovereignty. By Prof Mike Marra and Dr James Gordon Department of Military Strategy, Planning and Operations, US Army War College / http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2014/marra-gordon_arsenal-of-sovereignty.pdf. С. 18.

19. Основные задачи Российской Федерации по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов:

а) оценка и прогнозирование развития военно-политической обстановки на глобальном и региональном уровне, а также состояния межгосударственных отношений в военно-политической сфере с использованием современных технических средств и информационных технологий;

б) нейтрализация возможных военных опасностей и военных угроз политическими, дипломатическими и иными невоенными средствами;

в) поддержание стратегической стабильности и потенциала ядерного сдерживания на достаточном уровне;

г) поддержание Вооруженных Сил и других войск в заданной степени готовности к боевому применению;

д) укрепление системы коллективной безопасности в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и наращивание ее потенциала, усиление взаимодействия в области международной безопасности в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ), Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), развитие отношений в этой сфере с другими межгосударственными организациями (Европейским союзом и НАТО);

е) расширение круга государств-партнеров и развитие сотрудничества с ними на основе общих интересов в сфере укрепления международной безопасности в соответствии с положениями Устава ООН и другими нормами международного права;

ж) соблюдение международных договоров в области ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений;

з) заключение и реализация соглашений в области контроля над обычными вооружениями, а также осуществление мер по укреплению взаимного доверия;

и) создание механизмов регулирования двустороннего и многостороннего сотрудничества в области противоракетной обороны;

к) заключение международного договора о предотвращении размещения в космическом пространстве любых видов оружия;

л) участие в международной миротворческой деятельности, в том числе под эгидой ООН и в рамках взаимодействия с международными (региональными) организациями;

м) участие в борьбе с международным терроризмом.

Применение Вооруженных Сил и других войск. Основные задачи Вооруженных Сил и других войск в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время.

20. Российская Федерация считает правомерным применение Вооруженных Сил и других войск для отражения агрессии против нее и (или) ее союзников, поддержания (восстановления) мира по решению Совета Безопасности ООН, других структур коллективной безопасности, а также для обеспечения защиты своих граждан, находящихся за пределами Российской Федерации, в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

Применение Вооруженных Сил и других войск в мирное время осуществляется по решению Президента Российской Федерации в порядке, установленном федеральным законодательством.

21. Российская Федерация рассматривает вооруженное нападение на государство — участника Союзного государства или любые действия с применением военной силы против него как акт агрессии против Союзного государства и осуществит ответные меры.

Российская Федерация рассматривает вооруженное нападение на государство — члена ОДКБ как агрессию против всех государств — членов ОДКБ и осуществит в этом случае меры в соответствии с Договором о коллективной безопасности.

22. В рамках выполнения мероприятий стратегического сдерживания силового характера Российской Федерацией предусматривается применение высокоточного оружия.

Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства.

Решение о применении ядерного оружия принимается Президентом Российской Федерации.

23. Выполнение стоящих перед Вооруженными Силами и другими войсками задач организуется и осуществляется в соответствии с Планом применения Вооруженных Сил Российской Федерации, Мобилизационным планом Вооруженных Сил Российской Федерации, указами Президента Российской Федерации, приказами и директивами Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации, другими нормативными правовыми актами Российской Федерации и документами стратегического планирования по вопросам обороны.

24. Российская Федерация выделяет воинские контингенты в состав миротворческих сил ОДКБ для участия в операциях по поддержанию мира по решению Совета коллективной безопасности ОДКБ. Российская Федерация выделяет воинские контингенты в состав Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ (КСОР) в целях оперативного реагирования на военные угрозы государствам — членам ОДКБ и решения иных задач, определенных Советом коллективной безопасности ОДКБ, для их применения в порядке, предусмотренном Соглашением о порядке оперативного развертывания, применения и всестороннего обеспечения Коллективных сил быстрого развертывания Центрально-азиатского региона коллективной безопасности.

25. Для осуществления миротворческих операций по мандату ООН или по мандату СНГ Российская Федерация предо-

ставляет воинские контингенты в порядке, установленном федеральным законодательством и международными договорами Российской Федерации.

26. В целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности формирования Вооруженных Сил Российской Федерации могут оперативно использоваться за пределами Российской Федерации в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации и федеральным законодательством.

27. Основные задачи Вооруженных Сил и других войск в мирное время:

а) защита суверенитета Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории;

б) стратегическое сдерживание, в том числе предотвращение военных конфликтов;

в) поддержание состава, состояния боевой и мобилизационной готовности и подготовки стратегических ядерных сил, сил и средств, обеспечивающих их функционирование и применение, а также систем управления на уровне, гарантирующем нанесение заданного ущерба агрессору в любых условиях обстановки;

г) своевременное предупреждение Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации о воздушно-космическом нападении, оповещение органов государственного и военного управления, войск (сил) о военных опасностях и военных угрозах;

д) поддержание способности Вооруженных Сил и других войск к заблаговременному развертыванию группировок войск (сил) на потенциально опасных стратегических направлениях, а также их готовности к боевому применению;

е) обеспечение противовоздушной обороны важнейших объектов Российской Федерации и готовность к отражению ударов средств воздушно-космического нападения;

ж) развертывание и поддержание в стратегической космической зоне орбитальных группировок космических аппаратов, обеспечивающих деятельность Вооруженных Сил Российской Федерации;

з) охрана важных государственных и военных объектов, объектов на коммуникациях и специальных грузов;

и) оперативное оборудование территории Российской Федерации и подготовка коммуникаций в целях обороны, в том числе строительство и реконструкция объектов специального назначения, строительство и капитальный ремонт автомобильных дорог, имеющих оборонное значение;

к) защита граждан Российской Федерации за пределами Российской Федерации от вооруженного нападения на них;

л) участие в операциях по поддержанию (восстановлению) международного мира и безопасности, принятие мер для предотвращения (устранения) угрозы миру, подавление актов агрессии (нарушения мира) на основании решений Совета Безопасности ООН или иных органов, уполномоченных принимать такие решения в соответствии с международным правом;

м) борьба с пиратством, обеспечение безопасности судоходства;

н) обеспечение безопасности экономической деятельности Российской Федерации в Мировом океане;

о) борьба с терроризмом;

п) подготовка к проведению мероприятий по территориальной обороне и гражданской обороне;

р) участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности;

с) участие в ликвидации чрезвычайных ситуаций и восстановление объектов специального назначения;

т) участие в обеспечении режима чрезвычайного положения.

28. Основные задачи Вооруженных Сил и других войск в период непосредственной угрозы агрессии:

а) осуществление комплекса дополнительных мероприятий, направленных на снижение уровня угрозы агрессии и повышение уровня боевой и мобилизационной готовности Вооруженных Сил и других войск, в целях проведения мобилизационного и стратегического развертывания;

б) поддержание потенциала ядерного сдерживания в установленной степени готовности;

в) участие в обеспечении режима военного положения;

г) осуществление мероприятий по территориальной обороне, а также выполнение в установленном порядке мероприятий гражданской обороны;

д) выполнение международных обязательств Российской Федерации по коллективной обороне, отражение или предотвращение в соответствии с нормами международного права вооруженного нападения на другое государство, обратившееся к Российской Федерации с соответствующей просьбой.

29. Основными задачами Вооруженных Сил и других войск в военное время являются отражение агрессии против Российской Федерации и ее союзников, нанесение поражения войскам (силам) агрессора, принуждение его к прекращению военных действий на условиях, отвечающих интересам Российской Федерации и ее союзников.

Развитие военной организации. Строительство и развитие Вооруженных Сил и других войск.

30. Основные задачи развития военной организации:

а) приведение структуры, состава и численности компонентов военной организации в соответствие с задачами в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время с учетом выделения на эти цели достаточного количества финансовых, материальных и иных ресурсов. Планируемое количество и сроки выделения указанных ресурсов отражаются в документах планирования долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации;

б) повышение эффективности и безопасности функционирования системы государственного и военного управления;

в) совершенствование системы противовоздушной обороны и создание системы воздушно-космической обороны Российской Федерации;

г) совершенствование военно-экономического обеспечения военной организации на основе рационального использования финансовых, материальных и иных ресурсов;

д) совершенствование военного планирования;

е) совершенствование территориальной обороны и гражданской обороны;

ж) совершенствование системы создания запаса мобилизационных ресурсов, в том числе запасов вооружения, военной и специальной техники, а также материально-технических средств;

з) повышение эффективности функционирования системы эксплуатации и ремонта вооружения, военной и специальной техники;

и) создание интегрированных структур материально-технического, социального, медицинского и научного обеспечения в Вооруженных Силах и других войсках, а также учреждений военного образования и подготовки кадров;

к) совершенствование системы информационного обеспечения Вооруженных Сил и других войск;

л) повышение престижа военной службы, всесторонняя подготовка к ней граждан Российской Федерации;

м) обеспечение военно-политического и военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами.

31. Основные приоритеты развития военной организации:

а) совершенствование системы управления военной организацией и повышение эффективности ее функционирования;

б) развитие мобилизационной базы военной организации и обеспечение мобилизационного развертывания Вооруженных Сил и других войск;

- в) обеспечение необходимой степени укомплектования, оснащения, обеспечения соединений, воинских частей и формирований постоянной готовности и требуемого уровня их подготовки;
- г) повышение качества подготовки кадров и военного образования, а также наращивание военно-научного потенциала.

32. Основная задача строительства и развития Вооруженных Сил и других войск — приведение их структуры, состава и численности в соответствие с прогнозируемыми военными угрозами, содержанием и характером военных конфликтов, текущими и перспективными задачами в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время, а также политическими, социально-экономическими, демографическими и военно-техническими условиями и возможностями Российской Федерации.

33. В строительстве и развитии Вооруженных Сил и других войск Российская Федерация исходит из необходимости:

- а) совершенствования организационно-штатной структуры и состава видов и родов войск Вооруженных Сил и других войск и оптимизации штатной численности военнослужащих;
- б) обеспечения рационального соотношения соединений и воинских частей постоянной готовности и соединений и воинских частей, предназначенных для мобилизационного развертывания Вооруженных Сил и других войск;
- в) повышения качества оперативной, боевой, специальной и мобилизационной подготовки;
- г) совершенствования взаимодействия между видами Вооруженных Сил, родами войск (сил) и другими войсками;
- д) обеспечения современными образцами вооружения, военной и специальной техники (материально-техническими средствами) и их качественного освоения;
- е) интеграции и скоординированного развития систем технического, тылового и других видов обеспечения Вооруженных Сил и других войск, а также систем военного образования и воспитания, подготовки кадров, военной науки;

ж) подготовки высокопрофессиональных, преданных Отечеству военнослужащих, повышения престижа военной службы.

34. Выполнение основной задачи строительства и развития Вооруженных Сил и других войск достигается путем:

а) формирования и последовательной реализации военной политики;

б) эффективного военно-экономического обеспечения и достаточного финансирования Вооруженных Сил и других войск;

в) повышения качественного уровня оборонно-промышленного комплекса;

г) обеспечения надежного функционирования системы управления Вооруженными Силами и другими войсками в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время;

д) поддержания способностей экономики страны обеспечить потребности Вооруженных Сил и других войск;

е) поддержания мобилизационной базы в состоянии, обеспечивающем проведение мобилизационного и стратегического развертывания Вооруженных Сил и других войск;

ж) создания сил гражданской обороны постоянной готовности, способных выполнять свои функции в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время;

з) совершенствования системы дислокации (базирования) Вооруженных Сил и других войск, в том числе за пределами территории Российской Федерации, в соответствии с международными договорами РФ и федеральным законодательством;

и) создания эшелонированной по стратегическим и операционным направлениям системы военной инфраструктуры;

к) заблаговременного создания запаса мобилизационных ресурсов;

л) оптимизации количества военных образовательных учреждений профессионального образования в сочетании с федеральными государственными образовательными учреждениями высшего профессионального образования, в которых проводится обучение граждан Российской Федерации по программе

военной подготовки, а также оснащения их современной материально-технической базой;

м) повышения уровня социального обеспечения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, а также гражданского персонала Вооруженных Сил и других войск;

н) реализации установленных федеральным законодательством социальных гарантий военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, повышения качества их жизни;

о) совершенствования системы комплектования военнослужащими, проходящими военную службу по контракту и по призыву, с преимущественным укомплектованием должностей рядового и сержантского состава, обеспечивающих боеспособность соединений и воинских частей Вооруженных Сил и других войск, военнослужащими, проходящими военную службу по контракту;

п) укрепления организованности, правопорядка и воинской дисциплины, а также профилактики и пресечения коррупционных проявлений;

р) совершенствования допризывной подготовки и военно-патриотического воспитания граждан;

с) обеспечения государственного и гражданского контроля деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области обороны²⁸.

Особое значение для стратегического планирования в военной области имеет собственно военное планирование, которое зависит от более приоритетных и важных факторов, например:

- политических целей нации;
- объема выделенных на военные цели ресурсов;
- сроков реализации поставленных задач и др.

²⁸ Указ Президента России от 5 февраля 2010 г. № 146 «Военная доктрина Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 5 февраля.

Собственно задачи военного планирования описаны в Военной доктрине России следующим образом:

Военное планирование

35. Военное планирование организуется и осуществляется в целях реализации согласованных по срокам и обеспеченных ресурсами мероприятий развития военной организации, а также строительства и развития Вооруженных Сил и других войск, их эффективного применения.

36. Основные задачи военного планирования:

а) определение согласованных целей, задач и мероприятий строительства и развития Вооруженных Сил и других войск, их применения, а также развития соответствующей научно-технической и производственно-технологической базы;

б) выбор оптимальных направлений строительства и развития Вооруженных Сил и других войск, форм и способов их применения исходя из прогнозов развития военно-политической обстановки, военных опасностей и военных угроз, уровня социально-экономического развития Российской Федерации;

в) достижение соответствия ресурсного обеспечения Вооруженных Сил и других войск задачам их строительства, развития и применения;

г) разработка документов краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного планирования, учет результатов выполнения планов (программ) строительства и развития Вооруженных Сил и других войск;

д) организация контроля выполнения планов (программ) строительства и развития Вооруженных Сил и других войск;

е) своевременная корректировка документов военного планирования.

37. Военное планирование осуществляется в соответствии с Положением о военном планировании в Российской Федерации²⁹.

²⁹ Указ Президента России от 5 февраля 2010 г. № 146 «Военная доктрина Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 5 февраля.

7.6. Стратегическое планирование и военная экономика

В одной из своих фундаментальных работ академик Е. М. Примаков отмечал, что российская внешняя политика «призвана создавать наиболее благоприятные условия для экономического и научно-технического прогресса страны, служить укреплению ее безопасности...»³⁰. Это устоявшееся определение основных задач внешней политики стало банальным еще во времена СССР. Может быть, поэтому никто не обращает на него особого внимания. Между тем, если посмотреть пристальнее, особенно с позиций национальной и военной безопасности, то это определение окажется не только не полным, но и неверным. И это имеет принципиальное значение для определения целей и задач военной политики России.

Прежде всего, главная задача — «обеспечение наиболее благоприятных условий для экономического и научно-технического прогресса страны» — вызывает серьезные возражения. Во-первых, главной целью государства является обеспечение с помощью эффективных институтов развития нации и общества, то есть совокупности личностей и их институтов при безусловном сохранении их национальной идентичности. Экономическая составляющая этого развития очень важная, но это только одна часть. Еще важнее всё то, что мы относим к развитию человеческой индивидуальности и ее потенциалу, а в совокупности — национальному человеческому потенциалу³¹.

Во-вторых, очень сомнительно выглядит цель «прогресс страны», предполагающая некую универсальность,

³⁰ Примаков Е. М. Предисловие. Внешняя политика России 2000–2020. Т. I. М. 2012. С. 7.

³¹ См. подробнее: Подберезкин А. И. Национальный человеческий потенциал. ТТ. I–III. М.: МГИМО(У), 2011, 2012, 2013 гг.

общепринятые критерии прогресса. Не очень понятен и сам объект, ради которого формулируется такая цель, — «страна». «Страна», в её нынешнем понимании, это Российская Федерация (с Крымом?), или же бывший СССР, или империя или евразийская империя? Военно-экономические положения военной доктрины следует рассматривать именно в этом ключе. Посмотрим, как это сделано сейчас.

«IV. Военно-экономическое обеспечение обороны

38. Основной задачей военно-экономического обеспечения обороны является создание условий для устойчивого развития и поддержания возможностей военно-экономического и военно-технического потенциалов государства на уровне, необходимом для реализации военной политики и надежного удовлетворения потребностей военной организации в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время.

39. Задачи военно-экономического обеспечения обороны:

а) достижение уровня финансового и материально-технического обеспечения военной организации, достаточного для решения возложенных на нее задач;

б) оптимизация расходов на оборону, рациональное планирование и распределение финансовых и материальных ресурсов, направляемых на обеспечение военной организации, повышение эффективности их использования;

в) своевременное и полное ресурсное обеспечение выполнения планов (программ) строительства и развития Вооруженных Сил и других войск, их применения, боевой, специальной и мобилизационной подготовки и других потребностей военной организации»³².

Ключевыми понятиями в перечисленных выше задачах военной политики являются абстрактные «уровни, необходимые

³² Указ Президента России от 5 февраля 2010 г. № 146 «Военная доктрина Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 5 февраля.

для реализации военной политики и надежного удовлетворения потребностей военной организации...»³³.

Здесь было бы желательно:

1. Определить максимально точно эти «уровни» и «потребности», требуемые в условиях:
 - а) мирного времени;
 - б) обострения ВПО;
 - в) войны.
2. Спрогнозировать на долгосрочную перспективу будущие «уровни» и «потребности» военной организации, исходя из множества данных и переменных.
3. Обеспечить достижение этих уровней необходимыми национальными ресурсами.

В целях уточнения указанных положений можно использовать западный опыт.

³³ Указ Президента России от 5 февраля 2010 г. № 146 «Военная доктрина Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 5 февраля.

The new Strategic Realities (2)

- Population growth and demographic change
- Urbanisation and transnational migration flows
- Resource shortages, especially of water and oil
- Globalisation and growing disparities
- The pace of technological change
- The pace of social change

The New Strategic Environment compared to Cold War Era

- More interdependent
- More vulnerable due to increasing reliance on technology
- More uncertain due to increasing range of challenges & threats
- More varied due to the nature of challenges & threats
- More demanding due to complexity
- An environment with smaller scale, but more frequent use of force international issues, often asymmetrical operations

The New Strategic Environment (2)

- Complex, dynamic, having a lot of instability sources
- The threat of a major military conflict has diminished

Risks

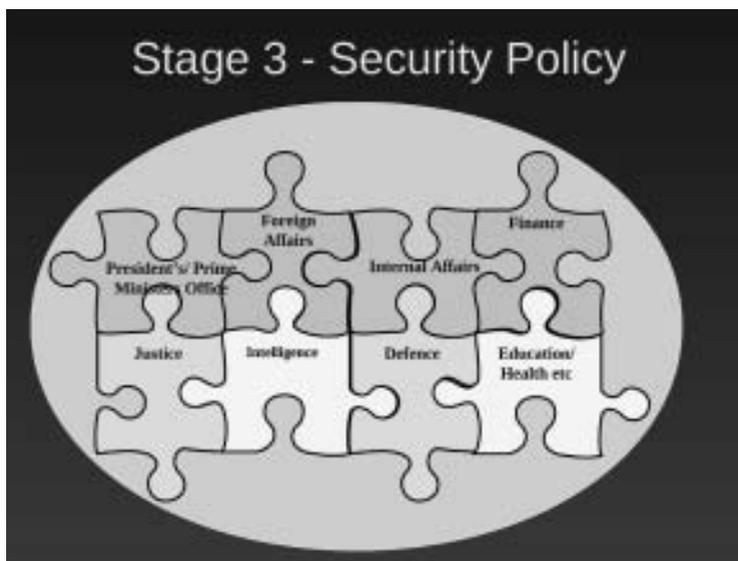
- Regional (tensions and conflicts that may extend)
- Asymmetric (terrorism, weapons mass destruction)
- Transnational (drug trafficking, organized crime, illegal immigration)
- Contingencies (placed in the area of uncertainty)

Other factors

- National interests
- Values
- International Commitments and Responsibilities
- Security Priorities:
 - Support to the Civil Power
 - Europe
 - Outside Europe

Future worlds

POLITICS & GOVERNANCE	REGIONAL/ RESOURCE	INTERNAL - TIONAL	SOCIAL COHESION	ECONOMIC	MILITARY
Political Stability	Modern state. Regional leader in stable, resource rich region.	Polly and Effectively Engaged	Polly Developed, Harmonious and Stable.	Steadily increasing, local & sustainable economic improvement	Constitutional, Peaceful & Stable
Relative political stability	Existence within a stabilising region.	Constructively Engaged	General improvement	Gradual economic improvement	Professionalising military with gradually improving civil-military relations
Political Instability	Existence within a turbulent region.	Increasingly engaged	Hold, improving in some areas, declining in some	Economic fragility	Professionalising military with difficult civil-military relations
Political Chaos	Regional failure leading to competition over poor resources	ill-prepared	Disintegration and Chaos	Economic Decline	Crises of Constitution and Law
	Severe resource & environmental constraints leading to internal instability and regional conflict	Relative Decline		Economic Collapse	Military government
	Complete failure of state leading to external control				Disintegration & warlordism

Приведем теперь рассмотрение следующих положений военной доктрины:

«...г) концентрация научных сил, финансовых и материально-технических ресурсов для создания условий качественного оснащения (переоснащения) Вооруженных Сил и других войск;

д) интеграция в определенных сферах производства гражданского и военного секторов экономики, координация военно-экономической деятельности государства в интересах обеспечения обороны;

е) обеспечение правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности военного, специального и двойного назначения;

ж) выполнение обязательств Российской Федерации в соответствии с заключенными ею международными договорами в военно-экономической сфере.

Оснащение Вооруженных Сил и других войск вооружением, военной и специальной техникой

40. Основной задачей оснащения Вооруженных Сил и других войск вооружением, военной и специальной техникой является создание и поддержание взаимоувязанной и целостной системы вооружения в соответствии с задачами и предназначением Вооруженных Сил и других войск, формами и способами их применения, экономическими и мобилизационными возможностями Российской Федерации.

41. Задачи оснащения Вооруженных Сил и других войск вооружением, военной и специальной техникой:

а) комплексное оснащение (переоснащение) современными образцами вооружения, военной и специальной техники стратегических ядерных сил, соединений и воинских частей постоянной готовности сил общего назначения, антитеррористических формирований, инженерно-технических воинских формирований и дорожно-строительных воинских формирований, а также поддержание их в состоянии, обеспечивающем их боевое применение;

б) создание многофункциональных (многоцелевых) средств вооружения, военной и специальной техники с использованием унифицированных компонентов;

в) развитие сил и средств информационного противоборства;

г) качественное совершенствование средств информационного обмена на основе использования современных технологий и международных стандартов, а также единого информационного поля Вооруженных Сил и других войск как части информационного пространства Российской Федерации;

д) обеспечение функционального и организационно-технического единства систем вооружения Вооруженных Сил и других войск;

е) создание новых образцов высокоточного оружия и развитие их информационного обеспечения;

ж) создание базовых информационно-управляющих систем и их интеграция с системами управления оружием и комплексами средств автоматизации органов управления стратегического, оперативно-стратегического, оперативного, оперативно-тактического и тактического уровней.

42. Реализация задач оснащения Вооруженных Сил и других войск вооружением, военной и специальной техникой предусматривается в государственной программе вооружения и других государственных программах (планах).

Оперативные решения по разработке военной и специальной техники в случае оснащения иностранного государства новыми видами вооружения принимаются Правительством Российской Федерации.

Обеспечение Вооруженных Сил и других войск материальными средствами

43. Обеспечение Вооруженных Сил и других войск материальными средствами, их накопление и содержание осуществляются в рамках интегрированных и скоординированных систем технического и тылового обеспечения.

Основная задача обеспечения Вооруженных Сил и других войск материальными средствами в мирное время — накопление, эшелонированное размещение и содержание запасов материальных средств, обеспечивающих мобилизационное и стратегическое развертывание войск (сил) и ведение военных действий (исходя из сроков перевода экономики, отдельных ее отраслей и организаций промышленности на работу в условиях военного времени) с учетом физико-географических условий стратегических направлений и возможностей транспортной системы.

Основная задача обеспечения Вооруженных Сил и других войск материальными средствами в период непосредственной угрозы агрессии — дообеспечение войск (сил) материальными средствами по штатам и нормам военного времени.

44. Основные задачи обеспечения Вооруженных Сил и других войск материальными средствами в военное время:

а) подача запасов материальных средств с учетом предназначения группировок войск (сил), порядка, сроков их формирования и предполагаемой продолжительности ведения военных действий;

б) восполнение потерь вооружения, военной и специальной техники и материальных средств в ходе ведения военных действий с учетом возможностей Вооруженных Сил и других войск, организаций промышленности по поставкам, ремонту вооружения, военной и специальной техники.

Развитие оборонно-промышленного комплекса

45. Основной задачей развития оборонно-промышленного комплекса является обеспечение его эффективного функционирования как высокотехнологичного многопрофильного сектора экономики страны, способного удовлетворить потребности Вооруженных Сил и других войск в современном вооружении, военной и специальной технике и обеспечить стратегическое присутствие Российской Федерации на мировых рынках высокотехнологичных продукции и услуг.

46. К задачам развития оборонно-промышленного комплекса относятся:

а) совершенствование оборонно-промышленного комплекса на основе создания и развития крупных научно-производственных структур;

б) совершенствование системы межгосударственной кооперации в области разработки, производства и ремонта вооружения и военной техники;

в) обеспечение технологической независимости Российской Федерации в области производства стратегических и других образцов вооружения, военной и специальной техники в соответствии с государственной программой вооружения;

г) совершенствование системы гарантированного материально-сырьевого обеспечения производства и эксплуатации вооружения, военной и специальной техники на всех этапах жизненного цикла, в том числе отечественными комплектующими изделиями и элементной базой;

д) формирование комплекса приоритетных технологий, обеспечивающих разработку и создание перспективных систем и образцов вооружения, военной и специальной техники;

е) сохранение государственного контроля над стратегически значимыми организациями оборонно-промышленного комплекса;

ж) активизация инновационно-инвестиционной деятельности, позволяющей проводить качественное обновление научно-технической и производственно-технологической базы;

з) создание, поддержание и внедрение военных и гражданских базовых и критических технологий, обеспечивающих создание, производство и ремонт находящихся на вооружении и перспективных образцов вооружения, военной и специальной техники, а также обеспечивающих технологические прорывы или создание опережающего научно-технологического задела в целях разработки принципиально новых образцов вооружения, военной и специальной техники, обладающих ранее недостижимыми возможностями;

и) совершенствование системы программно-целевого планирования развития оборонно-промышленного комплекса в целях повышения эффективности оснащения Вооруженных Сил и других войск вооружением, военной и специальной техникой, обеспечения мобилизационной готовности оборонно-промышленного комплекса;

к) разработка и производство перспективных систем и образцов вооружения, военной и специальной техники, повышение качества и конкурентоспособности продукции военного назначения;

л) совершенствование механизма размещения заказов на поставки продукции, выполнение работ и оказание услуг для федеральных нужд;

м) реализация предусмотренных федеральным законодательством мер экономического стимулирования исполнителей государственного оборонного заказа;

н) совершенствование деятельности организаций оборонно-промышленного комплекса путем внедрения организационно-экономических механизмов, обеспечивающих их эффективное функционирование и развитие;

о) совершенствование кадрового состава и наращивание интеллектуального потенциала оборонно-промышленного комплекса, обеспечение социальной защищенности работников оборонно-промышленного комплекса.

Мобилизационная подготовка экономики, органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций

47. Основная задача мобилизационной подготовки экономики, органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций заключается в заблаговременной подготовке к переводу на работу в условиях военного времени, удовлетворении потребностей Вооруженных Сил и других войск, а также в обеспечении государственных нужд и нужд населения в военное время.

48. Задачи мобилизационной подготовки экономики, органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций:

а) совершенствование мобилизационной подготовки и повышение мобилизационной готовности Российской Федерации;

б) совершенствование нормативно-правовой базы мобилизационной подготовки и перевода экономики и организаций на работу в условиях военного времени;

в) подготовка системы управления экономикой к устойчивому и эффективному функционированию в период мобилизации, в период военного положения и в военное время;

г) разработка мобилизационных планов экономики Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и экономики муниципальных образований, мобилизационных планов организаций;

д) создание, развитие и сохранение мобилизационных мощностей для производства продукции, необходимой для удовлетворения потребностей Российской Федерации, Вооруженных Сил и других войск, а также нужд населения в военное время;

е) создание и подготовка специальных формирований, предназначенных для передачи в Вооруженные Силы и другие войска при объявлении мобилизации или использования в их интересах, а также в интересах экономики Российской Федерации;

ж) подготовка техники, предназначенной для поставки в Вооруженные Силы и другие войска по мобилизации;

з) создание, сохранение и обновление запасов материальных ценностей государственного и мобилизационного резервов, неснижаемых запасов продовольственных товаров и нефтепродуктов;

и) создание и сохранение страхового фонда документации на вооружение и военную технику, важнейшую гражданскую продукцию, объекты повышенного риска, системы жизнеобеспечения населения и объекты, являющиеся национальным достоянием;

к) подготовка финансово-кредитной, налоговой систем и системы денежного обращения к особому режиму функционирования в период мобилизации, в период военного положения и в военное время;

л) создание условий для работы органов управления всех уровней, в том числе создание запасных пунктов управления;

м) организация воинского учета;

н) бронирование граждан на период мобилизации и на военное время;

о) организация совместной мобилизационной подготовки органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций, имеющих мобилизационные задания, а также обеспечивающих мобилизационные мероприятия по переводу Вооруженных Сил и других войск на организацию и состав военного времени.

Военно-политическое и военно-техническое сотрудничество Российской Федерации с иностранными государствами

49. Российская Федерация осуществляет военно-политическое и военно-техническое сотрудничество с иностранными государствами (далее — военно-политическое и военно-техническое сотрудничество), международными, в том числе региональными, организациями на основе внешнеполитической, экономической целесообразности и в соответствии с федеральным законодательством и международными договорами Российской Федерации.

50. Задачи военно-политического сотрудничества:

а) укрепление международной безопасности и выполнение международных обязательств Российской Федерации;

б) формирование и развитие союзнических отношений с государствами — членами ОДКБ и государствами — участниками СНГ, дружественных и партнерских отношений с другими государствами;

в) развитие переговорного процесса по созданию региональных систем безопасности с участием Российской Федерации;

г) развитие отношений с международными организациями по предотвращению конфликтных ситуаций, сохранению и укреплению мира в различных регионах, в том числе с участием российских воинских контингентов в миротворческих операциях;

д) сохранение равноправных отношений с заинтересованными государствами и международными организациями для противодействия распространению оружия массового поражения и средств его доставки.

51. Основные приоритеты военно-политического сотрудничества:

а) с Республикой Беларусь:

координация деятельности в области развития национальных вооруженных сил и использования военной инфраструктуры;

выработка и согласование мер по поддержанию обороноспособности Союзного государства в соответствии с Военной доктриной Союзного государства;

б) с государствами — членами ОДКБ — консолидация усилий и создание коллективных сил в интересах обеспечения коллективной безопасности и совместной обороны;

в) с другими государствами — участниками СНГ — обеспечение региональной и международной безопасности, осуществление миротворческой деятельности;

г) с государствами ШОС — координация усилий в интересах противодействия новым военным опасностям и военным угрозам на совместном пространстве, а также создание необходимой нормативно-правовой базы;

д) с ООН, другими международными, в том числе региональными организациями — вовлечение представителей Вооруженных Сил и других войск в руководство миротворческими операциями, в процесс планирования и выполнения мероприятий по подготовке операций по поддержанию мира, а также участие в разработке, согласовании и реализации меж-

дународных соглашений в области контроля над вооружениями и укрепления военной безопасности, расширение участия подразделений и военнослужащих Вооруженных Сил и других войск в операциях по поддержанию мира.

52. Задачей военно-технического сотрудничества является реализация целей и основных принципов государственной политики в этой области, которые определены федеральным законодательством.

53. Основные направления военно-технического сотрудничества определяются соответствующими концепциями, утверждаемыми Президентом Российской Федерации.

* * *

Положения Военной доктрины могут уточняться с изменением характера военных опасностей и военных угроз, задач в области обеспечения военной безопасности и обороны, а также условий развития Российской Федерации»³⁴.

³⁴ Указ Президента России от 5 февраля 2010 г. № 146 «Военная доктрина Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 5 февраля.

Глава VIII.
Методология стратегического
прогнозирования сценариев
развития международной
и военно-политической
обстановки

Когда достигаешь цели,
понимаешь, что путь и был целью
Поль Валери,
французский философ

Велика вероятность новой волны конфликтов,
сопровожающих дрейф «глобального центра силы» от США
к Китаю...¹
Д. Белоусов,
экономист

Предлагаемая здесь методология прогнозирования развития международной, военно-политической и стратегической обстановки вытекает из общих методик стратегического прогнозирования, включая методики долгосрочного прогноза мирового развития и являясь как его частной методикой, с одной стороны, так и вполне самостоятельной методикой исследования и прогноза, с другой. Этим объясняется то обстоятельство, что прежде чем обратиться к собственно методикам анализа и прогноза международной и военно-политической обстановки, необходимо рассмотреть более общую методику анализа и прогноза развития человеческой цивилизации.

В процессе анализа и долгосрочного прогноза сценариев развития человеческой цивилизации (ЧЦ), международной

¹ Белоусов Д. Р. ОПК и наука: что следует из долгосрочного прогноза? Новосибирск. 2013. Ноябрь. С. 1.

обстановки (МО), а также военно-политической и стратегической обстановки (ВПО и СО) наиболее часто используются следующие методики:

- Методика экспертных оценок, которая, как показывает практика, используется наиболее часто, однако предоставляет наибольший разброс, мнений, а нередко и абсолютно противоположных оценок, если речь идет не только о долгосрочной перспективе, но даже о современном состоянии;
- «Дельфийский метод», предусматривающий проведение серии опросов, интервью, мозговых штурмов с привлечением независимых и не связанных друг с другом экспертов, специалистов и других заинтересованных лиц. Этот метод, разработанный в свое время «РЭНД Корпорейшн», как правило, используется по инициативе ведущих правительственных организаций и крупных фондов.
- Математическое моделирование различных мировых тенденций, международных конфликтов и взаимодействия государств и коалиций.

При этом особое значение для анализа и долгосрочного прогноза и планирования приобретают имеющиеся возможности сбора, систематизации и анализа огромных массивов информации, а также современные методики их интеллектуализации.

8.1. Состояние и перспектива стратегических прогнозов сценариев развития ЧЦ, МО, ВПО и СО

Эффективное стратегическое прогнозирование МО и ВПО является важнейшим условием выработки государством правильной стратегии внутреннего развития и поведения на международной арене. Напротив, отсутствие адекватных прогнозов ведет к субъективизму и спонтанным решениям, реактивной, а не инициативной политике, и в конечном итоге к серьезным

политическим ошибкам. Не случайно, на Западе вопросам стратегического прогнозирования уделяется повышенное внимание.

В частности, США и НАТО ведут настойчивую работу по стратегическому прогнозированию и проработке сценариев развития военно-политической обстановки. Так, на саммите стран НАТО в Чикаго (май, 2012 г.) был принят пакет мер под названием «Силы НАТО-2020». Как отмечает исследователь этой проблемы В. Поздняк: «В практическом плане речь, разумеется, не идет о неких умозрительных идеальных качествах, но многоступенчатом и «многослойном» процессе оборонного планирования, в котором имеется несколько изменяющихся параметров и временных «горизонтов». Последние включают, 2010 год как стартовую линию (принятие Стратегической концепции), 2020 год как среднесрочный целевой горизонт, когда планирование носит более реалистический (и в меньшей степени гипотетический) характер, а также более дальний «виртуальный» горизонт как прогноз стратегической обстановки после 2020 г.

Долгосрочные стратегические прогнозы задают предполагаемые будущие рамки операций, которые, в свою очередь, позволяют ориентировочно планировать требуемые силы и средства. Однако реальные возможности — прежде всего, объективно ограниченные финансовые и экономические ресурсы сегодняшнего дня и ближайшего будущего («горизонт настоящего») — вносят в данную схему существенные коррективы, ограничивая и конкретизируя как цели, так и средства и способы их достижения².

На рисунке ниже схематично представлены основные структурные элементы и этапы стратегического военного планирования НАТО до 2020 г. и на дальнейшую перспективу в увязке с предлагаемыми средствами и способами достижения поставленных целей.

² Поздняк В. НАТО после Чикагского саммита: развитие оборонного потенциала // Аспекты безопасности. 2013. № 1. С. 3–4

Общая структура стратегического планирования НАТО
до 2020–2030 гг.

Рис. 8.1³

Как пишет В. Поздняк: «Чтобы получить наиболее качественное коллективное видение долговременной перспективы, служащей ориентиром для постоянного совершенствования и сохранения боеспособности организации, Командование ОВС НАТО по трансформации возглавило группу по изучению основных сценариев будущего, в которую вошли представители Командования ОВС НАТО по операциям, Международного секретариата и Международного военного штаба. Задачами данной группы является проведение анализа стратегических

³ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.

прогнозов, который выступает в качестве общего понимания будущей среды безопасности, а также выработка Рамочного подхода к будущим операциям альянса.

Он опирается на несколько проведенных за последние годы масштабных исследований, в частности, — «Исследование НАТО о долгосрочных потребностях» (NATO Long Term Requirements Study), а также проекты «Многовариантное будущее» (Multiple Futures Project) и «Объединенные операции НАТО 2030» (NATO Joint Operations 2030). На основе уже подготовленного предварительного варианта Анализа стратегических прогнозов (АСП), охватывающего перспективу до 2030 г., был сделан вывод о том, что будущее будет характеризоваться сложностью, неопределенностью, рисками и опасностями, вызываемыми быстрым темпом социальных, научных и технологических изменений в результате инноваций»⁴.

Рис. 8.2

⁴ Поздняк В. НАТО после Чикагского саммита: развитие оборонного потенциала // Аспекты безопасности. 2013. № 1. С. 3–4.

Еще ранее, в 2009 году, в НАТО утвердили новую модель «гармонизации и повышения эффективности оборонного планирования» альянса. Ее особенность состоит в функциональном объединении гражданского и военного подходов к планированию. Процесс оборонного планирования в НАТО (НДПП — *англ.* NDPP) учитывает множество факторов с целью оптимизации использования национальных и коллективных ресурсов, которые выделяются на реализацию всего спектра задач альянса⁵ (рис. 8.2).

В том же году был утвержден «Переходный план по реализации НДПП». В отличие от 7 областей в предыдущей модели новый вариант охватывает уже 13 сфер: противовоздушную оборону, управление воздушным движением, вооружения, консультации, командование и управление — «СЗ», гражданское

Источник: <http://nato.w-europe.org>; <http://www.nato.int>

Рис. 8.3

⁵ Поздняк В. НАТО после Чикагского саммита: развитие оборонного потенциала // Аспекты безопасности. 2013. № 1. С. 5.

чрезвычайное планирование, войска, разведку, тыловое обеспечение, медицинское обеспечение, ядерное оружие, исследования и технологии, ресурсы и стандартизацию (рис. 8.3).

НДПП служит механизмом для гармонизации процессов оборонного планирования в НАТО и государствах-членах. Он имеет четырехлетний цикл, в течение которого с установленной последовательностью и допустимой вариативностью выполняются 5 следующих этапов. Несколько этапов могут реализовываться одновременно. Так, например, этап 4 является не только относительно самостоятельным, но выполняет также функции поддержки параллельно всем остальным этапам⁶. Каждый цикл НДПП начинается с разработки политических руководящих указаний (ПУ), которые охватывают все сферы планирования и устанавливают уровень устремлений альянса (рис. 8.4).

**Этапы цикла оборонного планирования НАТО
согласно новой модели процесса оборонного
планирования НАТО (Outline Model for a NATO
Defence Planning Process – PO (2009)004)**

Рис. 8.4

⁶ Поздняк В. НАТО после Чикагского саммита: развитие оборонного потенциала // Аспекты безопасности. 2013. № 1. С. 7.

На Лиссабонском Саммите 2010 г. главы государств и правительств, стран-членов НАТО поручили Североатлантическому совету подготовить очередной Политический руководящий документ для реализации новой Стратегической концепции. Он был утвержден в марте 2011 г., а в декабре того же года были согласованы Минимальные требования по силам и средствам. В 2012 г. началась и активно продолжалась в 2013 г. работа по распределению между НАТО и государствами-членами номенклатуры создаваемых потенциалов и определению целевых задач в соответствии с согласованными потребностями и с учетом особенностей текущего экономического и военно-политического контекста⁷.

Таким образом, очевидно, что и в России стратегическое планирование должно быть организовано в масштабах всей страны. Причем, по отдельным, наиболее важным направлениям, в частности ОПК, оно не может быть реализовано без учета развития более общих тенденций в мире. Важнейшие исходные условия и критерии будущей ВПО будут определяться теми факторами, которые формируются в рамках более общих, мировых и региональных тенденций.

Между тем, состояние прогнозирования МО и ВПО в России в настоящее время оставляет желать много лучшего. В целом это состояние можно охарактеризовать как отдельные и бессистемные попытки различных групп энтузиастов и лиц, которые периодически пытаются дать описание основных существующих и будущих тенденций и сценариев развития. Очень трудно обнаружить прогнозы, которые базируются на твердой научной основе. Большинство из них носит интуитивный характер, отражая субъективные предпочтения и идеологическую приверженность авторов. Практическое использование таких прогнозов в реальном военно-полити-

⁷ Поздняк В. НАТО после Чикагского саммита: развитие оборонного потенциала // Аспекты безопасности. 2013. № 1. С. 7.

ческом планировании может привести к серьезным политическим ошибкам.

Так недавно произошло с прогнозом А. Дынкина и В. Барановского, где утверждалось, что в мировом окружении России в 2014 году не произойдет кардинальных изменений. Однако через несколько месяцев последовали события на Украине и ситуация принципиально изменилась. Этот просчет случился именно потому, что данный прогноз основывался на изначально неверной посылке о преобладании тенденции к «потере значения военной силы» в отношениях между ведущими мировыми державами⁸.

Что касается прогнозов, публикуемых на Западе, то абсолютное большинство из них создается в пропагандистских целях, в интересах информационного воздействия на другие государства и народы, а также на аудиторию собственной страны. Целью таких прогнозов является повлиять на общественное сознание, подтолкнуть умонастроения людей в определенном желаемом направлении или дезориентировать потенциальных противников и конкурентов. В таких прогнозах фактура и аналитика носят эклектичный характер и подгоняются под уже заданный результат. Естественно, рассматривать такие прогнозы как основу для реального военно-политического планирования совершенно неуместно.

Пока что можно опираться лишь на обобщенные и достаточно абстрактные попытки стратегического прогноза развития различных сценариев ЧЦ, МО, ВПО и СО, которые были разработаны в самом общем виде различными учеными, футурологами и писателями в последние годы. Эти прогнозы, сценарии и варианты развития, естественно, способны в лучшем случае показать основные тенденции и, может быть, факторы, влияющие на формирование сценариев в долгосрочной перспективе.

⁸ Россия и мир: 2014. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. Проекта — А. А. Дынкин, В. Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 89.

ЦМААП
1. Новый внешний формат развития
Геоэкономика: • Новая география «новых углеводородов»: переход к самообеспечению основных макрорегионов (сланцевый газ в США плюс тяжелая нефть в Китае; африканские энергоносители для Европы, самообеспечение АТР за счет нефти Желтого моря, океанических газовых гидратов, китайского угля АСТ); • Новое распределение производственных потенциалов: реконструкция США, завершение «второй модернизации» Китая. Глобальное технологическое развитие – напряженная неопределенность: • Либо начнется новый технологический рывок (энергетика? ИКТ? нанотех/материаловедение? Биотех?), обеспечивающий «скачок в отрыв» стран-лидеров и воспроизводимый разрыв лидеров и отстающих; • Либо из-за кризиса технологическое развитие резко затормозится, на некоторое время начнется конкуренция лидеров в эффективности. Новая конфликтность: Велика вероятность новой волны конфликтов, сопровождаемых дрейф «глобального центра силы» от США к Китаю (при невозможности прямого столкновения) будет сопровождаться расширением локальных и региональных конфликтов

ЦМААП
1. Новый внешний формат развития
Потенциал развития глобального кризиса   • Существует высокая вероятность новой волны кризиса, связанной с накоплением потенциала «финансового пузыря» в условиях отсутствия новых масштабных «зон роста» в мировой экономике и интенсивной эмиссии. Неопределенность с новой технологической волной   • «экономизация» научно-технологического развития (зависимость от наличия «дешевых высокореализованных денег» на финансовом рынке и в сфере кредитования) делает его уязвимым от разрешения финансового кризиса. Отсюда, существуют риски запаздывания новой технологической волны (отсутствия прорывных инноваций), а значит – бума уступающих массовых инноваций. А именно здесь российские позиции откровенно слабы. Риск усиления конфликтности   • если идет смена «мирового гегемона» по Н.Валлерстайну, она будет сопровождаться усилением конфликтности между США и Китаем. При высокой взаимной зависимости она, вероятно, трансформируется в позиционную борьбу – в том числе на постсоветском пространстве. А это не позволяет России существенно снизить оборонную нагрузку

Рис. 8.5

В этой связи необходимо обратиться к тем немногим относительно удачным попыткам стратегического прогноза сценариев развития ЧЦ и МО, которые известны к настоящему времени. Причем, как правило, сценарии развития ЧЦ и МО авторами прогнозов делятся на самостоятельные, иногда даже не взаимосвязанные сценарии, что, естественно, превращает их во многом в бессистемное изложение нередко качественных материалов. Так, например, в стратегическом прогнозе Д. Белоусова, который в полной мере может быть отнесен к категории стратегических прогнозов МО, описывается «Новый внешний формат развития», который вполне может быть отнесен к одному («кризисному») из сценариев развития МО⁹.

Между тем этот сценарий, во-первых, вообще не соотносится ни с одним из сценариев развития ЧЦ, хотя можно допустить, что он может быть идентифицирован в качестве условного «кризисного» сценария развития ЧЦ без описания других кризисных явлений. Во-вторых, этот сценарий достаточно эклектично, не

Рис. 8.6

⁹ Белоусов Д. Р. ОПК и Наука: что следует из долгосрочного прогноза // ЦМАКП. 2013. Ноябрь.

понятно по каким признакам и принципам, выбирает основные кризисные направления. Такие, например, как «геоэкономика» или «потенциал развития глобального кризиса» (рис. 8.5).

Вместе с тем следует отдать должное направлению анализа автора и его попыткам долгосрочного прогноза и сценария развития МО, который (хотя и вырван из контекста) дает основания для работы над национальной стратегией развития России. Что, вероятно, и было главной целью такого анализа. В целом же попытку Д. Белоусова графически можно изобразить следующим образом: рис. 8.6.

Еще большую критику вызывает попытка Д. Белоусова описать только часть одного из сценариев развития ВПО, обозначенную им как «Глобальная безопасность: узлы напряженности» (выделяя, по всей видимости, отдельные региональные аспекты ВПО)¹⁰ (рис. 8.7).

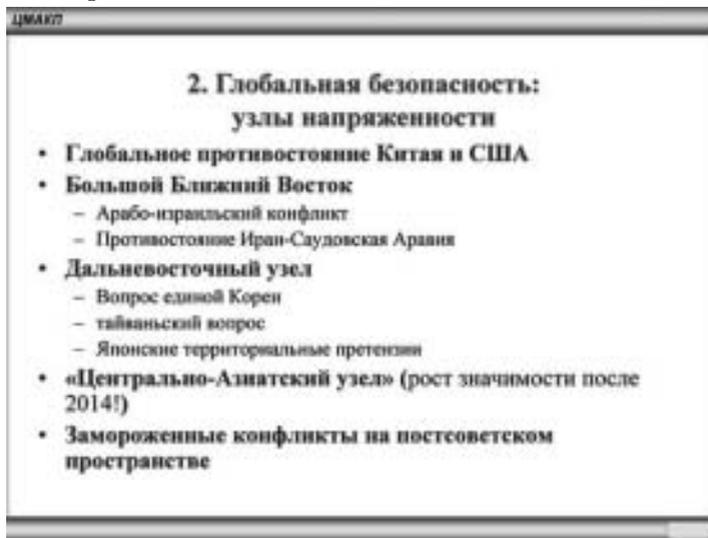

Рис. 8.7

¹⁰ Белоусов Д. Р. ОПК и Наука: что следует из долгосрочного прогноза // ЦМАКП. 2013. Ноябрь.

Почему именно эти области и в таком порядке выделены в презентации Д. Белоусова, естественно, не объясняется, однако также естественно возникают соответствующие вопросы, причем принципиальные. Например, почему «Глобальное противостояние Китая и США» выделено в важнейший по порядку и значению приоритет? Это, в действительности, так и может быть, однако:

- во-первых, в перспективе 20–30–50 лет;
- во-вторых, существуют и другие сценарии развития отношений США–КНР;
- в-третьих, этот «глобальный узел» является следствием развития одного из сценариев ЧЦ, но какого именно?;
- и т. д.

Учитывая эту самую общую критику, безусловно, положительной попытки Д. Белоусова описать один из сценариев ВПО, неизбежно следуют далеко не бесспорные рекомендации по отношению к стратегическому военному планированию России,

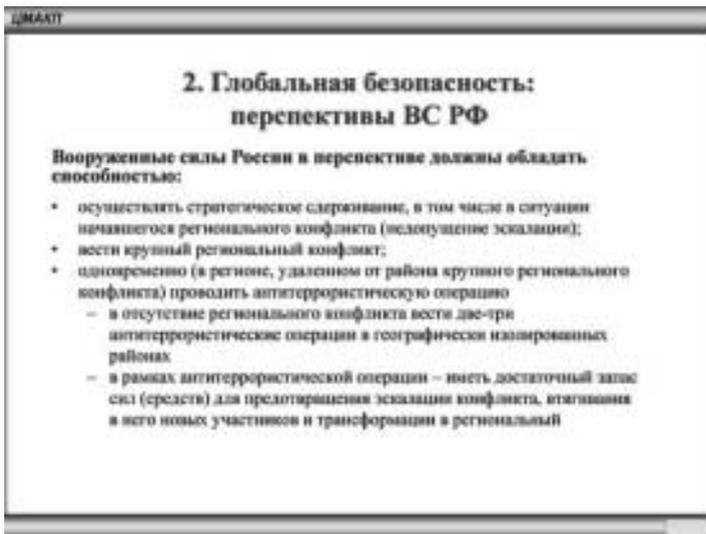

Рис. 8.8

т. е. — четвертому этапу в описании сценариев развития ВПО — предложению ответных мер по нейтрализации внешних военных угроз¹¹ (рис. 8.8).

В частности, важнейший приоритет Д. Белоусова («ж» «стратегическое сдерживание» / «недопущение эскалации») уже во втором десятилетии XXI века становится все менее и менее значимым. Да, действительно, сохраняющийся паритет России и США/НАТО пока не позволяет использовать против России вооруженные силы в крупномасштабном конфликте. Однако:

- во-первых, это отнюдь не сдерживает США/НАТО, например, в других регионах, в т. ч. в Европе (на Украине). Более того, позволяет активно использовать другие силовые (невоенные) политические инструменты;
- во-вторых, к 2020 году потенциал ВТО и стратегической обороны, вероятно, девальвирует и эти возможности;
- в-третьих, стратегическое «сдерживание» никоим образом не сдерживает эскалацию регионального конфликта.

Заслуживают внимания и прогнозные оценки бывших советников Начальника Генштаба ВС РФ И. Попова и М. Хамзатова. Согласно их мнению, будущий характер войн, конфликтов и военной организации России во многом предопределяется сценариями развития ЧЦ, МО, ВПО и СО. В то же время они несколько упрощают внешние условия и сценарии развития ЧЦ, МО и ВПО, объединяя их в несколько вариантов развития геополитической обстановки (3 сценария — положительной и 3 — отрицательной) (рис. 8.9).

Другим существенным недостатком этой схемы является акцент на государство и ВС этого государства, который не может гарантировать безопасность в отрыве от других факторов национальной мощи, прежде всего национального человеческого капитала (НЧК).

¹¹ Белоусов Д. Р. ОПК и Наука: что следует из долгосрочного прогноза // ЦМАКП. 2013. Ноябрь.

Рис. 8.9

Таковыми же недостатками обладают и описания идеи разработки сценариев развития ВС, которые слишком абстрактны, но, тем не менее дают самые общие представления о вариантах (сценариях) развития ВС РФ.

В частности, в вариантах (сценариях) И. Попова и М. Хамзатова не указаны:

- а) факторы, влияющие на те, или иные решения;
- б) значение внешних условий и развития сценариев ЧЦ, МО и ВПО.

Поэтому становится не вполне понятным, почему, и в зависимости, от каких причин, принимаются те или иные решения о развитии ВС.

Наконец, не вполне понятно (в связи с первым рисунком) какова роль ВС России при развитии того или иного сценария, например, нужна ли России роль глобальной державы, способной контролировать, в т. ч. военными средствами, всю планету?

Рис. 8.10

Еще большую критику вызывает попытка логического обоснования стратегического облика ВС РФ до 2030 года, опираясь только на внутренние интересы ведомств, которая показана И. Поповым и М. Хамзатовым на следующем рисунке (рис. 8.11). Как видно из этого рисунка, чья логика может разделяться значительной частью правящей элиты, будущий прогноз облика ВС формируется министерствами и ведомствами (с участием РАН). Видимо И. Попов и М. Хамзатов справедливо хотят подчеркнуть, что это не является исключительно задачей МО и Генштаба и даже всей военной организации страны, что, естественно, правильно.

Вместе с тем, надо отметить, что ни в одном из этих министерств и ведомств нет профессионально работающих коллективов, информационных систем, методик для стратегического прогноза, ни сценариев развития ЧЦ, ни МО, ни ВПО, ни СО. Те немногие существующие сегодня стратегические прогнозы и сценарии могут являться лишь самыми первыми шагами

Прогноз облика Вооруженных Сил к 2030 г.
– задача комплексная, межведомственная...

Рис. 8.11

в этой области, скромными попытками энтузиастов, которые не обеспечены ни необходимыми кадрами, ни информацией, ни другими ресурсами.

Поэтому на повестке дня стоит вполне конкретная задача создания такого межведомственного органа, который был бы способен проделать огромную по своему объему работу, представив стратегический прогноз развития различных сценариев ЧЦ, МО, ВПО и СО, в которых учитываются самые разные факторы условия, от климатических и демографических, до экономических, социальных и психологических.

Стратегическое прогнозирование имеет не только теоретическое и методологическое, но и совершенно конкретное, прикладное значение для России, так как оно лежит в основе стратегического, военно-политического, научно-технического планирования на долгосрочную перспективу. Есть основания полагать, что анализ и прогноз сценариев развития ЧЦ, МО и ВПО обязателен для подготовки долгосрочных социально-

экономических, «инновационных» и прочих «невоенных» общенациональных прогнозов. До недавнего времени эти внешние факторы (кроме цены на нефть) практически не учитывались.

Именно эта, «внешняя» группа факторов, однако, оказывает решающее влияние на:

- а) цели политической национальной стратегии, которые не только корректируются, но и меняются под воздействием изменений внешней обстановки;
- б) распределение национальных ресурсов в зависимости от приоритетности решения задач. Так присоединение Крыма в 2014 году потребовало, как и конфликт на Украине, выделения сотен миллиардов рублей ранее не планированных ресурсов;
- в) представления правящей элиты о национальной стратегии страны, в т. ч. систему ценностей. В этой связи характерен пример влияния конфликта на Украине на всю национальную систему ценностей и отношение к ней правящей элиты в России, что проявилось практически во всех областях — от ОПК до образования.

Таким образом «внешние» факторы формирующие среду для существования нации и российского государства, оказывают сложное и системное влияние, часть из которого реализуется в развитии сценариев МО и ВПО, а другая — влияет на сами процессы формирования ЧЦ, МО и ВПО. Как видно из известного рисунка, в котором описана логическая модель политического процесса¹², группа «внешних» факторов непосредственно оказывает влияние на указанные выше факторы политического процесса. Причем внешнее влияние воздействует на внутренние факторы по-разному. Если оно прямо и непосредственно влияет на политику и стратегию государств

¹² В основу этого рисунка положены идеи профессоров МГИМО(У) М. А. Хрусталева и Н. А. Злобина, на которые автор не раз ссылался в предыдущих работах, например: Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.

(прежде всего через формулирование политических целей), а также на более консервативную составляющую — систему ценностей и национальных интересов, — то на представления правящей элиты это влияние может быть очень сильным и, главное, динамичным (так это было в конце 80-х гг. в СССР и в XXI веке — на Украине).

И, наоборот, на распределение национальных ресурсов, собственно стратегию, стратегическое планирование и тактику, это влияние может быть опосредованным — через элиту, систему ценностей и формулирование политических целей.

Долговременный прогноз развития сценариев ЧЦ, МО, ВПО и СО, таким образом крайне важен для формирования стратегических прогнозов и планирования, основные компоненты которых (политические цели, национальные интересы и национальные ресурсы) будут во многом зависеть от внешних условий. Так, относительно благоприятные внешние условия позволяют развитым государствам тратить 1% своего ВВП на оборону (КНР тратит — 2%, в то время как США и Россия тратят

более 4% ВВП на нужды обороны). В условиях обострения МО (т.е. неблагоприятного сценария) эти расходы достигают 8% ВВП, а в условиях войны — до 40%. Соответственно, бессмысленно долгосрочно прогнозировать и планировать национальное развитие, не принимая во внимание конкретную МО и ВПО. Этот вывод имеет также важное значение для прогноза и планирования ответных мер нейтрализации угроз со стороны других государств, групп государств и военно-политических коалиций, таких как НАТО.

8.2. Теория цивилизаций как основа научной методологии прогнозирования сценариев развития ЧЦ, МО, ВПО и СО

Научный подход к прогнозированию сценариев развития ЧЦ, МО, ВПО и СО предполагает, что они должны базироваться, прежде всего, на множестве объективных факторов (причем не только экономических, технологических, но и культурных, ценностных), а также на динамике развития субъектов международной системы — государств, коалиций, организаций — во всем их многообразии. Выявление этих тенденций должно быть стартовой позицией, отправной точкой составления любого серьезного прогноза.

Следует также учитывать, что тенденции мирового развития носят долговременный, глубинный характер, предопределяемый социально-экономическими процессами, охватывающими весь мир и затрагивающими миллиарды людей. Как таковые, эти тенденции представляют собой явления объективного порядка, то есть не могут быть изменены субъективной волей отдельных личностей, включая даже руководителей мощных мировых держав. Действия этих руководителей, правительств, да и целых государств могут лишь повлиять на скорость данных процессов, а также те формы, в каких эти

процессы будут протекать. Однако остановить или перенаправить тенденции мирового развития они не в состоянии. По этим причинам сценарии развития человеческой цивилизации не могут быть многочисленными. По существу, речь может идти об одном — двух, в крайнем случае — трех сценариях такого развития.

При этом тенденции мирового развития должны определяться не интуитивным путем, не быть отражением субъективных предпочтений или личной фантазии авторов, а выявляться с использованием методов научного анализа, базироваться на объективных исходных данных, научном понятийном аппарате с применением системного подхода. По существу, выявление основных тенденций мирового развития должно быть построено на цельной научной теории, отражающей закономерности исторического развития.

В данной работе в основу такого анализа положена теория развития и взаимодействия мировых цивилизаций. Эта теория появилась уже достаточно давно. У ее основ стояли выдающиеся русские мыслители Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев, а на Западе — О. Шпенглер и А. Тойнби. Теория цивилизаций входит в состав ядра постиндустриальной парадигмы обществоведения, которая утвердится в итоге развертывающейся в XXI веке великой научной революции, формирующейся сейчас новой картины вечно меняющегося мира. Цивилизационный подход к истории и будущему человечества идет на смену марксистскому и либеральному формационным подходам, которые преобладали в период расцвета и заката индустриальной цивилизации (XIX–XX вв.) и при всем кажущемся антагонизме имели общие корни и черты, как составные части индустриальной научной парадигмы¹³.

¹³ Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец; авт. вступ. стат. А. Д. Некипелов. М.: Институт экономических стратегий. Т. V. / <http://library.newparadigm.ru/files/b5r.pdf>. С. 39.

Исторически человеческая цивилизация развивалась как совокупность нескольких мировых цивилизаций, построенных на разных мировоззренческих системах. Не все из них в равной мере повлияли на ход исторического развития. Тем не менее, на определенных исторических этапах то та, то другая цивилизация выходила вперед в области социально-экономического, научного и культурного прогресса. Некоторые великие цивилизации прошлого исчезли, оставив заметный след в человеческой истории. Другие в несколько видоизмененной форме продолжают существовать и по сей день.

К настоящему моменту в мире сложилось несколько крупных мировых цивилизаций, которые условно можно подразделить следующим образом:

Западная цивилизация, основанная на принципах либерализма (с центром в Вашингтоне);

Восточно-христианская (православная) цивилизация, основанная на принципах православия (с центром в Москве);

Восточно-азиатская цивилизация, охватывающая страны буддийской и конфуцианской традиции и включающая Китай, Японию, Корею, Монголию и некоторые другие государства и территории (имеет полицентричный характер);

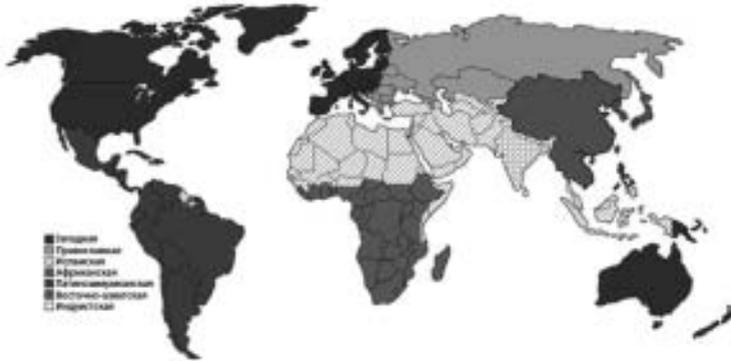
Исламская цивилизация, охватывающая обширные районы Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, Средней Азии и частично Юго-Восточной Азии (имеет полицентричный характер);

Индуистская цивилизация с центром в Индии;

Латиноамериканская цивилизация, основанная на принципах католицизма и традициях индейского населения этого региона (имеет полицентричный характер).

Данные цивилизации, даже те из них, которые имеют условный идеологический центр, не являются гомогенными структурами и из этого центра не управляются. Центр (или «центры влияния» этих цивилизаций) может давать лишь некие общие мировоззренческие установки, закладывающие ценностные

Распределение мировых цивилизаций

ориентиры для оценки событий и ориентации в окружающем мире. В то же время государства, входящие в состав данных цивилизаций, имеют отличные от других цивилизаций ценностные ориентиры, что играет важную роль в деле прогнозирования сценариев развития ЧЦ, МО, ВПО и СО.

Мировоззренческая конкуренция цивилизаций отнюдь не является чем-то новым. Она существовала всегда. В XXI веке эта конкуренция лишь усилилась, так как перешла в новую форму — форму борьбы ценностей. Поэтому дальнейшее обострение сверхсложных цивилизационных конфликтов является неизбежным. Причем питается такое обострение неоднозначными глубинными факторами и причинами.

Так, вооруженный конфликт на Украине в 2014 году отразил всю глубину цивилизационного противостояния между Россией и Западом. Собственно именно об этом в июне 2014 года писал, например, З. Бжезинский буквально следующее: «То, что мы сейчас наблюдаем на Украине, это, с моей точки зрения, не просто ссора, а симптом более серьезной проблемы — а именно, постепенного и устойчивого подъема российского квазимистицистического шовинизма, который продолжается уже в течение шести или семи лет. Главную роль в этом сыграл Путин, и содержание

этой новой концепции полностью определяет отношения России с миром в целом и с Западом в частности...»¹⁴.

3. Бжезинский видит в этом явную угрозу для Запада. Эту угрозу он описывает следующим образом: «Не менее важной является убежденность в том, что Россия не входит в состав западной цивилизации. Она также не является частью Китая. Она не является частью мусульманского мира. Считается, что Россия сама по себе является великой цивилизацией. Понятие «мировой цивилизации» включает в себя ряд принципов, некоторые из которых еще неизвестны в нашем обществе, таких как, к примеру, сильная приверженность к определенному религиозному учению, гораздо более сильная, чем на Западе, где религия представляет собой часть более сложного общественного устройства. Суть заключается в том, что великая русская цивилизация отстаивает определенные базовые ценности, не только религиозные, но и ценности, касающиеся межличностных отношений — к примеру, осуждение изменений в отношениях между полами и внутри полов, которые в настоящее время происходят в мире. В результате Россия защищает сохранность определенных базовых убеждений, которые всегда характеризовали христианство, но с точки зрения россиян, то христианство сегодня предаёт свои основополагающие принципы. Итак, мы имеем дело с полноценным мировоззрением — амбициозным мировоззрением, которое оправдывает утверждение о том, что Россия — это мировая держава. И ничто в международном диалоге с Западом не задевало г-на Путина так сильно, как слова президента Обамы, который назвал Россию сильной региональной державой. Более обидной характеристики он дать не мог»¹⁵.

Другими словами, угроза России заключается уже в том, что она посмела идентифицировать себя как самостоятельную

¹⁴ Бжезинский Зб. В борьбе с российским шовинизмом / «The American Interest» / Цит. по: Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2014. 3 июля / <http://eurasian-defence.ru/>

¹⁵ Там же.

цивилизацию и заявить о наличии своей системы ценностей. В этой связи можно говорить о возвращении к идеологии, но уже не по партийно-социальной шкале, а цивилизационно-национальной. Поэтому в качестве одного из важных средств международного противоборства вновь становится идеологическая война.

В этом контексте наиболее эффективной представляется методика прогнозирования, построенная в виде иерархической матрицы, ведущей от общего к частному: то есть от общего прогноза развития ЧЦ до конкретных параметров ВПО, которые могут сложиться в будущем. В самом общем виде логика построения такого прогноза заключается в следующем:

- во-первых, выделение вероятных сценариев развития ЧЦ до 2030 и 2050-х годов XXI века;
- во-вторых, определение для каждого из этих сценариев развития ЧЦ вариантов сценариев развития МО;
- в-третьих, выделение из каждого из сценариев развития МО вариантов развития ВПО и, если возможно, СО;
- в-четвертых, подготовка вариантов стратегического прогноза и планирования для России и ее союзников в отношении каждого из вариантов развития ВПО.

Таким образом, предстоит последовательно решить три группы проблем, связанных как с анализом текущего состояния человеческой цивилизации, МО, ВПО и СО, так и вероятного прогноза их развития в долгосрочной перспективе, а именно:

- системный анализ прогнозных сценариев развития человеческой цивилизации (ЧЦ) в широком философско-культурологическом, политико-историческом и ином аспектах. Целью такого анализа должно стать вычленение наиболее вероятных сценариев эволюции ЧЦ, на основе которых, в свою очередь, должны будут формироваться сценарные векторы развития МО;
- системный анализ прогнозных сценариев развития МО в широком контексте политических, экономических,

- военных, социально-демографических, финансовых, информационных, научно-технических и иных факторов;
- системный анализ прогнозных сценариев развития ВПО как одной из подсистем военно-политической системы МО и основы для выработки сценариев трансформации СО. (Вряд ли, возможен конкретный прогноз сценарных вариантов развития СО на 2030, а тем более 2050 годы, которые в силу огромного количества переменных величин сегодня трудно поддаются практическому анализу).

Этот иерархический порядок можно проиллюстрировать на рисунке следующим образом (рис. 8.12), имея ввиду, что развитие сценариев происходит в обязательном порядке «сверху — вниз», — от вершины, под которой подразумевается общечеловеческая цивилизация, — к локальным цивилизациям и их вариантам развития и т. д.

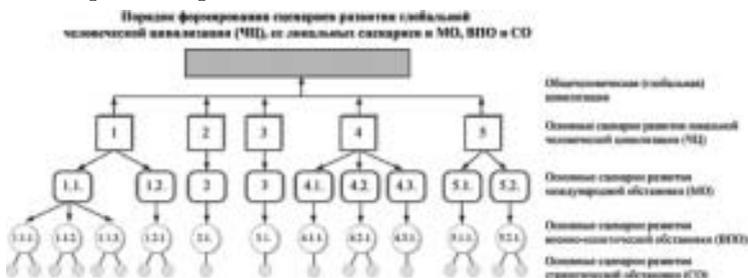

Рис. 8.12

Как видно из предложенной диаграммы, основные сценарии развития локальных человеческих цивилизаций (ЧЦ) изначально определяют численность и разнообразие сценариев развития международной обстановки (МО) и в последующем военно-политической обстановки (ВПО). При этом, как следует из предложенной логики, численность сценариев развития МО больше, чем ЧЦ, а сценариев развития ВПО больше, чем сценариев развития МО. Еще больше численность сценариев развития СО, что в целом эмпирически вполне оправданно:

войны даже в отдельный, ограниченный временной отрезок могли развиваться по-разному, в зависимости от избранной стратегии и тактики.

На первом этапе составления прогноза важно определить общие контуры и закономерности цивилизационного развития в первой половине XXI века. При этом принципиально важно точно провести анализ нынешней ситуации, в которой находится человеческая цивилизация, по трем основным причинам:

Во-первых, нужна исходная «точка отсчета», точные координаты, описание и анализ уже существующих тенденций, от которых будут развиваться будущие сценарии. Как в геодезии, для того, чтобы правильно проложить маршрут, необходимо точно знать изначальное местоположение.

Во-вторых, точный анализ позволяет определить направление дальнейшего хода событий. Это — принципиально важно потому, что при большой дальности (в данном случае прогноза более 10 лет) любая изначальная неточность ведет к искажению вектора на большие расстояния. Так, неточность в 10 градусов через 10 лет может привести, например, к созданию ненужных систем и видов ВиВТ, а через 30 лет — к технологическому коллапсу и качественному провалу в развитии ВиВТ.

В-третьих, изначальный точный анализ позволяет вычленивать в каждой из группы факторов наиболее важные тенденции и тренды, не заметив или недооценив которые можно позже допустить крупные просчеты в прогнозе на 10 лет, а тем более на 20 и 30 лет.

На первом этапе также принципиально важно выявить наиболее значимые тенденции и закономерности дальнейшего развития ЧЦ — идейных, социо-культурных, экономических, социально-политических, научно-технических, а также на этой основе предсказать, какие будущие парадигмы и качественно новые явления проявятся.

На втором этапе прогноза необходимо определить важнейшие особенности развития международных отношений

(МО) — политические, экономические, военные и иные, а также взаимосвязь между ними. В отличие от сценариев развития человеческой цивилизации эти особенности в некоторой степени определяются воздействием субъективных факторов, что расширяет степень многообразия возможных сценариев.

Наконец, на третьем этапе, который собственно и является предметом данного исследования, из всего блока проблем международных отношений вычленяется только одна его часть — военно-политическая обстановка (ВПО) и, возможно, стратегическая обстановка (СО).

Таким образом, количество вариантов стратегических прогнозов и соответствующего планирования ответных действий зависит, прежде всего, от количества сценариев развития ЧЦ, производных от них сценариев развития МО; производных от сценариев развития ВПО, а, в конечном счете, — вариантов прогноза и планирования развития ответных мер со стороны России. При этом, как уже говорилось, чем выше в иерархии вариантов сценариев находится тот или иной сценарий (либо отсутствует), тем большее значение он имеет для последующих операций: «забывая» один из вариантов развития ЧЦ, мы изначально отвергаем, как минимум, несколько сценариев развития МО, еще большее количество ВПО и еще большее СО. Соответственно, в конечном итоге, мы отвергаем и различные, порой принципиально отличные для того или иного сценария ВПО, стратегического прогноза и ответные меры со стороны России. Именно поэтому, анализируя и прогнозируя сценарии развития ВПО и СО, на долгосрочную перспективу необходимо особенно ответственно отнестись к сценариям развития ЧЦ и МО.

Важно в этой связи понимать особое значение сценариев развития ЧЦ, которые оказывают решающее влияние на сценарии МО и ВПО, включая стратегические прогнозы развития этих сценариев, по трем основным причинам:

Во-первых, Человеческая цивилизации всегда ограничена временными и пространственными рамками и изменения в этой

системе координат ведут к качественному, «фазовому переходу», когда меняются все основные парадигмы развития.

Во-вторых, исключение из стратегического прогноза, либо недооценка одного из сценариев развития ЧЦ неизбежно ведет к исключению всей последовательности сценариев развития МО, ВПО и СО. Так, например, исключение сценария развития ЧЦ под условным названием «столкновение цивилизации» (усиление цивилизационного противостояния) ведет к отказу от учета таких сценариев развития ВПО как религиозное и цивилизационное противостояние, религиозные войны (например, между суннитами и шиитами) и т. д.

В-третьих, сценарии развития ЧЦ сказываются на всех аспектах развития различных сценариев МО, ВПО и СО, что хорошо видно, например, на рисунке 8.13, сделанном авторами в Институте военной истории¹⁶.

Рис. 8.13

¹⁶ Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 9. Кн. 1. Обеспечение национальных интересов России в Арктике / Зап. воен. округ, Воен. акад. Ген. штаба Вооружен. Сил Рос. Федерации, Ин-т воен. истории, Гос. полярн. акад. — Санкт-Петербург: Политехника-сервис, 2014 / <http://pvkgb.ru/d/647158/d/obespechenie-nacionalnyh-interesov-v-arktike---kniga-1.pdf>

Также показательно выделение Д. Белоусовым целой группы сценарных факторов при описании нового внешнего формата мирового развития.¹⁷

ЦИАКП

2. Сценарии развития: мир

Сценарные факторы развития глобальной экономики и риски безопасности

первичные факторы развития:

- наличие или отсутствие существенного технологического прорыва и его срок;
- действия глобальных кредиторов и заемщиков по отношению к чрезмерной долговой нагрузке;
- способ разрешения проблемы глобальных дисбалансов;
- возникновение угроз безопасности для основных субъектов;
- формирование национальных инновационных систем;
- динамика и направление притока иностранных инвестиций.

Политические и геополитические риски:

- Фактор начала «перехода гегемонии» от старой страны-глобального лидера (США) к новому (Китюю).
- Наличие ряда неурегулируемых региональных узлов внешне-политических противоречий, ряд из которых имеют тенденцию к обострению.
- Наличие ряда «замороженных конфликтов» в рамках которых боевые действия не ведутся, но и полноценного политического урегулирования не достигнуто.
- Возникновение «хаотического компонента» в мировой политике и конфликтности.
- Дополнительный – и слабо определенный на сегодня риск – неконтролируемое распространение технологий создания ОМП и рост высокотехнологичного терроризма.
- Наличие новых типов рисков, связанных с кибератаками на критические элементы производственной, социальной и управленческой инфраструктуры.
- Начало «быстрых войн» со стороны технологически развитых стран, сокращение «особого периода» и сроков на стратегическое развертывание группировок войск-сил.
- Размывание границ между состоянием «мир» и «война».
- Резкий рост интеллектуализации боевых действий.
- Постепенное увеличение вероятности применения тактического ядерного оружия.
- Распространение «спящих» и двойных технологий.
- Создание возможности для развертывания средств вооруженной борьбы в космосе.
- Развитие гиперзвуковых воздушных и воздушно-космических средств.

¹⁷ Белоусов Д. Р. ОПК и наука: что следует из долгосрочного прогноза? Доклад. Международный форум технологического развития ТЕХНОПРОМ-2013. Новосибирск. 2013. Ноябрь.

8.3. Принципы стратегического прогнозирования развития сценариев ЧЦ, МО, ВПО и СО

Практическое значение стратегического прогноза достигается при помощи заранее оговоренных принципов, которые объединяют в реальности (действительности) определенную совокупность идей и концепции, связанных со стратегическим прогнозированием и планированием. Именно реалистичность и практическая применимость стратегических прогнозов развития ЧЦ, МО, ВПО и СО должны стать тем главным критерием, который объясняет и объединяет все усилия. Собственно эти требования и являются основными для принятия управленческих решений. В нашем случае о конкретных мерах противодействия внешним и внутренним военным угрозам. В этом смысле эти требования и принципы не отличаются от других требований, предъявляемых к управленческой информации, о которых немало написано¹⁸. «Для того чтобы с уверенностью пользоваться информацией, — отмечают авторы работы, — она должна быть качественной. Теоретическое понятие качества информации достаточно сложное и запутанное. В обычной практике информация считается качественной, если она удовлетворяет ряду требований»¹⁹.

Этот «ряд требований» к стратегическому прогнозу серьезно отличается от требований к бизнесу или другим областям, требующим принятия долгосрочных по своим последствиям решений. В частности, речь идет о таких жизненно-важных последствиях для нации и государства, как:

- безопасность страны, ее союзников и партнеров;
- суверенитет, территориальной целостности государства;

¹⁸ Карминский А. М., Черников Б. В. Методология создания информационных систем: учебное пособие / А. М. Карминский, Б. В. Черников. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ИД «ФОРУМ»; ИНЫФРА-М, 2012. С. 20.

¹⁹ Информационные системы в экономике / <http://xreferat.ru/>

- экономические издержки;
- социальные последствия и т. д.

Эти требования становятся уникальны для качества предоставляемой информации, необходимой для принятия решений. Известны случаи, когда от этой информации зависело вступление того или иного государства в войну, выбор союзников для коалиции, завершение военных действий и т. д. Поэтому на стадии сбора и обработки информации главным (первым) принципом должен стать принцип достоверности, «версификабельности» и обоснованности. Это предполагает определенную процедуру сбора, систематизации и обработки информации, необходимой для стратегического прогноза.

На рисунке 8.14 показано, как происходит преобразование данных в информацию и информации обратно в данные, а затем снова в информацию в информационно-справочных системах²⁰.

Рис. 8.14

²⁰ Карминский А. М., Черников Б. В. Методология создания информационных систем: учебное пособие / А. М. Карминский, Б. В. Черников. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ИД «ФОРУМ»; ИНЫФРА-М, 2012. С. 19.

«При поверхностном взгляде может показаться, что выполняется двойная напрасная работа, когда из уже обработанной информации „вытаскиваются“ первичные данные, которые затем снова обрабатываются и превращаются в информацию. Однако только такой подход к работе с информацией, полученной из внешних источников через информационно-справочные системы, позволяет выделять действительно существующие и влияющие на деятельность предприятия факты, анализировать их, строить прогнозы и принимать на их основе важные для предприятия решения»²¹.

Это — общие принципы, которыми руководствуются при подготовке и принятии политических решений. Вместе с тем методика прогнозирования сценариев развития ЧЦ, МО, ВПО и возможного характера войн и конфликтов, а также вероятных военных возможностей враждебных группировок и государств должна основываться на ряде специальных принципов, характерных только для таких сценариев. Графически этот порядок можно представить следующим образом: рис. 8.15.

²¹ Карминский А. М., Черников Б. В. Методология создания информационных систем: учебное пособие / А. М. Карминский, Б. В. Черников. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ИД «ФОРУМ»; ИНЫФРА-М, 2012. С. 19.

Рис. 8.15

Вторым принципом построения стратегического прогноза является «принцип подчиненности» развития сценария ВПО развитию сценария МО (и, соответственно, ЧЦ), из которого следует, что сам по себе сценарий развития военно-политической обстановки и стратегической обстановки является лишь производной частью международной обстановки. Соответственно сценарии развития ВПО и СО не появляются «сами по себе» — их количество, особенности и основные тенденции являются производными от соответствующих сценариев развития ЧЦ и МО.

Невозможно сделать долгосрочный прогноз развития ВПО без достаточно подробного описания различных вариантов развития сценариев ЧЦ и МО, в которых затрагиваются более общие, принципиальные вопросы политики, экономики, культуры, демографии и т. д., формирующие условия и рамки для развития сценариев ВПО и СО.

Третьим принципом является принцип системности в развитии МО и ВПО, который заключается в том, что МО и ВПО формируются под влиянием многих факторов, среди которых важнейшими являются объективные тенденции мирового развития и тенденции в развитии всех субъектов — государственных, международных, общественных — МО и ВПО.

Принцип системности предполагает, в частности, что на сценарии развития ВПО влияют три основные группы факторов:

- глобальные, локально цивилизационные, региональные и иные тенденции развития в экономике, науке, финансах, культуре и т. д.;

- эволюция в развитии самых различных субъектов МО, включая:
 - государства;
 - негосударственные секторы МО;
 - международные организации;
- развитие собственно нации и государства, ее ресурсов, возможностей, эволюция целей, задач и т. д.

Четвертый принцип — это «национальные возможности» государства. Он определяет не только масштабы влияния государства на МО и ВПО, но и условия внутреннего (политического, экономического, социального и пр.) развития государства. Так, будущая МО и ВПО применительно к России будет зависеть не только от внешних факторов и сценариев развития МО и ВПО, но и от внутренних:

Во-первых, прежде всего, от наличия национальных ресурсов и возможностей, которые определяются национальным потенциалом, который включает в себя в том числе и оборонный потенциал, о чем писалось достаточно подробно в книге «Военные угрозы России»²². Здесь же важно отметить, что национальный потенциал и возможности измеряются в настоящее время, прежде всего объемом и качеством национального человеческого капитала (НЧК), не только занимающего наибольшую часть, но и в наибольшей степени влияющей на реализацию национальные возможности в МО и ВПО (рис. 8.16).

Говоря сегодня о возможностях влияния России на МО и ВПО, надо понимать, что эти возможности (в т. ч. военные) определяются, прежде всего, качеством и масштабом национального человеческого потенциала. Этот потенциал:

- составляет две трети всех возможностей нации и государства, т. е. абсолютно большую часть;
- этот потенциал наиболее динамично развивается, обеспечивая до 95% прироста ВВП развитых стран.

²² Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.

Рис. 8.16

Во-вторых, принцип «национальных возможностей» свидетельствует об адекватности понимания правящей элитой реалий МО и ВПО и формирующихся угроз национальной безопасности. Недооценивать влияние этого второго фактора при формировании сценария развития МО и ВПО нельзя. Достаточно вспомнить, что развал СССР произошел именно по этой причине, а не из-за ухудшения МО и ВПО или появления какого-то враждебного сценария ВПО. Адекватная оценка внутренних и внешних угроз является важнейшим условием для стабильного развития государства как субъекта МО и ВПО.

Принцип учета «национальных возможностей» при стратегическом прогнозировании и планировании имеет огромное значение с точки зрения оптимизации расходования национальных ресурсов.

Формирование «ложных угроз» в этой связи становится важнейшей целью потенциального противника, который заставит аккумулировать национальные ресурсы для противодействия ложным или второстепенным целям. Так, противодействие росту внешних опасностей и военных угроз не должны доводить до крайних пределов истощая национальные ресурсы, которые требуются не только для развития, но и ликвидации внутренних угроз.

Принцип учета «национальных возможностей» предполагает также, что внешние и внутренние угрозы, в т. ч. военные, могут быть нейтрализованы только национальными средствами. При этом создание извне таких внутренних угроз становится одной из стратегий противоборства, формирующих конкретный сценарий развития ВПО и СО.

В этой связи нужно привести конкретный пример, характеризующий как влияние этого фактора, так и его последствия для формирования будущей МО, ВПО и СО в мире и в России, на примере, Украины «образца 2014 года», либо создания таких предпосылок на территории собственно РФ.

В частности, межэтнические противоречия рассматриваются за рубежом как наиболее удобные условия для формирования оппозиции и изменения политического строя. К сожалению, именно этот внешний фактор явно недооценивается при формировании социально-экономической и национальной политики на федеральном уровне, хотя современная история СССР и России последних десятилетий неоднократно доказывала это. Так, авторы работы «Гроздь гнева: Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России (осень 2013 — весна 2014 года)»²³, подготовленной Центром изучения национальных конфликтов (ЦИНК) и «Клубом Регионов» весной 2014 года перечисляя «Основные факторы межэтнической напряженности» выделили следующие:

- неконтролируемая миграция;
- социально-экономическая депрессия, приводящая к «поиску виновных» и ксенофобии;
- отсутствие внятной национальной политики;
- связанная с предыдущей, проблема неосведомлённости населения о реальной ситуации и отсутствие культуры межнационального общения;

²³ Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Осень 2013 — весна 2014 года / ЦИНК. «Клуб Регионов». 2014 / <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/>

- противостояние элит и кланов на фоне высокого уровня коррупции и массовой бедности;
- ряд национальных республик;
- низкая ответственность СМИ, зачастую раздувающих конфликты;
- распространение радикального ислама и активность других государств.

Большинство перечисленных факторов, считают эксперты, — являются общими, некоторые имеют региональную специфику. Рассмотрим подробнее некоторые проблемы, имеющие отношение к росту межнациональных конфликтов²⁴. Как видно из перечня, внешние факторы вообще не обозначены и не считаются не только в качестве «основных», но и вообще факторов влияния.

Распределение регионов России по степени межэтнической напряженности

²⁴ Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Осень 2013 — весна 2014 года / ЦИНК. «Клуб Регионов». 2014 / <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/>

Неоднократные случаи массовых насильственных действий Дагестан, Москва, Санкт-Петербург, Ставропольский край, Татарстан
Неоднократные организованные массовые ненасильственные конфликтные действия; зафиксированы случаи этнически мотивированного насилия; политическая активность с эксплуатацией этнической тематики Астраханская область, Краснодарский край, Московская область, Нижегородская область, Ростовская область, Самарская область, Саратовская область, ХМАО, Челябинская область
Неоднократные случаи целенаправленных насильственных этнически мотивированных действий; массовые ненасильственные действия Башкирия, Владимирская область, Волгоградская область, Воронежская область, Ивановская область, Ленинградская область, Липецкая область, Новосибирская область, Омская область, Пермский край, Свердловская область, Томская область, Хабаровский край
Преимущественно ненасильственные конфликтные действия; единичные не связанные друг с другом случаи этнически мотивированных насильственных действий Адыгея, Алтайский край, Архангельская область, Бурятия, Забайкальский край, Иркутская область, Калужан область, Калужский край, Карелия, Кемеровская область, Кировская область, Коми, Курганская область, Курская область, Магнитогорск, Мурманская область, Новгородская область, Приволжский край, Пензенская область, Рязанская область, Тверская область, Тульская область, Удмуртия, Чувашия, Ярославская область
Отсутствие зафиксированных конфликтных действий либо незначимо онлайн-действий; отсутствие доказанного насилия по этническому признаку Амурская область, Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Еврейская АО, Ивановская область, Кабардино-Балкария, Калининградская область, Калининградская область, Карачаево-Черкесия, Костромская область, Красноярский край, Магаданская область, Марий Эл, Ненецкий АО, Оренбургская область, Оренбургская область, Пензенская область, Республика Алтай, Соланская область, Северная Осетия, Смоленская область, Тамбовская область, Тува, Тюменская область, Ульяновская область, Хакасия, Чечня, Чукотка, Якутия, ЯНАО

Проведенный авторами Рейтинга мониторинг открытых источников показал, что в общей сложности с 1 сентября 2013г. по 20 марта 2014г. в России произошло 570 этнически мотивированных конфликтных действий различной степени интенсивности (от размещения ксенофобного контента в интернете до массовых столкновений с применением оружия и смертельными исходами). Можно прогнозировать: если эффективность государственной национальной политики останется на столь же низком уровне, межэтническая напряженность в обществе будет расти, а география конфликтов – расширяться.

Рис. 8.17

Если предположить, что дестабилизация политического режима, смена власти и развала государства являются целью для какой-то внешней силы (государства, организации, другого актора МО и ВПО), то можно допустить, что основной акцент в политике дестабилизации будет делаться на тех регионах, где межэтническая напряженность может быть превращена в открытую политическую конфронтацию. Как это и было в СССР в случае с республиками Прибалтики. В этом случае шкала, предлагаемая авторами рейтинга, может стать основой стратегического планирования (рис. 8.17)²⁵.

Пятым принципом является принцип адекватности поведения национальных элит при стратегическом прогнозировании и планировании развития МО, ВПО и СО. Этот принцип предполагает, что поведение национальной элиты будет адекватно, а именно соответствовать, как минимум, следующим требованиям:

- национальная элита достаточно профессиональна для того, чтобы управлять государством (т. е. имеет необходимое образование, опыт и профессиональную подготовку). При отсутствии этого качества, как у М. Горбачева, не будет соответствующей реакции, в т. ч. решений, даже если будет подготовлен идеальный стратегический прогноз;
- национальная элита — нравственна, ориентирована на национальные интересы государства и общества, а не личные, групповые или чуждые интересы, что было характерно для элиты периода М. Горбачева и Б. Ельцина;
- национальная элита способна прогнозировать последствия принимаемых решений, т. е. к стратегическому прогнозу и планированию. Значительная часть, даже большинство горбачевско-ельцинской элиты не обладала этим качеством. Таким образом в методике прогнозирования сценариев раз-

²⁵ Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Осень 2013 — весна 2014 года / ЦИНК. «Клуб Регионов». 2014 / <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/>

вития МО, ВПО и СО должны присутствовать методы изучения поведения правящих элит тех или иных субъектов ВПО, когда этим элитами движут самые разные интересы, в т. ч. и интересы, не имеющие отношения с национальным.

В этой связи необходимо вернуться еще раз к общей логической модели политического процесса, из которой ясно видно, что в основе мотивации поведения правящих элит лежат интересы и система ценностей.

Как уже говорилось выше, группа факторов «Г», объединяющая в порядке приоритетности цивилизационные, локально-цивилизационные, национальные, социальные и групповые, а также личные интересы должны постоянно анализироваться с точки зрения преобладания тех или иных интересов.

Для стратегического прогноза, планирования и принятия решений этот анализ имеет решающее значение, ведь нередко политические, экономические и военные решения принимаются под давлением интересов личного, группового, социального (как в 20–30-е годы XX века в СССР) характера.

Как видно, на процесс поведения и целеполагания элитами влияют разные факторы — но, прежде всего, факторы, определяющие систему ценностей и интересов. При этом очень важно определить эти ценности и интересы. Так, если представитель элиты будет руководствоваться национальной системой ценностей и интересами, то его целеполагание и стратегия будут формироваться под этим влиянием. Но возможно и другое: в 90-е годы в России и все последние десятилетия на Украине правящие элиты находились под внешним влиянием, а нередко принимали решения под влиянием сугубо личных интересов.

Для правящей элиты (или ее части) важно определить «стратегический выбор», который был ею сделан и который будет влиять на формирование МО, ВПО и СО, как совокупность выбора личностей, формирующих правящую элиту. Во многом этот выбор будет предопределять отношение элиты как к стратегическому прогнозу и планированию, так и конкретным политическим решениям. Один из вариантов моделирования по интересам, ценностям и мотивации может быть представлен в виде энниграммы²⁶ (рис. 8.18).

Этот «стратегический выбор», как показывает политическая практика, может очень отличаться у разных элитных групп. Данные многочисленных соцопросов показывают значительную разницу в предпочтениях между различными слоями и группами, причем эта разница достаточно быстро меняется в зависимости от множества факторов.

В интересах стратегического военно-политического прогноза важно предусмотреть, что мотивация (интересы) разных групп общества и элит может радикально измениться даже

²⁶ Энниграммы (эннеграмма) (от греч. *ennea* — девять и *gramma* — начертание) — это психологическая модель, описывающая 9 глубинных мотивов, движущих нами на подсознательном уровне. Каждый из 9 мотивов порождает совершенно определенный характер, с присущими ему мыслительными стратегиями, эмоциональными реакциями и жизненными установками.

Энниграмма стратегических выборов

Рис. 8.18

в среднесрочной перспективе. Подобный «поворот общественного мнения» не раз происходил в истории государства и международных отношений. Весьма примечателен в этой связи «поворот» и правящей элиты, который произошел в последнее десятилетие в России от преимущественной ориентации на Запад к ориентации «на себя»²⁷.

Наконец, пятый принцип — учет отношения общества и его институтов, включая, прежде всего, наиболее активные социальные группы «творческого» («креативного») класса к будущему страны, ее общественно-политическому и социально-экономическому устройству и тем шагом, которые должны быть положены в основу стратегического планирования.

²⁷ Российская элита — 202. Аналитический доклад грантополучателей Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва. 2013. Июль /

Будущее нации и ее место в будущем сценарии развития ЧЦ, МО, ВПО и СО, во многом предопределяется отношением достаточно узкой, но активной в социально-политическом плане группы. Сегодня эта группа объединяется под достаточно общим названием «креативный класс», который:

- обеспечивает основной прирост ВВП;
- формирует социально-политическую систему общества и государства;
- предопределяет основной вектор развития нации и государства.

В той или иной степени влияния «креативного класса» ощущается и в перечисленных выше четырех принципах, формирующих реальность стратегического прогноза. Именно этот активный социальный слой и его институты решительно влияют на возможности реализации того или иного сценария развития ЧЦ, МО, ВПО и СО.

Не менее важно понимать особенности того политического режима, который сложился в стране или вероятность которого велика в будущем. Степень его устойчивости (неустойчивости) имеет огромное значение, которое может измеряться, в том числе и количественными показателями.

Это же важно и для групп государств, военно-политических коалиций и особенно для государств-лидеров (таких, как США, Китай, Россия), чья политическая позиция влияет, или даже определяет стратегию других государств. Так, внутривнутриполитическая стабильность в США имеет огромное и непосредственное значение не только для страны, но и для десятков других стран. Даже незначительные конфликты внутри правящей элиты США (как это было при Д. Кеннеди, Р. Никсоне и Дж. Буше) — радикально отражаются на других странах.

Глава IX.
Порядок формирования
сценариев развития ЧЦ, МО,
ВПО и СО

Если наиболее важный момент в истории международных отношений XXI века рост китайской экономики, то второй по значению пункт — модернизация и развитие китайской армии¹
Эксперты фонда Карнеги

Сложность, многофакторность и противоречивость социальной эволюции приводят исследователей к закономерному выводу о том, что любое упрощение, редукция, упущение из вида всего многообразия факторов неизбежно ведет к увеличению ошибки...²
И. Следзевский

Стратегический прогноз сценариев развития ЧЦ, МО, ВПО и СО, является системным продуктом самых разных по своей профессиональной принадлежности и представлениям исследователей. Между тем, порядок формирования сценариев и вариантов развития ЧЦ, МО и ВПО в мире сегодня определяется исследователями сугубо в зависимости от их профессиональной ориентации и идеологической приверженности, а иногда и вкуса. Только в тех случаях, когда этот процесс поручается координировать межведомственным группам (как Комитету по

¹ China`s Military & the U.S. — Japan Alliance in 2030 / Carnegie Endowment for International Peace. W. 2013. P. 1.

² Цит. по: Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С. и др. Законы истории: математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития /отв. ред. А. В. Коротаев. Изд. стереотип. М.: Изд.: ЛКИ. 2014. С. 7.

делам разведки США, например) к работе на системной основе привлекаются разные специалисты, а субъективные факторы уступают место системным усилиям. Таких системных попыток стратегического прогнозирования различных сценариев развития человечества, экономики, науки и техники и других областей человеческой деятельности к настоящему времени существует немало.

Если говорить о попытках прогноза ВПО и СО, вытекающих из сценариев развития человечества и международной обстановки, то таких попыток насчитывается существенно меньше. Главная трудность заключается в том, чтобы достаточно определенно вычислить сценарии развития самых верхних уровней — человеческой цивилизации, локальных цивилизаций — и вытекающих из них сценариев международной обстановки. При этом важно изначально не упустить ни одного из вариантов таких сценариев потому, что за каждым из них, в конечном счете, будет находиться несколько сценариев развития ВПО и еще больше — СО.

Как объект исследования, — человеческая цивилизация³ зародилась тысячелетия назад и сегодня процесс ее формирования далеко не закончен, т. е. мы находимся еще лишь на определенном этапе, который может привести к самым разным сценариям (вариантам) ее развития. Существующие локальные цивилизации далеко не всегда находятся в состоянии сотрудничества, нередко претендуя не только на лидерство, но и откровенное доминирование. Структуру современной ЧЦ можно было бы представлять следующим образом (рис. 9.1).

³ **Человеческая цивилизация (ЧЦ)** — зд. локализованное по времени и пространству современное человеческое сообщество, объединяющее нации, государства и отдельные социумы. В данной работе рассматриваются две основные формы ЧЦ: **глобальная ЧЦ**, как совокупная современная общность людей проживающих на планете, **локальная ЧЦ** — часть современно глобальной цивилизации, объединяющая цивилизационно близких людей.

Рис. 9.1

Как видно из рисунка, возможны, как минимум, три сценария развития каждой локальной цивилизации в сочетании с глобальной цивилизацией. Разница между ними будет заключаться, прежде всего, в приоритете национальных систем ценностей и интересов (локальных цивилизаций) по отношению к глобальной и другим локальным цивилизациям. Итого, как минимум (4×3), 12 локально-глобальных сценариев и 1 сценарий абсолютного доминирования глобальной цивилизации.

9.1. Некоторые вопросы методологии формирования сценариев развития ЧЦ, МО, ВПО и СО

Возможность формулировать предложения по прогнозу сценариев развития ВПО и СО и характеру международных и внутренних военных конфликтов на период до 2050 годов вытекает из стратегического прогноза развития человеческой цивилизации (ЧЦ) и международной обстановки (МО), детальной проработки достаточно широкого спектра возможных и вероятных сценариев развития:

- человеческой цивилизации (ЧЦ);
- международной обстановки (МО);

- собственно военно-политической обстановки (ВПО);
- и, в конечном счете, вероятных вариантов СО.

Таким образом, стратегический прогноз сценариев развития ВПО и СО вытекает из следующей строго логической последовательности, которая не предполагает исключение какого-либо предыдущего этапа⁴ (рис. 9.2). Так, необходимый стратегический прогноз сценария развития ВПО можно сделать только на основе одного из сценариев развития МО. При этом, как показывает политическая практика, придется учитывать не только факторы, поддающиеся количественной оценке, в т. ч. статистике, но совершенно иные явления, которые оказывают, даже более серьезное влияние⁵.

При этом важно изначально подчеркнуть два важных обстоятельства:

Во-первых, количество вариантов каждого из последующих этапов развития прогноза сценария и, соответственно, количество сценариев, будет всегда больше, чем предыдущего. Так, если количество основных стратегических прогнозов сценариев развития человеческой цивилизации насчитывает, например, пять, то количество прогнозов и сценариев развития международной обстановки, вытекающих из каждого такого прогноза сценария развития (ЧЦ), всегда будет больше, так как один из вышестоящих сценариев, как правило, вариати-

⁴ См. подробнее: Подберезкин А. И. Предложения по сценариям развития ЧЦ, МО, ВПО и СО / Интр. ресурс: «ЦВПИ». 2014. 2 июля / <http://eurasian-defence.ru>

⁵ См. например нематериальные факторы, оказавшие влияние на развитие России, описанные в следующих работах: Подберезкин А. И. Стратегия для будущего президента России: Русский Путь. Всероссийское общественно-политическое движение «Духовное наследие». Москва, 2000; Подберезкин А. И. Человеческий капитал. Москва. 2007. Том I. Идеология опережающего развития человеческого потенциала; Подберезкин А. И., Стреляев С., Хохлов О., Ястребов Я. Москва. 2004; Подберезкин А. И. Русский Путь. Всероссийское общественно-политическое движение «Духовное наследие». РАУ-Корпорация. Москва. 1996.

**Логическая схема последовательности
разработки стратегических прогнозов
сценариев развития ВПО и СО**

Рис. 9.2

вен, предполагает наличие нескольких последующих прогнозов и сценариев и т. д.

Это же означает, что количество прогнозов сценариев развития ВПО и СО будет зависеть от количества прогнозов и сценариев более высокого уровня — ЧЦ и МО.

Во-вторых, следует разделить понятия «возможный сценарий» и «вероятный сценарий» для того, чтобы полнее учитывать все последующие возможные и вероятные прогнозные сценарии. Особенно, если речь идет о прогнозах после 2050 годов, когда даже наименее вероятный прогноз может быть реализован. Описывая наиболее вероятные сценарии, нельзя игнорировать любой теоретически возможный сценарий развития. Эту мысль можно проиллюстрировать на следующем рисунке, попытавшись условно разделить «возможные сценарии» на «вероятные» и «маловероятные».

**Логическая схема последовательности
долгосрочного прогноза развития сценариев**

Существующий сценарий развития
человеческой цивилизации (ЧЦ),
международной обстановки (МО),
военно-политической обстановки (ВПО)
и стратегической обстановки (СО)
до 2030 годов

Будущие возможные и вероятные сценарии развития
ЧЦ, МО, ВПО и СО

Возможные Малореальные					Возможные Вероятные			
МО	МО	МО	МО	МО	МО	МО	МО	МО
ВПО	ВПО	ВПО	ВПО	ВПО	ВПО	ВПО	ВПО	ВПО

На этом этапе важно попытаться учесть все возможные варианты развития сценариев, особенно если речь идет о периоде после 2050 годов, когда могут полностью измениться парадигмы развития ЧЦ, МО, ВПО и СО.

В этом случае Логическая схема последовательности долгосрочных прогнозов может существенно измениться: к середине века те сценарии развития ЧЦ, МО и ВПО, а тем более СО, которые казались во втором десятилетии малореальными, либо вообще не учитывались, могут стать главными. Так, развитие ВПО в Европе в 2014 году в связи с событиями на Украине совершенно не рассматривалось в качестве одного из возможных сценариев вплоть до настоящего времени, хотя такие сценарии существовали еще в 1980-е годы в СССР. Предлагаемые сегодня некоторые сценарии развития ВПО и СО (например, РЭНД) исходят уже из формирования трех фронтов — в АТР, Европе и СНГ, — против России.

В этой связи логика и матрица стратегического прогноза до 2030 годов и 2050 годов существенно отличаются друг от друга. Если первая — во многом детерминирована и инерционна уже существующим соотношением сил, качеством и количеством

ВиВТ и соответствующими отношениями и МО, то вторая — значительно, даже качественно иная.

Ошибка, которая может вытекать из игнорирования возможного сценария более высокого уровня, означает, что последующие прогнозы и сценарии полностью исключаются. В этой связи очень важно изначально, рассматривая всю «вертикаль прогнозов и сценариев, не исключить даже теоретически маловероятный сценарий, который влечет за собой совершенно оригинальные прогнозы и сценарии. Так, например, не учитывая маловероятный прогноз и сценарий развития ЧЦ, вытекающий из космической (астероидной и пр.) опасности, мы последовательно исключаем сценарии глобального сотрудничества МО, единой системы обороны и т. д.

Поэтому «приближаться» к стратегическим прогнозам и сценариям развития ВПО и СО необходимо строго последовательно, анализируя изначально более высокие фазы развития (ЧЦ и МО) и их стратегические прогнозы. Причем, не избегая ни возможных, ни вероятных прогнозных сценариев.

В долгосрочной перспективе существует, таким образом, как минимум, несколько сценариев возможного развития человеческой цивилизации (ЧЦ), каждый из которых является, в свою очередь базовым для нескольких сценариев развития МО, а каждый из этих сценариев — основой для нескольких сценариев развития ВПО и, соответственно, СО. При этом выделение из возможных сценариев вероятных должно происходить для каждого из исторических этапов отдельно.

Это можно изобразить на рисунке следующим образом в качестве иллюстрации последовательного развития только одного из возможных сценариев развития человеческой цивилизации (ЧЦ), не анализируя его по двум другим критериям — «вероятный» и «маловероятный», «до 2030 годов» и «после 2050 годов» (рис. 9.3).

Вместе с тем, рассматривая даже один из сценариев первого этапа, необходимо будет четко определиться по времен-

Логическая последовательность развития одного из сценариев ЧЦ

Рис. 9.3

ному периоду прогноза («до 2030 годов», «после 2050-х годов» и т. д.), так как не только вероятность, но даже теоретическая возможность развития того или иного сценария будет зависеть непосредственно от этого, а, значит, не может быть игнорирована. Так, например, первый этап сценария развития ЧЦ, «деградация человечества» применительно к 2030 годам не может быть вообще ни возможным, ни вероятным, так как такие глобальные изменения не происходят за 15 лет. Но вполне может быть обозначено начало этого периода, а, значит, вероятность развития сценария МО.

Вместе с тем, если выделить из сценария развития ЧЦ «глобальный» и «локальный» фрагменты, то такие сценарии вполне возможны, а именно: даже за 15 лет можно обнаружить явные признаки вырождения локальной ЧЦ (западной, например).

Как видно из этой логической схемы, принципиально важно изначально четко выделить сценарии развития ЧЦ, а затем варианты этих сценариев развития МО для каждого из сцена-

риев развития ЧЦ и т. д. вплоть до прогнозов сценариев и их вариантов для развития СО. При этом заведомое исключение из потенциальных прогнозов сценариев более высокого уровня означает последовательное исключение всех остальных прогнозов сценария и их вариантов.

Так, например, исключение из вариантов прогноза сценариев развития ВПО в конце 80-х годов, сценария развала ОВД и СССР, привело к тому, что когда к 1990 году готовился новый вариант Военной доктрины ОВД (который через несколько месяцев уже не потребовался потому, что сама ОВД была распущена) фактически начал реализовываться сценарий развала ОВД.

Аналогичный пример можно привести и по отношению к стратегическому прогнозу и планированию сценария развития в отношении СССР (которых в конце 80-х годов в ЦК и других органах просто не существовало), хотя в США, например, к концу 80-х годов СНБ уже разработали план последовательного развала СССР. Этот прогноз и план, состоявший из пяти этапов, А. И. Подберезкин безуспешно пытался доложить руководству ЦК (В. Фалину и А. Грачеву) в 1989 году. Соответствующая записка и обоснование были расценены как «антиперестроечные». Так же как до этого специальная работа, посвященная значению систем боевого управления, связи и разведки и растущей роли ВТО.

Примечательно, что осенью 1994 года в США рассекретили и опубликовали этот документ СНБ, который практически текстуально совпал с тем анализом, который А. И. Подберезкин отдал в своей записке в 1989 г. в ЦК. В это же время он был опубликован целиком в газете «За рубежом», которая специализировалась на публикации переводных материалов. Потребовалось, таким образом, всего пять лет, для того, чтобы аналитический стратегический прогноз и сделанная на его основе «дорожная карта» стратегического планирования, были реализованы в четырех из пяти этапов. Последний, пятый этап, предполагал:

- создание вокруг России враждебного окружения из бывших стран-членов ОВД и республик СССР, которые бы

обеспечили её изоляцию от внешнего мира, трудности с транспортными коридорами и ограничения в поставках энергоресурсов, а также плацдарм для внутривнутриполитической дестабилизации самой России;

- дестабилизацию социально-экономической и внутривнутриполитической ситуации в России с ее последующей дезинтеграцией и разделом на ряд самостоятельных государств достаточно враждебных Китаю и друг другу;
- потерю контроля над транспортными коридорами в Евразии, Северном Ледовитом океане и на Дальнем Востоке, включая трубопроводный транспорт и морские коммуникации, которые должны стать экстерриториальными;
- насильственную интеграцию, в конечном счете, на условиях США народов России в систему ценностей и в национальных интересах локальной западной цивилизации.

Не трудно увидеть, что за последние десятилетия США настойчиво продвигались в реализации пятого этапа своего плана, о чем красноречиво свидетельствовали события на Украине 2013–2014 годов, когда долгосрочная и расчетливая политика Вашингтона откровенно проявилась и была реализована в самой циничной форме.

9.2. Порядок формирования сценариев развития человеческой цивилизации

Как уже говорилось выше, следует исходить из того, что все сценарии развития ВПО исходят из логики развития сценариев МО, а те, в свою очередь, из сценариев развития человеческой цивилизации. При этом решающее значение приобретают именно сценарии развития ЧЦ. Исключение даже одного из таких сценариев неизбежно ведет последовательно к исключению нескольких сценариев развития МО, ещё больше, — ВПО и огромного числа сценариев СО.

Анализ состояния и сценариев развития ЧЦ имеет исключительно важное значение для вполне конкретных политических целей. Практическое значение стратегического прогноза сценариев развития человеческой цивилизации (ЧЦ) заключается в том, что стратегический прогноз и стратегическое планирование, осуществляемое на всех уровнях (федеральном, региональном и местном) в РФ, должны учитывать и исходить из существующих и будущих международных реалий и стратегического прогноза развития:

- глобальной ЧЦ;
- локальной ЧЦ;
- международной обстановки (МО);
- военно-политической обстановки (ВПО).

Очевидно, что стратегическое планирование на общенациональном уровне теряет всякий смысл, если оно идет вразрез с основными тенденциями развития ЧЦ или противоречит существующим и нарождающимся реалиям МО и ВПО, как минимум, по двум соображениям:

Во-первых, цели национального стратегического планирования в идеале должны максимально совпадать с объективными целями, которые формируются в результате развития ЧЦ и теми глобальными тенденциями, которые уже существуют или могут прогнозироваться.

Так, например, развитие мировой экономики объективно идет в направлении ресурсосбережения, когда затраты ресурсов (энергетических, трудовых, материальных) будут стремительно сокращаться. Это означает, что в национальном стратегическом прогнозе и планировании такая общемировая тенденция должна не просто учитываться, а являться важнейшим исходным условием для прогноза и планирования.

Во-вторых, распределение национальных ресурсов, решение о котором составляет важнейшую часть процесса долгосрочного прогноза и планирования, во многом предопределяется внешними условиями существования нации, общества

и государства. Так, в период войны до 50% ВВП может тратиться на оборону, в период обострения МО — до 8–10%, а в относительно мирный период — 3–4%, либо (при благоприятных внешних условиях, существующих, например, для Японии и стран Западной Европы) до 1% ВВП.

В этой связи большое значение приобретает методика определения возможных вероятных сценариев развития, которая во многом зависит от порядка их формирования. Представляется, что в принципиальном, логическом плане этот порядок выглядит следующим образом.

Цивилизация — сложный, многослойный социальный организм высшего порядка. Его структуру можно представить в виде «пирамиды» цивилизаций, состоящей из нескольких «этажей» и множества «квартир» (см. рис.).

Вершину этой пирамиды занимает духовная сфера, формирующая и передающая от поколения к поколению систему ценностей — главное, что отличает одну цивилизацию от другой.

В духовную сферу (или сферу духовного воспроизводства) включаются следующие элементы:

- наука — уровень познания закономерностей природы и общества и умения их использовать для развития технологического, экономического и экологического способов производства, в социально-политическом устройстве общества;
- культура — эстетическое восприятие природы и общества, их гармония в динамике, чувство прекрасного;
- образование — способы передачи накопленных знаний и опыта, научного и культурного наследия, позволяющие подрастающему поколению воспринять социальный генотип, адаптироваться к окружающему миру и переменам в нем⁶;

⁶ Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец; авт. вступ. стат. А. Д. Некипелов. М.: Институт экономических стратегий. Т. V. / <http://library.newparadigm.ru/files/b5r.pdf>. С. 30.

«Пирамида» цивилизаций

Рис. 9.4⁷

- этика — система правил поведения человека в обществе, нравственных оценок поступков, соблюдения норм общежития;
- религия — миропредставление человека и общества, системы целей и мотиваций деятельности людей, исходя из их этических норм и взаимоотношений с другими конфессиями.

Все эти элементы тесно связаны, переплетены, различаются от цивилизации к цивилизации, меняются от эпохи к эпохе⁸.

Ниже «этажом» находится социально-политический строй, характеризующий формы и способы объединения и дифференциации людей по большим социальным группам (социальная

⁷ Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец; авт. вступ. стат. А. Д. Некипелов. М.: Институт экономических стратегий. Т. V. / <http://library.newparadigm.ru/files/b5r.pdf>. С. 31.

⁸ Там же.

стратификация), этнической и национальной принадлежности, формам политической деятельности, государственно-правовому устройству. Этот строй регулярно изменяется в результате войн и революций.

Третьим сверху «этажом» расположен экономический способ производства. Его основные институты таковы:

- формы собственности, присвоения средств производства и произведенных продуктов;
- способы распределения произведенного продукта (включая прибавочный) между различными социальными группами;
- формы обмена, развитие рынка со всеми его категориями (деньги, цена, кредит и т. п.);
- динамика структуры экономики по функциональному назначению производимой продукции (воспроизведенная структура) и по другим критериям;
- формы и методы управления экономической деятельностью.

Состав и характер этого «этажа» во многом определяются следующим за ним технологическим способом производства.

Последний, включает следующие элементы⁹:

- средства труда, система орудий труда (машин), зданий, сооружений, транспортных путей и т. п.;
- источники энергии — как в производственной деятельности, так и в быту;
- предметы труда — природные и прошедшие переработку;
- технологии, способы соединения рабочей силы со средствами и предметами труда с помощью энергетических источников;
- общественное, отраслевое и профессиональное разделение труда в процессе производственной деятельности;
- формы организации производства, его специализации, концентрации, кооперации, диверсификации.

⁹ Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец; авт. вступ. стат. А. Д. Некипелов. М.: Институт экономических стратегий. Т. V. / <http://library.newparadigm.ru/files/b5r.pdf>. С. 32.

От взаимодействия всех этих элементов зависит уровень эффективности производства, степень удовлетворения потребностей людей¹⁰.

Фундаментом «пирамиды» цивилизации является народонаселение — его численность, темпы динамики (рождаемость, смертность, естественный прирост), состав семей, половозрастная структура, миграция, объем потребностей и степень их удовлетворения (уровень и качество жизни). На нижнем «этаже» проявляются конечные результаты функционирования и динамики цивилизаций.

Однако под этим «этажом» находится еще один, определяющий внешние условия функционирования цивилизаций, — природа и экология: масштабы территории цивилизации, климатические условия, плотность населения (демографическая нагрузка на природную среду), обеспеченность разнообразными видами природных ресурсов, уровень загрязнения окружающей среды и вмешательства в биосферные процессы¹¹. Именно здесь расположена зона взаимодействия природы и цивилизации, зона их взаимной эволюции.

Как видно, каждый из «этажей» цивилизации выполняет свои функции и имеет свою структуру. Но они постоянно взаимодействуют и согласованно, сбалансировано трансформируются, выражая тем самым сущность закона пропорциональности в структуре и динамике цивилизации, строгой гармонии в их развитии. Нарушения данного закона, особенно в переходные эпохи, снижают эффективность цивилизационной системы¹².

¹⁰ Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец; авт. вступ. стат. А. Д. Некипелов. М.: Институт экономических стратегий. Т. V. / <http://library.newparadigm.ru/files/b5r.pdf>. С. 32.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 33.

Развертывание цивилизаций во времени

Цивилизация — подвижная категория, постоянно трансформирующаяся. Развертывание ее во времени можно проследить в трех аспектах.

Каждая цивилизация имеет свой жизненный цикл. Он состоит из нескольких стадий:

- зарождения (в недрах предшествующего общества);
- становления в эпицентре, распространения (в пространстве) и совершенствования по структуре;
- зрелости, полной реализации присущего ей потенциала;
- кризиса, упадка (уступая место следующей цивилизации);
- пребывания в остаточном, реликтовом состоянии на следующем этапе развития общества, в новой цивилизационной системе.

Жизненные циклы свойственны и локальным, и мировым, и глобальной цивилизациям. Не все локальные цивилизации проходят все стадии жизненного цикла, в полном масштабе разворачиваясь во времени. Цикл некоторых из них прерывается в силу природных катастроф (так произошло, например, с минойской цивилизацией и легендарной Атлантидой) либо столкновений с другими культурами (доколумбовы цивилизации Центральной и Южной Америки, скифская протоцивилизация).

Динамика во времени находит выражение в периодической смене поколений локальных цивилизаций, меняющихся по своему характеру и составу. Первое поколение появилось на планете в конце IV — начале III тыс. до н.э., когда завершалось формирование «пирамиды» цивилизации — был построен социально-политический «этаж» (появились классы, государство, право) и радикально изменился экономический «этаж» (возникла частная собственность и в развернутом виде — рынок со свойственными ему институтами). Локальные цивилизации сменяли друг друга, и на рубеже XXI века

пришло время формирования очередного, пятого по счету, их поколения¹³.

Глобальная цивилизация разворачивается во времени через смену мировых цивилизаций. Их отсчет ведется со времени неолитической революции, становления производящего хозяйства и постепенного усложнения структуры общества. Первые четыре тысячелетия этого периода мы называем неолитической мировой цивилизацией, хотя это скорее протоцивилизация в зарождающемся, неполном составе «пирамиды». Лишь на следующем этапе, со становлением первого поколения локальных цивилизаций и «укомплектованием» всех ее «этажей» и «квартир», можно говорить о существовании мировых и глобальной цивилизаций в полном объеме. Друг друга сменяли, по нашей классификации, раннеклассовая, античная, средневековая, раннеиндустриальная и индустриальная мировые цивилизации. В конце XX века пришло время формирования постиндустриальной цивилизации, и этот ритм продолжится в будущем¹⁴.

Следует отметить еще одно изменение глобальной цивилизации во времени — смену исторических суперциклов, объединяющих триаду родственных мировых цивилизаций и одно-два поколения локальных цивилизаций. Суперциклы — самый большой из элементов временной динамики цивилизаций. Первый исторический суперцикл (конец IV тыс. до н. э. — середина I тыс. н. э.) объединил неолитическую, раннеклассовую и античную мировые цивилизации и соответственно первое и второе поколения локальных. Второй исторический суперцикл (его хронологические рамки — VI–XX вв.) включил в себя средневековую, раннеиндустриальную и индустриальную мировые цивилизации, третье и четвертое поколения локальных

¹³ Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец; авт. вступ. стат. А. Д. Некипелов. М.: Институт экономических стратегий. Т. V. / <http://library.newparadigm.ru/files/b5r.pdf>. С. 34.

¹⁴ Там же.

цивилизаций. Третий суперцикл начинается в XXI веке, пока известны лишь его первые ступени — постиндустриальная мировая цивилизация и 5-е поколение локальных цивилизаций¹⁵.

Исследование истории цивилизаций заставило нас сделать вывод о закономерности сжатия исторического времени. Каждый очередной шаг в истории цивилизаций (мировых, поколений локальных) характеризуется более коротким жизненным циклом, ускорением темпа исторического прогресса, учащением пульса циклической динамики общества. Если временное пространство первых мировых цивилизаций и поколения локальных составляло несколько тысячелетий, то последних — всего несколько столетий. Такая тенденция, надо полагать, сохранится и в будущем.

Распространение цивилизаций в пространстве

История цивилизаций началась на сравнительно небольшом участке суши к северу от экватора на афро-евразийском континенте и к северу и югу от экватора в Америке. Остальная населенная часть Земли (ойкумена) находилась еще на доцивилизационной стадии развития, а огромные территории вообще были необитаемыми.

Этап за этапом, одной мировой цивилизацией за другой, цивилизационное пространство расширялось, связи между отдельными локальными цивилизациями углублялись и крепились. Этому способствовало развитие транспортных путей (речных, морских, сухопутных), появление все новых средств транспорта — лошадей и верблюдов, речных и морских судов, паровозов и пароходов, автомобилей и самолетов. Эпоха Великих географических открытий в период раннеиндустриальной цивилизации завершилась тем, что практически вся территория Земли

¹⁵ Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец; авт. вступ. стат. А. Д. Некипелов. М.: Институт экономических стратегий. Т. V. / <http://library.newparadigm.ru/files/b5r.pdf>. С. 34.

(за исключением Антарктиды, некоторых районов Крайнего Севера, отдельных участков девственных тропических лесов и пустынь) вошла в состав глобального цивилизационного пространства. Оно охватило всю ойкумену и к концу индустриальной цивилизации вышло за пределы планеты — началось освоение космоса¹⁶.

Единство пространственно-временной динамики цивилизаций можно образно представить в виде спирали цивилизационного прогресса (см. нижеследующий рисунок), витки которой расширяются в пространстве и изменяются во времени¹⁷.

Первый виток спирали охватывает жизненный цикл неолитической цивилизации. По продолжительности он самый большой — включает (в эпицентре) более четырех с половиной тысячелетий — почти половину всего исторического времени. В этот период формировался генотип цивилизации, постепенно вырисовывались контуры «пирамиды» цивилизаций, заселялись ее «этажи» и «квартиры».

Второй виток начался со второй половины IV тыс. до н. э., когда сложилось первое поколение локальных цивилизаций, возникли классы, государство, право, частная собственность, рынок. Все «этажи» и «квартиры» были уже заняты, создана система цивилизаций — мировых, локальных, глобальной (хотя охватывали они небольшую часть ойкумены — около 15–20%)¹⁸.

Третий виток включает время преобладания античной мировой цивилизации и второго поколения локальных цивилизаций, когда их ареал расширился до 35% ойкумены, возникли первые мировые империи. Это пик развития первого исторического суперцикла.

¹⁶ Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец; авт. вступ. стат. А. Д. Некипелов. М.: Институт экономических стратегий. Т. V. / <http://library.newparadigm.ru/files/b5r.pdf>. С. 35.

¹⁷ Там же. С. 36.

¹⁸ Там же.

Переход к четвертому витку спирали — средневековой мировой цивилизации и третьему поколению локальных — оказался тяжелым и длительным, поскольку он совпал со сменой исторических суперциклов. Центр цивилизационного прогресса переместился на Восток (в Индию, Китай), начала формироваться западноевропейская цивилизация, которая почти непрерывно находилась в состоянии военного конфликта с вновь возникшей мусульманской и иными цивилизациями. Те, в свою очередь, также были весьма агрессивны (покорение монголами почти всей Евразии). Возобладал идеациональный социокультурный строй, укрепилось господство мировых религий в духовной и политической сферах¹⁹ (рис. 9.5).

Старт пятого витка цивилизационной спирали ознаменовался переходом человечества к раннеиндустриальной мировой цивилизации, мануфактурному, технологическому способу производства, началом развития промышленного капитала, классов капиталистов и наемных рабочих, первыми буржуазными революциями (нидерландской и английской) и формированием буржуазной демократии как политического строя — после периода абсолютизма в авангардных странах. Сформировалось четвертое поколение локальных цивилизаций. Хотя по количеству населения и объему ВВП в то время преобладали китайская и индийская цивилизации, фактически лидерство перешло к молодой и агрессивной западноевропейской, которая развивалась ускоренными темпами. В эпоху Великих географических открытий она захватила большую часть мира и уничтожила доколумбовы цивилизации Америки. Именно в Европе развернулась великая научная революция XV–XVII веков, были освоены блестящие достижения Ренессанса, произошли важнейшие для духовной сферы перевороты Реформации

¹⁹ Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец; авт. вступ. стат. А. Д. Некипелов. М.: Институт экономических стратегий. Т. V. / <http://library.newparadigm.ru/files/b5r.pdf>. С. 36.

Спираль динамики цивилизаций

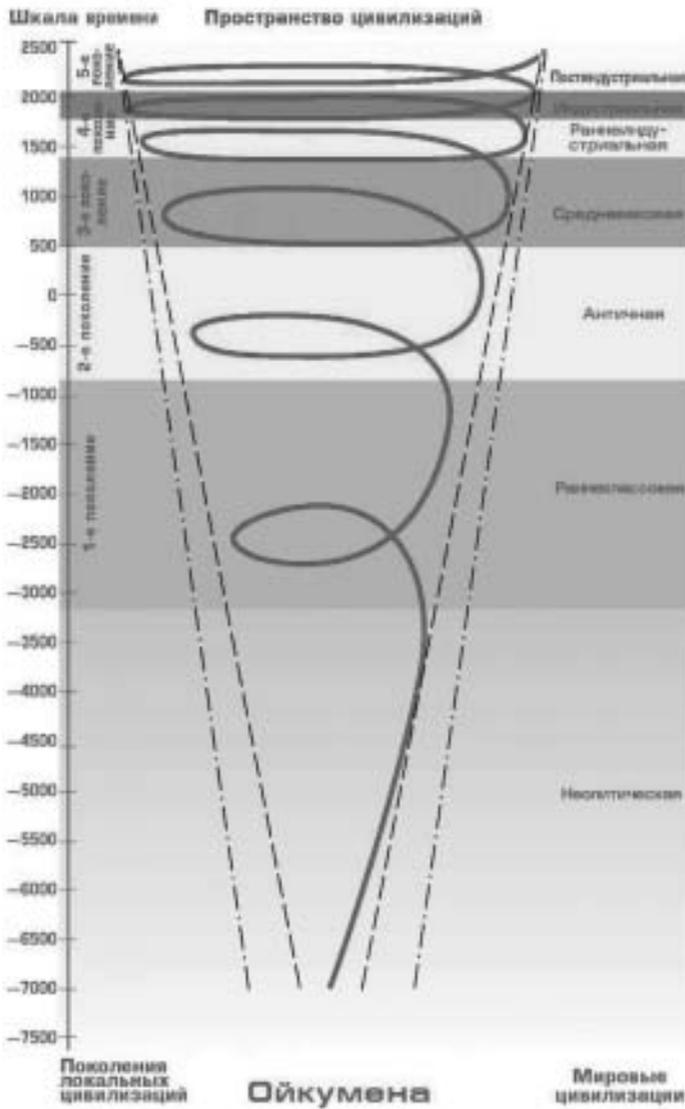

Рис. 9.5

и Просвещения. Западу были способны противостоять лишь евразийская (Российская империя) и мусульманская (Османская империя) цивилизации²⁰.

Вершина второго исторического суперцикла была достигнута на шестом витке цивилизационной спирали, в период индустриальной мировой цивилизации, расцвета, а затем и заката четвертого поколения локальных цивилизаций, торжества чувственного социокультурного строя. Промышленная революция преобразила технологическое и экономическое пространства, многократно ускорила темпы экономического роста, что стало одним из факторов стремительного роста населения. Война за независимость в Северной Америке и Великая французская революция открыли путь радикальным трансформациям социально-политического строя и утверждению буржуазной демократии. Все эти события сопровождалась чередой войн и революций, происшедших в конце XVIII — начале XIX века и в XX столетии. Закат индустриальной цивилизации ознаменовался становлением тоталитарных государств, глубоким кризисом культуры. В XIX веке возникла колониальная система империализма, в которую были вовлечены многие древние цивилизации. XX столетие отметилось серией национально-освободительных революций, распадом системы империализма, а к концу века — и мировой системы социализма, уничтожением биполярного мироустройства. Планету захлестнул глубокий цивилизационный кризис, связанный с завершением второго исторического суперцикла²¹.

На рубеже XXI века начинается седьмой виток цивилизационной спирали, который, вероятно, охватит пространство двух столетий и приведет к радикальному преобразованию

²⁰ Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец; авт. вступ. стат. А. Д. Некипелов. М.: Институт экономических стратегий. Т. V. / <http://library.newparadigm.ru/files/b5r.pdf>. С. 38.

²¹ Там же.

глобальной цивилизации в начале третьего исторического суперцикла. Формируются гуманистически-ноосферная постиндустриальная цивилизация и пятое поколение локальных цивилизаций. Есть признаки, что преобладавший на Западе чувственный социокультурный строй заменяется гармоничным интегральным в его западной, восточной и российской модификациях.

В начале седьмого витка глобальная цивилизация столкнулась с тремя эпохальными вызовами. Первый из них — демографический: во все большем числе стран наблюдается депопуляция, старение населения. Второй — экологический: важнейшие энергетические и другие природные ресурсы почти исчерпаны, возникла угроза глобальной экологической катастрофы. Третий вызов бросает человечеству глобализация, ее неолиберальная модель, когда пропасть между богатыми и бедными народами и цивилизациями становится уже непреодолимой. Разворачивающаяся в наши дни научно-технологическая революция и формирование интегрального социокультурного строя создают предпосылки для разрешения указанных противоречий, для достойного ответа на вопросы века. От того, в какой мере будут использованы эти предпосылки, от своевременности и сути ответа зависит, вступит ли глобальная цивилизация в XXIII столетии в очередную, восьмую, виток цивилизационной спирали или человечеству придет конец.

Логический порядок формирования сценариев развития человеческой цивилизации (ЧЦ)

1-я стадия. История предыдущих этапов развития ЧЦ. Анализ этой стадии необходим потому, что «многоукладность» ЧЦ неизбежно означает, что наряду с новыми формами продолжают сохраняться предыдущие и даже архаичные формы ЧЦ. Подробный анализ истории ЧЦ не является предметом исследования. Этой теме посвящено несколько работ, среди которых хотелось бы выделить большую работу Б. Кузька и Ю. Яковца.

В ней, в частности описывается как история, так и эволюция и структура современной ЧЦ.

2-я стадия. Современный этап развития ЧЦ. Анализ этой стадии крайне важен потому, что позволяет адекватно и с более абстрактных позиций подойти к анализу современной международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО), увидеть общие закономерности и тенденции их развития, которые неизбежно «выпадают» из центра внимания при рассмотрении конкретных сценариев ВПО и СО.

3-я стадия. Возможные сценарии развития ЧЦ до 2030 года.

Эта стадия анализа предполагает вычленения всех теоретически возможных сценариев развития ЧЦ — от самых маловероятных, до кажущихся неизбежными. На этом этапе исследования важно не пропустить ни одного теоретически возможного сценария потому, что будущая смена парадигм развития ЧЦ может привести к быстрому, даже «мгновенному» появлению самого невероятного сценария развития ЧЦ и, соответственно, принципиально новой МО и ВПО.

4-я стадия. Вероятные сценарии развития ЧЦ до 2030 года.

На данном этапе важно попытаться вычленить из всех возможных сценариев развития ЧЦ наиболее вероятные, так как подробный анализ всех возможных сценариев (и их последствий, отраженных в сценариях развития МО, а тем более ВАО и СО) очень загружен, хотя, по мнению автора, и должен находиться постоянно в поле внимания.

5-я стадия. Вероятные сценарии развития ЧЦ до 2050 года.

Соответственно стратегический прогноз до второй половины XXI века должен состоять, как минимум, из:

- прогноза вероятных сценариев до 2030, экстраполированных до 2050 годов;
- прогноза появления принципиально новых сценариев в связи с новыми парадигмами.

Этот порядок (с учетом возможных вариантов сценариев) может быть изображен следующим образом: рис. 9.6.

Рис. 9.6

9.3. Порядок формирования сценариев развития международной обстановки

Для того, чтобы лучше представить себе перспективы развития военно-политической обстановки (ВПО) необходимо отчетливо представлять, что ее основы, образ, границы и, в конечном счете, сценарии формируются под воздействием складывающихся вариантов развития международной обстановки (МО). Каждый из сценариев МО предполагает, как минимум, три варианта развития ВПО — благоприятный, неблагоприятный и нейтральный, — которые, в свою очередь также могут делиться на отдельные виды. Так, например, рас-

смаывая перспективы развития ВПО в Евразии, мы можем констатировать, что союзнические отношения с Казахстаном и Белоруссией ведут к постепенному созданию единой ПВО (и в будущем ВКО), т. е. формированию единого оборонительного воздушно-космического пространства. Это, в свою очередь, неизбежно влияет на будущую СО и планы военного сотрудничества так как предполагает, что Россия поставит Казахстану пять дивизионов С-300 ПС, что, в конечном счете, укрепит ВКО ОДКБ²².

Этот процесс (создания единых зон ПВО со странами СНГ) инициирован Россией в 2007 году, т. е. от начала международного сотрудничества до получения военно-политического результата прошло более 5 лет.

В самом общем виде, таким образом, можно представить себе сценарии развития МО в качестве фундаментальных основ для развития различных сценариев ВПО в рамках, которых, как правило, сформулированы основные нормы и условия. На рисунке эту логику можно представить себе следующим образом.

Основные характеристики вариантов в рамках «благоприятных» сценариев развития МО (рис. 9.7):

- 1.1. Отсутствие войн, высокий уровень доверия, сокращение численности л/с и военных расходов, роспуск коалиций и блоков.
- 1.2. Отсутствие войн, высокая степень доверия, стабилизация численности л/с и военных расходов сохранения военных коалиций.
- 1.3. Отсутствие войн, регулирование конфликтов в рамках переговоров и норм международного права, сохранение статус-кво в численности и военной активности.
- 3.2. Периодически возникающие локальные войны и конфликты, рост военных расходов, увеличение рисков.

²² Казахстан одобрил создание единой с Россией зоны ПВО / Эл. ресурс «ЦВПИ». 2014. 27 мая / / <http://eurasian-defence.ru/>

Рис. 9.7

9.4. Порядок формирования сценариев развития военно-политической и стратегической обстановки

Выше отмечалось, что международная обстановка формирует базовые условия для развития различных сценариев ВПО, которые по отношению к той или иной стране могут быть, как минимум, разделены на:

- благоприятные сценарии развития МО (отсутствие внешних опасностей и угроз, наличие союзников и отсутствие явных противников и т. д.);
- неблагоприятные сценарии развития МО (наличие угроз, враждебных коалиций, ухудшение МО и т. д.);
- нейтральных сценариев развития МО (отсутствие явных позитивных или негативных признаков изменения ВПО).

При этом, как уже говорилось выше «благоприятные сценарии» развития (Сценарий № 1; Сценарий № 2; Сценарий № 3 в предыдущем разделе) МО состоят, в свою очередь из различных вариантов, среди которых выделяются варианты МО, когда не используется вооруженное насилие в своей открытой форме. Собственно такие варианты сценариев МО и являются основными для характеристики различных сценариев ВПО.

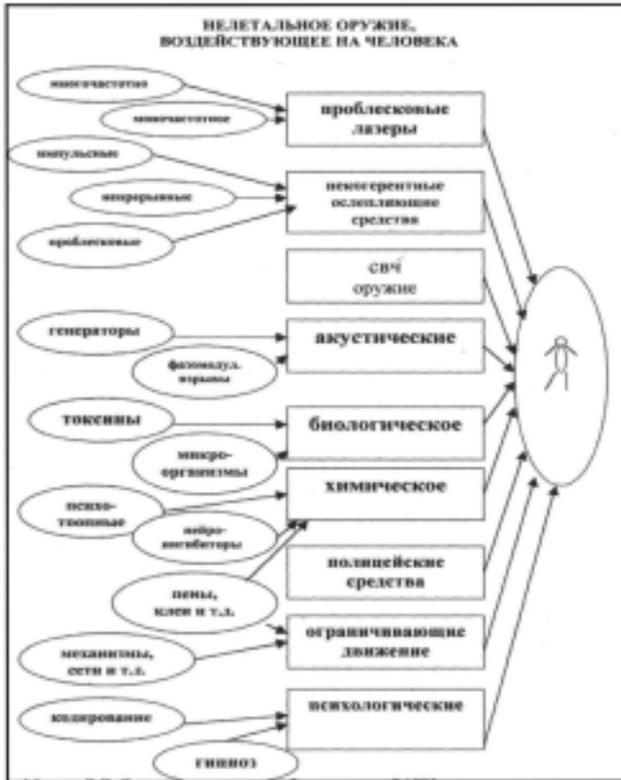
Таким образом, уровень формирования сценариев и вариантов сценариев развития ВПО является производным от вариантов сценариев МО. Соответствующее описание этих вариантов сценариев является отправной точкой анализа и прогноза.

Рассмотрим варианты сценариев развития военно-политической обстановки (ВПО) на примере «благоприятных» сценариев № 1, № 2, № 3 развития МО. К перечню основных сценариев и вариантов сценариев развития ВПО до 2035 и до 2050 годов, вытекающих из соответствующих сценариев развития МО, следует отнести, прежде всего:

Сценарии усиления значения силовых факторов, не относящихся сегодня к средствам вооруженного насилия. Прежде всего:

- политические (шантаж...);
- экономические;
- информационные;
- социокультурные;
- а также новые виды и системы ВиВТ, которые относятся к категориям нелетального оружия.

Некоторые характеристики ОНСД

Рис. 9.8²³

Варианты сценариев развития ВПО во многом определяют сценарии развития СО, однако существует и обратная

²³ Труды научно-исследовательского отдела Института военной истории. Т. 9. Кн. 1. Обеспечение национальных интересов России в Арктике / Зап. воен. округ, Воен. акад. Ген. штаба Вооружен. Сил Рос. Федерации, Ин-т воен. истории, Гос. полярн. акад. — Санкт-Петербург: Политехника-сервис, 2014 / <http://pvkgb.ru/d/647158/d/obespechenie-nacionalnyh-interesov-v-arktike---kniga-1.pdf>. С. 187.

тенденция. Таким образом, существует тесная взаимосвязь между этими вариантами сценариев при определяющей роли сценариев развития ВПО как более устойчивых, системных и многофакторных явлений, обладающих значительной инерцией. Так, во многом определяющие сценарии развития ВПО тенденции в военном строительстве, как привило, отличаются определенной продолжительностью, измеряемой десятилетиями. Сценарии же, развития СО, вытекающие из этих тенденций, могут измеряться годами и даже месяцами. На рисунке эту взаимосвязь можно показать следующим образом:

Классическими примерами изменения СО под влиянием изменений в ВПО, была позиция Великобритании в 1939–41 годах по отношению к СССР, которая менялась от откровенно враждебной (подготовки экспедиционного корпуса во время войны с Финляндией), до союзнической (после нападения Германии на СССР).

Так, если проиллюстрировать эту логику на конкретном примере, то можно использовать описание СО в 1942 году, которая могла развиваться по нескольким сценариям (стратегиям), в частности:

- стратегическая оборона Красной Армии в начале 1942 г.;
- наступление Красной Армии в начале 1942 года на центральных фронтах;

- оборона Красной Армии на центральных фронтах и наступление на юге и юго-западе и т. д.

При этом ВПО в 1942 году для СССР характеризовалась достаточно однозначно:

- союзники СССР и Германии уже определились и вступили в войну;
- второй фронт не планировался к открытию в Европе;
- соотношение сил СССР и Германии было определено в результате эвакуации, оккупации и военных действий 1941 года достаточно определенно.

Фактически в 1942 году было два сценария развития ВПО (при том, что существовало, как минимум, с десяток сценариев развития СО), а именно:

Сценарий № 1: открытие второго фронта союзниками в Европе и их более активное участие в борьбе СССР (несостоявшийся сценарий).

Сценарий № 2: вооруженная борьба СССР с Германией и ее союзниками фактически в одиночестве при оккупированных территориях и необходимости эвакуации предприятий и населения.

В настоящее время СО меняется еще быстрее, что связано с ускорением изменений в ВПО, с одной стороны, и стремительным усилением динамики в развитии сценариев СО.

Глава X.

Показатели совокупного¹ и сетевого² потенциала государств³, конфликтности национальных интересов и их свертка в отношении к России

¹ **Совокупный потенциал государства** — зд. максимально возможная способность мобилизовать национальные ресурсы.

² **Сетевой потенциал государства** — зд. мобилизованный национальный потенциал внутри страны и за рубежом.

³ **Потенциал государства** — зд. совокупность материальных и духовных сил государства и общества.

Социальная эволюция действительно подчиняется строгим
и достаточно простым макрзаконам⁴
А. Коротаев, Д. Халтурина и др.

Экономические ресурсы страны составляют все накопленные ею и располагающиеся как на своей территории, так и за рубежом материальные ценности, научные, интеллектуальные, информационные и трудовые ресурсы, включая предпринимательские способности, а также природные ресурсы. Они характеризуются общим объемом, структурой и качеством.

Экономические результаты отражаются в объеме, структуре, качестве и техническом уровне производимых товаров и услуг. Обобщенной характеристикой экономических результатов выступают ВВП, ВНП, национальный доход и их структура. Кроме того, в качестве показателей экономических результатов могут выступать физические объемы производства отдельных видов товаров, признаваемых на данном историческом этапе важнейшими.

Основными факторами, определяющими экономический потенциал, являются производственные мощности промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта и связи, производственная, социальная и экологическая инфраструктуры, трудовые ресурсы, в том числе квалифици-

⁴ Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С. и др. Законы истории: математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития / отв. ред. А. В. Коротаев. Изд. стереотип. М.: Изд.: ЛКИ. 2014. С. 7.

рованные кадры, способные развивать научно-технический прогресс и обеспечивать его реализацию в сфере производства и потребления.

Важнейшими составляющими совокупного экономического потенциала являются:

- природно-ресурсный потенциал;
- демографический и трудовой потенциалы;
- научный, научно-технический и инновационный потенциалы;
- производственный потенциал;
- инвестиционный потенциал национальной экономики;
- внешнеэкономический потенциал;
- экологический потенциал.

Для общей оценки совокупного экономического потенциала используются следующие показатели-индикаторы:

- численность населения, его половозрастная структура, естественное и механическое движение населения;
- трудовые ресурсы, их структура, обеспеченность рабочей силой и квалифицированными кадрами в соответствии с требованиями научно-технического прогресса (НТП) и рыночной экономики;
- индекс развития человеческого потенциала;
- стоимость и структура основных производственных фондов, показатели их воспроизводства (коэффициенты обновления, выбытия, степень износа);
- валовой национальный продукт, валовой внутренний продукт, в том числе на душу населения в сравнении с экономически развитыми странами;
- возможные объемы роста выпуска промышленной, сельскохозяйственной продукции, продукции строительства, перевозок грузов и пассажиров;
- уровень потребления благ и услуг на душу населения в сравнении с научно обоснованными нормами и нормативами, а также с экономически развитыми странами;

- наличие запасов и уровень использования минерально-сырьевых, топливно-энергетических, лесных, водных, земельных ресурсов;
- экологическая емкость экосистем и уровень загрязнения окружающей среды (по основным ее компонентам).

Экономический потенциал зависит не только от абсолютных объемов ресурсов и производственных возможностей, но и от степени их использования. Высокий уровень совокупного экономического потенциала имеют страны с развитыми производительными силами и рыночной экономикой.

Проблема эффективности использования экономического потенциала является одной из основных проблем экономической теории. Суть этой проблемы состоит в определении путей и способов достижения наибольшего удовлетворения безграничных общественных потребностей в условиях редкости, ограниченности ресурсов. Проблема эффективности общественного производства имеет два аспекта — целевой (удовлетворение потребностей) и ресурсный (использование ограниченных ресурсов)⁵.

10.1. Совокупный и сетевой потенциал государств и коалиций: текущие и прогнозные значения⁶ показателей⁷

Наибольшую трудность при анализе и стратегическом прогнозе МО и ВПО представляет прогноз намерений государств и их военно-политического руководства. Эти намерения могут

⁵ Совокупный экономический потенциал / <http://referatwork.ru/refs/source/ref-77284.html>

⁶ **Прогнозные значения** — *зд.*

⁷ **Показатель** — *зд.* одна из множества избранных характеристик того или иного объекта, процесса, явления. В большинстве случаев показатель — обобщенная характеристика того или иного явления.

меняться (и меняются) достаточно быстро, поэтому строить стратегические прогнозы, опираясь на анализ намерений, — бессмысленно.

В действительности стратегический прогноз может быть сделан (и достаточно достоверно) на двух базовых основах:

Во-первых, на основе анализа долгосрочных национальных интересов и ценностей и их государственных оформлений в представлении правящих элит.

Во-вторых, на основе анализа и прогноза реальных возможностей («capabilities») — прежде всего потенциалов и способностей использовать условия (или даже искусственно их формировать).

Большинство показателей потенциалов зарубежных стран и коалиций — вне процесса национального управления (в т. ч. планирования), поэтому их можно только оценивать и прогнозировать, но не планировать. В большинстве случаев можно использовать следующие методы:

- экспертные методы, когда в роли экспертов выступают специалисты — страноведы и по отдельным проблемам внешней и военной политики, что особенно важно для целей долгосрочного прогнозирования;
- статистические методы, когда имеется достаточно данных о намерениях, расходах, ВиВТ и др. показателях и динамики их развития. Что особенно актуально для краткосрочных и среднесрочных военно-политических прогнозов потому, что анализируемые показатели, как правило, меняются не радикально и по тем же законам и правилам. В частности, можно использовать два следующих метода:
 - построение тренда, — т. е. создание математического уравнения, описывающего поведение данного показателя;
 - метод ценных индексов, — когда те или иные действия описываются исходя из анализа предыдущих исторических циклов устрания годовые (декадные) колебания, вызванные случайными факторами. Так, военные расходы США за 1999–2009 годы выросли почти на 100%, но потом, в 2012–2013 годах, произошли некоторые сокращения, которые в целом не отразились на всей тенденции.

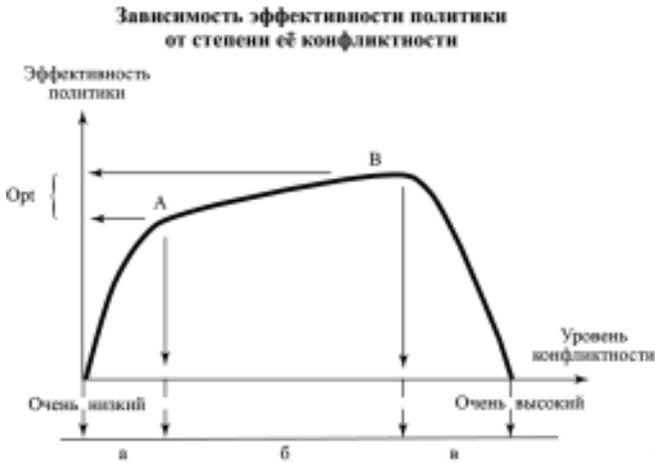
Затем надо понять, как релевантные факторы будут влиять по времени. Сделать это можно с помощью одного из методов прогнозирования, описанных выше. Нужно учесть, что иногда факторы могут меняться скачкообразно. Для отражения таких изменений обычно используют поправочные коэффициенты, полученные с помощью анализа статистических данных (сезонности) и информации о предполагаемых изменениях

(сообщения Госкомстата России, экспертные мнения). Значения поправочных коэффициентов должны быть экономически обоснованы. Прогнозное значение фактора корректируется путем умножения прогнозов, полученных с помощью тренда, на поправочные коэффициенты. После того как прогнозные значения всех факторов, влияющих на показатель доходов компании, будут получены, рассчитываются пессимистические, оптимистические и наиболее вероятные значения объема продаж и цен.

В определении масштабов потенциала государств в последние десятилетия стремительно растет значение национального человеческого капитала, чья доля в развитых странах устойчиво превышает две другие составляющие национального потенциала (или национального богатства) — природные ресурсы и материальные активы.

Сам по себе конфликт, как острый способ разрешения противоречий, далеко не всегда вреден. По аналогии со стрессом, если конфликт не приобретает затяжную и крайнюю форму (в случае межгосударственных конфликтов, — форму силового противоборства), он может быть даже полезен, так как иногда является средством ускорения решения какой-то проблемы или противоречия. Как показано на одном из графиков, опасными становятся как очень низкие, так и очень высокие степени конфликтов.

Рис.10.1⁸

Таким образом, если возвращаться к графику, использованному выше, США избрали в украинской политике 2014 года стратегию высокой степени конфликтности (отрезок «в»), которая постепенно вела к снижению эффективности их политики. Этот спад отчетливо обозначился в период, когда целый ряд европейских стран отказались поддерживать курс США, с одной стороны, а Россия не поддавалась на провокацию аналогичного курса, с другой.

Политические конфликты — часть повседневной политики государств и неизбежная составляющая их стратегии в отношении других государств. Поэтому очень важно определить, насколько остро та или иная страна будет настроена использовать конфликты в своей политике. Если посмотреть, например, на политику США в отношении ситуации на Украине в 2014 году, то можно обнаружить, что их стратегия строилась на использовании максимальных уровней конфликтности. Ее суть по отношению к решению проблем, возникающих с Россией

⁸ <http://library201097.narod.ru/091/background43.png>

и другими странами, ясно изложил в июне 2014 года З. Бжезинский. В своей статье он писал: «...украинская проблема — это угроза, с которой Западу необходимо бороться на трех уровнях. Мы должны решительно бороться с искушением применить силу, с которым сталкивается российское руководство. Проще говоря, мы должны предотвратить применение силы.

Во-вторых, мы должны добиться прекращения сознательных попыток России дестабилизировать ситуацию в восточных областях Украины...

Третья наша задача заключается в том, чтобы настоять и затем обсудить с россиянами формулу окончательного компромисса, который предполагает запрет на открытое и масштабное применение силы и на попытки дестабилизировать ситуацию. В свою очередь, это означает следующее — и я буду предельно откровенен в выражении своих мыслей по этому поводу. Украину необходимо поддержать, если она будет сопротивляться. Если Украина не будет сопротивляться, если беспорядок внутри страны сохранится и правительству не удастся организовать эффективную систему национальной защиты, тогда украинскую проблему нужно будет решать в одностороннем порядке, однако это может повлечь за собой последствия, которые, вероятно, окажут дестабилизирующее воздействие на уязвимые государства и на отношения между Востоком и Западом в целом.

Если Украину необходимо будет поддержать в ее попытках сопротивляться, украинцы должны знать, что Запад готов помочь им. И нет никаких причин скрывать эту готовность. Гораздо полезнее заявить о ней, сообщить украинцам и тем, кто им угрожает, что, если Украина будет сопротивляться, она получит оружие. И мы предоставим это оружие еще до того, как свершится сам акт вторжения...»⁹

⁹ Бжезинский З. В борьбе с российским шовинизмом («The American Interest», США). Цит. по: Эл. ресурс: ЦВПИ. 2014. 3 июня / <http://eurasian-defence.ru/>

Другими словами по отношению к России стратегия «трех уровней» предполагает:

- «сдерживание» применения Россией военной силы;
- «сдерживание» ее влияния за рубежом в любой форме;
- «сдерживание» политической активности в мире, т. е. навязывание ей выгодного для США компромисса.

На всех трех уровнях, таким образом, отчетливо просматривается установка на силовое давление. На первом, военно-политическом уровне, «сдерживание» равнозначно силовому принуждению. На втором, политико-экономическом и гуманитарном уровне, «сдерживание» означает противодействие силовым невоенным фактором влияния.

На третьем, политико-дипломатическом, — силовое навязывание выгодного США компромисса.

10.2. Политика и конфликт национальных интересов в международной и военно-политической обстановке

Важно, чтобы сетевой потенциал государства и военно-политической коалиции не рассчитывался механически, путем простого сложения национальных потенциалов. Нередко

в истории бывало так, что те или иные союзники ничего не прибавляли к потенциалу коалиции, а иногда и вычитали из него.

Сказанное имеет прямое отношение к современным процессам формирования ВПО. Прежде всего, со стороны США, которые резко активизировали усилия по оформлению под своим руководством коалиции, с одной стороны, и по повышению коалиционных возможностей, — с другой. По этому поводу З. Бжезинский выразился очень образно летом 2014 года: «Учитывая современные последствия масштабного расширения НАТО за последние несколько десятилетий до 28 членом, было бы правильным в свете текущих событий еще раз провести оценку структуры этого альянса. В частности я говорю об историческом парадоксе, заключенном в важнейшей Статье 5 его устава. В Статье 5 говорится о процедуре военного ответа на агрессию, направленную против всего блока или отдельных его членом. Несомненно, вы вспомните, что в Статье 5 есть строка о том, что решения относительно участия в конфликтах должны приниматься единогласно. Другими словами, это значит, что у любой страны есть право вето. Именно США настояли на включении этого условия в устав НАТО. Правительство США настояло на этом, чтобы получить поддержку сторонников изоляционизма в американском Конгрессе. Они опасались, что альянс такого рода нарушит американскую традицию отказа от участия в конфликтах на территории иностранных государств. К сожалению, сегодня, с учетом того, что в состав НАТО входят 28 государств, в различной степени приверженных выполнению условий безопасности, ситуация оказалась обратной. Именно новые члены НАТО в определенных обстоятельствах начинают ссылаться на Статью 5. Вето одного государства не дает гарантии того, что НАТО не станет применять военную силу, потому что, я убежден, если такое произойдет после долгих дебатов, сильного возмущения и взаимных угроз, это государство

будет вынуждено, либо согласиться, либо выйти из состава альянса»¹⁰.

«Одним из возможных вариантов может стать принятие условия о том, что те страны, которые систематически не выполняют обязательства, предусмотренные уставом НАТО, не могут иметь права вето. Некоторые члены этого альянса совершенно не выполняют своих обязательств, поэтому их членство в НАТО фактически представляет собой безбилетный проезд. Почему член альянса, который не выполняет своих обязательств, должен иметь право мешать другим членам НАТО осуществлять коллективную самооборону? Это аномалия и потенциальный источник проблем и путаницы. Поскольку этот кризис постепенно приближается к решению, я надеюсь, что НАТО пересмотрит свой устав и еще раз обсудит вопрос о принятии новых членов в альянс. Страна, в безопасности которой НАТО заинтересовано, вовсе необязательно должна становиться членом альянса. НАТО может принимать участие в обеспечении ее безопасности, но не принимать ее в свои ряды. Сейчас ведутся разговоры о новых членах Евросоюза. Возможно, некоторые из них захотят вступить в НАТО, и за последние несколько лет некоторым государствам удалось вступить в НАТО, несмотря на то, что территориально они удалены от возможных конфликтов на разделительной линии между Востоком и Западом. Я считаю, что дополнительное обсуждение в данном вопросе может принести определенную пользу, повысить авторитет НАТО и оказать давление на некоторых его членов...»¹¹.

В настоящее время можно выделить два стратегических направления формирования коалиционного потенциала США (рис. 10.2).

¹⁰ Бжезинский З. В борьбе с российским шовинизмом («The American Interest», США). Цит. по: Эл. ресурс: ЦВПИ. 2014. 3 июня / <http://eurasian-defence.ru/>

¹¹ Там же.

Рис. 10.2

В процессе формирования коалиционного потенциала США отчетливо обозначился ряд особенностей:

- расширение круга союзников и партнеров, попыток включения в этот круг государств, прежде не входивших в организации и блоки;
- расширение спектра сотрудничества с отчетливым усилением гуманитарных связей и институтов «мягкой силы»;
- формирование самостоятельных горизонтальных отношений с отдельными институтами государства и общества, например, PR-активность Корпуса морской пехоты США даже в отдельных районах мира.

Конфликт, как форма взаимоотношений между государствами и другими участниками международных отношений и ВПО, — естественное состояние, которое характеризует борьбу тех или иных акторов МО за свои национальные и государственные интересы.

10.3. Показатели конфликтности национальных интересов и их свертки в отношении России

Конфликт¹², как наиболее острый способ разрешения проблем между государствами необходимо анализировать в главном ракурсе — противоречий между национальными и государственными интересами. Конфликт как объект системного исследования обладает значительным количеством черт и характеристик. Но только некоторые из них имеют существенное значение для эффективного решения конкретной и важной задачи. Для того чтобы оценить эти характеристики, необходимо, во-первых, знать их, во-вторых, обладать методами и методиками их оценки, в-третьих, иметь специалистов, владеющих опытом использования таких методик.

Для системного анализа и системного прогнозирования сложного конфликта, в первую очередь, необходима разработка комплекса конкретных показателей именно для данной, конкретной конфликтной ситуации. Часть из множества характеристик конфликта, которые мы можем зафиксировать, называются независимыми показателями, посредством которых данная конфликтная ситуация и воспринимается более или менее объективно. Другие показатели — зависимые переменные — используются для оценки внутренних компонентов и внутренней динамики данного конфликта.

Естественно, необходимы системные методики и технологии измерения данных показателей, их дальнейшего обобщения и конструирования на их основе системной аналитической модели. В зависимости от уровня сложности конфликта могут использоваться разные по набору и численности показатели,

¹² **Конфликт** — зд. наиболее острый способ разрешения противоречий в национальных интересах.

которые используются для его оценки, — от нескольких десятков до нескольких сотен¹³.

Матрица интересов с точки зрения их конфликтности между нациями и государствами

Категории интересов в Европе (на примере России)	Временной период и степень конфликтности			Примечание (степень конфликтности от мин. – 3 до макс. + 3)
	Кратко- срочные	Средне- срочные	Долго- срочные	
Общечеловеческие интересы	– 2	– 2	– 3	
Локально- цивилизационные	+ 1	+ 2	+ 2	
Национальные	+ 1	+ 2	+ 3	
Государственные	+ 2	+ 3	+ 3	
Социальные	+ 1	+ 2	+ 2	
Групповые	– 2	– 3	– 3	
Личные	– 3	– 3	– 3	

Как видно из приведенной матрицы, уровень конфликтности национальных и государственных интересов России в Европе в 2014 году достаточно существенен, в то время как личные и групповые интересы граждан РФ и Европы находятся практически вне конфликтных зон. Эмпирический результат, полученный на основе матрицы интересов, позволяет сформулировать и общую методическую оценку, полезную в контексте прогнозирования конфликтных трендов, опре-

¹³ Система показателей, критериев и индикаторов оценки конфликта / <http://www.univer5.ru/konfliktologiya/konfliktologiya-v-shemah-i-komentariyah-antsupov-a.ya/Page-19.html>

деления истинной точки бифуркации конфликтной обстановки. Дистанцированность сфер общечеловеческих, личных и групповых гражданских интересов от конкурирующих/противостоящих сфер национальных, государственных и социальных противоречий не создает кумулятивного эффекта для полномасштабной эскалации конфликта, который может достаточно долгое время балансировать на грани обострения, либо напротив, постепенного ослабления. Фактически именно эта картина наблюдалась в условиях украинского кризиса, в связи с «войной санкций», объявленной России, ведущими западными странами.

10.4. Индикаторы экономического развития и другие показатели совокупного потенциала России до 2030 и 2050 годов

Существует огромное число индикаторов экономического развития и иных показателей, разработанных как в ООН и других международных организациях, так и отдельных странах.

Оценка и прогноз потенциала России, как уже говорилось, возможны, при использовании двух основных методик — экспертного долгосрочного прогноза и статистического анализа, основанного на существующих и прогнозных данных. При этом такие расчеты невозможно делать, абстрагируясь от внешних реалий, с одной стороны, и национальных возможностей, с другой. Если говорить о неизбежном учете внешних реалий, то, как писалось прежде¹⁴, учитывая долгосрочный характер реализации военно-технических программ, их необходимо делать на долгосрочную перспективу, т. е. прогноз развития

¹⁴ См., например: Подберезкин А. И. Военно-политический и стратегический характер современных внешних и внутренних военных угроз и возможный прогноз до 2020 и 2030 годов / Эл. ресурс: «Наследие». 2014. 9 февраля / <http://www.nasled.ru>

потенциалов и прогноз ответных мер на внешние опасности по времени должны совпадать.

Естественно, что, с другой стороны, развитие потенциала государства прогнозируется на оценке существующих и будущих возможностях государства. Так, в Энергетической стратегии России, до 2030 года, например, заложены индикаторы не только добычи нефти, газа и угля, но и разведки, транспортировки и т. д., в т. ч. по отдельным регионам¹⁵.

Индикаторы стратегического развития минерально-сырьевой базы топливно-энергетического комплекса на период до 2030 года (Табл. 10.1–10.4):

Соответственно уже разработанные в России экономические и социальные показатели, индикаторы и критерии могут быть использованы для стратегического прогноза экономического потенциала России к 2030 году.

Энергетическая стратегия России и другие отраслевые стратегии на период до 2030 годов дают основные индикаторы, однако, как показывает практика, эти индикаторы страдают очень существенными недостатками. Основные из них, следующие:

Во-первых, — и это главное — стратегический прогноз и соответствующее стратегическое планирование должны основываться на защите и продвижении национальных интересов и системе национальных ценностей в долгосрочной перспективе. Это означает, что сам выбор показателей, критериев и индикаторов, а также их приоритетность должны быть следствием того «желаемого будущего», к которому необходимо стремиться.

И здесь очень важно, как самоопределение нации и ее правящей элиты, так и ее понимание приоритетности тех или иных значений, параметров, критериев и индикаторов. Так, например, развитие экономического потенциала к 2030 году может прогнозироваться (в зависимости от выбора критерия):

¹⁵ Приложение №3 к Энергетической стратегии России на период до 2030 года. Цит. по: Внешняя политика России: 2000–2020 / РСМД [Под общ. ред. И. С. Иванова]. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 446–451, 449.

Таблица 10.1.
Приложение № 3 к Энергетической стратегии России на период до 2030 года

Индикаторы/направления	1-й этап	2-й этап	3-й этап
Прирост запасов нефти (млн тонн)			
Российская Федерация — всего	1854	5597	5122
в том числе:			
Западно-Сибирская провинция	1205	2500	2500
Восточная Сибирь	165	1200	1200
Европейский Север	91	330	200
Прирост запасов природного газа (млрд куб.м)			
Российская Федерация — всего	4100	5400	6500
в том числе:			
Западная Сибирь	1200	2100	3000
Восточная Сибирь	480	1400	1200
моря России	350	1700	2000
Прирост запасов угля (%)			
Среднегодовые темпы роста балансовых запасов	0,5–0,8	1–1,5	2–3
Доля балансовых запасов угля, экономически эффективных для извлечения согласно мировым стандартам	48–50	55–58	60–65
Прирост запасов и ресурсов урана			
Обеспечение прироста запасов к 2030 году в объеме (тыс. тонн):			
С — 150, С2 — 300; прогнозных ресурсов — Р — 1200, Р — 2000, Р — 1700			

Таблица 10.2.
Индикаторы стратегического развития нефтяного
комплекса на период до 2030 года

Индикаторы/направления	2008 г. (факт)	1-й этап	2-й этап	3-й этап
Эффективность недропользования				
Коэффициент извлечения нефти	30	30–32	32–35	35–37
Добыча нефти				
Доля Восточной Сибири и Дальнего Востока в добыче нефти (%)	3	10–12	12–14	18–19
Транспортировка нефти				
Прирост мощности магистральных трубопроводов для поставок нефти в дальнее зарубежье (% к 2005 году)	2	36–52	61–67	65–70
Нефтепереработка				
Глубина переработки нефти (%)	72	79	82–83	89–90
Выход светлых нефтепродуктов (%)	57	64	67–68	72–73
Индекс комплексности Нельсона (единиц)	4,3	6	6,5	8,5
Душевое потребление нефтепродуктов (тонн/человек)	0,5	1	1,1–1,3	1,3–1,6
Экспорт нефти и нефтепродуктов				
Доля восточного направления в общем объеме экспорта нефти и нефтепродуктов (%)	8	10–11	14–15	22–25

Таблица 10.3.
Индикаторы стратегического развития газовой промышленности на период до 2030 года

Индикаторы/направления	2008 г. (факт)	1-й этап	2-й этап	3-й этап
Добыча газа				
Доля новых районов в суммарных объемах добычи (%)	2	13–14	21–23	38–39
в том числе:				
Ямал	—	6	9	23–24
Восточная Сибирь и Дальний Восток	2	7–8	12–14	15
Доля независимых производителей газа и вертикально интегрированных нефтяных компаний в суммарных объемах добычи (%)	17	20	25–26	27
Транспортировка газа				
Рост протяженности магистральных газопроводов (в % к уровню 2005 года)	3	8–10	13–15	20–23
Доля реконструированных действующих газопроводов (%) в общей протяженности Единой системы газоснабжения	4	10–11	12–13	25–26

Таблица 10.4.
Индикаторы стратегического развития угольной промышленности на период до 2030 года

Индикаторы/направления	2008 г. (факт)	1-й этап	2-й этап	3-й этап
Добыча и транспортировка угля				
Удельный вес вновь вводимых мощностей по добыче в общем объеме добычи угля (%)	4	5–6	15–20	25–30
Доля Восточных регионов страны (Канско-Ачинский бассейн, Восточная Сибирь, Дальний Восток) в общем объеме добычи угля (%)	33	38–39	41–42	46–47
Объем мощностей угольных терминалов морских портов (в % к 2005 году)	110	125	150	175

- а) темпами роста ВВП и, как следствие, сохранением прежней стратегии опоры на экспорт энергоресурсов;
- б) темпами роста НЧК и, как следствие, усилением акцентов на качестве человеческой личности и демографических показателях;
- в) мобилизацией и развитием возможностей обрабатывающих отраслей промышленности, прежде всего, ОПК;
- г) продолжением «рыночно», макроэкономической традиции «создания экономических условий» для привлечения инвестиций;
- д) другими критериями развития.

В основе такого выбора лежит принцип ориентации на национальные интересы и национальную систему ценностей, что может быть показано на несколько модернизированной логической схеме стратегического прогноза.

В каждом отдельном случае выбора стратегии и основного критерия, стратегический прогноз потенциала страны будет значительно отличаться друг от друга. Так, по оценкам авторов, результаты выбора каждой из стратегий приведут к изменению следующих показателей ВВП к 2030 году:

- 1 вариант
 - а) — росту ВВП на 7–10%;
 - б) — росту ВВП на 170–250%;
 - в) — росту ВВП на 70%;
 - г) — падению ВВП на 5–10%.

Примечательно, что руководство страны, так или иначе, не только понимает необходимость такого подхода, ориентированного, прежде всего, на национальные интересы, но и пытается политико-административными методами заставить на него ориентироваться. Так, в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 года «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» прямо говорится: «В целях последовательной реализации внешнеполитического курса Российской

Федерации, позволяющего обеспечить ее национальные интересы, постановляют (и далее идет перечень этих приоритетов):

- а) содействовать созданию благоприятных внешних условий для долгосрочного развития РФ и т. д.;
- б) добиваться утверждения верховенства права... и др. (вплоть до пунктов ф и х)¹⁶.

Во-вторых, они экстраполируют существующие оценки, достаточно механически перенося — их на будущее. Опыт прогнозов в России показывает, что даже краткосрочные прогнозы оказываются неточными.

В-третьих, в стратегических прогнозах практически не учитывается динамика развития внешних условий существования России. Так, в той же Энергетической стратегии до 2030 года, прогноз добычи нефти в регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока предполагает скромный рост до 75–69 млн т и 32–33 млн т соответственно (хотя, в абсолютных цифрах он в несколько раз и превышает уровень 2008 года)¹⁷, т. е. по сути дела господствует та же экстраполяция, хотя внешняя ситуация 2012–2014 годов говорит в пользу необходимости резкой переориентации экспорта нефти и газа (что, кстати, подтвердило и запоздалое подписание в мае 2014 года соглашения по экспорту газа между РФ и КНР).

В-четвертых, индикаторы и показатели развития потенциала России до 2030 и 2050 годов не учитывают главной особенности современного этапа развития человеческой цивилизации — приоритета в развитии (НЧК), который в XXI веке вносит решающий вклад в темпы и качество потенциала государства¹⁸.

¹⁶ О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 605.

¹⁷ Приложение № 3 к Энергетической стратегии России на период до 2030 года. Цит. по: Внешняя политика России: 2000–2020 / РСМД [Под общ. ред. И. С. Иванова]. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 454.

¹⁸ См. подробнее: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. ТТ. I–III. М.: МГИМО(У), 2011–2013 гг.

Глава XI.
Характеристика сценариев
развития человеческой
цивилизации на период
до 2050 года

В мировом окружении России в 2014 году
не произойдет кардинальных изменений¹

*В. Барановский и др. авторы
ежегодного прогноза
«Россия и мир: 2014»*

Прогноз ученых ИМЭМО РАН, сделанный за несколько месяцев до событий на Украине (февраль 2014 г.) и последующего резкого обострения международной и военно-политической обстановки, лишней раз подтверждает известный вывод о вероятностном характере прогнозов в международной политике даже на краткосрочную перспективу. При этом, долгосрочный прогноз, отражая альтернативные представления о будущем, должен определять решающие условия и факторы развития общества, включая демографическую и экологическую ситуацию в стране, состояние природных ресурсов, новые научно-технические решения и, обусловленные ими сдвиги в экономике, экономические и социальные рубежи, место страны в мировом сообществе и др. Главная его цель — выявление переходов к новому качеству экономического и социального роста, определение основных ориентиров для выработки долговременной научно-обоснованной стратегии социально-экономического роста страны.

При этом следует сделать важную оговорку. Прогнозы по функциональному признаку (направлениям

¹ Россия и мир: 2014. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. Проекта — А. А. Дынкин, В. Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 89.

прогнозирования) подразделяются на два типа: поисковые (генетические) и нормативные. Поисковый (генетический) прогноз основан на условном продолжении в будущем тенденций развития исследуемого объекта в прошлом и настоящем и отвлекается от условий (факторов), способных изменить эти тенденции. Нормативный прогноз разрабатывается на базе заранее определенных целей. Его задача состоит в том, чтобы определить пути и сроки достижения возможных состояний объекта прогнозирования в будущем, принимаемых в качестве целей. В то время как поисковый прогноз при определении будущего состояния объекта прогнозирования отталкивается от его прошлого и настоящего, нормативный прогноз разрабатывается в обратном порядке: от заданного состояния в будущем к существующим тенденциям и изменениям в свете поставленной цели.

Между тем надо признать, что упомянутый прогноз А. Дынкина и В. Барановского основывался изначально на неверном анализе и выборе доминирующего сценария развития МО и ВПО (о котором уже говорилось выше), а именно сценарии «преобладания вектора потери значения военной силы» в отношениях между ведущими мировыми державами. Сценария МО, ставшего популярным в конце 80-х годов XX века и остающегося популярным до настоящего времени у ряда российских политологов. Это означает, что налицо ошибка — вполне объяснимая и достаточно субъективная — в выборе не только сценария развития человеческой цивилизации и, как следствие, международной обстановки, но и в анализе современной обстановки.

В этой связи следует отметить, что обязательно важна последовательность в выборе сценариев с соблюдением их иерархичности. Также необходима максимальная объективность и учет большого числа факторов, позволяющих говорить о системном подходе к анализу, как современных сценариев, так и прогнозу будущих сценариев развития.

11.1. Анализ сценариев и прогнозов развития человеческой цивилизации до 2050 года

Для стратегических прогнозов ВПО и СО, как уже говорилось, принципиальное значение имеет прогноз сценариев развития человеческой цивилизации (ЧЦ), которые являются основой для формирования сценариев развития МО и, соответственно, ВПО и СО. Изначальная самая серьезная ошибка в таком прогнозе заключается в исключении из числа сценариев развития ЧЦ какого-либо сценария, что неизбежно влечет за собой исключение всей «цепочки» сценариев МО, ВПО и СО, вытекающих из этого варианта.

Исходя из этого, важно изначально не исключать ни одного из возможных сценариев развития, даже если его вероятность и вызывает сегодня сомнения. Поэтому уже первый этап

Рис. 11.1

работы — выделение возможных сценариев развития ЧЦ и из их числа вероятных сценариев развития — представляет собой трудовой этап, без которого, однако, говорить о дальнейшей работе над долгосрочным прогнозом сценариев развития МО и ВПО бессмысленно.

Думается, что формализация такой работы необходима. Логическая схема поможет избежать того, чтобы какой-либо (даже только теоретически возможный) сценарий не оказался забыт. Представляется, что при такой работе можно опустить предысторию и историю развития ЧЦ, зафиксировав современный этап ее развития на уровне начала XXI века. Логическая схема в этом случае будет выглядеть следующим образом (рис. 11.1), имея, естественно, ввиду, что нас, прежде всего, интересуют последствия развития ЧЦ для сценариев развития МО.

Соответственно, конкретные предложения по сценариям развития ВПО и СО и возможному характеру военных конфликтов в долгосрочной перспективе вытекают из:

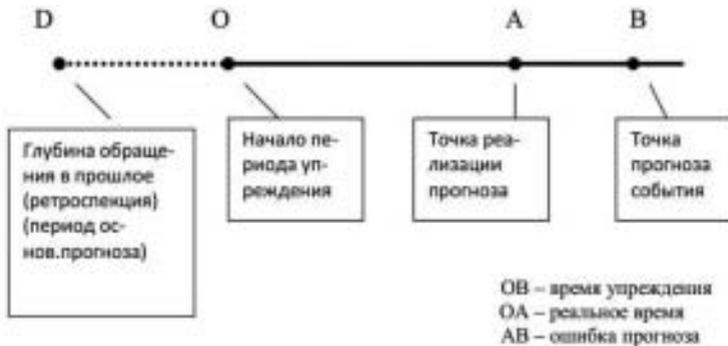
- анализа вероятных сценариев развития человеческой цивилизации;
- вытекающих из них сценариев развития международной обстановки;
- выделенных из сценариев развития МО с разной вероятностью сценариев ВПО и СО;
- анализа существующих особенностей в развитии глобальных тенденций и прогнозе их в стратегической перспективе;
- оценки будущих особенностей сценариев, делающих их вероятными из всего набора возможных сценариев.

Естественно, что на каждом из этих обязательных этапов возможны ошибки, неточности, отклонения и искажения, среди которых самые важные относятся к исключению теоретически вероятных сценариев развития. Особенно самого верхнего в иерархии сценариев уровня, что неизбежно влечет за собой «цепочку» исключения, по нисходящей, других сценариев. Так, исключение одного из сценариев развития ЧЦ, влечет за собой

исключение вытекающих из этого сценария, как минимум, нескольких сценариев развития МО, а затем, последовательно, сценариев ВПО и СО.

Поэтому изначально важно разделить все сценарии по иерархическому принципу — от сценариев развития ЧЦ до сценариев развития СО, — а по степени вероятности — на возможные и вероятные, попытавшись не игнорировать ни один из возможных сценариев развития. При этом, важное значение для точности анализа имеет историческая ретроспектива развития существующих сценариев ЧЦ и МО.

Многие современные явления имеют свои истоки в прошлом и могут быть поняты в будущем, зная, как они развивались прежде. Об этом, в частности говорят и российские исследователи, которые рассматривают надежность прогноза как вероятность наступления предсказываемого события при заданном комплексе условий в пределах установленных допусков².

Сценарии долгосрочного развития ВПО и СО, кроме того, будут развиваться в зависимости от двух основных групп факторов: важнейших трендов мирового развития. Об этом можно прочитать в книге А. И. Подберезкина «Военные угрозы

² Петухов О.Н. Сайт Томского политехнического университета / http://portal.tpu.ru/SHARED/o/ONPETUKHOV/Study/Strategic-planning/Tab/Lectures_on_the_discipline_of_Strategic-Planning_outcome.pdf. С. 53.

России»³. Важно отметить, что объем информации, как о первой, так и о второй группе факторов огромен и стремительно растет ежедневно. Поэтому неизбежно придется ограничиться выбором только определенного ряда наиболее важных критериев и сосредоточить внимание на способах систематизации, а также интеллектуализации информационного процесса.

Прогноз развития различных сценариев ВПО и СО, на долгосрочную перспективу, теряет всякий смысл вне рамок цивилизационного развития и перспектив развития отдельных наций и государств. Действительно, какое значение будет иметь тот, либо иной сценарий ВПО и СО, если не будет существовать цивилизация, либо она будет существовать в качественно ином виде? В полной мере это относится и к конкретной нации и государству, которые в данном случае являются не просто отдельными субъектами ВПО и СО, но прежде всего субъектами всего человечества и отношений между нациями внутри этого человечества.

К сожалению, авторы стратегических прогнозов ограничиваются в лучшем случае отраслевыми прогнозами (а иногда и только региональными или даже подотраслевыми), закладывая изначально ошибку как в анализ современной ситуации, так и в прогноз на будущее.

Чтобы избежать этого нужно, прежде всего, определить общие контуры и закономерности цивилизационного развития в первой половине XXI века, которые можно назвать первым (концептуальным) этапом разработки вероятного сценария. (При этом важно не забыть, что кроме вероятных сценариев сохраняются и теоретически возможные сценарии развития ЧЦ). На этом этапе принципиально важно определить не только дальнейшее развитие существующих важнейших тенденций и закономерностей человеческой цивилизации — цивилизационных, социо-культурных, экономических, социально-полити-

³ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.

ческих, научно-технических и пр., — но и попытаться определить, какие будущие парадигмы и качественно новые явления могут проявиться. Проблема, однако, заключается в том, что именно этот, первый этап развития ЧЦ, как правило, не интересует правительство и заказчиков. Их горизонты планирования ограничены сроком полномочий, а масштабы — отведенной компетенцией и существующей практикой.

Как видно из следующих рисунков, отображающих иерархию отношений в человеческой цивилизации, существуют (сверху вниз) разные уровни по степени важности и последствиям — от цивилизационного до социального и технологического, среди которых российские исследователи выделяют три уровня⁴:

Рис. 11.2⁵

⁴ Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее / <http://library.newparadigm.ru/files/b5r.pdf>. С. 592.

⁵ Там же. С. 31.

При этом совершенно справедливо утверждение не только о приоритете первого «цивилизационного» уровня, но и его решающем влиянии на второй уровень, к которому, собственно говоря, и относятся военно-политические отношения.

Эту аксиому важно изначально признать для того, чтобы при последующих анализах и прогнозах сценариев МО, ВПО и СО не забывать, что военно-политические и иные социальные отношения («отношения второго уровня») являются производными от цивилизационных отношений первого уровня.

Именно на этом уровне происходят фундаментальные, базовые изменения в обществах, экономиках и государствах. Так, на уровне современного этапа развития ЧЦ, а именно, в последние 150 лет, произошли:

- радикальные изменения в численности населения Земли и его качества;
- взрывообразный рост ВВП в отдельных странах и регионах;

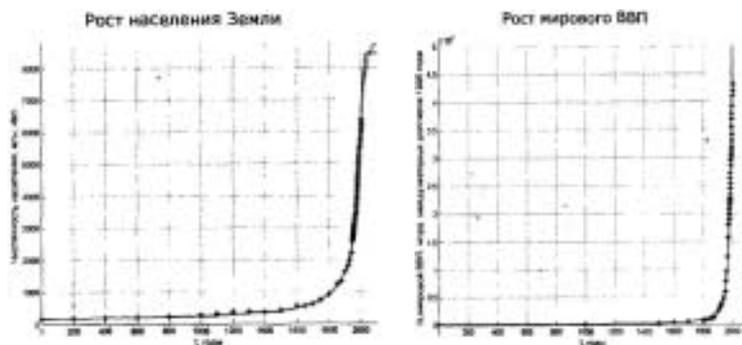
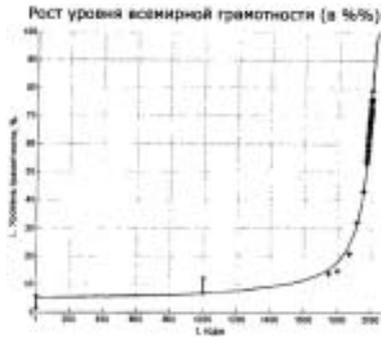

Рис. 11.3⁶

⁶ Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития / отв. ред. А.В. Коротаев. М.: ЛКИ, 2014. С. 46.

- всемирный рост грамотности;

Рис. 11.4⁷

- изменения в росте энергозатрат на производство единицы ВВП.

Рис. 11.5⁸

⁷ Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития / отв. ред. А.В. Коротяев. М.: ЛКИ, 2014. С. 47 2.

⁸ Там же. С. 52.

Соответственно и все возможные и вероятные войны и вооруженные конфликты являются своего рода формами взаимодействия разных цивилизаций. Несколько упрощенно уже цитированные авторы изобразили эти взаимоотношения следующим образом.

Формы и сферы взаимодействия локальных цивилизаций

Как видно из рисунка, переход отношений между цивилизациями на стадию противостояния может привести либо к военному столкновению, либо политической конфронтации. И, наоборот, форма диалога может привести к разным формам сотрудничества (хотя и не исключает и вероятности политического (невоенного) противостояния).

Сказанное означает, что в современную эпоху, та или иная цивилизация (нация, государство, субъект МО), выбирая между «диалогом» и «столкновением», сознательно выбирает между конфронтацией (политической, экономической, военной и т. д.) и сотрудничеством. Интересно это теоретическое рассуждение перенести на конкретный современный пример — политики США и России по отношению к Украине, — когда изначально был определен политический (и цивилизационный) выбор каждой стороны.

На втором этапе исследования важно выделить собственно важнейшие особенности развития международных отношений

(МО) — политических, экономических, военных и иных, а также взаимосвязь между ними. Это важно сделать как по отношению к наиболее важным тенденциям и трендам развития МО, так и собственно субъектов МО — государств, международных организаций, коалиций, союзов, общественных организаций и др. акторов МО⁹.

Эта часть исследования объективно затруднена двумя обстоятельствами. Во-первых, очень трудно проецировать сценарии развития ЧЦ на сценарии развития МО в силу того, что последние являются по определению сценариями второго уровня, т. е. не только производными от сценариев развития этих сценариев. Так, логическое продолжение, например, сценария развития ЧЦ под условным названием «партнерство цивилизаций» отнюдь не означает, что в рамках такого цивилизационного партнерства отношения между государствами будут развиваться (как предполагается) только в форме диалога. Отнюдь. Политический диалог может перейти в политическое противостояние и конфликт. Другими словами, «производное от производного» выводится всегда с существенными оговорками, что необходимо иметь в виду при дальнейшем прикладном анализе.

На третьем уровне, который собственно и является предметом нашего прикладного исследования, анализа и развития сценариев ВПО и СО, из всего блока проблем МО вычленяется только одна его часть — военно-политическая обстановка (ВПО) и, возможно, стратегическая обстановка (СО). «За скобками» остаются важнейшие политические, экономические, технологические и иные факторы, не имеющие прямого отношения к ВПО и СО. Между тем такие факторы (например, открытия в ядерной физике, ракетостроении, в 20-е и 30-е годы XX в.) могут иметь, в конечном счете, важное военное значение.

⁹ См. подробнее: Подберезкин А.И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.

11.2. Ключевое значение анализа и прогноза сценариев развития ЧЦ для военно-политического анализа и стратегического прогноза

На начальном этапе подготовки стратегического прогноза принципиально важно точно сделать анализ современного состояния человеческой цивилизации, МО и ВПО. Это позволит «привязать» прогноз, не только по времени (например, середина 2014 года), но и «по месту», т. е. периоду развития человеческой цивилизации. В этом случае развитие уже существующих сценариев и тенденций ВПО и СО будет зависеть, как минимум, от определения следующих условий и обстоятельств в развитии ЧЦ и МО:

- от направленности, вектора движения («угла движения») развития ЧЦ и МО, которая в определенный период времени (например, середина 2014 года) имеет вполне определенное направление. В частности, в 2014 году направление в развитии ЧЦ можно охарактеризовать как опасное, угрожающее самому существованию цивилизации и особенно ее некоторым составляющим — локальным цивилизациям. Эта характеристика обосновывается существованием и усилением следующих угроз:
- ростом потребления ресурсов и угрозой их исчерпания;
- экологическими проблемами;
- растущей нехваткой жизненно важных ресурсов и т. д.

С точки зрения развития различных сценариев МО, то можно констатировать, что среди них доминируют опасные сценарии противоборства локальных цивилизаций, нации и отдельных субъектов МО и ВПО. Таким образом, «точка отсчета», ее координаты и направления в анализе зафиксированы с высокой степенью вероятности развития пессимистических сценариев развития МО.

Очевидно, что прогноз развития того или иного сценария ВПО во многом зависит от горизонта прогноза. Так, для прогноза ВПО на 10 лет основные параметры известны уже сегодня: численность населения, качество и численность л/с, количество и качество ВиВТ, величина ВВП и порядок военных расходов, военно-промышленный потенциал и др. показатели за 10 лет можно достаточно точно прогнозировать. Например, точность стрелкового оружия вырастет с 1 км до 3 км и т. д.

Для прогноза развития сценариев на 20–25 лет, также есть много исходных данных, однако уже существенную, даже главную роль играют переменные величины, которые могут существенно повлиять на тот или иной сценарий развития ВПО и СО.

Наконец, для периода 30–40 лет прогноз сценариев развития ВПО и СО носит гипотетический характер. Прежде всего, потому, что к тому времени сменятся все основные парадигмы развития — экономические, демографические, социальные и, прежде всего, научно-технические и технологические.

Однако и при таком долгосрочном прогнозе останутся базовые показатели, связанные с фундаментальными, ценностными и цивилизационными критериями. Даже новейшие достижения в биологии и информатике не изменят психическую, физиологическую и психологическую природу человека. Останутся неизменными во многом и социальные и духовные ценности. Другими словами, единственной научной основой для долгосрочного (30–40 лет) прогноза развития ЧЦ, где производные — сценарии ВПО и СО — будут лишь его отдельными аспектами.

- координатами, будущих сценариев прогнозов, которые для ВПО и СО будут определяться, как минимум, тенденциями в развитии:
 - а) вооружений и военной техники (ВиВТ);
 - б) изменениями в военном искусстве:
 - тактике;
 - оперативном искусстве;
 - стратегии.

Логическую модель и общую матрицу такого построения сценариев развития ВПО и СО можно описать следующим образом:

Современное состояние: (на середину 2014 г.)	Состояние всех элементов системы к середине 2020-х гг.	Состояние всех элементов системы к 2035 г.	Состояние всех элементов системы к 2050 г.
Человеческой цивилизации в 2014 г.	Человеческой цивилизации в 2015 г.	~ к 2035 г.	к 2050 г.
Международных отношений (МО) в 2014 г.	Международных отношений в 2025 г.	к 2035 г.	к 2050 г.
Военно-политической и военно-стратегической обстановки (ВПО и СО) в 2014 г.	ВПО и СО в 2025 г.	к 2035 г.	к 2050 г.

В этой матрице очень важна иерархичность, приоритетность обозначенных тенденций. Так, надо точно понимать, что развитие тенденции в ВПО и СО определяется, прежде всего, развитием более общих тенденций в МО и еще более общих — в человеческой цивилизации. Условно можно определить и удельный вес таких тенденций для первого (общечеловеческого), цивилизационного уровня, например, — МО — 5 единиц и ВПО — 2 единицы. Так, если переход на новый этап технологического развития и новый уклад со всеми вытекающими для всех субъектов ВПО последствиями, «весит» 10 единиц, то его проекция в МО, например, опережающем значении роста внешней торговли по отношению к ВВП, или усиления значений транспортных коридоров — 5 единиц. Реализация же результатов перехода на новый технологический этап и новые технологии в области ВиВТ — 2 единицы, что, вполне объяснимо и уже подтверждается первыми примерами: если у вас

есть определенная доля экономики, относящаяся к новому технологическому укладу и собственно качественно новые технологии, то их использование в военной области является всего лишь следствием.

Как видно из этой матрицы, принципиально важно максимально точно провести анализ нынешней современной ситуации, в которой находится человеческая цивилизация до анализа МО и ВПО, по трем основным причинам:

- Во-первых, нужна точная «точка отсчета», точные координаты, описание и анализ уже существующих и начала возможных будущих тенденций, по которым будут развиваться будущие сценарии. Как в геодезии, для того, чтобы точно проложить маршрут необходимо знать изначально точное местоположение. Точно знать начальные координаты нужно также при стрельбе, причем, чем дальше расстояние для стрельбы, тем важнее изначальная точность в определении координат. Соответственно для максимально точного стратегического прогноза, особенно удаленного на 30 и более лет, изначально точное определение координат обязательный залог успеха. Поэтому характеристика сценариев развития МО и ВПО прямо зависит от точной характеристики современного состояния человеческой цивилизации.

Между тем именно по этому пункту (казалось бы, наименее сложному) у современных экспертов и исследователей множество расхождений. Примеров — в политической, экологической, научной областях — множество: от оценки перспектив добычи сланцевого газа и последствий «парникового эффекта» до оценки состояния ядерного сдерживания и мировой финансовой системы. Однако, в любом случае предстоит выбрать какую-то «точку отсчета», координаты, позицию, от которых предстоит прогнозировать развитие будущих сценариев ЧЦ.

- Во-вторых, точный современный анализ позволяет определить относительно точное направление, вектор развития

всех трех последующих групп сценариев — МО, ВПО и СО. Это — принципиально важно, например, потому, что при большой дальности (в данном случае прогноза более 10 лет) любая изначальная неточность ведет к искажению вектора на большие расстояния. Так, неточность в оценке перспектив эволюции военного искусства через 10 лет может привести, например, к созданию ненужных (и даже вредных) систем и видов ВиВТ, а через 30 лет — к технологическому коллапсу и качественному провалу в развитии ВиВТ. Простой пример: выбирая вектор развития ЧЦ в направлении «универсализации» системы национальных ценностей, можно прогнозировать, что сценарий развития ЧЦ через 20–30 лет будет характеризоваться:

- отсутствием национальных систем ценностей, либо их подчиненностью «общечеловеческой» системе ценностей;
- отсутствием представленной о национальных интересах и их подмене «общечеловеческими»;
- отсутствием системы духовных и нравственных ценностей;
- отсутствием половых и иных различий и т. д.

И, наоборот, выбирая «национально-ориентированный» вектор развития сценария ЧЦ, можно предположить, что через 20–30 лет основу МО и ВПО будут составлять сценарии, которые жестко ориентированы на продвижение национальных систем ценностей, в т. ч. и в силовой форме.

- В-третьих, изначальный точный анализ состояния ЧЦ позволяет вычлнить в каждой из группы факторов наиболее важные тенденции и тренды, не заметив или недооценив которые можно позже допустить крупные просчеты в прогнозе на 10 лет, а тем более на 20 и 30 лет.

Таким образом описание сценариев развития МО, ВПО и СО должно опираться на максимально точный анализ современного состояния ЧЦ и перспектив ее развития.

Другая проблема, которую предстоит решать при описании конкретных сценариев развития МО, ВПО и СО, это адекватная оценка национальных ресурсов и возможностей. Так, ресурсы США и их союзников, включая разведывательные, информационные и аналитические, более чем на порядок, т. е. в 15–20 раз превышают аналогичные ресурсы России. Учитывая определенное технологическое и организационное отставание России, можно говорить о двух или даже трех порядках, которые отделяют экономические возможности России от аналогичных возможностей Запада.

Это соотношение сил, естественно, влияет на оценку ВПО и МО в мире (как говорили прежде классики, любой политический анализ начинается с анализа соотношения и расстановки сил). Причем двойко: как с точки зрения преувеличения значения экономической и технологической мощи для военной мощи государства (когда повторяется ошибка ставить знак равенства между экономической и военной мощью), так и недооценки экономических (и во все большей степени) технологических возможностей. Примечателен в этой связи пример того, как в США рассматривают во втором десятилетии XXI века Китай, что наглядно видно на следующей диаграмме (рис. 11.6)¹⁰

Как видно из соцопросов, в 2012 году только 28% американцев ассоциировало Китай с растущей военной мощью, а 59% — экономической мощью. Эта оценка, вероятно, была характерна и для правящей элиты США, которая также очевидно недооценивала растущие военные возможности КНР, которые трудно оценивать количественными параметрами. Очевидно одно: точная, адекватная оценка соотношения сил, лежащая в основе политического анализа, является основой для построения всех существующих сценариев развития ЧЦ

¹⁰ «U.S. Public, Experts Differ on China Policies: Public Deeply Concerned about China's Economic Power», Pew Global Attitudes Project, September 18, 2012, / www.pewglobal.org/files/2012/09/US-Public-and-Elite-Report-FINAL-FOR-PRINT-September-18-2012.pdf

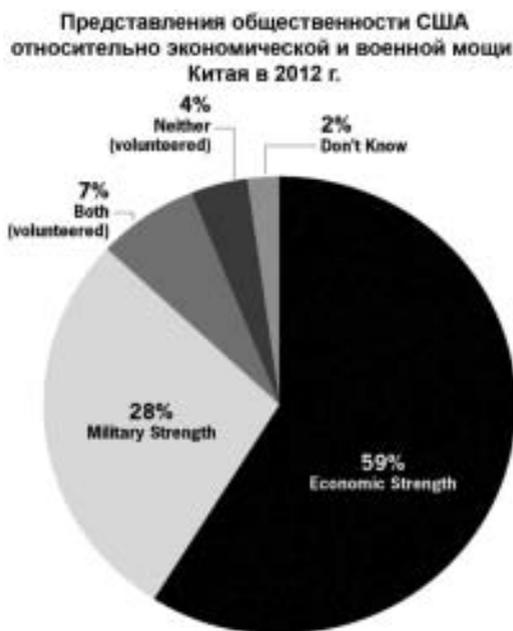

Рис. 11.6

и их последствий для МО, ВПО и СО. Причем такая оценка не может ограничиться количественными критериями оценки соотношения сил в мире.

Проблема, однако, заключается в том, что количественных показателей и критериев для анализа и оценки современного состояния ЧЦ — огромное число, но еще больше таких качественных оценок. Их невозможно учесть все, тем более в динамике постоянных изменений, когда переменные величины постоянно меняют свои значения. Соответственно следует исходить из того, что предлагаемые рекомендации для сценариев развития МО, ВПО и СО должны объективно опираться на определенные ограниченные ресурсы и другие возможности по сбору, систематизации и обработке информации в интересах противодействия внешним опасностям и военным угрозам

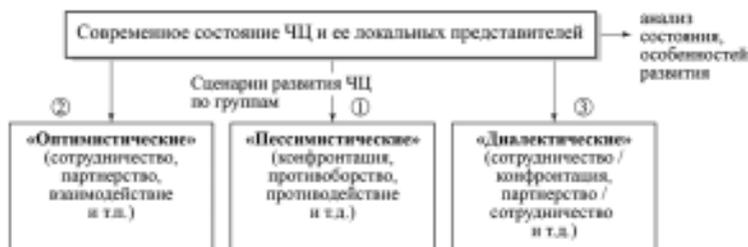
России, вытекающим из анализа современного этапа развития человеческой цивилизации.

Это означает, что количество факторов, влияющих на формирование МО, ВПО, критериев и субъектов МО и ВПО должно быть оптимизировано до разумных пределов, позволяющих в реальном режиме собирать и обрабатывать информацию. Так, например, мы не можем позволить себе содержать штаты посольств, торгпредств и др. загранучреждений, включая резидентуры, в тех масштабах, в которых они были у СССР. Поэтому показатели и теории развития различных сценариев ЧЦ должны быть тщательно отобраны, систематизированы, а, главное, их анализом должен заниматься специально подготовленный коллектив аналитиков, включающий специалистов самого широкого профиля — философов, социологов, политологов, экономистов и т. д. От эффективности их работы, в конечном счете, зависит перспектива и адекватность анализа и прогнозов всех последующих сценариев развития — МО, ВПО и СО. Собственно любой последующий анализ и прогноз — внешнеполитический, социально-экономический, инновационный, транспортный, региональный, местный и т. д. — должен базироваться на сценариях развития ЧЦ, разработанных этим коллективом. В частности, сценарии развития МО, которыми обязаны заниматься эксперты МИД, РАН, ГРУ ГШ ВС РФ, Внешней разведки и др. ведомств, должны появляться не из ниоткуда, а из вполне конкретных наработок-сценариев развития ЧЦ. Это еще важнее для следующего этапа — разработки сценариев ВПО, — которые будут вытекать из сценариев МО.

Иными словами даже небольшие неточности (которые неизбежны) в анализе и прогнозе сценариев развития ЧЦ, ведут к искажениям в сценариях развития МО и ВПО.

Пока что о существовании такого коллектива, работающего в постоянном режиме, не известно. Поэтому приходится обращаться к результатам исследований либо отдельных, временных (как правило, небольших) групп, либо исследователям-одиночкам.

К настоящему времени сложилось несколько подходов к сценариям развития ВПО и СО в России и за рубежом до 2030–2050 годов, описанных в различных источниках и подготовленных различными коллективами и авторами, которыми, естественно, не исчерпывается весь спектр, существующих, возможных, а тем более вероятных сценариев развития ЧЦ, МО, ВПО и СО. Наиболее вероятными (как кажется) из них представляются следующие сценарии развития ЧЦ на долгосрочную перспективу, которые (учитывая огромное количество факторов влияния) сознательно сведены только к следующим:

Очевидно, что подобный примитивизм мало что дает для характеристики сценариев развития ЧЦ кроме первой попытки их систематизации, которая, однако, позволяет выделить варианты сценариев развития ЧЦ, которые должны максимально широко представлять весь спектр возможных сценариев (не останавливаясь пока что на их вероятном характере).

В качестве примера предлагается рассмотреть первую группу сценариев развития ЧЦ, выбранную по принципу «наибольшей вероятности» реализации.

Первая группа сценариев («Пессимистические») представляет собой варианты конфронтационного развития ЧЦ, где «точкой отсчета» является оценка состояния ЧЦ летом 2014 года, характеризующаяся нарастающим напряжением в МО и обострением ВПО, которое вытекает из обострения противостояния локальных цивилизаций, их систем ценностей и интересов. В практической политике, это проявляется в усилении борьбы

за природные ресурсы, транспортные коридоры и продвижении своих систем ценностей и норм. Пример с конфликтом на Украине — как реализация таких сценариев.

В соответствии с этими сценариями основные субъекты МО и ВПО готовятся к активному применению военной силы во всех трех ее формах:

- а) возможности ведения победоносной глобальной войны (как минимум, создания уверенности в этом);
- б) возможности ведения успешных реальных военных действий на различных ТВД, с участием союзников и партнеров;
- в) возможности эффективного использования широкого спектра новых силовых инструментов под прикрытием угрозы применения военной силы:
 - дипломатических;
 - информационных;
 - гуманитарных и пр.

Таким образом, первая группа («пессимистических») сценариев характеризуется, прежде всего, способностью и готовностью использования силы в своей политике, включая военную силу. Различные варианты этих силовых сценариев можно обозначить для отдельных форм силовой политики, как (силовая форма «а»):

- вариант сценариев ведения глобальной войны;
- вариант сценариев ведения глобальной вооруженной борьбы, исключая ядерное оружие;
- вариант сценариев ведения глобальной, региональной и локальной войны.

Таким образом, в формализованном виде «набор» сценариев использования силы в ее прямой форме сводится к трем вариантам.

В действительности такой набор вариантов силовой политики в ее прямой форме значительно шире и зависит как от степени детализации в военном искусстве, так и собственно военной политики государства.

Значительно более широк спектр вариантов силовой политики первой группы «пессимистических» сценариев, который формируется с участием расширяющегося спектра союзников и партнеров (силовая форма «б»). Прежде всего, из-за того, что изменения в соотношении мировых сил рассматриваются в США в качестве обязательного требования к расширению коалиционной политики, включения в нее новых союзов и государств.

Наконец, еще более широкий спектр представляет собой третья форма силовой политики, когда применение военной силы рассматривается, прежде всего, в качестве средства политико-психологического давления для бесчисленного количества невоенных силовых способов.

Предполагается, что третья форма использования военной силы будет наиболее предпочтительной, однако она отнюдь не исключает, более того предполагает возможность применения первой и второй силовых форм. В выступлении в военной академии в мае 2014 года Б. Обама изложил этот силовой подход следующим образом: «США должны играть ведущую роль в мире, полагаясь, в частности, на свои вооруженные силы. Мой вывод таков: на мировой арене Америка всегда должна вести всех за собой. Если мы не возьмем на себя эту роль, то ее возьмет кто-то другой», — указал Обама. Он также подчеркнул, что «вооруженные силы всегда будут основой этого лидерства».

Соединенные Штаты, по словам главы американского государства, будут использовать военную мощь, в одностороннем порядке при необходимости, когда этого будут требовать «ключевые интересы: если будут поставлены под угрозу жизни наших людей, наше благосостояние, если под угрозой окажется безопасность наших союзников». «В этих обстоятельствах нам все равно придется задавать себе трудные вопросы: являются ли наши действия пропорциональными, эффективными и справедливыми. Международное общественное мнение имеет значение. Но Америка никогда не должна спрашивать разрешения защищать наш народ, нашу страну, наш образ жизни», — отметил он.

В то же время, если будут возникать глобальные вопросы, которые не представляют прямой угрозы США, «тогда порог применения вооруженных сил должен быть выше», сказал глава Белого дома. «В таких обстоятельствах, — отметил он, — мы не должны действовать в одиночку. Вместо этого мы должны мобилизовывать союзников и партнеров и принимать коллективные меры. Мы должны расширять наши средства, включать в них дипломатию и развитие, санкции и изоляцию, мы должны апеллировать к международному праву и предпринимать многосторонние военные действия, если они справедливы, необходимы и эффективны»¹¹.

Надо понимать, что по мере изменения соотношения сил в мире не в пользу США будут меняться и акценты в выборе форм использования силы, однако представляется, что все три формы не потеряют своей актуальности. До 2020 года модель, предложенная Б. Обамой, по объективным причинам будет доминировать, но после 2020-х годов вероятно ослабление первой формы (вероятности глобальной войны), если не удастся создать очевидного военного превосходства в неядерных вооружениях.

Учитывая, что первая форма использования военной силы после 2020 года будет зависеть в основном от степени реализации второй формы (возможности ведения успешных военных действий на различных ТВД), а третья форма, также будет предопределена реалистичностью успешного применения военной силы по второй форме, это означает, что в 2020–2050 годы будет своего рода ренессанс неядерных ВиВТ. Естественно на качественно новом уровне. Прежде всего, ВТО и воздушно-космических средств обороны. Логическая матрица развития этого сценария может выглядеть следующим образом.

Если говорить о степени внимания и масштабах финансирования НИОКР и ВиВТ, различных форм возможного

¹¹ Барак Обама: действия США позволили добиться изоляции России / ИТАР-ТАСС. 2014. 28 мая / <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1222857>

использования военной силы, то условно их можно определить по пятибалльной системе следующим образом.

	1-я Форма	2-я Форма	3-я Форма
до 2020 г.	4	5	5
до 2030 г.	3	5	5
до 2050 г.	1	5	5

Как видно из предлагаемой матрицы, военное строительство в США будет определяться установками на приоритетное использование самых различных форм военной силы. При этом внимание (и финансирование) ВиВТ для первой формы — стратегических вооружений — будет сохраняться и вытесняться ВиВТ второй формы — ВТО и ВКО.

В эти же годы происходит пересмотр отношения к силовому обеспечению политики иррегулярными ВС и новыми силовыми средствами, которые формально могут не относиться к средствам вооруженной борьбы.

Подытоживая, можно сказать, что избранная в качестве примера первая группа сценариев развития ЧЦ («пессимистическая») представила широкий набор сценариев и вариантов сценариев силовой политики, количество которых ограничено использованием тех или иных форм силовой политики. Каждый такой сценарий и его вариант развития требует достаточно точного и системного анализа — политического, философского, экономического, военного, — в результате которого появятся сценарии и их варианты развития МО и ВПО, а иногда и СО.

Вторая группа сценариев развития ЧЦ («оптимистические») предполагает, что уже во втором десятилетии XXI века в развитии ЧЦ доминируют позитивные тенденции сотрудничества и развития. Анализ этих тенденций привел к тому, что набор «позитивных» сценариев развития ЧЦ ведет к доминированию таких же позитивных сценариев развития МО и ВПО.

Так, в частности, будет происходить демилитаризация союзов, коалиций, блоков, их возможный роспуск, сохранение военных расходов и т. д. И, наоборот, «позитивность» для России будет означать, что в мире будет создана мощная евразийская военно-политическая коалиция во главе с «российским ядром», куда войдут не только страны ЕвразЭС, но и, возможно, целый ряд других евразийских государств. Эта коалиция сможет нейтрализовать негативное влияние НАТО.

Третья группа сценариев развития ЧЦ («диалектическая») будет состоять из сценариев, объединяющих противоречивые тенденции, сочетающие как позитивные, так и негативные аспекты деятельности государств. Точный баланс лишь, очень приблизительно может быть определен на основе «сквозного» долгосрочного прогнозирования, поскольку предполагает учет по крайней мере нескольких точек перехода, формирующихся под влиянием тактического соотношения сил участников военно-политического взаимодействия, а также результативности развития коалиционных связей стран-лидеров с их ведущими партнерами.

Опора на три группы сценариев развития ЧЦ в качестве исходных методических элементов формулирования характеристик, уточняющих гипотетическую картину будущего мира, создает существенные преимущества в процессе аналитического прогнозирования. При этом неизменным остается правило, что «оптимистические» и «пессимистические» варианты определяют объективные ограничения пространства возможностей, в котором развивается деятельность субъектов отношений на международной арене, а третий, «диалектический» сценарий позволяет оптимизировать условия внешнеполитического маневрирования сторон, конкретизировать их целеполагание и подходы к мобилизации ресурсов.

Глава XII.
Формирование
сценариев развития
международной обстановки

... возрождаясь и восстанавливая свои позиции, наша страна должна исходить из жестких реалий международной конкуренции и соответствующих вызовов безопасности¹

*С. Глазьев,
советник Президента России*

Противоречия и совпадения интересов, систем ценностей и намерений многочисленных субъектов международной обстановки (МО) делают задачу долгосрочного прогноза различных сценариев развития МО крайне затруднительной. Вместе с тем существуют некоторые «опорные точки», которые позволяют говорить о том, что такая задача может выглядеть вполне реальной. Даже с учетом уместных оговорок академика А. Дынкина о том, что «сверхзадачей» долгосрочного прогноза является предвидение долгосрочных тенденций².

Таковыми «опорными точками» долгосрочного прогноза сценариев развития МО являются:

- анализ и прогноз долгосрочных тенденций и трендов развития человеческой цивилизации (ЧЦ), прежде всего ее основных локальных представителей;
- анализ и прогноз развития государственных, международных, общественных и иных акторов МО (государств, союзов, организаций и т. д.);

¹ Глазьев С. Ю. Предисловие. Подберезкин А. И. Евразия и Россия. М.: МГИМО(У), 2014. С. 3.

² Стратегический глобальный прогноз 2030 / под ред. акад. А. А. Дынкина / ИМЭМО РАН: М.: Магистр, 2011. С. 15.

- анализ и прогноз тенденций взаимосвязей и взаимозависимостей этих факторов, представляющих собой отдельный предмет исследований³.

Таким образом, анализ и прогноз сценариев развития ВПО в интересах обеспечения безопасности страны, который в настоящее время делается в ряде консультативных органов во главе с Совбезом, должен изначально быть производным от анализа развития сценариев развития ЧЦ в целом. Затем требуется учет противоречий, несовпадений и расхождений между интересами локальных цивилизаций, отдельных наций и государств⁴.

Именно в контексте этих расхождений и противоречий проявляются и формируются сценарии МО, частью которых (причем далеко не всегда главной) являются сценарии развития военно-политической обстановки (рис. 12.1).

Главной же частью таких сценариев представляется аутентичность трактовок глобальных тенденций мирового развития, определение влиятельности субъектов МО и корректность выработанных стратегий национального развития⁵.

Теоретические и методологические вопросы формирования МО рассматривались не раз в исследованиях российских и зарубежных авторов. В том числе и в рамках исследований, проводившихся ЦВПИ МГИМО в 2013–2014 гг.⁶ Применительно к обзору некоторых возможных будущих сценариев развития МО можно сделать следующий основной вывод относительно основных характеристик, вытекающий из принятого определе-

³ См. подробнее: Подберезкин А.И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.

⁴ См. подробнее: Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналитический доклад / А.И. Подберезкин, Р.Ш. Султанов, М.В. Харкевич и др. М.: ЦВПИ. М.: МГИМО(В) 2014. С. 33–49.

⁵ Подберезкин А.И. Стратегия для будущего Президента России: русский путь Всероссийское общественно-политическое движение «Духовное наследие». М. 2000.

⁶ См., например: Подберезкин А.И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У), 2014.

Рис. 12.1

ния МО: международная обстановка — это состояние международных отношений (политических, экономических, торговых, военных, др.) в конкретный исторический период времени. Это состояние характеризуется:

1. Составом и качеством субъектов МО (государственных, международных, негосударственных);
2. Влиянием ведущих тенденций мирового развития (политических, научных, религиозных, культурных и др.);
3. Отношением между субъектами МО и ведущими мировыми тенденциями;
4. Оценкой МО как совокупности результатов действий одних субъектов МО и тенденций на другие.

В этой связи представляется, что сценарий развития МО должен включать субъективное представление о будущем конкретном состоянии МО в тот или иной конкретный отрезок времени (2015 год, или 2020-е годы, или 2050-е годы XXI века, например), которое является совокупностью результатов действий одних

субъектов (и акторов) МО и мировых тенденций на другие. В самом простом формализованном виде это определение можно представить в матрице, описывающей как состояние всех субъектов МО, так и основные тенденции и последствия МО.

Очевидно, что при таком описании и анализе предполагается учет огромного числа относительно постоянных и переменных факторов. Этот вывод подтверждается, если предположить, что для создания одного сценария МО потребуется⁷:

- описать 200 государств-субъектов МО по сотням основных параметров;
- описать тысячи негосударственных субъектов МО;
- описать сотни мировых тенденций по десяткам параметров;
- описать взаимодействие и влияние всех этих факторов с тем, чтобы оценить совокупные последствия (результаты) такого взаимодействия.

Естественно, что решение такой задачи потребует объединения усилий большого коллектива исследователей, занимающихся анализом и мониторингом на постоянной основе, так как сценарий МО всегда исключительно конкретен по составу участников и по времени, что неизбежно влечет быстрое изменение МО даже в рамках одного сценария.

Вместе с тем, такие исследования крайне необходимы и теоретически возможны. Они предполагают также допущения и абстракции, неизбежные при попытке определить ведущие тенденции в мире.

12.1. Основы анализа и стратегического прогноза международной обстановки

На формирование того или иного сценария МО оказывают влияние три основные группы факторов:

⁷ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У), 2014.

Первая группа: состояние и потенциалы участников МО — государства, организаций и других акторов;

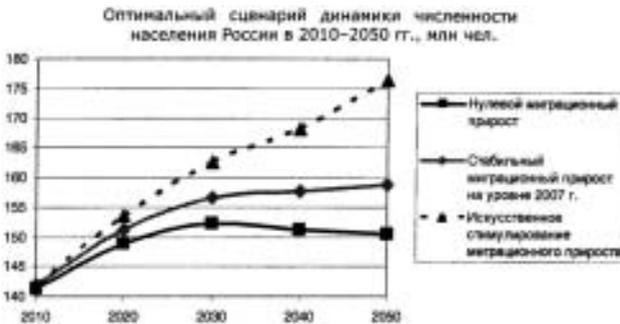
Вторая группа: глобальные и региональные тенденции мирового развития;

Третья группа: характер отношений между участниками МО, наличие союзов, коалиций и т. д.

Именно на уровне развития сценариев ЧЦ происходит формирование структуры и собственно сценариев будущей МО, которая неизбежно включает в себя, прежде всего, важнейшие внутренние факторы, характеризующие участника МО и ВПО, которые мы отнесли к первой группе факторов, например:

- количество и качество национального человеческого капитала;
- величина и качество ВВП;
- качество институтов гражданского общества и т. д.

Например, численность населения России в 2050 году в основном будет определяться внутренними факторами, а результат внутренней политики неизбежно отразится на будущей МО и ВПО, особенно если иметь в виду не только мобилизационные ресурсы, но и возрастающую роль «мягкой силы» и значения институтов гражданского общества в обеспечении безопасности государства.

Но даже если говорить только о численности населения, то в XXI веке решающее значение приобретает его качество —

образование, трудовые навыки, уровень культуры, патриотизма и т. п., — которые будут, в конечном счете, определять такие показатели военной мощи, как:

- качество личного состава ВС, его способность использовать современные ВиВТ;
- качество управления ВС;
- качество ВиВТ, создаваемых ОПК и т. д.

Приоритеты и принципы развития ЧЦ предопределяют не только структуру и характер будущего сценария МО, но и более локальные, частные аспекты МО, в частности, военно-политические. Так, например, противостояние локальных цивилизаций ведет к соответствующему формированию сценариев МО и ВПО, а также военной политики конкретного субъекта МО. Это видно на подготовленном экспертами следующем рисунке:

Представляется, что на развитие сценариев ЧЦ и производных от них сценариев МО и ВПО в XXI веке решающее значение будут оказывать качественные показатели, которые, как правило, остаются вне зоны внимания при составлении современных сценариев развития ВПО.

Вторая группа факторов (глобальные и региональные тенденции развития) представляют собой достаточно общие

условия существования и развития для всех локальных цивилизаций. Так, например, показательно, что по долгосрочным прогнозам выбросы CO_2 существенно будут сокращаться после 2020 года, а к концу века вообще могут исчезнуть.

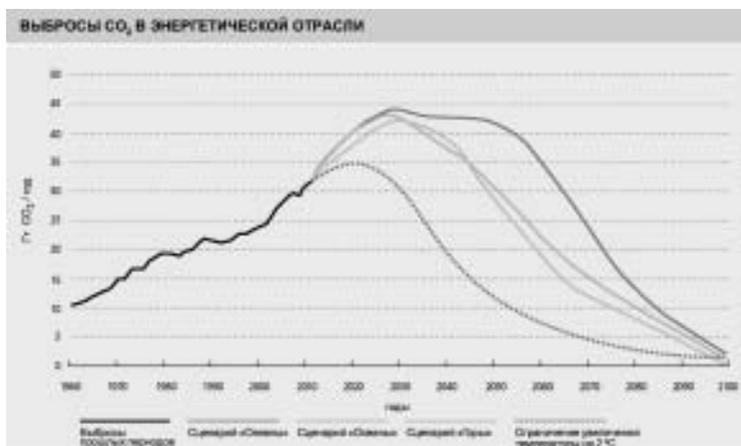

Рис. 12.2⁸

Для прогноза МО очень важно влияние таких глобальных тенденций на отдельные локальные цивилизации и страны, которые способны привести к абсолютному и относительному усилению субъектов и акторов МО и ослаблению других. Причем относительные показатели в данном случае становятся более важными, чем абсолютные. Так, например, быстрый рост душевого дохода ряда стран АТР важен как сам по себе, так и относительно других стран. Для прогноза развития сценария МО, например, очень важна относительная динамика роста душевого ВВП Китая, Индии и Южной Кореи по сравнению не с европейскими державами, а с Японией.

⁸ Сценарии «Новый взгляд на будущее» Новый взгляд на быстро меняющийся мир «Шелл Интернешнл БВ», 2013 / <http://www.shell.com/scenarios>. С. 37.

ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ СТРАН С ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКОЙ И РАЗВИТЫЕ СТРАНЫ

	Год	Доход на душу населения*	Годы, когда были достигнуты сопоставимые уровни			
			США	Германия	Япония	Соединенное Королевство
Китай	1985	1,519	1840	1856	1976	1829
	2008	6,725	1940	1958	1967	1940
Индия	1985	1,079	1820	1820	1864	1820
	2008	2,975	1880	1900	1967	1865
Южная Корея	1985	5,670	1925	1855	1965	1935
	2008	19,614	1985	2006	1994	2000

Рис. 12.3⁹

Наконец, третья группа важнейших факторов, характеризующих сценарии развития МО, описывает характер существующих и возможных отношений между отдельными акторами и факторами, то есть собственно состояние международных, политических и военных отношений. Эти отношения, как известно, могут существенно отличаться и варьироваться от союзнических, дружественных до враждебных и даже состояния вооруженного конфликта, что, естественно, не может не влиять на развитие сценариев МО.

12.2. Анализ сценариев и прогнозов развития международной обстановки

Предложенные авторами доклада Национальной разведки США четыре версии (сценария) будущего, с оговоркой возможности существования других сценариев — достаточно типичное признание. Как и сами эти версии, которые в разных редакциях разных авторов могут называться по-разному: «Расширение прав и свобод», «Распыление влияния», «Демографическая ситу-

⁹ Сценарии «Новый взгляд на будущее» Новый взгляд на быстро меняющийся мир «Шелл Интернешнл БВ», 2013 / <http://www.shell.com/scenarios>. С. 12.

ация» и «Нехватка продуктов питания, воды и энергоресурсов». В действительности более справедливо заключение авторов о существовании некоего общего сценария, включающего в себя если не целиком, то все же многие элементы предложенных сценариев.

И здесь мы с самого начала сталкиваемся с условностями, которые необходимо преодолеть:

- разницей в названиях, определениях и толкованиях различных концепций, отражающих часто одну и ту же сущность;
- различиями в понимании понятий «сценарий», «прогноз» и «концепция».

Если речь идет, например, о сценарии развития МО, то необходимо определиться с пониманием этого термина. Как пишут его исследователи М. Линдгрэн и Х. Бандхольд, «не существует единого определения сценария или сценарного планирования. Разные специалисты предлагают собственные толкования этих понятий:

- «внутренне непротиворечивый взгляд на то, чем может обернуться будущее» (Майкл Портер, 1985);
- «инструмент упорядочения имеющихся представлений о возможных условиях деятельности в будущем, в которых принятое решение окажется правильным» (Питер Шварц, 1991);
- «рациональный метод представления вероятных вариантов будущего, в которых могут реализоваться принятые организацией решения» (Пол Шумейкер, 1995);
- «тот элемент стратегического планирования, который основан на способах и технологиях управления неопределенностями будущего» (Джилл Рингланд, 1998);

Из приведенных определений, по мнению М. Линдгрена и Х. Бандхольда, ясно, что сценарий не является прогнозом, то есть описанием сравнительно предсказуемого развития событий настоящего. Не является он и видением — желаемым будущим. Сценарий — это тщательно продуманный ответ на вопрос: «Что

случится предположительно?» или: «Что произойдет, если...?» Таким образом, сценарий отличается от прогноза, и от видения, которые имеют тенденцию скрывать риски. Сценарий же, напротив, дает возможность управлять рисками¹⁰.

Авторы четко различают прогноз и сценарий, сценарий и видение, хотя на самом деле такого различия не существует. По их мнению, сценарий предполагает учет рисков, то есть становится своего рода прогнозом, учитывающим риски, основой для стратегического планирования. «Ясно также и то, что сценарное планирование подразумевает не только разработку сценариев, но нечто большее, теснее связанное со стратегическим планированием»¹¹, — пишут авторы.

Они отчасти справедливо переносят анализ и прогноз в область сценарного планирования: «Мы все создаем сценарии. Человеческий мозг всегда генерирует сценарии ближайшего будущего. Он забегает вперед и обрабатывает информацию о том, что должно произойти. Все живые организмы, например, люди и организации, нуждаются, в должным образом, функционирующей системе обратной связи, стремясь знать, что произошло. Нам необходимо извлекать уроки из сделанного. Но для выбора дальнейшего пути необходима информация о будущем. Нам нужны системы „опережающей связи с будущим“»¹² (см. рис.12.4).

Даже если сознание постоянно создает сценарии, мы (отдельные люди или организации) гораздо реже занимаемся систематической их разработкой. Систематическая работа над сценариями событий во внешнем мире, несомненно, производится редко. Одной из причин является то, что подобная работа требует больше времени и знаний. Если же рассматривать сце-

¹⁰ Линдгрэн М., Бандхольд Х. Сценарное планирование. Связь между будущим и стратегией? Изд. «Олимп-Бизнес» / <http://www.cfin.ru/management/strategy/plan/scenario.shtml>

¹¹ Там же.

¹² Там же.

Обратная связь: результаты событий прошлого, оценка

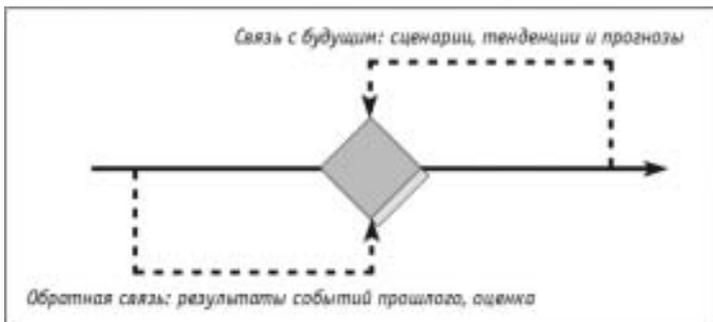

Рис. 12.4

нарное планирование не только как приятное упражнение для ума, то кто-то в организации должен отвечать за непрерывность процесса, а один или несколько человек — делать выводы из сценариев и анализировать возможные последствия для выбора стратегий и т. д.¹³

Сценарий, таким образом, отличается от прогноза и видения — делают вывод авторы. Сценарии — это яркие описания наиболее правдоподобных вариантов будущего. Рисунок иллюстрирует различия между тремя основными категориями будущего. Обычно чем дальше вперед мы заглядываем, тем больше видим возможностей. Например, у меня нет такого разнообразия возможностей для выбора даже на неделю вперед. Число возможных вариантов будущих событий, ограниченных рамками одной недели, невелико. Но если я заглядываю на пять, десять и более лет вперед, альтернатив становится намного больше. Одни варианты будущего кажутся сегодня более вероятными, чем другие; какие-то предпочтительнее, какие-то более желательны, а желательные события часто отличаются от наиболее вероятных. При этом наиболее желаемое

¹³ Линдгрэн М., Бандхольд Х. Сценарное планирование. Связь между будущим и стратегией? Изд. «Олимп-Бизнес» / <http://www.cfin.ru/management/strategy/plan/scenario.shtml>

будущее, мое собственное видение того, как хотелось бы прожить свою жизнь, может даже не попасть в круг «возможных» вариантов»¹⁴.

Между тем существует множество долгосрочных прогнозов и сценариев развития, которые достаточно определенно пытаются ограничить число сценариев. Так, уральские ученые полагают, что в зависимости от сценария мирового развития существенно различается динамика конкретных параметров роста мировой системы. Динамика конкретных показателей мировой системы определялась взаимодействием двух крупнейших блоков — развитых и развивающихся стран¹⁵.

Факторы мирового развития

Фактор	Инерционный сценарий	Стагнационный сценарий	Инновационный сценарий
Численность населения		ЛОГ	
Доля лиц старше 65 лет			
Доля городского населения		ЛОГ	
Уровень грамотности и доля лиц с высшим образованием			
Объем ВВП	КРИТ	ЛОГ	ГИПЕР
ВВП на душу населения	КРИТ	ЛОГ	ГИПЕР

¹⁴ Линдгрэн М., Бандхольд Х. Сценарное планирование. Связь между будущим и стратегией? Изд. «Олимп-Бизнес» / <http://www.cfin.ru/management/strategy/plan/scenario.shtml>

¹⁵ Прогнозирование социально-экономического развития региона / под ред. В. А. Черешнева и др. Екатеринбург: Институт экономики УРО РАН, 2011. С. 409.

Фактор	Инерционный сценарий	Стагнационный сценарий	Инновационный сценарий
Технологический уровень		ЛОГ	ГИПЕР
Информационные потoki			
Потребление ресурсов			
Производство отходов	КРИТ	ЛОГ	ПИК
Ущерб окружающей среде			
Потребление энергии	КРИТ Ч	ЛОГ	ЛОГ
Энергоемкость ВВП	Медленное снижение	Умеренное снижение	Быстрое снижение
Душевое потребление энергии	КРИТ	ЛОГ	ПИК
Выбросы CO ₂	КРИТ	ПИК	ПИК

Примечания:

КРИТ — продолжение роста до критического уровня с последующим спадом.

ЛОГ — выход на логистическую кривую со снижением темпов роста по мере приближения к уровню насыщения.

ГИПЕР — переход на новый режим гиперболического роста.

ПИК — достижение пика с последующим быстрым снижением.

Во всех сценариях к 2050 г. мировая система перейдет в новый режим развития, характеризующийся завершением:

- демографического перехода и стабилизацией численности населения при его старении;
- взрывной урбанизации и роста уровня образования;
- индустриализации развивающихся стран;
- пространственной экспансии мировой системы.

Выход из режима гиперболического роста по различным показателям происходит неравномерно, а после формирования нового режима роста их динамика может различаться принципиально в зависимости от сценария мирового развития. Кроме того, сроки перехода на новый режим роста весьма продолжительны. По-видимому, окончательное формирование каждого из указанных режимов произойдет после 2050 г. В то же время, уже в 2010–2030 гг. и особенно в 2030–2050 гг. будет происходить постепенный переход мировой системы на новый режим роста¹⁶.

Вместе с тем вызывают сомнения не только расчеты авторов, но и конечно выводы. Особенно, когда речь идет о прогнозе на 2030 или 2050 годы: «К 2030 г. в развитых странах кризис государственных бюджетов, финансовой сферы и избыточные затраты на систему регулирования приводят к кризису постиндустриального развития, кризису государственных и общественных финансов, обусловленный отсутствием точек эффективного приложения капитала в реальном секторе», — считают они¹⁷.

И далее: «В развивающихся странах происходит кризис перехода от энерго-, ресурсо- и трудоемкой модели роста к новой модели, ориентированной на знания, технологии и человеческий капитал. Переход на новую модель развития будет сопровождаться комплексным кризисом (экологическим, экономическим, социальным), особенно в Китае.

В 2030–2050 гг. темпы мирового экономического роста снижаются до 2,0% в год из-за потенциала индустриального развития и избыточного регулирования экономики. К 2030 г. разрыв в душевом ВВП между развитыми и развивающимися странами сокращается только до 2,8 раза (2010 г. — 4,4 раза).

¹⁶ Прогнозирование социально-экономического развития региона / под ред. В. А. Черешнева и др. Екатеринбург: Институт экономики УРО РАН, 2011. С. 410.

¹⁷ Там же. С. 416.

Экономические факторы мирового развития [9, 10, 11]

Фактор	2010 г.	Инерционный сценарий		Стагнационный сценарий		Инновационный сценарий	
		2030 г.	2050 г.	2030 г.	2050 г.	2030 г.	2050 г.
Объем ВВП, трлн долл. по ППС в ценах 2010 г.							
Мир	70,3	138,1	216,5	120,1	177,7	124,6	235,0
Развитые страны	31,9	49,3	68,3	42,6	53,7	49,0	85,8
Развив, страны	38,5	88,8	148,3	77,4	123,9	75,6	149,3
Темпы роста ВВП, %							
Мир	2,5	3,4	2,3	2,7	2,0	2,9	3,2
Развитые страны	0,2	2,2	1,6	1,5	1,2	2,2'	2,8
Развив, страны	6,2	4,3	2,6	3,6	2,4	3,5	3,5
ВВП на душу населения, тыс. долл. по ППС в ценах 2010 г.							
Мир	10,4	16,8	23,7	15,5	22,3	15,6	27,5
Развитые страны	29,0	40,2	54,6	36,7	48,6	41,0	72,9
Развив, страны	6,6	12,4	18,2	11,4	17,5	10,8	19,4

На развитые страны приходится 30,2% мирового ВВП по сравнению с 45,3% в 2010 г.»¹⁸.

В инновационном сценарии ограничения индустриальной фазы преодолеваются путем перехода к новой фазе развития и новой устойчивой траектории роста...

¹⁸ Там же.

«После 2030 г. сценарий отличается максимальными темпами роста (3,2%) при переходе к новой фазе развития и в условиях высокой инвестиционной и инновационной активности. Развитые страны за счет перехода к новой фазе развития удержат технологическое и цивилизационное лидерство. В развивающихся странах продолжится догоняющее развитие с темпами роста до 3,5% в год, но сохранится отставание от развитых стран. Лидерство по экономической динамике перейдет к странам, перешедшим на новую модель развития (до 3,0% рост в ЕС и США). К 2030 г. разрыв в душевом ВВП между развитыми и развивающимися странами сокращается только до 3,8 раза (2010 г. — 4,8 раза). На развитые страны приходится 36,5% мирового ВВП»¹⁹.

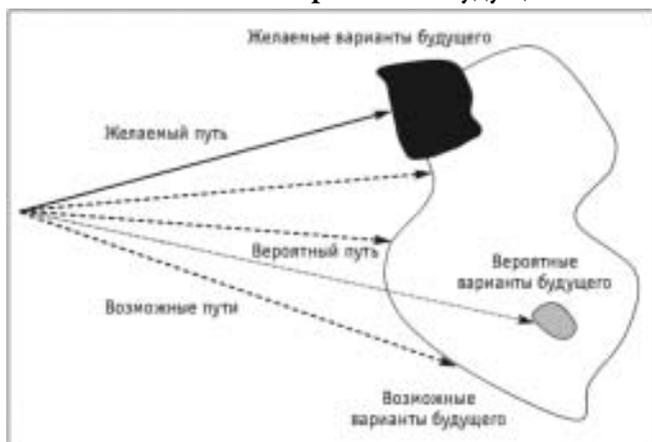
«Говоря языком планирования, — считают авторы, — мы (как отдельные личности, так и организации) постоянно строим планы, включающие прогнозы, сценарии и видение. Как организации мы часто жестко планируем свои действия, основываясь на различных типах прогнозов. В стабильных условиях и в коротких временных рамках прогнозы являются и необходимыми, и действенными. Для принятия решений нам необходимы снижение риска и определенность. А именно это дают прогнозы.

Однако чем дальше в будущее мы заглядываем и чем сложнее системы, поведение которых мы пытаемся предугадать, тем более ненадежным становится этот тип планирования. Поскольку неопределенность возрастает, возникает потребность в других инструментах планирования, позволяющих обнаруживать и изучать будущие деловые условия, чтобы определить потенциальные риски и подготовиться не к одному, а ко многим возможным альтернативам будущего»²⁰.

¹⁹ Прогнозирование социально-экономического развития региона / под ред. В. А. Черешнева и др. Екатеринбург: Институт экономики УРО РАН, 2011. С. 416.

²⁰ Линдгрэн М., Бандхольд Х. Сценарное планирование. Связь между будущим и стратегией? Изд. «Олимп-Бизнес» / <http://www.cfin.ru/management/strategy/plan/scenario.shtml>

Отношения между возможными, вероятными и желаемыми вариантами будущего

Условность сценарных прогнозов известна. Так, в 2013 году МЭР подготовил прогноз, который уже через полгода не оправдался. В нем, в частности, говорилось: «Реализация форсированного и инновационного сценариев приведет к превращению России в одного из глобальных лидеров мировой экономики. Уже в 2014 году Россия войдет в пятерку ведущих стран мира по экономической мощи, обогнав Германию. В условиях реализации форсированной траектории развития к 2020 году Россия сможет подняться вверх еще на одну позицию, оставив позади Японию. По инновационной траектории роста Россия выйдет на четвертое место в 2024 году, а по консервативному варианту сохраняет позиции в пятерке лидеров. Динамика России по консервативному варианту будет отставать от экономического развития мира. В результате ее доля в мировой экономике к 2030 году сократится до 3,6%. Инновационная траектория роста позволит развиваться быстрее мировой экономики, что даст увеличение доли России в мире с 3,8% в 2010 году до 4,3%. Форсированный вариант развития позволяет опередить темпы

роста мира в среднем на 1,8%. Этот темп даст увеличение веса России в мировой экономике до 5,3%»²¹.

Изменение позиции России в мировой экономике (структура мирового ВВП по паритету покупательной способности, %)

	2010	2012	2015	2020	2025	2030
Весь мир	100	100	100	100	100	100
США	19,3	18,8	18,1	16,8	15,7	14,9
страны Еврозоны	15,3	14,4	13,2	12,0	11,0	10,1
Япония	5,8	5,5	5,1	4,4	3,9	3,5
страны BRIC	26,1	27,6	29,9	33,1	35,7	37,7
Бразилия	2,9	2,8	2,9	3,0	3,0	3,0
Россия*	3,8	3,8	4,0	4,6	5,0	5,3
Индия	5,8	5,9	6,4	7,2	8,1	8,9
Китай	13,6	15,0	16,8	18,9	20,5	21,5

*Форсированный сценарий.

В то же время мы не можем изучить каждый возможный вариант будущего. Чтобы справиться со сложной ситуацией, ее надо упростить. Вот где вступает в дело разработка сценариев. С помощью умело разработанных сценариев можно сократить большую часть неопределенностей до нескольких наиболее вероятных альтернативных направлений, которые вместе содержат в себе наиболее важные неопределенности²².

²¹ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года / Министерство экономики развития. М. 2013. С. 344.

²² Линдгрэн М., Бандхольд Х. Сценарное планирование. Связь между будущим и стратегией? Изд. «Олимп-Бизнес» / <http://www.cfin.ru/management/strategy/plan/scenario.shtml>

Прогнозы по форме обычно количественны. Но иногда они бывают представлены в формате сценариев и являются более или менее яркими описаниями того, что должно произойти, с чем нам придется смириться и что придется преодолевать. Это справедливо и по отношению к видению. Его иногда представляют как будущее, но в ином смысле. Видение описывает будущее, достойное того, чтобы к нему стремиться. Но, как и прогноз, видение скрывает риски. Видение несложно по своей природе»²³, — пишут авторы. С этой мыслью вряд ли можно согласиться по следующим причинам:

- во-первых, долгосрочный количественный прогноз социально-политических процессов в принципе не может быть количественным. Такие критерии могут в лучшем случае иллюстрировать те или иные тенденции, но не определять их. Даже в научно-технической области такой прогноз, основанный на количественных методах, выглядит сомнительно в период «фазового перехода»;
- во-вторых, тем более неоправданны социальные (в том числе международные) сценарии, опирающиеся на количественные методы. Так или иначе, как считают авторы, они опираются на нравственные и эмоциональные критерии, которые в долгосрочной перспективе оказывают слабое влияние.

В качестве иллюстрации можно привести долгосрочный прогноз структуры энергопотребления к концу XXI столетия, разработанный экспертами корпорации «ШЕЛЛ»²⁴ (рис. 2.5).

Яркое, убедительное видение достаточно просто и доступно для понимания, но все же, достаточно туманно, чтобы увлечь многих. При осуществлении сценарных проектов прогнозы могут использоваться в качестве исходной информации. В то же

²³ Там же.

²⁴ Сценарии «Новый взгляд на будущее» Новый взгляд на быстро меняющийся мир «Шелл Интернешнл БВ», 2013 / <http://www.shell.com/scenarios>. С. 35а.

Рис. 12.5

время, скорректированное стратегическое видение часто является одним из результатов процесса сценарного планирования²⁵.

²⁵ Линдгрэн М., Бандхольд Х. Сценарное планирование. Связь между будущим и стратегией? Изд. «Олимп-Бизнес» / <http://www.cfin.ru/management/strategy/plan/scenario.shtml>

Различия между сценарием, прогнозом и видением

Сценарий	Прогноз	Видение
Возможные, наиболее вероятные варианты будущего	Вероятные варианты будущего	Желаемый вариант будущего
Основан на неопределенности	Основан на определенных связях	Основано на ценности
Показывает риски	Скрывает риски	Скрывает риски
Качественный или количественный	Количественный	Обычно качественное
Необходим, чтобы знать, какое решение принять	Необходим, чтобы осмелиться принять решение	Побуждает к действию
Редко применяется	Применяется ежедневно	Применяется относительно часто
Эффективен в средне и долгосрочной перспективе и при средней или высокой степени неопределенности	Эффективен в краткосрочной перспективе и при низкой степени неопределенности	Играет роль пусковых механизмов для сознательных преобразований

12.3. Значение количественных и качественных показателей в долгосрочном прогнозе сценариев развития международной обстановки

Как правило, анализ того или иного сценария предполагает, что существует некий базовый сценарий (или несколько), в котором (которых) определены основные параметры. В качестве примера можно рассмотреть базовый сценарий, разработанный

аналитиками МТС Банка, который не предполагает высокую вероятность реализации и основан на предпосылке, что в прогнозируемом периоде, конъюнктура сохранится в прежнем виде²⁶.

Основные макроэкономические показатели базового сценария

	2008	2009	2010	2011	2012	2013П	2014П
ВВП в текущих ценах, млрд руб.	41 276,8	38 807,2	45 172,7	54 585,6	62 599,1	36 903,9	71 426,9
Среднегодовой курс долл.	24,87	31,77	30,38	29,39	31,07	31,62	33,23
Курс долл. на конец года	29,39	30,19	30,35	32,20	30,37	32,60	34,89
ВВП, млрд долл.	1659,4	1221,7	1487,1	1857,0	2014,5	2116,1	2149,5
Реальные темпы роста ВВП	5,2%	-7,8%	4,0%	4,3%	3,4%	1,3%	1,5%
Дефлятор ВВП	17,9%	2,0%	11,6%	15,8%	8,0%	5,6%	5,3%
Темпы роста мировой экономики	2,7%	-0,8%	5,1%	3,8%	3,3%	2,9%	3,6%
Темпы роста в Евророзоне	0,8%	-4,1%	2,0%	1,6%	-0,7%	-0,4%	1,0%
Потребительская инфляция (CPI)	13,3%	8,8%	8,8%	6,1%	6,6%	6,5%	6,1%
Рост цен производителей (PPI)	-7,0%	13,9%	16,7%	16,0%	5,1%	2,8%	2,6%
Население, млн человек	142,8	142,7	142,9	142,9	143,3	143,4	143,5

²⁶ Российская экономика 2014 / МТС Банк. Отчет. 2013. 20 декабря.

	2008	2009	2010	2011	2012	2013П	2014П
ВВП на душу населения, долл.	11 621	8561	10 407	12 995	14 058	14 756	14 979
Среднегодовая цена на нефть Brent, \$./барр.	97,7	61,9	79,6	111,0	111,6	108,8	106,4
Среднегодовая цена на нефть Urals, \$./барр.	94,3	60,9	78,2	109,3	110,5	108,1	105,2
Темпы роста цен на нефть (Urals), г/г	29,7%	-35,4%	28,4%	39,8%	1,1%	-2,2%	-2,6%
Цена на Brent на конец года, долл./баррель	45,6	77,9	94,6	109,0	109,4	111,0	97,3
Доходы федерального бюджета	9275,9	7337,8	8305,4	11 367,0	12 844,7	12 939,6	13 312,7
Расходы федерального бюджета	7560,9	9660,1	10 094,1	10 925,0	12 656,4	13 313,9	13 870,1
Дефицит "–"/Профицит "+" Федер. бюджета	1715,1	-2322,3	-1788,6	442,0	188,3	-374,3	-557,5
Дефицит в % от ВВП	4,2%	-6,0%	-4,0%	0,8%	0,3%	-0,6%	-0,8%
Сальдо торгового баланса, млрд долл.	179,7	111,6	151,4	198,8	192,3	186,1	170,4
Экспорт, млрд долл.	471,6	303,4	400,1	522,0	528,0	529,4	515,4
Импорт, млрд долл.	291,9	191,8	248,7	323,2	335,7	343,3	345,0

Для наглядности сопоставления можно сравнить показатели этого базового сценария с консервативным сценарием, подготовленным теми же аналитиками в то же время.

Основные макроэкономические показатели консервативного сценария

	2008	2009	2010	2011	2012	2013П	2014П
ВВП в текущих ценах, млрд руб.	41 276,8	38 807,2	45 172,7	54 585,6	32 599,1	36 903,9	69 743,7
Среднегодовой курс долл.	24,87	31,77	30,38	29,39	31,07	31,62	36,26
Курс долл. на конец года	29,39	30,19	30,35	32,20	30,37	32,60	37,92
ВВП, млрд долл.	1659,4	1221,7	1487,1	1857,0	2014,5	2116,1	1923,4
Реальные темпы роста ВВП	5,2%	-7,8%	4,0%	4,3%	3,4%	1,3%	-1,8%
Дефлятор ВВП	17,9%	2,0%	11,6%	15,8%	8,0%	5,6%	6,0%
Темпы роста мировой экономики	2,7%	-0,8%	5,1%	3,8%	3,3%	2,9%	2,1%
Темпы роста в Еврозоне	0,8%	-4,1%	2,0%	1,6%	-0,7%	-0,4%	-0,3%
Потребительская инфляция (CPI)	13,3%	8,8%	8,8%	6,1%	6,6%	6,5%	7,1%
Рост цен производителей (PPI)	-7,0%	13,9%	16,7%	16,0%	5,1%	2,8%	2,7%
Население, млн человек	142,8	142,7	142,9	142,9	143,3	143,4	143,5
ВВП на душу населения, долл.	11 621	8561	10 407	12 995	14 058	14 756	13 404

	2008	2009	2010	2011	2012	2013П	2014П
Среднегодовая цена на нефть Brent, \$./барр.	97,7	61,9	79,6	111,0	111,6	108,8	93,7
Среднегодовая цена на нефть Urals, \$./барр.	94,3	60,9	78,2	109,3	110,5	108,1	92,4
Темпы роста цен на нефть (Urals), г/г	29,7%	-35,4%	28,4%	39,8%	1,1%	-2,2%	-14,5%
Цена на Brent на конец года, долл./баррель	45,6	77,9	94,6	109,0	109,4	111,0	85,0
Доходы федерального бюджета	9275,9	7337,8	8305,4	11367,0	12844,7	12939,6	12718,1
Расходы федерального бюджета	7560,9	9660,1	10094,1	10925,0	12656,4	13313,9	13870,1
Дефицит “-” / Профицит “+” Федер.бюджета	1715,1	-2322,3	-1788,6	442,0	188,3	-374,3	-1152,0
Дефицит в % от ВВП	4,2%	-6,0%	-4,0%	0,8%	0,3%	-0,6%	-1,7%
Сальдо торгового баланса, млрд долл.	179,7	111,6	151,4	198,8	192,3	186,1	144,6
Экспорт, млрд долл.	471,6	303,4	400,1	522,0	528,0	529,4	452,9
Импорт, млрд долл.	291,9	191,8	248,7	323,2	335,7	343,3	308,3

Источник: данные из официальных источников, расчеты и прогнозы МТС Банка

Как видно из сравнения, основные показатели (за исключением традиционно «гибких» цен на нефть) этих сценариев меняются незначительно, что свидетельствует об инерционности макроэкономического развития, с одной стороны, и способности к ближнесрочному прогнозированию, опираясь на этот набор показателей, — с другой. Вместе с тем следует признать, что подобные показатели и методы малоэффективны для прогноза сценариев развития МО на долгосрочную перспективу по следующим основным причинам:

- во-первых, даже для долгосрочного макроэкономического прогноза, а тем более прогноза сценария развития экономики, этот метод будет очень приблизителен и наверняка неточен;
- во-вторых, эти показатели не характеризуют состояние экономики, в частности, отдельных отраслей и подотраслей, а тем более уровня технологического развития;
- в-третьих, очень условно можно использовать показатели в таких важных областях как наука, культура, образование и т. д.²⁷

Даже если собрать и систематизировать сотни и тысячи таких показателей (чему есть примеры), они не могут точно описать состояние и дать прогноз развитию отношений между субъектами МО, формирующих современную и будущую МО. Любая экстраполяция в построении стратегических прогнозов сценариев развития ВПО бессмысленна и даже вредна, так как создаются ложные представления о потребностях ВиВТ. Это происходит по двум основным причинам:

- во-первых, в период «фазового» перехода человечества все основные сферы его деятельности — экономическая, социальная, биологическая и др. — радикально меняются;
- во-вторых, сценарии развития ВПО являются частью и следствием сценариев развития МО, а те, в свою оче-

²⁷ Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014. С. 187–225.

редь, сценариев развития ЧЦ. Но переменных факторов на этих этапах появляется настолько много, что получаемый в результате производный результат уже изначально сомнителен, а получаемый конечный продукт из сомнительных результатов — наверняка будет неверным.

Поэтому необходимо изначально исходить из решающей роли качественных оценок. Например, если мы говорим о демографическом прогнозе до 2050 года и тех человеческих ресурсах, которые будет иметь Россия, то мы оперируем только количественными показателями, которые формируют несколько сценариев демографического развития.

Оптимальный сценарий динамики численности

Годы	Миграционные варианты		
	Нулевой миграционный прирост	Стабильный миграционный прирост на уровне 2007 г.	Искусственное стимулирование миграционного прироста
2020	148,8	151,1	153,5
2030	152,3	156,7	162,4
2040	151,2	157,6	168,0
2050	150,4	158,8	176,4

Налицо, как мы видим, понятный сценарий развития и стратегический прогноз. В оптимальном сценарии (то есть при сочетании создания высокоразвитой системы здравоохранения, проведения адекватной антитабачной и антиалкогольной политики и эффективных мерах поддержки рождаемости) задача предотвращения депопуляции России решается даже при сохранении миграционного прироста на уровне 2007 г. (то есть без его искусственного стимулирования). На самом деле ни эти

сценарии, ни такие прогнозы не имеют практического значения для прогноза развития МО и даже России, так как не говорят о главном — о качестве будущего населения. Но ведь именно качество населения уже сегодня определяет возможности нации и государства. Так, например, в развитых странах та часть граждан, которая принадлежит к креативному классу, создает до 90% прироста ВВП. Эта же часть (не более 10–15% от всего трудоспособного населения) создает все изобретения, инновации и внедрения. Опыт показывает, что увеличивая долю креативного класса или качество населения, можно увеличить темпы роста и эффективность в разы.

Иными словами, человеческий потенциал цивилизации и нации определяется не столько количеством (численностью), сколько качеством населения²⁸. Решающее значение в этой связи приобретает формирование в стране среднего класса со всеми вытекающими из этого социальными, политическими и экономическими последствиями. Именно их авторы стратегического прогноза Комитета разведки США считают главными трендами мирового развития в XXI веке²⁹. Об этом достаточно подробно писал А. И. Подберезкин в первой посвященной человеческому капиталу книге еще в 2007 году. Применительно к анализу возможных сценариев развития МО положение России в будущем мире как субъекта МО будет во многом предопределяться именно качеством населения. Это качество определяется, прежде всего, долей среднего класса (и долей творческого/креативного класса в среднем классе которая, как правило, не превышает 10%). Чем выше доля среднего класса в обществе (и соответственно доля креативного класса), тем выше НЧК, тем быстрее и качественнее рост ВВП, сильнее государственная и военная

²⁸ Подберезкин А. И. Человеческий капитал. Т. I. М.: Европа. 2007.

²⁹ См. подробнее: Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры. Публикация национального Совета по разведке США. 2012. Декабрь / <http://www.dni.gov/>

мощь и т. п.³⁰ В настоящее время эта доля определяется следующими приблизительными показателями.

Рис. 12.6³¹

Как видно из рисунка 12.6, средний класс составляет порядка 20%, а креативный — 7% от количества российских граждан³². Соответственно, чтобы изменить положение России в мире, необходимо, чтобы средний класс вырос в разы, то есть, как минимум, в 3–3,5 раза. Креативный класс в этом случае должен удвоиться, достигнуть 14–15%. Но можно согласиться с некоторыми западными оценками, которые заключаются в том, что российский креативный класс может достигать 30–35%³³.

³⁰ Подберезкин А. И. Человеческий капитал. Т. I. М.: Европа. 2007.

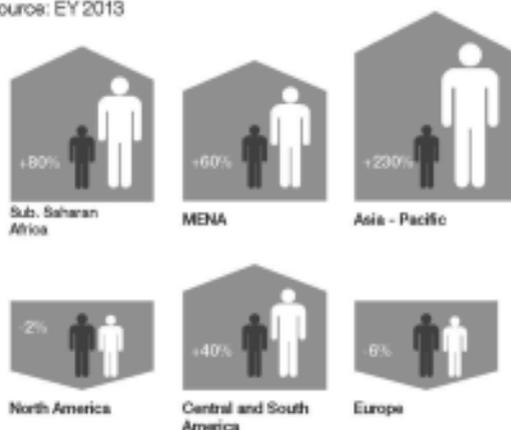
³¹ Тенденции. Альманах Института современного развития Москва. 2013. Декабрь / http://www.gosbook.ru/system/documents/2014/01/30/trends_201312.pdf. С. 254.

³² Там же.

³³ Подберезкин А. И. Стратегия для будущего Президента России: русский путь Всероссийское общественно-политическое движение «Духовное наследие». М. 2000.

A growing global middle class of consumers represents a new opportunity for Ukraine ...
(middle class growth from 2009 to 2030)

Source: EY 2013

... Particularly in response to growing food demand

Source: FAO 2013

In the coming decades,
production of basic staple foods
needs to increase by

of the world's black soil
is in Ukraine

О том, какое влияние могут оказывать, этот и другие социальные показатели на сценарии развития МО свидетельствует, например, доклад, подготовленный для Всемирного экономического форума в Давосе, посвященный сценариям развития Украины. В нем, в частности, говорилось об «огромных возможностях для Украины», вытекающих, во-первых, из перспектив роста среднего класса, а, во-вторых, из растущих потребностей в пищевых продуктах³⁴. По оценкам экспертов, рост численности среднего класса приведет к быстрому росту НЧК Украины и возможностей сельскохозяйственного производства, потребности в продукции которого будут стремительно расти в будущем в связи с ростом потребления и уровня жизни населения.

Ресурсы для такого роста в России и на Украине — огромны, о чем свидетельствуют, например, следующие данные.

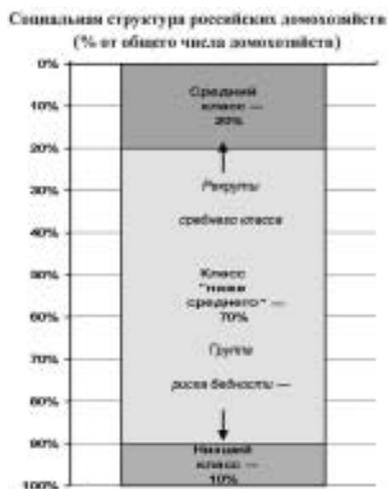

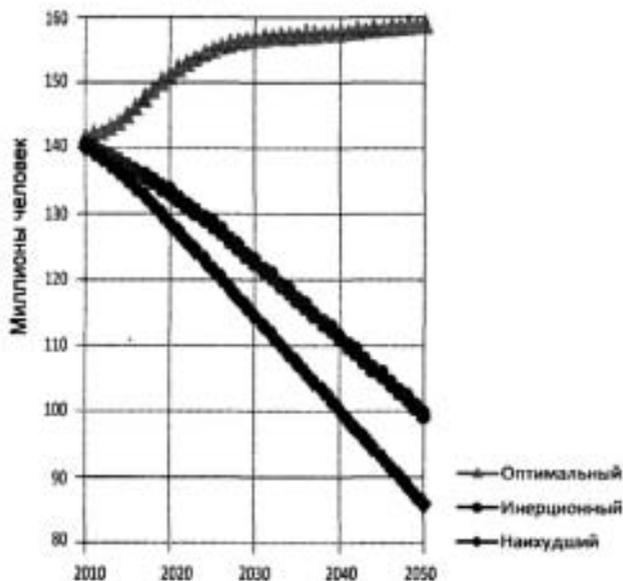
Рис. 12.7³⁵

³⁴ Scenarios for Ukraine / World Scenario Series / World Economic Forum. April. 2014. P. 9.

³⁵ Тенденции. Альманах Института современного развития Москва. 2013. Декабрь/http://www.gosbook.ru/system/documents/2014/01/30/trends_201312.pdf. С. 252.

Этот же вывод справедлив и для оценки военного потенциала государства, когда эффективность его ВС и ВиВТ определяется не количеством, а качеством личного состава. Такой вывод, кстати, подтверждается военными действиями последних лет, например, войной США в Ираке, когда численность личного состава, артиллерии и другой техники иракской армии и союзников были вполне сопоставимы, близкими к соотношению 1:1, но качество экипажей танков и самолетов сильно отличалось в пользу войск западной коалиции. Соответственно, исходя из роли качественных прогнозов, необходимо расценивать и все прогнозы динамики населения, независимо от предлагаемых сценариев, которые в действительности теряют всякий смысл.

Динамика численности населения России в 2010–2050 гг.: инерционный, пессимальный и оптимальный сценарии по варианту постоянного миграционного прироста на уровне 2007 г., млн чел.

В самом деле, если «демографическая мощь» нации зависит не от численности, а от качества населения, то и прогнозы необходимо делать именно такими: как, например, увеличить продолжительность жизни, образование, креативность, здоровье граждан, добившись того, чтобы мощь государства выросла в несколько раз, а не на несколько процентов. Так, совокупный национальный человеческий капитал 140 млн человек (если сравнивать по индексу развития ЧК) может быть:

Вариант № 1 $0,1 + 0,05 + 0,005\dots$ ³⁶

Вариант № 2 $1 + 1 + 1 + 1 + \dots$

В любом случае, наши расчеты показывают, что предотвратить вымирание России можно, только комплексно, позитивно задействовав все модифицируемые факторы российского демографического роста. Негативная динамика по любому из них (падение рождаемости, сокращение до нуля миграционного прироста, снижение эффективности работы системы здравоохранения, увеличение распространенности табакокурения, ухудшение алкогольной ситуации или даже просто ее сохранение на современном уровне) делают решение задачи предотвратить вымирание России практически не выполнимым.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что стратегический прогноз сценариев развития международной обстановки, в основе которого лежат количественные показатели, малоэффективен. Эти показатели могут быть полезны только как иллюстрация, подтверждение или опровержение качественных показателей, характеризующих МО и ВПО будущего. Само по себе количество танков и бронетанковой техники (которые в XX веке рассматривались как главный показатель военной мощи), достигшее в СССР к концу XX века сотен тысяч, не свидетельствовало ни о состоянии национальной безопасности (международные конфликты развивались, СССР в итоге

³⁶ Подберезкин А.И. Человеческий капитал на перепутье. М.: МГИМО(У). 2012.

был развален), ни о его военной мощи (которая оказалась ненужной), ни о состоянии МО (которая привела к развалу ОВД и СЭВ), ни о многом другом.

Ключевое значение в XXI веке, например, имеет оценка перспектив научно-технического и технологического развития, которые не поддаются количественному анализу. Именно военно-техническое лидерство США является не только основой их экономического, но и военного могущества. Более того, именно сохранение и увеличение такого лидерства рассматривается в качестве политической главной цели.

Качественные оценки основных технологических трендов существуют, в том числе и на перспективу до 2030 годов³⁷.

Рис. 12.8³⁸

Малоэффективны для целей стратегического прогноза и такие агрегированные количественные показатели, как величина государственного или военного бюджета, темпы роста

³⁷ Подберезкин А.И. Человеческий капитал на перепутье. М.: МГИМО(У). 2012.

³⁸ Мониторинг и анализ технологического развития России и мира. 2014, № 6, 2 кв. ЦМАКП, 2014. Июль. С. 4.

ВВП, численность ВС, количество ВиВТ и др. Прежде всего потому, что их наличие имеет мало отношения к ответам на такие вопросы, как:

- Для каких целей это нужно? Нужно ли вообще?
- Как эти показатели соотносятся с показателями других государств?
- Насколько эти показатели соответствуют показателям качества других государств?
- Какова роль этих показателей?

Ответы на эти вопросы должны лежать в основе современного анализа МО и ВПО, а тем более прогноза сценария его развития. Причем главный вопрос относится к цели национальной и государственной политики, отношение к которой предопределяет отношение к субъективным и объективным, количественным и качественным показателям сценариев развития МО. И если главной цивилизационно-национальной целью существования является материальное, культурное, духовное, интеллектуальное развитие нации — национального человеческого капитала (НЧК)³⁹, — то внешние условия, международная обстановка вообще и военно-политическая, в частности, должны прежде всего содействовать развитию количества и качества населения, его доходов, образования, культуры, самоидентификации и т. д. Соответственно, этим определяются и военные потребности нации.

Представления, анализ, прогнозы и даже зачатки стратегического планирования в отношении не только государств, но и групп государств, уже существуют. Так, в 2013 году в Евразийской экономической комиссии, например, был подготовлен сравнительный анализ и прогноз социально-экономического развития стран-членов ТС на кратко-, средне- и долгосрочную перспективу, выдержка из которого прилагаются.

³⁹ См. подробнее: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. ТТ. I–III. М.: МГИМО(У), 2011–2013 гг.

Показатели долгосрочного социально-экономического развития государств-членов Таможенного союза и Единого экономического пространства (по состоянию на декабрь 2012 г.)

Показатели	Республика Беларусь	Республика Казахстан		Российская Федерация
	2020	2015	2020	2016–2020
Макроэкономические показатели				
Валовой внутренний продукт (ВВП), среднегодовой прирост	2,0–2,3 раза ¹			4,4
ВВП на душу населения по ППС (производство ВВП на душу населения)	до 60%			30 тыс. долл. США ²
Увеличение удельного веса накопления ВВП	30–31%			2,4 п.пункта
Инфляция среднегодовой, прирост цен, %			В среднем 5–8% в год	5%
Инвестиции, среднегодовой прирост	2,4–2,7 раза ¹			6,6
Увеличение удельного веса инвестиций в ВВП	26–27%			2,7 п.пункта
Иностранные инвестиции (прямые) (по методологии платежного баланса), в % ВВП (доля прямых иностранных инвестиций в ВВП)			>10 п. п.	3,7

продолжение табл.

Показатели	Республика Беларусь	Республика Казахстан		Российская Федерация
	2020	2015	2020	2016–2020
Отечественные и иностранные инвестиции в несырьевые секторы экономики (обрабатывающая промышленность, переработка сельскохозяйственной продукции, услуги)			>30%	
Диверсификация источников инвестиций			10 основных стран-инвесторов с долей каждой страны $\geq 5\%$	
Индекс реального эффективного обменного курса рубля, к уровню 2004 г. (на конец периода)				129
Розничный товарооборот, среднегодовой прирост				4,7
Нефтегазовой (нефтегазовый) дефицит бюджета			<3% ВВП	8,9%
Показатели финансового сектора				
Уровень монетизации экономики				85–87%
Повышение уровня банковского кредитования экономики				100–105% ВВП

продолжение табл.

Показатели	Республика Беларусь	Республика Казахстан	Российская Федерация
	2020	2015	2016–2020
Расходы бюджетной системы, в % к ВВП			39% ВВП
Снижение налоговой нагрузки на экономику	2–4 п. п.		
Доходы консолидированного бюджета (без учета ФСЗН)	29–30% к ВВП		
Объем перераспределяемых государством финансовых ресурсов	42–43%		
Уровень золотовалютных резервов			Не ниже 3 мес. импорта или объема краткосрочного (до 1 года) внешнего долга государств-го и корпорат-го секторов страны (в зависимости от того, какой показатель будет выше)
Активы Национального фонда			> 30% ВВП
Доля внешн. обязательств банковского сектора в совокупн. размере его обязательств			< 30%

продолжение табл.

Показатели	Республика Беларусь		Республика Казахстан		Российская Федерация
	2020	2015	2020	2020	2016–2020
Другие показатели финансового сектора					— повышение вклада банковского сектора в финансир-ие инвестиций в основной капитал — повышение относительного уровня капитализации российских компаний — повышение отношения ст-ти российских корпорат. облигаций в обращении к ВВП — повышение отношения собранных страховых премий к ВВП
Показатели реального сектора экономики					
Производительность труда					
Промышленность					
Промышленное пр-во, среднегодовой прирост	1,6–1,7	1,7	1,6–1,7	1,7	3,4
Добыча нефти, млн т					515

продолжение табл.

Показатели	Республика Беларусь	Республика Казахстан		Российская Федерация
	2020	2015	2020	2016–2020
Добыча газа, млрд куб. м				790
Экспорт нефти, млн тонн				252
Экспорт природного газа, млрд куб. м				225
Запасы по видам полезных ископаемых:				
нефть, млн тонн	53,2			
калийные соли, млрд т	6,0			
поваренная соль, млрд т	22			
цементное сырье, млн т	405,0			
Тарифы на газ природный, рост средних оптовых цен				
для всех категорий потребителей, процентов				135%
для населения				201%
Рост объемов реализации услуг населению	3,4–3,7 раза			Среднегодовой темп роста платных услуг населению — 105,2%
Доля обрабатывающей промышленности в структуре ВВП		>12,5%	>13%	13%

продолжение табл.

Показатели	Республика Беларусь	Республика Казахстан		Российская Федерация
	2020	2015	2020	2016–2020
Увеличение производительности труда в обрабатывающей промышленности		не < чем в 1,5 раза	не < чем в 2 раза	
Доля производства строительных материалов внутри страны		80%		
Обеспечение государственного оборонного заказа отечественным производством			на 80%	
Увеличение валового производства химической продукции			в 3 раза	в 1,3 раза
Хлорно-щелочное производство по каустической соде		до 100 тыс. тонн/год		
Производство различных видов минеральных удобрений		более 3 млн т в год		
Увеличение доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в ВВП				1,8 пункта
Снижение доли производства товаров	37–38%			

Показатели	Республика Беларусь	Республика Казахстан		Российская Федерация
	2020	2015	2020	2016–2020
Развитие сферы услуг	в 3,4–3,7 раза			
Увеличение доли сферы услуг	50–52%			
Уровень рентабельности	не ниже 20% по промышленности			
Другие показатели в сфере промышленности	— обеспечение газом весь юг страны		— увеличение удельного веса инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции; — создание и модернизация высокопроизводительных рабочих мест;	

¹ Увеличение по сравнению с 2005 годом.

² На конец периода в долларах 2011 года с использованием ППС 2008 года

Регулярно публикуются и прогнозы (кратко-, средне- и долгосрочные) социального и экономического развития. В том числе и в соответствии с различными сценариями. Так, например, МВФ регулярно дает анализ и прогноз развития мировой экономики, в том числе и по основным сценариям. В качестве примера можно привести среднесрочный прогноз по основным сценариям, подготовленный весной 2014 года⁴⁰.

⁴⁰ World Economic outlook (International Monetary Fund): a survey by the staff of the. International Monetary Fund. Washington DC: IMF. 2014. P. 207.

Summary of World Medium-Term Baseline Scenario

	Averages		Projections					
	1996– 2003	2004– 2011	2012	2013	2014	2015	Averages	
							2012– 2015	2016– 2019
<i>Annual Percent Change</i>								
World Real GDP	3.5	4.0	3.2	3.0	3.6	3.9	3.4	3.9
Advanced Economies	2.8	1.6	1.4	1.3	2.2	2.3	1.8	2.3
Emerging Market and Developing Economies	4.6	6.8	5.0	4.7	4.9	5.3	5.0	5.4
<i>Memorandum</i>								
Potential Output								
Major Advanced Economies	2.5	1.6	1.3	1.3	1.5	1.5	1.4	1.7
World Trade, Volume¹	6.1	5.6	2.8	3.0	4.3	5.3	3.9	5.7
Imports								
Advanced Economies	6.1	4.0	1.1	1.4	3.5	4.5	2.6	5.3
Emerging Market and Developing Economies	6.5	9.6	5.8	5.6	5.2	6.3	5.7	6.3
Exports								
Advanced Economies	5.5	4.8	2.1	2.3	4.2	4.8	3.4	5.3

продолжение табл.

	Averages		Projections					
	1996–2003	2004–2011	2012	2013	2014	2015	Averages	
							2012–2015	2016–2019
Emerging Market and Developing Economies	7.8	7.6	4.2	4.4	5.0	6.2	4.9	6.2
Terms of Trade								
Advanced Economies	0.1	-0.6	-0.7	0.7	0.0	-0.2	-0.1	0.0
Emerging Market and Developing Economies	0.5	2.1	0.6	-0.3	-0.2	-0.7	-0.1	-0.4
World Prices in U.S. Dollars								
Manufactures	-1.3	2.9	0.2	-1.1	-0.3	-0.4	-0.4	0.5
Oil	6.7	17.4	1.0	-0.9	0.1	-6.0	-1.5	-3.0
Nonfuel Primary Commodities	-2.5	11.1	-10.0	-1.2	-3.5	-3.9	-4.7	-0.6
Consumer Prices								
Advanced Economies	1.9	2.1	2.0	1.4	1.5	1.6	1.6	1.9
Emerging Market and Developing Economies	11.1	6.5	6.0	5.8	5.5	5.2	5.6	4.9

	Averages		Projections					
	1996–2003	2004–2011	2012	2013	2014	2015	2012–2015	2016–2019
Interest Rates	<i>Percent</i>							
Real Six-Month LIBOR ²	2.7	0.5	-1.1	-1.1	-1.1	-1.0	-1.1	1.3
World Real Long-Term Interest Rate ³	3.0	1.5	0.1	0.8	1.0	1.5	0.9	2.3
Balances on Current Account	<i>Percent of GDP</i>							
Advanced Economies	-0.4	-0.6	-0.1	0.4	0.5	0.4	0.3	0.4
Emerging Market and Developing Economies	0.2	2.8	1.4	0.7	0.8	0.6	0.9	0.3
Total External Debt								
Emerging Market and Developing Economies	36.5	26.9	24.1	24.4	24.4	24.3	24.3	23.7
Debt Service								
Emerging Market and Developing Economies	9.5	8.9	8.3	8.6	8.5	8.5	8.5	8.5

¹ Data refer to trade in goods and services.

² London interbank offered rate on U.S. dollar deposits minus percent change in U.S. GDP deflator.

³ GDP-weighted average of 10-year (or nearest maturity) government bond rates for Canada, France, Germany, Italy, Japan, United Kingdom, and United States.

Если же главной национальной целью становится завоевание мирового господства, то и требования к МО и ВПО, а в конечном итоге — к государственной и военной мощи — должны соответствовать таким амбициям. Так, сохранение США контроля над развитием МО и ВПО в мире, безусловно, потребует выделения:

- огромных национальных ресурсов;
- использования ресурсов других стран, прежде всего, союзников и партнеров;
- реализация этой цели неизбежно потребует и перераспределения ресурсов всех других стран, в том числе силовым способом.

Сказанное означает, что с точки зрения оценки качественных показателей США должны обладать такими мировыми ресурсами, чтобы реализовать свою главную цель. Это предполагает, что будущий сценарий развития МО и ВПО неизбежно будет формироваться под влиянием данной цели, а правящая элита будет ориентироваться на достижение таких качественных показателей своих ВС и ВиВТ, которые смогут обеспечить им такое лидерство и контроль.

Но поскольку количественно такие показатели будут недостижимы даже при условии вовлечения в свои планы большинства ресурсов западных стран, то на первый план неизбежно выйдут качественные показатели, характеризующие будущую МО и ВПО, а именно:

- объединение под эгидой и контролем США ресурсов значительного числа государств, прежде всего, западных, на основе ценностей и совпадения интересов западной локальной цивилизации и формирования широкой сети военно-политических союзов и коалиций;
- недопущение аналогичной интеграции вокруг других центров силы («российского ядра», КНР, Индии, Бразилии) других локальных цивилизаций, союзов и коалиций;
- дезинтеграции и дестабилизации любых центров силы и локальных цивилизаций, угрожающих амбициям США.

В этом смысле очень понятны действия по отношению к исламской локальной цивилизации (наиболее угрожающей США), которую сотрясает бесконечная череда конфликтов.

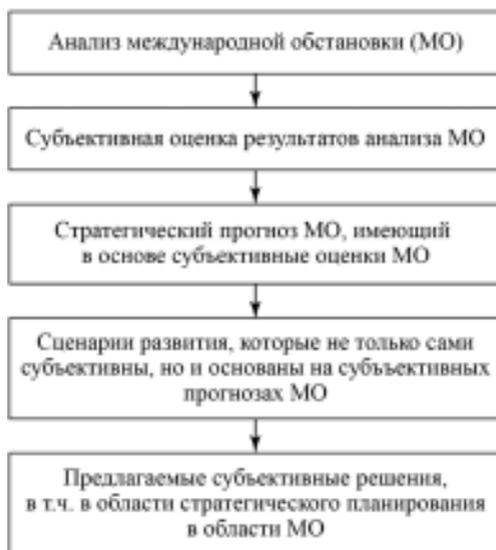
12.4. Анализ соотношения объективных и субъективных интересов в прогнозе сценариев развития международной обстановки

Возможность прогнозирования сценариев развития международной обстановки прямо зависит от способности объективного анализа, при котором субъективные факторы влияния сведены к минимуму. Однако анализ существующей международной обстановки, реалий и современной действительности, уже изначально обнаруживает явное противоречие между действительным положением вещей и трактовкой этого положения. Речь не идет о сознательном искажении действительности политиками и СМИ, которое проявилось как доминирующая тенденция в публичной политике в последние годы (трактовки событий представителем госдепартамента США Дж. Псаки и президентом Украины П. Порошенко уже стали нарицательными), а о субъективном влиянии личностных оценок и интересов отдельных социальных групп. В этом во многом проявляется конкретный характер МО.

Эту разницу мы наблюдаем ежедневно и ежечасно в оценках и комментариях, которые часто не просто расходятся, а порой полярно оценивают то или иное явление. Такого рода оценки, допущенные при анализе, многократно усиливаются, когда речь идет о прогнозе, тем более долгосрочном, и становятся уже трудно совместимыми, когда долгосрочные прогнозы

превращаются в субъективные, по самой своей сути, сценарии будущего развития. Как представляется, можно выстроить некую логическую последовательность нарастания влияния субъективных оценок при долгосрочном и сценарном прогнозировании международной обстановки.

**Логика нарастающего субъективизма
в оценке и прогнозе сценариев МО**

Для иллюстрации этой логики можно взять только один из аспектов МО — военно-политический, более того, только один из факторов этого аспекта — военную политику России в 2010–2025 гг. Из этого примера отчетливо видно, что действия по обеспечению финансирования обороны не просто субъективны, но и изначально исходят из неверных посылок. В частности, у нас почему-то считается, что расходы на оборону должны формироваться не из оценки и прогноза развития МО и ВПО, потребностей безопасности страны, а из стабильной доли в бюджете.

Национальная оборона и безопасность⁴¹

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Расширенный	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5
Консолидированный	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5
Федеральный	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5

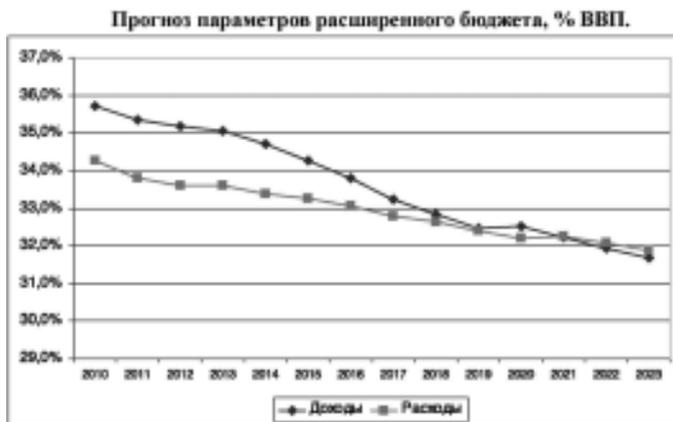
Расходы на национальную оборону в 2013 году, планировалось сохранить на достигнутом уровне, что потребовало более жестких ограничений по приросту расходов. В реальном выражении они должны были прирастать в меру роста экономики — около 6% в соответствии с прогнозом. В период до 2023 года планировалось провести модернизацию вооруженных сил и оснастить их техникой нового поколения. Фактически нынешнее техническое оснащение базируется на технике советского периода. В те годы текущее содержание вооруженных сил составляет 60% от общего объема расходов на оборону, а расходы на оснащение — 40%. К 2012 году это соотношение должно было бы составить 50% на 50%, а в дальнейшем — измениться в пользу технического оснащения. Данная цель задает очень жесткие требования к оптимизации текущих расходов и численности вооруженных сил.

Не очень понятно, какими военно-политическими соображениями аргументировалось такое финансирование обороны. Складывается впечатление, что такое решение принималось, не исходя из стратегических интересов, а из интересов макроэкономической сбалансированности и бюджетного планирования. И действительно, вся логика документа свидетельствует об этом.

⁴¹ Бюджетная стратегия на период до 2030 года / Центр экономической безопасности / <http://www.minfin.ru>. С. 49.

Ее последовательность и приоритеты видны вполне отчетливо:

- снижение расходов бюджета с 34,3% ВВП в 2010 г. до 31,9% ВВП в 2023 году;
- сокращение доли федерального бюджета с 51% в 2007 году, до 47% в 2023 году;
- снижение доли бюджета в ВВП в целом, что хорошо видно на следующем графике⁴².

Соображения обеспечения нужд обороны, изложенные выше, никак не аргументированы, кроме как финансово-бюджетной и самой общей логикой, которая укладывается в простую формулу: рост оборонных расходов пропорционально росту ВВП. Однако в эту логику совершенно не укладывается реальность международной и военно-политической обстановки, которая может (и неизбежно будет) диктовать другую логику военных расходов.

Очевидно, что чем больше такая разница будет в субъективных оценках, тем больше будет цивилизационных и национальных политических различий и тем дальше от

⁴² Бюджетная стратегия на период до 2030 года / Центр экономической безопасности / <http://www.minfin.ru>. С. 46.

сегодняшнего дня (в прошлое или будущее) будут обращены такие оценки. В этом смысле прогноз развития МО, включающий взаимодействие разных цивилизации и нации, — сама трудная и высшая ступень стратегического анализа и прогноза, — а построение на его основе сценариев долгосрочного развития будет относиться в большей степени к искусству, чем к науке, превращая этот процесс в сугубо творческое восприятие будущего.

Между тем существует и метод долгосрочного анализа развития МО, который основывается на анализе и прогнозе объективных интересов и потребностей локальной цивилизации, нации, государства, общества и отдельных социальных групп. Такой метод прогноза сценариев развития МО, основанный на анализе интересов, структурно включает разные группы интересов — политические, экономические, финансовые, гуманитарные, военные и т. д. — которые могут быть в самом общем виде представлены в виде простой матрицы. Такая матрица может быть подробно детализирована. При этом изначально надо выделять две категории интересов (потребностей), которые нередко противоречат друг другу:

- объективные интересы локальной цивилизации, нации, государства и социальной группы (политические, идеологические, экономические, др.);
- субъективные интересы определенных социальных групп и личностей. Это хорошо просматривается на сопоставлении субъективных интересов правящих российской и украинской элит в военном конфликте на Украине.

При анализе МО в мире, регионе или двусторонних отношений каких-либо стран, необходимо исходить из того, что они в основном предопределяются тем, насколько совпадают или противоречат друг другу их объективные интересы. Соответственно, совпадение таких объективных цивилизационных, национальных (или государственных) интересов (России и Украины в данном случае) может быть

оценено по положительной шкале, например, от +1 до +5, а противоречия — от -1 до -5. Так, совпадение основных объективных политических, экономических и гуманитарных интересов России и Украины в силу самых разных причин очень высоко, а объективные противоречия незначительны, что можно смело оценить по предложенной шкале как +3, +4 или даже +5. Такая уникальность, однако, отнюдь не означает, что в практической политике правящие элиты не будут субъективно отражать эти реалии. Субъективные представления не только преобладающей части правящей элиты Украины, но и даже части российской правящей элиты, на мой взгляд, отличаются:

- для украинской элиты они колеблются от -5 (в политике) и -4 (в гуманитарно-цивилизационной области) до -2 — в экономической;
- для российской элиты от -1 (в политике) и +1 (в гуманитарно-цивилизационной области) до +2 или +3 — в экономической.

Существует приоритетность в оценке таких интересов, когда цивилизационные, политические и иные интересы оцениваются по такой шкале выше, чем гуманитарные. Если попытаться заполнить эту матрицу, поставив, например, под определенными государствами конкретное «Государство „А“ — Украину», а «Государство „Б“ — Россию», то получается следующая картина, описывающая состояние и будущие перспективы развития сценария отношений России и Украины (табл. 12.1).

Сказанное означает, что конкретный исторический характер того или иного сценария развития МО исключает возможность его механической экстраполяции на долгосрочную перспективу. Влияние субъективных факторов может привести к разному изменению сценария развития объективных причин. Если представить и сравнить развитие сценария МО и развитие ВВП абстрактного государства, то мы увидим, что разница будет принципиальная, качественная (рис. 12.9).

Таблица 12.1.
Матрица соотношения объективных интересов государств, формирующих международную обстановку (МО), и их субъективная оценка правящими элитами России и Украины (объективная / субъективная)

Тип интересов государства «А» (в представлении элиты Украины)	Тип интересов государства «Б» (в представлении российской элиты)				
	политические	экономические	финансовые	гуманитарные	военные
Политические:	+ 2 / - 3				
– отношения с США и ЕС;	+ 3 / - 4				
– отношения со странами СНГ;	+ 4 / - 2				
– отношения с другими странами	+ 1 / - 1				
Экономические:		+ 4 / - 2			
– торгово-экономические;		+ 5 / - 1			
– энергетика;		+ 5 / - 2			
– машиностроение		+ 5 / - 3			
Финансовые:			+ 4 / - 2		
– банковские;			+ 5 / - 1		
– страновая;			+ 5 / - 2		
– бюджетная			+ 3 / - 3		
Гуманитарные:				+ 5 / - 5	
– наука;				+ 5 / - 3	
– образование;				+ 5 / - 5	
– культура				+ 5 / - 5	

Тип интересов государства «А» (в представлении элиты Украины)	Тип интересов государства «Б» (в представлении российской элиты)				
	политические	экономические	финансовые	гуманитарные	военные
Военные:					+ 5 / - 3
- военно-политические;					+ 5 / - 5
- ВТС;					+ 3 / - 4
- ВКО					+ 5 / - 4

График сценария развития ВВП абстрактного государства

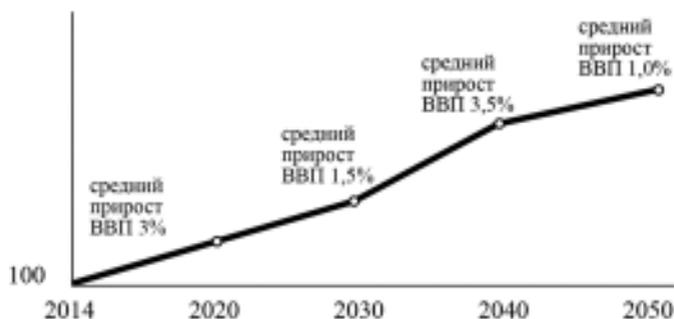

Рис. 12.9

Можно ошибиться (и неизбежно такая ошибка происходит) в точности оценок прироста ВВП, но крайне трудно допустить, что такой прирост будет отрицательным (как в России и на Украине в 1990-е гг.).

Как видно из этого сценария, ВПО и некое государство могут развиваться в XXI веке по-разному в разные периоды времени, хотя объективные условия существования и развития меняются очень медленно. Вместе с тем именно они, прежде всего объективные интересы, определяют вектор развития

График развития ВПО и отдельного абстрактного субъекта
 (по шкале от -5 до $+5$, где -5 – война; -4 – военный конфликт,
 а $+5$ – крайне благоприятные внешние условия развития
 государства и ВПО)

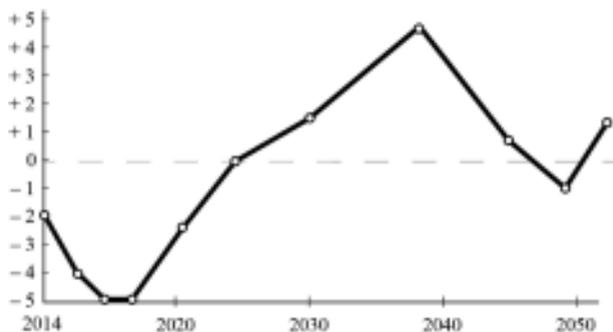

Рис. 12.10

ВПО и государства в XXI веке. В данном случае он в целом будет скорее положительным, чем отрицательным. Из таких расхождений интересов (потребностей) объективного и субъективного порядка можно, например, сделать вывод о том, что в стратегической перспективе неизбежно улучшение отношений России и Украины, однако в ближнесрочной перспективе доминирующим сценарием может быть серьезный политический кризис, конфликт и, может быть, даже война.

При оценке существующего и прогноза будущего сценария развития МО важно максимально точно определить не только характер совпадения (или противоречий) объективных интересов отдельных субъектов МО, имеющих значение для долгосрочного прогноза, но и отношения между субъективными интересами (потребностями) в настоящее время, что с удовольствием привыкли делать историки международных отношений и дипломатии. Они могут существенно, радикально отличаться друг от друга (как при подписании Брестского мира, например). Нельзя поэтому экстраполировать существующую МО на среднесрочный период, точно также противопоказано

переносить ее просто механически, исходя из показателей макроэкономики, на более долгосрочную перспективу.

Особенное значение имеет анализ и прогноз характера объективных интересов (потребностей) для принятия решений, имеющих долгосрочное, стратегическое значение (на 15–20–30 лет). В основе такого прогноза может находиться только анализ объективных интересов локальной цивилизации, нации или государства, так как субъективные интересы неизбежно будут не раз меняться. Даже историко-психологическая инерция правящих элит не может радикально влиять на изменение объективных интересов / потребностей.

Как видно из предложенной матрицы, субъективные интересы российской и украинской элит существенно, радикально отличаются друг от друга. Практически отсутствуют не только совпадения «по вектору», но и сколько-нибудь одинаковые подходы. Это свидетельствует о том, что в ближнесрочной перспективе:

- украинская элита искусственно создает и будет создавать проблемы с Россией и под влиянием этих усилий будет формироваться МО и ВПО;
- краткосрочный прогноз развития сценария МО и ВПО неизбежно будет негативным, причем с преобладанием провокационных, внешне нелогичных и конфликтных ситуаций.

Учитывая огромное количество возможных субъективных сценариев МО, есть необходимость разделить их по группам, в зависимости от сценариев развития ЧЦ. Как минимум, таких групп может быть три (по аналогии с группами сценариев развития ЧЦ): группа позитивных сценариев развития международной обстановки (ГПСР МО); группа негативных сценариев развития международной обстановки (ГНСР МО) и, наконец, группа нейтральных сценариев развития международной обстановки (ГНСЦР МО). Учитывая, что существует огромное многообразие сценариев развития международной обстановки,

три основные группы могут и должны быть разделены на подгруппы, которые в принципе описывают весь основной спектр отношений, существовавших в истории (в данном случае СССР/России и США). Он представляет собой палитру от союзнических отношений в XVIII веке и в 1941–1945 гг. XX века и партнерских в 90-е годы XX века до открыто конфронтационных во время войн в Корее, Вьетнаме, кубинского кризиса.

Кроме того, с целью повышения точности описания и возможного количественного анализа каждую из этих подгрупп можно ранжировать (например, от 1 до 3), что дает, безусловно, перспективу для дальнейшего анализа и прогноза. Это необходимо сделать, чтобы каким-то образом разделить возможные и вероятные сценарии развития МО, выделив отдельно наиболее вероятный сценарий, который, скорее всего, будет иметь общие черты с другими вероятными сценариями развития МО. Соответственно, по горизонту прогноза и планирования эти группы могут быть отнесены к настоящему времени, периоду до 2030 года и периоду до 2050 годов.

Эту систематизацию можно представить (также как и в случае со сценариями развития ЧЦ) в виде простой матрицы применительно к какому-либо субъекту (субъектам) МО, например, России и США. Причем эти отношения нужно рассматривать по отдельным направлениям (в данном случае — политическим). В самом общем виде вероятность этих отношений будет выглядеть следующим образом (по состоянию на середину 2014 г.): табл. 12.2.

Как видно из оценки в матрице, политические отношения России и США рассматриваются в наборе сценариев от «враждебных» (+3), близких к «откровенно конфронтационным» в настоящее время до «откровенно конфронтационных» к 2030 годам и смягчению до определенной степени до враждебных (+2) к 2050 годам.

Такой анализ политических отношений не будет, по всей видимости, полностью совпадать с анализом и прогнозом отно-

Таблица 12.2.

Группа сценариев взаимодействия различных субъектов МО (на примере России и США)

Субъекты МО	Субъект МО — США				
	Групп и подгрупп сценариев		наст. время	до 2030 г.	до 2050 г.
Российская Федерация	позитивные (ГПСР МО)	союзные отношения			
		партнёрские отношения			+ 1
	негативные (ГНСР МО)	враждебные	+ 3		+ 2
		откровенно конфронтационных	(+ 1)	+ 2	
	Нейтральные (ГНСРР МО)	подгруппа игнорирования	область вероятных сценариев развития МО		+ 1
	подгруппа нейтральное				

шений в военной и стратегической или гуманитарных областях. Хотя, возможно, и будет к ним близок. Для каждой из таких отдельных областей МО требуется своя матрица, определяющая свою группу сценариев. Результирующей будет общая матрица, характеризующая все группы сценариев во всех основных областях — от политики и экономики до экономического и гуманитарного сотрудничества.

Возвращаясь к подгруппам сценариев развития МО в отношениях РФ — США, можно попытаться вычленить конкретные возможные и вероятные сценарии в этих подгруппах. Так, например, подгруппа «враждебные» сценарии МО в настоящее время представлена сценарием развития отношений США

и России который можно назвать сценарием «провоцирования военно-политического конфликта России с Западом». Этот сценарий может быть описан, опираясь на анализ противоречий между государственными интересами США и России в разных областях, как это показано в «Матрице интересов государств, формирующих международную обстановку».

Реализация такого сценария, естественно, возможна и вероятна в самых различных формах. Выбор одной из таких форм будет зависеть от многих факторов, в частности, от готовности идти на риск. Если (с точки зрения готовности рисковать) будет выбран наименее рискованный сценарий, то он может и, вероятно, будет иметь форму «провоцирования международного конфликта», когда США непосредственно не будут вовлечены в военное противостояние с Россией, «делегируя» это право своим союзникам по НАТО или добивающимся их покровительства государствам.

**Глава XIII.
Методология
стратегического
прогнозирования
военных угроз**

В основу предлагаемой здесь методологии прогнозирования военных угроз положены принципы теории «политического реализма». Данная теория оперирует двумя основными категориями — «сила» и «интерес». (В данном случае речь идет о силе государства и интересах государства). Категории «сила» и «интерес» находятся в неразрывной диалектической взаимосвязи. В известном смысле интересы государства являются политической проекцией его силы на сферу международных отношений.

Опыт показывает, что увеличение силы государства ведет к расширению его интересов. В свою очередь, растущие интересы стимулируют увеличение силы государства. Напротив, ослабление государства вынуждает его ограничивать и сворачивать свои интересы. Естественно, здесь имеются в виду реальные интересы, достижение которых практически осуществимо, а не беспочвенные фантазии.

Диалектическая взаимосвязь между силой и интересами государства позволяет выстроить интерактивную модель развития военно-политической и стратегической обстановки. Преимущество данного подхода состоит, в частности, в том, что понятие «сила» является исчисляемой величиной и может быть выражена математически. Это касается и количественных и качественных параметров силы.

Поскольку факторы национальной безопасности тесно взаимосвязаны с компонентами силы государства, любое существенное изменение баланса сил в ущерб данному государству создает угрозу его национальной безопасности. И напротив,

изменение баланса сил в пользу данного государства укрепляет его национальную безопасность. В то же время угроза национальной безопасности может возникать, независимо от действий внешних факторов. Такая угроза может появиться как результат ошибочной, непродуманной политики властей (или в целом элиты) конкретного государства. Ошибки в различных областях политики, экономики, демографии, международных отношений могут негативно сказываться на факторах национальной безопасности, подрывать силу государства. Все эти элементы должны учитываться при прогнозировании военных угроз безопасности страны.

13.1. Определение характера и типологии военных угроз на текущий и прогнозируемый период

Военная доктрина России определяет военную угрозу как «состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующееся реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооруженному насилию)»¹.

Военная угроза — один из видов угроз национальной безопасности². Поэтому внешнюю военную угрозу можно также охарактеризовать как угрозу национальной безопасности, пред-

¹ «Военная доктрина Российской Федерации», утвержденная Указом Президента РФ N 146 от 5 февраля 2010 г.

² Определение «национальной безопасности» и перечень угроз для нее даны в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденной Указом Президента РФ N 537 от 12 мая 2009 г.

полагающую применение военной силы против РФ и ее союзников со стороны иностранного государства или коалиции, либо со стороны международных террористических организаций.

Военные угрозы можно квалифицировать по следующим типам — по масштабу: значительные — менее значительные; по срокам существования: кратковременные — долговременные; по уровню ожидаемого конфликта: глобальные, региональные, локальные.

Военная доктрина РФ выделяет следующие основные военные угрозы:

- а) резкое обострение военно-политической обстановки (межгосударственных отношений) и создание условий для применения военной силы;
- б) воспрепятствование работе систем государственного и военного управления Российской Федерации, нарушение функционирования ее стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной, химической промышленности и других потенциально опасных объектов;
- в) создание и подготовка незаконных вооруженных формирований, их деятельность на территории Российской Федерации или на территориях ее союзников;
- г) демонстрация военной силы в ходе проведения учений на территориях сопредельных с Российской Федерацией или ее союзниками государств с провокационными целями;
- д) активизация деятельности вооруженных сил отдельных государств (групп государств) с проведением частичной или полной мобилизации, переводом органов государственного и военного управления этих государств на работу в условиях военного времени.

В официальных документах США и НАТО термин «военная угроза» специально не используется. Это понятие даже

отсутствует в словаре военных терминов Министерства обороны США, хотя там присутствуют такие понятия как «анализ угроз» или «оценка угроз»³. Анализ официальных документов и материалов США и НАТО показывает, что там речь ведется об угрозах своей стране, либо ее интересам, либо ее гражданам и их собственности, либо «территории и населению» НАТО. Так, в ежегодном докладе руководителя военной разведки армии США Майкла Флинна сенатскому комитету по делам вооруженных сил в феврале 2014 года говорилось об «угрозах нации». По его словам, США сталкиваются с целым спектром разнообразных угроз, включая «сохраняющиеся угрозы со стороны мятежного Талибана в Афганистане; Аль-Каида и связанные с ней террористические организации на Ближнем Востоке и в Северной Африке; убежища для террористов в Пакистане; народные выступления в Сирии, Египте, других районах Ближнего Востока и их последствия; последовательное развитие Ираном ядерного и ракетного потенциала; продолжающиеся ядерные и ракетные провокации Северной Кореи; возрастающая серьезность кибернетических угроз для нашей оборонной промышленной базы и жизненно-важной инфраструктуры, государственных сетей и американского бизнес сообщества, а также рост военной и экономической мощи Китая»⁴.

В Стратегической концепции обороны и безопасности НАТО, принятой в 2010 году, выделяются следующие угрозы:

«Во многих государствах и регионах мира происходит приобретение существенных современных военных возможностей с последствиями для международной стабильности и евро-атлантической безопасности, которые сложно предсказать. Это

³ Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms. The Joint Publication 1-02. 8 November 2010 (As Amended Through 15 January 2014). — 483 p.

⁴ Flynn, Michael T., Lieutenant General, U.S. Army Director, Defense Intelligence Agency. Annual Threat Assessment. Statement Before the Senate Armed Services Committee. United States Senate. 11 February 2014. — 34 p.

включает распространение баллистических ракет, что представляет реальную и растущую угрозу евро-атлантическому региону».

«Распространение ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения и средств его доставки, что несет непредсказуемые последствия для глобальной стабильности и благополучия».

«Терроризм продолжает представлять прямую угрозу гражданам государств НАТО, а также в более широком смысле международной стабильности и благополучию. Экстремистские группировки продолжают распространяться в стратегически значимых для Альянса районах, а современные технологии увеличивают угрозу и последствия террористических атак, в особенности, если террористы смогут приобрести ядерное, химическое, биологическое или радиологическое оружие».

«Нестабильность и конфликты за пределами границ НАТО могут напрямую угрожать безопасности НАТО, способствуя распространению экстремизма, терроризма и транснациональной незаконной деятельности, такой как, торговля оружием, наркотиками и людьми».

«Кибератаки становятся более частыми, более организованными и ущерб от них государственным организациям, бизнесу, экономике и в потенциале транспорту и системам поставок и другой критической инфраструктуре становится все более дорогостоящим».

«Все большее число государств полагается на жизненно-важные коммуникации, транспортные и транзитные пути, от которых зависят международная торговля, энергетическая безопасность и процветание. Они требуют все больше международных усилий, обеспечивающих их устойчивость от нападений и разрушений».

«Следует ожидать, что ряд важных технологических тенденций, включая разработку ядерного оружия, средств радио-электронной борьбы и технологий, которые затрудняют доступ

в космическое пространство, будут иметь серьезные последствия, которые повлияют на военное планирование и операции НАТО».

«Ключевые экологические и ресурсные ограничения, включая угрозы для здоровья людей, изменение климата, ограниченность запасов питьевой воды и увеличивающиеся потребности в энергии, будут, также определять будущую среду безопасности в значимых для НАТО районах и будут иметь потенциал существенно влиять на планирование и операции НАТО»⁵.

Таким образом, и в российских, и в западных официальных документах используется методика перечисления, а не определения угроз. А сами угрозы выявляются эмпирическим путем. Разница при этом состоит в том, что в западной классификации нет разделения внешних угроз на военные и невоенные. А это, по сути, означает, что военная сила может использоваться для отражения любых угроз — и военных, и не военных.

Особое место в определении характера и типологии военных угроз государству занимает проблема внутренних военных угроз. По существу возникает важный теоретический вопрос: можно ли вообще говорить о внутренних военных угрозах государству. Характерно, что военная доктрина РФ не дает специального определения внутренней военной угрозы. Если же исходить из общего определения военной угрозы, то можно предположить, что внутренняя военная угроза понимается как состояние внутригосударственных отношений, характеризующееся реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами и высокой степенью готовности сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооруженному насилию).

⁵ Active Engagement, Modern Defence. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organisation adopted by Heads of State and Government in Lisbon. 19 November 2010. (http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68580.htm?selectedLocale=en)

В то же время военная доктрина перечисляет несколько внутренних военных опасностей, являющихся, как можно предположить, предпосылками возникновения внутренних военных угроз. К основным внутренним военным опасностям отнесены следующие:

- попытки насильственного изменения конституционного строя РФ;
- подрыв суверенитета, нарушение единства и территориальной целостности РФ;
- дезорганизация функционирования органов государственной власти, важных государственных, военных объектов и информационной инфраструктуры РФ⁶.

Анализ этих положений ставит вопрос о том, насколько правомерно относить их к разряду военных опасностей, а тем более военных угроз. Так, «попытка насильственного изменения конституционного строя РФ» является по существу тем, что принято называть «государственным переворотом». Между тем, такие события принято рассматривать как политические, а не военные действия, хотя и предусматривающие применение вооруженного насилия. Более того, подобные действия, как известно из истории, осуществляются намного чаще самой властью государства, чем какими-то автономными группами или организациями.

К тому же, не понятно, кому и от кого исходит данная угроза. Ведь при государственном перевороте происходит замена у власти одной правящей группы другой. При этом ни нация, ни государство никуда не исчезают, не разваливаются и не теряют суверенитет. С этой точки зрения, даже военный заговор нельзя считать военной угрозой, если он не направлен на ликвидацию собственного государства или его подчинение внешним силам. Ну а если за заговором стоят внешние силы, то это — не внутренняя, а внешняя угроза.

⁶ «Военная доктрина Российской Федерации», утвержденная Указом Президента РФ № 146 от 5 февраля 2010 г.

Между тем, подрыв суверенитета собственного государства изнутри не может происходить без участия внешних игроков. Иначе такие действия просто лишаются всякого смысла. Подрыв суверенитета может быть, например, акцией предательства верховной власти перед лицом внешнего военного давления. Другой случай — это использование внешними силами «пятой колонны» внутри страны для осуществления своих замыслов. Утрата суверенитета может происходить вследствие действия компрадорских кругов, составляющих часть политической элиты и желающих добровольно подчинить свою страну тем или иным международным структурам. Такая ситуация сложилась, например, на Украине, где часть политической элиты совершила государственный переворот с целью подчинить страну диктату Евросоюза и подписать с ним договор об Ассоциации на условиях, подрывающих суверенитет страны. Видимо, относить эту ситуацию к военной угрозе тоже не правильно.

Что касается дезорганизации органов государственной власти и других важных государственных объектов, включая военные, то тут следует, прежде всего, определить, кто эту дезорганизацию осуществляет. Если эти действия на территории РФ осуществляют диверсионные группы противника или их кибервойска, то понятно, что речь идет о военной угрозе, но только о внешней, а не о внутренней. Если же подобные действия осуществляют протестующие граждане, вышедшие на демонстрации или участвующие в забастовках, то называть такие действия «военной опасностью» и тем более «военной угрозой» неправомерно.

Существует еще один вариант — это действия внутренних подпольных террористических организаций, использующих соответствующие методы для достижения определенных политических целей. Не вызывает сомнений, что терроризм — серьезнейшая угроза национальной безопасности. Однако, рассматривать внутренние террористические организации именно как военную угрозу, вряд ли, правомерно. В данном случае

речь идет о террористической, а не военной угрозе. И способы борьбы с этой угрозой значительно отличаются от тех, которые используются для парирования военных угроз.

Таким образом, остается единственный вид внутренней угрозы национальной безопасности, который можно считать военной угрозой. Речь идет о сепаратистском военном мятеже, вроде того, который имел место в Чечне. Однако следует понимать, что в нормальном государстве, которое выполняет свои основные функции, такие события в принципе невозможны.

Сепаратистский мятеж не может начаться спонтанно. Он требует серьезной подготовки, создания собственных вооруженных формирований, перехода всего или значительной части аппарата управления конкретного региона, включая силовые структуры, на сторону сепаратистов. В нормально функционирующем государстве подобные процессы были бы остановлены уже на ранней стадии путем принятия политических, административных и других невоенных мер. То есть ситуация не смогла бы развиваться до уровня военной угрозы. Такая угроза может появиться только в государстве, находящимся в состоянии распада, каковым являлся СССР в 1990–1991 гг. или Украина образца 2013–2014 гг.

Между тем, в СССР сепаратистские мятежи начались вовсе не в Чечне, а в Грузии и Прибалтике. Затем они распространились, на всю территорию страны. Чечня стала лишь одним из островков сепаратизма, причем не самым крупным. В то же время, политическое руководство страны во главе с М. С. Горбачевым не предпринимало необходимых мер для ликвидации сепаратистских мятежей в союзных республиках, а временами даже потворствовало сепаратистским проявлениям, например, в Прибалтике или в автономных республиках внутри РСФСР. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в той ситуации в Чечне появились условия для сепаратистского вооруженного мятежа.

Возникновение подобной ситуации в России, пока в стране существует дееспособная центральная власть, представляется

невероятным. Поэтому прогноз возникновения внутренних военных угроз, таких как вооруженные сепаратистские мятежи или гражданская война, является целесообразным только в рамках более общего прогноза устойчивости государственной власти и политических институтов России.

С учетом вышесказанного представляется целесообразным избегать использования термина «внутренняя военная угроза» и рассматривать военную угрозу преимущественно как внешний фактор. А в отношении внутривнутриполитической ситуации правильнее было бы вести речь об угрозах национальной безопасности, предполагающих применение вооруженного насилия.

Такие угрозы включают действия внутренних террористических организаций, прежде всего, сепаратистских, а также крупных криминальных структур, бросающих вызов государственной власти в отдельных районах страны. Можно, видимо, включить в эти угрозы и действия определенных политических партий, движений или организаций, готовых использовать вооруженное насилие в ходе массовых политических акций. Естественно, что предотвращение и парирование этих угроз не является задачей Министерства обороны и должно осуществляться другими силовыми структурами РФ.

13.2. Исходные данные для прогнозирования военных угроз

Перечень исходных данных для определения военных угроз в отношении РФ можно условно свести в пять групп.

Первой группой являются основные показатели глобального военного баланса сил, существующего в настоящий момент между ведущими мировыми державами и их союзниками. При его исчислении используются данные о военной силе тех государств, которые предполагается включить в модель военного баланса.

Военная сила — это совокупность ресурсов и инструментов ведения войны, имеющихся в распоряжении государства. Военная сила представляет собой часть общей силы государства и включает в себя количественные и качественные компоненты.

Количественные компоненты военной силы включают: численность личного состава вооруженных сил, количество вооружений и военной техники, в том числе на базах и складах хранения, мобилизационный резерв, запасы боеприпасов, продовольствия, обмундирования, горючего и других средств, необходимых для ведения войны, инфраструктура военной логистики и некоторые другие.

Качественными компонентами военной силы являются: военно-технический уровень и качество вооружений и военной техники, уровень подготовки личного состава и его боевые навыки, морально-политическое состояние военнослужащих, эффективность системы военного управления и опыт использования вооруженных сил и некоторые другие.

Представление данных о военной силе государств может осуществляться в той же форме, как это делается, например, лондонским Международным институтом стратегических исследований (International Institute for Strategic Studies (IISS)) в своих ежегодных изданиях «Военный баланс» («The Military Balance»). В настоящее время «Военный баланс» дает оценку военных возможностей и военной экономики 171 страны мира⁷.

Еще более перспективной может быть форма представления данных, использованная в компьютерной модели «Глобальной огневой мощи» (Global Firepower (GFP)), которая является уникальной информационной базой о военных возможностях различных государств мира. В настоящий момент в рамках данной модели рассматривается 68 стран, военная сила которых

⁷ The International Institute of Strategic Studies (IISS). The Military Balance 2013, IISS, 2013. — 572 p.

рассчитывается на основе 40 различных показателей, взятых с определенными весами. После этого результаты дополняются рядом факторов: военная сила страны увеличивается при низком энергопотреблении, снижается — при высоком, наличие сухопутной границы с другими странами также снижает показатель. Модель komponуется из шести блоков показателей: численность вооруженных сил, сухопутные войска, военно-воздушные силы, надводный и подводный флот, ресурсы, логистика, финансовые ресурсы, географические показатели. После учета всех условий формируется общий рейтинг⁸.

Вторая группа исходных данных включает показатели соотношения военных сил в регионах, имеющих жизненно-важное значение для национальной безопасности РФ. Подбор данных по региональным военным балансам осуществляется по той же методике, что и для глобального военного баланса. В «Военном балансе» IISS и в «Глобальной огневой мощи» также присутствует разбивка по регионам. Так, в «Военном балансе» рассматривается Северная Америка, Европа, Россия и Евразия, Азия, Ближний Восток и Северная Африка, Латинская Америка и Карибский бассейн и Африка южнее Сахары. GFP рассматривает следующие регионы: Африку, Азиатско-Тихоокеанский регион, Европу, Ближний Восток, Северную Америку, Южную Америку и Скандинавию.

С точки зрения военной безопасности РФ не все эти регионы являются актуальными. К актуальным регионам в настоящее время относятся: европейская часть постсоветского пространства (Украина, Белоруссия, Прибалтика, Молдова и Приднестровье), Скандинавия и Арктика, Закавказье (включая Турцию и Иран), Центральная Азия (включая Афганистан и Китай), Дальний Восток (Китай, Северная и Южная Корея, Япония, Тайвань), Черноморский бассейн и Восточное Средиземноморье (Румыния, Болгария, Турция, Греция, Кипр, Сирия, Ливан).

⁸ <http://www.globalfirepower.com/>

Третью группу исходных данных составляет информация о военных расходах и программах военного строительства ведущих мировых держав и их союзов, а также их планы по географической дислокации своих войск, особенно применительно к регионам, имеющим жизненно-важное значение для безопасности РФ. Эти данные могут представляться в форме, схожей с той, которая применяется Стокгольмским институтом исследования проблем мира (Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI)) при составлении ежегодников «SIPRI Yearbook».

Ежегодники SIPRI представляют собой сборники данных и аналитических материалов по таким вопросам как безопасность и вооруженные конфликты, военные расходы и вооружения, проблемы нераспространения оружия массового поражения, контроль над вооружениями и разоружение. В ежегоднике за 2013 год, в частности, содержится информация о военных расходах различных государств, мировом производстве вооружений и предоставлении военных услуг, мировых тенденциях в поставках вооружений и торговле оружием, включая продукцию двойного назначения, а также инициативах и переговорах в области контроля над вооружениями и разоружения⁹.

Четвертую группу исходных данных составляет информация о военно-технических программах ведущих мировых держав, способных привести к созданию качественно новых и эффективных систем вооружений. Какая-то отработанная методика подбора данных в этой области в российской и зарубежной литературе отсутствует. Вероятно, это объясняется тем, что объем доступной информации по данной тематике не велик, так как она носит в основном закрытый характер. Поэтому данную информацию придется собирать по крупицам, как из разнообразных открытых источников, так и задействуя имеющиеся разведывательные возможности.

⁹ SIPRI Yearbook 2013: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford University Press, USA. Revised edition, 2013. — 584 p.

При этом, естественно, должна происходить селекция информации, чтобы в качестве исходных данных присутствовала информация о тех разработках, которые, во-первых, реально существуют и не являются блефом; которые, во-вторых, могут быть реально осуществлены в обозримой перспективе с учетом нынешнего уровня развития науки и техники; которые, в-третьих, могут привести к созданию систем вооружений, способных кардинально изменить глобальный военный баланс; и которые, в-четвертых, являются экономически обоснованными, то есть расходы, на создание которых соответствуют экономическим возможностям страны, их разрабатывающих.

Пятую группу исходных данных составляют оценки и прогнозы внутривнутриполитического развития ведущих мировых держав, а также государств, имеющих важное значение для безопасности РФ с точки зрения влияния этих внутривнутриполитических процессов на внешнюю политику этих стран. Эти оценки и прогнозы даются в основном на основе традиционных аналитических методов, используемых в политологии, экономике, социологии и других гуманитарных дисциплинах.

Возможно также использование современных методов анализа, применяющих компьютерное моделирование. Такие методы получили широкое распространение в разведсообществе США, в том числе для прогнозирования внутривнутриполитических процессов¹⁰. Например, модель «Factions», созданная в рамках Управления науки и технологии ЦРУ использова-

¹⁰ See: Jonathan Lockwood and K. Lockwood, "The Lockwood Analytical Method for Prediction (LAMP)," *Defense Intelligence Journal*, 3(2), 1994, pp. 47–74; R. Hopkins, *Warnings of Revolution: A Case Study of El Salvador* (Washington, DC: Center for the Study of Intelligence, 1980) TR 80-100012; Jack Zlotnick, "Bayes' Theorem for Intelligence Analysis," (1972), in H. Bradford Westerfield, ed., *Inside CIA's Private World: Declassified Articles from the Agency's Internal Journal* (New Haven, CT: Yale University Press, 1995); John Pierce, "Some Mathematical Methods for Intelligence Analysis," *Studies in Intelligence*, No. 21, Summer, 1977, pp. 1–19 (declassified); Edwin Sapp, "Decision Trees," *Studies in Intelligence*, No. 18, Winter, 1974, pp. 45–57 (declassified);

лась для анализа и прогнозирования политического развития различных стран¹¹.

Сбор, обработка и представление исходных данных осуществляется соответствующими российскими министерствами и ведомствами, посольствами РФ за рубежом, научными институтами и, возможно, некоммерческими организациями, занимающимися военно-политической тематикой. Исходные данные собираются в самых разных формах, используя как открытые источники, так и закрытую информацию, полученную разведывательным путем. Эти данные предоставляются также в различных формах в зависимости от характера полученной информации, включая научные доклады, аналитические записки, справочные и информационные материалы, политписьма и телеграммы посольств и резидентур.

13.3. Методика прогнозирования военных угроз на основе модели баланса сил

Предлагаемый метод прогноза военных угроз основывается на изучении тенденций изменения баланса сил между государствами, как на глобальном уровне, так и в жизненно-важных для России регионах. Мировая система развивается в соответствии с определенными объективными закономерностями. Как и любая другая система, она может находиться как в состоянии равновесия, так и в состоянии кризиса. Равновесие системы обеспечивается балансом сил между государствами или группами государств. Однако, вследствие действия объективного закона неравномерности экономического и политического развития государств, этот баланс постоянно нарушается, что часто

¹¹ Feder, Stanley A. "Factions and Policon: New Ways to Analyze Politics." *Studies in Intelligence* 31, no. 1 (Spring 1987): 41–57. In *Inside CIA's Private World: Declassified Articles from the Agency's Internal Journal, 1955–1992*, ed. H. Bradford Westerfield, 274–292. New Haven, CT: Yale University Press, 1995.

приводит к кризису всей системы. Существенное изменение баланса сил в пользу того или иного государства позволяет ему наиболее эффективно и полно реализовать свои национальные интересы. И наоборот изменение баланса сил в ущерб тому или иному государству затрудняет для него отстаивание своих национальных интересов. По этой причине ведущие государства стараются не допустить изменения баланса сил в ущерб себе. Более того, наиболее активные из них, а это, как правило, те, кто имеет реальные возможности наращивания собственной силы, стремятся направить изменение баланса сил в свою пользу.

Изучение баланса военных сил включает (но не ограничивается) следующими компонентами: Анализ программ военно-технического развития и военного строительства в различных государствах и оценка способности государств реализовать эти программы. Оценка перспектив экономического и внутривнутриполитического развития государств и влияния этих процессов на изменение национальных интересов государств. Изучение конфликтов национальных интересов государств, возможностей преодоления этих конфликтов или возникновения новых конфликтов интересов. Как следствие оценка перспектив образования новых союзов и коалиций и распада существующих. Оценка влияния на соотношение сил в мире различных международных организаций и негосударственных акторов.

Таким образом, главным источником возникновения внешних военных угроз является неблагоприятное для России изменение военно-политического баланса сил, как на глобальном уровне, так и в регионах, имеющих жизненно-важное значение для безопасности РФ. Военно-политический баланс складывается из двух компонентов: военной силы самих государств и их союзов. Его изменения (или поддержания статус-кво) можно достигнуть различными способами, но в принципиальном плане они сводятся к трем дополняющим друг друга стратегиям:

- наращивание собственной силы;
- ослабление оппонентов;

- достижение с оппонентами соглашений о взаимных самоограничениях.

Нарращивать собственную силу можно развивая военную экономику, создавая более эффективные виды вооружений (либо просто увеличивая численность вооруженных сил), укрепляя военно-технический потенциал, повышая эффективность военного управления и качество дипломатии, а также формируя союзы с государствами, имеющими схожие интересы.

Ослаблять конкурентов тоже можно различными способами, например, подогревая противоречия внутри этих государств, деморализуя их население путем подрыва национального духа и системы ценностей, препятствуя их эффективной внешнеэкономической деятельности, расстраивая их союзы, а также создавая проблемы в районах их жизненно-важных интересов.

История также знает примеры, когда государства, осознав тщетность попыток добиться стратегического превосходства и разорительность бесконечной конфронтации по всем азимутам, шли на заключение компромиссных соглашений. Это могли быть соглашения о разделе сфер влияния или об ограничении вооружений. Однако заключение подобных соглашений на справедливой основе возможно только с позиции силы. Также сохранение таких договоренностей может быть гарантировано только в условиях поддержания устойчивого и благоприятного для своей страны баланса сил.

При этом следует учитывать, что любое существенное изменение военно-политического баланса в ущерб России уже само по себе создает для нее потенциальную военную угрозу, независимо от намерений и желаний других государств. В случае же, если такое изменение баланса сил происходит в пользу стран, имеющих с Россией конфликт национальных интересов, то такая угроза становится реальной. Потенциальные военные угрозы являются менее опасными, чем реальные, но, тем не менее, нуждаются в постоянном мониторинге и нейтрализации.

Ниже приводится структурно-логическая схема определения характера и типологии военных угроз:

Рис. 13.1

Степень изменения военно-политического баланса в ту или другую сторону определяется при помощи сравнительного анализа компонентов силы России, ее союзников и противостоящих ей государств и коалиций. Выявление конфликта существенных национальных интересов России с другими государствами происходит на базе экспертных оценок специалистов в области международных отношений, практического опыта работы МИД России с различными странами, а также информации других ведомств и организаций, занимающихся внешнеполитической деятельностью.

Конфликты интересов между государствами могут возникать по самым разным поводам. Естественно, что не всякий конфликт интересов ведет к возникновению реальной военной угрозы. Такая угроза возникает, если конфликт интересов носит устойчивый, системный характер и затрагивает существенные вопросы национальной безопасности или национальной системы ценностей государств.

В последнее десятилетие конфликты национальных интересов государств достаточно сильно сместились в область системы ценностей. Это привело к обострению конкуренции мировоззрений и частичному видоизменению внешних военных угроз. Ключевым элементом этой новой ситуации является то, что военная сила выступает как способ продвижения своей системы ценностей в страны и регионы, придерживающиеся другой системы ценностей, или защиты собственной системы ценностей от внешней экспансии¹².

Неблагоприятное для РФ изменение военно-политического баланса сил может происходить вследствие действия военных, военно-технических, политических и идеологических факторов.

К военным факторам относится наращивание каким-либо государством, либо коалицией численности вооружений и вооруженных сил, позволяющее достигнуть существенного количественного военного превосходства над РФ.

К военно-техническим факторам относится разработка в других странах новых видов и систем вооружений, способных обеспечить реальным и потенциальным противникам существенное качественное военное превосходство над РФ.

К политическим факторам относится изменение внешнеполитической ориентации отдельных государств или групп государств в сторону сближения с реальными и потенциальными противниками РФ, ведущее к неблагоприятному изменению геостратегической ситуации вокруг РФ.

К идеологическим факторам относится неблагоприятное изменение морально-политического состояния общества и особенно вооруженных сил РФ, а также союзных с ней государств

¹² См.: Александров М. В. Мотивация поведения на международной арене: о соотношении национальных ценностей и национальных интересов во внешней политике государства // Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боришполец. М.: МГИМО(У), 2014. — С. 556–568

и их армий под воздействием информационной политики реальных и потенциальных противников.

Выявление и прогнозирование военных угроз должно осуществляться как на глобальном, так и на региональном уровне. При этом следует учитывать, что военные угрозы в регионах не обязательно носят региональный характер. Такие угрозы могут быть связаны с политикой ведущих мировых держав и их глобальной политикой. Поэтому при анализе региональных военных угроз следует, прежде всего, выяснять какие национальные интересы ведущих мировых держав присутствуют в данном регионе. Такой анализ позволит определить, является ли конкретная военная угроза чисто региональной или содержит в себе возможность эскалации до глобального уровня.

Здесь следует учитывать, что региональные балансы сил играют важную роль в развитии мировых военно-политических процессов. Это связано с тем, что изменение региональных балансов сил может, в конечном счете, привести к изменению глобального баланса сил. Значение региональных балансов сил особенно актуально, когда на глобальном уровне существует равновесие (паритет) сил и ни одно государство (или группа государств) не может добиться решающего превосходства над своими оппонентами. В этом случае ведущие игроки стремятся изменить баланс сил в стратегических точках с тем, чтобы ослабить там позиции своих конкурентов. Вследствие постепенного накапливания таких количественных изменений, глобальный баланс сил может, в конце концов, принципиально измениться не в пользу России.

Отсутствие у России достаточного военно-политического присутствия в том или ином жизненно-важном регионе создает благоприятные условия для геополитических конкурентов, чтобы добиться существенного изменения баланса сил в этом регионе в свою пользу. Такое изменение может осуществляться в разных формах, включая: втягивание стран региона в свою орбиту путем внутривосточных изменений, например,

госпереворотов или «цветных» революций»; провоцирование внутривнутриполитических конфликтов и вмешательство в них; экономическое давление; использование межэтнических и межгосударственных противоречий с поддержкой одной из сторон в таком конфликте или проведение миротворческих операций. Ну, и наконец — прямое использование военной силы.

И если на глобальном уровне прямое использование военной силы сейчас мало реально из-за наличия паритета стратегических ядерных сил, то на региональном уровне это совсем не исключено. Но даже, если военная сила напрямую не применяется, она используется косвенным образом, выступая гарантом политических изменений выгодных нашим геополитическим противникам. Если же Россия имеет в том или ином регионе стратегическое превосходство над противником или даже просто паритет сил, то использование им военной силы или силового давления на страны региона будет исключено.

В настоящее время и в обозримой перспективе, вряд ли, можно ожидать начало военного конфликта с участием РФ сразу на глобальном уровне. Однако нельзя исключать эскалации какого-либо регионального военного конфликта до глобального уровня. В свою очередь региональная война может начаться вследствие неправильной оценки той или иной страной соотношения сил в данном конкретном регионе. Или вследствие недооценки противником готовности России применить силу для защиты своих национальных интересов в регионе. Поэтому российские военные возможности и намерения в жизненно-важных регионах должны, как правило, четко декларироваться для понимания другими игроками бесперспективности применения силы или угрозы силой на данном театре.

Наибольшая опасность перерастания региональной военной угрозы в региональную войну присутствует в районах региональной нестабильности. Речь идет о районах мира, где имеются действующие или замороженные вооруженные конфликты, а также серьезные противоречия между соседними

государствами, либо межнациональные или религиозные конфликты внутри государств. Такие конфликты могут неожиданно привести к началу, либо возобновлению военных действий, даже вопреки воле и желанию ведущих мировых держав и спровоцировать серьезный международный кризис.

Такие кризисы бывают особенно острыми, когда враждующие стороны поддерживаются конкурирующими великими державами. Последние часто вмешиваются в региональные конфликты, чтобы обеспечить выгодное для себя изменение баланса сил в конкретном регионе. Однако такая политика может привести к срыву ситуации в опасное военное противостояние, чреватое разрастанием боевых действий в региональный военный конфликт. Так, например, произошло во время вторжения грузинских войск в Южную Осетию в августе 2008 года. Вмешательства США и их союзников по НАТО в эту войну не произошло только потому, что военно-политический баланс сил в регионе был явно на стороне России. И поддержать Грузию НАТО могло, только начав глобальную войну с Россией, к чему на Западе никто не был готов.

Этот опыт показывает, что соотношение сил в жизненно-важных для России регионах должно быть такое, чтобы потенциальный противник не имел никаких иллюзий в отношении возможностей достигнуть там победы путем применения военной силы или использования силы для прикрытия вмешательства во внутренние дела стран региона. Отсутствие достаточной военной силы в том или ином регионе, например, вокруг Сирии, ослабляет возможности РФ по реализации своих интересов в данном регионе и, главное, затрудняет противодействие изменению регионального баланса сил.

Естественно, для России имеют значение не все районы нестабильности, существующие в мире, а только те, которые находятся в регионах, имеющих существенное влияние на национальную безопасность нашей страны. Такими районами нестабильности в настоящий момент являются Украина, где

происходят сложные внутривнутриполитические процессы, чреватые гражданской войной, Латвия и Эстония, где существует латентный межнациональный конфликт между титульными этносами и русской общиной, молдавско-приднестровский конфликт, нагорно-карабахский конфликт и ситуация вокруг Афганистана.

13.4. Динамическая модель баланса сил как способ оперативного прогнозирования военных угроз

Бурное развитие компьютерной техники и информационных технологий ставит на повестку дня задачу создания интерактивной математической модели военно-политического баланса, позволяющую отслеживать возникновение и изменение военных угроз в реальном режиме времени. Такие модели сейчас довольно широко используются на Западе как применительно к отдельным странам и регионам, так и применительно к мировой системе в целом.

Впервые динамическая модель военного баланса была применена британским математиком Л. Ф. Ричардсоном (1881–1953). В 1935 г. он разработал математическую модель для прогнозирования военных приготовлений ведущих мировых держав. В 1939 году Ричардсон изложил свои взгляды на применение математических методов к вопросам внешней политики в фундаментальном труде «Обобщенная внешняя политика» (*Generalized Foreign Politics. Br. J. Psychol. monograph. Suppl. no. 23, 1939, 91 pp.*)¹³.

В дальнейшем математическое моделирование международных отношений получило широкое распространение в США.

¹³ The Collected Papers of Lewis Fry Richardson Volume Two: Quantitative Psychology and Studies of Conflict. Ed.: Oliver M. Ashford, H. Charnock, P. G. Drazin, J. C. R. Hunt, P. Smoker and Ian Sutherland. Cambridge University Press: 2009. — p. 251–351.

Эту методику разрабатывал профессор Йельского университета Карл Дойч¹⁴. Ее применяли известные американские политологи Р. Тантер, Р. Чэдвик, Б. Рассетт, Дж. Мильштейн и другие. В 1962–1975 гг. профессор Гавайского университета Рудольф Раммель руководил проектом «Размерность наций» (The Dimensionality of Nations (DON)), направленным на создание и развитие математической модели поведения государств в условиях международных конфликтов¹⁵.

В 1963 г. адъюнкт-профессор Мичиганского университета Дэвид Сингер¹⁶, инициировал масштабный проект «Корреляты войны» («Correlates of War»), который продолжается до сих пор уже без его участия¹⁷. Не менее масштабный проект был осуществлен профессором Калифорнийского университета Чарльзом Макклелландом в 1966–1978 гг. Данные этого проекта, получившего название «Обзор интерактивности мировых событий» (World Event/Interaction Survey (WEIS))¹⁸, до сих пор применяются в современных математических моделях международных отношений.

Большой вклад в развитие математического моделирования международных отношений внес профессор Канзасского университета, политолог и математик Филип Шродт¹⁹. Он, в частности, участвовал в создании таких моделей как KEDS (Кан-

¹⁴ Deutsch, Karl W. *The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control*. New York: The Free Press, 1963. — 316 p.

¹⁵ Rummel, Rudolph J. «The Dimensionality of Nations Project», In *Comparing Nations: The Use of Quantitative Data in Cross-National Research*. Ed.: Richard Merritt and Stein Rokkan. New Haven: Yale University Press, 1966. — p. 109–130.

¹⁶ Singer, David J. *Models, Methods and Progress in World Politics: A Peace Research Odyssey*. Boulder, Col.: Westview Press, 1990. — 314 p.

¹⁷ <http://www.correlatesofwar.org/>

¹⁸ McClelland, Charles. *World Event/Interaction Survey (WEIS) Project, 1966–1978*. ICPSR Study No. 5211, 1999. — 32 p.

¹⁹ See: Schrodtt, Philip A. *Microcomputer Methods for Social Scientists (Quantitative Applications in the Social Sciences)*. Newbury Park, California: SAGE Publications, 1987. — 96 p.

sas Event Data System) и CAMEO (Conflict and Mediation Event Observations). В 2007–2011 гг. Шродт принимал участие в разработке «Интегрированной системы раннего предупреждения конфликтов» (ICEWS) по контракту с Агентством передовых оборонных исследовательских проектов (DARPA) Министерства обороны США. В настоящее время Шродт является старшим научным сотрудником консультационной компании «Парус аналитикал системз» («Parus Analytical Systems»), где занимается разработкой программного обеспечения для прогнозирования политических конфликтов²⁰.

Предлагаемая здесь математическая модель военно-политического баланса могла бы основываться на методе сравнительного анализа с использованием статистических методик²¹. Архитектура данной модели является схематичным отражением существующего соотношения сил в мире на данный конкретный момент. Причем введение новых данных позволяет в реальном режиме времени отслеживать изменение этого баланса.

Таким образом, построение подобной модели позволило бы перейти к качественно новому уровню стратегического прогнозирования, который можно условно назвать «динамическим прогнозированием». То есть речь идет о прогнозе, который изначально построен по схеме многовариантности и тестируется в реальном режиме времени, позволяя определять, какой вариант будущего (из существующих в данный момент прогнозных сценариев) является в данный момент наиболее вероятным. Соответственно политическое руководство страны может оперативно корректировать планы военного строительства и внешнеполитических мероприятий.

²⁰ <http://parusanalytics.com/>

²¹ Подробнее см.: Александров М. В. К вопросу о возможности создания математической модели прогнозирования военно-политической и стратегической ситуации вокруг РФ // Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки / под ред. А. И. Подберезкина, К. П. Боршполец. М.: МГИМО(У), 2014. — С. 25–49.

Естественно, не имеет смысла включать в эту модель все государства и союзы. Достаточно ограничиться теми из государств и союзов, которые располагают существенной силой. Более того, можно, видимо, абстрагироваться от тех государств, которые хотя и обладают существенным силовым потенциалом, но по объективным причинам не могут оказывать значительного влияния на национальную безопасность РФ. Такие страны определяются эмпирическим путем. К ним, например, можно было бы отнести Бразилию, Индонезию, Австралию, ЮАР. С другой стороны, более мелкие страны, но расположенные в ключевых точках, где присутствуют российские интересы, например, Израиль, или Кипр, в такой модели присутствовать должны.

Для выявления и прогнозирования региональных военных угроз модель военно-политического баланса должна содержать региональные матрицы. Эти матрицы позволят отслеживать состояние и тенденции изменения баланса сил в регионах, имеющих жизненно-важное значение для национальной безопасности России. Эти регионы уже были перечислены выше.

В интересах прогнозирования в модель вводятся переменные величины, отражающие политические изменения на международной арене. Такие изменения могут очень серьезно влиять на глобальный и региональный баланс сил. Например, распад Варшавского договора ослабил военную силу СССР. А продвижение НАТО на восток, напротив, усилило позиции этого альянса, причем не столько за счет военного потенциала новых членов, сколько за счет более выгодных геостратегических позиций у границ России.

Возможны и другие формы воздействия международных событий на военную силу государства. Например, вовлеченность США в военные действия в Афганистане и Ираке привело к определенному распылению американских ресурсов и ограничило возможности применения силы в других районах мира. Участие российской армии в подавлении сепаратистского мятежа в Чечне привело к ограничению возможности Москвы влиять на ситуа-

цию в Южной Осетии и Абхазии в российских интересах. Когда же угроза сепаратизма на Северном Кавказе была устранена, Россия смогла занять более жесткую позицию в отношении Грузии.

Подсчет влияния политических переменных на силу государства можно осуществлять следующим образом. Если в какой-либо стране, являющейся союзником потенциального противника РФ, может произойти дестабилизация или эта страна, в связи со сменой политического режима, может изменить свою внешнюю политику (например, провозгласить нейтралитет), то ее военная сила вычитается из силы союза, противостоящего РФ. Если же в добавление к этому в данной стране начинается внутренний вооруженный конфликт, что требует вмешательства альянса, противостоявшего РФ, то из военной силы этого альянса вычитаются ресурсы, необходимые для стабилизации там обстановки. То же относится и к случаям вовлечения противостоящих РФ государств, в локальные и региональные военные конфликты.

Наоборот, если какое-нибудь государство может в случае обострения международной обстановки стать союзником РФ, то его потенциал плюсуется к нашему. А если на территории кого-то из союзников РФ происходит дестабилизация или внутренний конфликт, то эта страна из нашей военной силы вычитается.

Прогноз возможного поведения различных государств, в кризисный период осуществляется на основе предварительных экспертных оценок, которые затем вводятся в матрицу модели в качестве переменных величин. Таких вариантов, по существу, всего три — союз с РФ, нейтралитет и союз с потенциальным противником. При составлении прогноза эти переменные могут видоизменяться, отражая многовариантность политического процесса.

Определенное влияние на военно-политическую ситуацию в мире могут оказывать негосударственные игроки, такие, как например, террористические организации. В то же время их самостоятельное значение не стоит преувеличивать. Собственный военный потенциал этих организаций — относительно

небольшой, и им вполне можно пренебречь, подсчитывая общее соотношение военных сил. Тем не менее, эти организации могут сыграть важную роль в каких-то критических точках, выступая как катализатор политической дестабилизации или поддержания напряженности. Поэтому данный фактор следует учитывать при составлении экспертной оценки политического развития тех или иных государств или региональных конфликтов.

Предлагаемая модель позволила бы быстро и эффективно прогнозировать степень и направления изменения военно-политического баланса. Сравнение параметров военной силы РФ и ее союзников с соответствующими параметрами силы реальных и потенциальных противников позволит делать выводы о том, существует ли в настоящее время критическое нарушение баланса сил не в пользу РФ и на этой основе определить присутствуют ли военные угрозы стране.

Данная модель позволит также выявлять те компоненты военной силы, где Россия проигрывает реальным и потенциальным противникам, равно как и те, где она располагает преимуществом. А это в свою очередь обеспечит возможность наметить пути выравнивания военно-политического баланса и даже достижения превосходства над противником в зависимости от поставленных задач. Таким образом, модель создает основу для военного планирования по оптимальному варианту. Это в данном случае подразумевает планирование на основе принципа «стоимость-эффективность», то есть достижения максимального результата при минимальных затратах средств и ресурсов.

При прогнозировании будущих военных угроз параметры военной силы реальных и потенциальных противников РФ и самой России можно условно изменять с учетом имеющихся программ военного строительства, разработки новых систем вооружений, а также ожидаемых политических перемен на международной арене. Это позволит смоделировать состояние будущего военно-политического баланса в мире в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Глава XIV.
Кооперационный
и конфронтационный
сценарии развития ЧЦ, МО,
ВПО и СО
как пример применения
методологии стратегического
прогнозирования

«Нет ничего более практичного, чем хорошая теория»

*Курт Левин, основатель
психологической теории поля*

Данный прогноз строится на двух базовых теоретических постулатах, которые определяют всю логику последующего анализа. Первым постулатом является тезис о продолжении в XXI веке конкуренции основных мировых цивилизаций. Два десятилетия назад этот тезис подробно обосновал консервативный американский политолог Самюэл Хантингтон. В своей нашумевшей книге «Столкновение цивилизаций» он выдвинул концепцию о том, что различные цивилизации, как высшая форма культурной идентичности, приобретают в наше время особую значимость при анализе потенциала международных конфликтов¹.

По словам Хантингтона, «основным источником конфликтов в этом новом мире будет преимущественно не идеология и не экономика». «Наибольшие разногласия среди человечества и преобладающие источники конфликтов будут носить культурный характер», — отмечал он. Далее Хантингтон, утверждал, что, хотя «национальные государства и останутся наиболее влиятельными игроками на мировой арене», но главные конфликты мировой политики будут происходить «между странами и группами стран, принадлежащими к разным цивилизациям». «Столкновение цивилизаций будет доминировать в глобальной

¹ Huntington, Samuel P., *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, New York, Simon & Schuster, 1996.

политике. Линии противоречий между цивилизациями станут линиями фронта будущего», — предупреждал он².

Хантингтон, также правильно определил главный водораздел надвигающегося конфликта. По его мнению, основные противоречия возникнут между Западной цивилизацией и другими цивилизациями. Правда, американский исследователь не смог толком обосновать этот вывод. Возможно, потому, что честный анализ выглядел бы далеко не в пользу Западной цивилизации, к которой принадлежал сам Хантингтон.

Хотя публикации Хантингтона вызвали на Западе очень серьезный резонанс и полемику, следует отметить, что ничего принципиально нового он не открыл. Он лишь обобщил известные факты и истины, придав им концептуальную форму. Именно поэтому критика Хантингтона сторонниками глобализации из либерального лагеря не выглядит убедительной. Эта критика не выдерживает сопоставления с историческими фактами и очевидными реалиями сегодняшнего дня.

Конкуренция цивилизаций отнюдь не является какой-то особенностью XXI века. Она существовала, всегда, хотя часто принимала форму религиозного противостояния или конфликта идеологий. Просто сейчас эта конкуренция перешла в новую форму — форму борьбы ценностей, став более очевидной для основных участников конфликта. Нельзя, однако, забывать, что мировоззренческая форма конкуренции цивилизаций всегда была тесно связана с конкуренцией национальных интересов различных государств или групп государств. (Подробнее об этом можно посмотреть в статье М. В. Александрова о соотношении национальных интересов и национальных ценностей)³.

² Huntington, Samuel P., *The Clash of Civilizations?* // *Foreign Affairs*, vol. 72, no. 3, Summer 1993 — p. 22ns? // *Foreign Affairs*, vol. 72, no. 3, Summer 1993 — p. 22

³ Александров М. В. Мотивация поведения на международной арене: о соотношении национальных ценностей и национальных интересов во внешней политике государства // *Некоторые аспекты анализа военно-*

То есть конкуренция цивилизаций никогда не сводилась только к идейной борьбе, а всегда была дополнительно связана с такими факторами как борьба за национальную безопасность, политическое влияние, ресурсы, рынки сбыта и тд. Именно привнесение в идейную борьбу материальных интересов всегда придавало конкуренции цивилизаций особую остроту.

Вторым базовым постулатом, на котором строится данный прогноз, является закон неравномерности экономического и политического развития государств мира, который подтверждается всей историей развития человечества. В основе процесса неравномерности лежат самые разнообразные факторы, причем в каждую эпоху они могут значительно отличаться друг от друга. Более того, опыт истории показывает, что неравномерно развивались не только отдельные государства, но и целые группы государств или огромные империи, поглотившие множество стран и народов. При этом неравномерность развития часто приводила к ситуации, когда целые государства, империи или конгломерации народов просто исчезали с карты мира, а на их месте возникали новые государственные или имперские образования. Поэтому можно с достаточной долей уверенности утверждать, что тенденция неравномерности действует и в наши дни.

14.1. Современное состояние человеческой цивилизации

В настоящее время человеческая цивилизация (ЦС) подошла к определенному рубежу, когда назревает переформатирование всей системы международных отношений. По существу, мир оказался на рубеже эпох, напоминающий периоды

краха Римской Империи, падения Византии, распада Золотой Орды, а также великих географических открытий, приведших к формированию западнцентричной модели мироустройства, основанной на колониальной, а затем неоколониальной системе господства Западной цивилизации. Сейчас, эта система, просуществовавшая 400 лет, подходит к своему исчерпанию.

Таким образом, определяющим моментом состояния ЧЦ на современном этапе является противоречие между стремлением Западной цивилизации сохранить свое доминирующее положение в мировых делах и реальной ролью Запада в экономическом, научном, идейном и культурном развитии человечества.

Толчком к переосмыслению многими странами ведущей роли Западной цивилизации на мировой арене послужили события 1997 года, вызвавшие масштабный финансово-экономический кризис на рынках новых индустриальных стран Азии. В той ситуации западные экономические институты и инвесторы проявили себя не с самой лучшей стороны в отношении своих азиатских партнеров. А в политических и экономических кругах стран Азии по этому поводу были сделаны определенные выводы.

Затем последовал дефолт Российского государства, развивавшегося по рецептам МВФ и в рамках неолиберальной доктрины капитализма. В 2001 году в США произошел т. н. кризис «доткомов» — компаний работающих в сфере высоких технологий, который нанес существенный ущерб мировой экономике. Ну и апофеозом всего этого процесса явился самый крупный после Великой депрессии финансово-экономический кризис 2008 года. Этот кризис, последствия которого продолжают сказываться и по сей день, зародил в мире серьезные сомнения в устойчивости мировой, в том числе западной экономики, и в правильности того экономического пути, по которому идет (и ведет мир) Западная цивилизация.

Одновременно с явными провалами в экономической области стала нарастать военно-политическая агрессивность Западной цивилизации. Запад развязал несанкционирован-

ные ООН войны в Югославии и Ираке, значительно превысил мандат ООН по применению силы в Ливии, спровоцировав там гражданскую войну и крах государственности. Запад оказывал политическую и дипломатическую поддержку, а также скрытую материальную и военную помощь террористическому подполью в Чечне, открыто встал на сторону антиправительственных сил в Сирии. Борьба с движением Талибан обернулась многолетней оккупацией Афганистана, конца которому не видно, несмотря на обещания завершить вывод войск из этой страны к концу 2014 года. Все чаще в арсенале Запада стали применяться такие формы давления как экономические санкции против государств, отказывающихся следовать в фарватере западной политики. Естественно, произвольное использование Западом силы в мировых делах вызвало беспокойство в политических элитах многих государств.

В идейной и культурной областях, Запад перешел к концепции ценностного релятивизма, отказавшись от традиционной этики и морали. Человеческие пороки и извращения стали преподноситься как норма. Усилился антиклерикализм. В сфере общественных наук, анализ сложных и многообразных явлений, стал заменяться политкорректностью. Уровень образования и компетентности населения, в том числе управляющего слоя западных государств, стал снижаться. Защита демократических ценностей и прав человека превратилась в утилитарный инструмент политического влияния за рубежом. Все это не могло, не отразится на падении привлекательности западной общественной модели в глазах народов других стран.

Таким образом, из всего многообразия параметров мирового лидерства Западу удалось сохранить ведущие позиции лишь в двух областях — военной и научно-технической. Встает вопрос, способен ли Запад использовать эти преимущества для сохранения своего главенствующего положения в мировой экономике и политике? Пока объективный ход событий не подтверждает такую возможность.

С момента окончания Второй мировой войны сфера географического контроля Запада над мировой экономикой постоянно сужалась. Благодаря усилиям СССР, был создан советский блок и проведена деколонизация множества территорий, находившихся в колониальной зависимости от европейских государств. Поддержку деколонизации оказали и США, рассчитывавшие получить доступ к многочисленным рынкам, которые были ранее для них закрыты. Как следствие, эксклюзивный экономический контроль Европы над огромными пространствами Азии и Африки был утрачен.

США отдавали предпочтение более «прогрессивной», неокOLONиальной форме отношений с государствами третьего мира. Эта модель к тому времени уже была неплохо отработана в Центральной Америке. Она подразумевала косвенный политический контроль над элитами указанных стран, которые создавали выгодные условия для американского, а затем и вообще западного капитала на своих территориях. В случае необходимости одно скомпрометировавшее себя правительство менялось на другое при помощи государственного переворота или «революции», спонсируемой из Вашингтона.

Однако противоборство с СССР не позволило Западу сформировать такую систему в мировом масштабе. На обломках колониальной системы возникло достаточно большое число государств, сделавших ставку на развитие национальной экономики в интересах народов своих стран. В итоге «победа Запада в холодной войне» оказалась пирровой. Добившись расширения своей сферы влияния в Восточной Европе, Запад выпустил из под контроля огромные и богатейшие территории Азии и Южной Америки. В этом смысле положение Запада сейчас можно сравнить с положением Британской империи после Второй мировой войны. Победив в войне, Великобритания, тем не менее, потеряла свою империю и роль первой мировой державы, которую играла в предыдущие два столетия.

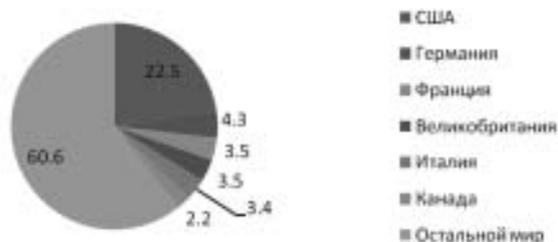
Впрочем, в начале 90-х такой результат казался Западу совсем не очевидным. Эйфория от надуманной «победы» над СССР затмила разум западных элит. Устранив, как им казалось, основного конкурента в борьбе за глобальное доминирование, Запад приступил к созданию однополярной международной системы, призванной увековечить его господствующее положение в мировой политике и экономике.

На службу этому курсу была поставлена модная в то время теория «постиндустриального общества», призванная экономически закрепить систему неэквивалентного обмена с другими странами. Расчет делался на то, что контроль над интеллектуальной собственностью и передовой технологией позволит Западу обеспечить свою главенствующую роль в мировой производственной цепочке и продолжить получать сверхдоходы. В то время как добыча сырья и производство готовой продукции сместится в страны периферии, где стоимость рабочей силы намного ниже.

Однако реальность оказалась сложнее теоретических построений. Получив и освоив промышленные производства, страны периферии, за последние 20 лет, заметно продвинулись по пути экономического прогресса. Это привело к соответствующему понижению роли западных стран в мировой экономике. Ниже приводятся диаграммы (рис. 14.1, 14.2), показывающие изменение доли ведущих западных стран в производстве мирового ВВП с 1993 по 2013 годы. Совокупный экономический потенциал этих стран составляет $\frac{3}{4}$ всей западной экономики. Поэтому динамика их экономического развития позволяет сделать вывод о состоянии и перспективах Западной цивилизации в целом.

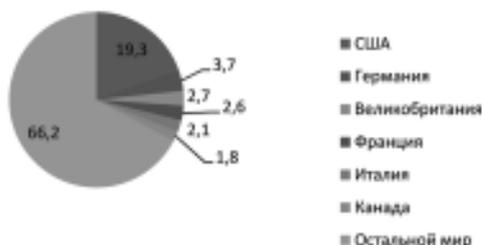
Как видно из приведенных диаграмм, доля ведущих стран Запада в мировой экономике снизилась за последние 20 лет почти на 6%. И это при том, что в этот период для Западной цивилизации сложились наиболее благоприятные условия, вызванные распадом главного геополитического конкурента в лице СССР

Доля ведущих стран Запада в мировом ВВП в 1993 г. (по ППС)

Источник: World economic outlook., May 1993.
Washington, DC : International Monetary Fund, 1993. — p. 121.
Рис. 14.1

Доля ведущих стран Запада в мировом ВВП в 2013 г. (по ППС)

Источник: World economic outlook., April 2014.
Washington, DC : International Monetary Fund, 2014. — p. 159.
Рис. 14.2

и всего социалистического блока. Если же посмотреть на ситуацию в более длительной исторической ретроспективе, то падение экономической роли Западной цивилизации будет выглядеть еще более рельефно. Ведь в 1938 году ведущие страны Запада, с учетом колоний и других зависимых территорий, производили около 56% мирового ВВП. Сейчас же их доля в мировой эконо-

мике снизилась до одной трети. И это произошло всего лишь за 75 лет — срок по историческим меркам совсем не большой.

Во-вторых, владение передовыми технологиями не обеспечило Западу полный контроль над мировыми производственными цепочками. Некоторые страны, такие как Китай, Индия, Южная Корея, Иран, Малайзия и некоторые другие создали свои собственные научные школы и центры технологического развития. Это позволило им начать промышленное развитие на своей собственной основе, минуя или копируя западные разработки. И хотя научно-технологический разрыв между Западом и этими странами все еще существует, но для производства большей части промышленных товаров, особенно товаров массового потребления, собственная технологическая база новых индустриальных стран уже вполне достаточна.

В-третьих, новые индустриальные страны стали потреблять все больше и больше природных ресурсов. Их доля в глобальном ресурсопотреблении существенно возросла. Это лишило Запад монопольного положения приобретателя мировых природных ресурсов. В итоге, конкуренция поставщиков природных ресурсов дополнилась конкуренцией потребителей природных ресурсов. А это привело к установлению справедливых мировых цен на сырьевые товары и стало работать в пользу выравнивания доходов производителей сырья, с одной стороны, и производителей готовой продукции и интеллектуальной собственности, с другой стороны.

Более того, по некоторым важным для современной промышленности природным ресурсам, таким, например, как редкоземельные металлы, образовалась монополия поставщиков, а не потребителей. С учетом возрастающего дефицита таких важнейших ресурсов как нефть, газ, уран, можно ожидать, что в перспективе роль поставщиков ключевых природных ресурсов, особенно энергетических, будет только возрастать. Попытки стран Запада решить проблему обеспечения себя природными ресурсами путем кредитной эмиссии, привели

к дальнейшему усилению стран, производящих сырье. У Запада же продолжают возрастать долги.

Таким образом, в начале XXI столетия Запад столкнулся с довольно серьезной проблемой. Стало очевидно, что сохранить свое доминирующее положение в мировой экономике при сложившейся структуре мирового разделения труда он больше не в состоянии. Если ничего не предпринимать, то объективные процессы неумолимо приведут Западную цивилизацию к потере роли экономического лидера мира. Даже если полагаться на т. н. «инерционный сценарий» и предположить, что доля Запада в мировой экономике будет сокращаться на 6% каждые 20 лет, то к 2055 году доля Западной цивилизации в мировом ВВП снизится до одной четверти. Но скорее всего, экономическое «сдувание» Запада не будет носить линейный характер. На каком-то этапе этот процесс может принять кризисные формы, как уже было в период Великой депрессии 30-х годов прошлого века.

В любом случае по мере ослабления экономической роли Запада, будет уменьшаться и его политическая роль. В случае инерционного сценария это влияние будет ослабляться постепенно. В случае кризисного развития, оно может растаять одномоментно. Уже в среднесрочной перспективе (7–10 лет) события могут начать развиваться по принципу раскручивающейся спирали. Ослабление политической роли будет уменьшать возможности влиять на экономические процессы и наоборот. И так до тех пор, пока западные общества не опустятся до среднемирового уровня потребления. Но это уже будет означать социально-экономический коллапс Западной цивилизации.

При этом немаловажным моментом станет ослабление возможностей Запада выделять необходимые ресурсы на научно-техническое развитие, что неминуемо приведет к утрате военно-технологического превосходства над большинством стран мира. А это уже негативно сказалось бы не только на экономическом положении, но и на безопасности целого ряда западных государств.

Таким образом, в начале XXI века Западная цивилизация оказалась в политическом тупике. Следование инерционно-му сценарию совершенно не устраивало западные элиты. Они оказались перед сложнейшей проблемой, связанной с необходимостью изменить пагубные для Запада мировые экономические процессы. Выбор вариантов решения этой проблемы был не большой. По существу, таких вариантов было всего два. Первый вариант предусматривал реиндустриализацию западных экономик, возвращение туда многих выведенных за рубеж производств и общее повышение конкурентоспособности в производстве товаров и услуг. Второй вариант состоял в том, чтобы создать новый мировой порядок и внеэкономическими методами принуждения заставить другие страны принять правила экономической жизни выгодные Западу.

С начала 2000-х годов руководство западных стран стало делать шаги в обоих этих направлениях. Попытки провести реиндустриализацию стали предприниматься, прежде всего, в США. На первых порах, этот план казался вполне осуществимым, так как Запад все еще сохраняет два существенных экономических преимущества над странами периферии. Первое — это научно-техническое лидерство. И второе — это контроль над мировой финансовой системой, что обеспечивает своим национальным предприятиям легкий доступ к дешевому кредиту.

Однако попытки осуществления этой политики сразу же натолкнулись на ряд существенных сложностей. Первая из них состоит в том, что страны периферии, которые уже создали свою индустриальную базу вовсе не собираются отказываться от уже завоеванных позиций. Более того, все они имеют планы по дальнейшему расширению и диверсификации своих экономик. Некоторые из них создали свои научные школы и сами в состоянии разрабатывать некоторые высокотехнологические продукты. В дальнейшем собственная научно-технологическая база этих стран будет только расти и они будут в состоянии развивать производство на своей собственной технологической основе.

Реиндустриализация западных экономик неминуемо приведет к конкурентной борьбе между товарами западных и новых индустриальных стран. И победа в этой борьбе Запада вовсе не очевидна с учетом того, что стоимость рабочей силы в странах периферии значительно ниже. Проблему могло бы решить использование методов протекционизма и такие методы частично применяются западными странами под различными предлогами. Однако массовое использование протекционизма Западом будет означать крах системы мировой торговли, так как ответные меры других стран неминуемо приведут к разрушению механизмов ВТО. При этом Запад потеряет свободный доступ на рынки других стран. А в этом случае реиндустриализация собственных экономик ничего не даст для улучшения положения Запада в системе мировой экономики. Скорее наоборот.

Во-вторых, за последние 20 лет на Западе сложились мощные экономические структуры, замкнутые на страны периферии. Они располагают своими отлаженными бизнесами, крупными капиталами и вполне удовлетворены нынешним положением вещей. Для них изменение модели развития означает подрыв собственных возможностей. Поэтому при любых попытках ужесточить протекционистские шаги против товаров стран периферии или вывоза капитала эти силы начинают использовать свои лоббистские и политические возможности для защиты собственных интересов. Сторонники этих структур сразу же начинают апеллировать к понятным для западных обществ принципам свободы торговли, предпринимательства, частной инициативы, конкуренции и т. п. Это делает борьбу с этими структурами для правительств западных стран довольно сложной. Наиболее подходящим является методика перетягивания этих структур на сторону государства путем предоставления им каких-то льгот, кредитов, заказов. Однако для удовлетворения appetитов всех потенциальных клиентов не хватит никакого государственного бюджета.

Сейчас Запад пытается вводить ограничения на внешне-экономические связи под политическим предлогом используя такие аргументы как борьба с терроризмом, коррупцией, уходом от налогов для того, чтобы ослабить положение конкурентов из других стран. Это, однако, дает лишь точечный эффект и не способно повлиять на развитие мировой экономики в целом. Одним словом, сейчас на Западе сложилась ситуация при которой попытки реиндустриализации явно пробуксовывают.

Еще одним инструментом, который Запад попытался использовать для повышения конкурентоспособности своих экономик, стал курс на понижение стоимости рабочей силы в собственных странах. Чтобы осуществить это под благовидным предлогом, а не путем открытого наступления на права трудящихся, в ход были пущены новые экономические теории — «монетаризма» и экономического рационализма. Целью этой политики был демонтаж модели «социального государства» возникшего на Западе в период конкуренции с коммунистическим проектом. И действительно, со времени «тэтчеризма» и «рейганомики» эта линия усиленно проводилась во многих западных странах, а также в странах Восточной Европы, перешедших в сферу влияния Запада. Однако возможности осуществления такой политики тоже оказались весьма ограниченными. Она вызвала недовольство и сопротивление широких слоев общества, поставивших под удар стабильность всей Западной цивилизации. И хотя уровень жизни на Западе с тех пор несколько понизился, принципиальных изменений в снижении стоимости рабочей силы добиться не удалось. Также как не удалось полностью демонтировать систему социального государства, поглощающую существенные ресурсы государственного бюджета.

В итоге, Западу пришлось покрывать эти расходы путем увеличения государственных заимствований, а также поощрять кредитование населения банками, так как уменьшение реальных доходов домохозяйств вело к падению потребительского спроса

и замедлению экономического роста. Расширение кредитования населения позволяло также решать важный политический вопрос — делать опутанного долгами обывателя более зависимым от работодателей и банков и, в конечном счете, более управляемым. Таким образом, нарастал контроль государства над обществом через экономические механизмы.

Однако наращивать долги государства и домохозяйств до бесконечности было невозможно. Рано или поздно эта пирамида должна была рухнуть. Так и случилось в 2007 году, когда в США лопнул пузырь ипотечного кредитования. Следствием этого стал мощный финансово-экономический кризис 2008 года. Тогда западным элитам удалось купировать его последствия политикой монетарного смягчения, которая на некоторое время оттянула неизбежную развязку. Сейчас западные элиты пытаются осуществить постепенное сдувание долговой пирамиды путем контролируемой инфляции и замораживания роста долгов. Однако это накладывает реальные ограничения на ресурсы для осуществления внешнеполитической экспансии.

Между тем, осуществление внешнеполитической экспансии являлось сердцевиной второго варианта действий, который начал осуществляться западными элитами с начала 2000-х годов. Старт этой политики был положен террористическим актом в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Это событие позволило США раскрутить кампанию борьбы с международным терроризмом, что должно было легитимизировать использование Западом военной силы в различных районах мира. На волне этой кампании первая война против режима «Талибан» в Афганистане была санкционирована ООН. Затем уже США не оглядывались на эту международную организацию. Последовали вторжения в Ирак и Ливию, поддержка исламских боевиков в Сирии, военно-политическое давление на Иран, военное окружение России и Китая. Широкое распространение получил инструмент экономических санкций против неугодных стран, режимов и отдельных политиков.

Для подчинения или свержения строптивых политических режимов стали использоваться инструменты запугивания, силового давления и прямого применения силы, а затем и «цветных революций». В последнее время стали применяться новые формы переворотов, сочетающие «цветные революции», осуществляемые под прикрытием вооруженных боевиков при политической, финансовой и военно-технической помощи Запада.

По существу, западные государства приступили к ликвидации каких либо центров влияния в мире, обладающих независимой международной субъектностью. То есть фактически Запад взял на вооружение доктрину «ограниченного суверенитета», которую в годы «холодной войны» он приписывал СССР.

Однако сохранение в мире нескольких независимых сильных государств, таких как Китай, Россия, Индия, Иран, а также некоторых государств поменьше, но также дорожащих собственным суверенитетом, до сих пор не позволило Западу добиться своих целей. Очень скоро стало очевидно, что для установления глобального доминирования Западной цивилизации элементарно не хватает ресурсов. Даже локальные войны, развязанные в Афганистане и Ираке, вызвали огромные траты государственных средств. В условиях же ослабления западных экономик эти траты сделали весьма обременительными. Что уже говорить о возможности войны с такой крупной страной как, например, Иран?

Таким образом, на данном историческом этапе Западная цивилизация оказалась в положении цугцванга. Без сокращения внешнеполитических обязательств и внешнего военного присутствия совершить маневр ресурсами для повышения конкурентоспособности собственных экономик не представляется возможным. С другой стороны, свертыwanie этих обязательств и присутствия сразу же ослабит возможности Запада диктовать свои условия другим странам и затруднит выгодное для себя решение глобальных экономических проблем. В этих условиях даже удачный маневр ресурсами, скорее всего, не даст желаемого результата.

Между тем, вопрос повышения экономической конкурентоспособности не может быть решен быстро. На это потребуются не менее десяти или двадцати лет. И вовсе не факт, что этот период Западная цивилизация сможет пережить без серьезных потрясений. Ведь конкуренты наступают по всем фронтам, шаг за шагом отвоевывая у Запада контроль над экономическим, политическим и даже идейным пространством мира.

14.2. Сценарии развития человеческой цивилизации

С учетом нынешнего состояния человеческой цивилизации, ее дальнейшее развитие будет в основном зависеть от действий предпринимаемых Западной цивилизацией. Это объясняется тем, что Запад сейчас представляет собой наиболее мощную и активную сторону глобального уравнения. Причем, тупиковая ситуация, в которой оказался Запад, вынуждает именно его действовать инициативно. Инерционный сценарий для Запада не приемлем, так как ведет к историческому поражению.

Что касается других цивилизаций, то как-то существенно повлиять на поведение Запада они не в состоянии. Взятая сама по себе, каждая другая цивилизация слишком слаба, чтобы в одиночку противостоять Западу по всем основным параметрам. Например, Россия и замкнутая на нее Восточно-христианская цивилизация способна противостоять Западу в военном и военно-техническом отношении. Восточно-азиатская цивилизация может противостоять экономически, но не способна противостоять в военной области. Исламская цивилизация давно бросила небезуспешный идейный вызов Западу, но вынуждена обороняться под сильным экономическим и военным давлением.

В то же время степень координации не западных цивилизаций для поиска общих решений мировых проблем еще не

достаточно сильна, чтобы сформировать единую позицию по ключевым вопросам. БРИКС представляет лишь зародыш такой координации. Более того, внутри не западных цивилизаций имеются сильные противоречия и разобщенность. Степень же координации внутри Западной цивилизации намного выше и в последнее время только растет. Поэтому действуя по основным вопросам как единое целое, Запад в состоянии навязывать миру свою повестку дня. Другие же цивилизации, используя свои сильные стороны, могут лишь повлиять на нюансы этой политики и поставить некоторые ограничения действиям Запада. Однако вынудить его полностью изменить курс они не в состоянии.

Таким образом, дальнейшие сценарии развития ЧЦ будут зависеть от того, какую модель поведения выберут элиты западных стран. Таких моделей сейчас может быть всего две — модель кооперации с остальным миром или модель конфронтации, направленная на подчинение других цивилизаций своим интересам. Соответственно, можно теоретически предположить два сценария развития ЧЦ — кооперационный и конфронтационный. В то же время вероятность этих двух сценариев не равнозначна. Первый сценарий гораздо менее вероятен, чем второй.

14.2.1. Кооперационный сценарий развития человеческой цивилизации

Кооперационный сценарий предполагает, что Запад сконцентрируется на поиске внутренних резервов для повышения конкурентоспособности своей экономики. При этом во внешней политике он ограничит свои притязания разумными пределами, откажется от однополярной модели и попытается найти достойное место в полицентричной системе международных отношений. При этом запад признает принцип многообразия мира и право других цивилизаций на самостоятельное развитие на базе собственных ценностей.

Это будет означать свертывание военного присутствия США и их союзников в различных районах мира, не имеющих решающего значения для безопасности Запада. Ответственность за эти регионы де факто или де юре перейдет к крупным региональным державам. При этом будут заключены важные соглашения с ключевыми не западными державами по вопросам региональной безопасности, контролю над вооружениями, ограничению военной активности, а также договоренности по разделению ответственности в деле проведения миротворческих операций и поддержания международного правопорядка в различных районах земного шара.

На глобальном уровне произойдет интеграция наиболее крупных стран периферии в процесс принятия решений по вопросам мировой экономики. Будет проведена реальная реформа МВФ, призванная повысить там роль не западных стран. Появятся новые мировые резервные валюты, усилится роль региональных экономических объединений. ООН в своей деятельности будет все больше опираться на региональные структуры безопасности. То есть многополярная модель мира возникнет не только де факто, но и будет признана де юре.

Удастся ли Западной цивилизации сохранить ведущую экономическую роль в рамках данного сценария? Некоторые экономисты полагают, что теоретически это возможно. Так, например, советник президента России, академик РАН С. Ю. Глазьев считает, что ключом к выходу Запада из нынешнего экономического кризиса мог бы стать переход к шестому технологическому укладу. В своем докладе «Политика экономического роста в условиях глобального кризиса» он утверждает, что «качественный скачок и выход на очередную длинную волну экономического роста произойдет после завершения структурной перестройки ведущих экономик мира на основе нового технологического уклада, ожидаемого в середине следующего десятилетия»⁴.

⁴ <http://www.glazev.ru/>

По мнению Глазьева, структура шестого технологического уклада будет выглядеть следующим образом.

«Ключевой фактор: нанотехнологии, клеточные технологии и методы геной инженерии, опирающиеся на использование электронных растровых и атомно-силовых микроскопов, соответствующих метрологических систем.

Ядро: наноэлектроника, молекулярная и нанофотоника, наноматериалы и наноструктурированные покрытия, оптические наноматериалы, наногетерогенные системы, нанобиотехнологии, наносистемная техника, нанооборудование.

Несущие отрасли: электронная, ядерная и электротехническая промышленности, информационно-коммуникационный сектор, станко-, судо-, авто- и приборостроение, фармацевтическая промышленность, солнечная энергетика, ракетно-космическая промышленность, авиастроение, клеточная медицина, семеноводство, строительство, химико-металлургический комплекс».

Глазьев подчеркивает, что «при любом из сценариев экономического подъема возникает на новой технологической основе с новыми производственными возможностями и качественно новыми потребительскими предпочтениями. В результате становления нового, шестого, технологического уклада произойдут существенные изменения в структуре и относительном значении факторов производства».

При этом Глазьев справедливо критикует правительства ведущих индустриальных стран, в том числе и России, за недостаточное внимание к вопросам технологического развития. По его словам, существующие программы монетарного стимулирования экономик «должны быть дополнены программами стимулирования роста нового технологического уклада, подъем которого только и может создать новую длинную волну экономического роста». «Переход к новому технологическому укладу требует крупномасштабных инвестиций в освоение составляющих его технологий и модернизацию экономики на их

основе. Потребность в таких инвестициях обычно существенно превышает возможности существующих финансовых институтов, многие из которых сталкиваются с обесценением капитала и терпят бедствие в условиях структурного кризиса, опосредующего замещение технологических укладов. В этих условиях многократно возрастает роль государства», — отмечает он.

В рассуждениях Глазьева, безусловно, имеется рациональное зерно. Теория длинных экономических циклов подтверждается историческим опытом, а смены технологических укладов, действительно, сопровождаются экономическим ростом. Но это относится к мировой экономике в целом и никак не отменяет закона неравномерности развития отдельных государств и цивилизаций. То есть мировая экономика в целом может расти, в то время как отдельные государства или группы государств могут находиться в стагнации или расти гораздо медленнее других. Соотношение экономических потенциалов государств постоянно меняется. Когда то Англия была «мировой фабрикой», затем эта роль перешла к США, а сейчас к Китаю. Между тем, прошло уже более двухсот лет и поменялось несколько технологических укладов.

Поэтому нет никаких оснований предполагать, что переход к новому технологическому укладу как то принципиально повлияет на тенденцию мирового развития, ведущую к понижению доли Западной цивилизации в мировой экономике. Это объясняется несколькими причинами. Прежде всего, такой переход в ближайшие 15 лет не представляется возможным. Технологии шестого уклада еще не находятся на надлежащей стадии развития, чтобы стать основой экономики западных стран. Обычно от разработки новых технологий до их массового коммерческого применения проходит несколько десятков лет, а то и больше.

При этом вовсе не факт, что новые технологии вытеснят все основные традиционные производства. Здесь могут быть разные варианты. Так изобретение автомобиля почти полностью вытеснило конную тягу. Но вот появление авиации вовсе не

упразднило железнодорожный и морской транспорт. Интернет не ликвидировал телевидение. Изобретение атомной энергии помогло потеснить уголь в энергобалансе различных стран, но вовсе не привело к полному прекращению его добычи. Примечательно, что Глазьев в своем описании шестого технологического уклада назвал в качестве его «несущей» основы те отрасли, которые уже стали традиционными. А эти отрасли уже всю развиваются в большинстве новых индустриальных стран.

Более того, основные товары, в которых нуждаются люди, вовсе не относятся к шестому технологическому укладу — пища, напитки, одежда, обувь, строительные материалы, мебель и многое другое, требуемое в повседневной жизни. Даже если предположить, что некоторые из этих товаров смогут быть произведены на базе шестого технологического уклада, то вовсе не факт, что потребитель, сделает выбор именно в пользу этого более современного, но также и более дорогого товара.

А ведь товары на основе новых технологий на первоначальном этапе их коммерциализации достаточно дороги. Удешевить их может только массовое производство, для которого нужны открытые рынки других стран. Поэтому неизбежно возникнет жесткая конкуренция с традиционными товарами стран периферии. Между тем, для поддержания свободы мировой торговли Запад не сможет идти на закрытие своих рынков для товаров из других стран. Таким образом, продукция нового технологического уклада на первых порах сможет занимать лишь нишевое положение в мировой экономике, в то время как основная продукция массового спроса будет все более сосредотачиваться в странах периферии.

К тому же, сохранить контроль над технологиями шестого уклада, имеющими гражданское назначение, запретив их переток в другие страны, будет достаточно сложно. В условиях свободы перемещения информации и свободы передвижения ученых и специалистов многие технологии смогут перетекать в страны периферии явочным порядком на коммерческой

основе. Перейти же к системе закрытого общества будет значить подорвать всю ту основу, на которой сейчас стоит мировая и, прежде всего, сама западная экономика.

Примечательно, что сам же Глазьев отмечает в своем докладе, что «на волне роста пятого технологического уклада поднялись новые индустриальные страны, сумевшие заблаговременно создать его ключевые производства и заложить предпосылки их быстрого роста в глобальном масштабе». Следовательно, эти страны воспользовались многими передовыми технологиями своего времени, разработанными, прежде всего, на Западе. Поэтому нет никаких оснований утверждать, что переход к шестому технологическому укладу будет прерогативой одних лишь западных стран. И Китай, и Индия, и Россия, и Япония, и новые индустриальные страны Азии неминуемо примут участие в этом процессе.

Конечно, у Запада остается определенное стартовое преимущество в научно-технической области, но это касается далеко не всех передовых технологий. Тем более, в технологической гонке успех не всегда определяется линейными процессами. Многое зависит от таланта людей,двигающих научный прогресс. Опыт ядерной, ракетно-космической и авиационной отраслей СССР — наглядное тому подтверждение.

Таким образом, даже ускоренное внедрение западными государствами технологий шестого технологического уклада (чего сейчас не происходит) не сможет в перспективе 15–30 лет переломить тенденцию мирового развития, ведущую к сокращению доли Запада в мировой экономике. В этих условиях выбор западными элитами кооперационного сценария выглядит весьма сомнительным, даже с учетом тех новых возможностей, которые открывает переход к шестому технологическому укладу.

И вообще согласие Запада на добровольное самоограничение с учетом исторического опыта представляется малореальным. А без таких самоограничений внутренний маневр ресурса-

ми не может быть осуществлен. Тем более, на практике элитам Запада будет очень сложно договориться, за счет чьих доходов будет происходить переход к новой системе международных отношений. Именно поэтому на Западе сейчас возобладала линия на продолжение силовой политики, что неуклонно подталкивает развитие мировой цивилизации по конфронтационному сценарию.

14.2.2. Конфронтационный сценарий развития человеческой цивилизации

Конфронтационный сценарий означает, что Запад продолжит политику построения однополярной мировой системы с опорой на свое военное и научно-техническое преимущество. В рамках конфронтационного сценария Запад будет стремиться к достижению абсолютного военного превосходства над ключевыми державами других цивилизаций. Целью этой политики является приобретение возможности использования силы в любых регионах и против любого оппонента, не опасаясь получения «неприемлемого ущерба» ответными действиями другой стороны. Достижение этой цели позволило бы Западу принуждать страны других цивилизаций к проведению политики, отвечающей интересам Западной цивилизации, в том числе в экономической области.

Обладая положением «абсолютной силы», Запад смог бы перераспределять в свою пользу мировой прибавочный продукт таким образом, что это подпитывало бы его военную мощь безотносительно собственной роли в мировой экономике. Любые попытки того или иного государства или группы государств, даже с высоким уровнем экономических возможностей, поставить под сомнение этот новый мировой порядок, неминуемо подавлялись бы. Для этого использовались бы самые разные методы силового давления, включая как прямую военную агрессию, так и экономические санкции, блокаду, бесполетные зоны и прочее. Одним словом, образование новых независимых

центров силы, способных бросить вызов господству Запада, было бы исключено или, по крайней мере, чрезвычайно затруднено. Исторический опыт показывает, что подобные системы могут существовать достаточно долго — несколько столетий.

Конфронтационный сценарий неминуемо приведет к раскручиванию нового витка гонки вооружений. Впрочем, ресурсные ограничения будут вынуждать Запад направлять эту гонку в военно-техническое русло. А достигнуть в этой области быстрой и уверенной победы будет сложно. Хотя нельзя исключать, что будет предпринята новая попытка создания фантомной угрозы, чтобы выдать ее за настоящую и заставить противника капитулировать (как это было в период осуществления программы СОИ). Однако понятно, что строить свою стратегию только на этом Запад не будет. Поэтому наряду с виртуальной составляющей, Запад будет осуществлять реальные и достаточно серьезные военные разработки, направленные на то, чтобы добиться решающего военно-технического превосходства, прежде всего над Россией и Китаем.

Запад будет также стараться использовать геополитические плацдармы и создавать выгодные для себя региональные балансы сил, чтобы ослабить наиболее влиятельные государства других цивилизаций. Для этого он будет укреплять и расширять систему военных союзов в ключевых точках мира. С этой целью будут разжигаться и эксплуатироваться противоречия между государствами других цивилизаций, например, между Японией и Китаем, Индией и Пакистаном, Ираном и Саудовской Аравией, Россией и Украиной и так далее.

В области экономики Запад будет стремиться не допустить (или ограничить) равноправное участие крупных развивающихся экономик в принятии решений по ключевым экономическим вопросам. Основные усилия будут направлены на то, чтобы сохранить нынешнюю финансово-экономическую систему, опирающуюся на две западные резервные валюты — доллар и евро, а также на международную сеть западных банков.

Запад будет также препятствовать развитию процессов региональной экономической интеграции (кроме тех, в которых участвуют сами западные страны) или будет стремиться подчинить эти региональные группы своему влиянию прямо или косвенно. Активно будут применяться методы экономических и других санкций, чтобы ограничить экономический рост и влияние конкурентов.

Ключевым элементом западной политики будет оставаться использование инструментов «мягкой силы» с целью дестабилизации и развала других государств, смещения неугодных режимов, либо подчинения их правительствам диктату Запада. При этом арсенал этих инструментов будет постоянно расширяться, включать новые методы и формы. Однако в основе этой методики будет по-прежнему лежать информационное воздействие на общество той или иной страны наряду с подкупом части элиты и политического класса при одновременном запугивании, шантаже и дискредитации политического руководства и той части элиты, которая не согласна с прозападным курсом.

В контексте использования «мягкой силы» все большее место будет приобретать борьба ценностей. Экспансия своих ценностей важна для Запада тем, что она делает другие общества более податливыми для западного влияния и более управляемыми. Как показала практика, западная модель, пересаженная на почву других цивилизаций, не дает нужного результата. Эта модель создает в иных обществах экономическую и политическую систему, сильно отличающуюся от западной. И если в странах Восточной Европы западная модель в целом прижилась, то уже на постсоветском пространстве возникли общественные системы, несколько отличающиеся от западной. Схожая ситуация возникла и в странах Латинской Америки. Еще большие отличия имеют место в исламских государствах, формально принявших западную модель. А в Африке продолжает господствовать традиционный трайбализм, облеченный в демократические одежды.

Сейчас уже очевидно, что унифицировать человечество по западному образцу на основе одной лишь идеологии не возможно, а следовательно и управлять человечеством из одного западного центра тоже не возможно. Ведь управлять системой, компоненты которой по-разному реагируют на одни и те же вводные, не реально. Это и подтолкнуло Запад к началу масштабной программы внедрения своих ценностей в общества других цивилизаций. Для ее осуществления была создана огромная мировая сеть неправительственных организаций. На государственном уровне ведется активная работа с национальными элитами по их переориентации или подчинению, чтобы принудить их к сотрудничеству в насаждении западного мировоззрения в своих обществах.

Если же Западу удастся навязать свои ценности обществам других цивилизаций, то они признают моральное лидерство Западной цивилизации и попадут от него в зависимость даже без внешнего принуждения. Естественно, при этом суверенитет этих государств будет де факто утрачен, к чему собственно и стремится Запад.

Однако далеко не во всех странах насаждение западных ценностей встречает благосклонный прием, также как и использование инструментов «мягкой силы». Поэтому даже если Запад ограничится только этими механизмами, противодействие стран других цивилизаций этому курсу будет усиливаться.

В любом случае конфронтационный сценарий приведет к нарастанию конфликтности мировой системы. При этом результаты этого сценария могут быть самыми разными — от возможности третьей мировой войны или крупной региональной войны, до сползания человечества к новому изданию «холодной войны». В основе этой новой мировоззренческой схватки будет лежать уже не идеология, а борьба ценностей. При этом новая «холодная война», также как и предыдущая, будет сопровождаться целым рядом локальных войн и внутрисостоятельных военных конфликтов, вызванных этническими и религиозными противоречиями, поощряемыми из за рубежа.

14.3. Кооперационные сценарии развития международной обстановки

В предыдущем разделе были рассмотрены два сценария развития человеческой цивилизации (ЧЦ) — кооперационный и конфронтационный. Причем первый сценарий был расценен как маловероятный, а второй как основной, по которому и следует осуществлять военно-политическое планирование. В то же время, кооперационный сценарий не стоит полностью сбрасывать со счетов. Нельзя исключать, что через, какое то, время в будущем Западная цивилизация, осознав невозможность изменить объективный ход мировых процессов, будет вынуждена отказаться от конфронтационного сценария. В этом случае ей придется перейти к кооперационному сценарию в той или иной форме.

В рамках кооперационного сценария развития ЧЦ возможны, по меньшей мере, три сценария развития международной обстановки. Эти три сценария также имеют разную степень вероятности. Ниже они приведены по мере уменьшения их вероятности. Первый из них можно условно назвать стихийно-кооперационным, второй — кооперационно-договорным, третий — сценарием раскола Запада.

14.3.1. Стихийно-кооперационный сценарий развития международной обстановки

Существо стихийно-кооперационного сценария состоит в том, что Западная цивилизация вынуждена будет де факто согласиться с полицентричной системой мироустройства, но де юре откажется это признавать. На практике это будет означать явный уход Запада из некоторых районов мира, вследствие ресурсных ограничений. При этом контроль над безопасностью этих регионов будет де факто переходить к крупным региональным державам. Запад не будет препятствовать этому

на практике, хотя на словах и будет высказывать возражения, порой довольно резко.

С точки зрения национальных интересов Российской Федерации будет иметь важное значение, какие именно регионы будут рассматриваться Западом как наименее приоритетные — уход откуда будет происходить в первую очередь, а какие — более приоритетные, за присутствие в которых Запад будет цепляться до конца. При этом важнейшую роль в этом будут играть приоритеты именно США, как наиболее мощной страны западного мира, а не ее европейских партнеров. Даже партнерская солидарность не сможет навязать Вашингтону те приоритеты, которые он сам не считает важными.

На глобальном уровне Запад в связи с ресурсными ограничениями откажется от достижения абсолютного военного превосходства над остальным миром. Некоторые дорогостоящие военные программы будут свернуты, количественное наращивание вооружений и вооруженных сил прекратится, возможны даже существенные сокращения военного бюджета. При этом Запад по-прежнему не будет подписывать каких-либо обязывающих соглашений по контролю над вооружениями, в частности по ПРО, по вооружениям и вооруженным силам в Европе, по морским вооружениям, по безопасности в районе Персидского залива или на Корейском полуострове. Такая тактика позволит Западу, с одной стороны, сохранить свободу рук, а с другой — продолжать создавать видимость преобладающей силы с целью оказания психологического давления на конкурирующие страны. Гонка вооружений при этом сценарии, скорее всего, замедлится, а возможно, и вообще прекратится.

В области мировой экономики Запад не будет активно противодействовать линии стран периферии на создание собственных глобальных и региональных экономических структур. То есть, не будет применять в качестве наказания такие инструменты как экономические санкции, блокады и бойкоты. С другой

стороны, Запад будет противиться такому развитию событий менее заметными способами, в частности, пытаться столкнуть другие страны друг с другом, создавать льготы и преимущества для одних и отказывать в преференциях другим. Представители не западных стран будут, по-прежнему отстраняться от равноправного участия в МВФ. Запад будет также отказываться признавать отдельные региональные экономические объединения, в том числе рассматривать региональные валюты как резервные. Другие же региональные объединения — будет стремиться поставить под свое влияние, в том числе введением туда игроков, подконтрольных Западу.

При этом сценарии продолжится борьба ценностей, но методы этой борьбы изменятся. Она переместится в основном в идейную область. Информационно-политические операции будут свернуты, прежде всего, в регионах, которые Запад будет рассматривать как наименьший приоритет. В то же время, в регионах, сохраняющих важное значение для западных интересов продолжится использование всех инструментов «мягкой силы», включая «цветные революции».

14.3.2. Кооперационно-договорный сценарий развития международной обстановки

Согласно этому сценарию Запад пойдет на признание многополярной системы мира не только де факто, но и де юре. Это будет предполагать разделение бремени и ответственности с государствами других цивилизаций за поддержание мира и безопасности в различных регионах. По существу, это будет означать возвращение к старой, проверенной концепции «сферы влияния», которую Запад сейчас категорически не желает принимать. Юридическое оформление этой новой системы будет происходить путем заключения соглашений в области безопасности с ключевыми государствами других цивилизаций, а также путем создания или признания уже существующих структур безопасности, существующих в других регионах.

Например, в отношении Восточной Европы могли бы быть заключены соглашения о не расширении НАТО на Восток и признании постсоветского пространства сферой ответственности ОДКБ. В отношении Восточной Азии США могли бы отозвать свои гарантии Тайваню и Южной Корее, вывести войска из Японии и способствовать заключению между Японией и Китаем договора о взаимных гарантиях безопасности. В этом контексте также возможно признание Западом ядерного статуса Индии и делегирование ей ответственности за поддержание безопасности в Индийском океане и прилегающих территориях.

Естественно, этот процесс не будет одномоментным. На первом этапе Запад будет заключать соглашения только с наиболее солидными игроками, такими как Россия, Китай и Индия. Это само по себе уже позволит Западу сэкономить значительные ресурсы и сосредоточиться на таких важных для себя регионах как Ближний и Средний Восток, Северная Африка и Латинская Америка.

На глобальном уровне Запад пойдет на заключение соглашений в области контроля над вооружениями и разоружения. Будут достигнуты договоренности по системам ПРО. Скорее всего, эта система будет просто свернута или оставлена в зачаточном состоянии. Возможны также дальнейшие соглашения по сокращению стратегических наступательных вооружений, хотя принцип разумной достаточности, вряд ли, приведет к значительному снижению носителей и боеголовок по отношению к нынешнему уровню. Возможно также новое соглашение по вооружениям и вооруженным силам в Европе, а в увязке и в зависимости от него — по ТЯО. С Китаем и Индией США могут пойти на договоренности по ограничению морских вооружений и по сокращению военно-морской деятельности в акваториях, имеющих стратегическое значение для каждой из сторон.

В области экономики Запад согласится на привлечение некоторых ключевых стран других цивилизаций к управлению мировой финансово-экономической системой. Будет проведена

соответствующая реформа МВФ. На место G7 окончательно придет G20. Запад согласится поддержать процессы региональной экономической интеграции и создания соответствующих валютных зон. Доминирующие валюты этих зон станут мировыми резервными валютами наряду с долларом и евро. В частности, могут возникнуть зоны рубля, юаня и золотого динара (для исламских стран). Естественно, за согласие на эти уступки Запад попытается застолбить за собой, какие то, важные позиции в мировой финансово-экономической системе, но при этом будет готов на разумные компромиссы.

Кооперационно-договорной сценарий не сможет отменить борьбу идей между различными цивилизациями, но сможет ввести эту борьбу в цивилизованное русло. Западу придется официально признать право других народов на свои ценности и свой путь развития. Накал информационной войны в этом случае будет снижен. Такие инструменты как «цветные революции» уйдут в прошлое, по крайней мере, в отношении тех стран, которые отойдут в «сферы влияния» других цивилизаций.

14.3.3. Сценарий раскола Западной цивилизации

Данный сценарий предусматривает, что внутри Западной цивилизации на определенном этапе возникнут принципиальные расхождения между ключевыми игроками по поводу дальнейшей стратегии отношений с другими цивилизациями. Причем такие расхождения могут возникнуть по ходу осуществления, как кооперационного сценария, так и конфронтационного. Но поскольку последний в данном прогнозе считается более вероятным, то расхождения возникнут, скорее всего, по вопросу о целесообразности продолжения конфронтации с другими цивилизациями.

Вероятность такого сценария будет возрастать по мере того, как будет становиться очевидным, что издержки конфронтационного сценария чрезмерно велики. В этом случае часть ключевых стран Западной цивилизации может отказаться от

конфронтационного пути и перейти на рельсы стихийно-кооперационного, либо кооперационно-договорного сценариев. Скорее всего, такой раскол возникнет между англо-саксонскими элитами (которые являются более сплоченными и агрессивными) и элитами стран континентальной Европы. Конечно, тут будут возможны самые разные комбинации и предугадать их будущую конфигурацию сейчас не возможно.

Сценарий раскола Запада будет, по существу, означать конец Западной цивилизации в ее нынешнем виде. В этом случае некоторые части этой цивилизации могут начать интегрироваться в состав других цивилизаций. Так, восточно-европейские и южно-европейские страны могут интегрироваться в состав Восточно-христианской цивилизации. Испания и Португалия переориентировавшись на свои бывшие колонии, перейти в состав Латиноамериканской цивилизации. При этом НАТО перестанет существовать, а членский состав Евросоюза претерпит изменения, как по численному составу, так и по уровню централизации. При этом возможно как усиление централизации при уменьшении числа членов, так и ослабление централизации при сохранении нынешнего состава, а тем более при добавлении новых членов.

Теоретически, перспектива раскола возможна и внутри США, где демографический рост латиноамериканского населения опережает все другие этнические группы. В этом случае нельзя исключать раздела США на условно латиноамериканские штаты и штаты с преобладанием европейского населения. При этом штаты с преобладанием европейского населения будут тяготеть к Канаде, а штаты с латиноамериканским населением — к Мексике, то есть к латиноамериканской цивилизации. Возможно, раздел США произойдет на три группы штатов с учетом тех, где будет преобладать афроамериканское население.

Таким образом, ареал Западной цивилизации сузится и будет включать северные штаты нынешних США, Канаду, Великобританию, Ирландию, Францию, страны Северной Ев-

ропы, Германию, Австрию, Швейцарию, Италию, Австралию и Новую Зеландию. В этих условиях Центр влияния Западной цивилизации переместится из Вашингтона либо в Канаду, либо в Австралию, либо вернется в Англию. В проблемной зоне окажутся Финляндия, Польша, Чехия и Венгрия. Они встанут перед выбором — интегрироваться ли в состав Восточно-христианской цивилизации, либо остаться в составе Западной. Причем этот выбор может реализоваться и как ситуационный, в связи с чисто прагматическими соображениями правящих элит и их конкурентов и, следовательно, стать неким типом колебательной траектории.

Впрочем, нельзя исключать, что экономическая интеграция в Европе не будет четко соответствовать цивилизационным границам, также как это имеет место сейчас. Например, возможны широкие соглашения между Евросоюзом и Евразийским Экономическим Союзом о зоне свободной торговли, свободном передвижении людей и капитала, межрегиональном сотрудничестве. В этом случае межцивилизационная граница в Восточной Европе не будет иметь четких очертаний.

В период начала процесса раскола Запада возможно резкое обострение международной обстановки, так как западные элиты, выступающие за сохранение единства Западной цивилизации и продолжение конфронтационной политики, попытаются остановить такое развитие событий. В этом случае будут предприняты попытки «цветных революций» и государственных переворотов в тех странах Евросоюза и НАТО, которые желают изменить свой политический курс. Не исключено даже возникновение внутригосударственных военных конфликтов, которые при определенных обстоятельствах могут привести и к локальному вооруженному конфликту с участием других государств и к региональной войне. Россия должна быть готова к такому развитию обстановки и по возможности иметь силы и средства для воздействия на ситуацию в выгодном для нас направлении.

После того, как ситуация, связанная с процессом раскола Запада стабилизируется, развитие ЧЦ должно будет перейти на рельсы кооперативного сценария. Оставшиеся сторонники конфронтации уже не будут иметь достаточно ресурсов, чтобы как-то серьезно влиять на ход мировых событий, за исключением, конечно, случая развязывания мировой ядерной войны, что стало бы и для них самоубийственным решением.

14.4. Конфронтационные сценарии развития международной обстановки

В рамках конфронтационного сценария развития ЧЦ Запад продолжит курс на сохранение своего доминирования и воспрепятствование созданию многополярной системы международных отношений. Для этой цели будут использоваться самые разные методы, в том числе и военные. Конфронтационный сценарий развития ЧЦ предполагает следующие сценарии развития международной обстановки: сценарий сдерживания, сценарий реванша и сценарий экономического коллапса Запада. Как и в предыдущем случае, они расположены по мере уменьшения их вероятности.

14.4.1. Сценарий сдерживания незападных цивилизаций

Данный сценарий означает проведение политики сдерживания Западом наиболее сильных государств других цивилизаций, на настоящий момент — России, Китая и Ирана. Этот сценарий является переходной формой развития международной обстановки, так как не ведет к какому либо определенному результату. Последствием этого сценария могут быть либо два нижеследующих варианта конфронтационного сценария, либо переход Западной цивилизации к кооперационному сценарию. В то же время сценарий сдерживания может продлиться достаточно долгий период времени и растянуться до 2050 года.

Целью этого сценария является выигрыш времени. Запад рассчитывает, что, получив дополнительное время, он сможет либо перестроить свою экономику таким образом, чтобы вновь обрести экономическое лидерство в мире. Либо путем резкого прорыва в военно-технической области достигнуть решающего военного превосходства над остальным миром. Либо на то, что политика «мягкой силы» успеет в достаточной степени повлиять на общества ключевых стран других цивилизаций, чтобы подчинить их влиянию Западной цивилизации или разрушить их путем разжигания внутренних противоречий.

Этот сценарий может развиваться также долго, как, например, продолжалась «холодная война», растянувшаяся с 1947 по 1990 гг. В случае же, если выигрыш времени не позволит Западу достигнуть ни одной из желаемых целей, ему не останется ничего другого, как перейти к кооперационному сценарию. Либо за это время под влиянием объективных факторов произойдет коллапс Западной цивилизации.

По существу, сценарий сдерживания можно было бы условно назвать «холодной войной — 2». Правда, с тем пониманием, что в основе новой «холодной войны» будет лежать не противоречие идеологии, а конфликт мировоззренческих систем, борьба ценностей между Западной цивилизацией и другими цивилизациями.

Так же как и первая «холодная война», сценарий сдерживания будет означать жесткое идейное противостояние, использование различных элементов «мягкой силы», в том числе информационных войн, а также локальных войн и внутригосударственных военных конфликтов. В ход пойдут также многочисленные средства из арсенала прошлой «холодной войны», включая силовое давление, запугивание, использование диверсионно-террористических методов, государственные перевороты, бойкоты и санкции.

Причем вся эта конструкция будет держаться на военно-политическом балансе, на равновесии стратегических сил обеих

сторон, как на глобальном, так и на региональном уровнях. А локальные войны и внутригосударственные военные конфликты будут направлены на то, чтобы изменить региональные балансы сил в той или иной ключевой точке и тем самым повлиять на общий стратегический баланс сил.

В рамках сценария сдерживания возможны попытки сговора Запада с ключевыми странами других цивилизаций, которые, как уже говорилось, достаточно разобщены, в то время как координация и дисциплина внутри Западной цивилизации держится на высоком уровне. Возможна, например, попытка сговора с Китаем против России или наоборот. Уже сейчас просматривается попытка Запада втянуть Индию в антикитайскую комбинацию. Запад будет также продолжать попытки изолировать Иран, чтобы покончить с ним в первую очередь, как с наиболее слабым из трех основных государств, противостоящих Западу.

В ходе реализации сценария сдерживания гонка вооружений будет носить умеренный характер. Запад будет стремиться не к наращиванию численности вооружений и вооруженных сил и их передовому развертыванию, а к поиску областей, где он сможет достигнуть решающего военно-технического превосходства, опираясь на свой научный потенциал. Нельзя исключать даже заключения каких-то соглашений по контролю над вооружениями, например, по стратегическим ядерным силам, обычным вооружениям, тактическому ядерному оружию. В то же время Запад будет стремиться при помощи этих соглашений так реконфигурировать стратегический баланс, чтобы оппонентам нечем было парировать неожиданный прорыв США и их союзников в той или иной военно-технической области, например, в области ПРО.

Главным направлением стратегии Запада в рамках сценария сдерживания станет воспрепятствование усилению регионального влияния основных незападных держав, прежде всего, России, Китая и Ирана. Запад будет стремиться к тому, чтобы

не допустить втягивания соседних государств в зону экономического и военно-политического влияния указанных трех держав. Для осуществления этой цели будут использоваться дипломатические методы, инструменты «мягкой силы», включая «цветные революции», экономические рычаги, а в случае необходимости и возможности, внутригосударственные и локальные военные конфликты.

В области экономики основные усилия Запада будут направлены на то, чтобы сохранить нынешнюю финансово-экономическую систему, опирающуюся на две западные резервные валюты — доллар и евро, а также на международную сеть западных банков. Запад будет также стремиться, не допустить (или ограничить) равноправное участие крупных развивающихся экономик в принятии решений по ключевым экономическим вопросам. Однако здесь, скорее всего, будет использован селективный подход. Упор будет сделан на полную или частичную изоляцию тех стран, которые, во-первых, представляют наибольшую конкурентную опасность для Запада, а во-вторых, изоляция которых не нанесет критического ущерба западной финансово-экономической системе. Например, экономически изолировать Китай даже частично США не могут. Изолировать Россию они могут частично, а вот изолировать Иран могут полностью.

Запад будет также препятствовать развитию процессов региональной экономической интеграции (кроме тех, в которых участвуют сами западные страны) или будет стремиться подчинить эти региональные группы своему влиянию прямо или косвенно. Активно будут применяться методы санкций и бойкотов для того, чтобы ограничить экономический рост и влияние конкурентов.

Ключевым инструментом сдерживания будет использование «мягкой силы» в сочетании, когда это необходимо и возможно, с использованием обычных силовых методов. Причем, эта политика будет направлена как против ведущих держав

других цивилизаций, так и против союзных и дружественных им государств. Запад будет стремиться воздействовать на общества и, прежде всего, на элиты этих государств, чтобы переориентировать их на западные ценности и включить в орбиту своего влияния. С целью нейтрализации традиционных элит, сторонников незападной ориентации или многовекторности, будут организовываться «цветные революции» или государственные перевороты.

Такие шаги, в случае противодействия другой стороны, будут приводить к внутригосударственным вооруженным конфликтам, в том числе на территории постсоветского пространства и на его границах. При этом Запад будет прикрывать и освящать действия своих сторонников, как бы ужасно они не выглядели с точки зрения человеческой морали. Им будет оказываться дипломатическая, политическая, информационная, пропагандистская и финансовая помощь, а в случае необходимости и возможности, помощь вооружением, военными советниками и наемниками.

Запад также будет использовать существующие и потенциальные этнические и религиозные конфликты в регионах, имеющих важное значение для реализации стратегии сдерживания, в интересах укрепления там своего влияния. С этой целью будет оказываться помощь одной из сторон конфликта, как например, в молдавско-приднестровском конфликте. Поддержав Молдавию против Приднестровья, Запад добился ее втягивания в ассоциацию с Евросоюзом, вопреки, логике экономических связей самой Молдавии, ориентированных на Россию и другие страны СНГ. Тот же самый прием был проделан в Грузии, где Запад поддержал Тбилиси в его конфликте с Абхазией и Южной Осетией. Нельзя исключать, что схожая тактика будет использована и в отношении Нагорно-карабахского конфликта.

Но это — далеко не все. На пространстве СНГ имеются потенциальные национально-территориальные конфликты

между государствами Центральной Азии, которые Запад может попытаться раздуть и использовать в своих интересах. В Восточной Азии Запад успешно использует конфликт между двумя Кореями, между Китаем и Тайванем, а сейчас активизировались усилия по разжиганию территориальных споров между Японией и Китаем, а также между Вьетнамом и Филиппинами и Китаем. В районе Персидского залива продолжается линия на стравливание Ирана с Саудовской Аравией и эмиратами региона, а также с Турцией.

Между тем, такая политика чревата опасным обострением международной обстановки и началом вооруженного локального конфликта с его перерастанием в региональную войну. Причем большинство таких конфликтных точек находится либо на самом постсоветском пространстве, либо на его периферии. Поэтому в некоторых случаях предотвращение или гашение этих конфликтов будет прямой ответственностью России, а в других случаях Москве придется оказывать поддержку одной из сторон конфликта, чтобы не допустить негативного изменения баланса сил в конкретном регионе.

14.4.2. Сценарий реванша Западной цивилизации

Сценарий реванша подразумевает активные действия Запада по кардинальному изменению военно-политического баланса в мире в свою пользу. Такой сценарий может начать осуществляться в следующих случаях: успешное использование Западом «мягкой силы» и подрыв государственности хотя бы одной из двух ведущих незападных держав — России или Китая; достижение решающего военного превосходства над всеми другими оппонентами за счет принципиального прорыва в военно-технической области; развязывания крупного военного конфликта с Россией или Китаем и победы в этом конфликте. В любом из этих случаев Запад сможет выйти на позицию «абсолютной силы», которая позволит ему диктовать условия всему остальному миру.

Внутренняя дестабилизация и развал России позволят Западу получить решающее военное превосходство над Китаем, так как китайские вооруженные силы еще существенно отстают от западных в военно-техническом отношении. Сейчас Россия помогает Китаю заполнить некоторые существенные бреши в своем военном арсенале путем поставок передовых систем вооружений и военных технологий. Крах российской государственности или ее переход под протекторат Запада закроют дорогу в Китай российским вооружениям и военным технологиям. А ликвидировать отставание от Запада собственными силами в ближайшие 15–20 лет Китаю, вряд ли, удастся.

Поэтому, опираясь на свое военное превосходство, Запад сможет принудить Китай к капитуляции, даже не вторгаясь на его территорию. Китай может быть легко отрезан от основных рынков и источников сырья путем военно-морской блокады, особенно в условиях, если территория России окажется под контролем Запада. В этом случае и странам Средней Азии также придется переориентироваться на Запад. Поэтому Китай будет вынужден либо принять условия, продиктованные Западом, либо остаться изолированным от всего мира, слабо влияя на ход развития человеческой цивилизации.

С другой стороны, дестабилизация и развал Китая приведут к существенному повышению экономической роли Запада в современном мире. Причем, не только благодаря коллапсу китайской экономики, но и в связи с переключением на Запад основных производственных, торговых и финансовых цепочек, созданных китайцами в предшествующие десятилетия. В этих условиях российская экономика окажется в весьма уязвимом положении и будет фактически полностью зависима от западных рынков. В такой ситуации возможности Запада использовать экономические рычаги давления на Россию многократно возрастут. Россия окажется перед выбором — либо принять условия Запада, либо перейти к экономической автаркии, свернув до минимума свои внешнеэкономические связи. В то время

как такой вариант развития событий не означал бы неминуемого краха российской государственности, он изолировал бы РФ от основных мировых экономических процессов. Между тем, возможности Запада по навязыванию своей воли другим странам мира существенно возросли бы.

Другим способом реализации сценария реванша стало бы критическое изменение глобального стратегического баланса в пользу Запада, прежде всего, за счет кардинального прорыва в военно-технической области. В то же время, достижение такого результата в нынешних условиях выглядит достаточно сомнительным, так как пока не просматривается принципиально новых видов вооружений, способных критически изменить глобальный стратегический баланс. На любые имеющиеся военно-технические программы Запада можно дать соответствующий адекватный ответ. Наращивание Россией, Китаем и Ираном своего военного потенциала делает реализацию этого варианта весьма маловероятным. Тем не менее, именно на России, как наиболее развитой в военно-техническом плане незападной стране, лежит главная ответственность за предотвращение достижения Западом военного превосходства над другими цивилизациями.

Представляется более вероятным, что делая ставку на военное превосходство, Запад будет использовать сочетание нескольких методов — создание новых систем вооружений будет дополняться стремлением изменить региональные балансы сил. Последние играют важную роль в развитии мировых военно-политических процессов. Это связано с тем, что изменение региональных балансов сил может, в конечном счете, привести к критическому изменению глобального баланса сил.

Значение региональных балансов сил особенно актуально, когда на глобальном уровне существует равновесие (паритет) сил и ни одно государство (или группа государств) не может добиться решающего превосходства над своими оппонентами. В этом случае ведущие игроки стремятся изменить баланс сил

в стратегических точках с тем, чтобы ослабить там позиции своих конкурентов. Вследствие постепенного накапливания таких количественных изменений, глобальный баланс сил может, в конце концов, принципиально измениться.

Достигнуть изменения региональных балансов сил можно двумя способами — путем расширения или создания новых коалиций в тех или иных ключевых регионах, либо путем нейтрализации стран-оппонентов и их союзников. Уже сейчас можно наблюдать действия Запада по укреплению военно-политических союзов в Азиатско-тихоокеанском регионе, направленных против Китая. В Европе США проводят линию по продвижению НАТО на Восток, вовлекая в него новых членов из числа стран постсоветского пространства. На Восток также продвигается военная инфраструктура НАТО, включая системы ПРО. Отчетливо вписывается в эту линию и государственный переворот на Украине в феврале 2014 года, направленный на военно-политическую переориентацию этой страны на Запад.

Между тем, такие попытки Запада добиться изменения региональных балансов сил могут привести к опасным последствиям для стабильности международной системы и спровоцировать начало крупной региональной или даже мировой войны. Так, политический кризис на Украине привел к внутригосударственному вооруженному конфликту, в который могла вмешаться Россия. При нынешнем соотношении военных сил в Восточной Европе вмешательство в этот конфликт стран НАТО не произошло, но при другом соотношении сил такого развития событий нельзя было бы исключить.

В Восточной Азии стремление США образовать коалиции против Китая привело к поощрению Вашингтоном территориальных конфликтов Филиппин, Вьетнама и Японии с КНР. Между тем, эскалация этих конфликтов может привести к втягиванию в военное противостояние не только заинтересованных сторон, но и самих США, а затем и всего региона. Наконец, стремление Запада нейтрализовать Иран, как наиболее силь-

ную и независимую страну исламского мира, может привести к развязыванию против нее полномасштабной войны. Однако в поддержку Ирана могут выступить Россия и Китай, что также может привести к эскалации этого конфликта до уровня региональной или даже мировой войны.

Во всех подобных случаях сценарий реванша окажется успешным, если Запад сможет достичь победы в таких войнах и продиктовать свои условия побежденным. В случае если Запад войну проиграет, то коллапс Западной цивилизации произойдет обвальным путем. Впрочем, эскалация военных действий до масштабного применения стратегического ядерного оружия может закончиться катастрофической «ничьей», когда вся человеческая цивилизация будет отброшена на несколько веков назад.

14.4.3. Сценарий экономического коллапса Западной цивилизации

Данный сценарий может начать развиваться как следствие одного из предыдущих двух сценариев развития международной обстановки. Если Запад будет тратить значительные ресурсы на борьбу с ведущими державами других цивилизаций при том, что его роль в мировой экономике будет постепенно ослабевать, это неизбежно приведет к истощению ресурсов и углублению кризисных явлений. Если же Запад в этих условиях не перейдет к кооперационному сценарию или же не произойдет раскол Запада, то западная экономика неминуемо вползет в глубокий кризис, сопоставимый с Великой депрессией 30-х годов прошлого века.

Коллапс Запада может также возникнуть вследствие мировой финансово-экономической катастрофы. Эта катастрофа может быть даже напрямую не связана с ресурсными ограничениями, вызванными борьбой Запада с другими цивилизациями. Просто внутренние противоречия мировой финансовой системы уже, возможно, достигли такой степени, что ее обвал

неминуем. Однако ситуация настолько сложна и запутана, что предсказать неизбежность такого обвала или возможность его предотвращения не может никто. Тем более, никто не может определить ту точку во времени, когда такой обвал может произойти.

Сценарий коллапса Запада — наиболее сложный с точки зрения возможностей прогнозирования дальнейшего развития ситуации. В этом случае события пойдут по непредсказуемому пути. По существу, он будет означать крах нынешней международной системы, ее хаотизацию. При этом сценарии будут возможны самые разные формы вооруженных конфликтов, начиная от внутригосударственных и локальных военных конфликтов в самом широком географическом диапазоне, до использования ядерного оружия частными армиями и псевдогосударственными образованиями. Будут возможны самые необычные и даже противоестественные коалиции, а также краткосрочные союзы, формируемые на очень короткие промежутки времени для решения утилитарных задач.

Особую опасность будет представлять вопрос о ядерном оружии западных государств, прежде всего США, особенно размещенном за пределами национальных границ. Кто будет заниматься охраной этого оружия? В чьи руки оно может попасть? Например, ядерное оружие США в ФРГ, Турции и Японии может быть приватизировано этими государствами, превратив их в одночасье в ядерные державы. Возможно даже возникновение островных микросоударств, обладающих ядерным оружием, таких как, например, Гуам или Таити. Между тем, активную охоту за обладание ядерным, химическим и бактериологическим оружием могут начать международные террористические организации, преступные синдикаты и даже религиозные секты.

Все это потребует от сохраняющих дееспособность государств каких-то совместных действий для приведения международной системы в упорядоченное состояние. И такие действия могут предполагать использование российских вооруженных

сил, в том числе ядерного оружия, не только по периметру российских границ, но и в отдаленных районах земного шара. Например — в Северной Америке или в Южной части тихого океана.

14.5. Вероятные сценарии развития военно-политической и стратегической обстановки вокруг РФ

Все сценарии развития международных отношений, упомянутые в предыдущем разделе, могут послужить основой для развития различных сценариев ВПО и СО. Причем общее количество таких сценариев может быть достаточно велико. Более того, многие из этих сценариев могут быть очень близки друг другу, и с точки зрения военно-политического планирования эти различия не будут играть существенной роли. По этой причине в данном прогнозе не имеет смысла рассматривать все возможные сценарии, которые теоретически могут появиться при развитии того или иного сценария МО. Многообразие абстрактных сценариев, вероятность которых чрезвычайно мала, только запутает ситуацию.

Реальное военное планирование следует осуществлять на базе наиболее вероятного сценария. Конечно, сценарии, которые являются менее вероятными на настоящий момент, полностью игнорировать не следует. Со временем они могут актуализироваться и обрести большую вероятность, даже стать основными. Но процессы, ведущие к изменению сценария, можно всегда отследить заблаговременно и осуществить соответствующую корректировку прогноза.

Более того, если наиболее вероятный сценарий является к тому же и одним из неблагоприятных, то планирование по нему связано с меньшими рисками, так как корректировка в лучшую сторону требует меньших ресурсов и времени, чем

наоборот. То есть срабатывает известная формула, что планирование по неблагоприятному варианту, как правило, покрывает все потребности умеренного или благоприятного сценария.

В предыдущем разделе в качестве основного, наиболее вероятного сценария развития международной обстановки, был обозначен сценарий сдерживания. По существу, этот сценарий осуществляется Западом уже сейчас. В его рамках возможны различные комбинации военно-политических факторов, от которых в конечном итоге и будет зависеть как длительность этого сценария, так и его результаты. Как уже отмечалось, нельзя исключать, что этот сценарий продлится до 2050 года. При этом такой результат вполне устроил бы Россию, если бы за этот период Запад не смог создать предпосылки для перехода к сценарию реванша.

14.5.1. Сценарий тройного сдерживания

Пока время играет против Западной цивилизации и в пользу других цивилизаций. Рано или поздно Запад будет вынужден перейти к одному из кооперативных сценариев, либо наступит экономический коллапс Запада. Однако Запад будет максимально затягивать сценарий сдерживания в надежде, что в какой-то момент в будущем он сможет переломить мировую ситуацию в свою пользу. В этих условиях важнейшими задачами для России будет не допустить кардинального изменения военно-политического баланса сил в мире в пользу Запада за счет прорыва в военно-технической области, либо за счет принципиального изменения регионального баланса сил в районах, имеющих ключевое значение для общемирового баланса.

Что касается Запада, то его тактика в ближайшей перспективе будет направлена именно на изменение в свою пользу региональных балансов сил. Это объясняется тем, что реальных возможностей совершить военно-технический прорыв в ближайшем обозримом будущем у него не имеется. Даже развитие глобальной системы ПРО, в случае принятия Россией адекват-

ных ответных мер, которые вполне достижимы, не обеспечит Западу решающего военного превосходства. Точно также Западу не удастся изменить к лучшему ситуацию в собственной экономике, и каких-либо перспектив такого изменения пока не просматривается. В этих условиях точечные удары, направленные на изменение региональных балансов сил в ключевых районах являются наиболее эффективным и экономически доступным инструментом.

В контексте этой логики надо рассматривать и переворот на Украине и события в Сирии и Ираке. Все эти события вписываются в один сценарий развития ВПО, который условно можно назвать сценарием тройного сдерживания. Суть этого сценария состоит в том, чтобы остановить (а по возможности повернуть вспять) рост военно-политического влияния трех наиболее сильных и активных держав незападной цивилизации — России, Китая и Ирана.

В условиях ослабления экономической роли Запада и привлекательности его общественной модели эти три страны стали втягивать в свою орбиту соседние государства. Причем, им вовсе не надо прибегать для этого к каким-то силовым рычагам. Сама логика экономических связей, гуманитарных, общественных и прочих контактов подталкивает ситуацию именно в этом направлении. Но соответственно в этих регионах стало уменьшаться влияние Запада. Между тем, данные регионы являются весьма чувствительными с точки зрения интересов Западной цивилизации. Речь идет о Восточной Европе, зоне Персидского залива, Восточной и Юго-Восточной Азии.

Вокруг Москвы стал складываться Евразийский экономический союз, который имеет перспективу втянуть в свою орбиту не только страны постсоветского пространства, но и некоторые соседние государства. Иран стал точкой притяжения для шиитов Ближнего и Среднего Востока, что неминуемо ведет к религиозному расколу монархий Персидского залива и их переходу в той или иной форме под иранское влияние. Продолжение

данной тенденции привело бы к выходу этого энергетически важного региона из под западного контроля. Наконец, реализация Пекином интеграционных инициатив в Восточной и Юго-Восточной Азии в рамках доктрины «Большого Китая» создала реальную угрозу для военно-политических и экономических интересов США и Австралии. Сценарий тройного сдерживания направлен на блокирование этих неблагоприятных для Запада тенденций.

Со своей стороны, Пекин уже достаточно ясно осознал нарастающую активность Запада по противодействию своим интересам в Азии. В этих условиях заинтересованность Китая в поддержке Москвы стала возрастать. В своих отношениях с РФ Пекин будет руководствоваться тем, что его внешнеполитические приоритеты расположены на востоке и юго-востоке, а не на севере или западе. Главным среди этих приоритетов является Тайвань. Далее идут острова Восточно-китайского и Южно-китайского морей, позволяющие контролировать обширную морскую экономическую зону и шельфовые ресурсы морского дна. Китай также ведет линию на реализацию проектов экономической интеграции в Юго-Восточной Азии, которые намерен довести до конца.

Однако осуществление этой масштабной программы займет десятилетия. Особенно если учесть, что Запад стал активно противодействовать планам Пекина. В этих условиях Китай заинтересован в политической и военно-технической поддержке России, так как доступ к западным военным технологиям для него закрыт. Тем более, Китай, также как и Россия, озабочен наличием в некоторых своих провинциях сепаратистских настроений, которые подогреваются со стороны Запада. Это вызывает у китайского руководства опасения возможностью внутренней дестабилизации страны. И в этом вопросе поддержка Москвы для Пекина также важна. Таким образом, в перспективе до 2050 года России следует рассматривать Китай как ситуационного союзника, а не как потенциальную угрозу.

В рамках сценария тройного сдерживания Запад будет использовать комплекс мер, как традиционных для своей внешней политики, так и инновационных. Главным инструментом новой стратегии сдерживания является использование «мягкой силы» с целью подрыва государственности собственно России, Китая и Ирана, а также их союзников, стран тяготеющих к ним и даже государств, пытающихся проводить т. н. «многовекторную политику». Таким образом, речь идет, во-первых, о нейтрализации основных государств-оппонентов и, во-вторых, о создании против них коалиций из числа соседних стран под патронажем Запада.

В арсенале политики «мягкой силы» будут применяться в основном политические средства, хотя и с определенной силовой составляющей. Так, прозападная оппозиция и «пятая колонна» внутри властных структур будет использоваться для организации государственных переворотов и «цветных революций». Как показывают, события в Ливии, Сирии и на Украине, такие перевороты проводятся с участием вооруженных боевиков и затем перерастают во внутригосударственные вооруженные конфликты. В этих конфликтах Запад оказывает поддержку своим ставленникам в той или иной форме, включая авиационное прикрытие, предоставление данных разведки, посылку военных советников, сил спецназа или боевиков частных военных компаний.

Аналогичным образом будут использованы этнические и религиозные сепаратистские организации, представляющие интересы национальных меньшинств. Их целью является разжигание национальной и религиозной вражды с основной частью населения той или иной страны, провоцирование столкновений на национальной или религиозной почве и их перевод в стадию внутригосударственного вооруженного конфликта. События в Сирии, на Украине, в Синьцзян-Уйгурском автономном округе Китая и Северном Иране вполне вписываются в этот сценарий.

Помимо «мягкой силы», предназначенной для применения в основном внутри государств, политика сдерживания предусматривает использование региональных межгосударственных конфликтов для усиления влияния Запада или подрыва влияния оппонентов в том или ином районе мира. С этой целью Запад будет осуществлять поддержку одной из сторон в конфликте в обмен на ее согласие на военно-политическое сотрудничество. Это — наиболее опасная сторона политики сдерживания, так как она чревата возникновением локальных войн, могущих перерасти в крупные региональные войны.

Так, возобновление войны в Нагорном Карабахе сразу же вовлечет в конфликт Россию и члена НАТО Турцию с непредсказуемым сценарием эскалации. Между тем, сейчас отмечается активизация западной дипломатии в плане «обхаживания» Азербайджана с целью вовлечения его в политику НАТО по окружению России. Эти посулы могут спровоцировать Баку на усиление военного давления на Армению и Нагорный Карабах, которое на определенном этапе может выйти из-под контроля.

Аналогичная ситуация складывается и в молдавско-приднестровском конфликте. Возобновление войны Молдовы с Приднестровьем вполне может произойти вследствие впечатления о слабости Москвы и ее неготовности защищать Приднестровье. Кишиневские власти вполне способны развязать такую агрессию при военной поддержке Румынии. В этой ситуации Россия окажется перед сложным выбором — как оказать помощь Приднестровью в случае сохранения у власти на Украине антиросийского режима, который перекроет транзит военных грузов.

Между тем, сдача Приднестровья стала бы крупным геополитическим поражением России, подрывом ее авторитета в мире и на постсоветском пространстве. Надежность России как союзника и гаранта безопасности малых государств Евразии оказалась бы под сомнением. Это создало бы выгодные условия для реализации Западом сценария реванша. Чтобы этого не произошло, России, видимо, придется либо пробивать коридор

через Украину к Приднестровью, либо атаковать Румынию как соучастника агрессии, либо делать и то и другое одновременно.

Формирование на севере Ирака суннитского Исламского государства Ирака и Леванта может в перспективе привести к крупной региональной войне. В будущем нельзя исключать как прямого вторжения ИГИЛ в Иран, так и развертывания им диверсионно-террористической войны на иранской территории, что может вызвать ответный удар Ирана. Может также произойти вступление Ирана в войну на стороне шиитского правительства Ирака против ИГИЛ. Это в свою очередь может втянуть в конфликт Саудовскую Аравию и другие монархии Персидского залива, которые получают поддержку США и Израиля. Нельзя исключать участие в такой войне Сирии, Турции и различных курдских общин региона. Теоретически он может затронуть и Армению, а в случае прямого нападения США на Иран — Россию и Китай.

При всех опасностях, которые несет с собой сценарий тройного сдерживания, он не является самым неблагоприятным для России. Этот сценарий вынуждает Запад расплыть ресурсы и вести борьбу, по меньшей мере, с тремя достаточно сильными оппонентами и их союзниками. И хотя суммарная экономическая мощь Запада на данном этапе значительно превосходит экономическую мощь указанных государств, в военной области между ними сложился стратегический паритет. Более того, в регионах, примыкающих к границам указанных стран, они даже имеют военное превосходство над потенциальным противником. Это делает невозможным для Запада прямое применение военной силы ни против одной из указанных стран.

Даже в районе Персидского залива, где Иран не смог бы противостоять Западу в одиночку, военно-техническая помощь со стороны России или Китая, сразу бы поменяла соотношение сил. И в случае агрессии США и их союзников против Ирана события могли бы развиваться по сценарию Корейской войны 1949–1953 гг. Конечно, в отсутствие формальных союзнических отношений между тремя государствами, оказание военно-

технической и тем более военной помощи Ирану со стороны России или Китая не гарантировано. С другой стороны, это совсем не исключено, с учетом того какие важные интересы России и Китая связаны с сохранением суверенитета Ирана. Поэтому значительная вероятность такой помощи все-таки имеется. И в этих условиях нападение на Иран было бы связано для Запада с большими рисками. Проигрыш в такой войне или даже просто затягивание войны может привести к экономическому коллапсу Запада из-за огромных затрат на ведение войны, значительного роста мировых цен на энергоресурсы и подрыва собственного международного престижа.

Конечно, в идеале противостоять сценарию тройного сдерживания было бы лучше, если бы Россия, Китай и Иран имели бы определенные договоренности о координации действий. Пока это происходит лишь стихийно и не достаточно эффективно. Свидетельством этому является участие России в «группе шести» по ядерной программе Ирана. Между тем, российское присутствие в этой группе лишь придает дополнительную легитимность западной политике в отношении Ирана. Надо заметить, что Китай в этой группе участвует не активно.

Россия же пошла даже на введение экономических санкций против Ирана, апофеозом чего явился запрет на поставку Тегерану систем ПВО С-300, способных существенно повлиять на баланс военных сил в районе Персидского залива. Москва, видимо, сделала это в надежде на то, что Запад оценит такой шаг и ослабит давление на постсоветское пространство. Но случилось наоборот. Запад умело воспользовался этими маневрами российской дипломатии и смог надавить на Иран. В это же время США и Евросоюз вели подготовку к антироссийскому перевороту на Украине. И этот переворот создал серьезную угрозу военной безопасности России. Сейчас Запад пытается повернуть ситуацию в другую сторону, давая определенные авансы Ирану, в то время как против России ужесточаются экономические санкции.

Примечательно, что под воздействием событий на Украине Запад также ослабил давление на Китай. Между тем, еще год назад противодействие китайской экспансии в АТР рассматривалось США как главный военно-политический приоритет. Все это говорит о том, что в рамках реализации сценария сдерживания Запад не в состоянии одинаково сильно воздействовать на всех трех оппонентов. И это подводит к мысли о необходимости координации действий России, Китая и Ирана по противодействию давлению со стороны Запада. Тем более, контрпродуктивными являлись бы попытки перенаправить агрессию Запада на другого партнера. Надо понимать, что поражение Ирана или Китая ослабит российские возможности противодействовать западному сценарию «реванша» и приведет к стратегическому поражению России.

Реализация сценария тройного сдерживания будет вести к определенному усилению западного военного присутствия у российских границ. Происходить это будет как за счет военной экспансии НАТО, так и за счет двусторонних соглашений США со странами постсоветского пространства. Не случайно, сейчас в Конгрессе США рассматривается инициатива о наделении Украины, Грузии и Молдовы статусом военных союзников США. Это позволило бы разместить там американские военные контингенты на двусторонней основе, без формального приема этих государств в состав НАТО.

В целом конфигурация стратегической обстановки на европейском театре должна проясниться после завершения «битвы за Украину». При этом совершенно очевидно, что поражение Донбасса будет означать стратегическую катастрофу для России. В этом случае Запад сможет перейти к сценарию реванша уже в самом ближайшем будущем. Объединенная под патронажем Запада антироссийская Украина коренным образом изменит не в пользу России баланс сил в регионе. Россия окажется скована этой серьезнейшей угрозой и будет вынуждена тратить значительные ресурсы на ее отражение.

Запад, между тем, продолжит экспансию на постсоветское пространство через Грузию, а в перспективе через Азербайджан и далее в Центральную Азию. Причем украинские военные и полувоенные формирования будут играть в этом процессе самую активную роль. Армения в этом случае тоже перейдет в сферу влияния Запада. В итоге Запад сможет окружить Россию с юга, отрезать ее от Ирана и выйти к западным границам Китая, где проживает настроенное сепаратистки мусульманское население. Затем последует уничтожение изолированного Ирана, блокада Китая и массовое вторжение исламских боевиков из Средней Азии и Афганистана в мусульманские районы РФ. Одновременно украинская армия начнет войну за «освобождение» Крыма. Не исключено, что в этой ситуации Япония попытается воспользоваться моментом, чтобы захватить Курильские острова. Россия окажется перед необходимостью ввести войну сразу на три фронта, не считая возможных внутренних выступлений исламских боевиков на Кавказе и в Поволжье. Такой сценарий развития стратегической обстановки поставил бы безопасность РФ под смертельную угрозу.

Таким образом, в настоящий момент стратегическая обстановка на Украине находится в точке бифуркации. Либо Россия победит и предотвратит тем самым переход Запада к сценарию реванша. Либо проиграет и тогда будущее России как государства становится весьма неопределенным. Нынешняя политика руководства РФ, направленная на то, чтобы принудить Запад к переговорам о нейтральном и федеративном статусе Украины, может не дать желаемого результата. Дело в том, что согласие на эти условия будет, по сути, означать поражение Запада. Ведь вся операция затевалась именно для того, чтобы превратить Украину в таран против России, в ударную силу стратегии реванша. А нейтральная федеративная Украина эту функцию выполнять не сможет.

Конечно, в этом случае процесс евразийской интеграции будет в ближайшее время протекать без Украины, но объек-

тивные экономические процессы рано или поздно подтолкнут Киев в сторону Евразийского союза. Время будет играть на Россию, а не на Запад. Вся комбинация по окружению России будет порушена. Без Украины вести масштабные наступательные действия на постсоветском пространстве Запад будет не в состоянии. Поэтому можно ожидать, что американцы будут продавливать свою линию либо военным путем, либо за столом переговоров, пытаясь навязать такие условия урегулирования, которые позволили бы уже в ближайшем будущем перетянуть Украину в западный лагерь. Поэтому для достижения победы на Украине Россия должна перейти от оборонительных действий к наступательным.

Расчеты на то, что украинская власть сама падет, уже в 2015 году под гнетом экономических проблем представляются не достаточно обоснованными. Запад будет подпитывать киевский режим ровно настолько, чтобы его карательный аппарат сохранял дееспособность. В этих условиях данный режим может продержаться достаточно долго. При этом не исключено, что будут меняться лидеры, но русофобский характер режима не претерпит изменений. Этот режим будет продолжать войну на Донбассе до тех пор, пока не победит, либо пока не потерпит военного поражения. Однако ожидать, что ополчение Донбасса сможет самостоятельно победить в условиях, когда Запад оказывает Киеву все увеличивающуюся военную помощь (военные советники, наемники, предоставление развединформации, поставка штурмовиков СУ-25 из бывших государств ОВД) не приходится.

Поэтому для достижения победы на Украине России следовало бы перейти к оказанию донбасскому ополчению серьезной военной помощи, в том числе тяжелой военной техникой, военными специалистами и силами спецподразделений. Это необходимо для того, чтобы переломить ситуацию и начать наступление на другие области Украины. Москве ни в коем случае нельзя ограничиваться Донбассом, так как это не позволит

решить две важнейшие стратегические проблемы — восстановить надежные сухопутные коммуникации с Крымом и получить гарантированный выход к Приднестровью.

Поэтому помимо, Донецкой и Луганской областей в новое государственное образование «Новороссия» должны войти, как минимум, Херсонская, Запорожская, Николаевская и Одесская области. Воевать, (во всех смыслах) за остальную часть Украины не обязательно. На это имеется три причины. Во-первых, удерживать под контролем столь обширную территорию, где значительная часть населения настроена антироссийски будет не легко. Во-вторых, это будет очень обременительно экономически. В-третьих, это не даст каких-то весомых стратегических преимуществ регионального или трансрегионального уровня.

Новороссия, обладающая серьезным экономическим потенциалом и выгодным географическим положением, стала бы мощным противовесом киевской Украине. Это значительно улучшило бы стратегическое положение РФ даже в случае размещения на киевской Украине воинских контингентов НАТО. В такой стратегической конфигурации наговская группировка оказалась бы под фланговым ударом как со стороны Новороссии, так и Белоруссии, ее растянутые линии снабжения стали бы весьма уязвимыми. Размещать в таком потенциальном котле крупные силы, вряд ли, было бы целесообразно. Но главное, Западу пришлось бы вкладывать огромные деньги в поддержание наплаву экономически несостоятельной части Украины, что в условиях экономических трудностей на самом Западе было бы достаточно проблематично. Поэтому военное присутствие на киевской Украине стало бы для Запада «пирровой победой».

Создание Новороссии не приведет к военному конфликту между НАТО и Россией, так как НАТО не располагает сейчас достаточными военными силами для войны с Россией в Европе. Развертывание таких сил потребует значительного времени. Поэтому начинать в войну из-за Украины, не являющейся членом НАТО, Запад не будет. В то же время данный сценарий

приведет к жесткой политической конфронтации России с Западом и введению против российской стороны самых разнообразных санкций. Эти санкции, однако, не смогут подорвать экономику России, хотя и нанесут ущерб интересам различных олигархических групп, ориентированных на Запад. Часть этих кругов может стать финансовой базой антиправительственного заговора. Однако такой заговор с учетом победы России на Украине и всеобщей поддержки президента РФ населением страны, будет обречен на провал.

Конечно, данный сценарий приведет к существенному наращиванию военных сил НАТО в странах Восточной Европы, прежде всего в Польше и Румынии. Но это наращивание и так уже идет и в последние месяцы активизировалось. Более того, эффект от такого наращивания будет полностью перекрыт созданием Новороссии и ее включением в российскую зону безопасности, а также размещением на ее территории российской военной группировки.

Появление американских войск в Польше может быть перекрыто размещением российского воинского контингента в Белоруссии и усилением группировки в Калининградской области. Что касается стран Прибалтики, то готовность Запада разместить там крупные военные базы представляется маловероятной, так как география региона делает эти базы скорее заложником, чем плацдармом. Поэтому можно ожидать, что в Прибалтике будут находиться в основном разведывательные контингенты и некоторые силы для подавления выступлений местного русского населения.

Главная проблема для Запада состоит в том, что он не сможет держать одинаково крупные контингенты одновременно против России, Китая и Ирана. Особенно, если ему придется «затыкать дыры» где-нибудь в Латинской Америке и Африке. Поэтому при создании военных группировок Западу придется распылить наиболее боеспособные — американские и английские войска, и в гораздо большей степени полагаться на войска

союзников и сателлитов. При этом встает вопрос о готовности стран Центральной и Восточной Европы существенно нарастить собственные воинские контингенты и тратить значительные средства на оборону в условиях неблагоприятного экономического положения и роста социального недовольства. Например, желание Германии существенно увеличить собственную армию, а тем более выдвинуть ее к российским границам пока вызывает серьезные сомнения. Соответственно и степень военной угрозы для России при таком сценарии не будет критической и может быть парирована даже наличными силами и средствами.

Размещение натовских войск в Грузии, по данному сценарию, представляется маловероятным. Грузины поймут, что возможности НАТО оказывать силовое давление на Россию ограничены, и альянс не будет полезен Тбилиси в деле возвращения Абхазии и Южной Осетии. Конечно, Тбилиси может рассматривать натовские или двусторонние американские гарантии безопасности как некий политический бонус. Но превращать свою страну в антироссийский плацдарм на Кавказе, без каких-то существенных дивидендов для самой Грузии нынешнее руководство Тбилиси вряд ли захочет.

С другой стороны, в США и тем более в целом в НАТО также имеются серьезные сомнения в целесообразности дислокации своих войск в Грузии. Ведь находясь под зонтиком НАТО или США, Тбилиси может изрядно осмелеть и по своему собственному почину начать очередную войну с Абхазией и Южной Осетией. В этом случае западный воинский контингент в Грузии, даже помимо своей воли, будет в эту войну втянут. И тогда НАТО окажется в состоянии войны с Россией по столь малозначительному поводу. Трудно себе представить, что руководители западных государств были бы заинтересованы в таком развитии событий.

К тому же, стратегическая выгода от развертывания войск НАТО в Грузии будет минимальной, так как находящаяся там группировка окажется зажата между российскими войсками

в Южной Осетии, Абхазии и Армении. Вести какие-то активные действия в такой стратегической конфигурации, без вовлечения в войну Турции было бы невозможно. Однако, как показал опыт войны в Южной Осетии в августе 2008 года, Анкара вовсе не горит желанием «таскать каштаны из огня» для своих старших партнеров по НАТО.

Другое дело, если Западу удастся перетянуть на свою сторону Азербайджан. В этом случае НАТО получил бы коридор к Каспию и далее в Центральную Азию. Это сразу бы поменяло стратегическую конфигурацию во всем черноморско-каспийском регионе в пользу НАТО. Однако осуществить этот план у Запада пока не получается. Азербайджан учитывает интересы безопасности России и Ирана и не желает обострять отношения со своими мощными соседями. Такой курс Баку не вписывается в стратегию сдерживания. Поэтому можно ожидать нарастание западного давления на режим президента Алиева с целью принудить его к переориентации на НАТО.

В настоящее время Запад пытается перетянуть Баку на свою сторону, делая намеки на возможность урегулирования нагорно-карабахского конфликта на азербайджанских условиях. Одновременно осуществляется запугивание президента Алиева и его окружения различными санкциями за «нарушения прав человека». Можно также ожидать, что уже в ближайшем будущем Запад попытается осуществить в Азербайджане «цветную революцию» и привести там к власти прозападный режим. Однако успех этого мероприятия в случае вмешательства России и Ирана выглядит малореальным.

Что касается Центральной Азии, то Запад продолжит усилия по дестабилизации данного региона. Даже если эти усилия и не приведут к установлению в странах региона прозападных режимов, то его дестабилизация сама по себе создаст серьезные проблемы России и Китаю. Особенно сильный эффект был бы достигнут в случае дестабилизации Казахстана, являющегося членом Евразийского экономического союза. Между

тем, опасность роста нестабильности в Казахстане значительно возрастет в процессе смены власти в стране в связи с предстоящим уходом Назарбаева с поста президента. Если между тремя казахскими жузами не будет достигнута договоренность о преемнике Назарбаева, то дестабилизация рискует пойти по самому неблагоприятному сценарию. Казахстан может начать разваливаться на несколько частей по жузовому признаку. В этих условиях националистические круги Казахстана, подогреваемые Западом, могут начать нападения на русскоязычное население региона. Это приведет к внутрисударственному вооруженному конфликту. Остаться в стороне от этого конфликта Россия не сможет.

По схожему сценарию могут пойти события в Узбекистане, где президент Ислам Каримов должен будет вскоре оставить свой пост. В Узбекистане нет разделения на жузы, но там имеется исламистское подполье, связанное с террористической организацией «Исламское движение Узбекистана». Штаб-квартира этой организации базируется в Пакистане и, скорее всего, имеет связи с западными спецслужбами. Поэтому нельзя исключать, что исламистское подполье воспользуется дестабилизацией в Узбекистане, связанной с процессом смены власти, чтобы поднять вооруженный мятеж, как это произошло в Андижане в 2005 году.

Ситуация осложняется еще и тем, что между Узбекистаном и Таджикистаном имеется латентный национально-территориальный конфликт. И, в случае начала в Узбекистане внутреннего вооруженного противостояния, Таджикистан может попытаться аннексировать Бухару и Самарканд. Все это в конечном итоге может привести к многостороннему локальному вооруженному конфликту. А если в него еще втянутся таджикские и узбекские общины Афганистана, то этот вооруженный конфликт может принять региональный характер.

При всей пагубности такого развития событий для интересов РФ, все же было бы преувеличением утверждать, что дестабилизация Центральной Азии сама по себе способна кар-

динально изменить мировой баланс сил и обеспечить Западу возможность перехода к сценарию реванша. Тем не менее, вооруженный конфликт в Центральной Азии вынудил бы Россию отвлечь значительные ресурсы на его локализацию и прекращение. А это ослабило бы российские возможности в других ключевых регионах и на глобальном уровне. В то же время, подключение Китая к такому урегулированию могло бы значительно снизить российские издержки.

Активные действия двух стран по противодействию западной экспансии в различных районах мира должны быть направлены на то, чтобы убедить Запад в бесперспективности конфронтационного сценария и необходимости перейти к той или иной форме кооперационного сценария. Однако не следует ожидать, что это понимание придет быстро. Даже осознав на определенном этапе неэффективность сценария тройного сдерживания, Запад может продолжить стратегию сдерживания в рамках другого сценария.

14.5.2. Сценарий военно-политического сговора

Существо данного сценария будет состоять в том, что Запад сконцентрирует ресурсы для нейтрализации одного государства-оппонента, а не трех сразу. Или попросту говоря, будет бить противников по одиночке. Если Западу удастся проделать такой маневр, то его шансы на реванш серьезно возрастут.

Примечательно, что некоторое время назад в западной политологической литературе прозвучала мысль о том, что США и Китай могли бы вместе руководить миром. Вероятно, эта мысль обсуждалась в той или иной форме американскими официальными лицами с китайским руководством. Результаты этих обсуждений, естественно, не существуют в публичном доступе. Однако практические действия Китая на международной арене свидетельствуют о том, что он на эту приманку не клюнул. Скорее всего, в Пекине поняли, что это предложение — ловушка, которая со временем сыграет против самого Китая.

Тем не менее, политика Запада, по расколу «евразийского треугольника» будет продолжаться. Скорее всего, Запад, в случае проигрыша на Украине, попытается сконцентрироваться на наиболее слабом звене этого треугольника — Иране. Нейтрализовав Иран, он может затем переключиться на Россию или Китай. Но для успеха такого маневра Западу необходимо будет достигнуть с Россией и Китаем, каких то, договоренностей, которые на время удовлетворят их амбиции. Например, Запад может предложить Китаю свободу рук в отношении островов в Восточно-китайском и Южно-китайском морях, а России — на части постсоветского пространства. В обмен Россия и Китай должны будут закрыть глаза на агрессию Запада против Ирана.

Условия для эскалации ситуации вокруг Ирана до уровня региональной войны уже созданы. В этом плане образование Исламского государства Ирака и Леванта одной из группировок сирийской оппозиции не было случайностью. Отчаявшись свергнуть Асада без прямого военного вмешательства, США, видимо, решили переключить основные усилия на дестабилизацию Ирана. Ведь главная цель для них — именно Иран, а Сирия рассматривалась лишь как плацдарм на подступах к Ирану. Сейчас американцам удалось связать президента Сирии Асада внутренним военным конфликтом, так что помочь Ирану он не сможет. Пока США делают вид, что не имеют к ИГИЛ никакого отношения и даже провозглашают борьбу с ним, но на практике не оказывают правительству Ирака реальной военной помощи в борьбе с этим исламистским образованием.

Однако военная фаза конфликта на Украине затягивается и в этой ситуации США не могут сконцентрировать достаточно сил на Ближнем Востоке, чтобы запустить сценарий дестабилизации Ирана. НАТО приходится наращивать группировку в Европе, так как они опасаются, что действия России могут распространиться на входящую в НАТО Прибалтику и Молдову, что может привести к военному конфликту с членом НАТО

Румынией. Поэтому пока перед ИГИЛ поставлена задача, занять как можно большую территорию и перерезать линии коммуникаций между Ираном и Сирией.

Но после завершения конфликта на Украине американцы вполне могут переключить основные усилия на Иран. Пока же они пытаются дезориентировать иранское руководство, выдавая ему различные авансы по поводу отмены санкций и нормализации отношений. В некоторых западных публикациях Иран стал представляться чуть ли не союзником США в борьбе с ИГИЛ. Такие маневры американской дипломатии свидетельствуют о том, что США еще надеются достигнуть геополитической победы, прежде всего на постсоветском пространстве. Если же им станет очевидно, что сил на это у них не хватает, то они могут предложить Москве некоторые компромиссные договоренности. Причем частью «пакета» США по Украине может быть требование к Москве о невмешательстве в ситуацию, вокруг Ирана.

И России придется определяться, как поступить в данном случае: стоит ли соглашаться на условия США или продолжать поддерживать Иран. Соблазн пойти на условия США будет достаточно велик, но в долгосрочной перспективе это может привести к стратегическому поражению. Вообще в этом вопросе России следует вести очень осторожную политику. Заигрывание Москвы с Западом, как было во время введения санкций против Ирана, может привести к тому, что и в Тегеране, и в Пекине посчитают Россию ненадежным партнером. В итоге Китай и Иран сами могут пойти на сделку с Западом за счет российских интересов. Конечно, было бы противоестественно ожидать от Китая и Ирана, что они пожертвуют своими коренными интересами ради такой сделки. Но они могут прямо или косвенно поддержать политику Запада по изоляции России. Иран, например, мог бы участвовать в масштабных энергетических проектах по снабжению Евросоюза газом и нефтью. А Китай мог бы присоединиться к финансово-экономическим

санкциям против России в обмен на какие-то преференции со стороны Запада.

Такое развитие событий стало бы для России наиболее неблагоприятным. Зато для Запада это был бы самый выигрышный вариант. Запад мог бы рассчитывать на то, что полная изоляция России подорвет ее экономику и вызовет социальный протест, который приведет к внутривнутриполитической дестабилизации, как это уже произошло в 90-е годы. Тогда ослабленная Россия уже не сможет полноценно влиять на мировые события, что позволит Западу реально перейти к сценарию реванша.

Научное издание

Стратегическое прогнозирование
и планирование внешней
и оборонной политики

Том 1

Теоретические основы системы анализа,
прогноза и планирования внешней
и оборонной политики

Коллективная монография

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка *А. С. Туманова*

Подписано в печать 20.02.2015
Формат 60×84¹/₁₆ Усл.-печ. л. 49,7
Тираж . Заказ №

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76